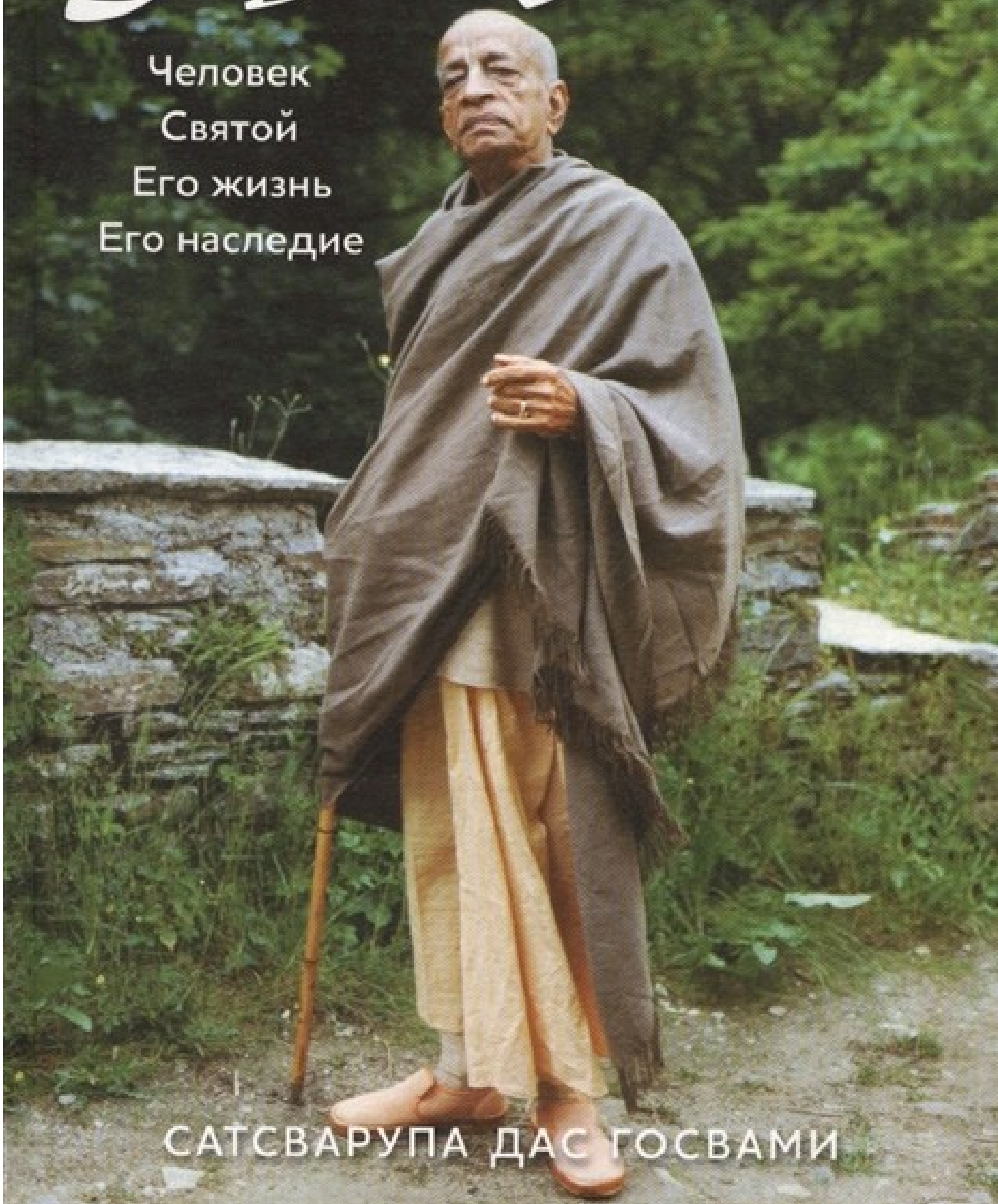

Травхунда

Человек
Святой
Его жизнь
Его наследие

САТСВАРУПА ДАС ГОСВАМИ

Annotation

Биография А. Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады (1896-1977), выдающегося философа и религиозного деятеля, который познакомил современный мир с древней духовной традицией бхакти-йоги.

"Эта биография открывает нам удивительные личные качества Шрилы Прабхупады: его нравственную силу, неподдельное смирение и глубокую религиозность... Мы убеждаемся в том, что сама жизнь Шрилы Прабхупады была воплощением того идеала, к которому он призывал других стремиться. В эпоху всеобщего лицемерия и цинизма его жизнь представляет собой редкий пример для подражания, столь необходимый каждому из нас."

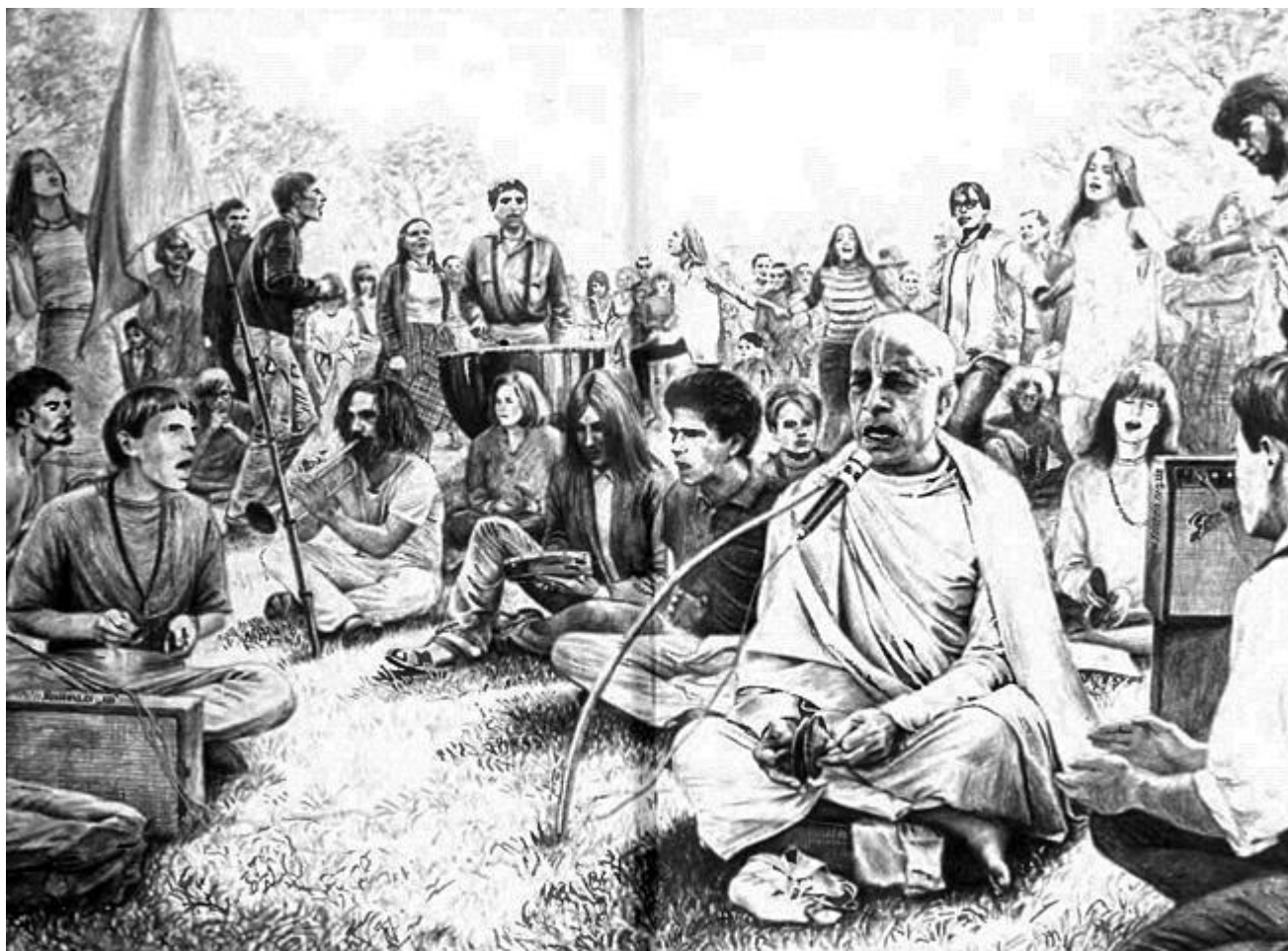
Д-р Стиллсон Джудах, заслуженный профессор, преподаватель истории религии в Тихоокеанском теологическом колледже

- [Прабхупада: Человек. Святой. Его жизнь. Его наследие](#)
- [Введение](#)
- [1 - Борьба в одиночку.](#)
- [2 - Так прорастало семя](#)
- [3 - Вести их мог только он](#)
- [4 - В каждом городе и деревне](#)
- [5 - Здесь будет храм - Часть первая](#)
- [6 - Здесь будет храм - Часть вторая](#)
- [7 - Соединяя два мира](#)
- [8 - Последние наставления](#)
- [Приложения](#)
  - [Об авторе](#)
  - [Бхакти-йога для всех](#)
  - [Мантра-медитация](#)
  - [Основные принципы](#)
  - [Прасад — духовная пища](#)
  - [Как готовить прасад](#)
  - [Как предлагать пищу Кришне](#)
  - [Словарь имен и терминов](#)
  - [Руководство по чтению санскрита](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)

- 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
-

Прабхупада: Человек. Святой. Его жизнь. Его наследие

Ученые о Шриле Прабхупаде

Жизнь Шрилы Прабхупады — лучшее доказательство того, что глашатай истины может оставаться самобытной личностью, и даже в каком-то смысле — я не боюсь этого слова — «оригиналом»... В возрасте, который мы называем преклонным, когда большинство людей почивают на лаврах, он взялся исполнить наказ своего духовного учителя и отправился в трудное и опасное плавание к берегам Америки. Безусловно, Шрила Прабхупада — это один из многих тысяч духовных учителей, но вместе с тем он — единственный из тысяч, а может быть, и миллионов.

Харви Кокс, профессор богословия Гарвардского университета

Не так часто можно встретить столь глубокое и подробное жизнеописание духовного учителя, положившего начало новому религиозному движению, и, наверное, никогда до этого никто не располагал таким количеством свежего фактологического материала для написания подобной

биографии. Те из нас, кто занимается историей религии, будут десятилетиями разрабатывать эту поистине золотоносную жилу.

Доктор Томас Дж. Хопкинс, декан факультета религиозных исследований колледжа Франклина и Маршалла, Ланчестер, Пенсильвания

Эта книга, вероятно, более чем что-либо другое, открывает нам те удивительные личные качества Шрилы Прабхупады, которые породили в сердцах его учеников такое глубокое благоговение и любовь к нему. Будучи человеком огромной нравственной силы, великого смирения и святости, он к тому же обладал подлинной отрешенностью от всего мирского. В отличие от многих других гуру, его современников, он довольствовался самыми скромными условиями жизни, деля хлеб и кров со своими учениками... В эпоху всеобщего лицемерия и цинизма его жизнь являет собой редкий образец для подражания, столь необходимый каждому из нас.

Доктор Дж. Стиллсон Джудах, профессор в отставке, преподаватель истории религии Тихоокеанского теологического колледжа, Беркли, Калифорния

На этих страницах рассказана история жизни пророка и духовного учителя, который видел, в каком хаосе находится нынешняя цивилизация, и старался возродить духовные ценности, противопоставляя их материальным ценностям современного общества, в котором восторжествовал дух потребительства и гедонизма. Эта книга знакомит нас со святым, который одухотворяя существование всех окружающих его людей и давал им не просто абстрактную философию, а целый образ жизни.

Шалиграм Шукла, профессор лингвистики, Джорджтаунский университет

Один из главных уроков, которые вдумчивый читатель извлечет для себя из биографии Бхактиведанты Свами, заключается в сложности и глубине взаимоотношений гуру и ученика. Весь огонь критики со стороны родителей и антикультовых организаций направлен на то, что лидер секты, давая волю своим авторитарным наклонностям, якобы требует от своих последователей беспрекословного повиновения. Принято считать, что лидер секты, движимый какими-то корыстными мотивами (жаждой власти или богатства), подчиняет своей воле других, а безропотные ученики слепо и бездумно исполняют любые прихоти и капризы духовного учителя. Читая биографию Бхактиведанты Свами, мы можем убедиться, насколько глупы и несостоятельны подобные представления. На каждой странице этой книги мы обнаружим свидетельства неподдельной любви молодых людей к человеку, который покорила их своей глубокой верой и смирением, а не властью и

силой. Я призываю всех прочесть это необыкновенно увлекательное жизнеописание.

Доктор Ларри Д. Шинн, профессор религиоведения Оберлинского колледжа, Оберлин, штат Огайо

Уверен, что читатели биографии Свами Бхактиведанты будут очарованы этой книгой. В ней собрано множество фактов, позволяющих понять и увидеть, как росло и развивалось новое для Запада религиозное движение. Собранный здесь фактический материал превосходит по объему все, что нам известно о других религиозных движениях.

Особенно важно то, что эта книга представляет ИСККОН не просто как «новую» религию, которая обосновалась на двух побережьях Североамериканского континента, но как движение, которое уходит корнями в многовековую историю Индии. Это индийское религиозное движение в том смысле, что оно вышло из Индии и продолжает жить и развиваться в Индии в наши дни.

Доктор Роберт Д. Бейрд, профессор истории религий мира теологического колледжа университета штата Айова

Введение

Всемирная слава к Его Божественной Милости А.Ч. Бхактиведанте Свами, впоследствии известному как Шрила Прабхупада, придет после его приезда в Америку в 1965 году. До отъезда из Индии он написал три книги, а за последующие двенадцать лет напишет их свыше шестидесяти. До того, как покинуть Индию, он дал посвящение только одному ученику, а за двенадцать лет после своего отъезда даст духовное посвящение более чем четырем тысячам учеников. До его отъезда мало кто верил, что ему удастся осуществить свою мечту о всемирном обществе преданных Кришны, но в течение следующего десятилетия он создаст Международное общество сознания Кришны, будет руководить его деятельностью и откроет свыше ста храмов по всему миру. До отплытия в Америку Шрила Прабхупада никогда не покидал Индию, но за последующие двенадцать лет он несколько раз объедет мир с проповедью сознания Кришны.

Хотя может показаться, что все, чего достиг Прабхупада, пришло к нему за последние, озаменованные великими духовными свершениями, годы жизни, первые шестьдесят девять лет его жизни были посвящены подготовке к этим свершениям. И хотя для американцев появление Прабхупады и его учения явилось полной неожиданностью — «Он казался джинном, выскочившим из лампы Алладина», — на самом деле Прабхупада был представителем многовековой культурной традиции.

Шрила Прабхупада родился 1 сентября 1896 года в Калькутте и был наречен Абхаем Чараном Де. Его отца, торговца тканями, звали Гоур Мохан Де а мать — Раджани. По бенгальской традиции родители пригласили в дом астролога, чтобы тот составил гороскоп ребенка, и очень обрадовались, услышав благоприятные предсказания. В числе прочего астролог предсказал, что, когда Абхаю исполнится семьдесят лет, он пересечет океан, станет великим религиозным проповедником и откроет сто восемь храмов.

Абхай жил в доме номер 151 на Харрисон-Роуд, в индийском квартале северной части Калькутты. Отец Абхая Гоур Мохан Де принадлежал к аристократической купеческой касте *суварна-ваник*. Он состоял в родстве с богатой семьей Малликов, которые на протяжении нескольких столетий торговали с англичанами золотом и солью. Некогда Маллики также принадлежали к семейству Де, которое вело свою родословную от древнего мудреца Гаутамы, но в эпоху правления Моголов, еще до того как Индия стала британской колонией, один мусульманский правитель пожаловал богатой и влиятельной ветви семейства Де титул Маллик («господин»). Затем, еще через несколько поколений, дочь одного из Де вышла замуж за юношу из семьи Малликов, и с тех пор обе семьи поддерживали между собой тесные связи.

Локанатху Маллику принадлежал целый квартал по обеим сторонам Харрисон-Роуд. Гоур Мохан со своей семьей занимал несколько комнат в трехэтажном доме, который также был собственностью Малликов. Напротив дома семьи Де находился храм Радхи-Говинды, где на протяжении полутора веков Маллики поклонялись Божествам Радхи-Говинды. Часть дохода, который давали их лавки, предназначалась для Божеств и жрецов, совершавших богослужение. Каждое утро перед завтраком члены семьи Малликов шли в храм, чтобы увидеть Божества Радхи-Говинды. На большом подносе они приносили вареный рис, *качаури* и овощи, предлагали все это Божествам и раздавали *прасад* окрестным жителям, которые по утрам собирались в храме. Среди постоянных посетителей храма был и Абхай Чаран, приходивший сюда с матерью, отцом или слугой.

Гоур Мохан был чистым вайшнавом и воспитывал сына так, чтобы тот рос в сознании Кришны. Поскольку родители Гоура Мохана тоже были вайшнавами, он никогда в жизни не притрагивался к мясу, рыбе, яйцам, не пил чая и кофе. Это был человек со светлой кожей, отличавшийся спокойным, сдержанным характером. Вечерами, перед тем как запереть свою мануфактурную лавку, он ставил на пол посреди комнаты миску с рисом — для крыс, чтобы, проголодавшись, они не изгрызли его ткани. Вернувшись домой, он читал «Чайтанья-чаритамриту» и «Шримад-Бхагаватам» (основные священные писания бенгальских вайшнавов), повторял мантру на четках и поклонялся *мурти* Господа Кришны. Мягкий и добрый по природе, он никогда не наказывал Абхая. Даже если порой ему нужно было приструнить сына, он, прежде чем сделать это, приносил ему свои извинения: «Ты — мой сын, и потому я должен тебя наказать. Это мой долг. Даже отцу Чайтаньи Махапрабху приходилось наказывать своего сына, так что не взыщи».

В памяти Прабхупады навсегда осталась картина того, как отец поклонялся Господу Кришне. Он часто вспоминал, как, возвращаясь поздно вечером из лавки, отец садился перед домашним алтарем и с благоговением проводил службу Господу Кришне. «Когда отец начинал *арати*, — вспоминал Прабхупада, — мы уже спали. „Динь-динь-динь“, — звенел колокольчик, и, проснувшись, мы видели, как отец склоняется перед Кришной».

Гоур Мохан хотел, чтобы его сын вырос вайшнавом: он мечтал, чтобы Абхай стал слугой Радхи и Кришны, проповедовал «Бхагаватам» и научился традиционному вайшнавскому искусству игры на *мриданге*. Он часто принимал у себя садху и каждый раз просил их: «Благословите, пожалуйста, моего сына, чтобы Шримати Радхарани послала ему Свои благословения». Когда мать Абхая однажды сказала, что хочет видеть сына адвокатом (а значит, ему нужно будет ехать учиться в Лондон), один из дядьев мальчика решил, что это неплохая идея. Но Гоур Мохан и слышать об этом не хотел — ведь, если Абхай поедет в Англию, он должен будет перенять одежду и манеры англичан. «Там он научится пить вино и волочиться за женщинами, — возражал Гоур Мохан. — А его деньги мне не нужны».

Свой замысел Гоур Мохан начал осуществлять, когда Абхай был еще совсем маленьким ребенком. Он пригласил профессионального учителя игры на *мриданге*, чтобы тот научил Абхая классическим ритмам киртана. Раджани отнеслась к этой затее скептически: «Зачем такого маленького ребенка учить играть на *мриданге*? Какой от этого прок?» Но Гоур Мохан мечтал о том, что его сын будет расти, исполняя *бхаджаны*, играя на *мриданге* и проповедуя «Шримад-Бхагаватам».

Когда Абхай родился, его матери, Раджани, было тридцать лет. Как и ее муж, она происходила из семьи Гаудия вайшнавов. Кожа у нее была темнее, чем у мужа, и, в отличие от спокойного и сдержанного Гоура Мохана, она обладала горячим, вспыльчивым нравом. Абхай видел, что мать с отцом живут в мире и согласии, их дом никогда не сотрясали крупные семейные скандалы и не подтачивало скрытое недовольство родителей друг другом. Раджани была целомудренной и набожной женщиной — идеальной женой в традиционном ведическом смысле, посвятившей себя заботам о муже и детях. Абхай видел наивные и трогательные старания матери оградить его от опасностей своими обетами и молитвами.

Для Раджани, как и для Гоура Мохана, Абхай был любимым ребенком. Но если у отца любовь проявлялась в мягкости к сыну и стремлении обеспечить его успехи в духовной жизни, то у матери она выражалась в попытках оградить его от болезней, опасностей и смерти. Когда Абхай родился, она дала обет есть только левой рукой, до тех пор пока сын не заметит это и не спросит, почему она ест не той рукой. И когда однажды маленький Абхай наконец спросил об этом, она тут же поменяла руку. Для нее это было еще одним залогом того, что с ним ничего не случится; она верила, что ее обет будет защищать ребенка от опасностей, по крайней мере до тех пор, пока он не спросит ее об обете. Мать часто брала сына на берег Ганги и сама купала его в реке. Когда однажды Абхай заболел дизентерией, она вылечила его горячими *пури* и жареными баклажанами с солью. Иногда, заболев, Абхай наотрез отказывался от лекарств; в такие дни он становился особенно упрямым, но его упрямство наталкивалось на непоколебимую решимость матери, которая насильно вливала лекарство ему в рот. Когда Абхай отказывался ходить в школу, отец смотрел на это сквозь пальцы, мать же была непреклонна и даже наняла человека, который должен был водить его на уроки.

подавляющее большинство людей, живущих в Северной Индии, считают Кришну высшим проявлением Бога. По сути дела, такое представление о Кришне соответствует тому, что утверждают священные ведические писания, особенно «Бхагавад-гита» — самое популярное и широко известное из всех ведических произведений. Поэтому естественно, что с самого рождения Абхай рос в атмосфере, насыщенной сознанием Кришны. К тому же его отец был глубоко религиозным человеком. Впоследствии Прабхупада говорил о нем как о «чистом преданном Господа Кришны». Еще до того, как сын научился ходить, Гоур Мохан стал брать его с собой в находившийся неподалеку храм Радхи и Кришны — Радха-Говинда-мандир. Позднее Прабхупада вспоминал

как они с отцом «часами стояли у входа в храм и молились мурти Радхи-Говинды. Божества с их миндалевидными глазами были необыкновенно красивы».

Абхай очень любил ежегодный праздник Ратха-ятра, посвященный Господу Джаганнатхе. Самую большую Ратха-ятру в Калькутте проводил Радха-Говинда-Мандир. На три колесницы ставили Божества Джаганнатхи (Кришны), Баларамы и Субхадры. От храма Радхи-Говинды колесницы катили по Харрисон-Роуд и, пройдя небольшое расстояние, возвращались назад. В этот день священнослужители храма раздавали людям, собравшимся на праздник, огромное количество *прасада* Господа Джаганнатхи.

Ратха-ятру проводят во всех городах Индии, но главная Ратха-ятра, на которую ежегодно съезжаются миллионы паломников, проходит в Джаганнатха-Пури, городе, расположенном в пятистах километрах к югу от Калькутты. На протяжении многих веков в этот день в Пури толпы народа, участвующие в праздничной процессии, в ознаменование одной из вечных игр Господа Кришны везут три деревянные колесницы высотой около пятнадцати метров по дороге длиной три километра. Абхай слышал рассказы о том, как четыреста лет назад на Ратха-ятре в Пури Сам Господь Чайтанья вместе со Своими спутниками танцевал и пел в экстазе мантру Харе Кришна. Порой Абхай заглядывал в железнодорожное расписание или спрашивал, сколько стоит билет до Пури, и мечтал о том, как он скопит деньги и в один прекрасный день поедет туда.

Абхай хотел устроить собственную Ратха-ятру. Для этого ему нужна была колесница, и он, естественно, обратился за помощью к отцу. Гоур Мохан купил ему подержанную игрушечную *ратху* (колесницу) высотой около метра. Вдвоем они сделали колонны и установили на них балдахин, стараясь, чтобы он как можно больше походил на те балдахины, которые украшают большие колесницы в Пури. Абхай привлек к этому занятию друзей, в первую очередь свою сестру Бхаватарини, и сам сразу же стал их лидером. Поддавшись на его уговоры, хозяйки из соседних домов, приятно удивленные, согласились приготовить подходящие случаю кушанья, чтобы на своей Ратха-ятре Абхай тоже мог раздавать *прасад*.

Как и праздник в Пури, Ратха-ятра Абхая продолжалась восемь дней подряд. На праздник собралась вся семья, соседские дети везли повозку, участники праздничной процессии пели, били в барабаны и играли на *караталах*.

Когда Абхаю было около шести лет, он попросил отца, чтобы тот дал ему *мурти*, которому он мог бы поклоняться самостоятельно. С раннего детства он видел, как отец проводил дома *пуджу*, постоянно наблюдал богослужения в храме Радхи-Говинды и думал: «Когда же и я смогу поклоняться Кришне?». Гоур Мохан купил пару маленьких Божеств Радхи-Кришны и подарил их сыну. С тех пор, что бы ни ел маленький Абхай, он сначала предлагал это Радхе и Кришне. Подражая отцу и священнослужителю из храма Радхи-Говинды, он

предлагал своим Божествам масляную лампадку и укладывал Их на ночь спать.

Когда в конце шестидесятых годов Шрила Прабхупада начал проводить большие праздники Ратха-ятры в городах США и устанавливать Божества Радхи-Кришны в храмах ИСККОН, он говорил, что всему этому он научился от своего отца. Единственным, но очень важным аспектом сознания Кришны, о котором он узнал не от отца, была необходимость издания и распространения трансцендентной литературы. Этому он научился у своего духовного учителя, которого встретил позднее, в молодости.

Когда Абхай учился в колледже, отец устроил его женитьбу на Радхарани Датта, дочери торговца, с которым он вел дела. В течение нескольких лет после женитьбы Абхай по-прежнему продолжал жить со своей семьей, а она со своей, поэтому ответственность за содержание семьи легла на него не сразу. Сначала нужно было окончить колледж.

Однако на четвертом курсе Абхай начал сомневаться, стоит ли ему вообще получать диплом. К этому времени он стал симпатизировать национальному движению, которое выступало за национальные школы и самоуправление.

Курсом старше Абхая учился страстный патриот Субхас Чандра Бозе, которому впоследствии предстояло возглавить Индийскую национальную армию, сформированную для того, чтобы покончить с британским владычеством в Индии. Абхай внимательно слушал страстные речи Бозе, призывавшего студентов поддержать движение за независимость Индии. Ему импонировала вера Бозе в духовное начало, его энтузиазм и непоколебимая решимость. Абхая не интересовала политическая деятельность, но ему были близки идеалы движения за независимость. Идеи независимости, *свараджа*, носились в воздухе, и, хотя провозглашать их открыто осмеливались немногие, эти идеи находили отклик в сердцах почти всех студентов, в том числе и Абхая.

Особенно интересовал его Мохандас Ганди. Ганди всегда носил с собой «Бхагавад-гиту» и говорил, что ставит ее выше всех остальных книг. Он отказался от всех дурных привычек, не употреблял алкоголя и других одурманивающих средств, не ел мяса, воздерживался от недозволенных половых отношений. Он жил просто, как садху, и в то же время производил впечатление натуры более цельной, нежели те нищенствующие садху, которых Абхаю часто приходилось видеть в доме своего отца. Абхай читал речи Ганди и следил за его деятельностью. Ему хотелось верить, что Ганди — это именно тот человек, который сумеет соединить духовность с практической деятельностью.

Ганди призывал индийских студентов бросить учебу. Английские школы и колледжи, говорил он, прививают тем, кто в них учится, рабскую психологию и делают их марионетками в руках англичан. Тем не менее диплом колледжа был основой успешной карьеры. Абхай все тщательно взвесил и, сдав в 1920 году экзамены за четвертый курс колледжа, отказался от диплома. Так он выразил свой протест и ответил на призыв Ганди.

После кровопролития в Джалианвалла-Багхе, когда английские солдаты расстреляли сотни безоружных индийцев, участников мирного митинга, Ганди призвал индийцев ко всеобщему гражданскому неповиновению и бойкоту всего британского. Отказавшись от диплома, Абхай стремился стать ближе к движению Ганди за независимость Индии. Отец Абхая очень огорчился, узнав о случившемся, но препятствовать сыну не стал. Будущее Абхая волновало его больше, чем исход политической борьбы в Индии, поэтому с помощью влиятельного друга семьи, доктора Картика Чандры Бозе, он устроил сына на хорошее место. У доктора Бозе, известного хирурга и промышленника фармацевта, в Калькутте было собственное предприятие «Лаборатория Бозе», и он с радостью принял Абхая в свою фирму начальником отдела.

Часто на протяжении всей жизни Шрила Прабхупада будет с глубоким чувством вспоминать первую встречу со своим духовным учителем Бхактисиддхантой Сарасвати Тхакур, которая произошла в 1922 году. Сначала Абхай не хотел встречаться с ним, поскольку так называемые садху, которые были частыми гостями в доме его отца, не производили на него благоприятного впечатления. Но друг Абхая настоял на своем и повел его в Гаудия-матх, где их провели на крышу, к Бхактисиддханте Сарасвати.

Не успели Абхай и его друг почтительно поклониться святому человеку и сесть, как Бхактисиддханта Сарасвати сказал им: «Вы образованные молодые люди. Вы должны проповедовать учение Господа Шри Чайтаньи по всему миру».

Абхая очень удивило, что садху тотчас предложил им проповедовать от его имени. Бхактисиддханта Сарасвати сразу произвел на Абхая сильное впечатление, и, чтобы проверить это впечатление, он решил задать ему несколько каверзных вопросов.

Абхай был одет в белую одежду из *кхади*, что в Индии тех времен свидетельствовало о принадлежности человека к движению за политическую независимость Индии. Поэтому, выступая от имени индийских националистов, Абхай спросил: «Кто станет слушать вашу проповедь учения Чайтаньи? Ведь мы — зависимая страна. Сначала Индия должна обрести независимость. Как можно распространять индийскую культуру, пока нами правят англичане?»

Шрила Бхактисиддханта ответил, что сознанию Кришны не нужно дожидаться перемен в политической обстановке в Индии. «Сознание Кришны не зависит от того, кто стоит у власти. Оно так необходимо человечеству, что мы не имеем права ждать, пока Индия обретет независимость».

Смелость его слов поразила Абхая. В ту пору вся страна бурлила, и, казалось, каждый индиец поддерживал то, о чем говорил Абхай. Многие известные лидеры Бенгалии, многие святые люди, даже сам Ганди — человек образованный и религиозный — могли бы задать садху тот же самый вопрос, подвергая сомнению своевременность того, что он проповедовал.

Однако Шрила Бхактисиддхант утверждал, что все правительства находятся у власти временно; вечной реальностью является сознание Кришны, а нашим истинным «Я» — вечная душа. Ни одна из созданных людьми политических систем не способна помочь человечеству. Это утверждают ведические писания и духовные учителя прошлого. Если мы действительно заботимся о всеобщем благе, то должны подняться над преходящим и готовить людей к следующей жизни, помогая им восстановить свои вечные отношения со Всевышним.

Абхай уже понял, что находившийся перед ним человек не имеет ничего общего с так называемыми садху, которых ему приходилось встречать до этого, и внимательно слушал доводы Шрилы Бхактисиддханты, обнаруживая, что они все больше и больше убеждают его. Бхактисиддхант Сарасвати процитировал на санскрите стих из «Бхагавад-гиты», в котором Господь Кришна призывает людей отказаться от всех прочих религиозных обязанностей и предаться Ему, Верховной Личности Бога. Абхай никогда не забывал о Господе Кришне и Его наставлениях, увековеченных в «Бхагавад-гите», в его семье всегда почитали Господа Чайтанью Махапрабху, миссии которого служил Бхактисиддхант Сарасвати. Тем не менее, услышав такое блестящее изложение этого учения, Абхай был ошеломлен.

Он понял, что потерпел поражение в споре с садху, и тем не менее остался доволен его исходом. Через два часа дискуссия закончилась, и они с другом, спустившись по лестнице, вышли на улицу. То, что Шрила Бхактисиддхант назвал борьбу за независимость несовершенной, преходящей деятельностью, произвело на Абхая сильное впечатление. Он чувствовал себя уже не столько патриотом, сколько последователем Бхактисиддханты Сарасвати. Он также подумал, что было бы гораздо лучше, если бы он не был женат. Этот великий садху просил его проповедовать; он мог бы начать немедленно, но не чувствовал себя вправе бросить семью.

«Какой удивительный человек! — сказал Абхай своему другу. — Учение Господа Чайтаньи находится в надежных руках».

Позднее Шрила Прабхупада вспоминал, что в тот вечер он, в сущности, принял Бхактисиддханту Сарасвати своим духовным учителем. «Не формально, — говорил Прабхупада, — а в сердце. Я понял, что встретил настоящего святого человека».

После первой встречи с Бхактисиддхантой Сарасвати Абхай стал больше общаться с преданными Гаудия-матха. Они дали ему книги и рассказали историю жизни своего духовного учителя. Шрила Бхактисиддхант Сарасвати был сыном Бхактивиноды Тхакура — другого великого вайшнава, учителя в цепи ученической преемственности, восходящей к Господу Чайтанье. До Бхактивиноды учение Господа Чайтаньи было извращено многочисленными лжеучителями, принадлежавшими к различным сектам, которые выдавали себя за последователей Господа Чайтаньи, но на самом деле, каждый по-своему, грубо искажали Его чистое учение. Тем самым они только дискредитировали вишнуизм. Бхактивинода Тхакур, благодаря своему

общественному положению (он был правительственным чиновником высокого ранга) и многочисленным литературным трудам, восстановил авторитет вишнуизма. Он проповедовал, что учение Господа Чайтаньи является высшей формой теизма и принадлежит не какой-то отдельной секте, религии или нации, а всем людям земли. Он же предсказал, что учение Господа Чайтаньи распространится по всему миру, и сам с нетерпением ждал этого дня.

Шрила Бхактисиддханта Сарасвати проповедовал самую суть учения Господа Чайтаньи: он учил, что Господь Кришна является Верховной Личностью Бога и повторение Его святого имени гораздо важнее всех прочих религиозных обрядов и ритуалов. В предыдущие эпохи существовали другие способы постижения Бога, но в век Кали достичь этой цели можно, только повторяя мантру Харе Кришна. Опираясь на авторитет таких священных писаний, как «Брихан-нарадия-пурана» и Упанишады, Бхактивинода Тхакур и Бхактисиддханта Сарасвати особо подчеркивали значение маха-мантры: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Абхаю были известны эти цитаты из священных писаний, он был знаком с философией «Гиты» и знал о мантре Харе Кришна. Но только теперь, увлеченно читая труды великих *ачарьев*, он начал понимать все величие миссии Господа Чайтаньи. Он заново открывал для себя глубины вайшнавского наследия и все глубже осознавал, какое благо оно может принести людям этого века, обреченным на бесчисленные страдания.

* * *

По делам службы Абхай с семьей переехал в Аллахабад; именно здесь в 1932 году он получил духовное посвящение и стал учеником Бхактисиддханты Сарасвати. История последующих тридцати лет его жизни в Индии — это история того, как в нем росло и крепло единственное желание — проповедовать сознание Кришны по всему миру, выполняя волю своего духовного учителя.

Однако семейные обязанности Абхая и его проповедническая деятельность, казалось, вступили в конфликт. Его жена была религиозной дома, но ее никогда не привлекала перспектива работать ради распространения сознания Кришны. Даже когда Абхай собирал у себя дома людей и читал лекции по «Бхагавад-гите», она предпочитала оставаться наверху и пить чай. Однако, несмотря на ее упрямство, Абхай не терял надежды когда-нибудь вовлечь ее в свою деятельность.

Как коммивояжеру одной из фармацевтических фирм, Абхаю приходилось много ездить, особенно по Северной Индии. Он думал, что, если ему удастся разбогатеть, он сможет использовать свои деньги на проповедь, помогая миссии Бхактисиддханты Сарасвати. Эта мысль была для него стимулом в его предпринимательской деятельности.

Абхай был лишен возможности путешествовать со своим духовным учителем или часто видеться с ним, но всегда старался так планировать свои деловые поездки, чтобы приезжать в Калькутту всякий раз, когда там был Бхактисиддхант Сарасвати. Таким образом, за четыре последующих года ему удалось увидеть своего духовного учителя около двенадцати раз.

В споре Шрила Бхактисиддхант Сарасвати мог разгромить любую философию, так что даже его собственные ученики побаивались разговаривать с ним наедине, однако к Абхаю Шрила Бхактисиддхант Сарасвати всегда относился очень благосклонно, несмотря на то что их общение было весьма ограниченным. Позднее Прабхупада вспоминал: «Иногда мои духовные братья осуждали меня за то, что я разговаривал с ним немного фамильярно, и приводили английскую поговорку: „Дураки лезут туда, куда боятся ступить даже ангелы“. Но я думал: „Дурак? Что ж, может быть, но такой уж я есть“. Мой Гуру Махараджа всегда был очень добр ко мне».

В 1935 году, когда Шриле Бхактисиддханте Сарасвати исполнилось шестьдесят два года, Абхай посвятил ему стихотворение и эссе, которые прочел на встрече со своими духовными братьями в Бомбее. Эти сочинения были приняты очень тепло и впоследствии опубликованы в журнале «Хармонист», печатном органе Гаудия-матха. Один из его духовных братьев стал называть Абхая *кави* — «поэт-мудрец», и это прозвище закрепилось за ним. Однако настоящая слава от первого опубликованного сочинения пришла к Абхаю, когда его стихотворение попало в руки к Бхактисиддханте Сарасвати. Это стихотворение доставило ему огромное удовольствие. Одна строфа ему так понравилась, что он показывал ее всем своим гостям:

Абсолют чувствует —
Ты доказал,
Туман майявады
Ты разогнал.

В этом простом четверостишии Абхаю удалось выразить самую суть проповеди своего духовного учителя, острие которой было направлено против философии имперсонализма, и Шрила Бхактисиддхант мог судить по нему, насколько хорошо Абхай понимает своего гурудева. Шриле Бхактисиддханте понравилось также эссе Абхая, и он показал его своим самым близким ученикам. «Печатайте все, что он напишет» — такое распоряжение получил от него редактор «Хармониста».

Одна из самых важных встреч Абхая с духовным учителем произошла во Вриндаване в 1935 году. Абхай был уже не новичком, а настоящим учеником, и по мере возможностей старался помогать миссии своего духовного учителя. Однажды, когда Шрила Бхактисиддхант вместе с Абхаем и несколькими другими учениками гулял по берегу священного озера Радха-Кунда, он поделился с Абхаем своими мыслями. Он сказал, что к его великому огорчению, некоторые из его ведущих учеников перессорились между собой.

Они враждуют из-за комнат и имущества в штаб-квартире Гаудия-матха в Калькутте. Если они уже сейчас начали ссориться, что же будет после смерти их духовного учителя? Абхай не принимал в этих распрях никакого участия и даже не знал всех подробностей происходившего, но слова духовного учителя болью отозвались в его сердце.

Глубоко обеспокоенный, Шрила Бхактисиддхантa сказал Абхаю: «Там будет пожар». Придет время, когда в Гаудия-матхе в Калькутте вспыхнет пожар, и, разгораясь, этот пожар групповых интересов уничтожит все. Абхай слушал и не знал, что сказать. «Хорошо бы, — продолжал Бхактисиддхантa Сарасвати, — снять мрамор, которым облицован храм, и вернуть деньги. Если бы я смог сделать это и на вырученные деньги напечатать книги, было бы куда лучше».

Затем, обращаясь непосредственно к Абхаю, Шрила Бхактисиддхантa Сарасвати сказал: «Я хотел издать несколько книг. Если у тебя когда-нибудь будут деньги — печатай книги». Стоя на берегу Радха-Кунды и глядя на своего духовного учителя, Абхай почувствовал, что эти слова изменили ход его жизни, — «Если у тебя когда-нибудь будут деньги — печатай книги».

* * *

Шрила Бхактисиддхантa покинул этот бранный мир в декабре 1936 года. За месяц до его ухода Абхай написал ему письмо. Он понимал, что, являясь *гривастхой*, не может посвящать все свое время служению духовному учителю, и хотел знать, чем бы мог быть полезен еще. Поэтому Абхай спросил: «Не могли бы вы дать мне какое-нибудь определенное служение?»

Через две недели Абхай получил ответ:

«Я совершенно уверен, что, владея английским, ты сможешь донести наши идеи до людей, которые не знают языков (бенгальского и хинди)... Это принесет благо и тебе, и твоим слушателям. Я очень надеюсь, что ты сможешь успешно проповедовать на английском языке».

В этих словах Абхай сразу увидел то же самое указание, которое получил во время своей встречи со Шрилой Бхактисиддхантой в 1922 году. Он воспринял это письмо как подтверждение некогда полученного им наказа. Теперь у Абхая не оставалось никаких сомнений в том, что является целью его жизни.

«Пожар в Матхе», который предсказал Шрила Бхактисиддхантa, вспыхнул почти сразу же после его ухода. Некоторые из его ведущих учеников начали спорить, кто из них возглавит Матх, и вскоре их споры вылились в тяжбы, на которых они стали делить имущество храмов. Как предприниматель и *гривастха*, Абхай не принимал активного участия в деятельности Гаудия-матха, и теперь это стало его преимуществом. Он стоял в стороне от их споров, но его глубоко огорчало то, что его духовные братья нарушили волю

своего духовного учителя, который хотел, чтобы они действовали сообща, и что созданная Бхактисиддхантой Сарасвати единая сеть храмов и типографий стала разрушаться.

Вскоре вспыхнул другой, куда более сильный пожар — пожар Второй мировой войны. Придерживаясь тактики, получившей название «политики отказа», англичане потопили большую часть индийских грузовых кораблей, перевозивших продовольствие, и уничтожили почти весь урожай риса, собранный в Восточной Индии. Они сделали это из опасения, что продовольствие попадет в руки врага. Тем самым они обрекли индийцев на голод и оставили их без кораблей, необходимых для торговли. Наступивший голод был самым страшным из всех, которые поражали Бенгалию за последние полтора столетия.

Абхаю удалось запастись продуктами в количестве достаточном для того, чтобы его семья смогла выжить, но в течение многих месяцев он видел на тротуарах и пустырях нищих, которые готовили еду на импровизированных плитах и спали по открытым небом или под деревьями. Он видел голодных детей, копающихся в мусорных ящиках в поисках чего-нибудь съестного. Отсюда оставался всего один шаг до драки с собаками за свою долю отбросов, что некоторое время спустя также стало привычным зрелищем на улицах Калькутты.

В наступившем голоде Абхай видел подтверждение слов Шрилы Бхактисиддханты. Бог позаботился о том, чтобы земля давала достаточное количество пищи для всех живущих на ней людей. Причиной возникающих в мире проблем является человеческая жадность и плохое управление. «В мире всего хватает, — говорил Шрила Бхактисиддханта Сарасвати. — Единственное, чего в нем недостает, — это сознания Кришны». Теперь эта духовная истина представлялась Абхаю как никогда актуальной, и он горел желанием применить на практике средство, которое, как он знал, может спасти мир от всех бед и страданий. Уверенный в том, что у него есть что сказать измученным войной людям, он задумал публикацию издания, которое помогло бы им взглянуть на мировой кризис сквозь призму священных писаний. Он хотел обратиться к читателю так же смело и бескомпромиссно, как это делал его духовный учитель. Недостатка в идеях не было, а деньги для этой цели он копил, откладывая часть доходов от бизнеса.

В передней комнате своей квартиры в Калькутте Абхай обдумывал, писал, редактировал и перепечатывал рукопись будущего журнала. Он назвал его «Бэк ту Годхед» («Обратно к Богу»): «Основан и издается господином Абхаем Чараном Де по прямому указанию Его Божественной Милости Шри Шримад Бхакти Сиддханты Сарасвати Госвами Прабхупады».

Однако прежде чем Абхай сумел опубликовать первый номер своего журнала, он был вынужден несколько раз обращаться к правительственным чиновникам за разрешением на бумагу. И хотя его голос терялся среди миллиардов других голосов, и у него не было ни поддержки, ни денег, ни последователей, он непоколебимо верил в своего гуру и в Господа Кришну.

Абхай был убежден в важности возложенной на него миссии, поэтому еще в дни войны, среди взрывов и смертей, выпустил первый номер своего журнала, «ибо подобная литература крайне необходима всему человечеству».

Сороковые годы в Индии были насыщены важными политическими событиями. В 1947 году страна наконец освободилась от английского владычества и обрела долгожданную независимость. Но общее ликование вскоре сменилось ужасом: сотни тысяч людей погибли в вооруженных столкновениях, последовавших за разделом страны на Индию и Пакистан. Впоследствии Прабхупада вспоминал: «В 1947 году мы стали свидетелями индо-мусульманских столкновений. На одной стороне сражались индусы, а на другой — мусульмане. В этих столкновениях гибло множество людей. А после смерти уже невозможно было отличить индуса от мусульманина — муниципальные служащие собирали тела в одну кучу и вывозили их за город».

Абхай не верил в обещания мира, не считал он решением проблемы и независимость Индии. Что может измениться в обществе до тех пор, пока его лидеры не осознают Бога? В статье под названием «Переговоры Ганди и Джинны», опубликованной в «Бэк ту Годхед», он писал: «Войны между индусами и мусульманами, между христианами и христианами, между буддистами и буддистами будут продолжаться до тех пор, пока не наступит конец света». Он считал, что, пока люди одержимы корыстными интересами и стремятся к чувственным наслаждениям, они не перестанут воевать. Подлинное единение возможно только на основе понимания духовной природы всего сущего и служения Всевышнему.

Даже когда Абхаю не удавалось собрать достаточно денег на издание очередного номера «Бэк ту Годхед», он все равно продолжал писать. Самым большим планом, над осуществлением которого он работал, был комментарий к «Бхагавад-гите», но помимо этого он постоянно проповедовал учение Господа Чайтаньи в своих письмах. Он писал многим политическим лидерам, влиятельным знакомым, тем людям, чьи статьи он читал, или тем, на чью деятельность обратил внимание, просматривая газеты. Называя себя их смиренным слугой, он излагал свои взгляды на то, как, обратившись к исконной индийской культуре сознания Кришны, можно разрешить все противоречия. Иногда на его письма приходили ответы правительственных чиновников или их секретарей, но чаще всего их просто игнорировали.

Абхай неизбежно должен был подумать о привлечении к преданному служению Мохандаса Ганди. Благодаря своей подвижнической и высоконравственной деятельности на благо соотечественников, которой он посвятил всю свою жизнь, Ганди имел огромное влияние на умы и души простых людей Индии. Кроме того, Абхай испытывал к Ганди особое чувство, поскольку в юности принадлежал к числу его сторонников. Седьмого декабря 1947 года Абхай написал Ганди длинное письмо и отправил его в Новый Дели. Он знал, что Ганди разошелся со многими из бывших своих соратников, так как те, придя к руководству страной, пренебрегли его идеями индусско-мусульманского единства и курса на традиционный сельскохозяйственный

уклад. Он подвергался нападкам как со стороны индусов, так и мусульман. В свои семьдесят восемь лет он был слаб физически и угнетен морально.

Абхай знал, что Ганди, скорее всего, никогда не получит его письма, но тем не менее решил отправить его. Назвавшись «неизвестным другом» Ганди, он писал: «Как искренний друг говорю Вам, что Вы должны немедленно отойти от активной политической деятельности, если не хотите умереть бесславной смертью». Тепло отозвавшись о добром имени и авторитете Ганди, он тем не менее сказал, что все это окажется иллюзией, если Ганди не сойдет с политической сцены, и не начнет изучать и проповедовать «Бхагавад-гиту». Именно теперь, когда жизнь Ганди подходит к концу, предупреждал Абхай, ему следует отойти от политической деятельности и посвятить себя поискам Абсолютной Истины. Он просил Ганди по крайней мере на месяц отложить все остальные дела и изучать вместе с ним «Бхагавад-гиту».

Абхай так и не получил ответа на свое письмо, а всего через два месяца, 30 января, Ганди настигла смерть. Письмо Абхая двухмесячной давности неожиданно зазвучало как пророчество.

По мере того как Абхай уделял все больше внимания литературной и проповеднической деятельности, его работа и семейные дела шли хуже и хуже. Он чувствовал, что один из стихов «Шримад-Бхагаватам» имеет к нему самое непосредственное отношение. В этом стихе Кришна говорит: «У того, к кому Я особенно благосклонен, Я постепенно отнимаю все, чем он владеет. Тогда друзья и родственники отворачиваются от него, нищего и убогого» — и у него не остается никого, кроме Кришны. Когда предприятие Абхая в Аллахабаде обанкротилось, он попробовал открыть фабрику в Лакхнау. Поначалу новое дело казалось прибыльным, но в конце концов эта фабрика тоже разорилась и ее пришлось закрыть.

Абхай по-прежнему содержал жену и детей, живших на квартире в Калькутте, однако сам большую часть времени проводил вдали от них. Он снова переехал в Аллахабад, но стал уделять торговле лекарствами значительно меньше времени и сил. Его больше интересовала проповедническая деятельность.

Когда один из клиентов Абхая из больницы города Джханси пригласил его выступить с лекцией в Гита-Мандире, он с радостью принял это приглашение. Аудитория в Джханси, которая главным образом состояла из студентов-медиков и местной интеллигенции, тепло приняла его лекцию, однако оценила ее прежде всего с социальной и культурной точки зрения. Эти люди привыкли слушать разных ораторов, которых приглашали выступить с лекциями, однако им и в голову не могло прийти, что Абхай станет пытаться создать в Джханси постоянный центр. Но Абхай был честолюбивым мечтателем. Передав дела в Аллахабаде сыну, он попытался начать в Джханси духовное движение.

Абхаю было уже пятьдесят шесть лет, и он полагал, что ему пора серьезно взяться за исполнение наказа своего духовного учителя. Он сказал одному

своему знакомому в Джханси: «Весь мир, господин Митра, живет в ожидании духовной революции» Из-за непрекращающихся распрей и борьбы за власть, созданный его духовным учителем Гаудия-матх перестал заниматься миссионерской деятельностью, поэтому он решил сам основать общество преданных и вывести его на международную арену. Несмотря на то что у него был всего лишь один или два активных помощника, он приобрел право на владение заброшенным храмом и начал создавать то, что ему представлялось своего рода духовной Организацией Объединенных Наций. Он написал устав и официально зарегистрировал свое движение, назвав его «Лигой преданных».

Пока он занимался этой деятельностью, неожиданно пришла телеграмма о том, что его предприятие в Аллахабаде ограблено. Служащие разворовали его деньги и лекарства., забрав все, что имело хоть какую-нибудь ценность. Прочитав это известие, он не сказал ни слова, а потом рассмеялся и произнес стих из «Бхагаватам»: к искреннему преданном милость Кришны приходит в виде крушения всех его материальных надежд. Когда один из его друзей в Джханси посоветовал ему вернуться в Аллахабад, он ответил: "Нет, нет, все это мне на пользу. Сначала я был расстроен, но теперь вижу, что избавился от одной очень сильной привязанности; теперь я могу полностью предаться Шри Шри Радхе-Кришне и посвятить Им свою жизнь".

Поехав к семье в Калькутту, Абхай окончательно сложил с себя семейные обязательства. В Калькутте у него все еще оставалось небольшое дело, и он отправился туда, чтобы попытаться собрать деньги для своей миссионерской деятельности в Джханси. Но там он волей-неволей вынужден был вновь заняться семейными делами — у некоторых из его детей до сих пор не было своей семьи, нужно было платить за квартиру и оплачивать счета. Даже если он расширит свое дело в Калькутте, семья будет забирать все, что он заработает, и, даже если он уступит требованиям семьи жить дома главная проблема так и останется нерешенной — они не хотят серьезно заниматься преданным служением.

Какой во всем этом смысл, думал он, если они не станут преданными? Его жену и родственников не интересовала проповедническая деятельность Абхая в Джханси, они хотели, чтобы он больше времени уделял бизнесу и семейным делам. Его тесть ворчал: «Почему ты все время говоришь о Боге?» Но, несмотря ни на что, Абхай продолжал собирать у себя дома друзей, чтобы проповедовать им и рассказывать о «Бхагавад-гите», как делал это в Джханси. И, как прежде, жена и другие члены его семьи в это время пили чай в соседней комнате. Позже Прабхупада вспоминал: «Я делал все возможное, чтобы привлечь ее к проповеднической деятельности, чтобы она помогала мне распространять сознание Кришны. Но жена была непреклонна. В конце концов через тридцать лет я понял, что она мне не помощница».

Абхай все время просил жену перестать пить чай — это было не принято в ортодоксальных вайшнавских семьях. Наконец он поставил ей условие: «Ты

должна выбрать между мной и чаем». Жена Абхая шуточно ответила: «Ну что ж, тогда придется отказаться от мужа».

Некоторое время спустя она совершила непростительную ошибку, обменяв его экземпляр «Шримад-Бхагаватам» на печенье к чаю. Когда Абхай вернулся домой и стал искать священную книгу, жена призналась ему в этом. Абхай был потрясен. Это событие стало последней каплей, переполнившей чашу его терпения. Настроенный как никогда решительно, он окончательно порвал отношения со своей семьей и оставил занятия бизнесом.

Пятидесятые годы были для Абхая очень трудным временем. Он вернулся в Джханси, но ему пришлось расстаться со своим зданием, поскольку жена губернатора настаивала, чтобы там вместо Лиги преданных расположился женский клуб. Лишенный крова над головой и настоящей поддержки, он расстался с Джханси, но не со своими планами создать всемирную ассоциацию преданных. Переехав в Дели, Абхай некоторое время жил в *ашраме* Гаудия-матха со своими духовными братьями. Но потом он снова стал жить сам по себе, подобно странствующему садху, останавливаясь на неделю-другую в разных храмах или в домах состоятельных и благочестивых людей, готовых оказать ему гостеприимство. В отношении пищи, одежды и крова это было самое трудное время в его жизни. С детских лет он привык к хорошей еде и одежде и никогда не знал проблем с жильем. Он был любимым ребенком своих родителей и пользовался особым расположением Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати. Но в пятидесятые годы Абхай оказался в полном одиночестве.

Он делил свое время между литературной деятельностью и поисками богатых покровителей, которым проповедовал «Бхагавад-гиту». Он делал это не ради того, чтобы найти себе постоянное место жительства, его целью было издание трансцендентной литературы и создание мощного движения, которое будет распространять сознание Кришны. А для этого ему нужны были деньги. И он обращался к богатым людям, заходил в их конторы или дома, знакомил их со своими рукописями и рассказывал о своей миссии. Но откликались немногие, а те, кто откликался, как правило, давали не больше пяти-десяти рупий. В итоге ему все же кое-как удалось собрать достаточную сумму и возобновить издание «Бэк ту Годхед».

Не имея денег даже на приличную одежду, Абхай ходил по холодному зимнему Дели без пальто. Он регулярно заходил в типографию и вычитывал гранки «Бэк ту Годхед». Когда владелец типографии спросил его, почему он так упорно, несмотря на огромные трудности, продолжает выпускать свой журнал, Абхай ответил: «Это моя миссия». Ему приходилось платить владельцу типографии по частям, небольшими суммами.

Забрав тираж из типографии, Абхай ходил по городу и сам продавал его. Обычно он располагался в чайной, и когда кто-нибудь садился рядом, Абхай предлагал ему купить очередной номер «Бэк ту Годхед». В своих очерках и передовицах Абхай критиковал материалистические и атеистические тенденции современного общества. Часто он приводил примеры из

собственной жизни. На отказы (вежливые или грубые), которые Абхай встречал, продавая «Бэк ту Годхед», он отозвался статьей: «Отсутствие времени — хроническая болезнь современного человека». Несмотря на отчаянную бедность и понимание безотлагательности своей миссии, он никогда не позволял себе быть навязчивым, резким или фанатичным в статьях, которые печатал в «Бэк ту Годхед». Он писал в расчете на читателя, готового услышать настоящую философию и признать истину, особенно если она представлена логично, доходчиво и авторитетно.

Помимо продажи «Бэк ту Годхед» в чайных и отправки экземпляров жертвователям, Абхай бесплатно рассылал номера журнала по почте, как в пределах Индии, так и за рубеж. Он уже давно проявлял интерес и хотел получить доступ к обширной аудитории англоязычных читателей за пределами Индии. Собрав адреса иностранных библиотек, университетов, культурных и правительственных учреждений, он отправлял туда столько экземпляров «Бэк ту Годхед», сколько позволяли средства. Он написал письмо, обращенное к западным читателям, в котором выражал надежду на то, что они окажутся более восприимчивыми, нежели его соотечественники.

У себя в стране Абхай послал несколько выпусков «Бэк ту Годхед» президенту Индии, доктору Раджендре Прасаду, сопроводив их письмом, в котором предупреждал его об опасности, ожидающей общество, которым руководят атеисты: «Поэтому, прошу Вас, спасите людей от надвигающейся катастрофы». Он просил Его Превосходительство просмотреть хотя бы заголовки статей в прилагаемых номерах «Бэк ту Годхед» и позволить редактору взять у него интервью. «Это глас вопиющего в пустыне», — писал Абхай. Его Превосходительство ничего не ответил.

Даже в палящий летний зной, когда температура поднималась до сорока пяти градусов, Абхай каждый день выходил на улицы Нового Дели продавать свой журнал. Однажды с ним случился солнечный удар, он упал в обморок прямо на улице и лежал там до тех пор, пока его не подобрал друг, который отвез его на машине к врачу. В другой раз его боднула корова, и он долго лежал, никем не замечаемый, на обочине дороги. В таких случаях Абхай иногда задавался вопросом, зачем он бросил дом и работу и почему с тех пор, как он предался Кришне, его жизнь стала такой трудной. Много лет спустя, когда начатое им Движение сознания Кришны охватит множество стран и у него будет множество учеников и последователей, он скажет: «Тогда я не понимал этого, но теперь осознал, что все трудности, с которыми мне приходилось сталкиваться, были моим *достоянием*. Все это было милостью Кришны».

Продолжая издавать и распространять «Бэк ту Годхед» в Дели, Абхай решил поселиться во Вриндаване, в ста тридцати километрах к югу от Нового Дели. Гаудия-вайшнавцы считают Вриндаван самым священным местом во вселенной, поскольку пять тысяч лет назад Господь Кришна, воплотившись на земле, провел там детство. Ближайшие последователи Господа Чайтаньи, поселившись во Вриндаване пятьсот лет назад, писали там книги, строили

храмы и искали места различных игр Кришны, которые проходили в лесах, на пастбищах и на речных берегах. Абхай хотел работать над своими очерками в спокойной обстановке Вриндавана и оттуда ездить в Дели, чтобы распространять свои сочинения и просить пожертвований у богатых покровителей. Он снял простую, очень дешевую комнату в храме Вамши-Гопаладжи на берегу Ямуны и, поселившись в ней, окунулся в неповторимую атмосферу жизни Вриндавана.

Абхай видел Вриндаван не таким, каким видит его обычный человек. Являясь чистым преданным Кришны, он испытывал блаженство, просто проходя по грязным переулкам Вриндавана или глядя на *мурти* Кришны, которые стояли на каждой улице, в тысячах храмов и домов. Из его комнатухи, расположенной на крыше храма, открывался вид на текущую мимо Ямуну, которая на излучине превращалась в широкую изогнутую ленту и сверкала в лучах полуденного солнца. По вечерам он наслаждался свежим ветерком, долетавшим с Ямуны, и слышал, как на Кеши-Гхате преданные читают вечерние молитвы. До него доносился перезвон колоколов в храмах города, и порой, оторвавшись от рукописи, он отправлялся гулять по оживленным улицам Вриндавана, смешавшись с толпой местных жителей и паломников. Повсюду слышалось пение мантры Харе Кришна. Прохожие то и дело приветствовали его привычным «Джая Радхе!» и «Харе Кришна».

Вриндаван был обителью Кришны, а Абхай — Его слугой. Во Вриндаване он чувствовал себя как дома. Разумеется, он ни на мгновение не переставал думать о проповеднической деятельности, мечтая о том, чтобы другие люди тоже смогли ощутить сокровенный покой и блаженство Вриндавана. Кришна, Верховная Личность Бога, зовет всех людей вернуться к Нему в Его вечную обитель, но даже в Индии мало кто думает об этом. А за ее пределами люди вообще ничего не знают ни о Вриндаване, ни о Ямуне, ни о том, что значит быть свободным от материальных желаний. Почему люди мира, думал Абхай, должны быть лишены всего этого? Вриндаван — это обитель мира и покоя, но никто не знает о нем и не хочет знать. Однако на самом деле все люди, сами не ведая того, ищут Вриндаван и стремятся сюда.

Одержимый желанием поведать миру о славе вечного Вриндавана, Абхай работал не покладая рук и готовил к изданию очередные номера журнала «Бэк ту Годхед». Но ездить из Вриндавана в Дели стало очень трудно. Обычно он уезжал в Дели утренним поездом и, поскольку ночевать там ему было негде, вечером того же дня возвращался во Вриндаван. Таким образом, в городе он проводил совсем немного времени, а поездки обходились довольно дорого. Иногда какой-нибудь благочестивый человек давал ему приют, но даже при самых скромных личных расходах Абхай едва сводил концы с концами и с великим трудом оплачивал свои поездки, типографские и почтовые расходы. Издав за полгода двенадцать выпусков «Бэк ту Годхед», Абхай снова остался без денег. Владелец типографии сказал, что не может печатать журнал только из дружбы. Вернувшись во Вриндаван, Абхай продолжал писать, но уже без всякой надежды опубликовать написанное.

Однажды, особенно остро ощутив свое одиночество, Абхай написал стихотворение на бенгальском, которое назвал «Вриндавана-бхаджана». Первые строфы этого стихотворения запечатлели его размышления над собственной судьбой.

1

Я живу в одиночестве во Вриндавана-дхаме.
Здесь, в ее уединении, многое становится ясным.
У меня есть все — жена, сыновья, дочери, внуки...
Но нет денег, и потому все это не имеет смысла.
Кришна показал мне истинный лик материальной природы.
Он сделал так, что теперь
Все это кажется мне безвкусным.
Йасйахам анугрхнами харишйе тад-дханам шанаих:
«Того, кто особенно дорог Мне,
Я постепенно лишаю всех его богатств».
Откуда мне было знать, что моя бедность —
Это милость Всемилоственного?

2

Видя, что у меня нет ни гроша,
Жена, братья, друзья и родственники Отвернулись от меня.
Но я смеюсь над своей бедой,
Сижу в одиночестве и смеюсь.
Люблю ли я кого-нибудь в этой *майя-самсаре*?
Куда ушли так любившие меня отец и мать?
Где сейчас все мои предки, где весь наш род?
Кто даст мне знать о них, скажите кто?
Все, что осталось от них, —
Лишь длинный список имен.

Однажды ночью Абхаю приснился удивительный сон. Этот сон уже несколько раз снился ему еще тогда, когда он жил вместе с семьей. Во сне к нему пришел Шрила Бхактисиддханты Сарасвати, каким его знал Абхай, — высокий, худощавый ученый-санньяси, явившийся прямо из духовного мира, из личного окружения Кришны. Он окликнул Абхая и жестом велел следовать за ним. Он звал его снова и снова. Он просил Абхая принять санньясу. «Ты должен стать санньяси», — настаивал он. Абхай проснулся в изумлении. Он подумал, что этот сон непосредственно связан с тем указанием, которое он получил от Бхактисиддханты Сарасвати во время их первой встречи в Калькутте. Позднее его духовный учитель повторил то же указание в своем письме: ты должен проповедовать на английском языке и распространять

сознание Кришны на Западе. Той же самой цели будет служить и санньяса, иначе духовный учитель не стал бы просить его об этом. В ведическом обществе мужчина по достижении пятидесяти лет должен оставить семью, дать обет отречения от мира и стать монахом, санньяси, посвятив остаток своих дней молитвам, прославлению Господа и проповеднической деятельности. Абхай решил, что духовный учитель говорит ему: «Прими санньясу, и тогда ты сможешь исполнить возложенную на тебя миссию. Раньше было не время».

Абхай все тщательно взвесил. Принимая санньясу, вайшнав посвящает свое тело, ум и речь служению Верховной Личности Бога и отрекается от всех других видов деятельности. Абхай уже шел по этому пути, но чувствовал, что, приняв санньясу, он укрепит свое положение и получит дополнительный стимул для выполнения той великой задачи, которая ждала его впереди. Ведические традиции и пример жизни *ачарьев* прошлого свидетельствовали о том, что тот, кто хочет возглавить проповедническое движение, должен принять санньясу. Раньше Абхай противился этому, но теперь думал иначе. Он обратился за советом к своему духовному брату, Кешаве Махарадже, который жил в Матхуре, и тот настоял, чтобы Абхай принял санньясу немедленно.

Позднее Прабхупада вспоминал: «Я жил один во Вриндаване и писал статьи для журнала. Мой духовный брат убеждал меня: „Бхактиведанта Прабху, ты должен сделать это. Не отрекшись от мира, нельзя стать настоящим проповедником“. Устами моего духовного брата говорил мой духовный учитель. Поэтому я, хотя и с неохотой, но согласился».

Пройдя во Вриндаване обряд посвящения, Абхай получил имя Абхай Чаранаравинда Бхактиведанта Свами. Однако его главные проблемы так и остались нерешенными. Он стремился проповедовать сознание Кришны, но никто или почти никто не хотел его слушать. В этом отношении ничего не изменилось даже после того, как он принял санньясу.

Впрочем, одна перемена все-таки произошла. Бхактиведанта Свами решил писать книги. Когда один библиотекарь посоветовал ему писать книги (книги остаются надолго, а газету или журнал, прочитав, тут же выбрасывают), Бхактиведанта Свами решил, что устами этого человека говорит его духовный учитель. Затем то же самое посоветовал ему офицер индийской армии, которому очень понравился журнал «Бэк ту Годхед». И в том, и в другом случае Бхактиведанта Свами воспринял этот совет как указание своего духовного учителя.

Бхактиведанта Свами остановил свой выбор на «Шримад-Бхагаватам», поскольку это самое значительное и авторитетное вайшнавское писание. Квинтэссенцией всей ведической мудрости является «Бхагавад-гита», в которой кратко изложены основы духовного знания, но «Шримад-Бхагаватам» рассматривает эту философию гораздо подробнее. Шрила Бхактисиддханты Сарасвати и Бхактивинода Тхакур писали комментарии к «Бхагаватам» на бенгальском. По сути дела, большинство великих *ачарьев* прошлого писали свои комментарии к «Шримад-Бхагаватам» — «безупречному ведическому

писанию». Английский перевод этой книги и комментарии к ней могут совершить переворот в сердцах людей всего мира. Если бы Бхактиведанте Свами удалось издать не одну, а несколько книг, они составили бы надежную основу для его проповеди; он смог бы поехать за границу не с пустыми руками и чувствовал бы себя гораздо увереннее.

С новым замыслом Бхактиведанта Свами вернулся в Дели. Центром типографско-издательского дела Индии был Чандни-Чоук, один из кварталов Старого Дели, и Бхактиведанта Свами решил, что ему лучше всего поселиться где-нибудь неподалеку, чтобы иметь возможность вести переговоры с типографиями и печатать книги. Используя свои старые связи с печатниками, он нашел владельца храма, который бесплатно предоставил ему комнату в своем храме Радхи-Кришны неподалеку от Чандни-Чоук. В этом густонаселенном квартале, который назывался Чиппивада, жили индусы и мусульмане. Теперь Бхактиведанта Свами мог работать и во Вриндаване, и в Дели. Воодушевленный новыми планами, он собрал кое-какие пожертвования и возобновил издание «Бэк ту Годхед». Одновременно с этим он приступил к работе над переводом «Шримад-Бхагаватам» и комментариями к нему.

Размышляя над объемом предстоящей работы, он рассчитал, что полный перевод двенадцати песен «Бхагаватам», в которых содержится восемнадцать тысяч стихов, составит по крайней мере шестьдесят томов. Он надеялся завершить работу за пять-семь лет. «Если Бог даст мне здоровье, — писал он, — я смогу закончить этот труд и исполнить волю Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати».

Принятие санньясы, замысел перевести и издать «Шримад-Бхагаватам» и стремление проповедовать на Западе были тесно связаны между собой. Чтобы проповедовать, Бхактиведанте Свами нужны были книги, особенно если он собирался ехать на Запад. На Западе печатаются миллионы книг, но ни одна из них не может заполнить духовный вакуум, образовавшийся в жизни людей. Он хотел не просто написать книги, но и привезти их на Запад, ознакомить с ними людей и научить их — с помощью книг и на личном примере — тому, как пробудить в себе чистую любовь к Богу.

Несмотря на то что Бхактиведанта Свами много и часто проповедовал на английском, он сознавал, что его манера изложения на чужом для него языке весьма несовершенна. Но у него не было редактора, который мог бы исправить, его ошибки. Однако в его глазах стилистические погрешности не были помехой для того, чтобы издавать «Шримад-Бхагаватам». Он знал, что это дело не терпит отлагательств. «Когда в доме пожар, — писал он, — его обитатели бегут за помощью к соседям, которые могут оказаться иностранцами. Но даже не зная языка, на котором говорят их соседи, жертвы пожара смогут объяснить, что им нужно, а соседи — понять их. Такой же дух сотрудничества необходим и при распространении трансцендентного учения „Шримад-Бхагаватам" в оскверненной атмосфере современного мира».

Бхактиведанта Свами излагал «Шримад-Бхагаватам» с огромным уважением к автору, Шриле Вьясадеве, не внося в текст никаких изменений, и это было главным достоинством его перевода. Разумеется, он давал свое понимание текста, но при этом никогда не стремился превзойти духовных учителей прошлого. Бхактиведанта Свами знал, если он нарушит традиции ученической преемственности, его комментарии к «Бхагаватам» не будут иметь никакой ценности.

В своей комнате в храме в Чиппиваде он день и ночь печатал при тусклом свете свисавшей с потолка лампочки. Он сидел на тонкой подстилке, прямо на полу, а пишущая машинка стояла перед ним на сундучке. Стопка напечатанных страниц росла, становясь все выше, так что ему приходилось придавливать ее камнями. Ел и спал он урывками. Твердо убежденный в том, что «Шримад-Бхагаватам» произведет переворот в жизни сбившейся с пути цивилизации, он переводил каждое слово и тщательно обдумывал каждый комментарий. Но время торопило его.

Во Вриндаване Бхактиведанта Свами переехал в храм Радхи-Дамодары. Теперь прямо из окна своей комнаты он видел алтарь и фигуру Вриндавана-Чандры — *мурти* Кришны из черного мрамора высотой чуть больше метра, которому около четырехсот лет назад поклонялся Кришнадас Кавираджа. Это место гораздо больше подходило для его занятий, чем комната в храме Вамши-Гопаладжи, поскольку теперь он жил в храме Дживы Госвами, где собирались такие великие преданные, как Рупа, Санатана, Рагхунатха и Джива Госвами. Здесь они вместе вкушали *прасад*, пели и беседовали о Господе Кришне и Господе Чайтанье. Лучшего места для работы над «Шримад-Бхагаватам» было не найти.

В храме Радхи-Дамодары Бхактиведанта Свами готовил себе сам. И когда он садился принимать *прасад*, сквозь резную решетку окна ему была видна *самадхи* (гробница) Рупы Госвами. Ощущая его присутствие, Бхактиведанта Свами размышлял о своем долге перед духовным учителем, который, как и его предшественники в цепи ученической преемственности, хотел, чтобы движение сознания Кришны распространилось по всему миру. Глядя на *самадхи* Рупы Госвами, Бхактиведанта Свами ощущал вдохновение, сидя перед ней он обращался с молитвой к своим духовным предшественникам, прося у них наставлений. Сокровенное указание, которое он получил от них, было для него абсолютной истиной, и никакое правительство, никакой издатель — никто не мог помешать ему исполнить это указание. Рупа Госвами хотел, чтобы он поехал на Запад, Шрила Бхактисиддханта Сарасвати хотел, чтобы он поехал на Запад, и Кришна привел его в храм Радхи-Дамодары, чтобы он получил их благословения. В храме Радхи-Дамодары он ощутил, что вошел в вечную обитель, о которой знают лишь чистые преданные Господа. Но, хотя они и позволили ему жить и общаться с ними там, где проходят их игры, он чувствовал, что они велят ему уехать — покинуть храм Радхи-Дамодары и Вриндаван, чтобы принести послание *ачарьев* туда, где люди забыли Бога.

Написать книги было только половиной дела, их нужно было еще и напечатать. Но издателей не интересовал шестидесятитомный «Бхагаватам», а Бхактиведанту Свами не интересовало ничто другое. Поэтому, чтобы издать свои книги, ему пришлось опять собирать пожертвования и печатать книги за свой счет.

Представитель одного издательства посоветовал ему поехать в Горакхпур и показать свою рукопись Хануману Прасаду Поддару, известному издателю религиозной литературы. Бхактиведанта Свами проделал путь длиной в восемьсот километров и получил четыре тысячи рупий на издание первого тома «Шримад-Бхагаватам».

Бхактиведанта Свами сам читал и правил гранки, и, когда первый том уже был в печати, он все еще дописывал его последние главы. Как только в типографии «О.К. Пресс» была готова верстка, он сам забирал ее, приносил в свою комнату в Чиппиваде, правил и сам возвращал в типографию.

В 1962 году ему приходилось каждый день по несколько раз ходить из дома в типографию и обратно. В квартале шла бойкая торговля, на оживленных улицах играли дети, то и дело раздавались гудки автомобилей и визг тормозов. Невысокий и хрупкий, Бхактиведанта Свами решительным шагом проходил мимо многоквартирных жилых домов, гончарных лавок, торговцев зерном, кондитерских, мелких типографий, а над его головой летали голуби, висели электрические провода и сушилось белье на веревках, привязанных к балконам домов. Наконец он добирался до типографии «О.К. Пресс», которая находилась прямо напротив небольшой мечети. Он приносил исправленную корректуру и с волнением наблюдал за тем, как печатают его книгу.

Когда тираж был готов, Бхактиведанта Свами отправился продавать книги, так же как раньше продавал журналы «Бэк ту Годхед». Вскоре он получил доброжелательные отзывы от Ханумана Прасада Поддара и знаменитого философа, знатока индуизма, доктора Радхакришнана. Престижный «Адьяр лайбрари бюллетин» дал развернутую рецензию, отметив «большую эрудицию автора и глубокое знание излагаемого предмета». Его духовные братья, занимавшиеся изучением философии, также прислали похвальные отзывы. Ему даже удалось получить заказ на восемнадцать экземпляров «Бхагаватам» из американского посольства для распространения их в США через библиотеку Конгресса. Вначале небольшие партии его книг охотно покупали различные организации, однако затем торговля стала идти все хуже и хуже. Единственному распространителю, Бхактиведанте Свами, удавалось продать за день всего несколько экземпляров своей книги. К тому же ему нужно было добывать деньги на издание следующего тома. В свободное от этих занятий время он продолжал переводить и писать комментарии. Но при таких темпах и плохом сбыте он не смог бы завершить работу и до конца своей жизни.

Бхактиведанта Свами разослал экземпляры книги видным политическим деятелям и получил благоприятные отзывы от Шри Вишванатхи Даса, губернатора штата Уттар-Прадеш, и доктора Закира Хуссейна, вице-

президента страны, с которым он имел личную беседу. Несколько месяцев спустя ему удалось встретиться с премьер-министром Индии Лалом Бахадуром Шастри.

Это была официальная встреча, которая состоялась в саду у здания парламента, где премьер-министр, окруженный помощниками, принял пожилого садху. Бхактиведанта Свами, в очках, похожий на ученого, вышел вперед, представился и рассказал о своем переводе «Шримад-Бхагаватам». В тот момент, когда он вручал премьер-министру первый том, фотограф сделал снимок, запечатлев на нем автора и премьер-министра, который с улыбкой склонился над книгой.

На следующий день Бхактиведанта Свами написал премьер-министру Шастри письмо. Вскоре он получил ответ, подписанный самим премьером:

Уважаемый Свамиджи, премного благодарен Вам за Ваше письмо. Огромное спасибо и за подаренный мне том «Шримад-Бхагаватам». Я убежден, что Вы делаете очень важное дело. Было бы хорошо, если бы библиотеки правительственных учреждений приобрели экземпляры Вашей книги.

Используя благоприятные отзывы в качестве рекламы, Бхактиведанта Свами ходил с ними к потенциальным жертвователям, стараясь собрать деньги для издания следующих томов.

В конце концов с рукописью в руках и деньгами для ее издания он снова вступил в мир книгопечатания — покупал бумагу, правил гранки и следил за тем, чтобы печатник выдерживал график и чтобы каждая книга выходила в срок. Так, благодаря своему упорству, он почти без средств за два с небольшим года сумел издать три объемистых тома «Шримад-Бхагаватам».

Если бы так пошло и дальше, то, учитывая рост его авторитета в научных кругах, Бхактиведанта Свами мог бы вскоре заслужить признание своих соотечественников. Однако его взор был устремлен на Запад. И теперь, когда из печати вышел третий том «Бхагаватам», он почувствовал, что наконец готов к отъезду. Бхактиведанте Свами было шестьдесят девять лет, и вскоре ему предстояло отправиться в путь. С тех пор как Шрила Бхактисиддханта Сарасвати впервые попросил молодого семьянина из Калькутты проповедовать сознание Кришны в странах Запада, прошло уже больше сорока лет. Сначала молодой Абхай Чаран думал, что это невозможно. Но сейчас ему уже не мешали семейные обязанности, он был свободен и мог ехать на Запад, даже несмотря на отсутствие денег.

Теперь, когда многочисленные трудности были преодолены, последними серьезными проблемами оставались покупка билета и получение официального разрешения. В 1965 году совершенно неожиданно удалось устранить одно за другим и эти последние препятствия.

Во Вриндаване Бхактиведанта Свами встретился с господином Агарвалом, коммерсантом из Матхуры, и между делом рассказал ему, как почти каждому, с

кем встречался, о своем намерении поехать на Запад. Хотя господин Агарвал был знаком с Бхактиведантой Свами всего несколько минут, он вызвался найти ему в Америке поручителя, собираясь попросить своего сына Гопала, инженера из Пенсильвании, выслать для него официальное приглашение. Когда господин Агарвал вызвался помочь, Бхактиведанта Свами попросил его сделать это как можно быстрее.

Бхактиведанта Свами вернулся в Дели, где, используя любую возможность, продолжал продавать книги. Однажды, к его удивлению, из министерства иностранных дел ему сообщили, что ему выдано разрешение на поездку в США. Поскольку он не подавал никаких документов на выезд из страны, то решил пойти в министерство и попросить разъяснений. В министерстве ему показали приглашение от господина Гопала Агарвала, проживающего в Батлере, штат Пенсильвания. Господин Агарвал официально заявлял о том, что берет на себя все расходы, связанные с пребыванием Бхактиведанты Свами в США.

Теперь у Бхактиведанты Свами был поручитель. Оставалось получить паспорт, визу, разрешение на выезд от государственного банка и билет. Получить паспорт оказалось просто; затем с паспортом и приглашением Бхактиведанта Свами отправился в Бомбей — но на этот раз не продавать книги и не собирать деньги на их издание, а искать того, кто поможет ему добраться до Америки. Он обратился к госпоже Сумати Морарджи, владелице судоходной компании «Синдия», которая пожертвовала ему крупную сумму на издание второго тома «Шримад-Бхагаватам». Он показал поручительное письмо ее секретарю, господину Чокси, на которого оно произвело впечатление, и господин Чокси согласился доложить о нем госпоже Морарджи.

«Свами из Вриндавана снова здесь, — сообщил он ей. — На пожертвованные вами деньги он издал свою книгу. У него есть поручитель, и он хочет поехать в Америку. Он просит, чтобы вы отправили его на корабле „Синдии“». Госпожа Морарджи ответила: «Нет, Свамиджи слишком стар, чтобы ехать в Америку. Он там ничего не добьется». Господин Чокси передал Бхактиведанте Свами слова госпожи Морарджи, Бхактиведанта Свами выслушал их, но было очевидно, что они его не убедили. Она хотела, чтобы он остался в Индии и завершил работу над «Шримад-Бхагаватам». «Зачем ему ехать в Америку? — говорила она. — Он должен закончить работу здесь».

Однако Бхактиведанта Свами был решительно настроен ехать. Он попросил господина Чокси постараться убедить госпожу Морарджи и даже подсказал ему, что нужно говорить: «Я вижу, что этот человек твердо решил отправиться в Америку и проповедовать там учение Господа Кришны...» Но и на этот раз госпожа Морарджи отказала: «У Свами слишком слабое здоровье. К тому же люди в Америке не очень отзывчивы и, скорее всего, не станут его слушать».

Раздраженный неудачей господина Чокси, Бхактиведанта Свами потребовал личной встречи с госпожой Морарджи.

Его приняли, и убежденный седидами Бхактиведанта Свами решительно изложил свое требование: «Я прошу вас дать мне один билет».

Сумати Морарджи озабоченно спросила:

Свамиджи, в таком преклонном возрасте вы взваливаете на себя непосильную ношу. Вы не боитесь? Нет, — ответил он и поднял руку, словно пытаясь рассеять сомнения колеблющейся дочери, — не боюсь. Известно ли вам, что думают об этом мои секретари? Они говорят: «Свамиджи умрет в Америке».

Бхактиведанта Свами сделал такое лицо, будто старался опровергнуть нелепый слух, и продолжал настаивать на том, чтобы ему дали билет.

Хорошо, — сказала она. — Как только вы получите разрешение на выезд от государственного банка, я отправлю вас на одном из наших кораблей.

Лицо Бхактиведанты Свами озарилось улыбкой; счастливый, он вышел из ее кабинета и прошел мимо удивленных клерков, которые провожали его скептическими взглядами.

По указанию госпожи Морарджи ее секретарь сделал последние распоряжения. Поскольку у Бхактиведанты Свами не было теплой одежды, господин Чокси повел его в магазин, чтобы купить ему шерстяной свитер и другие теплые вещи. По просьбе Бхактиведанты Свами господин Чокси напечатал пятьсот экземпляров брошюры с восемью стихами, написанными Господом Чайтаньей, и рекламой «Шримад-Бхагаватам».

Госпожа Морарджи отвела ему каюту на одном из своих кораблей, «Джаладуте», которая 13 августа отходила из Калькутты. Она позаботилась, чтобы Бхактиведанта Свами плыл на корабле, капитан которого с пониманием отнесется к нуждам вегетарианца и брахмана, и велела капитану «Джаладуты» Аруну Пандия взять на борт дополнительный запас овощей и фруктов для Свами. Последние два дня в Бомбее Бхактиведанта Свами провел с господином Чокси. Они забрали брошюры из типографии, купили теплую одежду, и наконец господин Чокси проводил его на вокзал и посадил на поезд, идущий в Калькутту.

Бхактиведанта Свами приехал в Калькутту за несколько дней до отплытия «Джаладуты». В этом городе он провел большую часть своей жизни, но теперь ему негде было даже остановиться. Все было так, как он писал во «Вриндавана-бхаджане»: «У меня есть все — жена, сыновья, дочери, внуки, но нет денег, и потому все это не имеет смысла». Здесь прошло его счастливое детство, но те дни ушли безвозвратно. Он остановился у человека, с которым был едва знаком. За день до отплытия «Джаладуты» он съездил в находящийся неподалеку Майяпур к могиле-самадхи Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати и снова вернулся в Калькутту. Теперь он был полностью готов к отъезду.

С собой он взял только маленький чемоданчик, зонтик и запас крупы. Он не знал, чем ему придется питаться в Америке, — может быть, там будет только мясо. В таком случае, он готов был жить на вареной картошке и крупе, которую взял с собой. О главном его багаже — нескольких ящиках с книгами

— позаботилась грузовая служба «Синдии». Он брал с собой двести комплектов трехтомника «Бхагаватам», и одна мысль об этих книгах вселяла в него уверенность.

Эта уверенность особенно понадобилась ему, когда наступил день отъезда. На старости лет он резко порывал со своей прежней жизнью. Он уезжал в незнакомую страну, которая могла встретить его совсем негостеприимно. Одно дело быть бедным и безвестным в Индии, а другое — в Америке. Даже сейчас, в Кали-югу, когда руководители Индии отвергли традиционную индийскую культуру и начали подражать Западу, Индия осталась Индией. В ней до сих пор сохранились остатки ведической цивилизации. В Индии он встречался с миллионерами, губернаторами, премьер-министром — достаточно было подойти к их дверям и дождаться приема. Санньяси пользовались уважением в обществе, так же как и «Шримад-Бхагаватам».

В Америке все будет по-другому. В этой стране он будет никто, иностранец без роду и племени. Там никогда не видели садху, там нет храмов и *ашрамов*, где можно жить, не платя за ночлег. Но когда он думал о книгах, которые взял с собой, — книгах, написанных на английском и хранящих трансцендентное знание, — к нему возвращалась уверенность. Знакомясь в Америке с людьми, он будет давать им рекламный проспект: «„Шримад-Бхагаватам“ — пришедшее из Индии послание мира и доброй воли».

Наступило 13 августа. До Джанмаштами, дня явления Господа Кришны, оставалось всего несколько дней. В последние годы он всегда проводил Джанмаштами во Вриндаване. На его месте многие жители Вриндавана никогда бы не уехали оттуда. Они предпочитали доживать там свой век в мире и покое. Бхактиведанта Свами тоже боялся, что умрет вдали от Вриндавана. Из страха умереть вне Вриндавана вайшнавы-садху и вдовы давали обет никуда не уезжать из Вриндавана, даже в Матхуру, потому что умереть во Вриндаване — значит достичь высшего совершенства жизни. Кроме того, по ведической традиции санньяси не должны были пересекать океан и ступать на землю *млеччхов*. Но желание Бхактисиддханты Сарасвати было выше всего остального, ибо его желание совпадало с волей Господа Кришны. К тому же Господь Чайтанья Махапрабху предсказал, что мантру Харе Кришна будут петь во всем мире в каждом городе и деревне.

До Калькуттского порта он добрался на такси, с собой у него был багаж, зонт и «Чайтанья-чаритамрита» на бенгальском, которую он собирался читать в пути. На корабле он как-то должен будет готовить себе еду, а если для этого не будет возможности, ему придется голодать — как пожелает Кришна. Он проверил документы: билет, паспорт, виза, разрешение на выезд от банка, адрес поручителя. Наконец-то свершилось.

Впоследствии Прабхупада будет часто вспоминать: «Чтобы выехать из страны, мне пришлось преодолеть огромные трудности. Так или иначе, по милости Кришны, я покинул Индию, чтобы распространить движение сознания Кришны по всему миру. Останься я в Индии, это было бы

невозможно. Я хотел начать движение в Индии, но там меня никто не поддержал».

Маленький грузовой корабль, черный, потрепанный бурями и штормами, стоял, пришвартованный к причалу, с палубы на пирс были спущены сходни. Индийские торговые моряки с любопытством смотрели на пожилого садху, одетого в шафрановые одежды, а тот, сказав несколько прощальных слов своему спутнику в такси, решительно зашагал по направлению к кораблю.

1 - Борьба в одиночку

Калькутта,
13 августа 1965 г.

«ДЖАЛАДУТА» — грузовое рейсовое судно пароходной компании «Синдия», на борту которого есть одна пассажирская каюта. Во время плавания из Калькутты в Нью-Йорк в августе-сентябре 1965 года эту каюту, согласно записи в судовом журнале, занимал «Шри Абхой Чаранаравинда Бхактиведанта Свами», шестидесяти девяти лет, взятый на борт «с бесплатным билетом и питанием».

«Джаладута» под командованием капитана Аруна Пандии, жена которого также находилась на борту, вышла в рейс в пятницу 13 августа в 9 утра. В своем дневнике Бхактиведанта Свами записал: «Каюта довольно удобная, спасибо Господу Кришне, подсказавшему Сумати Морарджи сделать эти распоряжения. Мне здесь очень удобно». Но уже 14 августа в его дневнике появилась запись: «Морская болезнь, головокружение, тошнота — Бенгальский залив. Проливной дождь. Тошнота усиливается».

19 августа, когда корабль пришел в Коломбо, столицу Цейлона (теперь Шри-Ланка), морская болезнь прошла, и Бхактиведанта Свами почувствовал облегчение. Капитан предложил ему сойти на берег, и они проехали по городу на автомобиле. Затем корабль взял курс на Кочин, порт на западном побережье Индии. Джанмаштами, день явления Господа Кришны, пришелся в тот год на 20 августа. Бхактиведанта Свами воспользовался этим как поводом для того, чтобы рассказать команде о философии Господа Кришны и угостить моряков *прасадом* собственного приготовления.

21 августа ему исполнилось семьдесят лет, свой день рождения он встретил в море (без торжественных церемоний). В тот же день судно пришло в Кочин, где на борт погрузили прибывший из Бомбея багаж Бхактиведанты Свами с томами «Шримад Бхагаватам».

23 августа корабль вошел в Красное море, и здесь Бхактиведанту Свами ожидали суровые испытания. В своем дневнике он записал: «Дождь, морская болезнь, головокружение, болит голова, нет аппетита, рвота». За два дня Бхактиведанта Свами перенес два сердечных приступа. Он мужественно сносил страдания, помня о своей миссии, но после двух сильных сердечных приступов подумал, что третьего приступа он не переживет.

На вторые сутки ночью он увидел сон. Господь Кришна в Своих многочисленных формах плыл на лодке. «Ничего не бойся, смело иди вперед», — сказал Он Бхактиведанте Свами. Покровительство Господа Кришны вселило в него уверенность. Сердечные приступы больше не повторялись.

Первого сентября «Джаладута» вошла в Суэцкий канал, а второго пришвартовалась в Порт-Саиде. Бхактиведанта Свами вместе с капитаном вышел в город. Как он потом говорил, город ему понравился. К шестому сентября он немного оправился от болезни и даже начал регулярно есть, готовя себе *кичри* и *пури*. В дневнике он отметил, что силы понемногу возвращаются к нему.

Пятница, 10 сентября

Сегодня не качает, и я чувствую себя несколько лучше. Но я испытываю боль разлуки с Вриндаваном и моими Повелителями, Шри Говиндой, Гопинатхом и Радхой-Дамодаром. Мое единственное утешение — «Шри Чайтанья Чаритамрита», читая которую я наслаждаюсь нектаром лил [игр] Господа Шри Чайтаньи. Я покинул Бхарата-Бхуми [Индию] только для того, чтобы исполнить наказ Шри Бхактисиддханты Сарасвати, выполняющего волю Господа Чайтаньи. Не обладая необходимыми качествами, я все же иду на риск, чтобы выполнить указание Его Божественной Милости. Здесь, вдали от Вриндавана, я уповаю только на Их милость.

Переход «Джаладуты» через океан летом 1965 года оказался на редкость спокойным. Капитан Пандия сказал, что за все годы службы он никогда не видел Атлантического океана таким тихим и безмятежным. Бхактиведанта Свами ответил, что спокойствие океана было милостью Господа Кришны. Тогда госпожа Пандия попросила Бхактиведанту Свами вернуться с ними назад, чтобы их обратный рейс прошел так же спокойно. В своем дневнике Бхактиведанта Свами записал: «Если бы Атлантический океан показал свое обычное лицо, я бы, наверное, умер. Но Господь Кришна взял на Себя заботу о нашем корабле».

Через тридцать пять дней после отплытия из Калькутты 17 сентября 1965 года в полдесятого утра «Джаладута» причалила к пирсу Содружества в Бостоне. Там была намечена короткая стоянка, после чего корабль должен был взять курс на Нью-Йорк.

Бхактиведанте Свами предстояло пройти досмотр в американском иммиграционно-таможенном управлении. Его виза позволяла ему находиться в США два месяца, и чиновник поставил на ней штамп с предположительной датой отъезда. Капитан Пандия пригласил Бхактиведанту Свами прогуляться по городу, где капитан хотел сделать кое-какие покупки. По пешеходному мосту они вышли в оживленный торговый квартал со старинными церквями, большими магазинами, административными зданиями, барами, дешевыми книжными лавками, ночными клубами и ресторанами. Бхактиведанта Свами бегло осмотрел город, но самым значительным событием за время его короткого пребывания в Бостоне — не считая того, что здесь он впервые ступил на американскую землю, — было то, что на пирсе Содружества он написал стихотворение на бенгальском, озаглавив его «Маркине Бхагавата-

дхарма» («Проповедь сознания Кришны в Америке»). Вот отрывок из этого стихотворения, сочиненного им в тот день на борту корабля.

Мой дорогой Господь Кришна, Ты так добр к этой никчемной душе, но я не знаю, зачем Ты привел меня сюда. Теперь Ты можешь делать со мной все, что Тебе угодно.

Я догадываюсь, однако, что здесь у Тебя есть какое-то дело, иначе зачем бы Ты привел меня в это ужасное место?

Большинство живущих здесь людей находится в плену материальных гун невежества и страсти. Поглощенные материальной жизнью, они считают себя очень счастливыми. Они вполне довольны жизнью и потому равнодушны к трансцендентному посланию Васудевы [Кришны]. И я не уверен, смогут ли они понять его.

Но я знаю, что по Твоей беспричинной милости даже невозможное становится возможным, ибо Ты — самый искусный мистик.

Смогут ли они ощутить сладость преданного служения? Я уповаю только на Твою милость и молю Тебя помочь мне убедить этих людей в истинности Твоего учения.

По Твоей воле все живые существа оказались во власти иллюзорной энергии, и по Твоей же воле они, если Тебе будет угодно, смогут освободиться от оков иллюзии.

Прошу Тебя, спаси их. Они смогут понять Твое послание только в том случае, если Ты пожелаешь даровать им освобождение.

Как мне донести до них учение сознания Кришны? Я неудачливый, никчемный и падший человек. Поэтому я прошу Твоего благословения — только оно поможет мне убедить их, сам я не в силах справиться с этой задачей.

Так или иначе, о Господь, Ты привел меня сюда, чтобы я рассказал о Тебе этим людям. И теперь только от Тебя зависит, чем закончится эта попытка — успехом или неудачей. На все Твоя воля.

О духовный учитель всех миров! Я могу только повторять Твое послание. Поэтому, если Ты того желаешь, сделай так, чтобы они поняли меня.

Только по Твоей беспричинной милости мои слова обретут чистоту. Я уверен, что, проникнув в сердца людей, это трансцендентное послание наполнит их радостью, и избавит людей от всех бед и страданий.

О Господь, я — марионетка в Твоих руках. И раз уж Ты привел меня сюда танцевать, так заставь, заставь меня танцевать, Господи, заставь меня танцевать, как Ты этого хочешь.

У меня нет ни преданности, ни знаний, но есть твердая вера в святое имя Кришны. Меня назвали Бхактиведантой, и теперь, если захочешь, Ты сможешь мне оправдать это имя.

Самый злополучный и ничтожный нищий, А.Ч. Бхактиведанта Свами.
Написано на борту корабля «Джаладута», пирс Содружества,

Бостон, штат Массачусетс, США 18 сентября 1965 года.

19 сентября «Джаладута» вошла в гавань Нью-Йорка и пришвартовалась к Бруклинскому пирсу, у Семнадцатой улицы. Бхактиведанта Свами увидел мрачные очертания огромных небоскребов Манхэттена, Эмпайр-Стейт-Билдинг и статую Свободы, повидавшую на своем веку миллионы таких же, как он, приезжих и иммигрантов.

Бхактиведанта Свами был одет как житель Вриндавана. На нем была *кантхи-мала* (шейные бусы) и простое хлопчатобумажное *дхоти*, в руках — *джапа-мала* (четки для повторения мантры), а на плечах — старый *чадар* (шерстяная накидка). Его кожа была золотистого цвета, голова обрита, оставлен только небольшой пучок волос на затылке (*шикха*), а лоб украшен белым вайшнавским *тилаком*. На ногах у него были белые резиновые туфли с острым носом, какие обычно носят садху в Индии. Но кто в Нью-Йорке во сне или наяву видел кого-нибудь похожего на этого вайшнава? Он был, вероятно, первым санньяси-вайшnavом, прибывшим в Нью-Йорк, да еще в таком виде. Впрочем, ньюйоркцы привыкли не обращать внимания на приезжих, как бы странно они ни выглядели.

Теперь Бхактиведанта Свами был предоставлен самому себе. У него был поручитель, господин Агарвал, живший где-то в Пенсильвании. Разумеется, здесь его должен был кто-то встретить. Но в тот момент, когда Бхактиведанта Свами сошел на пирс, он понятия не имел, что делать: «Я не знал, куда идти — налево или направо». Он прошел обычные портовые формальности и был встречен представителем бюро путешествий, которого прислали Агарвалы.

С сорока рупиями наличными, которых, как он сам говорил, в Нью-Йорке хватило бы всего на несколько часов, и с двадцатью долларами, вырученными от продажи трех томов «Бхагаватам» капитану Пандии, с зонтиком и чемоданом в руках он в сопровождении туристического агента отправился на автовокзал Порт-Ауторити, чтобы уехать в Батлер, штат Пенсильвания.

* * *

Бхактиведанта Свами приехал к Агарвалам в Батлер в четыре часа утра, и Гопал предложил ему отдохнуть на кушетке. Квартира в коттедже, в которой жили Агарвалы, состояла из небольшой гостиной, столовой, кухни, двух спален на втором этаже и ванной. Они жили здесь с двумя маленькими детьми. Гопал Агарвал и его жена-американка Салли жили в Батлере уже несколько лет и считали, что им удалось занять в обществе определенное положение. Поскольку их квартира была недостаточно большой, они решили, что будет лучше, если Свами поселится в общежитии Христианского союза молодежи, а днем будет приходить к ним. Разумеется, в действительности дело было не столько в тесноте, сколько в нем самом. Впишется ли он в атмосферу Батлера?

Салли: Круг нашего общения состоял в основном из интеллигентных людей, и он их совершенно покорил. Они понятия не имели, о чем его спрашивать. Им просто не хватало для этого знаний. Это было как видение, сошедшее со страниц книги. Кому могло прийти в голову, что в чьей-то гостиной в Батлере, в штате Пенсильвания, он увидит живого свами? Это было просто потрясающе. Индийский свами в доме средних американцев. Мои родители приехали издалека, только чтобы посмотреть на него. У нас было много знакомых в Питтсбурге, и все они тоже поприезжали. Видеть его здесь было так необычно. Однако людей интересовал не сам он как человек, скорее они приходили посмотреть на него, как на заморскую диковину.

У него была пишущая машинка — одна из немногих его вещей, и зонтик. Это тоже возбуждало всеобщее любопытство — он всегда носил с собой зонт. К тому же дни стояли довольно прохладные, а голова у него была обрита, поэтому он всегда надевал шапочку, вроде купальной, которую кто-то сшил для него. Это тоже было своего рода сенсацией. И у него был такой удивительный ум — стоило ему увидеть кого-то один раз, как он запоминал этого человека — он все помнил. Он был такой умный. Если он встречал у нас дома каких-то людей, а потом видел их в машине, он тут же вспоминал, как их зовут, махал им рукой и называл их по именам. Он был очень умный, и всем очень нравился. Все удивлялись тому, какой он умный. Их поражало то, что он помнил их имена. И его чувство юмора. Он все время казался таким серьезным, но при этом обладал удивительным чувством юмора. Несмотря на суровый вид, он был необыкновенно обаятельным.

Он был самым приятным гостем из всех, которых мне когда-либо доводилось принимать — с ним не было никаких проблем. Когда я не могла уделить ему время, он повторял на четках мантру, и я знала, что он был совершенно счастлив. Когда я не могла разговаривать с ним, он просто читал мантру. С ним было так легко, потому что я знала, что ему никогда не бывает скучно. Я никогда не чувствовала себя стесненно в его обществе, он не доставлял мне никаких неудобств. С ним было очень легко — если мне нужно было заниматься детьми, он просто повторял мантру. Это было так здорово. Когда мне надо было что-нибудь делать, он повторял на четках мантру и был счастлив. Он был замечательным гостем. Когда к нам приходили друзья, они всегда курили, но он говорил: «Ничего, не обращайтесь на меня внимания». Так и говорил — «Не обращайтесь на меня внимания».

Потому что он понимал, что мы другие. Я никогда не курила в его присутствии. Я знала, что мне не следует курить в присутствии отца Гопала. А к нему я относилась так же, как к отцу моего мужа. С ним ни у кого не возникало никаких проблем.

22 сентября в «Батлер игл» появилась статья: «Последователь индуистского культа на хорошем английском объясняет цель своего приезда на Запад». Фотограф пришел к Агарвалам на квартиру и сфотографировал Бхактиведанту Свами в гостиной с раскрытым томом «Шримад-Бхагаватам» в руках. Подпись под фотографией гласила: «Посол бхакти-йоги».

Статья начиналась так:

Вчера смуглый худощавый человек в бледно-оранжевых одеждах, обутый в белые купальные тапочки, вышел из малолитражки и вошел в здание Батлерского отделения Христианского союза молодежи, чтобы присутствовать на проходившем там собрании. Это был А.Ч. Бхактиведанта Свами, миссионер из Индии, прибывший проповедовать людям Запада.

Статья называла «Шримад-Бхагаватам» «священным писанием», а Бхактиведанту Свами «ученым проповедником». Далее в ней говорилось:

«Моя миссия заключается в том, чтобы возродить в людях сознание Бога», — говорит Сваמידжи. «Бог — Отец всех живых существ, принимающих тысячи различных форм, — объясняет он. — Человеческая жизнь является высшей ступенью эволюции, и если мы не поймем этого учения, то нам придется снова подниматься по эволюционной лестнице»... Бхактиведанта живет, как монах, и не позволяет прикасаться к своей пище женщинам. На квартире Агарвалов в Батлере, как и во время своего шестинедельного путешествия через океан, он сам готовит себе еду в медной кастрюле с отдельными секциями для одновременного приготовления на пару риса, овощей и «хлеба». Он строгий вегетарианец, пьет только молоко, которое, по его выражению, является «идеальной пищей для младенцев и стариков»... Он говорит, что, если бы американцы уделяли больше внимания своей духовной жизни, они были бы гораздо счастливее.

Салли: Когда он готовил, то пользовался только одной горелкой. В нижней секции кастрюли создавался пар. Там он варил дал, а на образующемся от него пару тушил овощи. Так целую неделю он готовил свой замечательный обед, заканчивая где-то к половине двенадцатого, а Гопал всегда приходил домой обедать около двенадцати. Обычно я подавала Гопалу сандвич, после чего он снова уходил на работу. Но вскоре я поняла, что мы тоже можем есть блюда, которые готовил Свами, поэтому он стал готовить обед для всех нас. Ох и вкусно же было!

Массу удовольствия мы получали, знакомя его с Америкой. Он никогда в жизни не видел ничего подобного. Было очень забавно брать его с собой в супермаркет. Ему нравилось открывать пакетики с бамией или замороженной фасолью, и ему не нужно было их мыть, резать и вообще что-нибудь с ними делать. Каждый день он открывал холодильник и просто брал то, что ему было нужно. Смотреть на него было одно удовольствие. Он сидел на кушетке, пока я пылесосила. Этот процесс его очень заинтересовал, и мы долго говорили с ним на эту тему. Он был такой занятный.

Каждый день он устраивал большой пир, и все было просто замечательно. Мы получали массу удовольствия. Я помогала ему резать овощи. Он посыпал их пряностями, и мы, бывало, смеялись от души. Он был

очень приятным, на редкость приятным человеком. Прошло совсем немного времени, а мне уже стало казаться, что я его дочь, как если бы он был моим свекром. Я и в самом деле чувствовала, что он очень близок мне. Он всему радовался. И я любила его. На мой взгляд, он был просто потрясающий.

Когда Свами приехал, нашему сынишке Бриджу было шесть или семь месяцев, а индийцы так любят детей. Бридж очень понравился Свами. Он видел, как Бридж впервые встал на ножки. Когда Бридж в первый раз попытался подняться и ему это удалось, Свами встал и захлопал в ладоши. Это был праздник! В другой раз малыш схватил зубами тапочки Свами. Я подумала: «Какой ужас! Он ходил в них по всей Индии, а моя крошка жует их». Знаете, как обычно думают матери.

Почти каждый вечер он сидел в садике у соседей. Иногда мы сидели там вместе с ним, а иногда оставались в гостиной. Я помню одну историю, которая произошла с нашей дочкой Памелой. Ей тогда было три годика. Я возила ее в воскресную школу, и там ей рассказали про Христа. После этого, всякий раз когда она видела Свамиджи в его одеянии, она называла его Свами Иисус. А когда до нас дошло, что она говорит — она назвала его Свами Иисус, — Свами улыбнулся и сказал: «И ребенок поведет их». Это было очень смешно.

Бхактиведанта Свами выступал в городе перед самой разной аудиторией, в том числе и в «Лайонс клуб». Он прочитал лекции в Христианском союзе молодежи и в духовной семинарии св. Фиделиса в Германе, штат Пенсильвания, а также регулярно беседовал с гостями Агарвалов. Он понял, что американцам вполне можно проповедовать, но чувствовал, что ему понадобится помощь из Индии.

Он прожил в Батлере целый месяц, и у него оставался еще один месяц до отъезда из Америки. Поэтому он решил поехать в Нью-Йорк и попробовать проповедовать там, прежде чем истечет срок его визы. Но перед этим он хотел съездить в Филадельфию, где договорился о встрече с профессором санскрита Пенсильванского университета, доктором Норманом Брауном.

Ведя жизнь санньяси, Бхактиведанта Свами привык к переездам. Он был странствующим проповедником, и ему не жалко было расставаться со спокойной жизнью в Батлере. Он не был привязан к домашнему уюту, к квартире, где мог готовить и беседовать с Салли Агарвал о пылесосах, замороженных овощах и американском образе жизни.

Однако пребывание в Батлере было для него весьма полезным. Здесь он получил практический опыт жизни в Америке. Он удостоверился в том, что здоровье у него крепкое, и понял, что его проповедь находит отклик в сердцах американцев. Он с радостью убедился, что в Америке есть все необходимое для индийской вегетарианской диеты и американцы понимают его английский. Ему стало ясно, что от случайных лекций то здесь, то там проку мало, и что, хотя противодействия со стороны официальных религий не избежать, у многих людей его проповедь вызывает неподдельный интерес.

18 октября он уехал из Батлера и отправился в Нью-Йорк с остановкой в Филадельфии.

Салли: За месяц я успела полюбить Свами. В каком-то смысле, я чувствовала себя его покровительницей, а тут он вдруг надумал ехать в Филадельфию. Я даже не могла представить себе — я так и сказала ему — я не могла себе представить, как он поедет в Филадельфию на целых два дня. Он собирался выступить там с лекцией, а потом ехать в Нью-Йорк. Но он никого не знал в Нью-Йорке. Если в Филадельфии дело не выгорит, он поедет прямо в Нью-Йорк, а ведь там у него никого не было. Я просто не могла себе этого представить. От одной мысли об этом мне становилось плохо.

Я хорошо помню, как он уезжал, это было ночью, около двух часов. Я сидела рядом с ним, пока он ждал, когда Гопал отвезет его в Питсбург, чтобы там посадить в автобус. Гопал наменял целую пригоршню мелочи, и я, помнится, объясняла ему, как опускать монету в щель, чтобы принять душ на автостанции, — ведь ему нужно было мыться несколько раз на дню. Гопал тоже объяснил ему, как это делается, и рассказал, как обращаться с автоматами в Нью-Йорке. Он также объяснил, что ему можно есть, а чего нельзя; он дал Свамиджи монеты в узелке, и это было все, с чем он от нас уехал.

* * *

В Нью-Йорке у Бхактиведанты Свами не было ни одного знакомого, но у него был адрес и телефон доктора Рамамурти Мишры. Он написал доктору Мишре из Батлера, приложив рекомендательное письмо, которое получил от одного из своих друзей в Бомбее. Он также позвонил доктору Мишре, и тот пригласил его к себе в Нью-Йорк.

Когда он приехал из Филадельфии в Нью-Йорк, ученик доктора Мишры встретил его на автовокзале Порт-Ауторити и прямо оттуда повез на проходивший в городе фестиваль Индии. Там Бхактиведанта Свами встретился с доктором Мишрой, а также с Рави Шанкаром и его братом, танцовщиком Удаи Шанкаром. Затем Бхактиведанта Свами поехал с доктором Мишрой к нему на квартиру в доме номер 33 на Риверсайд-Драйв, на берегу Гудзона. Квартира доктора Мишры с большими окнами, выходившими на реку, находилась на четырнадцатом этаже. Там доктор Мишра выделил ему отдельную комнату. Доктор Мишра был колоритной личностью. Он метал пламенные взоры, оживленно жестикулировал и пересыпал свою речь словечками «мило» и «чудесно». Старавшийся соответствовать расхожим представлениям о том, каким должен быть гуру, доктор Мишра принадлежал к числу тех, кого ньюйоркцы называют «свами из богатых предместий». Он был санньяси, но тем не менее не носил традиционных *дхоти* и *курты* шафранового цвета. Вместо этого он носил сшитый на заказ приталенный сюртук в стиле Неру и свободные белые брюки. В отличие от светлокожего Бхактиведанты Свами, он был смуглолицым, с густыми черными волосами. В

свои сорок четыре года он годился Бхактиведанте Свами в сыновья. В ту пору, когда доктор Мишра встретился с Бхактиведантой Свами, он сильно болел, и приезд Бхактиведанты Свами оказался для него лучшим лекарством.

Рамамурти Мишра: *Его Святейшество Прабхупада Бхактиведанта Госвамиджи буквально покорила меня своей любовью. Он был настоящим воплощением любви. В то время я был похож на скелет, и он буквально вернул меня к жизни — своим прасадом и, самое главное, своей любовью и преданностью Господу Кришне. Я всегда ленился готовить себе, а он вставал и шел на кухню.*

Доктору Мишре нравилось, что Бхактиведанта Свами с точностью фармацевта готовил множество блюд и знал толк в еде.

Рамамурти Мишра: *Он давал мне не просто хлеб — он давал мне прасад. Там была жизнь, и он спас мне жизнь. В то время я уже почти похоронил себя, но его привычка есть всегда в одно и то же время, неважно, голоден ты или нет, пришлась мне по нраву. Он приходил и говорил: «Бхагават-прасадам готов», а я отвечал: «Чудесно».*

Иногда Бхактиведанта Свами обсуждал с доктором Мишрой цель своего приезда в Америку, рассказывая ему о мечте своего духовного учителя принести сознание Кришны в страны Запада. Он просил доктора Мишру помочь ему, но тот всегда ссылался на свою занятость и скорый отъезд из Америки. Через несколько недель, когда держать Бхактиведанту Свами у себя на квартире ему стало неудобно, доктор Мишра поселил его в своей студии хатха-йоги на шестом этаже дома номер 100 по Семьдесят второй улице, недалеко от Центрального парка. Студия представляла собой просторное помещение в глубине здания с примыкавшими к нему офисом и жилой комнатой, в которой поселился Бхактиведанта Свами. В его комнате не было ни одного окна.

Придерживаясь философских взглядов, прямо противоположных взглядам Бхактиведанты Свами, доктор Мишра считал высшим аспектом Абсолютной Истины Ее безличный аспект (Брахман), тогда как Бхактиведанта Свами, последователь теистической философии Вед, отстаивал превосходство личностного аспекта (Бхагавана). В «Бхагавад-гите» сказано, что безличный Брахман подчинен Бхагавану и исходит от Него, подобно тому как солнечный свет исходит от Солнца. Этой философии учили великие ачарьи древней Индии — Рамануджа и Мадхва. Но доктор Мишра был последователем Шанкары, который утверждал, что безличный аспект Абсолютной Истины — это высшее Ее проявление, а Личность Бога в конечном счете иллюзия. Согласно теистической философии, которую проповедовал Бхактиведанта Свами, индивидуальные души (*атмы*) являются вечными слугами верховного существа (Бхагавана), но доктор Мишра утверждал, что духовная сущность лишена индивидуальности. Иначе говоря, он считал, что каждая личность тождественна Богу, Верховному Брахману, и потому нет никакой необходимости поклоняться Богу, пребывающему вовне. Как сказал бы доктор Мишра, «все едино».

Бхактиведанта Свами спорил с ним:

— Если каждый из нас — Всевышний, то почему этот «Всевышний» страдает и бедствует в материальном мире?

На это доктор Мишра обычно отвечал:

— Всевышний лишь временно оказался под покровом иллюзии. Занимаясь хатха-йогой и медитацией, человек достигнет просветления и осознает, что все сущее есть Всевышний.

Бхактиведанта Свами снова возражал:

— Если Всевышний оказался в плену иллюзии, значит, иллюзия сильнее Бога, сильнее Всевышнего?

Бхактиведанта Свами называл доктора Мишру *майявади*, поскольку тот вопреки всякой логике считал, что *майя*, иллюзия, могущественнее Абсолютной Истины. Для Бхактиведанты Свами философия имперсонализма была не просто неприемлемой, он считал ее оскорбительной по отношению к Личности Бога.

Не имея ни гроша, Бхактиведанта Свами временно зависел от расположения своего знакомого *майявади*, с которым делил трапезу, беседовал и чьим гостеприимством пользовался. Но до чего же это было неудобно! Он приехал в Америку, чтобы прямо и открыто говорить о Кришне, но ему везде мешали. В Батлере он вынужден был приспособливаться к мещанским предрассудкам своих хозяев, типичных средних американцев, и теперь ему снова не давали говорить, но уже по другой причине. Его принимали доброжелательно, но видели в нем угрозу. Доктор Мишра не мог позволить своим ученикам слушать славословия Господу Кришне — Верховной Личности Бога.

8 ноября Бхактиведанта Свами написал письмо своему духовному брату Тиртхе Махарадже, стоявшему во главе Гаудия-матха, и напомнил ему, что их духовный учитель Шрила Бхактисиддханта Сарасвати мечтал открыть миссионерские центры в странах Запада. Шрила Бхактисиддханта несколько раз пытался сделать это, посылая своих учеников-санньяси в Англию и другие европейские страны, но, как писал Бхактиведанта Свами, «без каких-либо ощутимых результатов». Бхактиведанта Свами отмечал, что в Америке прочно обосновалось несколько групп *майявади*, у которых есть здания, но не слишком много последователей. Между тем он разговаривал со Свами Никхиланандой из «Миссии Рамакришны», и тот высказал мнение, что американцы с интересом отнесутся к бхакти-йоге.

Если руководители Гаудия-матха хотят открыть в Нью-Йорке свое отделение, Бхактиведанта Свами готов возглавить его деятельность. Но без собственного здания, сообщал он, им не удастся основать в этом городе свою миссию. Бхактиведанта Свами писал, что, если его духовные братья окажут ему помощь и содействие, они смогут открыть центры во многих городах США. Он подчеркивал, что другие группы, которые не могут дать людям подлинную духовную философию Индии, тем не менее покупают множество зданий, а у Гаудия-матха в Америке нет ничего.

Три недели спустя Бхактиведанта Свами получил от Тиртхи Махараджи ответ. Бхактиведанта Свами писал о своих надеждах и планах остаться в Америке, но подчеркивал, что для этого его духовные братья должны выразить ему вотум доверия и оказать ощутимую поддержку. Однако его духовные братья не хотели сотрудничать друг с другом. Каждый из руководителей Гаудия-матха был больше заинтересован в содержании собственного здания, чем в совместной работе ради распространения в мире учения Господа Чайтаньи. Можно ли было рассчитывать на то, что идея Бхактиведанты Свами об открытии отделения Гаудия-матха в Нью-Йорке найдет у них отклик? Скорее всего, они сочтут это его личным делом. И все же он, почти не надеясь на успех, попытался разбудить в них миссионерский дух и напомнил им о желании их духовного учителя, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура. Их Гуру Махараджа хотел проповедовать сознание Кришны в странах Запада. Но когда Бхактиведанта Свами получил наконец ответ Тиртхи Махараджи, он оказался неблагоприятным. Духовный брат Бхактиведанты Свами не возражал против его попыток основать миссию в Нью-Йорке, но вежливо сообщал, что использовать для этой цели денежные средства Гаудия-матха не представляется возможным.

* * *

Во время своих одиноких прогулок по Манхэттену Бхактиведанта Свами познакомился с некоторыми из местных жителей. Среди них был господин Рубен, турецкий еврей, работавший машинистом в метро. Господин Рубен встретил Бхактиведанту Свами в парке. Бхактиведанта Свами сидел на скамейке. Увидев святого человека из Индии, господин Рубен, человек общительный и к тому же немало поездивший по миру, сел рядом и заговорил с ним.

Господин Рубен: Он как будто знал, что у него будут храмы, заполненные преданными. Он, бывало, посмотрит вдаль и говорит: «Я не бедняк, я — богач. Храмы и книги уже есть — они существуют, и только время отделяет нас от них». Он всегда говорил «мы» и рассказывал о том, кто прислал его сюда, о своем духовном учителе. В то время он никого не знал в Америке, но говорил: «Я никогда не бываю один». Мне же он всегда казался очень одиноким человеком, поэтому я смотрел на него как на святого. Он чем-то напоминал мне пророка Илию, который всегда скитался в одиночестве. Насколько я мог судить, в то время у него не было никаких последователей.

30 января на восточное побережье США обрушились жестокие бураны. Нью-Йорк завалило снегом, толщина снежного покрова достигала восемнадцати сантиметров, а скорость ветра — двадцати трех метров в секунду. Тем, кто жил в домах без отопления, муниципальные власти предоставили теплые комнаты и еду. Аэропорт Кеннеди был закрыт, так же

как железные и автомобильные дороги. Из-за снегопадов дважды за восемь дней в городе объявляли чрезвычайное положение.

Сам по себе Бхактиведанта Свами ничего не мог поделать со снежными заносами или идущими в мире войнами, о которых кричали заголовки газет, — во всем этом он видел лишь приметы века Кали. Материальный мир всегда полон страданий. Но если бы он смог принести Радху и Кришну в один из домов Нью-Йорка... Для Верховного Господа нет ничего невозможного. Даже в разгар Кали-юги может начаться золотой век, и люди вздохнут свободнее. Если американцы примут сознание Кришны, их примеру последует весь мир. Глядя на мир сквозь призму священных писаний, Бхактиведанта Свами пробивался сквозь пургу и протапывал узкую тропинку, пытаясь найти поддержку для своей миссии сознания Кришны.

Если смотреть на него со стороны — маленькая фигурка, идущая по улицам Манхэттена в толпе других таких же фигурок, иностранец, у которого вот-вот кончится виза, — мы увидим лишь внешний облик Бхактиведанты Свами. Это были дни тяжелой борьбы и суровых испытаний, но его сознание всегда оставалось трансцендентным. Он не жил в сознании Манхэттена, но всегда и во всем полагался на Кришну, как это было на борту «Джаладуты», когда он перенес два жестоких сердечных приступа и только чтение «Чайтанья-чаритамриты» спасло ему жизнь.

Он уже добился успеха. Конечно, он хотел открыть в Нью-Йорке храм Радхи-Кришны, но успехом было уже то, что он постоянно помнил о Кришне, даже в Нью-Йорке зимой 1965 — 66 года, независимо от того, признал его мир или нет. Не проходило и дня, чтобы он не работал над книгой Кришны — «Шримад-Бхагаватам». Не было дня, чтобы он не предложил Кришне пищу и не говорил о философии Кришны, изложенной в «Бхагавад-гите».

В «Бхагавад-гите» Господь Кришна говорит: «Для того, кто видит Меня во всем сущем, а все сущее — во Мне, Я никогда не потерян, так же как и он никогда не потерян для Меня». И Кришна заверяет Своих чистых преданных в том, что Его бхакта «никогда не погибнет». Бхактиведанта Свами никогда не сомневался в этом. Непонятно было только одно — обратят ли американцы внимание на оказавшегося в их среде чистого преданного Господа. В то время казалось, что никто не собирается принимать его всерьез.

* * *

15 февраля Бхактиведанта Свами переехал из студии йоги доктора Мишры в свою собственную комнату двумя этажами ниже — комнату 307 в том же самом доме. По словам доктора Мишры он переехал, чтобы жить отдельно и не зависеть от «Общества йоги», которым руководил доктор Мишра.

Комната номер 307 никогда не предназначалась для жилья, ашрама или лектория. Это был маленький, узкий кабинет без мебели и телефона. В дверь было вставлено большое матовое стекло, как бывает в старых офисах, а над дверью находилась застекленная фрамуга. Свою постель Бхактиведанта Свами

положил прямо на пол перед металлическим сундучком, превратившимся в рабочий стол, за которым он писал. Спал он на полу. Здесь негде было готовить и даже мыться, поэтому ему приходилось каждый день ходить домой к доктору Митре.

Пока Бхактиведанта Свами жил в комнате номер 501 в ашраме доктора Мишры, доктор Мишра оплачивал все его расходы. Но теперь он мог рассчитывать только на самого себя. Все, что ему удавалось выручить от продажи книг, уходило на повседневные нужды и арендную плату, составлявшую семьдесят два доллара в месяц. Он обнаружил, что пакетик красного молотого перца в супермаркете в Вест-Энде стоит двадцать пять центов, то есть в десять раз дороже, чем в Индии. У него не было постоянного дохода, расходы его возросли, а бытовые условия ухудшились. Но зато теперь у него была своя комната. Здесь он мог проповедовать, как считал нужным.

Он приехал в Америку, чтобы рассказывать людям о Кришне, и пользовался любой возможностью делать это, будь то в компании, которая собиралась в гостиной Агарвалов, или на собрании в «Лайонс клуб» в Батлере, на уроке санскрита доктора Нормана Брауна или в «Обществе йоги» доктора Мишры. Но он не придавал большого значения чтению лекций перед теми, кто пришел послушать его один раз. Это было главной причиной, по которой он хотел иметь в Нью-Йорке собственное помещение, — дать людям возможность приходить к нему регулярно, петь мантру Харе Кришна, вкушать с ним *прасад* и слушать его лекции по «Бхагавад-гите» и «Шримад-Бхагаватам».

Переехав из студии йоги в маленькую комнату внизу, Бхактиведанта Свами получил то, что искал — собственное помещение, но при всем желании это место никак нельзя было назвать храмом. На двери висела табличка с его именем, так что всякий, кто искал Бхактиведанту Свами, мог найти его там. Но кто придет сюда? Храм должен привлекать людей к Кришне своим богатством и красотой, однако комната 307 была прямой противоположностью этому — в ней царил ничем не прикрытая нищета. Даже человеку, который интересуется духовными вопросами, вряд ли понравится сидеть на голом полу в комнате, похожей на узкий железнодорожный вагон.

Один из учеников доктора Мишры пожертвовал катушечный магнитофон, и Бхактиведанта Свами записал несколько сольных *бхаджанов*, которые исполнял, аккомпанируя себе на *караталах*. Он также записал на пленку длинное философское эссе «Введение в Гитопанишад». «Даже если никто не придет, — говорил ему Бхактисиддханта Сарасвати, — повторяй мантру стенам». Но поскольку теперь, на новом месте, куда его привел Господь, у него появилась возможность свободно проповедовать, он решил три раза в неделю (по понедельникам, средам и пятницам) читать лекции для всех, кто придет послушать его.

Первыми слушателями Бхактиведанты Свами были в основном люди, которые слышали о нем или встречались с ним в студии йоги доктора

Мишры. Несмотря на убогость обстановки в его комнате, эти встречи стали для него источником новой жизни.

* * *

На Седьмой улице, в Нижнем Ист-Сайде, в доме номер 64, находился макробиотический ресторан «Парадокс», где собирались последователи философии Джорджа Осавы. В полуподвальном помещении, тускло освещенном свечами, стояли маленькие столики. Еда была недорогая, но пользовалась хорошей репутацией. Чай подавали бесплатно, и можно было пить, сколько захочешь. Это был не просто ресторан, а центр духовной и культурной жизни, место встреч, что-то вроде ресторанчиков в Гринвич-вилледж или парижских кафе двадцатых годов. Посетитель мог провести в «Парадоксе» целый день, ничего не заказывая, и никто не сказал бы ему ни слова. Завсегдатаи «Парадокса» принадлежали к некоему мистическому братству и все до одного увлекались восточными учениями. Когда молва о новом *свами*, поселившемся у доктора Мишры, докатилась до «Парадокса», об этом быстро узнали все его посетители.

Свободный художник Харви Коэн и рабочий «Парадокса» Билл Эпштейн были друзьями. Несколько раз побывав на лекциях у Бхактиведанты Свами в студии йоги доктора Мишры, Харви с восторгом рассказал о новом *свами* Биллу и другим своим приятелям из «Парадокса».

Билл Эпштейн был человеком увлекающимся и романтичным, с черными кудрями до плеч и бородой. Красивый и энергичный, он взял на себя обязанность сообщать завсегдатаям ресторана обо всех новостях духовной жизни города. Заинтересовавшись новым *свами*, он стал постоянно упоминать о нем в разговорах, которые вел в ресторане.

Компания, собиравшаяся в «Парадоксе», была молодой и жадной до всего нового, не в пример пожилой более консервативной публике, посещавшей до этого лекции Бхактиведанты Свами. В те дни вид молодого человека с длинными волосами и бородой был еще зрелищем непривычным, и, когда завсегдатаи «Парадокса» стали приходить на лекции Свами в Вест-Сайде, люди постарше не на шутку встревожились. Один из них вспоминал: «Свами Бхактиведанта начал собирать вокруг себя совсем другую публику. Он находил их на Бауэри или на каких-то чердаках. Они приходили в нелепых шляпах, завернувшись в серые пледы, и я их побаивался».

Дэвид Аллен, двадцатилетний искатель приключений, который пришел к Свами из «Парадокса», переехал в город совсем недавно. Его привлекли эксперименты с наркотиками, о которых в то время много писали газеты. Первые слушатели лекций Свами показались ему «группой суматошных старух из Вест-Сайда».

Дэвид: Тогда нас еще не называли хиппи. Но людям, которые до этого собирались у него, мы казались странными. Им трудно было найти общий язык с новыми поклонниками Свами. Я думаю, что до этого большинство

учителей из Индии собирали вокруг себя главным образом людей старшего поколения. Нередко они кормились за счет богатых вдовушек. Но Свамиджи сразу же переключился на аудиторию, которая была моложе и беднее. Затем Билл Эпштейн и другие стали поговаривать, что будет лучше, если Свами переберется поближе к центру в Нижний Ист-Сайд. Все самое важное происходило именно там, а уж никак не в этой части города. Он нужен был там, в центре. Центр — это было то, что надо, и те, кто жил там, уже созрели для него. Там кипела жизнь, и там творились настоящие дела.

Однажды, когда Бхактиведанты Свами не было дома, кто-то забрался в комнату 307 и украл его пишущую машинку и магнитофон. Когда Бхактиведанта Свами вернулся, привратник сообщил ему о краже — неизвестный взломщик разбил стекло во фрамуге над дверью, влез внутрь, забрал ценные вещи и скрылся. Пока Бхактиведанта Свами слушал, в нем крепла уверенность, что вором был не кто иной, как сам привратник. Разумеется, он не мог ничего доказать, поэтому ему, разочарованному и огорченному, оставалось только примириться со случившимся.

Бхактиведанта Свами не хотел больше оставаться в своей комнате. Друзья предлагали ему новую пишущую машинку и магнитофон, но где гарантия, что привратник не обворует его еще раз? Харви Коэн и Билл Эпштейн советовали ему переехать в центр, уверяя, что среди молодежи, обитавшей там, он найдет более благодарных слушателей. Это предложение казалось ему заманчивым.

Харви собирался перебраться из Нью-Йорка в Калифорнию и предложил свою мансарду на Бауэри Свами и Дэвиду Аллену. Бхактиведанта Свами принял его предложение.

Когда он готовился переехать из комнаты на Семьдесят второй улице, знакомый электрик, работавший в этом доме, пришел, чтобы предостеречь его. Бауэри — не место для приличного человека, предупреждал он. Это вертеп. Он знал, что у Свами украли вещи из комнаты 307, но переезд на Бауэри — не выход из положения. Однако Бхактиведанта Свами был непреклонен.

* * *

Бхактиведанта Свами, переселившийся на Бауэри, сидел при тусклом свете электрической лампочки, так же как сотни бродяг и изгоев, живших по соседству. Как и у них, у него не было ни постоянного дохода, ни постоянного места жительства, и тем не менее сознание его было иным. Он переводил на английский язык «Шримад-Бхагаватам», обращаясь ко всему миру через комментарии Бхактиведанты. Где бы он ни жил — на четырнадцатом этаже многоквартирного дома на набережной Гудзона или в углу мансарды на Бауэри, — его долг состоял в том, чтобы проповедовать сознание Кришны которое так необходимо человечеству. Он продолжал работать над переводом и не переставал думать о том, как открыть в Нью-Йорке храм Господа

Кришны. Сознание Бхактиведанты Свами было сосредоточено на вселенской миссии Кришны, поэтому он мог жить где угодно. Домом для него было не здание из кирпича или дерева. С тех пор как он нашел прибежище под сенью лотосных стоп Кришны, он везде чувствовал себя как дома. Бхактиведанта Свами говорил своим друзьям: «Для меня всюду дом», — а для того, кто не нашел прибежища у стоп Кришны, весь мир превращается в безлюдную пустыню.

Новость о переезде Свами на Бауэри распространилась довольно быстро, главным образом благодаря разговорам в «Парадоксе», и люди стали приходить по вечерам, чтобы вместе с ним петь мантру. Музыкальные киртаны были особенно популярны на Бауэри, поскольку новые соседи Свами были в основном музыкантами и художниками, которых больше привлекала трансцендентная музыка, нежели философия. Каждое утро он читал лекции по «Шримад-Бхагаватам», на которые приходили Дэвид Аллен, юноша по имени Роберт Нельсон и еще один парень. Иногда он давал уроки кулинарного искусства для всех желающих, и всегда был готов уделить время для личной беседы со всяким любознательным посетителем или своим новым соседом по комнате.

Как и прежде, свои вечерние программы Бхактиведанта Свами проводил по понедельникам, средам и пятницам. Большинству его старых знакомых было неудобно добираться до его нового места жительства, которое к тому же находилось на Бауэри. В парадном, загородив проход, постоянно спали бездомные, и, прежде чем преодолеть четыре лестничных пролета, посетителям приходилось перешагивать по крайней мере через полдюжины бродяг. Но тем не менее люди заходили к нему, привлеченные новизной; мансарда Свами была местом, куда можно было прийти и, присоединившись к небольшой группе хиппи, смотреть, как Свами ведет киртан. В комнате, освещенной тусклым светом электрической лампочки, курились благовония. Многие случайные посетители, заглянув сюда, вскоре уходили.

Почти все друзья Бхактиведанты Свами, приходившие к нему на Бауэри, были музыкантами или друзьями музыкантов. Они увлекались музыкой — музыкой, наркотиками, женщинами и духовной медитацией. Поскольку пение мантры Харе Кришна было одновременно музыкой и медитацией, программы Бхактиведанты Свами не могли не привлечь их.

Для посетителей его программ на Бауэри звук был духом, а дух — звуком, и потому музыка стала для них синонимом медитации. Но для Бхактиведанты Свами музыка без имени Бога была не медитацией, а чувственным наслаждением или, в лучшем случае, неким подобием стилизованной медитации, которой занимаются имперсоналисты. Но он был рад, когда музыканты приходили, чтобы подыграть ему в киртанах, слушали его или подпевали ему. Бывало так, что какой-нибудь музыкант играл где-то всю ночь, а утром, проходя мимо, заходил к Свами и пел вместе с ним. Он не возражал против их увлечения звуком, напротив, он давал им звук. Веды называют звук первым элементом материального творения. Источником звука является Бог,

который всегда остается личностью. Поэтому смысл своей деятельности Бхактиведанта Свами видел в том, чтобы побудить людей повторять трансцендентное имя Личности Бога. А как они приходили к этому — через джаз, фолк, рок или индийскую медитацию, — особого значения не имело, главное, чтобы они начали повторять мантру Харе Кришна.

Плохое соседство мало беспокоило Бхактиведанту Свами. Нередко, возвращаясь домой, он находит под своей дверью спящих или валяющихся в беспомощности бродяг и был вынужден перешагивать через них. Иногда на него налетал какой-нибудь пьяный, просто потому, что не мог как следует держаться на ногах, бывало, что какой-нибудь бродяга бормотал ему вслед что-то невнятное или смеялся над ним. Более трезвые с шутовской галантностью уступали ему дорогу, когда он входил или выходил из дома номер 94 на Бауэри. Когда бродяги пропускали его, он, проходя мимо них, благодарил их за учтивость.

Разумеется, мало кто из обитателей Бауэри или других людей, встречавших его во время прогулок, знал что-нибудь о невысоком пожилом индийском садху в шафрановых одеждах, державшем в руках зонтик и бумажный пакет с продуктами.

* * *

Бхактиведанта Свами сидит со скрещенными ногами, прислонившись спиной к полке, на которой стоят цветы в горшках; в выцветшем, спадающем широкими свободными складками *чадаре*, обернутом вокруг тела, он выглядит серьезным, почти печальным. Эта фотография и сопровождающая ее статья появились в июльском номере «Вилледж войс». В статье говорилось:

Столкновение мистического Запада и практичного Востока можно наблюдать в любопытном контрасте между А. Ч. Бхактиведантой Свами и его американскими последователями.

Свами культурный, высокообразованный семидесятилетний мужчина, живет здесь уже год, проповедуя философию мира, доброй воли, близости к Богу, а в практическом плане — собирая деньги для того, чтобы открыть в Америке свою церковь... Как и его учение, Свами производит впечатление человека очень здравого и прямого. Смысл его философии в том, что человечество может приблизиться к Богу, повторяя Его святое имя.

Несмотря на то что Свами приехал в Америку в стремлении отыскать корни безбожного материализма — болезни, которая, по его словам, поразила даже Индию, — он тем не менее остается реалистом. «Если и есть на земле место, где можно собрать деньги на храм, то оно здесь». Свами мечтает основать в Америке Международное общество сознания Кришны, которое будет открыто для всех, в том числе и для женщин.

Автором статьи был журналист Говард Смит. Впервые он услышал о Свами по телефону от своего знакомого, который рассказал ему об одном достойном внимания индийском садху, поселившемся на Бауэри. «Ты можешь прийти туда в любое время, — сказал Говарду его знакомый, — он всегда на месте. Думаю, тебя это заинтересует. Я нисколько не удивлюсь, если в недалеком будущем он возглавит крупное религиозное движение».

Говард Смит: *Я поехал туда и поднялся на одну из тех невообразимых мансард, в которых обычно обитают художники. В дальнем углу я заметил занавеску из индийской ткани и направился прямо туда. Я заглянул за занавеску — там сидел Свами Бхактиведанта со скрещенными ногами, в одежде шафранового цвета, на лбу и на носу у него были какие-то знаки, руку он держал в мешочке с четками. Весь его облик был исполнен необыкновенного достоинства, но в то же время он выглядел вполне доступным, поэтому я сказал: «Здравствуйте». Он поднял глаза. Я спросил: «Свами Бхактиведанта?» Он ответил: "Да". Я сказал: «Меня зовут Говард Смит».*

Мы стали говорить, и он мне сразу очень понравился. Дело в том, что до этого я видел много других свами, и они мне не слишком нравились. Я думаю, было бы несправедливо сваливать их всех в одну кучу и говорить: «Эти индийские свами». Дело в том, что он был совсем, совсем простой, и, пожалуй, это привлекло меня в нем больше всего. Он не только располагал к себе, но и производил впечатление человека очень открытого и честного — так, при первой же встрече он спросил у меня совета. Он был совсем новичок в нашей стране.

Я подумал, что у его идей есть все шансы стать реальностью, так как он явно был человеком дела. Он не витал в облаках и не напускал мистического тумана. Надо полагать, душа его пребывала где-то в тех заоблачных сферах, но в обычном разговоре он никак этого не проявлял.

Потом он сказал, будто слышал, что наша газета пользуется хорошей репутацией и что ее читают в основном люди, которые могут заинтересоваться тем, что он проповедует. Я ответил, что это, пожалуй, верно. Он спросил меня, читал ли я книги о йоге и знаю ли что-нибудь об индийской культуре, и я сказал: «Нет, не знаю». Мы немного поговорили, и он рассказал мне, что у него есть книги ни английском языке, которые он перевел еще в Индии. Он протянул их мне и сказал: «Если хотите знать больше, прочтите эти книги».

Мне было ясно, что я имею дело не с каким-то шарлатаном, которому приснилось, что он увидел Бога, и теперь он собирается поведать об этом людям. Он производил впечатление человека очень образованного, куда более образованного, чем я. Но больше всего мне понравилась его скромность. Я как-то сразу проникся к нему симпатией.

Он объяснил мне все, что я хотел знать — почему он так одевается, какой смысл имеют знаки на лбу и зачем нужен мешочек с четками. Мне очень понравились все его объяснения. Все, о чем он говорил, было очень практично.

Потом он стал рассказывать о храмах, которые появятся во всем мире и сказал: «Да, впереди у нас долгий путь. Но я очень терпелив».

Бхактиведанта Свами не терял надежды открыть то, что статья в «Вилледж войс» назвала «его церковью в Америке». Его лекции и киртаны привлекали людей, и наконец вокруг него образовался небольшой круг постоянных слушателей. На помощь из Индии рассчитывать не приходилось. Он вел переписку с Сумати Морарджи, со своими духовными братьями и с правительством Индии, но их ответы были не очень обнадеживающими.

Если сознанию Кришны суждено было пустить корни в Америке, то это должно было произойти без помощи со стороны индийского правительства или индийских финансистов. Кришна давал Бхактиведанте Свами понять, что у Него другой план. Свами должен был направить всю свою энергию на молодежь, которая приходила к нему в мансарду на Бауэри. Он писал Сумати Морарджи:

Я пытаюсь сейчас официально зарегистрировать небольшую группу, состоящую из моих здешних друзей и поклонников, которая будет называться «Международное общество сознания Кришны».

* * *

Из всех своих друзей и последователей больше всего внимания он уделял своему соседу по комнате, Дэвиду Аллену. Он хотел дать Дэвиду особый шанс стать первым настоящим вайшнавом в Америке. Бхактиведанта Свами собирался когда-нибудь вернуться в Индию и хотел взять Дэвида с собой во Вриндаван. Он хотел показать ему храмовое богослужение и подготовить его для дальнейшей проповеди в странах Запада.

«Я рад сообщить вам, — сказал Бхактиведанта Свами на одной из своих лекций, — что наш мистер Дэвид иногда говорит мне: „Свамиджи, если бы вы только знали, как я хочу достичь духовного прогресса“». Изображая порыв Дэвида, Бхактиведанта Свами засмеялся. «Терпение, терпение, — говорю ему я. — Это обязательно произойдет. Если у тебя есть такое желание, Господь непременно поможет тебе. Он находится в твоём сердце и просто хочет увидеть, насколько ты искренен. Убедившись в твоей искренности, Он предоставит тебе все возможности для духовного прогресса».

Первое время Дэвид и Свами жили вместе очень мирно. Свами работал у себя за перегородкой, а Дэвид слонялся по просторной мансарде. Однако Дэвид упрямо продолжал принимать наркотики — марихуану, ЛСД, амфетамины, и Свами не оставалось ничего другого, как терпеть это. Он много раз говорил Дэвиду, что наркотики и галлюцинации не имеют с духовной жизнью ничего общего, но Дэвид, казалось, не слышал его. Он все больше и больше отдалялся от Свами.

Тем не менее Бхактиведанта Свами рассчитывал использовать мансарду под храм — превратить ее в первый в Нью-Йорке храм Радхи и Кришны, и надеялся в этом на помощь Дэвида. Хотя этот район был едва ли не самым убогим на свете, Бхактиведанта Свами говорил, что собирается привезти из Джайпура или Вриндавана Божества и начать поклоняться Им в храме, пусть даже на Бауэри. Он рассчитывал, что Дэвид будет помогать ему в этом. В конце концов, они жили в одной комнате, поэтому у Дэвида не было иного выбора, но сначала он должен был отказаться от дурных привычек.

Бхактиведанта Свами пытался помочь Дэвиду, однако тот стал совершенно невменяем. Он катился вниз, лишая Бхактиведанту Свами последней надежды на то, что он когда-нибудь откроет храм в их мансарде. Иногда, даже не находясь под действием наркотиков, Дэвид расхаживал по комнате взад и вперед, а иногда казался глубоко погруженным в свои мысли. Однажды, приняв дозу ЛСД, Дэвид совсем обезумел. По выражению одного из постоянных посетителей лекций Свами, Карла Йоргенса, «он просто спятил, и Свами пришлось иметь дело с сумасшедшим». К этому все и шло — «он был ненормальным мальчишкой, который ни в чем не знал меры». Но приступ настоящего безумия случился совершенно неожиданно.

Бхактиведанта Свами спокойно работал за пишущей машинкой, когда на Дэвида «накатило». Он начал стонать, расхаживая по пустой мансарде. Потом он стал орать, выть и метаться по комнате. Он ворвался туда, где сидел Свами, и Бхактиведанта Свами оказался лицом к лицу с Дэвидом, но не с тем милым, славным Дэвидом, которого он собирался взять с собой в Индию и показать ему вриндаванских брахманов, а с одуревшим от наркотиков безумцем, у которого дико горели глаза.

Бхактиведанта Свами попробовал было заговорить с ним. «Что случилось?» — спросил он, но Дэвиду нечего было сказать. Это была не обычная размолвка. Это было безумие...

Бхактиведанта Свами быстро спустился вниз по лестнице, не останавливаясь ни на одном из четырех пролетов. Он не стал собирать вещи и даже не решил, уходит ли он совсем или вернется назад. Времени на размышления не было. Потрясенный случившимся, он бежал из мансарды, оставив там обезумевшего Дэвида. Как всегда, у дверей сидели бездомные бродяги, которые с обычной шутовской любезностью уступили ему дорогу. Они привыкли, что Свами то приходит, то уходит, идет за покупками, возвращается назад, и не приставали к нему. Однако сегодня он шел не за покупками. Куда — этого он не знал. Он вышел на улицу, не зная, куда направиться.

Он больше не вернется в свою мансарду — это решено окончательно. Но куда он пойдет? С крыши на крышу перелетали голуби, гудели автомобили, по улице слонялись вездесущие бродяги, пьяные от дешевого ядовитого зелья. Хотя дом Бхактиведанты Свами внезапно превратился в крошечный ад, улица за его порогом была ничуть не менее опасным местом. Он был совершенно

выбит из колеи. Он мог бы позвонить в общество доктора Мишры, и они забрали бы его к себе. Но он уже перевернул эту страницу своей жизни и нашел нечто лучшее. У него уже была группа молодых последователей, которые слушали его и вместе с ним пели мантру. Неужели все кончено? После девяти месяцев его пребывания в Америке люди наконец откликнулись на его проповедь и киртаны. Он не мог сейчас бросить все это.

А.Ч. Бхактиведанта Свами Махараджа, выдающийся ученый и преданный, которого во Вриндаване знал и уважал каждый, перед которым в Индии были открыты все двери и который в любой момент мог получить аудиенцию вице-президента и других высокопоставленных лиц, внезапно обнаружил, что в Америке у него нет ни одного влиятельного знакомого. Совершенно неожиданно он оказался таким же бездомным, как эти уличные бродяги. На самом деле многие из них находились даже в лучшем положении, чем он — у них, по крайней мере, были постоянные места в ночлежках.

Они были конченными, но худо-бедно устроенными людьми. Для того, кто шел по Бауэри без какой-либо определенной цели — не в магазин и не из магазина домой, — эта улица могла стать сущим адом. Это было не то место, где можно стоять, раздумывая над тем, куда пойти или к какому другу попроситься на ночлег. Сейчас он не направлялся за покупками в Чайнатаун и не вышел, чтобы немного погулять и вернуться в свою мансарду. Возвратиться туда он не мог, а значит, у него больше не было своего угла.

Как же трудно становилось проповедовать в Америке среди всех этих сумасшедших! В стихотворении, которое он написал в тот день, когда «Джаладута» пришвартовалась в гавани Бостона, были строки, оказавшиеся пророческими: «О Господь, я не знаю, зачем Ты привел меня сюда. Теперь Ты можешь делать со мной все, что Тебе угодно. Я догадываюсь, однако, что здесь у Тебя есть какое-то дело, иначе зачем бы Ты привел меня в это ужасное место?» Что будет теперь с его регулярными лекциями? Что будет с Дэвидом? Может, стоит вернуться и попытаться поговорить с ним? У Дэвида это был первый приступ агрессивности, но напряженные ситуации возникали и раньше. Так, у Дэвида была привычка оставлять мыло на полу в душе, и Бхактиведанта Свами много раз просил Дэвида не бросать его там, поскольку это очень опасно. Но Дэвид пропускал слова Свами мимо ушей. Бхактиведанта Свами все время напоминал ему об этом, пока однажды Дэвид не разозлился и не накричал на него. Но в его поведении никогда не было настоящей враждебности. Даже сегодняшний инцидент произошел не на почве личной неприязни — парень сам был жертвой.

Бхактиведанта Свами быстро шагал по улице. У него было право на бесплатный проезд на кораблях «Синдии». Он мог бы вернуться домой во Вриндаван. Но его духовный учитель велел ему приехать сюда. «По воле Шри Шримад Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура, — писал он, пересекая Атлантику, — святое имя Господа Гауранги узнают во всех странах Запада». До наступления темноты нужно было где-то устроиться, чтобы иметь возможность продолжать проповедь. Вот что значит работать без поддержки

правительства, без помощи какой-либо религиозной организации, без покровителя. Это значит, что ты всегда будешь уязвимым и беззащитным.

Бхактиведанта Свами встретил этот критический момент как испытание, посланное ему Кришной. «Бхагавад-гита» советует нам всегда искать защиты у Кришны: «Во всем полагайся на Меня и всегда действуй под Моим покровительством. Занимайся преданным служением и всегда помни обо Мне... Моей милостью ты преодолеешь все препятствия обусловленной жизни».

Он решил позвонить Карлу Йоргенсу, одному из постоянных посетителей его лекций, и попросить его о помощи. Услышав в трубке голос Свами — случилось нечто чрезвычайное! — Карл тут же сказал, что Свами может переехать к ним. Они с женой Евой жили рядом, на Центральной улице, в пяти кварталах к западу от Бауэри недалеко от Чайнатауна. Там и будет ждать его Карл.

* * *

Прошла неделя. Карлу и его друзьям пока не удавалось найти для Свами подходящего жилья, поэтому Бхактиведанта Свами предложил Карлу сходить с ним к Майклу Гранту и попросить его помочь. Майк, молодой музыкант, живший на Бауэри, ходил на программы Свами и проявлял живой интерес к тому, о чем он говорил. Человек он изобретательный и, наверняка, что-нибудь придумает.

Выслушав историю Свами, Майк почувствовал, что обязан ему помочь. На следующий день он отправился в редакцию «Вилледж войс», взял свежий экземпляр газеты, просмотрел рекламные рубрики и, обнаружив подходящее объявление, позвонил хозяину. Это был магазинчик на первом этаже одного дома на Второй авеню. Хозяин, некий господин Гардинер, согласился встретиться с Майком прямо там. Карл и Свами тоже захотели прийти.

Господин Гардинер и Майк пришли первыми. Майк обратил внимание на необычную самодельную вывеску над витриной, на которой было написано «Бесценные дары». Она, объяснил господин Гардинер, осталась от тех времен, когда в этом помещении находился антикварный магазин, торговавший сувенирами Майк представил Свами как духовного учителя из Индии, автора многих книг и знатока санскрита. На хозяина это как будто произвело впечатление. Когда приехали Карл и Свами, они познакомились с господином Гардинером, и тот показал им магазинчик. Свами, Карл и Майк тщательно изучили его возможности. Это было нежилое, пустое и темное — электричество отключили — помещение, к тому же стены нужно было покрасить заново. Оно подходило для собраний, но вряд ли годилось для того, чтобы в нем жил Свами. Однако за сто двадцать пять долларов в месяц оно их вполне устраивало. Но тут господин Гардинер показал им небольшую квартиру на втором этаже того же здания прямо за магазином, через двор. Еще семьдесят один доллар в месяц и Свами сможет жить здесь, однако сначала

господин Гардинер должен сделать в квартире ремонт. Общая сумма составила сто девяносто шесть долларов, и они решили, что Карл, Майк и другие сумеют собрать эти деньги.

У Бхактиведанты Свами возникла идея сделать господина Гардинера первым официальным попечителем своего еще только зарождавшегося общества сознания Кришны. Во время их разговора он подарил господину Гардинеру трехтомник своего перевода «Шримад-Бхагаватам». На титульном листе он сделал дарственную надпись и подписался «А.Ч. Бхактиведанта Свами». Получив эти книги в подарок от самого автора, господин Гардинер был чрезвычайно польщен. Он согласился стать попечителем нового общества сознания Кришны и ежемесячно вносить в его кассу двадцать долларов.

Покраска квартиры заняла у господина Гардинера неделю. Тем временем Майк позаботился о том, чтобы включили электричество, воду и поставили телефон. Они с Карлом собрали среди своих друзей деньги на оплату аренды за первый месяц. Когда все было готово, Майк позвонил Карлу, у которого временно жил Свами.

И вот настало время перевозить Свами на новую квартиру. Несколько его друзей, те, кто оказался под рукой, поднялись вместе со Свами в мансарду на Бауэри. Они, может быть, еще не были готовы к тому, чтобы стать его послушными учениками, но дать деньги на оплату помещения за первый месяц и поработать несколько часов, чтобы помочь ему устроиться на новом месте, — это они делали с большим удовольствием.

В мансарде они собрали и упаковали вещи Свами и пошли пешком по Бауэри. Это было похоже на сафари — караван из шести человек, груженных вещами Свамиджи. Майкл тащил тяжелый магнитофон «Робертс», и даже сам Свами нес два чемодана. Все произошло так стремительно, что только на середине пути, когда у Майка заболела рука, он подумал: «Почему мы не взяли такси?»

Был конец июня, подернутое дымкой солнце высоко стояло над джунглями Бауэри и нещадно пекло. Странная процессия, растянувшаяся на целый квартал, медленно, с остановками, шествовала по улице. Свамиджи еле-еле тащил свои чемоданы мимо казавшегося бесконечным ряда оптовых магазинчиков, снабжающих рестораны, и магазинов электротоваров, расположившихся между улицами Гранд, Брум и Спринг. Время от времени он останавливался, ставил чемоданы на землю и отдыхал. Наконец-то он уезжает с Бауэри. Его знакомый электрик с Семьдесят второй улицы наверняка порадовался бы за него, хотя квартира на Второй авеню вряд ли понравилась бы ему. По крайней мере, он больше не будет жить среди бродяг. Он шел дальше, мимо бездомных, слонявшихся возле приюта Армии спасения, мимо открытых дверей забегаловок, останавливался у светофоров, стоял рядом с совершенно незнакомыми ему людьми и следил за продвижением вереницы идущих за ним друзей.

Художники и музыканты с Бауэри считали его «необыкновенно продвинутым». Они чувствовали, что Свамиджи движет духовная сила, и

очень хотели помочь ему получить собственное помещение, где бы он смог проповедовать и осуществить свою духовную миссию. Сейчас Свамиджи зависел от них, но они знали, что он находится на «более высоком уровне» и не нуждается ни в чьем покровительстве, или, как он сам говорил, его хранит Господь.

Свами и его молодые друзья добрались до угла Бауэри и Хьюстон-стрит, повернули направо и пошли на восток. Он шел, глядя все время вперед, и, наконец, увидел южную оконечность Второй авеню. Оставалось пройти всего один квартал. Дойдя до перекрестка он повернет на Вторую авеню, пройдет еще квартал, пересечет Первую улицу и придет к своему новому дому. Как только он миновал вход в метро, показался магазин «Бесценные дары». Он перехватил чемоданы и зашагал вперед. На углу Второй авеню и Хьюстон-стрит, он, выждав удобный момент, поспешно пересек улицу. Уже видны были зеленые кроны деревьев над высоким забором, который огораживал двор его будущего дома. Деревья росли в небольшом дворике между домами и тянулись вверх, словно разросшийся бурьян.

В здании, выходящем на улицу, находилось помещение, где Свами будет проводить программы, а в глубине двора стояло здание, в котором ему предстояло жить и работать над переводами. С северной стороны к дому примыкало массивное десятиэтажное помещение склада. В доме, где находился магазин «Бесценные дары», было всего шесть этажей, и рядом с этим огромным сооружением он казался карликом, прилепившимся к исполину. С южной стороны к дому, в котором расположился новый храм Бхактиведанты Свами, не примыкало никаких зданий. Голая, без окон цементная стена выходила на автостоянку и бензоколонку «Мобиль», на углу Первой улицы и Второй авеню. Подойдя к магазину, Бхактиведанта Свами увидел два маленьких фонаря, которые украшали вход в его будущий храм.

Он не знал, что ждет его здесь. Но он уже видел благоприятные признаки, предвещавшие, что молодые американцы, которые иногда бывают не в себе, все-таки смогут влиться в движение *санкиртины*, начатое Господом Чайтаньей. Кто знает, может быть, этому дому суждено стать тем самым местом, где ему удастся наконец заложить фундамент Международного общества сознания Кришны.

2 - Так проросло семя

Район, в который переехал Бхактиведанта Свами, был не таким нищим и убогим, как Бауэри, хотя приличным его тоже нельзя было назвать. Прямо напротив «Бесценных даров» находился магазин надгробных памятников братьев Вайцнеров и Пеппера. В его мрачных, тускло освещенных витринах были выставлены могильные плиты. С северной стороны к магазину братьев Вайцнеров примыкала «Закусочная Сэма». Рядом с «Сэмом» стоял старый четырехэтажный дом с надписью «A.I.R.^[1]», за ним — «Памятники» Бена Дж. Горовица (опять надгробные камни), а у перекрестка — похоронное бюро Шварца. В начале следующего квартала в доме номер 43 находилось похоронное бюро Провензано Ланзы, о чем сообщала надпись на потрепанном тенте, висевшем над тротуаром. Следом за ним разместилась «Мелкооптовая торговля Космос (импортеры)», а пройдя еще несколько кварталов в сторону от центра, можно было увидеть броскую черно-белую вывеску театра «Вилледж-Ист».

По той же стороне улицы, где находились «Бесценные дары», через один квартал стояла церковь Рождества — старое трехэтажное здание, недавно покрашенное голубой краской, с позолоченным крестом наверху. Шестиэтажный дом номер 26 по Второй авеню, на фасаде которого красовалась грязно-зеленая пожарная лестница, жался к массивному девятиэтажному зданию нескораемых складов Никербокера.

Вторая авеню была главной транспортной артерией восточного Манхэттена. Светофор на пересечении Хьюстон и Второй останавливал потоки автофургонов, такси и частных автомобилей прямо перед дверьми Бхактиведанты Свами. С раннего утра и до позднего вечера слышался гул проносившихся мимо машин, то и дело сменявшийся визгом тормозов, — выстроившись плотными рядами, машины замирали в напряженном ожидании, раздавались нетерпеливые гудки клаксонов, затем — скрежет передач, урчание набирающих скорость моторов и снова гул. На несшиеся мимо нескончаемым потоком автомобили трудно было не обращать внимания.

На первом этаже дома номер 26 по Второй авеню было два нежилых помещения, выходивших на улицу. В том, что слева, находилась прачечная-автомат; в другом, справа, был когда-то магазин сувениров, но теперь оно пустовало. В каждом из них были узкие входные двери и большие витрины. Оба помещения были окрашены скучной краской. Под вывеской «Бесценные дары» — квадратная витрина примерно два на два метра, в которой несколько недель назад стояли спичечные коробки с фотографиями кинозвезд тридцатых и сороковых годов. Вывеска «Бесценные дары» — единственное,

что осталось от магазина сувениров, который недавно переехал в другое место. Под витриной на уровне тротуара находилась железная двустворчатая дверь, за которой начиналась каменная лестница, ведущая в подвал и котельную. Широкий тротуар был вымощен разнокалиберными плитами. Их клали в разные годы, и кое-где плиты потрескались и просели. В трещинах и выбоинах скопилась пыль, в которой поблескивали мелкие осколки стекла. На краю тротуара угрюмо торчал черный пожарный гидрант. Между входом в прачечную и входом в бывший антикварный магазин находился парадный подъезд дома номер 26. За его дверьми — вестибюль с почтовыми ящиками в ряд и переговорными устройствами, а дальше, за дверью, которая всегда была на замке, находился коридор, ведущий на лестницу и во двор.

Вход в магазин подарков располагался слева от витрины. Дверь представляла собой темную деревянную раму со стеклом во всю высоту. За дверью находилось длинное, узкое и совершенно пустое помещение. Справа от двери, под витриной, стоял подиум, как раз такой высоты, чтобы на нем можно было сидеть. В дальнем углу этой пустой, грязной комнаты виднелись два зарешеченных окна с давно не мытыми стеклами, выходившие на задний двор. В левом углу находилась небольшая раковина, висевшая на кабинке туалета, дверь которого была обращена ко входу. Дверь в левой боковой стене магазина открывалась в коридор, ведущий во двор.

Двор, обсаженный кустарником и высокими деревьями, был выложен бетонной плиткой с геометрическим рисунком. Во дворе стоял садовый столик, кроме того там были цементный бассейн для птиц и скворечник на шесте, а посередине были разбиты две клумбы, обсаженные кустами живой изгороди. С севера и юга сад был обнесен высокой стеной, спереди и сзади стояли два жилых дома. Клочок голубого неба над головой вносил в эту картину умиротворяющую ноту.

Окна квартиры Бхактиведанты Свами, расположенной на втором этаже в заднем корпусе дома номер 26 по Второй авеню, выходили во двор. Здесь ему предстояло жить, работать и поклоняться Господу. С помощью своих друзей с Бауэри он привел квартиру в порядок и устроился на новом месте. В задней комнате — своем кабинете — он положил на пол у стены тонкую подушку в наволочке с набойкой, изображавшей слонов, а перед ней поставил свой некрашенный металлический сундучок, служивший ему письменным столом. На него он поместил пишущую машинку, а вокруг разложил свои бумаги и книги. Здесь будет его рабочее место. Рукописи, завернутые в шафрановую ткань, экземпляры "Шримад-Бхагаватам" и немногочисленные личные вещи он сложил в шкафу у противоположной стены, а над своим рабочим местом повесил индийский календарь с изображением Господа Кришны. (Юный Кришна играет на флейте, а позади Него корова. Господь Кришна стоит на планете Земля, которая похожа на небольшой холм у Него под ногами.) В восточной стене было два окна, и лучи утреннего солнца, проходившие сквозь пожарную лестницу, косыми полосами ложились на пол.

В другой комнате не было ничего, кроме фигурного кофейного столика, который стал алтарем Бхактиведанты Свами. На него он поставил картину в раме, изображавшую Господа Чайтанью и Его спутников, а на стену повесил индийский календарь с четырехруким Господом Вишну и небесным змеем Анантой-Шешей. Здесь, как в мансарде на Бауэри, он протянул веревку для сушки белья.

Обе комнаты недавно покрасили. Полы были выстелены дубовым паркетом. Недавно отремонтированная ванная тоже сияла чистотой, так же как и узкая, обставленная мебелью кухня. Там, у окна, Бхактиведанта Свами будет часто стоять, глядя вверх стены, которой огорожен двор. Он переехал сюда, не зная, удастся ли ему заплатить аренду за следующий месяц.

За несколько лет до переезда Бхактиведанты Свами в трущобы Нижнего Ист-Сайда туда пришли новые обитатели. Несмотря на многочисленные социологические и культурологические исследования, до сих пор остается неясным, почему они вдруг появились здесь, словно огромная стая птиц или животных, которые одновременно двинулись в путь, послушные зову инстинкта, и почему спустя несколько лет исчезли.

Первые пришельцы в большинстве своем были молодыми художниками, музыкантами и интеллектуалами, вроде хиппующей публики, которая собиралась у Прабхупады на Бауэри. Затем появились молодые бунтари, выходцы из семей среднего класса Америки. Поскольку здесь было больше пустующих квартир, а квартплата ниже, чем в соседнем Гринвич-Вилледже, они оккупировали Нижний Ист-Сайд, который на языке квартирных маклеров стал называться Ист-Вилледжем. Многие из них даже не пытались найти себе жилье, а устраивались прямо в подъездах домов. Привлеченные дешевым жильем и перспективой богемной жизни, эти молодые представители среднего класса — авангард общенационального молодежного движения, те, кого средства массовой информации вскоре окрестят «хиппи», — двинулись в трущобы Нижнего Ист-Сайда, выражая протест против мещанских идеалов американского общества.

Словно повинувшись зову инстинкта, за хиппи постарше потянулись молодые беглецы-подростки, а следом за ними в Нижний Ист-Сайд пришла полиция, адвокаты, работники социальных служб, появились молодежные общежития и консультативные наркологические центры. На площади Св. Марка расцвела новая коммерция — магазины для наркоманов, магазины плакатов, магазины грампластинок, художественные галереи, книжные лавки, в которых было все — от папиросной бумаги до одежды хиппи и психоделических светильников.

Хиппи приходили в Нижний Ист-Сайд в полной уверенности, что нашли наконец, так же как когда-то их предки-иммигранты, землю обетованную. Когда взорам иммигрантов прошлого, которые приезжали в Америку из Европы, в конце концов открывался силуэт Манхэттена и статуя Свободы, гавань Нью-Йорка казалась им воротами в сказочную страну богатств и неограниченных возможностей. Теперь, в 1966 году, американская молодежь со

своими надеждами устремилась в Нью-Йорк, и вид только что открытой мистической земли — трущоб Нижнего Ист-Сайда — наполнял их сердца восторгом .

Соседство было беспокойное: с одной стороны — хиппи, с другой — пуэрториканцы, поляки и украинцы. Коренные жители этих районов возмущались пришельцами, которых, в отличие от них, *никто не заставлял* жить в трущобах. И действительно, многие молодые хиппи происходили из семей иммигрантов, поколениями боровшихся за то, чтобы занять место среди представителей американского среднего класса. Тем не менее молодежная миграция в Нижний Ист-Сайд была такой же реальной, как в свое время иммиграция пуэрториканцев, поляков или украинцев, хотя причины ее, разумеется, были другими.

Хиппи отвергали мещанский образ жизни своих родителей, идиотский оптимизм телевидения и рекламы и отказывались от эфемерных целей и идеалов американского среднего класса. Они разочаровались в родителях, учителях, священнослужителях, политических лидерах, в средствах массовой информации, были недовольны американской политикой во Вьетнаме. Их привлекали радикальные политические идеологии, рисовавшие Америку жестоким, эгоистичным гигантом-эксплуататором, который должен либо измениться, либо погибнуть. Они искали подлинной любви, подлинного мира, подлинной жизни и подлинного духовного сознания.

Этим летом, когда Бхактиведанта Свами переехал на Вторую авеню в дом номер 26, первая волна великого молодежного бунта шестидесятых уже докатилась до Нижнего Ист-Сайда. Здесь они обрели долгожданную свободу — свободу жить просто и бедно, выражая себя в искусстве, музыке, наркотиках и сексе. Все только и говорили что о духовных поисках. ЛСД и марихуана открыли им доступ в новые сферы сознания. В моде были восточные культуры и восточные религии. С помощью наркотиков, йоги, братства или просто свободы они надеялись обрести просветление. Каждому полагалось сохранять непредубежденность, широту взглядов и творить собственную космическую философию, замешанную на непосредственных переживаниях, экспериментах с наркотиками и застрявших в памяти отрывках из случайно прочитанных книг. Даже если их жизнь казалась бесцельной, они, по крайней мере, гордились тем, что вышли из бессмысленной игры, где игрок продает душу за материальные блага и тем самым поддерживает уже прогнившую социальную систему.

Итак, в 1966 году тысячи молодых людей бродили по улицам Нижнего Ист-Сайда — не просто одурманенные наркотиками или сошедшие с ума (хотя были среди них и такие), а в поисках смысла жизни. Они презирали идеалы «истэблишмента» и повседневную жизнь, которую вели миллионы «добропорядочных» американцев.

Бхактиведанта Свами был удивлен тем, что в процветающей Америке могло появиться столько недовольных молодых людей. Это лишнее доказывало, что материальное благополучие, которым так гордилась Америка,

не способно сделать людей счастливыми. Бхактиведанта Свами не пытался объяснить трагизм жизни окружающих его людей какими-нибудь социальными, политическими, экономическими или культурными факторами. Ни условия жизни в трущобах ни молодежные бунты сами по себе не имели первостепенного значения. Все это было лишь симптомами всеобщего несчастья, единственным лекарством от которого является сознание Кришны. Он сочувствовал страданиям каждого из них, но ему было известно универсальное средство, которое поможет людям раз и навсегда избавиться от страданий.

До переезда в Нижний Ист-Сайд Бхактиведанта Свами не занимался изучением молодежного движения в Америке. Он никогда не задавался целью поселиться именно среди молодежи. Но в течение десяти месяцев, прошедших после его отъезда из Калькутты, Бхактиведанта Свами силою обстоятельств или, как он сам говорил, «по воле Кришны» был вынужден постоянно переезжать с места на место. По указанию своего духовного учителя он приехал в Америку и по воле Кришны оказался в Нижнем Ист-Сайде. Его миссия оставалась здесь той же, что и на Бауэри, в студии доктора Мишры и даже в Индии. Он твердо следовал указаниям своего духовного учителя и придерживался ведической философии — взглядов, на которых не могли сказаться радикальные перемены, происходившие в обществе в середине шестидесятых. Если случится так, что вследствие изменений в культурном климате Америки эти молодые люди окажутся более восприимчивыми к его словам, то он будет только рад этому. И если это произойдет, то также по воле Кришны.

Несмотря на революцию хиппи, это время из-за пагубного влияния века Кали было, в сущности, самым неблагоприятным для духовного развития. На Бхактиведанту Свами была возложена задача, которую не приходилось решать никому из духовных учителей прошлого: он пытался пересадить ведическую культуру на самую неподходящую для нее почву. Поэтому он знал, что работа ему предстоит необычайно трудная. И все же, даже в этот неблагоприятный для духовной практики век, как раз накануне переезда Бхактиведанты Свами в Нижний Ист-Сайд толчки недовольства и протеста против культуры Кали-юги стали сотрясать американское общество, выбрасывая на улицы Нижнего Ист-Сайда в Нью-Йорке толпы молодых людей, искавших то, чего не могла дать им повседневная жизнь, — альтернатив и духовного удовлетворения. Этой молодежи, сошедшей с проторенных путей материалистического образа жизни и собравшейся теперь в Нижнем Ист-Сайде, суждено было — случайно или по воле провидения — стать паствой Бхактиведанты Свами, который в своем магазинчике предлагал им «бесценные дары» — киртаны и духовное знание.

Приезд Бхактиведанты Свами прошел почти незамеченным. Соседи говорили, что какой-то приезжий занял помещение магазина сувениров рядом с прачечной. В витрине появилась странная картина, но никто не знал, что все это значит. Никто из них не знал, что такое «Бхагавад-гита», а те, кто

знал, подумали: «Наверное, лавка, торгующая книгами по йоге, или что-нибудь в этом роде». Жившие в квартале пуэрториканцы иногда останавливались у витрины, разглядывали картину Харви Коэна, на которой был изображен поющий и танцующий Господь Чайтанья со Своими спутниками, и молча отходили. Управляющего соседней автозаправочной станцией «Мобил» совершенно не интересовало, кто туда вселился — для него это не имело никакого значения. Это нисколько не заботило и торговцев могильными плитами, а также владельцев похоронных бюро напротив. Что же до водителей бесчисленных машин и грузовиков, проезжавших мимо, то для них дома, в котором поселился Свами, вообще не существовало. Однако нашлись молодые люди, которых эта картина заинтриговала. Они подходили к окну и читали объявление на листке бумаги. Некоторые из них даже слышали о «Бхагавад-гите», хотя картина с Господом Чайтаньей и танцующими фигурами как будто не имела к ней никакого отношения. Кто-то решил сходить на лекции Свами Бхактиведанты и разведать обстановку.

Однажды июльским утром Говард Уилер торопился к своему приятелю, жившему на Пятой улице, в тихой квартире которого он надеялся немного отдохнуть. С Мот-стрит он дошел до Хьюстон-стрит, повернул направо и пошел на восток, через Бауэри. Обходя пошатывающихся бродяг, он шел навстречу потоку машин в сторону Второй авеню.

Говард: Я перешел Бауэри и, не доходя до Второй авеню, увидел Свамиджи. С высоко поднятой головой, он бодро шел по тротуару, держа руку в мешочке с четками. Увидев его, я остолбенел. Это было все равно что встретить на улице знаменитого актера из какого-нибудь нашумевшего фильма. Он казался пришельцем из вечности. На нем была традиционная одежда санньяси шафранового цвета и странные белые туфли с острыми носами. Здесь, на Хьюстон-стрит, он казался джинном, выскочившим из лампы Алладина.

Говарду исполнилось двадцать шесть лет, это был рослый молодой человек с длинными темными волосами и густой бородой, носивший очки в черной оправе. Он преподавал английский язык в университете штата Огайо и только что вернулся из Индии, где пытался найти настоящего гуру.

Бхактиведанта Свами заметил Говарда, и они остановились почти одновременно. Говард сказал первое, что пришло в голову: «Вы из Индии?»

Бхактиведанта Свами улыбнулся: «Да, а вы?»

Говард: Я ответил отрицательно, но сказал, что недавно был там и очень интересуюсь Индией и философией индуизма. Он рассказал мне, что приехал из Калькутты и что в Нью-Йорке он уже около десяти месяцев. Глаза у него были ясные и добрые, как у ребенка, и, даже стоя на тротуаре Хьюстон-стрит, по которой с ревом и гулом проносились грузовики, он излучал невозмутимое спокойствие, источник которого был неиссякаем и находился где-то очень далеко от огромного города, грохотавшего вокруг нас.

В тот день Говард так и не дошел до своего друга. Он вернулся к себе на Мот-стрит, к Кейту и Уолли, своим соседям по комнате, и рассказал им и всем,

кого знал, о гуру, который непостижимым образом появился совсем рядом с ними. Он рассказал, как он и Свами стояли и разговаривали и как Свами сказал, что живет недалеко, на Второй авеню, где собирается читать лекции.

Говард: *Я дошел с ним до угла. Он указал на здание с магазинчиком на первом этаже дома, который находился между Первой и Второй улицей, рядом с заправочной станцией «Мобил». Раньше это была антикварная лавка. Над витриной красовалась вывеска «Бесценные дары». В то время я еще не понимал пророческого смысла этих слов. «Как по-вашему, это хороший район?» — спросил он меня. Я сказал, что, на мой взгляд, район вполне приличный. Я понятия не имел, о чем он собирается говорить на своих «лекциях», но знал — все мои друзья будут рады тому, что по соседству поселился индийский свами.*

Молва о новом свами быстро разлетелась по округе. Для Карла Йоргенса и других приходиться сюда с Бауэри и из Чайнатауна стало не так-то просто — у них было много других дел, но Рой Дюбуа, двадцатипятилетний автор текстов для комиксов, который бывал у Свами еще на Бауэри, услышав, что Свами переехал, решил непременно зайти к нему. Не забыли о Свами и Джеймс Грин с Биллом Эпштейном — они тоже намеревались прийти. Ресторан «Парадокс» по-прежнему собирал посетителей, многие из которых хотели побывать на лекциях Свами. Другие, как, например, Стивен Гуарино, увидели объявление Свами в витрине. Стиву было двадцать шесть лет, он занимался организацией помощи неблагополучным семьям в городском управлении социального страхования, которое находилось на углу Пятой улицы и Второй авеню. Когда однажды в обеденный перерыв он шел с работы домой, то увидел приклеенное к витрине объявление Свами. Стив, недавно прочитавший дешевое издание «Гиты», решил прийти и послушать его лекции.

В тот день, когда Говард вместе со Свами стоял возле витрины, он тоже обратил внимание на небольшое объявление:

ЛЕКЦИИ ПО БХАГАВАД-ГИТЕ А.Ч. БХАКТИВЕДАНТА СВАМИ
ПОНЕДЕЛЬНИК, СРЕДА, ПЯТНИЦА

19.00-21.00

— Вы приведете своих друзей? — спросил Прабхупада.

— Да, — пообещал Говард. — В понедельник вечером.

* * *

Был теплый летний вечер. Окна, выходящие во двор и передняя дверь в магазинчик были распахнуты настежь. На полу сидели молодые люди в черных джинсах и спортивных рубашках в широкую неяркую полоску. Свои потрепанные спортивные тапочки они оставили у входа. Большинство из них было с Нижнего Ист-Сайда, и, чтобы попасть сюда, никому не пришлось идти далеко. В небольшой комнате не было ничего — ни картин, ни мебели, ни

ковра, ни даже стула. Только несколько простых соломенных циновок. Посреди комнаты с потолка свисала единственная лампочка без абажура. Было семь часов вечера, собралось уже человек двенадцать, когда неожиданно открылась боковая дверь и в комнату вошел Бхактиведанта Свами.

Он был без рубашки, его тело покрывала шафрановая ткань, так что руки и часть груди оставались обнаженными. Кожа у него была ровного золотисто-коричневого цвета, и, по мере того как они разглядывали его — его обриту наголо голову, уши с длинными мочками и серьезное лицо, — он все больше и больше казался им похожим на Будду, погруженного в медитацию, каким его обычно изображают на картинах. Он был стар, но держался прямо, выглядел бодрым и энергичным. Его лоб был украшен вайшнавскими знаками, нанесенными желтоватой глиной.

Заметив широкоплечего, бородатого Говарда, Бхактиведанта Свами улыбнулся:

— Вы привели друзей?

— Да, — ответил Говард своим громким басом.

— Очень хорошо.

Бхактиведанта Свами снял белые туфли, сел на тоненькую циновку, оглядел своих слушателей и знаком велел им сесть. Он раздал несколько пар литых бронзовых тарелочек и быстро показал, как отбивать ритм: раз-два... три. Он заиграл — раздался необычный звон — и запел: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Теперь очередь была за ними. «Пойте», — сказал он. Некоторые уже знали эту мантру, постепенно ее подхватили другие, и после нескольких повторов уже пели все.

Большинство молодых людей и несколько присутствовавших здесь девушек не раз и не два отправлялись в психоделическое путешествие, стремясь расширить свое сознание и получить доступ в новые сферы бытия. Очертя голову они кидались в бурные, запретные волны ЛСД, мескалина и колдовских грибов. Готовые рискнуть всем, они не хотели слушать никаких предостережений. Но в их безрассудной отваге был один положительный момент — стремление отыскать другие измерения своего «Я», выйти за пределы будничной жизни, — даже если они не знали, что ждет их за этой гранью и вернутся ли они когда-нибудь к комфорту обыденности.

Но какие бы истины они ни находили, ничто не могло их удовлетворить, и каких бы миров они ни достигали в своих психоделических путешествиях, они неизменно возвращались в Нижний Ист-Сайд. Теперь они решили попробовать мантру Харе Кришна.

Когда в руках у Свами внезапно зазвенели тарелочки и он своим звучным голосом повел киртан, они тут же почувствовали, что происходит нечто необыкновенное. Это был еще один шанс «улететь» и они охотно подчинились настроению киртана. Они хотели полностью отключить свой ум и узнать, что даст им это пение. У многих мантра уже ассоциировалась с мистическими Упанишадами и «Гитой», которые взывали к ним словами таинства: «Вечный

дух... Отрицание иллюзии...» Но какой бы ни была эта индийская мантра, пусть она звучит, думали они. Пусть ее волны унесут нас далеко-далеко и высоко-высоко. Мы принимаем ее и хотим испытать на себе ее воздействие. Чего бы это ни стоило, пусть она унесет нас с собой. Пение казалось довольно простым и естественным. Оно ласкало слух и никому не могло причинить вред. Это было нечто совершенно потрясающее и ни на что не похожее.

Бхактиведанта Свами пел, погружившись в состояние внутреннего экстаза, но при этом внимательно наблюдал за пестрой группой своих слушателей. Он поднимал целину, начинал новое дело в новой стране. Под звон тарелочек многоголосое пение мантры Харе Кришна, в котором один голос вел, а другие вторили, росло и крепло, заполняя собой теплый летний вечер. Некоторых соседей это начало раздражать. Пуэрториканская ребятня, привлеченная пением, столпилась в дверях и прилипла к витрине. Наступили сумерки.

Хоть мантра и казалась экзотикой, каждому было ясно, что Свами возносит какую-то древнюю молитву во славу Господа. Это был не рок и не джаз. Он был святой личностью, санньяси, и совершал публичное богослужение. Но сочетание было странное: пожилой индийский Свами поет древнюю молитву вместе с молодыми американцами-хиппи, которые собрались в магазинчике в Нижнем Ист-Сайде.

Бхактиведанта Свами продолжал петь. Его бритая голова была высоко поднята и слегка наклонена в сторону, а тело подрагивало от переживаемых эмоций. Чистый преданный, он уверенно вел киртан, а они вторили ему. У витрины и у открытых дверей собрались случайные прохожие. Кое-кто из них выкрикивал насмешки, но пение было слишком мощным, и его не так легко было заглушить. На фоне киртана даже автомобильные гудки стали казаться слабым стаккато. Рев автомобильных двигателей и грохот грузовиков по-прежнему сотрясал улицу, но эти звуки, казалось, доносились откуда-то издалека, и на них никто не обращал внимания.

Люди, собравшиеся в пустой комнате под тусклой лампочкой, пели мантру вслед за ведущим. Слабый, то и дело сбивающийся хор на глазах превращался в довольно стройное созвучие голосов. Все хлопали в ладоши в надежде проникнуть в тайну мантры и вкладывали в пение всю свою душу. Этот *свами* устраивал не какой-то пробный показ продолжительностью в пять минут. На время он стал их лидером, проводником в царство неведомого. Говард и Кейт были среди них единственными, кому происходящее было не в новинку — побывав в Калькутте, они уже знали, что такое киртан. Но такого пения — прямо в центре Нижнего Ист-Сайда, вместе с настоящим *свами* — прежде не слышал никто.

В их головах плавала мешанина из психоделических надежд увидеть лик Божий, фантазий, обрывков индуистских учений и представлений о том, что «ОНО» суть ослепительно яркий безличный свет. У Бхактиведанты Свами уже была подобная аудитория на Бауэри, и он знал, что у этих молодых людей нет ни подобающего ученикам благоговения к тому, что они делают, ни понимания смысла происходящего. Но он позволял им петь так, как они хотят.

Со временем к ним придет смирение перед духовным звуком, они обретут знание, очистятся и ощутят экстаз от повторения и слушания мантры Харе Кришна.

Он закончил киртан. Пение на время заставило их забыть об окружающем мире, но теперь Нижний Ист-Сайд вновь ворвался в комнату. Стоящие в дверях дети принялись болтать и смеяться. Снова стал слышен рев машин. Кто-то кричал из соседней квартиры, требуя тишины. Было полседьмого. Полчаса пролетели, как одна минута.

* * *

Его лекция была очень простой, но непоседливой молодежи она казалась слишком философской. Некоторые просто не могли ее слушать и после первых же слов Свами бесцеремонно поднялись и, надев у входа обувь, вышли на улицу. Другие ушли, как только поняли, что пение закончилось. И все же пока это была его лучшая аудитория. Пришел кое-кто из старой группы, с Бауэри. Пришли молодые люди с Мот-стрит, которые ищут гуру. Многие из присутствующих уже читали «Бхагавад-гиту», но они не стыдились признаться, что ничего в ней не поняли.

За дверьми — жаркий и шумный июльский вечер. У детей летние каникулы, и они торчат на улице дотемна. Рядом гавкает собака, в ушах стоит гул машин, под окном визжат девчонки. Все это мешает читать лекцию. Но, несмотря на то что дети, машины и собаки отвлекают его, Свамиджи хочет, чтобы дверь оставалась открытой. Если кто-нибудь закрывает ее, он спрашивает: «Зачем закрыли дверь? Ведь могут прийти люди». Он уверенно продолжает говорить, цитируя стихи на санскрите, завладевая вниманием аудитории и стараясь донести до нее свое послание, столь важное и безотлагательное. А неумолкающая какофония звуков грозит заглушить каждое его слово...

«Гав! Гав! Гав!»

«Иииииииииик! Яаааааа!» Крики девчонок действуют на нервы всему кварталу. Где-то неподалеку из окна раздается мужской голос: «Брысь отсюда! Пошли вон!»

Бхактиведанта Свами: «Попросите их не шуметь».

Рой (один из юношей в храме): «Сейчас он их прогонит».

Бхактиведанта Свами: «Да-да, эти дети мешают. Попросите их...»

Рой: «Сейчас. Сейчас этот тип прогонит их».

Бхактиведанта Свами: «Они шумят».

Рой: «Он их уже прогнал».

Мужчина прогнал детей, но они вернутся снова. Их нельзя прогнать с улицы — они здесь живут. И пес никогда не перестанет лаять. А кто остановит машины? От них никуда не деться. Прабхупада использует их в одном из своих примеров: когда машина, проезжая по Второй авеню, на какой-то момент попадает в поле нашего зрения, мы, разумеется, не думаем, что она не

существовала до того, как мы ее увидели, или перестанет существовать, как только скроется из виду. Точно так же, когда Кришна, покидая нашу планету, уходит на другую, Он вовсе не перестает существовать, даже если кому-то кажется, что это так. На самом деле Он просто исчез из поля нашего зрения. Кришна и Его экспансии приходят и уходят, периодически воплощаясь на бесчисленных планетах в бесчисленных вселенных материального мира.

Пока Бхактиведанта Свами говорит, машины с ревом и гулом проносятся мимо. Дверь открыта, и он словно стоит на берегу реки из угарного газа, разогретого асфальта, шороха шин и нескончаемых волн дорожного движения. Он проделал долгий путь, приехав сюда с берегов Ямуны во Вриндаване, где на протяжении веков великие святые и мудрецы, собираясь вместе, проводили время в беседах о сознании Кришны. Но его слушатели живут здесь, в этих условиях, и потому он пришел сюда, на берег бурного потока машин, мчащихся по Второй авеню, чтобы во весь голос проповедовать им вечное учение Господа Кришны.

Он не устает повторять: чтобы вы ни сделали в сознании Кришны, пусть даже совсем немного, это принесет вам вечное благо. Только теперь, а не в студии доктора Мишры и не на Бауэри, он стал призывать своих слушателей целиком посвятить свою жизнь сознанию Кришны и стать преданными. Он убеждает их...

«Итак, не имеет значения, что человек делал раньше и какие грехи совершил. Сначала он может не быть совершенным, но, посвятив себя служению, он непременно очистится».

Внезапно в дверях появляется бродяга с Бауэри. Он насвистывает какую-то песенку и что-то выкрикивает пьяным голосом. Все слушатели в растерянности остаются сидеть на своих местах.

Пьяный: «Здорово! Подожди, я сейчас. Я принес тут одну штуку».

Бхактиведанта Свами: «Не мешайте. Садитесь. У нас серьезный разговор».

Пьяный: «Я принесу ее сюда. В церковь. О'кэй? Я сейчас».

У мужчины седые волосы, короткая борода с проседью и грязная одежда. От него разит перегаром на весь храм. Пошатываясь, он выходит и исчезает за дверью.

Бхактиведанта Свами усмехается и сразу возвращается к лекции.

...Но через пять минут старый бродяга появляется вновь, сообщая о своем приходе: «Здорово!» Он что-то несет. Он обходит сидящих и идет вглубь помещения, прямо туда, где сидит Свами, открывает дверь в уборную, кладет туда два рулона туалетной бумаги, закрывает дверь и идет к раковине, кладет на нее несколько бумажных полотенец, а под раковину — еще два рулона туалетной бумаги и еще несколько бумажных полотенец. Потом встает и поворачивается к Свами и ко всем собравшимся. Свами смотрит на него и спрашивает: «Как это понимать?» Бродяга молчит, он сделал свое дело. Свами смеется и благодарит гостя, который уже направляется к двери: «Спасибо. Большое спасибо». Бродяга выходит на улицу. «Вот видите, — Бхактиведанта Свами обращается теперь к своей аудитории. — Служить — это так

естественно. Смотрите, этот человек немного не в себе, но он думает: „Здесь что-то происходит. Сделаю-ка я для них что-нибудь". Видите, это получается совершенно произвольно, потому что такова наша природа».

Молодые люди в аудитории переглядываются. Пожалуй, такого они еще не видели — сначала они пели под звон тарелочек, потом Свами, похожий на Будду, говорил о Кришне и пел молитвы, а теперь эта дурацкая история с пьяницей.

Но Свами остается невозмутимым, он совершенно спокоен, сидит себе на полу так, как будто ничего на свете не боится, и говорит о своей философии, о душе, о том, что все мы станем святыми, даже этот старый алкоголик — и тот станет святым!

Прошло около часа, собака по-прежнему лает, а дети как визжали, так и визжат. Свами отвечает на вопросы, после чего начинает новый киртан. И Нижний Ист-Сайд затихает вновь. Начинается пение — звенят бронзовые тарелочки, голос Бхактиведанты Свами выводит мелодию, а аудитория подпевает ему. Это продолжается еще полчаса.

Собравшиеся сидят перед Свами, один парень приносит ему яблоко, небольшую деревянную чашку и нож. Пока большинство из них прислушивается к своим ощущениям и старается оценить эффект пения, словно они попробовали какой-то новый наркотик, Свами режет яблоко пополам, потом на четыре части, потом на восемь, пока ломтиков не становится достаточно много. Он берет один себе и просит одного из ребят обнести всех остальных. Свами откидывает голову, изящным движением, не касаясь пальцами губ, отправляет ломтик яблока в рот и в задумчивости жует.

Вся его паства молча жует маленькие ломтики яблока. Они видят, как Свами встает, надевает туфли и выходит через боковую дверь.

* * *

«Мы назовем наше общество ИСККОН^[2] — „Международное общество сознания Кришны"». Придумав эту аббревиатуру, Бхактиведанта Свами весело рассмеялся.

Он начал подготовку к юридической регистрации общества еще весной, когда жил на Бауэри. Но даже до того, как оформить его официально, он уже говорил о «Международном обществе сознания Кришны», упоминал о нем в письмах в Индию и в интервью для «Вилледж войс». Один из новых друзей Бхактиведанты Свами предложил название, которое, по его мнению, для жителей Запада звучало бы более привычно — «Международное общество сознания Бога», но «Бог» — понятие расплывчатое, а «Кришна» — это было и точно, и научно. С духовной точки зрения «сознание Бога» звучало слабее и не указывало непосредственно на личность. А если жители Запада не знают, что Кришна — Бог, то Международное общество сознания *Кришны* расскажет им об этом, прославляя Его «в каждом городе и каждой деревне».

«Сознание Кришны» — так Бхактиведанта Свами перевел одну фразу из «Падьявали», книги, которую в шестнадцатом веке написал Шрила Рупа Госвами: *кришна-бхакти-раса-бхавита* — «наслаждаться нектарным вкусом преданного служения Кришне».

Цели общества, зафиксированные в свидетельстве о регистрации ИСККОН, раскрывали замысел Бхактиведанты Свами. Их было семь, как и в проекте устава Лиги преданных, основанной им в Джханси (Индия, 1954 г.). Та попытка оказалась безуспешной, но его цели остались прежними.

Семь направлений деятельности Международного общества сознания Кришны:

а) систематически распространять в массах духовное знание и обучать людей методам духовной практики, чтобы восстановить нарушенное равновесие в системе ценностей общества, а также обеспечить подлинное единство всех людей и установить мир во всем мире;

б) проповедовать философию сознания Кришны, изложенную в «Бхагавад-гите» и «Шримад-Бхагаватам»;

в) сблизить членов Общества друг с другом и приблизить их к Кришне — изначальному существу — и тем самым внедрить в сознание членов Общества и всех людей представление о том, что каждая душа является неотъемлемой частицей Бога (Кришны),

г) распространять и поощрять движение санкиртаны — совместное пение святого имени Господа, следуя указаниям Господа Шри Чайтаньи Махапрабху;

д) построить для членов Общества и всех людей город в одном из святых мест, где проходили трансцендентные игры Кришны, Верховной Личности Бога,

е) объединить членов Общества в единую семью и научить их более простому и естественному образу жизни;

ж) для достижения вышеупомянутых целей издавать и распространять периодические издания, журналы и книги.

Независимо от того, что думали о целях Общества члены-основатели ИСККОН, для Бхактиведанты Свами они были зримой реальностью. Как сказал господин Рубен, машинист метро, встретивший Бхактиведанту Свами в парке на Манхэттене в 1965 году: «Он как будто знал, что у него будут храмы, заполненные преданными... „Храмы и книги уже есть, — говорил он, — они существуют, и только время отделяет нас от них"».

Разумеется, никто из его первых последователей, подписавших свидетельство о регистрации ИСККОН, не представлял себе, каким образом воплотится мечта Свами, но тем не менее эти семь пунктов были не просто религиозной риторикой, призванной убедить нескольких правительственных чиновников штата Нью-Йорк. Бхактиведанта Свами действительно намеревался воплотить в жизнь каждый из пунктов этой программы.

Из-за присутствия Свами, из-за его лекций и киртанов все стали называть магазинчик «храмом». Но это по-прежнему было пустое и убогое торговое помещение. Идея как-то украсить его пришла в голову ребятам с Мот-стрит.

Говард, Кейт и Уолли решили сделать Свами сюрприз, когда тот спустится в храм на вечерний киртан. Уолли снял шторы, висевшие в их квартире и понес их в прачечную-автомат (где вода, в которой они стирались, стала темно-бурой от грязи), а потом покрасил их в пурпурный цвет. Квартиру на Мот-стрит украшали плакаты, рисунки и большие декоративные шелковые панно, которые Говард и Кейт привезли из Индии. Ребята собрали все свои картины, гобелены, курительницы и другие экзотические вещи, принесли их вместе с пурпурными занавесками в магазинчик и приступили к украшению «храма».

Они соорудили деревянный помост, чтобы Свами было где сидеть, и обили его старой бархатной скатертью. Над помостом на задней стене, в простенке между окнами, выходящими во двор, повесили пурпурные шторы, а по бокам — пару оранжевых. Поверх одной из них, как раз над сиденьем Свами, укрепили большую написанную маслом картину в овальной раме, изображавшую Радху и Кришну, которую написал юноша по имени Джеймс Грин. Написать картину ему поручил Бхактиведанта Свами, в качестве образца он дал ему суперобложку от «Шримад-Бхагаватам» с довольно грубым индийским рисунком. Фигуры Кришны и Радхи были нарисованы несколько схематично, однако знатоки искусства из Нижнего Ист-Сайда, часто заходившие в магазинчик, считали его работу выдающимся произведением.

Кейт и Говард были не вполне уверены, одобрит ли Свами картины и репродукции, которые они привезли из Индии, и потому повесили их у входа, подальше от того места, где будет сидеть Свами. Одна из репродукций, хорошо известная в Индии, изображала Ханумана, летящего по небу и несущего гору для Господа Рамачандры. Молодые люди понятия не имели, кто такой Хануман. По форме его верхней губы они определили, что это кот. Другая репродукция изображала человека с шестью руками. В двух зеленых руках он держал лук и стрелу, вторая пара рук — синеватых — держала флейту, а третья пара рук, золотистых — посох и сосуд.

К вечеру все было готово: они обили тканью возвышение, повесили шторы, прикрепили декоративные шелковые панно, развесили картины и репродукции, и теперь украшали возвышение цветами и подсвечниками. Кто-то принес подушку, на которой Свами будет сидеть, и обитую выцветшей тканью спинку мягкого кресла, о которую он мог бы опереться спиной.

В дополнение к вещам, привезенным с Мот-стрит, Роберт Нельсон, один из друзей Свами по студии доктора Мишры, решил пожертвовать восточный ковер бельгийского производства, когда-то принадлежавший его дедушке. Он поехал в свой загородный гараж и привез ковер на метро на Вторую авеню, в

дом номер 26. Даже Рафаэль и Дон — два хиппи, которых главным образом интересовала дармовая еда и ночлег, — и те приняли участие в украшении храма.

Все делалось в секрете, и ребятам не терпелось увидеть реакцию Свами. В тот вечер, когда Свами вошел в помещение, чтобы начать киртан, он увидел только что украшенный храм (там даже курились благовония) и удовлетворенно поднял брови. «Вы делаете успехи»,—сказал он, оглядывая комнату и широко улыбаясь. «Да, — добавил он, — это и есть сознание Кришны». Его неожиданная радость была для них настоящей наградой за проявленное усердие. Он взошел на помост — юноши затаили дыхание, боясь, что он рухнет, — и сел, разглядывая преданных и убранство храма.

Он был доволен ими. Однако сейчас его лицо приняло необычайно серьезное выражение, и, хотя они знали наверняка, что перед ними был все тот же Сваמידжи, смех застрял у них в горле, а в счастливых глазах вдруг появилось смутное беспокойство. Они увидели серьезное лицо Сваמידжи, и их недавняя радость сразу же показалась им ребяческой. Как облако мрачной тенью внезапно набегают на солнце, так и Свами из веселого неожиданно стал серьезным, и, увидев это, они тут же решили стать такими же спокойными и серьезными. Он взял караталы и опять улыбнулся широкой, одобрительной улыбкой, отчего на душе у них снова стало светло.

Храм оставался все тем же тускло освещенным маленьким магазинчиком, с неровным, потрескавшимся полом, под которым жили полчища тараканов. Но, поскольку большинство предметов, украшавших помещение, было привезено из Индии, все вокруг стало казаться подлинным, особенно когда на возвышении сидел Сваמידжи. Теперь всякий, кто входил сюда, сразу же попадал в атмосферу индийского храма.

Бхактиведанта Свами оглядел группу своих последователей. Он был тронут тем, что они предложили ему почетное место и решили украсить магазинчик Кришны. До этого ему не раз приходилось видеть, как преданные делали что-либо для Кришны. Но здесь он этого еще не видел. В Нью-Йорке всходили семена бхакти, и, как садовник, ухаживающий за всходами, он, естественно, был тронут милостью Кришны. Глядя на развешанные по стенам картины, он сказал: «Завтра я посмотрю их, и тогда скажу, какие годятся, а какие нет».

На следующий день Бхактиведанта Свами пришел посмотреть на развешанные в храме произведения искусства. На одной акварели в рамке был изображен юноша, играющий на барабанах, и танцующая девушка. «Это пойдет», — сказал он. Но следующая картина, на которой была нарисована женщина, показалась ему более мирской, и он сказал: «Нет, это не годится». Свами перешел к другой стене. Говард, Кейт и Уолли с беспокойством следили за ним.

Подойдя к картине с шестируким человеком, он сказал:

— О, это замечательно.

— Кто это? — спросил Уолли.

— Это Господь Чайтанья, — ответил Свамиджи.

— А почему у него шесть рук?

— Потому что он показал, что является воплощением одновременно и Рамы, и Кришны. Это руки Рамы, а это руки Кришны.

— А еще две руки? — спросил Кейт.

— Это руки санньяси.

Он перешел к следующей картине.

— Это тоже очень хорошо.

— А это кто? — спросил Говард.

— Это — Хануман.

— Он кот?

— Нет, — ответил Свамиджи. — Он обезьяна. Ханумана, как доблестного и верного слугу Господа Рамачандры, прославляют в священном писании «Рамаяна». Миллионы индийцев поклоняются воплощению Господа, Раме, и Его слуге Хануману, чьи подвиги являются темой бесчисленных театральных постановок, фильмов, картин и храмовых мистерий. Спросив, кто такой Хануман, парни с Мот-стрит обнаружили такое же невежество, как и пожилые дамы из пригорода, которые в ответ на вопрос Бхактиведанты Свами, видел ли кто-нибудь из них изображение Кришны, уставились на него в полном недоумении. Мистики из Нижнего Ист-Сайда не могли отличить Ханумана от кота, и привезли из Индии — Индии своей гашишной мечты — изображение Господа Чайтаньи Махапрабху, даже не догадываясь о том, кто Он такой. И тем не менее между этими молодыми людьми и дамами, посещавшими его лекции на Семьдесят второй улице, было одно существенное различие: хиппи из Нижнего Ист-Сайда служили Свамиджи и пели с ним мантру Харе Кришна. Они были по горло сыты материальной жизнью и не страдали болезнью мелких собственников, которые ничего не станут делать задаром. Их сердца открылись Свамиджи, обещавшему расширить их сознание и превратить его в сознание Кришны. Они ощущали, что личное общение с ним возвышает и облагораживает их. Подобно бродяге с Бауэри, который во время лекции Бхактиведанты Свами пожертвовал туалетную бумагу, ребята из Нижнего Ист-Сайда тоже были не вполне нормальными, но Бхактиведанта Свами видел, что ими руководит Кришна, находящийся в их сердцах. Бхактиведанта Свами знал, что пение мантры и его лекции о Кришне обязательно изменят их к лучшему.

* * *

Наступил август 1966 года. На здоровье Прабхупада не жаловался. Для него это были счастливые дни. Ньюйоркцы сетовали на жару, но Бхактиведанта Свами, привыкший к сорокаградусной жаре Вриндавана, в такую погоду чувствовал себя превосходно. «Как в Индии», — говорил Свамиджи. Он ходил без рубашки, выглядел бодрым и чувствовал себя как дома. Когда-то он думал, что в Америке ему придется сидеть на одной вареной картошке (потому что там не будет ничего, кроме мяса), но здесь он с

удовольствием ел тот же рис, *дал* и *чапати*, готовил в своей трехсекционной пароварке, которой пользовался в Индии, и был счастлив. С тех пор как он поселился в квартире на Второй авеню, работа над «Шримад-Бхагаватам» также шла без помех. А теперь Кришна послал ему этих искренних молодых людей, которые готовили, печатали на машинке, регулярно слушали его лекции, пели вместе с ним мантру Харе Кришна и все время спрашивали, не нужно ли сделать что-нибудь еще.

Прабхупада, как и прежде, был проповедником-одиночкой, который мог остаться, а мог и уйти. Он писал свои книги, ощущая сокровенную близость с Кришной, и совершенно не зависел от молодых людей, которые собирались у него в магазинчике. Но теперь Международное общество сознания Кришны стало его духовным ребенком. Ищущие молодые люди (некоторые из них уже больше месяца ежедневно повторяли мантру) в духовном отношении были похожи на младенцев, еще нетвердо стоящих на ногах, и он чувствовал, что обязан вести их за собой. Они уже считали его своим духовным учителем и доверили ему руководить ими в духовной жизни. И пусть они не могли еще следовать многочисленным правилам и предписаниям, которых придерживаются брахманы и вайшнавцы в Индии, начало было обнадеживающим. Как учил Рупа Госвами, главное заключается в том, чтобы «так или иначе» помнить о Кришне. Люди должны повторять мантру Харе Кришна и заниматься преданным служением. Все, что у них есть, они должны использовать для служения Кришне. И Прабхупада в своей деятельности руководствовался этим основополагающим принципом сознания Кришны как никто другой до него за всю историю вишнуизма.

Хотя Прабхупада и привлекал молодых людей к приготовлению пищи и печатанию на машинке, сам он при этом не стал работать меньше. Наоборот, на каждого, кто предлагал ему свои услуги и помощь, приходилась сотня таких, которые хотели не служить, а спорить. В разговорах с ними, подчас крича и размахивая кулаками, Прабхупада защищал Кришну от философии *майявады*. Этим он также служил Шриле Бхактисиддханте Сарасвати Тхакуру. Он приехал в Америку не для того, чтобы доживать свой век в тишине и покое. И было ясно, что с каждым днем у него будет все больше работы, все больше сторонников и все больше противников.

Сколько он сможет сделать, зависело от Кришны. «Я уже не молод, — говорил он, — и могу уйти в любой момент». Но, если бы он «ушел» сейчас, можно было не сомневаться, что вместе с ним ушло бы и сознание Кришны, потому что Общество сознания Кришны пока держалось на нем одном. Это он вел киртаны, в самозабвении раскачиваясь из стороны в сторону, шел по двору в храм и из храма обратно домой или же с улыбкой часами обсуждал философию — он был единственным творцом и хранителем пока еще крошечного оазиса сознания Кришны в нью-йоркском Нижнем Ист-Сайде.

В дальней комнате своей квартиры Прабхупада обычно сидел один, особенно по ночам — в два, три или четыре часа, когда все спали. В эти часы в

комнате стояла тишина, и он работал в одиночестве, особенно остро ощущая сокровенную близость своих отношений с Кришной. Он сидел на полу за сундучком-столом, и поклонялся Кришне, перепечатывая свои переводы и комментарии к «Шримад-Бхагаватам».

Однако в той же комнате он иногда принимал гостей, и всякий, кто стучался в его дверь, мог войти и поговорить с ним с глаза на глаз. Прабхупада отрывался от пишущей машинки и принимался говорить, слушать, отвечать на вопросы, иногда он спорил, а иногда шутил. Посетитель мог просидеть с ним наедине полчаса, пока вновь не раздавался стук в дверь, и Свамиджи приглашал очередного гостя присоединиться к ним. Новые гости входили, те, что пришли раньше, уходили, а Свами все сидел и разговаривал.

Чаще всего это были официальные визиты. Гости задавали философские вопросы, а он отвечал — так же, как после лекций в магазинчике. Но иногда его временем завладевали юноши, уже жившие в храме — те, кто собирался стать его учениками, — особенно вечерами по вторникам, четвергам, субботам и воскресеньям, когда в храме не было вечерних лекций. Часто они задавали ему личные вопросы что он чувствовал, когда впервые оказался в Нью-Йорке? что он делал в Индии? были ли у него там ученики? были ли члены его семьи преданными Кришны? каким был его духовный учитель? С ними он разговаривал по-другому — спокойнее, задушевнее, с юмором.

Однажды он рассказал им о своей первой встрече с духовным учителем. Рассказывал он и о своем детстве, проведенном в Индии, о том, как он основал фармацевтическую фирму и как в 1959 году принял санньясу. Юноши слушали с жадным интересом, но были так невежественны в вопросах, которых касался Свами, что, услышав слово *мриданга* или *санньяса*, спрашивали у него, что это такое. И тогда он делал пространные отступления, рассказывая им об индийских специях, барабанах и даже об индийских женщинах. Но о чем бы ни говорил Свамиджи, он все в конечном счете озарял светом *шастр*. Он не ограничивал время этих бесед и мог каждый день говорить часами, пока вокруг были настоящие, пытливые слушатели.

В полдень передняя комната в квартире Свамиджи превращалась в столовую, а по вечерам — в место сокровенного богослужения. Паркетный пол в этой небольшой, площадью чуть больше десяти квадратных метров, комнате, всегда сиял чистотой. Кроме кофейного столика, стоявшего между окнами, которые выходили во двор, в комнате не было никакой мебели. Теперь каждый день в полдень здесь собиралось человек двенадцать, чтобы пообедать вместе со Свамиджи. Обед готовил Кейт, который все утро проводил на кухне.

Поначалу Кейт готовил только для Свамиджи. Он научился замечательно готовить *дал*, рис и *сабджи* в трехсекционной пароварке Свами. Обычно этого хватало еще для одного-двух гостей. Но вскоре гостей прибавилось, и Свамиджи велел Кейту готовить больше, но уже не в трехсекционной кастрюле. В конце концов он стал готовить для дюжины голодных молодых людей. Два нахлебника — Рафаэль и Дон — хоть и не очень интересовались философией Свами, каждый день аккуратно приходили к *прасад*у, обычно с

одним-двумя приятелями, которые случайно забредали в храм. Стив приходил прямо с работы, из своего учреждения. Приходила компания с Мот-стрит. Бывали и другие гости.

На кухне хранился набор традиционных индийских пряностей — свежий стручковый перец, свежий имбирь, тмин, куркума и асафетида. Кейт освоил основные кулинарные приемы и обучил им своего приятеля Чака, который стал его помощником. Другие ребята часто стояли у дверей узкой кухоньки и с любопытством наблюдали за тем, как похожие на оладьи *чапати* один за другим раздувались над открытым огнем, словно футбольные мячи, а затем ложились сверху на дымящуюся стопку уже готовых *чапати*.

Когда высокосортный рис *басмати*, развариваясь, превращался во влажную воздушно-белую массу, а *сабджи* булькало, кипя на медленном огне, наступала кульминация полуденной стряпни — приготовление *чаунка*. *Чаунк* Кейт готовил в точности так, как показал ему Свамиджи. Он ставил на огонь металлическую чашку, наполовину заполненную топленным маслом, и кидал туда семена тмина. Когда они становились почти черными, он добавлял чили, а когда перец тоже поджаривался и темнел, из чашки начинал валить удушливый дым. *Чаунк* был готов. Кейт снимал чашку кухонными щипцами — кипящая трескучая смесь дымила, как котелок колдуна, — и подносил ее к кастрюле с кипящим *далом*, которая была плотно закрыта крышкой. Он приподнимал крышку, быстрым движением выливал кипящий *чаунк* в *дал* и тут же закрывал кастрюлю... Пух! От соединения *чаунка* с *далом* происходил взрыв, который стоящие в дверях встречали шумными возгласами одобрения. Это означало, что обед готов. Завершающая операция была такой непредсказуемой, что однажды крышка кастрюли с грохотом взлетела под потолок, а на руке Кейта остались небольшие ожоги. Кое-кто из соседей жаловался на едкий, удушливый дым. Но преданным все это очень нравилось.

Когда обед бывал готов, Свамиджи, вымыв руки и прополоскав в ванной рот, входил в «алтарную» комнату — всегда босиком (кожа на ступнях у него была мягкая, розовая) и в шафрановом *дхоти*, доходившем ему до лодыжек. Он шел к кофейному столику, над которым висела картина, изображавшая Господа Чайтанью и Его спутников. А спутники Свами стояли вокруг него вдоль стен. Кейт вносил большой поднос с *чапати*, разложенными стопками по дюжине, и ставил его на пол перед алтарным столиком, где уже стояли кастрюли с рисом, *далом* и *сабджи*. Свамиджи начинал читать бенгальскую молитву, которую произносят, предлагая пищу Господу, и все присутствующие, встав следом за ним на колени, старательно повторяли ее слово за словом. Ароматный пар, словно дым курящихся благовоний, поднимался к потолку перед изображением Господа Чайтаньи, а ученики Свами, касаясь головой деревянного пола, повторяли за ним слова молитвы.

После этого Свамиджи садился вместе со своими друзьями и ел тот же самый *прасад*, который ели они. Кроме этого он выпивал стакан горячего молока с бананом. Он нарезал банан на ломтики о край металлического стакана так, чтобы ломтики падали прямо в горячее молоко.

Все знали, что Бхактиведанта Свами хочет, чтобы каждый из них ел как можно больше *прасада*, и это создавало веселую, домашнюю атмосферу. Никому не позволялось просто сидеть, копаясь в тарелке, или прикасаться к пище только из вежливости. Они ели со вкусом, чего и хотел от них Свамиджи. Если он видел, что кто-то ест без удовольствия, то обращался к нему по имени и с улыбкой говорил: «Почему ты не ешь? Возьми еще». Он часто смеялся и повторял: «Когда я плыл на корабле в вашу страну, я думал: „Неужели американцы будут это есть?“». Молодые люди протягивали тарелки за добавкой, и Кейт накладывал им вторые порции риса, *дала*, *чапати* и овощей.

В конце концов, это была духовная пища. Есть надо было много — *прасад* очищал и освобождал от влияния *майи*. Кроме того, это была здоровая, вкусная и пряная пища, не чета американской. Это было так же здорово, как киртан. От одной еды можно было запросто «улететь».

Они ели правой рукой, по-индийски. Кейт и Говард научились этому в Индии. Раньше им уже доводилось есть подобные блюда, но, как они сказали Свами и его последователям, которые пришли пообедать, даже в Индии им никогда не приходилось пробовать такой вкусной еды.

Один из ребят, Стэнли, был еще совсем юным, и Свамиджи, как любящий отец, всегда следил за тем, чтобы он ел как следует. Мать Стэнли встретила Свамиджи и сказала ему, что разрешит сыну жить в храме, только если Свамиджи пообещает ей присматривать за ним лично. Свамиджи согласился. За едой он все время поощрял юношу брать больше, пока у Стэнли в конце концов не прорезался волчий аппетит, и он не стал съедать по десятку *чапати* за один присест (он съедал бы и больше, если бы Свамиджи не останавливал его). Но то, что Свами ограничил Стэнли десятью *чапати*, было единственным исключением, обычно же только и слышалось: «Еще, берите еще». Когда, закончив есть, Свамиджи вставал и уходил из комнаты, Кейт забирал с собой пару добровольцев для мытья посуды, а остальные расходились по домам.

Иногда, по воскресеньям, Свамиджи сам готовил праздничный обед, состоявший из изысканных индийских блюд.

Стив: Свамиджи сам готовил *прасад* и сам раздавал его у себя наверху, в передней комнате. Мы рассаживались рядами, а он, помнится, босиком ходил между нами и ложкой накладывал каждому из разных кастрюль. Он спрашивал, кому что положить и кто хочет добавки. Угощать нас доставляло ему огромное удовольствие. Это были не обычные блюда, а сладости и острые закуски, вроде сладкого риса и *качаури*, у которых был особенный, ни на что не похожий вкус. И даже когда у каждого набиралось по полной тарелке, он снова обходил нас и предлагал взять добавку.

Однажды он подошел ко мне и спросил, чего бы я еще хотел — может быть, сладкого риса? В ту пору у меня было ложное представление о духовной жизни. Я думал, что должен отказываться от того, что мне нравится больше всего. Поэтому я попросил дать мне простого риса. Но даже этот

«простой» рис был восхитительным желтым рисом с обжаренными сырными шариками.

В те вечера, когда не было программ, в квартире Свамиджи стояла тишина. Он мог целый вечер провести один, печатая на машинке перевод «Шримад-Бхагаватам», или беседовал в непринужденной обстановке с одним-двумя гостями часов до десяти. Но в дни вечерних программ — по понедельникам, средам и пятницам — в его квартире становилось шумно. Он уже был не один. Его новые последователи помогали ему, стараясь вместе с ним убедить людей в необходимости петь мантру Харе Кришна и слушать лекции по философии сознания Кришны.

По понедельникам, средам и пятницам Свамиджи проводил вечерние киртаны. Несколько преданных заранее спускались вниз, встречали гостей и рассказывали им о Свами и о мантре. Но без Свами программа начаться не могла. Никто из них не умел играть на барабанах, никому из них даже в голову не приходило самому вести киртан. Они начинали только в семь часов, когда в храме появлялся он.

Приняв душ и одевшись в чистые домотканые индийские одежды, с вайшнавскими стреловидными знаками на руках и на теле, Свами выходил из своей квартиры и спускался вниз, чтобы воспользоваться еще одной счастливой возможностью восславить Господа Кришну. Маленький храм был заполнен дикими, далеко не брахманическими, простодушными молодыми американцами.

* * *

Кейт, как обычно, готовил на кухне, только сегодня рядом с ним у кухонной плиты стоял Свамиджи и наблюдал за своим подопечным.

Кейт на минуту оторвался от плиты и спросил:

— Свамиджи, можно мне стать вашим учеником?

— Можно, — ответил Свамиджи. — Почему бы и нет? Тебя будут звать Кришнадасом.

В этом коротком диалоге впервые прозвучала просьба о принятии в ученики, и Свамиджи впервые согласился дать духовное посвящение. Но этим дело не ограничилось. Свамиджи объявил, что в скором времени он проведет церемонию посвящения. «Какого посвящения, Свамиджи?» — спросил кто-то из ребят. Свамиджи ответил: «Я объясню позже».

Сначала им нужно было сделать четки. Кейт сходил в кожгалантерейный магазин фирмы «Тэнди» и принес оттуда деревянные бусины около сантиметра в диаметре и моток шнура, на который их нужно было нанизывать. Свамиджи сказал, что мантру лучше всего повторять, перебирая четки — шнур с нанизанными на него 108 бусинами. При этом работает осязание, и, кроме того, можно считать прочитанные круги, как это делают индийские вайшnavы. У некоторых преданных в Индии, говорил Свамиджи, на нитке больше тысячи бусин и на этих четках они повторяют по многу

кругов мантры ежедневно. Он показал молодым людям, как завязывать двойной узел после каждой из 108 бусин. Число 108 является символическим: существует 108 Упанишад и 108 главных гопи — самых близких преданных Господа Кришны.

Во время обряда посвящения, сказал он, ученик должен дать несколько обетов, один из которых заключается в том, чтобы каждый день повторять на четках определенное число кругов мантры. С десятков ребят, приходивших к Свами, были готовы для посвящения, но никакой строгой системы отбора не было: посвящение мог получить каждый, кто хотел!

Стив: *Хотя я уже делал все, что велел Свамиджи, я чувствовал, что получить посвящение — значит взять на себя огромную ответственность. Во мне еще сильна была тяга к независимости, и потому я сомневался, стоит ли мне принимать посвящение.*

Друзья Свамиджи по-разному смотрели на обряд посвящения. Некоторые относились к нему очень серьезно, для других же это было чем-то вроде новой игры или представления. За несколько дней до церемонии, когда Уолли и Говард нанизывали во дворе бусины на шнур, между ними состоялся следующий разговор:

Уолли: *«Это простая формальность. Ты принимаешь Свами своим духовным учителем».*

Говард: *«А что из этого следует?»*

Уолли: *«Никто точно не знает. В Индии это обычное дело. Ты как, хочешь принять его духовным учителем?»*

Говард: *«Не знаю. Если уж на то пошло, духовный учитель он вроде неплохой, по крайней мере, мне так кажется. Я имею в виду, что он мне нравится, так же как и его философия, поэтому я думаю, что в каком-то смысле он уже стал моим духовным учителем. Я просто не понимаю, что от этого изменится».*

Уолли: *«Я тоже... Наверное, ничего. Это простая формальность».*

* * *

Восьмого сентября был Джанмаштами — день явления Господа Кришны. Год назад Бхактиведанта Свами встречал день рождения Кришны в море, на борту «Джаладуты», которая только что вышла из Коломбо. Теперь, ровно год спустя, у него была небольшая группа молодых людей, которые пели вместе с ним мантру Харе Кришна. Он соберет их, и они вместе отметят этот день киртаном, они будут читать священные писания, поститься, затем устроят праздничный пир, а на следующий день он проведет церемонию посвящения.

В шесть часов Свамиджи спустился вниз и хотел было, как обычно, начать утреннюю лекцию, но один из ребят попросил его почитать немного из своей рукописи. Свамиджи, казалось, немного смутился, но не стал скрывать своей радости от того, что его просили прочесть собственные комментарии к «Бхагавад-гите». Обычно он читал какой-нибудь стих из оксфордского

издания «Гиты» в переводе доктора Радхакришнана. Хотя в своих комментариях доктор Радхакришнан излагал философию имперсонализма, переводы стихов, по словам Свамиджи, были на девяносто процентов точными. Но в это утро он послал Роя за рукописью и целый час читал с машинописных страниц.

При праздновании Джанмаштами должны быть соблюдены особые правила — в этот день нельзя есть, весь день нужно повторять и петь святые имена, читать и беседовать о сознании Кришны. «Если кто-то почувствует слабость, — сказал он, — то на кухне есть фрукты. Но лучше ничего не есть до полуночи, как это делают преданные в Индии». Он говорил, что в Индии миллионы людей — и индусы, и мусульмане — отмечают день рождения Господа Кришны. В этот день в каждом храме устраивают праздничные торжества и прославляют деяния Господа Кришны.

«А теперь, — сказал он напоследок, — я объясню вам, что такое духовное посвящение. Посвящение означает, что духовный учитель принимает ученика и соглашается взять на себя ответственность за него, а ученик принимает духовного учителя и соглашается почитать его как Самого Бога». Он сделал паузу. Все молчали. «Есть ли вопросы?» Вопросов не было. Свамиджи встал и вышел из комнаты.

Преданные были ошеломлены. Что он сейчас сказал? Неделями до этого он твердил, что того, кто называет себя Богом, нужно считать догом.

«Ничего не понимаю», — сказал Уолли.

«Никто ничего не понимает, — ответил Говард. — Для меня слова Свамиджи были как гром среди ясного неба».

Они подумали о Кейте. Он такой умный. Нужно посоветоваться с Кейтом. Но Кейт лежит в больнице. Обсуждая это между собой, они окончательно запутались. Свамиджи совершенно сбил их с толку. В конце концов Уолли решил сходить к Кейту в больницу.

Кейт внимательно выслушал все от начала до конца. Уолли рассказал, как Свамиджи велел им поститься, как он читал им свою рукопись, как пообещал объяснить, что такое посвящение, как все затаили дыхание... и тут Свамиджи выдал: «Ученик принимает духовного учителя и соглашается почитать его как Самого Бога. Есть ли вопросы?» Затем Свамиджи вышел. «Теперь я уже не знаю, стоит ли получать у него посвящение, — признался Уолли. — Нам ведь придется почитать его как Бога».

«Вы и так уже делаете это, соглашаясь со всем, что он вам говорит», — ответил Кейт и посоветовал поговорить со Свамиджи... до посвящения.

Уолли вернулся в храм, обсудил все с Говардом, и вдвоем они отправились к Свамиджи. «Значит ли то, о чем вы говорили сегодня утром, — спросил Говард, — что мы должны считать духовного учителя Богом?»

«Это значит, что духовного учителя необходимо почитать наравне с Богом, поскольку он является представителем Бога. В этом смысле духовный учитель неотличен от Господа, ибо он может дать Бога искреннему ученику. Ясно?» Теперь им стало ясно.

В тот день большинство кандидатов в ученики несколько часов подряд нанизывали на шнур ярко-красные деревянные бусины. Привязав один конец шнура к оконной решетке или к батарее, они нанизывали на него по одной бусине и завязывали тугий узел. На каждой бусине они один раз повторяли мантру Харе Кришна. Делая это, они занимались преданным служением — повторяли мантру и делали четки для посвящения. Каждый раз, когда они закрепляли очередную бусину, это казалось им событием чрезвычайной важности.

Свамиджи сказал, что преданные в Индии повторяют как минимум шестьдесят четыре круга мантры ежедневно. Повторить один круг — значит произнести мантру на каждой из 108 бусин. Его духовный учитель говорил, что каждого, кто не читает по шестьдесят четыре круга мантры ежедневно, следует считать падшим.

Вначале они решили, что им тоже придется повторять по шестьдесят четыре круга, и были озадачены — ведь это займет целый день! Как ходить на работу, если тебе нужно повторить шестьдесят четыре круга мантры? Да и кто сможет прочесть шестьдесят четыре круга подряд? Тут кто-то вспомнил, как Свамиджи говорил, что для западного человека достаточно читать тридцать два круга в день. Уолли сказал, что слышал, будто Свамиджи говорил о двадцати пяти кругах — но даже это казалось им невыполнимым. Тогда Свамиджи предложил минимум — шестнадцать кругов в день, но делать это неукоснительно. Все, кто получают посвящение, должны будут дать такое обещание.

Целый день они нанизывали бусы, повторяли мантру, читали, а то и поклевывали носом. Так продолжалось до одиннадцати вечера, когда их всех позвали к Свамиджи. Идя друг за другом по двору, они ощущали необычайное спокойствие, разлитое в воздухе. За забором, на Хьюстон-стрит, не раздавалось ни звука. Ночь была тихой и безлунной.

Подождав, пока ученики рассядутся на полу и начнут есть разложенный по бумажным тарелкам *прасад*, Свамиджи присоединился к ним и стал рассказывать о явлении Господа Кришны. Кришна появился на земле в этот вечер пять тысяч лет назад. Он родился у Васудевы и Деваки в тюрьме царя Камсы ровно в полночь. Отец Кришны, Васудева, сразу же отнес Кришну во Вриндаван, где Его как собственного сына воспитал пастух Махараджа Нанда.

Свамиджи говорил также о том, что для духовного совершенствования необходимо очищение. «Мало просто повторять священные слова, — сказал он, — нужно быть чистым внутри и снаружи. Тот, кто повторяет святые имена в чистоте, достигает духовного совершенства. Живое существо оскверняется, когда стремится к материальным удовольствиям. Но даже оскверненный человек сможет очиститься, если будет следовать указаниям Кришны и посвящать Ему все плоды своего труда. У тех, кто только ступил на путь сознания Кришны, часто появляется желание расслабиться, но, чтобы

совершенствоваться духовно, нельзя поддаваться этому искушению; мы должны постоянно умножать свои усилия и укреплять свою преданность».

Майкл Грант: *Впервые я узнал о посвящении всего за день до обряда. Я был слишком занят своей музыкой и некоторое время не посещал программы в храме. Я шел по Второй авеню с одним из тех, кто готовился принять посвящение, и он сказал мне, что намечается какой-то обряд, который называют духовным посвящением. Я спросил, что это такое. Он сказал: «Насколько я понял, это значит, что ты признаешь духовного учителя Богом». Я очень удивился и никак не мог взять этого в толк. Но я не принял его слова всерьез. К тому же, то, как он мне об этом сообщил — как-то вскользь, мимоходом, — тоже помешало мне осознать важность сказанного. Он небрежно спросил, не собираюсь ли я участвовать, и я так же небрежно ответил. «Наверное. Почему бы и нет? Попробую».*

Джейн, подруга Майка, не была уверена, что сумеет стать смиренной ученицей, и само слово «посвящение» ее пугало. Ей нравился Свами и особенно нравилось готовить вместе с ним. Но Майк убедил ее — раз он идет, то и она должна пойти вместе с ним.

Карл Йоргенс, изучавший восточную философию, уже кое-что знал об обряде посвящения, и ему лучше других было известно, насколько это серьезно. Услышав, что Свамиджи решил дать ребятам посвящение, он удивился и не спешил присоединяться к ним. Он знал, что посвящение предполагает отказ от внебрачных половых связей, употребления одурманивающих средств, мяса и что у прошедшего посвящение ученика появляются новые обязанности, связанные с распространением религиозного учения. С тех пор как Свами переехал на Вторую авеню, Карл несколько отдалился от него, но на церемонию посвящения все-таки решил пойти.

Билл Эпштейн никогда не считал себя серьезным учеником. Обряд посвящения был для него очередным представлением, которое устраивал Свами, и он считал себя вправе самому решать, как к этому относиться — серьезно или нет. Он полагал, что можно пройти посвящение, даже не принимая его всерьез. Он решил попробовать.

Джеймс Грин думал, что он еще недостаточно чист для посвящения: «Кто я такой, чтобы получать посвящение?» Но Свами попросил его кое-что принести в магазинчик. «Я пришел, и все подумали, что я пришел для того, чтобы тоже пройти обряд посвящения. Тогда я подумал: „А почему бы и нет?“».

Стэнли был очень привязан к Свами и его ученикам. Он спросил мать, можно ли ему получить посвящение, и она ответила утвердительно.

Стиву нужно было время, чтобы подумать.

Кейт лежал в больнице.

Брюс посещал программы Свами всего вторую неделю, и ему было еще рано.

Чак решил недельку отдохнуть от упорядоченной жизни в храме и о посвящении ничего не знал.

Свами ни от кого не потребовал обрить голову или хотя бы просто подстричься, или же поменять одежду. Никто не предложил Свамиджи традиционную *гуру-дакшину* — подношение, которое ученик делает в знак великой благодарности своему учителю. Почти никто не помогал Свамиджи даже в повседневной домашней работе, так что ему пришлось самому готовить угощение и делать другие приготовления к церемонии. Он прекрасно знал образ мыслей своих ребят и старался никого ни к чему не принуждать. Некоторые из посвящаемых только после церемонии узнали (когда спросили его об этом), что все, кто получил посвящение, *обязаны* выполнять четыре правила — не есть мяса, не вступать во внебрачные половые связи, не употреблять одурманивающих средств и не играть в азартные игры. «Я очень рад, что вы наконец спросили меня об этом», — сказал Свамиджи.

Обряд должен был стать настоящим ведическим жертвоприношением. Жертвенный огонь предстояло разжечь прямо у Свамиджи в передней комнате. Посреди комнаты был сооружен жертвенный алтарь — возвышение из кирпичей высотой десять сантиметров и площадью в четверть квадратного метра, обмазанное глиной. Глину взяли во дворе, а кирпичи принесли из заброшенного дома по соседству. Вокруг алтаря лежало одиннадцать бананов, кучка щепок, стояли чашки с топленным маслом, семенами кунжута, ячменем и порошковыми красителями пяти цветов. Одиннадцать кандидатов едва уместились в комнате и сидели бок о бок на полу вокруг жертвенного алтаря. Гости, столпившиеся в прихожей, с любопытством заглядывали в раскрытые двери. Для всех, кроме Свами, происходящее было новым и непривычным. Весь обряд проходил под его руководством. Когда некоторые из ребят перепачкались, пытаясь нанести на лоб вайшнавский *тилак*, Свамиджи терпеливо нарисовал каждому на лбу аккуратную, узкую букву «V».

Он сел перед алтарем и оглядел своих учеников. Они мало чем отличались от любой другой группы молодых хиппи из Нижнего Ист-Сайда, которые могли собраться на любое другое мероприятие: духовное, культурное, музыкальное какое угодно. Некоторые из них смотрели на предстоящий обряд как на очередное развлечение, другие были глубоко преданы Свами. Но каждому из них было любопытно. Он попросил ребят в течение всего обряда тихо повторять мантру Харе Кришна, и ровный гул их голосов сопровождал таинственные движения Свами — главного жреца, проводившего ведический ритуал.

Сначала он зажег двенадцать палочек благовоний. Затем совершил обряд очищения водой. Взяв в левую руку ложечку, он зачерпнул воды из небольшой чашки и, налив три капли в правую руку, выпил ее. Эту процедуру он повторил трижды. На четвертый раз он не стал выпивать воду, а стряхнул ее на пол позади себя. Затем он пустил ложечку и чашку с водой по кругу, чтобы посвящаемые сделали то же самое. Если кто-то из них налил воду не в ту руку или неправильно выпивал ее, Свамиджи терпеливо поправлял его.

«А теперь, — сказал он, — повторяйте за мной». Вслед за ним они слово за словом стали повторять ведическую очистительную мантру:

*ом апавитрах павитро ва
сарвавастхам гато 'пи ва
йах смарет пундарйкакишм
са бахйабхйантарах шучих
шрй-вишнух шрй-вишнух шрй-вишнух*

Посвящаемые, запинаясь, старались повторить вслед за ним слова, которых никогда раньше не слышали. Затем он перевел: «Чистый или нечистый, кто бы он ни был, даже тот, кто прошел через все перипетии жизни, если он помнит лотосоокого Господа, Верховную Личность Бога, то становится чистым внутри и снаружи». Свамиджи трижды повторил обряд очищения водой — чашечка переходила от одного ученика к другому и снова возвращалась к нему, а в комнате стоял монотонный гул голосов, повторяющих мантру Харе Кришна. Когда мантру *ом апавитрах...* повторили три раза, Свамиджи поднял руку — гул стих, наступила тишина. Он начал говорить.

После короткой лекции Свамиджи попросил преданных по одному передавать ему свои четки и стал читать на них мантру — Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе, которую вслед за ним повторяли все присутствующие. Закончив читать на одних четках, он подзывал к себе их владельца и, держа четки в руке, показывал ему, как читать мантру. Потом он объявлял посвящаемому его духовное имя, ученик забирал четки, кланялся и произносил:

*нама ом вишну-падайа
кршна-прештхайа бху-тале
шрймате бхактиведанта-
свамин ити намине*

«Я выражаю свое почтение Его Божественной Милости А.Ч. Бхактиведанте Свами, который очень дорог Господу Кришне, ибо нашел прибежище у Его лотосных стоп».

Посвящаемых было одиннадцать, и четок тоже было одиннадцать, так что повторение мантры продолжалось больше часа. Свамиджи дал каждому по нитке шейных бус которые были, как он сказал, чем-то вроде собачьего ошейника, указывающего на то, что преданный — это верный пес Кришны.

После того как Уолли получил четки и новое имя (Умапати), он вернулся на свое место рядом с Говардом и сказал ему: «Здорово. Здорово, когда тебе дают твои четки». Все посвящаемые по очереди подходили к Свами за четками и получали духовное имя. Говард стал Хаягривой, Уолли — Умапати.

Билл — Равиндра-сварупой, Карл — Карлапати, Джеймс — Джаганнатхой, Майк — Мукундой, Джейн стала Джанаки, Рой стал Рая-Рамой, а Стэнли —

Стрядхишей. Другой Стэнли, из Бруклина, который где-то работал, и Дженис, студент колледжа из Монреаля, хоть и не принадлежали к ближайшему окружению Свами, тоже пришли в этот вечер и вместе со всеми получили посвящение и новые имена — Сатьяврата и Джанардана.

Затем Свамиджи начал проводить огненное жертвоприношение. Он посыпал земляное возвышение разноцветными порошками. Затаив дыхание, все следили за его магическими действиями — он взял щепочки, окунул их в масло, поджег от пламени свечи и соорудил небольшой костер на земляном возвышении. Затем он смешал в чашке топленое масло, кунжут, ячмень и пустил ее по кругу. Каждый ученик, проходивший обряд, взял из чашки пригоршню смеси, чтобы бросить ее в огонь. Затем Свами стал читать молитвы на санскрите и попросил всех повторять за ним. Каждая молитва завершалась тоекратным повторением слова *сваха*. На этом слове посвящаемые бросали в огонь по шепотке из смеси масла, кунжута и ячменя. Свамиджи все подливал масла, подкладывал щепок в огонь и читал молитву за молитвой, пока костер не разгорелся. Звучали молитвы, лилось масло, огонь разгорался и в комнате становилось все жарче и жарче.

Минут через двадцать Свамиджи попросил всех получивших посвящение положить в огонь по банану. Кучка из одиннадцати бананов почти погасила пламя, повалил густой дым. Некоторые из новообращенных вскочили и, кашляя, выбежали в другую комнату, а гости поспешили выйти в прихожую. Но Свамиджи продолжал лить остатки масла в огонь и все кидал в него семена. «Этот дым не ест глаза, — сказал он. — Другой ест, а этот — нет». Даже когда от дыма глаза у всех наполнились слезами, он не разрешил открыть окна. Благодаря этому почти весь дым остался в квартире, и никто из соседей не жаловался.

Свамиджи широко улыбнулся, встал перед жертвенным огнем — пламенеющим языком Вишну, и, хлопая в ладоши, запел мантру Харе Кришна. Раскачиваясь из стороны в сторону, он начал танцевать. Ученики присоединились к нему. Дым рассеялся. Он велел каждому ученику коснуться четками стоп Господа Чайтаньи на картине с изображением Панча-таттвы, которая стояла на столе. Тут он наконец разрешил открыть окна. Теперь, когда ритуал закончился и воздух в квартире стал свежее, Свамиджи рассмеялся: «Было так много дыму, что я боялся, как бы соседи не вызвали пожарную команду».

Свамиджи был счастлив. Он велел, чтобы всем преданным и гостям раздали *прасад*. Огонь, чтение молитв, обеты, повторение мантры Харе Кришна — все это очистило атмосферу. Дело сдвинулось с места. В Западном полушарии появились первые инициированные ученики. В конце праздника большинство учеников разошлось по домам, оставив своего духовного учителя наводить порядок после обряда посвящения.

Через три дня Свамиджи подобным же образом провел первую свадебную церемонию двух своих учеников, Мукунды и Джанаки. Он был доволен. Он закладывал основы своей миссии — движения сознания Кришны. Он дал

посвящение ученикам, поженил их и накормил гостей *кришна прасадом*. «Если бы у меня были средства, — сказал он своим ученикам, — я бы устраивал такие празднества каждый день».

На Радхаштами — в день явления Шримати Радхарани, вечной супруги Господа Кришны, Прабхупада устроил еще одну церемонию посвящения. Кейт стал Киртананандой, Стив — Сатсварупой, Брюс — Брахманандой, а Чак — Ачьютанандой. Это был еще один праздник в комнате Прабхупады с жертвенным огнем и большим пиром.

Неподалеку, на Десятой улице, жил Аллен Гинзберг. Однажды он получил по почте любопытное приглашение:

Повторяйте трансцендентные звуки:

Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе

Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе

Повторяя эти звуки, вы очистите зеркало своего ума от покрывающей его пыли.

Международное общество сознания Кришны.

Собрания ежедневно в 7.00

По понедельникам, средам и пятницам в 19.00

Приходите сами и приводите с собой друзей.

Мы ждем вас.

Свамиджи попросил своих ребят распространить эту листовку по всей округе.

Как-то вечером, вскоре после того как он получил приглашение, Аллен Гинзберг и его приятель, с которым они снимали комнату, Питер Орловский, подкатили к магазинчику на микроавтобусе «фольксваген». Мантра Харе Кришна пленила Аллена еще несколько лет назад, когда он впервые услышал ее на празднике Кумбха-мела в Аллахабаде, в Индии, и с тех пор он часто пел эту мантру. Преданные были поражены, увидев в своем скромном магазинчике всемирно известного автора «Воя», одного из лидеров движения битников. Его проповедь свободной любви, марихуаны и ЛСД, призывы привнести наркотические духовные прозрения в серые будни, его политические идеи, исследования природы безумия, бунта, наготы и попытки создать гармоничное сообщество единомышленников сделали его властителем умов американской молодежи, особенно той ее части, что обитала в Нижнем Ист-Сайде. Хотя в глазах среднего американского обывателя Аллен Гинзберг был личностью одиозной, имевшей скандальную репутацию, тем не менее слава о нем гремела по всему миру, и он, безусловно, был самой крупной фигурой из всех, кто когда-либо появлялся у них в магазинчике.

Аллен и Питер пришли на киртан довольно рано — Свамиджи еще не выходил. Они подарили преданным новую фисгармонию. «Это для киртанов,

— сказал Аллен. — небольшой подарок». Аллен стоял в дверях и разговаривали с Хаягривой. Он рассказывал ему, как пел мантру Харе Кришна в разных уголках земли — на маршах мира, на вечерах поэзии, на демонстрации в Праге, в Союзе писателей в Москве. «Светский киртан, — сказал Аллен, — но все-таки Харе Кришна». Тут вошел Прабхупада. Аллен и Питер уселись вместе с собравшимися и присоединились к киртану. Аллен стал играть на фисгармонии.

В ответ Свамиджи одобрительно кивнул головой и приветственно сложил ладони. После киртана они немного поговорили, и Свамиджи ушел к себе. Аллен сказал Хаягриве, что ему хотелось бы зайти еще раз и поговорить со Свами подольше. Хаягрива пригласил его прийти на следующий день к обеду.

Тебе не кажется, что Свамиджи чересчур эзотеричен для Нью-Йорка? — спросил Аллен.

Хаягрива, подумав, ответил:

— Может быть.

Затем Хаягрива попросил Аллена помочь Свамиджи поскольку у него истекал срок действия визы. Он приехал в Америку с визой на два месяца и с тех пор несколько раз продлевал ее еще на два месяца. Это тянулось уже год, но в последний раз, когда он обратился за продлением, ему отказали.

— Нам нужен адвокат, специалист по иммиграции, — сказал Хаягрива.

— Я дам вам на это деньги, — пообещал Аллен.

На следующее утро Аллен принес чек и еще одну фисгармонию. Наверху в квартире Прабхупады он показал ему свою мелодию, на которую пел мантру Харе Кришна, после чего они разговорились.

Аллен: *Я чувствовал себя с ним немного неловко, потому что ничего о нем не знал. Я взял с собой фисгармонию, которую хотел подарить ему, и немного денег. Я подумал: это здорово, что он здесь и может разъяснить людям смысл мантры Харе Кришна. Это как-то оправдывало мое пение. Я знал, что делал, но у меня не было теологической подготовки, чтобы объяснить смысл этого кому-то другому, а у него такая подготовка была. И я подумал, что это просто здорово. Теперь я могу везде ходить и петь мантру Харе Кришна, а если кто-то захочет узнать, что это такое, я отошлю его к Свами Бхактиведанте. Если кто-то захочет узнать технические тонкости или историю происхождения мантры, я отошлю его к Свами.*

Он рассказал мне о своем учителе, о Чайтанье и о цепи ученической преемственности. В голове у него было столько всего — все, над чем он работал. Он уже занимался своими переводами и, похоже, сидел тут днями и ночами. Думаю, у него было один-два человека, которые ему помогали.

Свамиджи принял Аллена очень тепло. процитировав стих из «Бхагавад-гиты», где Кришна говорит о том, что простые люди берут пример с великих личностей, он попросил Аллена и дальше при любой возможности петь мантру Харе Кришна, чтобы его примеру последовали другие. Он рассказал, как Господь Чайтанья впервые в истории Индии организовал движение гражданского неповиновения, устроив шествие с пением мантры Харе

Кришна в знак протеста против действий мусульманского правителя. Аллен был в восторге. Беседа со Свами доставила ему огромное удовольствие.

Аллен: Для меня самым главным в нем, тем, что заслоняло все наши различия, была исходившая от него доброта, та самоотверженная, бескорыстная доброта, которая сродни абсолютной жертвенности. Это всегда покоряло меня в нем, какие бы интеллектуальные вопросы или сомнения ни роились в моей голове и сколь бы циничной ни была точка зрения моего «эго». От него исходило неотразимое личное обаяние, рождавшееся из его преданности своему делу, и это обаяние сглаживало все наши разногласия. Хотя наши взгляды во многом расходились, мне всегда приятно было общаться с ним.

* * *

Свамиджи проповедовал в самом центре наркотической культуры, и вокруг него жило множество молодых людей, почти отчаянно пытавшихся изменить свое сознание наркотиками или чем-нибудь другим — любые средства были хороши. Свамиджи обещал им, что, повторяя мантру Харе Кришна, они с легкостью обретут высшее сознание, к которому так стремятся. Объясняя философию сознания Кришны, он неизбежно был вынужден проводить параллели между практикой бхакти-йоги и наркотическим опытом, хотя бы для того, чтобы показать противоположность этих двух путей. Он хорошо знал, что многие индийские «садху» принимают ганджу и гашиш, считая, что это якобы помогает им в медитации. И еще до его отъезда из Индии туристы-хиппи стали привычным зрелищем на улицах Дели.

Индия привлекала хиппи своей мистической культурой и доступностью наркотиков. Они знакомились со своими индийскими братьями, которые заверяли их, что курить гашиш — это духовное занятие, а затем возвращались в Америку с ложными представлениями об индийской духовной культуре.

Это был целый образ жизни. В местных магазинах для наркоманов можно было купить все необходимое, от курительных трубок до шприцев. Марихуана, ЛСД, мескалин, кокаин и «крутые» наркотики, вроде героина и барбитуратов, свободно продавались на улицах и в парках. Неофициальные газеты помещали на своих страницах все важные новости из мира наркотиков, печатали комиксы, где фигурировал «капитан Кайф», и кроссворды, разгадать которые мог только бывалый наркоман.

Свамиджи приходилось объяснять им, что сознание Кришны гораздо выше пресловутых психоделических «полетов». «Вы думаете, что ЛСД может вызвать экстаз и расширить ваше сознание? — спросил он однажды у собравшихся в храме. — Тогда представьте себе эту комнату, целиком заполненную ЛСД. Таково сознание Кришны». Молодые люди постоянно приходили в храм и спрашивали у учеников Свамиджи: «Вы что, „улетаете“ от этого?» И преданные отвечали: «Еще как! Можно „улететь“ при первых же звуках мантры. Хочешь, попробуй сам!»

Пожалуй, самые шумевшие эксперименты с ЛСД в то время проводили Тимоти Лири и Ричард Олперт, преподаватели психологии из Гарварда. Они изучали действие наркотиков, публиковали результаты своих изысканий в научных журналах и пропагандировали использование ЛСД для достижения самоосознания и реализации заложенных в человеке возможностей. После того как Тимоти Лири выгнали из Гарварда, он вознамерился стать апостолом ЛСД общенационального масштаба и какое-то время возглавлял коммуну своих последователей в Мильбруке, недалеко от Нью-Йорка.

Когда члены мильбрукской коммуны прослышали о *свами* из Нижнего Ист-Сайда, который поет вместе со своими учениками, а те получают от этого кайф, они стали захаживать к ним в храм. Однажды вечером на киртан к Свамиджи пришло с десятков хиппи из Мильбрука. Они все пели (не столько из любви к Кришне, сколько для того, чтобы испытать, какой кайф это приносит). После лекции лидер мильбрукцев задал вопрос о наркотиках. Прабхупада ответил, что для духовной жизни наркотики не нужны, что они не могут дать человеку духовного сознания и что все религиозные видения, вызванные наркотиками, — это не что иное, как галлюцинации. Постичь Бога не так просто, чтобы это можно было сделать, приняв таблетку или накурившись. Повторение мантры Харе Кришна, объяснил он, — это очистительный процесс, который позволяет удалить пелену материальной скверны, застилающую чистое сознание живого существа. Наркотики же делают эту пелену еще плотнее и мешают человеку достичь самоосознания.

А сами вы пробовали ЛСД? — вопрос прозвучал как вызов.

— Нет, — ответил Свамиджи. — Я никогда не употреблял ничего подобного, даже сигарет и чая.

— Если вы никогда не употребляли наркотиков, о как же вы можете судить о них?

Мильбрукцы победно оглядывали зал. Некоторые из них даже закатились смехом и пощелкивали пальцами, полагая, что поймали Свами на слове.

— Я сам не пробовал, — ответил Свами, с царственным видом сидя на своем помосте, — но мои ученики перепробовали все — и марихуану, и ЛСД — и все бросили. Вы можете послушать их. Хаягрива, расскажи им.

Хаягрива выпрямился и своим зычным голосом начал говорить:

— Как бы высоко вы ни «улетели», накачавшись ЛСД, в конце концов вы достигнете пика, и тогда вам волей-неволей придется спуститься с небес. Это все равно что лететь на ракете в космос. (Он привел один из обычных примеров Свами.) День за днем ваш космический корабль будет лететь все дальше и дальше, он может удалиться на тысячи километров от Земли, но рано или поздно вы все равно должны будете вернуться на Землю. Ваше путешествие не может продолжаться бесконечно долго. От ЛСД мы как бы взмываем в небеса, но нам всякий раз приходится спускаться на землю. Это не духовное сознание. Когда вы действительно обретаете духовное сознание, или сознание Кришны, вы все время остаетесь наверху. Поскольку вы идете к

Кришне, вам не нужно больше прилетать назад. Вы можете всегда находиться в «полете».

Свамиджи сидел у себя в задней комнате вместе с Хаягривой, Умапати и другими учениками. Вечерняя программа только что закончилась, и визитеры из Мильбрука ушли восвояси.

— Сознание Кришны замечательно тем, — сказал Умапати, — что ты летишь все выше и выше и не спускаешься вниз! Правда, Свамиджи?

— Да, так оно и есть, — улыбнулся Свамиджи.

— Вечный полет, — сказал со смехом Умапати, и другие тоже рассмеялись. Кто-то захлопал в ладоши, повторяя: «Вечный полет. Вечный полет».

Разговор вдохновил Хаягриву и Умапати написать новую листовку:

ВЕЧНЫЙ ПОЛЕТ!

Кайф, которому нет конца.

Занимайтесь сознанием Кришны.

Расширяйте свое сознание, повторяя

ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЕ ЗВУКИ

ХАРЕ КРИШНА, ХАРЕ КРИШНА,

КРИШНА КРИШНА, ХАРЕ ХАРЕ

ХАРЕ РАМА, ХАРЕ РАМА,

РАМА РАМА, ХАРЕ ХАРЕ

Листовка объясняла превосходство сознания Кришны над всеми остальными способами «улететь». Там были такие выражения, как «врубиться», и «ловить кайф». Она выступала против применения «методов искусственной стимуляции для достижения самоосознания и расширения внутреннего видения». Некоторые были против, считая, что листовка «слишком уж подыгрывает настроениям хиппи», но Свамиджи сказал, что в этом нет ничего плохого.

Томпкинс-Сквер-парк был главным парком в Нижнем Ист-Сайде. С юга он граничил с Седьмой улицей, застроенной бурыми четырех-пятиэтажными жилыми домами. С северной стороны на Десятой улице стояли такие же жилые дома, но немного приличнее, и очень старый домишко, в котором разместилось местное отделение Нью-Йоркской публичной библиотеки. На авеню «Б», куда выходила восточная сторона парка, стояла церковь Святой Бригитты, построенная в 1848 году, когда в округе жили одни ирландцы. Церковь, школа и дом священника занимали большую часть квартала. Западная граница парка проходила по авеню «А», где было много кондитерских, торговавших всякой всячиной: газетами, журналами, сигаретами и крем-содой. Кроме того, там находилось несколько баров и бакалейных лавок, а также пара славянских ресторанчиков, где фирменным

блюдом был дешевый борщ и где за трапезой бок о бок сидели украинцы и хиппи.

На четырех гектарах парка росло много высоких деревьев, но по меньшей мере половина его была вымощена плиткой. Вдоль дорожек тянулись ограды из массивного кованого железа высотой метра полтора, которые защищали газон. Извилистая лента забора, многочисленные дорожки и ворота делали парк похожим на лабиринт.

Погода стояла теплая, к тому же день был воскресный, и потому в парке было довольно многолюдно. Почти все скамейки, стоявшие вдоль дорожек, были заняты. На них сидели пожилые люди, в основном украинцы, одетые, несмотря на теплую погоду, в старомодные костюмы и свитера. Они сидели небольшими группами и разговаривали. В парке было полным-полно детей, главным образом пуэрториканцев и негров, а также светловолосых, угрюмых детей из трущоб. Они носились на велосипедах, играли в мяч или пускали летающие тарелки. Площадки для игры в баскетбол и ручной мяч оккупировали подростки. И как водится, повсюду носились бездомные собаки.

От старых времен в парке сохранился небольшой мраморный бельведер (четыре колонны с крышей и фонтанчиком для питья). Надпись на нем гласила: «1891 год». На каждой из четырех сторон красовались слова «Надежда», «Вера», «Милосердие», «Умеренность». Но кто-то черной краской намалевал на этом сооружении корявые рисунки, неразборчивые имена и инициалы. Сегодня на одной из скамеек расположились музыканты с латиноамериканскими барабанами и их зажигательные ритмы будоражили весь парк.

Были здесь и хиппи, сильно выделявшиеся среди других. Бородатые мужчины богемного вида и их молодые подруги с распущенными волосами, в потертых синих джинсах были все еще непривычным зрелищем. Их присутствие вносило напряженность даже в «плавильный котел» Нижнего Ист-Сайда. Они были выходцами из зажиточных семей, так что в трущобы их привела отнюдь не нужда. На этой почве у них часто возникали конфликты с обездоленными иммигрантами. Всем известное пристрастие хиппи к психоделическим наркотикам, их бунт против своих родителей и материального благополучия, приверженность к авангардизму — все это делало их презираемым меньшинством и вызывало насмешки окружающих. Но хиппи хотели только одного: делать то, что они считают нужным, и вершить собственную революцию во имя «любви и мира», поэтому их обычно терпели, хоть и не любили.

В Томпкинс-Сквер-парке собирались разные группы молодежи и хиппи. Здесь встречались друзья, которые когда-то учились в одной школе или употребляли один и тот же наркотик. Других объединяла общность взглядов на искусство, литературу, политику или метафизику. Были тут и влюбленные. Были группы, членов которых, на первый взгляд, не связывало ничего, кроме общего стремления делать то, что им заблагорассудится. Были и другие,

жившие отшельниками, — сидит такой одиночка на скамейке и анализирует эффект кокаина, глядя то вверх, на странно шелестящую листву на деревьях и на голубое небо над домами, то вниз — на мусор у ног, а в это время его мысли беспомощно мечутся от страха к озарению, от омерзения к галлюцинациям и т.д., пока дурман не улетучится и он снова не превратится в обыкновенного прохожего. Иногда они «зависали» в парке на всю ночь, а с первыми лучами солнца растягивались на скамейках, чтобы немного вздремнуть.

Особенно много хиппи было в парке по воскресеньям. Иногда они просто проходили через парк по дороге на площадь Св. Марка в Гринвич-Вилледж, к станции подземки «Лексингтон авеню» на Астор-Плейс, к метро на углу Хьюстон-стрит и Второй авеню, на остановку автобуса, идущего из центра, что на Первой авеню, или же автобуса, идущего в центр, на Второй, а, может, к автобусу на Девятой, который идет через весь город. Многие приходили в парк просто так, чтобы не торчать дома, а посидеть с друзьями на свежем воздухе — «догнаться», поболтать или побродить по лабиринту парковых дорожек.

Но как бы ни были велики различия в интересах и наклонностях хиппи, для всех них Нижний Ист-Сайд оставался мистической страной. Это были не просто грязные трущобы — это было лучшее место в мире для экспериментов с сознанием. Несмотря на всю его грязь, постоянную угрозу насилия и тесноту, в которой жили обитатели его домов из бурого кирпича, Нижний Ист-Сайд был форпостом революции, целью которой являлось расширение сознания. Если вы не жили здесь, не принимали психоделических наркотиков и марихуану или вас, по крайней мере, не обуревала духовная жажда — желание найти собственную свободную религию, то на вас лежало клеймо невежественного обывателя и ретрограда, задержавшегося на низшей ступени эволюции и цепляющегося за обветшалые идеалы «добропорядочных» американцев-материалистов — такие взгляды объединяли все разношерстные группы хиппи, которые обитали в Нижнем Ист-Сайде.

Сюда, в этот балаган, и пришел вместе со своими учениками Свамиджи, чтобы провести киртан. Несколько преданных пришли пораньше, выбрали в парке лужайку, расстелили ковер, который пожертвовал Роберт Нельсон, сели на него, заиграли на *караталах* и запели мантру Харе Кришна. Тут же к ним подкатило несколько мальчишек на велосипедах; затормозив у самого ковра и не слезая с велосипедов, они уставились на них с нахальным любопытством. Прохожие стали останавливаться, чтобы послушать пение.

Тем временем Свамиджи с полудюжиной учеников шел к парку, который находился за восемь кварталов от их храма. Брахмананда нес фисгармонию и барабан Свами. Вид Киртанананды, который по просьбе Свами обрился и облачился в просторные развевающиеся одежды канареечного цвета, еще больше усиливал общее впечатление. Водители притормаживали у тротуара, а пассажиры, разинув рты, смотрели на его вызывающее одеяние и бритую голову. Когда они проходили мимо какого-нибудь магазинчика, покупатели, толкая друг дружку, показывали на них пальцами. Люди выглядывали из окон

квартир и выбегали посмотреть на Свами и его спутников, как на парад. Пуэрториканская шпана не могла сдержать бурной реакции. «Эй, Будда! — вопили они. — Эй, пижаму снять забыл!» Они издавали пронзительные крики, подражая воинским кличам индейцев, которые слышали в голливудских вестернах.

«Эй, ар-рабы!» — заорал какой-то шутник и принялся изображать то, что, по его мнению, было восточным танцем. Никто на улице не имел ни малейшего понятия не только о сознании Кришны, но даже о культуре и обычаях Индии. В их глазах окружение Свами было кучкой сумасшедших «выпендривающихся» хиппи. Но как отнестись к Свами, они не знали. Он был другим. Однако и он вызывал подозрения. Правда, кое-кто, как, например, Ирвин Хольперн, коренной житель Нижнего Ист-Сайда, испытывал симпатии к этому иностранцу, который «похоже, был очень приличным человеком с добрыми намерениями».

Ирвин Хольперн: *Многие терялись в догадках, кто же такой этот свами. В головах у людей роились самые нелепые подозрения, они, похоже, ждали, что эти люди вдруг лягут на подстилку, утыканную гвоздями, и тому подобное. Но мишенью их враждебности оказался приятный, миролюбивый, воспитанный, и, сразу видно, доброжелательный человек.*

— Хиппи!

— Это кто — коммунисты?

Пока юнцы насмехались, люди среднего возраста и пожилые качали головами или смотрели на процессию холодно и с непониманием. Дорога в парк была омрачена ругательствами, улюлюканьем, грубыми шутками и напряженностью, но на этот раз их никто не тронул.

Разноплеменные соседи решили, что Свамиджи и его ученики вышли на улицы в диковинных одеяниях просто подурачиться, чтобы все глазели на них и смеялись. Они считали свою реакцию совершенно естественной для нормального, уважающего себя обитателя американских трущоб.

Так, еще до того, как они добрались до парка, их поход уже успел превратиться в приключение. Однако Свамиджи был невозмутим. «Что они говорят?» — спросил он раз или два. Брахмананда объяснил ему. Свамиджи всегда ходил с высоко поднятой головой, выдвинув подбородок вперед. Это придавало ему аристократический и очень решительный вид. Он обладал духовным видением — любой человек был для него вечной душой, и он видел, что все находится во власти Кришны. Но и без того, даже с мирской точки зрения, он не боялся городского столпотворения. В конце концов, он был выдавшим виды жителем Калькутты.

К тому времени, когда появился Свамиджи, киртан шел уже минут десять. Скинув свои белые туфли, он, словно у себя в храме, сел на ковер рядом со своими учениками, которые перестали петь и выжидающе смотрели на него. На нем был розовый свитер, а на плечах — домотканый плед. Он улыбнулся, и, оглядев своих учеников, показал им ритм — раз-два... три. Затем он стал громко хлопать в ладоши, отбивая ритм — раз-два... три. Вступили караталы,

сначала невпопад, но он держал ритм, хлопая в ладоши, и они подхватили его, стали отбивать хлопками и неумело звенеть тарелочками — неспешно и размеренно.

Он запел молитву, которую никто из них не знал. *Ванде 'хам шри-гурох шрй-йута-пада-камалам шри-гурун ваишнавамш ча.* Его мелодичный, по тембру напоминающий фисгармонию голос передавал все богатство нюансов бенгальской мелодии. Сидя на ковре под огромным дубом, он пел таинственные санскритские молитвы. Никто из его учеников не знал ни одной мантры, кроме мантры Харе Кришна, но зато они знали Свамиджи. Они отбивали ритм, вслушиваясь в его пение, а в это время по улице грохотали грузовики и в отдалении звучали латиноамериканские барабаны.

Шри-рупам саграджатам, — пел Свамиджи, а мимо пробежали собаки, пялили глаза дети, насмешники показывали пальцами: «Эй, приятель, что это еще за пастор?» Но его голос был для них прибежищем, в котором можно было укрыться от двойственности этого мира. Его ученики продолжали звенеть *караталами*, а он солировал: *шрй-радха-кришна-падан.*

В этих молитвах Свамиджи воспевал чистую супружескую любовь Шримати Радхарани к Кришне, возлюбленному *гопи*. Каждое слово, которое веками передавалось из уст в уста по цепи ученической преемственности, таило в себе глубокий трансцендентный смысл, понятный лишь ему одному. *Саха-гана-лалита-шри-вишакханвитамшча.* Они ждали, когда он начнет петь мантру Харе Кришна, хотя его пение само по себе захватило их.

Люди все подходили и подходили — чего и хотел Свамиджи. Он хотел, чтобы они пели и танцевали вместе с ним, а теперь этого хотели и его ученики. Они хотели быть вместе с ним. Казалось, это было их единственным желанием — всегда приходить сюда вместе со Свами, садиться и петь. А он всегда будет рядом с ними, ведя киртан.

Наконец, он запел мантру — Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама. Рама Рама, Харе Харе. Они подхватили, сначала слишком низко и нестройно, но он поправил их, выводя мелодию с абсолютной точностью. Его голос звучал мощно и торжественно. Они отозвались, уже смелее, звеня *караталами* и хлопая в ладоши — раз-два три, раз-два... три. Потом он снова запел, а они, вслушиваясь в каждое слово, отбивали ритм ладонями и *караталами* и старались поймать его взгляд, обращенный на них из глубин его мудрости, его бхакти. Из любви к Свами они отрешились от окружающей действительности и присоединились к нему, чтобы вместе с ним петь святые имена. Свамиджи играл на маленьком барабане, держа ремешок в левой руке и прижимая барабан к себе, в то время как правая рука выводила замысловатые ритмы *мриданги*.

Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Прошло полчаса, но он не чувствовал усталости и по-прежнему пел мантру, ведя их за собой, а тем временем заинтересованных зрителей становилось все больше и больше. Несколько хиппи присели на краешек ковра, так же, как и преданные, скрестив ноги. Они слушали, хлопали

в ладоши и пытались подпевать. Небольшая группа участников киртана разрасталась, а люди все продолжали подходить.

Как всегда, его киртан привлек музыкантов.

Ирвин Хольперн: *Я делаю флейты и играю на музыкальных инструментах своей работы. Когда появился Свами, я подошел, стал играть, и он поприветствовал меня. Как только появлялся новый музыкант и брал первую ноту, Свамиджи приветственно поднимал руки. Словно он стоял за дирижерским пультом и собирался дирижировать оркестром Нью-Йоркской филармонии. Я имею в виду жест, знакомый каждому музыканту. Ты просто знаешь, когда кто-то хочет играть с тобой и ему нравится, что ты играешь вместе с ним. Он владел языком, на котором общаются музыканты — я сразу уловил это и очень обрадовался.*

Одинокие музыканты почти всегда слонялись по парку, и, услышав, что они могут подыграть Свами и что им будут рады, потянулись к нему. Один саксофонист пришел просто потому, что у них хорошо звучали ударные, и ему захотелось подыграть. Другие, подобно Ирвину Хольперну, решили, что это нечто духовное, и к тому же звуки сами по себе были очень приятными. По мере того как музыкантов при бывало, киртан привлекал все больше и больше зевак. Свамиджи солировал и пел вместе с хором, вместе с ведущим пели и многие из новичков, так что вскоре киртан превратился в постоянно звучащий хор. После полудня там собралось уже больше сотни человек, и дюжина музыкантов с латиноамериканскими барабанами, бамбуковыми и металлическими флейтами, губными гармошками, деревянными и металлическими трещотками, тамбурами и гитарами играли вместе со Свами.

Его нужно было видеть. Он старался петь громко, его брови были сдвинуты, лицо напряжено, вены на висках вздулись, а нижняя челюсть выступала вперед, когда он пел: «Харе Кришна! Харе Кришна!» — так, чтобы слышали все. В его облике было нечто необыкновенно притягательное, внушавшее симпатию. При этом он вкладывал в пение все силы, так что иногда оно становилось напряженным, и весь его вид говорил о предельной сосредоточенности.

Это была не демонстрация йогических упражнений или молчаливое шествие пацифистов, а чистое пение мантры, которую принес на Запад Бхактиведанта Свами. Это было нечто новое, небывалое, и в этом мог принять участие каждый. Жителям окрестных кварталов, похоже, понравился его киртан. Вокруг собралось столько народу, что даже торговец мороженым подкатил сюда свой лоток. Рядом с Прабхупадой расположилась компания белобрысых мальчишек лет пяти-шести, они сидели там просто так, от нечего делать. Молодой поляк стоял, уставившись на него. Кто-то принялся жечь ладан на раскаленных углях в металлической жаровне, и сладковатый дым обволакивал флейтистов, барабанщиков и поющих.

Свамиджи подал ученикам знак, и, поднявшись, они начали танцевать. Высокий, худой Стрьядхиша танцевал, поднимая руки. Задние карманы у него были битком набиты листовками «Вечный полет!» Рядом с ним в черной

водолазке, с крупными четками на шее танцевал Ачьютананда, и его длинные, волнистые, почти курчавые волосы совсем растрепались. Вслед за ним поднялся Брахмананда. Он и Ачьютананда встали лицом друг к другу, воздев руки, как на картине с изображением киртана Господа Чайтаньи. Те, у кого были фотоаппараты, протиснулись поближе. Ребята танцевали, переступая с левой ноги на правую, и были похожи на ангелов. Их крупные красные молитвенные четки раскачивались на шее в такт их движениям.

Брахмананда: *Я подумал, что раз уж я встал, то, пока Свами играет на барабанах, я должен танцевать. Это будет оскорблением, думал я, если я сяду, пока он играет. Поэтому я протанцевал целый час.*

Типично индийским движением головы Свамиджи выразил одобрение. Затем он поднял руки, приглашая других присоединиться к танцующим. Начали танцевать многие из его учеников, и даже несколько хиппи из толпы тоже решили попробовать. Свамиджи хотел, чтобы в *санкиртане* пели и танцевали все. Танец представлял собой мерное покачивание из стороны в сторону, танцующие переступали босыми ногами по ковру, их руки были подняты вверх, а пальцы протянуты к небу, раскинувшемуся над пожелтевшей осенней листвой. Тут и там в толпе отдельные люди впадали в экстаз — какая-то девушка пела с закрытыми глазами, щелкая кастаньетами, и мечтательно покачивая головой. На нее неодобрительно смотрела пожилая полька в платочке с высохшим морщинистым лицом. В толпе то тут, то там стояли группы пожилых женщин в косынках, некоторые из них были в солнцезащитных очках; они оживленно беседовали, показывая пальцами на то, что привлекло их внимание в киртане. Киртанананда был единственным, кто надел *дхоти*, что делало его похожим на Прабхупаду в молодости. Послеполуденное осеннее солнце дарило им свое ласковое тепло. Его золотистые лучи падали на фигуры танцующих, которые отбрасывали длинные холодноватые тени.

Фисгармония звучала не смолкая. Парень в военной робе извлекал из деревянной флейты атональные импровизации. И все же звуки этих инструментов сливались в одну мелодию, а над ними снова и снова взмывал голос Свами. Так продолжалось несколько часов подряд. Прабхупада сидел выпрямившись и только в конце каждой строки мантры слегка передергивал плечами, прежде чем начать следующую. Его ученики сидели на том же самом ковре, рядом с ним, глаза их горели религиозным экстазом. Наконец Свамиджи остановился.

Он сразу же встал, и они уже знали, что сейчас он начнет говорить. Было четыре часа пополудни, и теплое осеннее солнце все еще стояло высоко в небе. Вокруг царил атмосфера всеобщего умиротворения, публика стала более внимательной, чувствовалось, что от сосредоточенного слушания мантры люди помягчели. Обратившись к ним, он поблагодарил всех за участие в киртане. Пению мантры Харе Кришна, сказал он, положил начало Чайтанья Махапрабху, который жил пятьсот лет тому назад в Западной Бенгалии. Харе означает «о энергия Господа», Кришна — это Господь, а Рама — также одно из

имен Верховного Господа, оно означает «высшее наслаждение». Ученики Свамиджи сидели у его ног и слушали. Рая-Рама, закрываясь рукой от солнца, смотрел на Свами, а Киртанананда склонил голову на бок, словно прислушивающаяся к земле птица.

Свамиджи стоял под сенью высокого дуба в позе оратора; его светлые шафрановые одежды красивыми складками спадали вниз. Дерево позади него было расположено идеально.

Солнечные лучи пробивались сквозь его крону и бликами падали на его толстый ствол. Дальше, в конце аллеи, возвышалась колокольня церкви Св. Бригитты. Справа от Свамиджи стояла полная женщина средних лет, в платье и с прической, которые вышли из моды еще четверть века назад. Слева стояла девица-хиппи в джинсах в обтяжку, а рядом с ней — молодой негр в черном свитере, со скрещенными на груди руками. Слева от него стоял молодой отец с ребенком на руках, за ним — бородатый молодой уличный садху с волосами, расчесанными на прямой пробор, и два вполне заурядных коротко подстриженных молодых человека со своими юными спутницами. Многие из присутствовавших, хоть и стояли недалеко от Свами, начали отвлекаться и оглядываться по сторонам.

Свамиджи рассказал о существовании трех уровней — чувств, ума и разума, выше которых находится духовный уровень. Повторяя мантру Харе Кришна, сказал он, мы поднимаемся на духовный уровень, и это — самый легкий способ вновь обрести некогда утраченное нами вечное и исполненное блаженства сознание. Он пригласил всех на программы, которые проходят на Второй авеню, в доме номер 26, и, завершая свое короткое выступление, сказал: «Большое спасибо. Присоединяйтесь к нам и пойте вместе с нами». Тут он сел, взял барабан и снова начал киртан.

Для человека, которому уже за семьдесят, несколько часов кряду бить в барабан и громко петь было достаточно рискованно, но он шел на этот риск ради Кришны. Все складывалось слишком хорошо, чтобы от мог остановиться. Он приехал из далекого Вриндавана, пережил тяжелые дни в «Обществе йоги», которое не имело ничего общего с Кришной, и всю зиму прозябал в неизвестности. На протяжении веков Америка ждала мантру Харе Кришна. Мантра пришла в Америку не из восторженных отзывов Торо и Эмерсона на английские переводы «Гиты» и Пуран и не из знаменитой речи Вивекананды об индуизме на Всемирном конгрессе религий, проходившем в Чикаго в 1883 году. И теперь, когда он наконец принес сюда *кришна-бхакти*, которая потекла рекой, словно Ганга, несущая свои воды к морю, ему нельзя было останавливаться. В своем сердце он чувствовал властное желание Господа Чайтаньи спасти заблудшие обусловленные души.

Он знал: такова воля его духовного учителя и Господа Чайтаньи Махапрабху, хотя кастовые брахманы в Индии вряд ли одобрили бы его общение с этими неприкасаемыми — свихнувшимися от наркотиков американцами-мясоедами и их подружками. Но Свамиджи утверждал, что он ни в чем не нарушил буквы священных писаний. В «Бхагаватам» ясно сказано,

что сознание Кришны нужно нести всем народам мира. Любой человек — вечная душа, и независимо от того, в какой стране он родился, он сможет подняться на духовный уровень, если будет повторять святое имя Господа. Какие бы грехи они ни совершили, эти люди были достойны сознания Кришны. Томпкинс-Сквер-парк тоже был частью плана Кришны; он был одним из уголков земли, все эти люди являлись частью человечества, а повторение мантры Харе Кришна — *дхармой* нынешнего века.

Когда Свамиджи подошел к своему дому на Второй авеню, то увидел на тротуаре у магазинчика толпу людей, пришедших из парка. Это были молодые люди, которые ждали, когда он придет и откроет двери «Бесценных даров». Они хотели больше узнать о танце, о пении, о пожилем Свами и его учениках, которые устроили в парке это прекрасное действо. Они вошли внутрь. Самые робкие и нерешительные остались на улице, они с независимым видом прохаживались по тротуару, курили, ждали, заглядывали в окно и в дверь, стараясь рассмотреть картины на стенах. Свамиджи прошел на свое возвышение и сел. Перед ним было столько людей, сколько никогда раньше в храме не собиралось. Он снова заговорил о сознании Кришны. Речь его лилась свободным потоком, он цитировал санскритские писания, объясняя смысл того, что они увидели и услышали в парке. Он сказал, что каждый должен все время петь и повторять святое имя так же, как они делали это сегодня.

Было уже совсем поздно, когда он и наконец добрался до своей квартиры. Один из ребят принес ему чашку горячего молока, кто-то сказал, что они должны петь в парке каждую неделю. «Каждый день», — ответил Свамиджи. Хотя в комнате оставалось еще человек двенадцать, Свамиджи прилег на свой тонкий матрас. Он говорил еще минут пять, потом голос его стал стихать, фразы сделались отрывочными. Он как будто задремал. Было десять часов вечера. Они на цыпочках вышли из комнаты, бесшумно закрыв за собой дверь.

* * *

Слова «Харе Кришна» становились все более популярными — они постоянно звучали на киртанах в парке, появлялись на страницах газет. Хаягрива назвал это «взрывом Харе Кришна». Хиппи Нижнего Ист-Сайда считали пение мантры Харе Кришна «самой забойной вещью, и даже то, что ученики Свами не употребляли ЛСД, не уменьшало их популярности. Они пользовались репутацией святых, которые несут людям мирное пение, бесплатно раздают еду и пускают на ночлег. У них можно было попробовать самые экзотические вегетарианские блюда (если, конечно, прийти вовремя), а в их магазинчике на полке возле двери всегда стояли индийские книги.

В клубах местные музыканты играли мелодию, которую слышали от Свами во время киртанов в парке и в храме. Нижний Ист-Сайд был кварталом художников и музыкантов. Теперь он стал еще и кварталом Харе Кришна.

Вечерние киртаны всегда собирали много народу. По вечерам в магазин приходило столько людей, что им негде было сидеть. Самый большой интерес вызывало пение и совместное музицирование. После киртана, когда начиналась лекция, многие вставали и уходили. Зачастую на лекции оставалось не больше половины собравшихся, были и такие, кто уходил с середины лекции.

Однажды Аллен Гинзберг привел на программу в храме Эда Сандерса и Тьюли Капферберга из группы «Фагз». То была местная группа, которая приобрела популярность, специализируясь на непристойной лирике. Среди популярных песен Эда Сандерса были «Богиня трущоб Нижнего Ист-Сайда», «Коснись меня» и «Я не могу улететь». У Эда была буйная рыжая шевелюра и огненно-рыжая борода. Во время киртана он играл на гитаре. Преданные были счастливы видеть у себя таких знаменитых гостей.

Однако как раз в этот вечер Свамиджи в своей лекции стал говорить об иллюзии сексуального наслаждения. «Сексуальное наслаждение приковывает нас к материальному миру», — сказал он и по своему обыкновению привел стих Ямуначарьи: «С тех пор как я обрел сознание Кришны, одна мысль о половой близости с женщиной вызывает у меня отвращение, и я сплевываю». «Фагз» больше никогда не появлялись.

Казалось, что для человека, который хотел найти себе последователей среди хиппи Нижнего Ист-Сайда было недалёковидным плохо отзываться о сексуальном наслаждении. Но Бхактиведанта Свами не собирался изменять своего учения в угоду хиппи. Когда Умапати однажды заметил, что слова о том, что секс необходим только для зачатия детей, отпугивают американцев, Бхактиведанта Свами ответил: «Я не могу менять философию ради того, чтобы угодить американцам».

— А как насчет секса? — спросил однажды вечером из дальнего угла битком набитого храма адвокат ИСККОН Стив Голдсмит.

— Вступать в половые отношения можно только со своей женой, — ответил Свами, — но и такие половые отношения должны быть ограничены. Секс нужен только для зачатия детей, обладающих сознанием Кришны. Мой духовный учитель часто говорил: «Ради того чтобы стать отцом сознающих Кришну детей, я готов сотни раз вступать в половые отношения». Разумеется, в наш век это не так-то просто, поэтому он всю свою жизнь оставался *брахмачари*.

— Но секс — огромная сила, — не унимался мистер Голдсмит. — Вы же не станете отрицать существование влечения мужчины к женщине.

— Именно поэтому в любой культуре существует институт брака, — ответил Прабхупада. — Вы можете жениться и спокойно жить с одной женщиной, но жену нельзя превращать в машину для удовлетворения чувств. В половые отношения можно вступать не чаще одного раза в месяц, и только для зачатия детей.

Хаягрива, сидевший слева от Свамиджи, под большой музыкальной тарелкой, подвешенной к потолку, воскликнул:

— Только раз в месяц? — и, сделав смешную гримасу, добавил: — Уж лучше совсем забыть об этом!

— Правильно! Молодец!

Свамиджи рассмеялся, засмеялись и все остальные.

— Самое лучшее — вообще не думать об этом. Лучше всего просто повторять мантру Харе Кришна.

Он сделал движение рукой, как будто читал мантру на четках.

— Таким образом мы избавимся от множества ненужных хлопот. Секс — это что-то вроде чесотки, только и всего. От того что мы чешемся, зуд только усиливается. Поэтому нужно терпеть зуд и молить Кришну о помощи. Это нелегко. В материальном мире секс — самое сильное наслаждение, но он же и величайшая кабала.

Стив Голдсмит только качал головой. Свамиджи взглянул на него и улыбнулся:

— Вы все еще сомневаетесь?

— Да, понимаете... уже доказано, что подавлять сексуальное влечение опасно. Есть теория, что войны происходят, потому что...

— Люди едят мясо, — перебил его Прабхупада. — Пока они не перестанут есть мясо, они будут воевать. И пока мужчина ест мясо, то, будьте уверены, он будет вступать в недозволенные половые отношения.

Стив Голдсмит был влиятельным другом ИСККОН и много помогал преданным. Но Прабхупада не собирался поступаться философией сознания Кришны ради того, чтобы «угодить американцам».

* * *

В одиннадцать вечера свет в квартире Свамиджи горел только в одном месте — на кухне. Свамиджи не ложился спать, он учил Киртанананду и Брахмананду готовить, поскольку завтра (в воскресенье) они собирались устроить пир для гостей. Киртанананда предложил назвать его «пиром любви».

Свамиджи название одобрил, хотя некоторым преданным поначалу было странно слышать, как он произносит: «пир любви». Преданные развесили в округе афиши и поместили объявление в витрине своего магазинчика, а Свамиджи пообещал, что приготовит угощение по меньшей мере человек на пятьдесят. Он сказал, что «пиры любви» должны стать важной составляющей деятельности ИСККОН. Как он уже не раз говорил, пища, предложенная Кришне, становится духовной, и всякий, кто ест *прасада*, получает от этого огромное духовное благо. *Прасадам* значит «милость».

Свамиджи лично следил за приготовлением каждого из дюжины блюд. Одно за другим ученики относили их прямо в кастрюлях в зал и ставили перед изображением Господа Чайтаньи. Там были *халава*, *дал*, *сабджи* двух видов, рис с сырными шариками, *пури*, *самосы*, сладкий рис, яблочное чатни и *гулабджамуны*, или сладкие шары — пули ИСККОН. Эти сладкие шары

Свамиджи долго обжаривал на медленном огне в топленом масле, пока они не становились золотисто-коричневыми и не раздувались, а затем шумовкой вынимал их по одному из масла и клал в сладкий сироп, чтобы они пропитались им. Он заметил, что эти золотистые, обжаренные в масле шарики из молочного порошка стали любимым блюдом его учеников. Он называл их «пулями ИСККОН», так как они были их оружием в войне против *майи*. Он даже распорядился, чтобы банка с «пулями ИСККОН», плавающими в сиропе, всегда стояла в передней комнате, где ученики в любое время могли брать их, не спрашивая у него разрешения. Каждый мог брать столько, сколько хотел.

На первый «пир любви» народу пришло немного, но у преданных праздничный *прасад* вызвал такой восторг, что малочисленность гостей нисколько их не смутила. Они готовы были съесть все сами.

Сатсварупа: *Свамиджи приготовил так называемые «брахманские спагетти». Это были спиральки, сделанные из рисовой муки, обжаренные в масле и пропитанные сахарным сиропом. Кроме них там была халава, рис пушпанни с обжаренными сырными шариками, самосы, жареные бобы мунг с солью и специями, пури, гулабджамуны. И все выглядело очень «аппетитно», по выражению Хаягривы. «Да,— говорил он насмешливым тоном,— все выглядело очень аппетитно».*

Праздничная трапеза вызывала сильные ощущения. Всю неделю мы укрощали чувства и выполняли строгие правила и предписания, обуздывая язык, поэтому воскресный пир был для нас своего рода вознаграждением. Свамиджи и Кришна давали нам возможность почувствовать вкус глубокого духовного экстаза, хотя мы все еще были новичками и по-прежнему находились в материальном мире. Прежде чем приступить к прасаду, я молился: «О Господь, позволь мне все время оставаться в сознании Кришны, потому что здесь все так замечательно, а я такой падший. Позволь мне служить Свамиджи, позволь насладиться этим пиром и испытать трансцендентное блаженство». Затем я начинал есть, переходя от одного вкусового ощущения к другому, — чудесный рис, мои любимые овощи, хлеб, а напоследок я всегда оставлял гулабджамуны, думая: «Захочу — возьму еще одну порцию, а то и две». Мы все время смотрели на большие кастрюли, уверенные в том, что там было столько еды, сколько нам нужно. Воскресные пиры стали для нас как бы еще одним доказательством того, что мы сделали правильный выбор. Мы наслаждались ими с нескрываемым удовольствием, улаживая свои чувства. Прасад играл очень важную роль в нашей жизни.

Постепенно народу стало приходиться все больше и больше. Угощение было бесплатное и пользовалось хорошей репутацией. На пиры главным образом собирались местные хиппи, но иногда приходили любопытствующие ньюйоркцы из более высоких слоев общества и даже родители преданных. Если места в храме для всех не хватало, гости располагались во дворе. Они брали бумажные тарелки с *прасадом*, шли в садик на заднем дворе и устраивались под пожарной лестницей, за садовым столиком или в каком-

нибудь другом месте, а поев, возвращались в храм за добавкой. Преданные стояли возле кастрюль с *прасадом*, и гости один за другим подходили к ним за очередной порцией. Соседям не очень нравилось, когда во дворе собирались пирующие гости, и преданные старались как-то успокоить их, разнося по квартирам тарелки с *прасадом*. Хотя сам Свамиджи в храм не спускался, он тоже принимал *прасад* у себя в комнате и с удовольствием слушал сообщения об успехе своего нового начинания.

Однажды преданные так навалились на еду, что чуть было не съели все сами, забыв о гостях. Киртанананде пришлось отчитать их за эгоизм. Постепенно они начали понимать, что воскресные пиры устраиваются не столько для их удовольствия, сколько для того, чтобы привлечь людей к сознанию Кришны.

* * *

Бхактиведанта Свами начал издавать журнал «Бэк ту Годхед», когда жил в Индии. Хотя статьи он стал писать еще в тридцатые годы, первый номер журнала вышел в 1944 году в Калькутте. Он сделал его в одиночку, выполняя указание своего духовного учителя, который велел ему проповедовать сознание Кришны на английском языке. В то время он имел собственную фармацевтическую фирму, и ему кое-как удавалось откладывать по четыреста рупий в месяц на издание журнала. Кроме того, ему приходилось самому редактировать, печатать, финансировать и продавать каждый номер своего журнала. В те далекие годы "Бэк ту Годхед" был основным литературным трудом Бхактиведанты Свами и главным орудием его проповеди. Он мечтал о массовых тиражах журнала и думал о том, как распространить учение Господа Чайтаньи по всему миру. Он составил список крупнейших стран мира и напротив каждой из них указал количество экземпляров журнала, которые намеревался туда послать. Для финансирования этого проекта Свамиджи собирал пожертвования, но то, что ему удавалось собрать, было каплей в море. Позднее, в 1959 году он сосредоточил свои усилия на переводе и издании «Шримад-Бхагаватам». И вот теперь он решил возродить «Бэк ту Годхед». На этот раз он уже не будет действовать в одиночку, а поручит это дело своим ученикам.

Один из учеников Свамиджи, Гаргамуни, узнал, что загородный клуб в Квинсе собирается продавать небольшой печатный станок «А.Б. Дик». Эта новость заинтересовала Свамиджи, и вместе с Гаргамуни и Киртананандой он поехал в Квинс посмотреть станок, взяв напрокат автофургон. Станок был старый, но в хорошем состоянии. Управляющий клубом просил за него двести пятьдесят долларов. Свамиджи внимательно осмотрел станок и поговорил с управляющим, рассказав ему о своей миссии. Управляющий сказал, что у него есть еще один станок и что ни тот, ни другой ему, в сущности, не нужны. Свамиджи ответил, что даст двести пятьдесят долларов за оба станка, раз клубу они не нужны, а управляющий должен выручить их, поскольку

Свамиджи нужно печатать и распространять важное духовное послание, которое принесет благо всему человечеству. Управляющий согласился. Свамиджи велел Гаргамуни и Киртанананде погрузить оба станка в фургон. Так у ИСККОН появилась своя типография.

Редактирование журнала «Бэк ту Годхед» Бхактиведанта Свами поручил Хаягриве и Рая-Рама. В течение многих лет он считал «Бэк ту Годхед» личным служением своему духовному учителю, но теперь он даст возможность молодежи — Хаягриве, который преподавал английский язык в колледже, и Рая-Рама, профессиональному писателю, — заниматься изданием журнала. Это будет их духовным служением своему духовному учителю. За короткий срок Хаягрива и Рая-Рама подготовили к печати первый номер журнала.

Был свободный вечер — без публичного киртана и лекции. Свамиджи сидел у себя в комнате и работал над переводом «Шримад-Бхагаватам». Внизу уже не один час печатался первый номер «Бэк ту Годхед». Рая-Рама набрал гранки, и, пока станок работал, он стоял над ним и, волнуясь, проверял качество печати на каждой странице. При этом он поглаживал бороду и время от времени хмыкал. Теперь нужно было проверить листы и сброшюровать каждый номер. С одних гранок можно было напечатать сто экземпляров, и вот все сто экземпляров, по двадцать восемь страниц в каждом, плюс передняя и задняя стороны обложки, были разложены стопками на двух простых некрашенных скамейках, которые этим летом сколотил Рафаэль. Несколько преданных подбирали страницы и скрепляли их вместе, образовав конвейер. Они проходили вдоль стопок, брали из каждой по странице и передавали собранную стопку Гаргамуни. Он стоял, то и дело отбрасывая длинные волосы со лба, и скреплял шивателем каждый номер журнала. Сшиватель и скрепки к нему принес Брахмананда из своего офиса в Министерстве просвещения.

Даже Хаягрива, который, как правило, избегал любой черной работы, тоже был здесь и ходил вдоль «конвейера», проверяя листы.

Внезапно боковая дверь открылась, и они, к своему удивлению, увидели Свамиджи. Он посмотрел на них и, распахнув двери настежь, вошел в комнату. До этого он никогда не спускался в храм в свободные вечера. Они внезапно ощутили прилив горячей любви к Свамиджи, и, разом упав на колени, поклонились ему. «Не надо, не надо», — сказал он, подняв руку и пытаясь остановить их. Некоторые еще были в поклоне, а другие уже вставали. «Продолжайте работать». Когда ребята поднялись и увидели, что он стоит среди них, они не знали, что делать. Но было ясно: Свамиджи спустился, чтобы посмотреть, как они работают над его «Бэк ту Годхед», поэтому они снова взялись за работу, действуя молча и споро. Прабхупада прошелся вдоль стопок страниц, поглаживая их рукой, пока не дошел до готового журнала. «ИСККОН-пресс», — произнес он.

Обложку нарисовал Джаганнатха. Рисунок, сделанный пером, изображал Радху и Кришну и был похож на картину в храме его же работы. Это был незамысловатый рисунок, вписанный в концентрические круги. Первая

страница открывалась девизом, который Прабхупада многие годы использовал в журнале «Бэк ту Годхед»: «Бог — это свет, невежество — тьма. Там, где есть Бог, нет места невежеству».

Первое и самое главное указание, которое Прабхупада дал редакторам журнала, заключалось в том, чтобы издавать журнал *регулярно, каждый месяц*. Даже если они не знают, как продать тираж, или написали всего две страницы, они обязаны делать по одному номеру в месяц.

Он позвал Хаягриву к себе и вручил ему полное, трехтомное издание своего «Шримад-Бхагаватам». На первой странице каждого тома он сделал надпись: «Шриману Хаягриве дасу брахмачари с моими благословениями. А.Ч. Бхактиведанта Свами». Хаягрива поблагодарил, но сказал, что у него нет денег, чтобы заплатить за книги. «Ну и не нужно, — ответил Прабхупада. — Работайте над журналом. Работайте на совесть и сделайте его таким же крупным изданием, как „Тайм“».

Прабхупада хотел, чтобы в журнал писали все его ученики. «Не ленитесь, — говорил он, — напишите что-нибудь». Он хотел сделать «Бэк ту Годхед» трибуной проповеди своих учеников. Брахмананда и Гаргамуни в тот же вечер отправились на велосипедах развозить первый выпуск. Они заезжали в каждый наркомагазин Нижнего Ист-Сайда, добрались даже до Четырнадцатой улицы и до Вест-Вилледжа, пока не развезли все сто экземпляров. Так они расширяли границы проповеднической деятельности. Теперь все его ученики могли участвовать в работе: печатать, редактировать, писать, набирать и распространять журнал. Это по-прежнему была его проповедническая деятельность, но сейчас он был уже не один.

* * *

Вскоре после свадьбы Мукунда и Джанаки уехали на Западное побережье. Мукунда говорил Свамиджи, что хочет поехать в Индию изучать индийскую музыку, но, проведя несколько недель на юге Орегона, отправился в Сан-Франциско. У него появилась более интересная идея. Он хотел арендовать помещение и пригласить Свамиджи, чтобы тот приехал и начал движение Харе Кришна в округе Хейт-Эшбери, так же, как сделал это в Нижнем Ист-Сайде. Он сказал, что здесь есть замечательные возможности для распространения сознания Кришны.

Иногда, во время вечерних бесед у себя в комнате, Свамиджи спрашивал ребят, как дела у Мукунды на Западном побережье. В течение нескольких месяцев поездку Свамиджи на Западное побережье обсуждали как один из возможных планов дальнейших действий. Наконец, в начале января 1967 года, пришло письмо от Мукунды — он снял помещение магазинчика на первом этаже дома в самом центре округа Хейт-Эшбери, на Фредерик-стрит. «Сейчас мы оборудуем его под храм», — писал он. Свамиджи объявил: «Еду немедленно».

Мукунда писал о «сборище племен» в сан-францисском Хейт-Эшбери. Тысячи хиппи стекались со всей страны именно в тот квартал, где Мукунда снял свой магазинчик. Эта волна молодежного ренессанса была гораздо мощнее той, что захлестнула Нью-Йорк. Чтобы собрать средства на новый храм, Мукунда задумал устроить «Мантра-рок данс», в котором будут участвовать известные рок-группы. А гвоздем программы будет мантра Харе Кришна в исполнении Бхактиведанты Свами.

В письмо Мукунда вложил авиабилет, но некоторые из учеников Сваמידжи были против того, чтобы Сваמידжи воспользовался им. Те, кто не мог уехать из Нью-Йорка, зная об этом, отговаривали Сваמידжи от поездки в Сан-Франциско. Они не были уверены, что преданные на Западном побережье сумеют как следует позаботиться о нем. Чтобы Сваמידжи выступал с рок-музыкантами? Похоже, что Мукунда и его новые друзья принимают Сваמידжи за кого-то другого. К тому же в Сан-Франциско даже не было подходящего храма. Не было там и типографии, и журнала «Бэк ту Годхед». Зачем Сваמידжи уезжать из Нью-Йорка, да еще принимать участие в *такого рода* мероприятиях, неизвестно с кем в этой Калифорнии? Как он может бросить их одних в Нью-Йорке? Что станет без него с их духовной жизнью?

Несколько недовольных робко, обиняками, высказали эти соображения Сваמידжи, чуть ли не порицая его за самую мысль оставить их и даже намекая, что в случае его отъезда ни в Сан-Франциско, ни в Нью-Йорке дела не пойдут. Но они обнаружили, что он уже все решил. Он не принадлежал Нью-Йорку. Он принадлежал Кришне. И он должен ехать проповедовать туда, куда посылает его Кришна. Он ни к чему не был привязан и горел желанием отправиться в путь, чтобы всюду распространять мантру Харе Кришна.

Брахмананда: Но мы были в шоке от того, что он собирается уезжать. Я никогда не думал, что сознание Кришны может выйти за пределы Нижнего Ист-Сайда, не говоря уже о Нью-Йорке. Я думал, что оно может быть только здесь и останется здесь навсегда.

В середине февраля преданные забронировали ему место в самолете и начали паковать его рукописи в сундуки. Раначора, новый преданный, пришедший к ним из Томпкинс-Сквер-парка, собрал достаточно денег, чтобы купить билет на самолет, и преданные решили, что он должен ехать вместе со Сваמידжи в качестве его личного слуги. Сваמידжи объяснил, что едет всего на несколько недель и хочет, чтобы во время его отсутствия все шло своим чередом.

Пока ребята ловили такси, чтобы отвезти его в аэропорт, он ждал у себя в комнате. День был серый и холодный. В батареях шипел пар. Он возьмет с собой только небольшой чемодан — одежду и книги. Сваמידжи открыл стенной шкаф и проверил, в порядке ли его рукописи. В его отсутствие Киртанананда присмотрит за его вещами и квартирой. Он сел за рабочий стол. За минувшие шесть месяцев он провел за этим столом немало часов, печатая свои переводы «Бхагавад-гиты» и «Шримад-Бхагаватам». Здесь он

сидел, беседуя с многочисленными гостями и учениками. Но сегодня он не будет разговаривать с друзьями или печатать рукопись, а посидит в одиночестве несколько минут, оставшихся до отъезда.

Это была его вторая зима в Нью-Йорке. Он начал движение сознания Кришны. К нему присоединилось несколько искренних молодых людей и девушек. Их уже хорошо знали в Нижнем Ист-Сайде по многочисленным заметкам в газетах. Но это было только начало.

Именно для этого он и оставил Вриндаван. Сначала Свамиджи не был уверен, удастся ли ему пробыть в Америке дольше двух месяцев. В Батлере он впервые рассказал американцам о своих книгах. Но потом в Нью-Йорке увидел, как идут дела у доктора Мишры и какое громадное здание занимают *майявади*. Они брали деньги, но даже не собирались открывать людям истинный смысл «Гиты». Но американцы были ищущими людьми.

Эти месяцы в Америке были для него очень трудными. Его духовные братья не хотели помогать ему, несмотря на то что он исполнял волю их Гуру Махараджи, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура, и Господа Чайтаньи. Но поскольку Сам Господь Чайтанья хотел этого, он был уверен, что благословение Господа рано или поздно придет к нему, и ему удастся осуществить задуманное.

Здесь, на Второй авеню в доме номер 26, все шло довольно неплохо. И это только самое начало.

Бхактиведанта Свами посмотрел на часы, надел зимнее твидовое пальто, шляпу и ботинки, опустил правую руку в мешочек с четками, и снова стал читать мантру. Он вышел из квартиры, спустился вниз и прошел через двор. На дворе было морозно и тихо, деревья стояли совершенно голые, на ветвях не осталось ни одного листика. Он вышел на улицу.

Он уехал днем, когда Брахмананда, Рупануга и Сатсварупа были на работе. Они не смогли даже проводить его и попрощаться с ним.

3 - Вести их мог только он

Сан-Франциско,
16 января 1967 г.

Когда громкоговорители объявили о посадке 21-го рейса «Юнайтед эйрлайнс» из Нью-Йорка, с полсотни хиппи, которые пришли в аэропорт встречать Свами, придвинулись друг к другу и замерли в ожидании. Какое-то мгновение они казались почти испуганными — они не знали, чего ждать и какой он, этот Свами.

Роджер Сегал: Даже для сан-францисского аэропорта мы выглядели довольно экстравагантно. Мукунда облачился в мантию мага Мерлина, разрисованную пестрыми квадратами. На Сэме был марокканский плащ из овечьей шерсти с капюшоном — он даже пах овчиной, а на мне — синяя в белую крапинку накидка ручной работы, как у японских самураев. На шее у всех висели длинные четки. Кожаные штаны, сапоги, гимнастерки, люди в маленьких круглых солнцезащитных очках — словом, сан-францисская фантасмагория во всей ее красе.

Из этой толпы только несколько человек знали Свамиджи: Мукунда и его жена Джанаки, Равиндра-сварупа, Рая-Рама — все из Нью-Йорка. Был там и Аллен Гинзберг. (Всего за несколько дней до этого Аллен выступал в роли одного из организаторов мероприятия «Хьюман би-ин» в Голден-Гейт-парке, на которое собралось более двухсот тысяч человек — «сборище племен и народов — чтобы вдоволь покричать, повеселиться от души и принять участие в „Хороводе Мира“».)

«Свамиджи будет доволен, — напомнил каждому Мукунда, — если все будут петь мантру Харе Кришна, когда он выйдет из ворот». Они уже были знакомы с мантрой Харе Кришна и наслышаны о том, как Свамиджи пел ее в нью-йоркском парке, а многие из них читали статью о Свамиджи и его мантре в местной неофициальной газете «Оракул». Утром этого дня они собрались в Голден-Гейт-парке (большинство пришло, откликнувшись на распространенную Мукундой листовку) и около часа пели там перед тем, как сесть в машины и поехать в аэропорт. Сейчас многие из них — также в ответ на листовку Мукунды — держали в руках благовония и цветы.

Входя в здание аэропорта и поднимаясь по эскалатору, только что прилетевшие пассажиры с изумлением взирали на группу поющих людей с цветами в руках. Однако те равнодушно скользили взглядами по безликой толпе обыкновенных, утомленных полетом пассажиров, ища глазами того единственного, ради которого они здесь собрались. Внезапно они увидели идущего прямо на них Свамиджи, облаченного в ярко-шафрановые одежды.

Он услышал пение еще до того, как вошел в здание аэропорта, и лицо его осветила улыбка. Он был удивлен и обрадован. Вглядываясь в лица встречавших его людей, он узнал лишь нескольких, а там собралось около пятидесяти человек. Пятьдесят человек встречали его пением мантры Харе Кришна еще до того, как он успел произнести хоть слово!

Толпа хиппи выстроилась в два ряда по обе стороны узкого прохода, по которому должен был пройти Свамиджи, и пока он шел, десятки рук тянулись к нему, предлагая цветы и благовония. Он с улыбкой принимал все, что ему предлагали, а Раначора стоял в стороне, с изумлением наблюдая за происходящим. Аллен Гинзберг с огромным букетом цветов выступил вперед, и Бхактиведанта Свами изящным жестом принял цветы у него из рук. Затем он начал раздавать полученные подарки всем, кто мог до них дотянуться. Так он прошествовал через все здание аэровокзала, а толпа молодых людей, не переставая петь, двигалась за ним.

На несколько минут он задержался у стойки для получения багажа, всматриваясь в лица окружавших его людей. Взмахом рук он дал им знак петь громче, и толпа встречавших его хиппи запела с новой силой, а он тем временем стоял среди них, хлопая в ладоши и подпевая. Затем, величаво подняв руки над головой, он стал танцевать, переступая с ноги на ногу и покачиваясь.

У работников аэропорта и пассажиров вид толпы, которая вместе со Свами ожидала получения багажа, вызвал смешанное чувство недоумения и досады. Кое-кто с трудом прятал улыбку. Получив багаж, Свами в сопровождении своей свиты вышел на улицу и сел в ожидавший его автомобиль — черный «Кадиллак-флитвуд» образца 1949 года. Свамиджи расположился на заднем сиденье вместе с Мукундой и Алленом Гинзбергом. Вплоть до того момента, как автомобиль тронулся с места, Свамиджи, улыбаясь, продолжал раздавать цветы всем, кто пришел приветствовать его, посланца Кришны, принесшего сознание Кришны на Западное побережье.

«Кадиллак» принадлежал Харви Коэну, тому самому, который около года назад предоставил в распоряжение Свамиджи свою мансарду на Бауэри. Харви сидел за рулем, но из-за шоферской фуражки (купленной в лавке Армии спасения) черного костюма и бороды Свамиджи не узнал его.

— Где же Харви? — спросил он.

— За рулем, — ответил Мукунда.

— Так это ты? А я и не узнал тебя.

Харви улыбнулся:

— Добро пожаловать в Сан-Франциско, Свамиджи.

Свамиджи был счастлив оказаться еще в одном большом городе Запада с миссией своего духовного учителя, Бхактисиддханты Сарасвати, и Господа Чайтаньи. Чем дальше на запад, говорил Господь Чайтанья, тем материалистичнее становятся люди. Но Он же предсказал, что сознание Кришны должно распространиться по всему миру. Духовные братья Свамиджи часто недоумевали, не зная, что думать о предсказании Господа Чайтаньи,

который говорил о том, что наступит время, когда имя Кришны будут петь в каждом городе и деревне. «Может быть, это аллегория? — рассуждали они. — Иначе, что еще могут означать эти слова — "Кришна в каждом городе"?» Однако Бхактиведанта Свами всегда непоколебимо верил в пророчество Господа Чайтаньи и наказ своего духовного учителя. И вот теперь он здесь, на далеком Западе, в Сан-Франциско, где люди уже поют имя Кришны. Они восторженно встретили его — с цветами и киртаном. И таких городов в мире очень много.

Храм, в котором обосновались Мукунда и его друзья, находился на Фредерик-стрит в районе Хейт-Эшбери. Как и храм на Второй авеню в Нью-Йорке, этот храм располагался в помещении бывшего магазинчика с витринами на улицу. Вывеска над витриной гласила: «ХРАМ ШРИ ШРИ РАДХИ-КРИШНЫ». Кроме того, в соседнем доме Мукунда и его друзья сняли трехкомнатную квартиру на третьем этаже для Свамиджи. Это была маленькая, пустая и обшарпанная квартира с окнами, выходящими на улицу.

В сопровождении нескольких автомобилей, заполненных преданными и просто любопытными, Свамиджи подъехал к дому номер 518 на Фредерик-стрит и вошел в храм, единственным украшением которого было несколько полотнищ полосатой ткани, висевших на стенах. Усевшись на приготовленную для него подушку, он провел киртан, а затем произнес небольшую речь, призывая всех присутствующих принять сознание Кришны.

После лекции он вышел из храма, вошел в соседний подъезд и поднялся на третий этаж, в свою квартиру. Следом за ним двинулись не только ученики и почитатели, но и репортеры двух крупнейших газет Сан-Франциско — «Кроникл» и «Игземинер». Пока преданные готовили обед, а Раначора распаковывал его чемодан, Свамиджи беседовал с репортерами, которые, сидя на полу, делали заметки в своих блокнотах.

Репортер: «Там внизу вы говорили, что приглашаете присоединиться к Движению сознания Кришны всех. Относится ли это к богеме и битникам Хейт-Эшбери?»

Свамиджи: «Да, это относится ко всем, включая вас и любого другого. Мы приглашаем всех: наркоманов, хиппи и т.д. Однако, когда человек становится учеником, он меняется и перестает быть тем, кем был раньше».

Репортер: «Что необходимо, чтобы стать членом вашего Движения?»

Свамиджи: «Я предъявляю к своим ученикам четыре требования. Они должны отказаться от незаконных половых отношений. Я запрещаю им употреблять одурманивающие средства, в том числе кофе, чай и сигареты. Я запрещаю им употреблять в пищу мясо и не разрешаю играть в азартные игры».

Репортер: «Распространяются ли эти запреты на ЛСД, марихуану и другие наркотики?»

Свамиджи: «Я отношу ЛСД к одурманивающим средствам и не позволяю своим ученикам употреблять ЛСД, так же как и любой другой наркотик. Я приучаю их вставать рано утром и сразу принимать душ. Трижды в день мы

собираемся вместе, чтобы петь святое имя Бога. Члены нашего Движения должны быть аскетичными. Мы проповедуем науку о Боге».

Бхактиведанте Свами было хорошо известно, что репортеры обычно ничего не пишут о его философии, но он воспользовался случаем, чтобы рассказать собравшимся о сознании Кришны. Даже если репортеры не желают углубляться в философию, этого хотят его последователи. «Самая большая ошибка современной цивилизации, — продолжал Свамиджи, — состоит в том, что она посягает на чужую собственность, считая ее своей. Это создает множество ненужных проблем. В конечном счете все во вселенной принадлежит Богу. И когда люди поймут эту истину, когда они поймут, что Бог — это лучший друг всех живых существ и тот, кому предназначены все жертвоприношения, только тогда на земле воцарится мир».

После того как репортеры ушли, Свамиджи продолжал говорить, обращаясь к молодым людям, собравшимся в его комнате. Мукунда, который к тому времени отпустил бороду и волосы, но носил на шее большие красные четки, полученные от Свамиджи при посвящении, представил ему некоторых своих друзей и сообщил, что они живут вместе и хотят помочь Свамиджи познакомить молодежь Сан-Франциско с сознанием Кришны. Жена Мукунды, Джанаки, спросила Свамиджи, как он перенес полет. Он ответил, что лететь ему понравилось, если не считать того, что немного заложило уши. «Сверху дома кажутся маленькими, как спичечные коробки, — сказал он, показывая большим и указательным пальцами их размер. — Представьте себе, как все это выглядит с точки зрения Кришны».

Он прислонился спиной к стене и стал снимать с себя гирлянды, которые на него надели в тот день, пока на шее у него не осталась только нитка бус — обыкновенная, дешевая, с маленьким колокольчиком посередине. Свамиджи подержал ее, посмотрел на качество работы и стал вертеть в руках «Это особая вещь, — сказал он, глядя на бусы, — потому что она сделана с любовью». Он продолжал рассматривать бусы, словно этот подарок был для него главным событием дня.

Когда принесли *прасад*, он раздал понемногу каждому из присутствующих, после чего Раначора решительно и даже несколько бестактно попросил гостей выйти из комнаты и дать возможность Свами поесть и немного отдохнуть.

А на улице и в магазинчике все только и говорили, что о Свамиджи. Разочарованных не было. Все, что рассказывал им Мукунда, оказалось правдой. Особенно им понравилось, как он говорил о необходимости смотреть на все с точки зрения Кришны.

В тот вечер по телевидению в 11-часовом выпуске новостей передали сообщение о приезде Свамиджи, а на следующий день об этом написали газеты. Статья в «Игземинер» была помещена на второй полосе и называлась «Свами приглашает хиппи». Она сопровождалась фотографией храма, заполненного его последователями, и несколькими снимками Свамиджи,

который выглядел на них необыкновенно серьезным. Свамиджи попросил Мукунду прочесть статью вслух.

Самая крупная газета Сан-Франциско, «Кроникл», также поместила статью под заголовком «Свами в царстве хиппи — святой открывает в Сан-Франциско храм». Статья начиналась так: «Святой человек из Индии, которого его друг, поэт-битник Аллен Гинзберг, называет одним из наиболее консервативных представителей его религии, начал вчера свою миссионерскую деятельность в раю сан-францисских хиппи».

Свамиджи не понравилось, что его называли консерватором:

— Консервативный? Что он имеет в виду?

— Вероятно, ваше отношение к сексу и наркотикам, — предположил Мукунда.

— Конечно, в этом смысле мы консерваторы, — сказал Свамиджи. — Но это означает лишь то, что мы следуем *шастрам*. Мы не можем отступить от «Бхагавад-гиты». Однако консервативным меня никак нельзя назвать. Чайтанья Махапрабху был настолько строг, что даже не смотрел в сторону женщин, а мы принимаем в наше Движение всех, независимо от пола, касты, положения в обществе и так далее. Мы приглашаем каждого присоединиться к нам и петь вместе с нами мантру Харе Кришна. В этом — милость Чайтаньи Махапрабху, Его великодушие. Нет, какие же мы консерваторы?

* * *

Бхактиведанта Свами встал с постели и включил свет. Был час ночи. Будильник не звонил, и его никто не будил — он поднялся сам. В квартире было холодно и тихо. Закутавшись в *чадар*, он сел за свой сундучок, набитый рукописями, который обычно заменял ему письменный стол, и в глубокой сосредоточенности стал повторять на четках мантру.

Он читал мантру в течение часа, а затем приступил к работе. За два года, прошедшие с тех пор, как он опубликовал третий, заключительный том Первой песни «Шримад-Бхагаватам», ни одной книги опубликовано не было, но он продолжал работать над книгами каждый день. Иногда он работал над переводом и комментарием ко Второй песни «Бхагаватам», однако его главным трудом была «Бхагавад-гита». В сороковые годы в Индии он сделал полный перевод «Бхагавад-гиты», снабдив его подробными комментариями, но единственный экземпляр его рукописи исчез при загадочных обстоятельствах. В 1965 году, через несколько месяцев после приезда в Америку, он начал все сначала и в своей комнатке на Семьдесят второй улице в Нью-Йорке надиктовал обширное введение к «Бхагавад-гите». Сейчас в его сундуке лежали тысячи листов рукописи — полного перевода «Гиты» с комментариями. Если его ученик из Нью-Йорка, Хаягрива, в прошлом преподаватель английского, сможет отредактировать текст, а другие ученики — издать книгу, это будет большой победой.

Но похоже, что издавать книги в Америке не так-то просто — намного труднее, чем в Индии. В Индии он был один, и тем не менее за три года ему удалось напечатать три тома. Здесь, в Америке, у него много последователей, но чем больше последователей, тем больше ответственность. Кроме того, до сих пор никто из его учеников не проявил особого желания взяться перепечатать рукопись, отредактировать ее и вступить в переговоры с американскими издательствами. Однако, несмотря на то что реальных перспектив издать «Бхагавад-гиту» не было, Бхактиведанта Свами приступил к переводу следующей книги, «Чайтанья-чаритамриты» — одного из главных писаний бенгальских вайшнавов, которое повествует о жизни Господа Чайтаньи и излагает Его учение.

Надев очки, Свамиджи раскрыл свои книги и включил диктофон. Он внимательно прочел тексты на бенгальском и санскрите, затем взял в руку микрофон, нажал на клавишу записи — загорелась красная лампочка индикатора — и начал диктовать: «Тысячи людей следовали за поющим и танцующим Господом...». За один раз он произносил не больше одной фразы, затем делал паузу, задумывался, и диктовал следующую: «Кто-то из них смеялся, кто-то танцевал... а кто-то пел... Некоторые падали перед Господом ниц, выражая Ему почтение». Свамиджи то говорил, то останавливался, включая и выключая диктофон, при этом он сидел, выпрямив спину, иногда слегка раскачиваясь или кивая головой в такт словам. Временами он низко склонялся над страницами и внимательно изучал их через свои очки.

Прошел час. Свамиджи продолжал работать. Во всем доме свет горел только у него одного. Ночную тишину нарушал лишь звук его голоса и щелканье диктофона. На нем был серый шерстяной *чадар*, накинутый поверх тонкого бледно-оранжевого свитера. Он недавно встал с постели, и потому его шафрановое *дхоти* было слегка помято. Не умывшись и не приняв душа, он сидел, углубившись в работу. Он ценил эти ночные часы, потому что они были единственным временем суток, когда на улице и в храме Радхи-Кришны стояла тишина.

Все это — ночь, царящее вокруг безмолвие и он, занятый своим трансцендентным литературным трудом, — мало чем отличалось от того, что происходило в ранние утренние часы в храме Радхи-Дамодары во Вриндаване. Правда, там у него не было диктофона, но он работал в то же самое время и над тем же текстом — «Чайтанья-чаритамритой». Когда-то он уже начинал переводить стихи и писать комментарии к ним. Позднее он написал несколько обзорных глав, и вот теперь, оказавшись на другом конце земли, за тысячи километров от тех мест, где проходили игры Господа Чайтаньи, он приступил к первой главе нового английского варианта «Чайтанья-чаритамриты». Он назвал свою книгу «Учение Господа Чайтаньи».

Свамиджи строго следовал давно заведенному распорядку дня: поднимался рано утром и писал, излагая философию сознания Кришны, полученную им по *парампаре*. Забыв обо всем на свете и не обращая никакого внимания на окружающую обстановку, он погружался в неподвластную

времени трансцендентную мудрость Вед. Это было его главным служением Бхактисиддханте Сарасвати. Желание опубликовать как можно больше книг и распространить их по всему миру заставляло Бхактиведанту Свами просыпаться каждую ночь и вдохновенно работать над переводами.

Бхактиведанта Свами переводил до рассвета. Затем он прерывал работу, приводил себя в порядок и спускался в храм на утренний киртан.

* * *

Несмотря на возражения некоторых из его нью-йоркских учеников, Свамиджи все же решил принять участие в музыкальном шоу «Мантра-рок данс» в танцзале «Авалон». Преданные в Нью-Йорке считали, что со стороны сан-францисских преданных было не совсем тактично приглашать своего духовного учителя в подобное место. Танцзал — это ревущие электрогитары, грохочущие барабаны, бьющие в глаза огни прожекторов и сотни одурманенных наркотиками хиппи. Кто в таком месте сможет услышать его чистое послание?

Однако в Сан-Франциско Мукунда и его друзья уже несколько месяцев занимались организацией «Мантра-рок данса», рассчитывая, что концерт привлечет тысячи молодых людей и принесет сан-францисскому храму Радхи-Кршины тысячи долларов. Поэтому, если в Нью-Йорке в разговорах с учениками Свамиджи выражал сомнения, то здесь он обошел эту тему молчанием, решив не охлаждать пыл своих сан-францисских последователей.

Сэм Спирстра, друг Мукунды и один из организаторов «Мантра-рок данса», рассказал о своем замысле Хаягриве, недавно приехавшему из Нью-Йорка:

— Здесь, в Сан-Франциско, зарождается новое направление в музыке. «Грейтфул дэд» уже записал свой первый диск. Их участие в этом вечере сделает нам рекламу, в которой мы сейчас так нуждаемся.

— Но Свамиджи говорит, что даже Рави Шанкар — это *майя*, — возразил Хаягрива.

— Да нет, все уже устроено, — заверил его Сэм. — Все группы соберутся на сцене, потом Аллен Гинзберг представит Свамиджи сан-францисской публике. Свамиджи скажет несколько слов и начнет петь мантру Харе Кришна, а музыканты присоединятся к нему. Затем он уйдет. В зале соберется около четырех тысяч человек!

Бхактиведанта Свами знал, что ничем не скомпрометирует себя: он придет, споет и сразу же уйдет оттуда. Самое главное — познакомить с мантрой Харе Кришна как можно больше людей. Что может быть плохого в том, что тысячи молодых людей, собравшихся на концерт рок-музыки, получат возможность слушать и петь имена Бога? Бхактиведанта Свами был проповедником и для того, чтобы распространять сознание Кришны, готов был отправиться куда угодно. Поскольку мантра Харе Кришна абсолютна, каждый, кто услышит или произнесет имена Кришны — в любом месте и при

любых обстоятельствах — избежит рождения в низших формах жизни. Эти молодые хиппи тянутся к духовности, но не знают, где ее искать. Сбитые с толку, они принимают свои галлюцинации за духовные видения. Но вместе с тем они искренне стремятся к подлинной духовной жизни, как и их ровесники из Нижнего Ист-Сайда. Поэтому Бхактиведанта Свами решил принять участие в готовящемся представлении. Этому хотят его ученики, а он — их слуга и слуга Господа Чайтаньи.

Мукунда, Сэм и Харви Коэн уже встречались с организатором рок-концертов Четом Хелмсом, который согласился предоставить в их распоряжение свой «Авалон». Они договорились, что если им удастся заполучить на этот вечер знаменитые рок-группы, то вся выручка от концерта, помимо гонорара музыкантам, расходов, связанных с обеспечением порядка, и некоторых других издержек, пойдет в пользу сан-францисского храма Радхи-Кришны. После этого Мукунда и Сэм отправились договариваться с музыкантами, большинство которых жило в окрестностях Сан-Франциско и Беркли. Одна за другой самые популярные рок-группы Сан-Франциско: «Грейтфул дэд», «Моби Грейп», «Биг бразер» и «Холдинг компани», «Джефферсон эйрплейн», «Квиксилвер мессенджер сервис» — дали согласие выступить вместе со Свами Бхактиведантой за минимальную плату — двести пятьдесят долларов за вечер. Согласился и Аллен Гинзберг. Итак, все было готово.

Вечером того дня, когда должен был состояться «Мантра-рок данс» люди выстроились в очередь, которая растянулась на целый квартал и даже заворачивала за угол. Билет стоил два с половиной доллара. Сбор обещал быть полным. На концерт пришли почти все местные знаменитости. Пионер ЛСД Тимоти Лири занял специально отведенное для него место на сцене. Пришел Свами Криянанда с тамбурой. Человек в котелке и костюме с шелковой лентой, на которой было написано «Сан-Франциско», отрекомендовался мэром города. В дверях Мукунда задержал прилично одетого молодого человека, у которого не было билета. Но тут кто-то похлопал Мукунду по плечу: «Пропусти его. Ему можно. Это Оусли». Мукунда извинился и пропустил Августа Оусли Стенли Второго, национального героя и знаменитого первооткрывателя ЛСД.

Почти все пришедшие на концерт были одеты в яркие или необычные костюмы: индейские плащи, мексиканские пончо, индийские курты, «годсайзы»^[3], — на многих были украшения из перьев и бус. Некоторые хиппи пришли со своими флейтами, лютнями, погремушками, барабанами, горнами, трещотками и гитарами. Сопровождаемые своими подругами, прошествовали «Ангелы ада» — нечесаные, с грязными волосами, в джинсах, сапогах и грубых холщовых пиджаках. Увешанные цепями, они дымили сигаретами, на них были немецкие каски, эмблемы с гербами и прочие атрибуты, и только свои мотоциклы им пришлось оставить у входа.

Преданные на сцене начали «разминочный» киртан, танцуя, как их учил Сваמידжи. На сцене и во всех углах огромного зала курились благовония.

Несмотря на то что большинство присутствующих было одурманено наркотиками, в зале было спокойно: они пришли сюда в поисках духовных переживаний. Когда преданные запели, и со сцены полилась чудесная мелодия, некоторые музыканты стали подыгрывать им на своих инструментах. Вспыхнули разноцветные огни, по потолку, стенам и полу в такт музыке побежали яркие цветные блики.

В начале девятого сцену занял «Моби Грейп». С мощными электро- и бас-гитарами и двумя барабанщиками они отыграли свой первый номер. Огромные динамики сотрясали зал своими вибрациями, и, когда песня закончилась, по залу пронесся рев одобрения.

Около половины десятого Свамиджи вышел из своей квартиры на Фредерик-стрит и сел на заднее сиденье «кадиллака» Харви Коэна. На нем было его обычное шафрановое одеяние, а на шее висела гирлянда из гардений, сладкий аромат которых сразу же заполнил салон автомобиля. По дороге в «Авалон» он говорил о необходимости открывать новые центры.

В десять часов вечера Свамиджи в сопровождении Киртанананды и Раначоры поднялся по лестнице в «Авалон». Когда он вошел в зал, преданные, приветствуя его, затрубили в раковины. Кто-то стал отбивать барабанную дробь, и толпа расступилась, открывая ему проход на сцену. С высоко поднятой головой Свамиджи, казалось, не шел, а плыл в этом море толпящихся вокруг него странных людей.

Внезапно освещение изменилось. На стенах вспыхнули слайды с изображением Кришны и Его игр: Кришна и Арджуна, мчащиеся на колеснице; Кришна, крадущий масло; Кришна, убивающий демона, который принял форму смерча; Кришна, играющий на флейте. Когда Свамиджи пробирался сквозь толпу на сцену, все встали со своих мест, зааплодировали и загудели, приветствуя его. Он взошел на сцену и опустился на специально приготовленную для него подушку. Толпа умолкла.

Взглянув на Аллена Гинзберга, Свамиджи произнес: «Скажите несколько слов о мантре».

Аллен стал рассказывать собравшимся о своем понимании мантры Харе Кришна и о том, что она дает лично ему. Он рассказал, как Бхактиведанта Свами открыл храм в Нью-Йорке на Второй авеню и пел мантру Харе Кришна в Томпкинс-Сквер-парке. Затем он пригласил всех присутствующих в храм на Фредерик-стрит. «Тем, кто отходит от ЛСД, хочет стабилизировать свое сознание и приготовить его к новым "полетам", — сказал он, — я особенно рекомендую ранние утренние киртаны».

Затем заговорил Свамиджи. Он коротко рассказал историю мантры, и, взглянув на Аллена, произнес: «Начинайте петь».

Аллен заиграл на своей фисгармонии и запел в микрофон — то была мелодия, которую он привез из Индии. Постепенно сидящие в зале подхватили ее и начали подпевать. По мере того как киртан продолжался, люди пели со все возрастающим энтузиазмом. Музыканты из разных групп поднялись на сцену и присоединились к преданным. Раначора, в прошлом

неплохой ударник, застучал на барабанах «Моби Грейп». Вступили гитары, преданные и многие хиппи стали взбираться на сцену. Замелькали цветные блики и в такт музыке по стенам и потолку запрыгали разноцветные огни. Проектор высветил на стене текст мантры: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Постепенно пение охватило весь зал, и некоторые хиппи, встав со своих мест и подняв руки, принялись танцевать.

Аллен Гинзберг: Мы пели мантру Харе Кришна весь вечер. Это было потрясающе — полное раскрепощение! То был пик духовного энтузиазма Хейт-Эшбери. Впервые в Сан-Франциско проходил концерт, в котором могли принять участие все присутствующие. Каждый мог танцевать и петь, а не просто смотреть, как поют и танцуют другие.

Джанакки: Люди не знали, что они поют и зачем. Но, видя, как столько людей — неважно, что большинство из них было одурманено наркотиками, — повторяют имена Бога, Свамиджи чувствовал себя счастливым. Ему нравилось, когда люди поют мантру Харе Кришна.

Хаягрива: Стоя на сцене прямо перед музыкантами, я почти ничего не слышал, но даже в этом шуме я смог различить звуки мантры Харе Кришна, которая звучала все громче и громче. На заднюю стену проецировалось огромное изображение Кришны в золотом шлеме с павлиньим пером и с флейтой в руках.

Затем Свамиджи встал, поднял руки и начал танцевать, жестом приглашая присутствующих присоединиться к нему. Тогда те, кто еще сидел, повставали со своих мест и начали танцевать и петь, раскачиваясь из стороны в сторону и подражая движениям Свамиджи.

Роджер Сегал: Зал был похож на поле пшеницы, которая колышется на ветру. Это рождало в душе необыкновенный покой — в странном контрасте с атмосферой «Авалона», где обычно бушуют страсти. Пение мантры Харе Кришна продолжалось более часа, и под конец все, кто был в зале, стали прыгать, кричать и даже плакать.

Кто-то поставил микрофон прямо перед Свамиджи, и его голос разнесся по залу, многократно усиленный мощными динамиками. Темп непрерывно возрастал. Свамиджи стал мокрым от пота. За сценой Киртанананда требовал прекратить киртан. Свамиджи слишком стар для таких вещей, говорил он, это может плохо кончиться. Но пение становилось все быстрее и быстрее, так что через некоторое время уже почти нельзя было разобрать слов мантры, потонувшей в усиленной динамиками музыке и хоре из тысяч голосов.

Внезапно киртан кончился. Было слышно только гудение динамиков и голос Свамиджи, выражающего почтение своему духовному учителю: «Ом Вишнупада Парамахамса Паривраджакачарья Аштоттара-шата Шри Шримад Бхактисиддханта Сарасвати Госвами Махараджа ки джая!.. Слава всем собравшимся преданным!»

Свамиджи спустился со сцены и пошел к выходу, пробираясь сквозь плотный дым, повисший над залом, и толпу людей. Киртанананда и Раначора

следовали за ним. Аллен объявил выступление следующей рок-группы.

Покинув зал и оставив позади себя толпу восхищенных зрителей, Свамиджи заметил: «Это не место для брахмачари».

* * *

Более серьезные из последователей Свамиджи видели, что некоторые кандидаты в ученики не собирались выполнять тех обязательств, которые человек принимает на себя, получая духовное посвящение, и от которых его может освободить только смерть. «Свамиджи, — говорили они, — некоторые из этих людей приходят в храм только за посвящением. Мы никогда не видели их раньше и не увидим потом». Обычно Свамиджи отвечал на это, что вынужден идти на риск. Во время одной из лекций в храме он объяснил, что, получая посвящение, ученик избавляется от последствий греховных поступков, которые совершил в прошлом, однако до тех пор, пока ученик находится в материальном мире, ответственность за все его поступки ложится на плечи духовного учителя. Поэтому, сказал он, Господь Чайтанья предупреждал, что гуру не следует принимать слишком много учеников.

Однажды на вечерней лекции, когда наступило время вопросов и ответов, здоровый детина с бородой поднял руку и спросил:

— А можно мне получить посвящение?

Дерзкий вопрос незнакомца вызвал негодование у некоторых из последователей Свамиджи, однако сам Свамиджи оставался невозмутимым.

— Да, — ответил он, — но сначала вы должны ответить на два вопроса. Кто такой Кришна?

— Кришна — это Бог, — ответил парень, после некоторого раздумья.

— Хорошо, — ответил Свамиджи, — а вы кто?

Юноша снова задумался и немного погодя произнес:

— Я — слуга Бога.

— Замечательно, — сказал Свамиджи, — завтра же вы получите посвящение.

Бхактиведанта Свами знал, что его американским ученикам будет трудно удержаться в сознании Кришны и достичь чистого преданного служения. Всю жизнь их учили только дурному, и, несмотря на свою формальную принадлежность к христианству и философские поиски, большая часть из них ровным счетом ничего не смыслила в науке о Боге. Они не знали даже того, что есть мясо и заниматься недозволенным сексом плохо, хотя, когда он сказал им об этом, они сразу же согласились. И они сами пришли к нему и пели вместе с ним мантру Харе Кришна. Так как же он мог отвергнуть их?

Время покажет, сумеют ли они противостоять соблазнам вездесущей *майи* и удержаться в сознании Кришны. Некоторые из них падут — к этому склонны все люди. Но другие останутся. По крайней мере те из них, кто серьезно следует его указаниям — повторяет мантру Харе Кришна и старается не совершать греховных поступков, добьются успеха. Однажды Свамиджи привел

следующий пример: если свежие продукты не использовать, то через несколько дней они испортятся. Однако у нас нет оснований утверждать, что в будущем свежие продукты никто не использует по назначению и они наверняка испортятся. Конечно, в будущем некоторые могут пасть, от этого никто не застрахован. Но Бхактиведанта Свами считал своим долгом занять учеников преданным служением *сейчас*. И он давал им метод, воспользовавшись которым они смогут избежать падения.

Даже с точки зрения нью-йоркских учеников Свамиджи (не говоря уже о ведических нормах), преданные из Сан-Франциско не слишком строго следовали правилам и предписаниям духовной практики. Некоторые из них продолжали ходить в кафетерии, ели пищу, не предложенную Кришне, и запрещенные лакомства, вроде шоколада или покупного мороженого. После киртана некоторые из них позволяли себе тут же, за дверью храма, выкурить сигарету. А некоторые получали посвящение, даже не зная толком, какие обязательства они на себя берут.

Киртанананда: *Атмосфера в Сан-Франциско была гораздо более раскованной. Преданные любили заходить в закусочную на углу и выпивать там по чашке кофе с пончиком. Но Свамиджи нравилось, что в храм приходит так много народу. И ему очень понравилась программа в зале «Авалон». В Сан-Франциско было две категории преданных, одни неукоснительно следовали всем предписаниям, заботясь о собственной чистоте, другие же были не столь строги и требовательны к себе, но хотели как можно шире распространить сознание Кришны. Свамиджи был так великодушен, что принимал и тех, и других.*

* * *

Утренние и вечерние киртаны уже принесли храму Радхи-Кришны добрую славу, а когда преданные начали ежедневно устраивать в храме бесплатные обеды, популярность храма среди местных хиппи еще больше возросла. Свамиджи велел своим ученикам готовить и раздавать *прасад*, и это было единственное, чем они занимались в течение дня. По утрам они готовили *прасад*, а в полдень кормили всех, кто приходил к ним, — иногда по сто пятьдесят-двести хиппи с Хейт-Эшбери.

Перед утренним киртаном девушки ставили на плиту овсянку, и к завтраку вся комната наполнялась хиппи, большинство из которых не ложились спать всю ночь. Для некоторых из них каша и фрукты были единственной пищей за последние несколько дней.

Но главным событием дня был обед. Малати отправлялась за покупками и где только можно собирала пожертвования, чтобы купить пшеничной муки, нутовой муки, колотого гороха, риса и овощей. Из овощей она брала только те, которые ей продавали дешево или давали бесплатно: картошку, морковь, репу, брюкву и свеклу. После этого каждый день повара готовили приправленное специями картофельное пюре, *чапати* с маслом, *дал* из колотого гороха и

какое-нибудь овощное блюдо — в расчете на двести человек. Готовить эти обеды им удавалось только потому, что многие торговцы охотно жертвовали продукты на такое благородное дело, как кормление хиппи.

Харшарани: Наши обеды собирали большую толпу людей с Холма хиппи, которые явно недоедали. Они были по-настоящему голодны. Приходили и другие, те, кто помогал преданным, но еще не получил духовного посвящения. Мы ставили пластинку, которую Свамиджи и его ученики записали в Нью-Йорке. На этих обедах царила мирная, семейная атмосфера.

Харидас: Пищу принимали как внутри храма, так и снаружи, прямо на улице, потому что храм не мог вместить всех желающих. Но большая часть людей все-таки находилась внутри. Это было просто удивительно. Толпа людей набивалась в магазинчик, и мы усуживали их рядами, от стены к стене. Большинство из них просто ели и уходили. В других магазинах на Хейт-Эшбери продавалось все что угодно, от бус до пластинок рок-музыки, но мы в нашем магазинчике ничего не продавали, мы все разбивали даром.

И мы были рады всем. Хиппи находили у нас убежище от хаоса и безумия, которые царили вокруг. Наш храм был чем-то вроде больницы, и я думаю, что мы многим помогли, и некоторых, может быть, даже спасли. Я не имею в виду их души — я говорю сейчас об их умах и телах, которые мы спасли, потому что жизнь, которой они жили, была им просто невозможна. Я говорю о закоренелых наркоманах, которые были никому не нужны, но нуждались в утешении и в поисках утешения забредали в храм.

Некоторые из них оставались с нами и становились преданными, другие ели прасад и уходили. Каждый день Свамиджи становился свидетелем, а зачастую и участником каких-нибудь чрезвычайных происшествий. Идея устраивать в храме обеды целиком принадлежала ему.

Те, кого больше интересовала философия и у кого были какие-то вопросы — люди, жаждавшие духовной пищи, — навещали Свамиджи в его квартире. К нему приходили люди, обеспокоенные войной во Вьетнаме, и те, у кого были какие-то личные неприятности: кто-то был не в ладах с законом, кто-то страдал от последствий употребления наркотиков, от неурядиц в семье или школе.

Многих жителей Сан-Франциско беспокоил большой наплыв молодежи в город, что создавало почти неразрешимые социальные проблемы. Полиция и работники социальных служб беспокоились о состоянии здоровья хиппи, об их нищете и плохих условиях быта, особенно в Хейт-Эшбери. Некоторые зажиточные горожане боялись, что хиппи заполонят весь город. Поэтому местные власти приветствовали инициативу, которую взял на себя храм Свами Бхактиведанты, и, когда появилась идея организовать совет, который помог бы найти выход из создавшейся ситуации, власти попросили Свами Бхактиведанту принять участие в его работе.

Майкл Боуэн: Бхактиведанта обладал поразительной способностью, вселяя в людей веру в Бога, отучать их от наркотиков, особенно от

амфетамина, героина и ЛСД — от всей этой дряни.

Харидас: Ранним утром полиция обычно проезжала по парку и подбирала спящих там подростков, которые сбежали из дому. Они задерживали их и пытались отправить обратно домой. Хиппи нуждались в любой помощи, которую им могли оказать, и они сами знали об этом. Храм Радхи-Кришны был для них чем-то вроде духовной гавани. Подростки это чувствовали. Они бесцельно слонялись по городу, жили ни улице, им некуда было пойти и негде было отдохнуть, не боясь того, что люди причинят им зло. Многие из них буквально вваливались в храм. Я думаю, наш храм многим спас жизнь; число жертв и несчастных случаев было бы гораздо больше, если бы не Харе Кришна. Это было все равно что открыть храм ни поле боя. Более неподходящего места для храма, пожалуй, было не найти, но здесь храм был нужнее, чем где бы то ни было еще. И хотя раньше Свами никогда ни с чем подобным не сталкивался, он пришел туда с мантрой Харе Кришна, и его мантра творила чудеса.

Как и обещал Аллен Гинзберг пяти тысячам хиппи, собравшимся в «Авалоне», ранние утренние киртаны в храме Радхи-Кришны вдыхали новую жизнь в тех, кто «отходил» от ЛСД и хотел «стабилизировать свое сознание». Иногда по утрам в храм заходил сам Аллен, приводя с собой знакомых, с которыми провел бессонную ночь. Но бывало и так, что «отходившие» влетали в храм прямо посреди ночи, совершая там вынужденную посадку.

Однажды преданные, спавшие в храме, были разбужены стуком в дверь, криками и огнями полицейских машин. Было два часа ночи. Когда они открыли дверь, в храм ввалился рыжий бородатый хиппи.

— Кришна! Кришна! Помоги мне! — вопил он. — Не отдавайте меня им! Ради Бога, помогите!

Полицейский просунул в дверь голову и улыбнулся:

— Мы решили привезти его сюда, мы подумали, может быть, вы, ребята, поможете ему.

— Мне плохо в этом теле, — закричал хиппи, когда за полицейскими захлопнулась дверь.

Он начал лихорадочно повторять мантру, побледнев и обливаясь потом от страха. Остаток ночи преданные провели вместе с ним, утешая его и читая мантру. Так продолжалось до тех пор, пока Свамиджи не спустился, чтобы провести утренний киртан и прочесть лекцию.

Преданные часто посылали молодых людей с их проблемами к Свамиджи. Практически кто угодно мог прийти к нему и отнять у него драгоценное время. Однажды, гуляя по Сан-Франциско, Равиндра-сварупа встретил человека, который утверждал, что, когда он был во Вьетнаме, к нему приходили марсиане. Этот человек, который только что выписался из госпиталя, сказал, что марсиане даже разговаривали с ним. Равиндра-сварупа рассказал ему о книге Свамиджи «Легкое путешествие на другие планеты», которая подтверждала существование жизни на других планетах, и

посоветовал ему поговорить со Свамиджи, потому что тот наверняка сможет больше рассказать ему о марсианах. Знакомый Равиндра-сварупы пришел к Свами на квартиру. «Да, — подтвердил Свамиджи, — марсиане действительно существуют».

Однако постепенно последователи Свамиджи стали более внимательны к своему духовному учителю и начали ограждать его от нежелательных, по их мнению, посетителей. Одним из таких людей был Кролик, наверное, самый грязный из всех хиппи в Хейт-Эшбери. Он постоянно ходил нечесаным, с грязными волосами, в которых кишели вши. Он одевался в засаленные лохмотья, а от его покрытого коростой тела исходило страшное зловоние. Он во что бы то ни стало хотел встретиться со Свамиджи, но преданные запрещали ему, не желая, чтобы он своим зловонием осквернил комнату Свамиджи. Однако в один из вечеров после лекции Кролик стал ждать Свамиджи у дверей храма. Как только Свамиджи вышел, Кролик спросил: «Можно мне прийти поговорить с вами?» Свамиджи согласился.

Почти каждый вечер кто-нибудь приходил к Свамиджи, чтобы поспорить с ним. Один субъект всегда являлся с готовыми аргументами из какой-нибудь философской книги, которые зачитывал вслух. Свамиджи всякий раз одерживал над ним победу, но парень шел домой, готовил новые аргументы и возвращался назад со своей книгой. Однажды вечером после того, как он представил очередной довод, Свамиджи молча смерил его взглядом, даже не удостоив ответом. Пренебрежение Свамиджи было его очередной победой, после чего парню не оставалось ничего другого, как встать и уйти.

Израэля, как и Кролика, в Хейт-Эшбери знали все. Свои длинные волосы он собирал в хвост на затылке и во время киртанов часто играл на трубе. Однажды после вечерней лекции Израэль поднялся и спросил:

Мне нравится это пение, но что оно может дать миру? Что оно принесет человечеству?

Свамиджи ответил:

— А разве вы не из этого мира? Если вам оно нравится, то почему не может понравиться другим? Так что пойте громче.

Человек с усами, сидевший в глубине комнаты, спросил:

— Это правда, что вы — гуру Аллена Гинзберга?

Многие преданные знали, что вопрос этот с подвохом, и на него одинаково трудно ответить и «да», и «нет». Свамиджи ответил:

— Я не считаю себя ничьим гуру. Я — слуга всех живых существ.

Для преданных ответ Свамиджи сделал этот диалог трансцендентным. Свамиджи дал не просто умный ответ, с честью выйдя из затруднительного положения, в его ответе прозвучало глубокое и неподдельное смирение.

Однажды утром в храм на лекцию пришла супружеская пара. Женщина держала на руках ребенка, а у мужчины за плечами висел рюкзак.

Когда настало время для вопросов и ответов, мужчина спросил:

— Скажите, что мне делать с моим умом?

Свамиджи дал ему подробный философский ответ, но мужчина продолжал твердить:

— Что мне делать с моим умом? Что мне с ним делать?

Обратив на него умоляющий, исполненный сострадания взгляд, Свамиджи сказал:

— У меня нет другого средства. Пожалуйста, повторяйте мантру Харе Кришна. У меня нет другого объяснения. И нет другого ответа.

Но мужчина все никак не мог успокоиться. Наконец, одна из учениц Свамиджи, прервав его, сказала:

— Делайте, что вам говорят. Попробуйте.

А Свамиджи взял в руки *карталы* и начал киртан.

Как-то вечером во время лекции в храм ворвался парень и объявил, что на Хейт-стрит вот-вот начнется бунт. Свами должен немедленно выйти, обратиться к толпе и всех успокоить. Мукунда вмешался и сказал, что Свамиджи никуда не пойдет, там обойдутся и без него. Но юноша глядел Свамиджи прямо в глаза и словно ставил ему ультиматум: если Свамиджи сейчас же не выйдет, начнется бунт, и вина за это ляжет на Свамиджи. «Да, я готов», — сказал Свамиджи, словно собирался выполнить его требование. Но никто никуда не пошел, и никакого бунта не было.

Обычно во время киртана по крайней мере один из присутствующих начинал танцевать, любуясь собой и не обращая внимания на всех остальных, при этом он порой доходил до такой степени неприличия, что Свамиджи приходилось его останавливать. В один из вечеров, еще до того как Свамиджи спустился вниз, какая-то девушка в мини-юбке во время киртана начала извиваться и кружиться. Кто-то из учеников Свамиджи поднялся к нему и спросил, что с ней делать. Тот ответил: «Не обращайтесь на нее внимания. Пусть она отдает свою энергию Кришне. Я скоро спущусь и посмотрю сам». Когда Свамиджи пришел в храм и начал новый киртан, девушка, которая была невероятно худой, снова начала извиваться и кружиться по комнате. Свамиджи открыл глаза и увидел ее; он нахмурился и посмотрел на своих учеников, выказывая неудовольствие. Одна из женщин подошла к девушке и вывела ее на улицу. Через несколько минут девушка вернулась, одетая в мужские брюки, и танцевала уже более сдержанно.

В другой раз Свамиджи сидел на своем месте, читая лекцию в битком набитом храме, когда одна упитанная девица, сидевшая у окна, вдруг вскочила со своего места и начала истошно кричать. «Эй, вы! Долго вы еще собираетесь там сидеть? — вопила она. — Что вы еще намерены делать? Вставайте! Вы хотите еще что-то сказать? Что вы собираетесь делать? Кто вы, вообще, такой?» Ее выходка была настолько неожиданной, а слова такими дерзкими, что все продолжали сидеть в растерянности, не зная, что предпринять. Без тени гнева на лице Свамиджи спокойно сидел на своем месте, не говоря ни слова в ответ. Он казался уязвленным. Только преданные, сидевшие к нему ближе всех, слышали, как он тихо, словно обращаясь к самому себе, пробормотал: «Какая тьма, Боже мой, какая непроглядная тьма!»

Однажды во время вечерней лекции какой-то парень подошел и сел рядом со Свамиджи на возвышение. Он оглядел слушателей и, прервав Свамиджи, заговорил.

— А теперь я хочу вам кое-что сказать.

Свамиджи вежливо ответил:

— Подождите, пожалуйста, пока закончится лекция. Тогда вы сможете задать свои вопросы.

Парень подождал еще несколько минут, по-прежнему оставаясь на помосте, а Свамиджи продолжал лекцию.

Вдруг парень опять прервал его:

— Сейчас буду говорить я. Я хочу сказать то, что должен сказать.

Ученики Свамиджи, которые сидели среди слушателей, молча следили за происходящим, надеясь, что Свамиджи сам как-нибудь выйдет из этого неловкого положения. Никто из них ничего не предпринимал, все сидели и ждали, что будет дальше, а парень стал бормотать что-то бессвязное.

Тогда Свамиджи взял свои караталы:

— Ну что ж, начнем киртан.

В течение всего киртана парень продолжал сидеть рядом со Свамиджи, то безумно, то угрожающе глядя на него. Через полчаса киртан закончился.

Свамиджи, по своему обыкновению, взял яблоко и разрезал его на ломтики. Затем, взяв нож и ломтик яблока в правую руку, он протянул ее парню. Тот посмотрел на Свамиджи, на нож и на яблоко. В комнате повисла мертвая тишина. Свамиджи сидел, не двигаясь, и с улыбкой глядел на юношу. Пршла долгая, напряженная минута, прежде чем парень протянул руку. Все присутствовавшие облегченно вздохнули, когда он взял с ладони Свамиджи кусочек яблока.

Харидас: Я всегда наблюдал за тем, как Свамиджи выходит из подобных ситуаций. Можете поверить мне, это было совсем не просто. Это было настоящей проверкой его силы и ума — как вести себя с этими людьми, чтобы не вызвать в них отчуждения или враждебности, не распалить их еще сильнее и не вызвать каких-нибудь осложнений. Он умел так направить их энергию, что они мгновенно успокаивались, подобно младенцу, которого достаточно немного покачать, чтобы он перестал плакать. Свамиджи обладал способностью добиваться этого словами, интонацией и своим терпением; он позволял людям в течение какого-то времени продолжать, давая им возможность выговориться, излить душу. Думаю, он сознавал, что его ученики не могли просто так сказать: «Эй, послушай-ка, дружище, в храме себя так вести нельзя!» Положение было довольно деликатным.

То и дело кто-нибудь заявлял: «Я — Бог». Они принимали наркотики, и временами на них нисходило «озарение» или у них начинались галлюцинации. В такие моменты они старались привлечь к себе всеобщее внимание. Они хотели, чтобы их слушали, и чувствовалось, что у таких людей Свами вызывал озлобление. Временами они могли говорить вдохновенно и поэтично, но надолго их не хватало, и вскоре их речь превращалась в бессвязное

бормотание. Но Свами был не из тех, кто просто успокаивает слушателей. Он не собирался нянчиться с ними. Обычно он говорил: «Что вы имеете в виду? Если вы — Бог, то должны быть всеведущим. Вы должны обладать качествами Бога. Вы и в самом деле всеведущи и всесильный?» Затем он перечислял качества, которыми должен обладать человек, чтобы быть аватарой, Богом. С помощью аргументов и логики он доказывал человеку, что тот заблуждается. Он обладал высшим знанием и втолковывал людям: «Если вы Бог, то должны суметь сделать то-то и то-то. Способны вы на это?»

Иногда люди воспринимали это как вызов и пытались втянуть Свами в полемику, внимание слушателей сразу же переключалось на нарушителя спокойствия, а ему только этого и надо было. Порою возникали очень трудные ситуации. Я только сидел и удивлялся: "" Интересно, как он справится с этим типом? Это крепкий орешек". Но Свамиджи было не так-то легко одолеть. Даже если ему не увивалось убедить своего оппонента, он убеждал слушателей, располагая их к себе, и это вынуждало человека замолчать. Свамиджи снова овладевал вниманием слушателей, показывая им, что этот человек не знает, о чем говорит. И тот чувствовал, что настроение в аудитории меняется, что его уже никто не желает слушать, никто не верит его болтовне, поэтому он быстро умолкал.

Таким образом, Свамиджи переубеждал скорее слушателей, чем спорщика. И при этом он никогда не уязвлял человека. Ему удавалось это не только потому, что он превосходил всех по интеллекту. Главное было то, что в нем всегда жило сострадание к людям. Наблюдая за ним в подобных ситуациях, я сознавал, что он — великий учитель и великий человек. Свамиджи обладал удивительной способностью не задевать самолюбия человека, не причинять ему боли — ни физической, ни моральной, — так что, когда его оппоненты умолкали и садились на свое место, в них не было ни гнева, ни раздражения, и они не чувствовали себя задетыми. Каким-то чудом Свами удавалось их перехитрить.

* * *

«В половине седьмого мы пойдем гулять, — сказал Свамиджи однажды утром. — Отвезите меня в парк».

Несколько учеников сопровождали его до Стоув-Лейк — озера в Голден-Гейт-парке. Они хорошо знали эти места и вели Свамиджи по живописным дорожкам вокруг озера, через мост, по лесным тропинкам, через маленький ручеек; они надеялись, что, любуясь красотами природы, Свамиджи получит удовольствие.

Свамиджи на все смотрел сквозь призму священных писаний, и его замечания даже по поводу самых обычных вещей были исполнены глубокого трансцендентного смысла. Идя по парку, он размышлял вслух: «Тот, кто хочет увидеть Бога, должен сначала обрести качества, необходимые для этого. Он должен очиститься. Как это облако, которое сейчас скрывает от нас солнце.

Люди говорят, что „солнце скрылось, но оно на своем месте, просто наши глаза не видят его».

Как заправские экскурсоводы, преданные показывали Свамиджи самые живописные уголки парка. Они подвели его к лебедям, плававшим по зеркальной глади озера. «„Шримад-Бхагаватам“, — сказал Свамиджи, — сравнивает преданных с лебедями, а книги о Господе Кришне — с кристально чистыми озерами». Непреданных же, продолжал он, как ворон, привлекают гниющие отбросы мирских тем. Идя по гравийной дорожке, он остановился и сказал: «Посмотрите на эту гальку. Сколько тут камешков, столько на свете живых существ».

Преданные радовались, как дети, когда привели Свамиджи к ущелью, заросшему рододендронами — большие кусты были усыпаны белыми и розовыми цветами. Они чувствовали себя избранниками судьбы, которым выпала удача видеть Кришну глазами Свамиджи.

На следующее утро, когда Свамиджи снова захотел отправиться в парк, вместе с ним пошло уже гораздо больше преданных. От других они слышали, что во время прогулки у Свамиджи совсем другое настроение. Они уже хотели было показать ему новые тропинки вокруг озера, но он, ни слова не говоря, стал ходить взад и вперед по усыпанной гравием дорожке.

Свамиджи остановился под раскидистым деревом и указал на птичий помет на земле.

— Что это значит? — спросил он, повернувшись к стоявшему рядом юноше.

Лицо Свамиджи было серьезным.

Юноша покраснел:

— Я... э-э... я не знаю.

Свамиджи молчал, задумавшись и ожидая объяснения. Преданные сгрудились вокруг него. Пристально вглядываясь в узоры птичьего помета на земле, юноша думал, что Свами, вероятно, ждет, что он расшифрует некий скрытый смысл, который заключен в образовавшемся на земле рисунке, подобно тому как люди предсказывают будущее, гадая на кофейной гуще. Он чувствовал, что должен что-то сказать.

— Это... э-э... экскременты, испражнения... э-э-э... птиц.

Свамиджи улыбнулся и повернулся к остальным, надеясь услышать ответ. Все как воды в рот набрали.

— Это значит, — сказал Свамиджи, — что птицы жили на этом дереве больше двух недель, — он засмеялся. — Даже птицы привязаны к своим жилищам.

Когда они проходили мимо площадок для игры в шафлборд, где сидело несколько пожилых людей, игравших в шашки, Свамиджи остановился и повернулся к своим спутникам.

Посмотрите, — сказал он, — старые люди в этой стране не знают, куда себя деть и чем заняться. Поэтому они играют, как дети, бессмысленно растрачивая свои последние дни, которые человек должен посвятить

развитию в себе сознания Кришны. Их дети уже выросли и ушли от них, сейчас им самое время подумать о душе. Так нет же. Они заводят собаку или кошку и, вместо того чтобы служить Богу, служат догу. Этих людей можно только пожалеть. Но, если вы скажете им об этом, они не станут вас слушать. Их уже не свернуть с пути. Поэтому мы обращаемся к молодым, ищущим людям.

Когда Свамиджи со своими учениками проходил мимо пологой зеленой лужайки около Кезар-Драйв, ребята сказали ему, что это и есть знаменитый Холм хиппи. Ранним утром на пологом склоне холма и большом лугу, окруженном эвкалиптами и дубами, было тихо и спокойно. Но через несколько часов сотни хиппи соберутся здесь, разлягутся на траве, встретятся с друзьями и погрузятся в наркотический транс. Свамиджи предложил своим ученикам приходить сюда и проводить здесь киртаны.

Киртаны в Голден-Гейт-парке вскоре стали очень популярными и привлекали гораздо больше людей, чем первые киртаны в нью-йоркском Томпкинс-Сквер-парке. Иногда Свамиджи сам приходил в парк и присоединялся к своим ученикам. В одно из воскресений Свамиджи пришел совершенно неожиданно, вызвав своим появлением восторг преданных; он сел и начал играть на *мриданге*, громким голосом ведя киртан.

Взгляды всех собравшихся на лугу хиппи сразу же обратились на Свамиджи. Он выделялся уже одним своим возрастом и одеждой. Другие посетители парка были преимущественно молодыми людьми в джинсах, а Свамиджи было за семьдесят, и, в отличие от остальных, он был одет в просторные шафрановые одежды. То, с какой радостью преданные приветствовали его, как они кланялись ему и с какой любовью смотрели на него, вызывало у остальных любопытство и уважение. Как только он сел, его окружило несколько детей. Он улыбнулся им и принялся стучать на *мриданге*, а они завороченно смотрели на то, как он выводит замысловатые ритмы.

Говинда даси: *Приход Свамиджи придал нашему киртану авторитетность, которой ему так недоставало. Теперь мы уже были не просто юнцами из Сан-Франциско, поющими мантру Харе Кришна. С его приходом то, что мы делали, обрело историческую глубину и смысл. Теперь наш самостоятельный киртан как бы получил право на существование. Само его присутствие подтверждало то, что киртан имеет глубокие исторические корни. Вместе со Свамиджи в Голден-Гейт-парк пришла вся цепь ученической преемственности.*

После часового киртана Свамиджи остановился и обратился к толпе: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Это звуковая вибрация, и мы должны помнить, что эти звуки являются трансцендентными. Трансцендентные звуки мантры Харе Кришна привлекают каждого, даже того, кто не понимает смысла этих слов. Это сама красота. Даже дети откликаются на нее...»

После небольшой речи Свамиджи снова начал киртан. Несколько молодых людей взялись за руки и, образовав хоровод, стали танцевать перед Свамиджи. Потом они окружили его и принялись танцевать вокруг него, по-прежнему не разнимая рук. Все происходящее на лугу, похоже, доставляло ему огромное удовольствие: ему нравилось смотреть на людей, танцующих вокруг него и поющих мантру Харе Кришна. Хотя энтузиазм хиппи порой выражался в причудливых, чувственных формах, пение мантры Харе Кришна сглаживало это впечатление, и от него на душе становилось светло и спокойно. Для Свамиджи главным было то, что киртан продолжается, не прекращаясь. В шафрановых одеждах, которые неуловимо меняли свой цвет в лучах заходящего солнца, он смотрел на все происходящее, как добрый любящий отец, никому ничего не запрещаая, как бы приглашая каждого присоединиться к пению.

***

Однажды Малати, вбежав в комнату Свамиджи, достала из своей продуктовой сумки какую-то вещицу и поставила ее на стол Свамиджи.

— Что это, Свамиджи?

Взглянув на стол, Бхактиведанта Свами увидел деревянную фигурку сантиметров десяти высотой с плоской головой, черным улыбающимся лицом и большими круглыми глазами. У фигурки были вытянутые вперед руки и гладкий желто-зеленый торс. Ног видно не было.

Свамиджи тотчас же сложил ладони и склонил голову, выражая маленькой фигурке свое почтение.

— Ты принесла Господа Джаганнатху, Господа Вселенной, — сказал он, радостно улыбаясь. — Это Сам Кришна. Большое тебе спасибо.

Лицо Свамиджи сияло от радости, а Малати и другие не верили своим глазам: на их долю выпала редкая удача — доставить Свамиджи такое удовольствие. Свамиджи объяснил, что это Господь Джаганнатха, одна из форм Кришны, Божество, которому тысячелетиями поклоняется вся Индия.

Он сказал, что Джаганнатхе никогда не поклоняются одному. Рядом с Ним всегда должны быть два других Божества: Его брат Баларама и сестра Субхадра.

Малати взволнованно призналась, что на Кост-Плас в магазине импортных товаров, где она нашла маленького Джаганнатху, были также другие похожие на Него фигурки; тогда Свамиджи велел ей вернуться туда и купить их. Малати сказала об этом своему мужу, Шьямасундаре, и вместе с ним они поспешили в магазин, чтобы купить две недостающие фигурки — Балараму и Субхадру.

Чернолицего улыбающегося Джаганнатху Бхактиведанта Свами поставил справа. В центре он поместил самую маленькую фигурку, Субхадру, у которой был красный улыбающийся рот и прямоугольное черно-желтое туловище. У третьей фигурки, Баларамы, с белой круглой головой, с глазами, подведенными красной краской, и ярко красными губами, расплывшимися в счастливой

улыбке, были такие же протянутые вперед руки, как у Джаганнатхи, и сине-желтое туловище. Свамиджи поместил Его слева от Субхадры. Глядя на них, стоящих у него на столе, Свамиджи спросил, может ли кто-нибудь из преданных резать по дереву. Шьямасундара сказал, что это его профессия, и Свамиджи попросил его вырезать копии Джаганнатхи, Баларамы и Субхадры около метра высотой.

Более двух тысяч лет назад, рассказал им Бхактиведанта Свами, на свете жил царь по имени Индрадьюмна, который был преданным Господа Кришны. Махараджа Индрадьюмна хотел, чтобы у него было *мурти* Господа, изображающее Его таким, каким Он был, когда вместе со Своим братом и сестрой ехал во время солнечного затмения на колесницах к священному полю Курукшетра. Царь попросил Вишвакарму, знаменитого художника с райских планет, изваять эти скульптуры. Тот согласился, но только с тем условием, что никто не будет прерывать его работу. Шли дни. Царь томился в ожидании, а Вишвакарма работал при закрытых дверях. Однажды царь почувствовал, что больше не может ждать, и ворвался в комнату, чтобы взглянуть, как идут дела. Верный своему слову, Вишвакарма исчез, оставив *мурти* всех трех Божеств незаконченными. Но, несмотря на это, царь был так доволен чудесными изваяниями Кришны, Баларамы и Субхадры, что решил поклоняться Им в том виде, в каком Они были. Он установил их в храме, и с тех пор Им поклоняются с необыкновенной пышностью.

Начиная с этого времени, продолжал Бхактиведанта Свами, Господу Джаганнатхе поклоняются повсюду в Индии, особенно в штате Орисса, в городе Пури, где находится первый храм Господа Джаганнатхи. Каждый год во время грандиозного праздника Ратха-ятра тысячи паломников со всех концов Индии стекаются в Пури, чтобы поклониться Господу Джаганнатхе, Балараме и Субхадре и посмотреть на процессию, во время которой Божества едут по городу на трех огромных колесницах. Господь Чайтанья последние восемнадцать лет Своей жизни провел в Джаганнатха-Пури, и каждый год во время праздника Ратха-ятра Он пел и танцевал в экстазе перед Господом Джаганнатхой.

Считая появление Господа Джаганнатхи в Сан-Франциско выражением воли Кришны, Свамиджи сказал, что преданные должны ответственно отнестись к этому: Господь Джаганнатха Сам пришел к ним, поэтому они должны оказать Господу подобающий прием и поклоняться Ему надлежащим образом. Если Шьямасундара сумеет вырезать фигуры, то Свамиджи установит их в храме, и преданные смогут поклоняться Божествам. Тогда Сан-Франциско можно будет переименовать в Нью-Джаганнатха-Пури. *Джаганнатхах свами найана-патха-гами бхавату ме*, — пропел Свамиджи. «Это мантра, обращенная к Господу Джаганнатхе, — сказал он. — *Джаганнатха* значит „Господь Вселенной“. „О Господь Вселенной, будь милостив, предстань перед моим взором“. То, что Он соизволил прийти сюда, несомненно, хороший знак».

Шьямасундара купил три больших бруска бука, а Свамиджи сделал эскиз и указал на ряд деталей. Пользуясь маленькими фигурками как образцом, Шьямасундара рассчитал пропорции и размеры будущих Божеств и начал вырезать Их на балконе своей квартиры. А тем временем другие преданные скупили всех оставшихся на Кост-Плас маленьких Джаганнатх и завели моду носить Джаганнатху на цепочке вокруг шеи. Поскольку Господь Джаганнатха очень великодушен и милостив к самым падшим, объяснил Свамиджи, преданные вскоре смогут поклоняться Ему в своем храме. Поклонение Божествам Радхи и Кришны требует очень высокого стандарта, и сан-францисские преданные еще не готовы к этому. Но Господь Джаганнатха столь милостив, что поклоняться Ему совсем нетрудно (для этого достаточно повторять мантру Харе Кришна), и делать это могут даже неопиты. Постепенно, по мере того как они будут прогрессировать в духовной жизни, Свамиджи будет вводить в практику все более и более разработанные ритуалы поклонения Божествам, давая им в своих книгах глубокое теологическое обоснование.

Вечером в день установления Божеств в храм набилось столько преданных и хиппи, что яблоку было негде упасть. Когда Свамиджи спустился в храмовую комнату, там царило приподнятое, праздничное настроение. Все взоры были устремлены на только что законченные Божества, которые стояли на алтаре — полке из красного дерева под желтым балдахином. Лица и фигуры Джаганнатхи, Субхадры и Баларамы освещали огни прожекторов. На Божествах не было ни одежды, ни украшений, но они были раскрашены в яркие цвета — черный, красный, белый, зеленый, желтый и синий. Они улыбались. Свамиджи тоже смотрел на них, подняв глаза к высокому алтарю.

Затем Свамиджи приступил к церемонии установления Божеств. Теперь в этом храме было все необходимое для духовной жизни: преданные, книги, Божества и *прасад*. Он хотел, чтобы собравшиеся здесь молодые люди воспользовались этим. Чего ради они должны вести животное существование и считать духовную жизнь блужданием впотьмах в поисках «того, не знаю чего»? Им нужно воспользоваться милостью Кришны, стать счастливыми и добиться успеха. И ради этого Свамиджи готов был без устали день и ночь служить им.

Свамиджи: «Хаягрива! Поди сюда». Свамиджи велел преданным принести большую свечу на подносе. Обряд, который он собирался провести, был очень прост: преданные и гости должны один за другим подходить к алтарю и круговыми движениями предлагать огонь Божествам. «Зажги свечу, — сказал Свамиджи, — а затем во время киртана каждый должен подойти к Божествам и... — Свамиджи сделал круговое движение руками. — Понятно?»

Хаягрива: «Да-да».

Свамиджи «Во время киртана. Когда один преданный устанет, он должен передать свечу другому. Когда тот устанет, он передаст ее следующему, и так

все время, пока идет киртан. Начинай прямо сейчас, вместе с киртаном. Понятно? Да... Начинай, а когда устанешь, передай свечу другому».

Свамиджи со своего места руководил действиями Хаягривы, направлявшегося к Божествам с зажженной свечой. От напряженного ожидания некоторые девушки нервно захихикали. «Встань перед Божествами, — сказал Свамиджи. — Вот так. А теперь начнем киртан».

Свамиджи заиграл на *караталах* и запел мантру Харе Кришна на уже ставшую популярной мелодию, которую он привез из Индии. «Прямо перед Божествами», — обратился он к Хаягриве, жестом показывая ему, чтобы он подошел ближе к Божествам. Один за другим преданные и гости поднимались на ноги и начинали танцевать, подняв руки и раскачиваясь в такт музыке перед сияющими Божествами. Все пели мантру. Под балдахином замигали цветные огни — синие, красные и желтые, высвечивая огромные круглые глаза Господа Джаганнатхи, Субхадры и Баларамы. Мукунда, который придумал это освещение, улыбнулся и взглянул на Свамиджи, ожидая его одобрения. Свамиджи кивнул и продолжал громко и энергично петь мантру Харе Кришна.

Молодые хиппи вдохновенно пели и танцевали, зная, что киртан обычно длится около часа. Некоторые из них помнили при этом слова Свамиджи о необходимости сосредоточить ум на личностной форме Верховного Господа. Они поняли его, когда, взглянув на Божества, он сказал: «Вот Он — Кришна». Другие мало что понимали, но думали о том, как все-таки здорово петь мантру Харе Кришна и смотреть на смеющиеся большеглазые Божества, которые стоят на алтаре среди цветов и курящихся благовоний.

Бхактиведанта Свами с удовольствием наблюдал, как один за другим гости и преданные предлагали огонь Господу Джаганнатхе. Это была очень простая церемония установления Божеств. В больших храмах Индии церемония установления Божеств представляет собой сложную, тщательно разработанную процедуру, она длится несколько дней, в течение которых высокооплачиваемые жрецы проводят всевозможные ведические ритуалы и жертвоприношения. Но в Сан-Франциско не было ни брахманов-жрецов, ни возможности соблюсти многие другие формальности.

Индийские кастовые брахманы сочли бы того, кто доверил Господа Джаганнатху *млечхам* и позволил им поклоняться Ему, святотатцем. Никому из присутствующих здесь, кроме самого Свамиджи, не разрешили бы даже войти в храм Джаганнатхи в Пури. Белые люди, жители стран Запада, могут увидеть Господа Джаганнатху только раз в году, когда во время праздника Ратха-ятра Он проезжает по городу на Своей колеснице. Однако все эти ограничения были всего лишь социальными условностями и не имели ничего общего с предписаниями *шастр*. Шрила Бхактисиддханта Сарасвати позволял каждому, независимо от касты, расы или национальности, поклоняться Божествам и получать духовное посвящение. А Бхактивинода Тхакур, отец Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, мечтал о том дне, когда люди Запада вместе со своими индийскими братьями будут петь мантру Харе Кришна.

Бхактиведанта Свами приехал на Запад, чтобы исполнить волю своего духовного учителя и осуществить предсказание Бхактивиноды Тхакура, превратив жителей Запада в вайшнавов. А для того, чтобы они стали настоящими преданными, им нужно дать возможность поклоняться Божествам. Без этого им будет гораздо труднее очиститься. Бхактиведанта Свами непоколебимо верил в указание своего духовного учителя и слова священных писаний. Он знал, что Господь Джаганнатха особенно милостив к падшим, и молился о том, чтобы Господь Вселенной не был оскорблен приемом, который Ему оказали в Нью-Джаганнатха-Пури.

Когда киртан закончился, он попросил Харидаса принести ему свечу. Свамиджи провел руками над огнем и коснулся лба. «Покажи каждому, — сказал он. — Всем. Все, что они могут пожертвовать. Возьми свечу и покажи каждому». Он отдал свечу Харидасу, чтобы тот поднес ее всем собравшимся и каждый мог коснуться руками огня, как он показал, а затем дотронуться до лба. Пока Харидас шел с огнем от человека к человеку, некоторые преданные стали кидать на поднос мелочь. Их примеру последовали другие.

После этого Свамиджи заговорил: «„Бхагаватам" рекомендует слушать и повторять святые имена, думать о Господе и поклоняться Ему. Церемония, которую мы проводим сегодня, приветствуя приход Джаганнатхи Свами, означает, что отныне это место является настоящим храмом. Так следует поклоняться Божествам. Это называется *арати*. Каждый день в конце киртана будет проводиться такое *арати*. Поклонение Божествам заключается в том, что мы берем от огня немного тепла и жертвуем немного денег, столько, сколько нам позволяют средства. Это совсем не трудно, и если вы станете делать это, то увидите, как углубится ваше понимание Абсолютной Истины.

И еще одна просьба, с которой я хочу обратиться ко всем преданным: когда вы приходите в храм, приносите с собой какой-нибудь цветок и фрукт. Если вы можете принести больше фруктов или цветов — очень хорошо. А если нет, принесите в храм один фрукт и один цветок, это по силам каждому. И предлагайте их Божествам. Итак, я прошу вас, приходя в храм, всегда приносите что-нибудь с собой. Это не значит, что вы должны принести очень дорогой фрукт. Нет, любой. Все, что вы можете себе позволить. Один плод и один цветок, — он сделал паузу и оглядел присутствующих. — А сейчас раздайте *прасад*».

Гости расселись рядами на полу, и преданные стали разносить *прасад*, предложив первую тарелку Свамиджи. Здесь были блюда, готовить которые их научил сам Свамиджи: *самосы*, *халава*, *пури*, рис, несколько блюд из овощей, фруктовое *чатни*, сладости — все, что обычно подают во время воскресного пира. Гостям понравился *прасад*, и они ели столько, сколько могли. Пока преданные, в основном женщины, разносили добавку, гости отдыхали, наслаждаясь угощением и непринужденной беседой. Отведав все блюда, Свамиджи удивленно поднял брови и сказал: «Отлично приготовлено. Да здравствуют повара!»

Присутствие Господа Джаганнатхи преобразило храм. Преданные каждый день делали для Него гирлянды. Из Нью-Йорка пришли картины Джадурани с изображением Господа Вишну, а Говинда даси написала большой портрет Свамиджи, который повесили над его сиденьем. Преданные также украсили стены индийскими литографиями с изображениями Кришны. От вспыхивающих, пульсирующих огней, освещавших Господа Джаганнатху, Его глаза, казалось, сверкали, а цвета Его одежд переливались, так что Он быстро оказался в центре внимания психоделического Хейт-Эшбери.

Откликнувшись на просьбу Свамиджи, преданные и гости стали приносить на алтарь Господа Джаганнатхи цветы и фрукты. Хиппи приходили и приносили, что могли: пшеничный колосок, полкаравая хлеба, коробку соленых кукурузных хлопьев, кусок сливочной помадки, свечи, цветы и фрукты. Прослышав, что, прежде чем пользоваться чем-то самим, нужно сначала предложить это Богу, некоторые хиппи, перед тем как надеть новую одежду, стали приносить ее в храм и с молитвой предлагать Господу Джаганнатхе. Эти хиппи, хотя и не выполняли указаний Господа Джаганнатхи, хотели получить Его благословения.

Каждый вечер преданные проводили *арати*, как научил их Свамиджи, по очереди предлагая огонь Господу Джаганнатхе. Когда преданные спросили, могут ли они добавить к этой церемонии что-нибудь еще, Свамиджи ответил, что можно предлагать также благовония. Он сказал, что в поклонении Божеству есть очень много различных деталей. Чтобы делать все как положено, преданным пришлось бы заниматься этим круглые сутки. Но, если бы он рассказал им обо всем сразу, им стало бы дурно.

В беседе с одним из своих учеников Свамиджи сказал, что во время киртана в храме он думал о Господе Чайтанье, танцевавшем перед Господом Джаганнатхой. Он рассказал, как Господь Чайтанья пришел в Пури и танцевал перед Господом Джаганнатхой в таком экстазе, что мог вымолвить только: «Джаг... Джаг...» Господь Чайтанья думал: «Кришна, Я так давно хотел Тебя увидеть. И вот теперь наконец Я вижу Тебя». Когда Господь Чайтанья жил в Пури, к Нему каждый вечер приходило по пятьсот человек, и они устраивали огромный киртан. Его вели четыре группы преданных, находившиеся в четырех различных местах. В каждой из групп было четыре человека, игравших на *мридангах*, и восемь человек, игравших на *караталах*. «Одна группа стояла слева от Господа Чайтаньи, другая — справа, — объяснял Свамиджи, — одна спереди, другая — сзади, а Сам Он стоял посередине. Все преданные танцевали и пели: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна... Так было каждый вечер, пока Господь находился в Джаганнатха-Пури».

Преданные понимали, какая пропасть отделяет их от Свамиджи. Он никогда не был хиппи. Наркотические иллюзии Хейт-Эшбери, психоделические плакаты, рок-музыканты, жаргон хиппи и слоняющиеся по улицам бродяги — все это было чуждо Свамиджи. Они знали, что он другой, но порой забывали об этом. Каждый день он проводил с ними так много времени — ел и шутил с ними, полагался на них. Однако были моменты, когда

они вдруг вспоминали, кто находится рядом. Когда они вместе стояли в храме перед Господом Джаганнатхой и пели мантру, он, в отличие от них, думал о киртанах, которые устраивал Господь Чайтанья во время Ратха-ятры в Пури. Когда Господь Чайтанья приходил в храм Джаганнатхи, Он видел Самого Кришну, и Его любовь к Кришне была так велика, что, охваченный ею, Он лишался рассудка. Так, как думал об этом Свамиджи, не мог думать никто из его учеников — и все же он оставался с ними, был их лучшим другом и духовным наставником. Он служил им и учил их молиться Господу, как молился сам, чтобы они тоже могли служить Кришне: «О Господь Вселенной, будь милостив, предстань перед моим взором».

* * *

Небрежно набросив на плечи *чадар*, Свамиджи остановился у открытой двери автомобиля и в последний раз, прощаясь, взглянул на преданных и храм в помещении магазинчика. Теперь это уже не просто магазинчик, а нечто куда более значительное: Нью-Джаганнатха-Пури. Он приехал сюда, выполняя волю Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати. Кто из его духовных братьев мог представить себе, до какой степени безумными окажутся эти американские хиппи, одурманенные наркотиками и кричащие: «Я — Бог!»? Так много юношей и девушек, несчастных и безумных, несмотря на все свое богатство и образование! Но сейчас, благодаря сознанию Кришны, некоторые из них обретали счастье.

В день его приезда в Сан-Франциско репортер спросил у него, почему он приехал именно в Хейт-Эшбери. «Потому что здесь можно недорого снять квартиру», — ответил Свамиджи. Он хотел распространить движение Господа Чайтанья — зачем еще ему было приезжать в этот обшарпанный магазинчик и жить рядом с китайской прачечной и бесплатным магазином диггеров^[4]? Журналисты спросили его, приглашает ли он в свое движение хиппи и богему. «Да, — сказал он, — я приглашаю всех». Но он знал, что, присоединившись к нему, они уже не будут такими, какими были до этого.

Сейчас преданные жили одной семьей. Те, кто будет выполнять его указания, сумеют сохранить свою силу. Если они будут искренни, Кришна поможет им. В храме находится Господь Джаганнатха, и они должны поклоняться Ему с верой и преданностью. Повторяя мантру Харе Кришна и следуя указаниям своего духовного учителя, они непременно очистятся.

Вместе с несколькими учениками Свамиджи сел в машину, и они поехали в аэропорт. За ними следовало несколько автомобилей, заполненных преданными.

В аэропорту преданные плакали. Чтобы как-то успокоить их, Свамиджи пообещал, что вернется, если они устроят праздник Ратха-ятра. «Вы должны организовать процессию, которая пройдет по главной улице города, — сказал он. — Сделайте все как следует. Мы должны привлечь как можно больше

людей. В Джаганнатха-Пури этот праздник проводят каждый год. В это время Божество Джаганнатхи выходит из храма».

Свамиджи знал, что должен будет вернуться, чтобы сберечь нежные ростки преданного служения, которые он посадил в их сердцах. Если он не приедет, его ученики-неофиты вряд ли выживут в океане материальных желаний под названием Хейт-Эшбери. Он несколько раз повторил, что обязательно вернется к ним. Он просил их сотрудничать друг с другом: Мукунду, Шьямасундару, Гуру-даса, Джаянанду, Субала, Гаурасундару, Хаягриву и девушек.

Всего два с половиной месяца назад он прибыл сюда, в этот аэропорт, где его встречала толпа молодых людей, поющих мантру Харе Кришна. Многие из них теперь были его учениками, хотя едва ли сознавали свою духовную природу и вряд ли исполняли все данные ими обеты. И все же, покидая их, он не чувствовал угрызений совести. Он знал, что некоторые из них уйдут из сознания Кришны. Но он не мог остаться здесь навсегда. У него было не так много времени.

Бхактиведанта Свами, отец двух небольших групп преданных-неофитов, нежно прощался с одной из них и направлялся на восток, туда, где совсем в другом настроении, радуясь предстоящей встрече, его ждала вторая группа.

* * *

Нью-Йорк, май 1967 года

Казалось, ничто не предвещало того, что здоровье Свамиджи пошатнется, а если какие-то признаки и были, то никто не обращал на них особого внимания. Оставив своих сан-францисских учеников и вернувшись к преданным в Нью-Йорк, Свамиджи ни слова не сказал о том, что ему нужно отдохнуть. После пяти с половиной часов полета он только посетовал на то, что ему заложило уши, но выглядел вполне здоровым. Он ни минуты не отдохнул и сразу после радостной встречи в аэропорту провел трехчасовую программу с лекцией и киртаном в храме на Второй авеню. Своим нью-йоркским ученикам он казался удивительно красивым и лучезарным. Его присутствие, его взгляды и слова — все это укрепляло в них сознание Кришны. Его преклонный возраст — а ему было уже за семьдесят — был для них лишь одним из его трансцендентных атрибутов. Свамиджи был их силой, и им никогда не приходило в голову подумать о его силе.

Однако некоторые признаки, свидетельствующие о том, что Свамиджи следует позаботиться о своем здоровье, все-таки были. Он плохо чувствовал себя в телестудии, когда принимал участие в телевизионном шоу Аллена Бюрка. По дороге в храм Свамиджи сказал, что свет софитов в студии вызвал у него сильную головную боль, и в какой-то момент ему показалось, что он не выдержит до конца съемки.

Затем во время одной из лекций Рупануга, сидевший недалеко от Свамиджи, заметил, как у него дрожит рука. Несколько месяцев назад, на другой день после записи пластинки, Свамиджи проснулся поздно и жаловался на перебои сердца и на то, что не может пошевелиться. Тогда за ним ухаживал Киртанананда. «Если я когда-нибудь тяжело заболею, — сказал ему Свамиджи, — не зовите врача. Не кладите меня в больницу. Просто дайте мне четки и пойте мантру Харе Кришна».

Ученики считали, что не вправе ограничивать его. Правда, однажды Киртанананда все-таки попытался это сделать. Когда в «Авалоне» Свамиджи танцевал и прыгал, обливаясь потом, Киртанананда стал настаивать на том, чтобы киртан немедленно остановили, но преданные обозвали его перестраховщиком.

Кроме того, Свамиджи не любил, когда его сдерживали. Да и кто они такие, чтобы сдерживать его? Он был полномочным представителем Кришны, способным преодолеть любые трудности. Он был чистым преданным и мог все. Разве он сам не говорил, что чистый преданный трансцендентен к материальным страданиям?

Некоторое время назад Свамиджи написал письмо, утешая хворающую бабушку одного из своих учеников. Но преданные думали, что Свамиджи мог только давать добрые советы чьей-нибудь бабушке, а с ним самим ничего подобного случиться не могло. Конечно, он иногда называл себя стариком, но делал это в основном на лекциях, чтобы показать неотвратимость старости.

Преданным казалось, что у Свамиджи довольно крепкое здоровье. Его глаза блестели, отражая переживаемые им духовные эмоции, кожа была гладкой и золотистой, а улыбка свидетельствовала о здоровье и хорошем самочувствии. Однажды кто-то из учеников сказал, что у Свамиджи такая мужественная улыбка, что невольно приходит на ум выражение «здоров как бык». Свамиджи каждый день принимал холодный душ, выходил рано утром на прогулку по Нижнему Ист-Сайду, играл на *мриданге* и с аппетитом ел. Даже если его ученики и хотели, чтобы он не расточал свои силы, много ли они могли сделать?

Однако в самом конце мая Свамиджи почувствовал упадок сил. Он говорил о перебоях сердца. Надеясь, что через день-два эти симптомы пройдут, Киртанананда попросил Свамиджи отдохнуть и не принимать посетителей. Но ему становилось все хуже и хуже.

Киртанананда: *Свамиджи начал жаловаться, что у него отнимается левая рука. В левой половине его тела начались подергивания, а левая рука и вовсе перестала ему подчиняться. Казалось, что это каким-то таинственным образом угнетает его и причиняет моральную боль.*

Ачьютананда: *Это случилось в воскресенье, за два дня до Дня поминовения^[5]. После обеда мы должны были проводить большую программу в одном из жилых кварталов города.*

Я поднялся, чтобы позвать Свамиджи, потому что преданные были уже готовы ехать. Свамиджи лежал белый как мел. Он сказал: «Послушай мое

сердце». И я почувствовал в его груди мелкую дрожь.

Я спустился вниз, но не хотел пугать ребят и поднимать панику. Я подошел к Киртанананде и тихо сказал: «У Свамийжи небольшие перебои сердца». Вдвоем с ним мы тотчас поднялись к Свамиижи. Он сказал: «Массируйте здесь». Я стал растирать ему грудь, он показал, как это нужно делать. "Другие пусть идут на программу, а Ачьютананда может остаться. Если что-нибудь случится, он позовет вас", — сказал Свамиджи.

Ребята ушли на программу, а я стал ждать. Один или два раза он подзывал меня и велел быстрыми движениями растирать ему грудь. Вскоре ему стало лучше, и к нему вернулся обычный цвет лица. Я смотрел на него, открыв рот и не зная, что делать. Он взглянул на меня и спросил: «Почему ты сидишь без дела? Повторяй мантру Харе Кришна». Вечером у него снова начались приступы, поэтому я лег спать в соседней комнате. А поздно ночью он позвал меня, и я снова массировал ему грудь.

Киртанананда: Это произошло во вторник, в День поминовения. Я сидел в комнате Свамиджи. Внизу шел киртан, и в это время у него опять начались подергивания. Лицо Свамиджи напряглось. Он начал вращать глазами и внезапно откинулся назад. Я подхватил его. Он выдохнул: «Харе Кришна», — и на этом все прекратилось. Я подумал, что это конец, но тут он снова стал дышать и повторять мантру Харе Кришна. Однако тело больше не подчинялось ему.

Брахмананда: Я был тогда вместе с Киртананандой. Это было воскресенье накануне Дня поминовения. Мы не могли понять, что происходит со Свамиджи. Он не мог сидеть, все время стонал, и никто не знал, в чем дело. Мы (я и Киртанананда) ухаживали за ним, делая все, что могли. Мне даже пришлось пойти и купить для него судно.

Левая сторона его тела была парализована. Он попросил, чтобы на стену перед ним повесили фотографию его духовного учителя. Преданные собрались в передней комнате его квартиры, и Свамиджи велел им петь мантру Харе Кришна. Затем он попросил их молиться Нрисимхадеве — одной из вечных форм Господа Кришны.

Сатсварупа: Свамиджи сказан чтобы мы молились Господу Нрисимхе, повторяя: «Мой учитель еще не закончил свой труд». Время от времени он разрешал нам по очереди массировать различные части его тела. Затем он отослал нас вниз, в храм, и велел всю ночь проводить киртан.

Всю ночь у Свамиджи болело сердце. На следующий день его состояние продолжало оставаться критическим. Он мог говорить, но очень тихо, и был слишком истощен, чтобы вести беседу. С недоверием относясь к врачам, он сам поставил себе диагноз: сердечный приступ, сопровождавшийся кровоизлиянием в мозг и вызвавший левосторонний паралич. Массаж, сказал он, — единственное средство.

Брахмананда: На следующее утро после Дня поминовения пришлось вызывать карету скорой „помощи. В клинике «Бет Израэль» не было своей машины, и тогда я позвонил в одну из частных компаний. В клинике мы

договорились, что привезем Свамиджи к девяти часам утра. Но машины не было до полудня. Все это время Свамиджи стонал, не переставая. Наконец, приехала машина, и вместе с ней — двое дюжих молодых людей. Они обращались со Свамиджи, как с тюком белья. Я подумал, что было бы лучше, если бы мы отвезли его на такси.

В клинике врачи и их ассистенты брали у Свамиджи кровь, делали ему уколы и обследовали его. Они еще не поставили окончательного диагноза и собирались проводить какие-то исследования. Неожиданно вошел врач и объявил, что они решили сделать Свамиджи пункцию спинного мозга. Свамиджи был слишком слаб, чтобы обсуждать с ними все «за» и «против» такого шага. Он доверил себя заботам своих учеников и Кришны.

Врач не хотел, чтобы ему мешали. Он объяснил, зачем нужна пункция, но ни совета, ни разрешения спрашивать не стал. Все, кроме Киртанананды, который ни за что не хотел уходить, должны были покинуть палату, где лежал Свамиджи, на то время, пока врач будет делать пункцию. Ни сам Свамиджи, который был слишком слаб, ни его ученики, которые не очень-то представляли себе, как следует вести себя в таких ситуациях, не стали возражать врачу. Один за другим преданные выходили из палаты Свамиджи, а врач тем временем готовил самую большую и страшную иглу из всех какие им когда-либо приходилось видеть.

Когда им наконец разрешили вернуться, один из учеников спросил: «Было больно, Свамиджи?» Свамиджи (его золотистое тело было одето в больничную пижаму и лежало меж белых простыней) слегка повернулся к нему и сказал: «Я терпелив».

Рупануга: *Когда Свамиджи в первый раз положили в больницу, мне было очень тяжело. Я не знал, что делать. В таких делах у меня не было никакого опыта. Я совершенно растерялся и не знал, чем могу служить Свамиджи. Я никогда не забуду страх, который тогда пережил.*

На карту была поставлена жизнь Свамиджи, но его ученики были беспомощны и не знали, что делать, чтобы спасти его. Он лежал на кровати, словно отдав себя на их милость.

Персонал клиники смотрел на него как на свою собственность — пожилой человек с больным сердцем, нуждающийся в обследовании. Разрешить ли сделать ему ЭКГ? Что такое это ЭКГ? Нужна ли операция? Операция! Свамиджи говорил, что его не следует даже привозить в больницу. «Делайте мне массаж», — повторял он, и еще: «Пойте мантру Харе Кришна».

5 июня Свамиджи получил трогательное письмо, подписанное всеми его учениками из Сан-Франциско. Прочитав о том, как они всю ночь пели и молились о его выздоровлении, он продиктовал короткий ответ.

Дорогие юноши и девушки!

Я очень признателен вам за то, что вы молили Кришну спасти мне жизнь. Благодаря вашим искренним и горячим молитвам Кришна спас меня. Во

вторник я наверняка должен был умереть, но ваши искренние молитвы сохранили мне жизнь. Сейчас я постепенно поправляюсь и прихожу в нормальное состояние. Теперь я могу надеяться, что мы встретимся снова и будем вместе петь мантру Харе Кришна. Я был рад получить сообщение о том, что вы не стоите на месте, и надеюсь, что вы сумеете постичь науку сознания Кришны. Мои благословения всегда с вами, продолжайте же с верой повторять Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе/Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Свамиджи не терпелось покинуть клинику. Уже в течение нескольких дней он хотел выписаться оттуда. «Они только и делают, что без конца колют меня», — жаловался он. Кроме того, каждый день его пребывания в клинике увеличивал долги Общества. Преданные сняли небольшой коттедж на побережье в Лонг-Бранч, штат Нью-Джерси, в котором они решили поселить Свамиджи до окончательного выздоровления. Киртанананда будет готовить для Свамиджи, а Гаурасундара и его жена Говинда даси, приехавшие из Сан-Франциско, будут вести хозяйство и помогать Киртанананде. Но врач хотел еще раз сделать Свамиджи энцефалограмму и кое-какие анализы.

Однажды, когда в палате у Свамиджи сидели Киртанананда и Гаргамуни, к нему вошел врач и объявил, что Свами нужно спуститься вниз на рентген.

А уколы делать будете? — спросил Свамиджи. Нет, — ответил доктор, — не беспокойтесь.

Когда медсестра привезла каталку, Свамиджи настоял на том, чтобы его вез Гаргамуни. Он сел на нее по-турецки и просунул руку в мешочек с четками, а Гаргамуни, следуя за сестрой, выкатил его за дверь и привез в холл, где они сели в лифт. Они спустились на третий этаж и вошли в какую-то комнату. Медсестра оставила их одних. Гаргамуни чувствовал, что Свамиджи беспокоится. Он тоже нервничал. Ему было очень странно и непривычно находиться со своим духовным учителем в таком месте. Затем вошла другая медсестра со шприцем.

— Пора сделать Свами маленький укольчик.

— Нет, — мотнул головой Свамиджи.

— Простите, — решительно сказал Гаргамуни, — мы не будем этого делать.

Медсестра рассердилась, но старалась держать себя в руках.

— Это не больно.

— Увези меня отсюда, — сказал Свамиджи, обращаясь к Гаргамуни.

Когда сестра стала настаивать, Гаргамуни как это с ним часто случалось, решил идти напролом и загородил Свамиджи своим телом.

«Если понадобится, я буду драться», — думал Гаргамуни.

— Я не позволю вам этого сделать, — сказал он и выкатил кровать из комнаты, оставив позади ошарашенную медсестру.

Гаргамуни заблудился. Он оказался то ли на третьем, то ли на четвертом этаже в лабиринте коридоров и дверей. Палата Свамиджи находилась на

шестом этаже. Плохо представляя себе, куда идет, Гаргамуни катил кровать по бесконечным коридорам. На ней, читая на четках мантру, сидел Свамиджи.

Брахмананда вошел в рентгеновский кабинет через несколько секунд после бегства Гаргамуни. Медсестра и интерн стали жаловаться ему и рассказали обо всем, что произошло.

Брахмананда: Они считали это кражей. Свамиджи был их собственностью. Пока он лежал в клинике, он принадлежал им, и они думали, что могут делать с ним все, что угодно. Гаргамуни, считали они, похитил у них Свамиджи.

Гаргамуни добрался до лифта. Ему было трудно развернуть громоздкую каталку, и в спешке он врезался в стену. Наконец оказавшись в лифте, он понял, что забыл этаж, на котором находилась палата Свамиджи. Он знал только одно: он защищает Свамиджи, который хочет, чтобы его забрали отсюда.

Когда Гаргамуни, наконец, добрался до палаты номер 607, там уже находился интерн, который сердито отчитал его. «Мне наплевать, — сказал Гаргамуни. — Свами больше не хочет никаких уколов и анализов. Он хочет выписаться из клиники». Пришел Брахмананда, он успокоил своего младшего брата и помог снова уложить Свамиджи в постель.

Свамиджи сказал, что хочет уехать отсюда. Когда вошел врач, Свамиджи сел на кровати и решительно заявил: «Доктор, я чувствую себя хорошо. Мне больше нечего делать в больнице». С этими словами он пожал доктору руку, желая показать, что вполне здоров. Врач рассмеялся. Он сказал, что, хотя Свамиджи значительно окреп, ему нужно остаться в клинике еще на несколько дней. Его жизнь все еще в опасности. Он нуждается в тщательном медицинском наблюдении. Кроме того, ему нужно еще раз сделать электрокардиограмму.

Свамиджи по-прежнему чувствовал боли в области сердца, но сказал врачам, что его ученики нашли место на побережье, где он сможет отдохнуть и поправиться. Это очень хорошо, сказал доктор, и все же он не может позволить пациенту уйти из клиники прямо сейчас.

Однако Свамиджи уже все решил. Брахмананда и Гаргамуни вызвали такси. Они собрали вещи Свамиджи и помогли ему одеться. Когда на глазах у всего медперсонала они выводили его из палаты, кое-кто из врачей и медсестер попытался их остановить. Брахмананда сказал, чтобы они не беспокоились: Свамиджи очень дорог им, и они сумеют о нем позаботиться. Они будут регулярно делать ему массаж, он будет много отдыхать и принимать все лекарства, которые прописали врачи. Отдохнув на побережье, он приедет к ним на осмотр.

Брахмананда: Врачи уже были сыты всем этим по горло. Они стали угрожать нам: «Он умрет». Они нас сильно напугали. Они говорили: «Он умрет, и вы будете в этом виноваты». Даже когда мы уже выходили на улицу, они сказали нам вслед. «Этот человек обречен». Это было ужасно.

8 июня в десять часов утра они покинули клинику. Прежде чем отправиться в Лонг-Бранч, Свамиджи хотел сделать короткую остановку в храме на Второй авеню. Покачиваясь, он вошел в храм и подошел к портрету своего духовного учителя, Бхактисиддханты Сарасвати, и его отца, Бхактивиноды Тхакура. В первый раз ученики Свамиджи видели, как он простерся на полу перед своим Гуру Махараджей. Они тоже пали ниц и в этот момент почувствовали, что любят его еще больше.

Маленький одноэтажный коттедж находился в тихом пригороде в нескольких минутах ходьбы от пляжа. Задний двор был обсажен деревьями и кустами, а вокруг цвели и благоухали розы. Однако погода часто была ненастной, а небо пасмурным, и Свамиджи стал поговаривать о возвращении в Индию. Но не только для того, чтобы поправить здоровье. Он сказал Киртанананде и Гаурасундаре, что хочет открыть во Вриндаване «Американский дом», что-то вроде колледжа, в котором его американские ученики смогут изучать ведическую культуру, чтобы затем проповедовать сознание Кришны по всему миру. Он сказал также, что хочет дать некоторым из своих учеников: Брахмананде, Киртанананде, Хаягриве, — санньясу, и это он тоже сделает в Индии. Однако его настоящее дело было здесь, в Америке — только бы ему удалось поправиться. Но куда же девалось солнце?

В Индии будет много солнца и он сможет лечиться у аюрведических врачей. Но его планы менялись каждый день — Сан-Франциско, Монреаль, Индия, Нью-Йорк. Он попросил Киртанананду сообщить сан-францисским преданным, что приедет к ним, если они устроят праздник Ратха-ятра.

В конце июня Свамиджи вернулся в храм на Вторую авеню и поехал в клинику для осмотра. Врач был удивлен тем, что он почти совсем поправился, и не возражал против полета в Сан-Франциско. Итак, в поисках солнечного неба, движимый желанием руководить своими учениками, которым предстояло провести первую в их жизни Ратха-ятру, Свамиджи заказал билет для себя и Киртанананды, чтобы лететь в Сан-Франциско — Нью-Джаганнатха-Пури.

* * *

В сан-францисском аэропорту Свамиджи улыбался, но говорил мало. Преданные встретили его цветами и киртаном. Но на этот раз все было по-другому. Опираясь на палку, он прошел прямо к машине.

Джаянанда уже ждал Свамиджи со своим фургоном, чтобы отвезти его в небольшой загородный домик, который они сняли для него в северном пригороде Сан-Франциско, Стинсон-Бич. Но Свамиджи сказал, что сначала хотел бы заехать в сан-францисский храм Радхи-Кришны. Джаянанда отвез его в храм на Фредерик-стрит. Выйдя из машины, Свамиджи вошел в маленькое помещение, заполненное преданными и гостями, которые с нетерпением

ожидали его. Он поклонился улыбающемуся Джаганнатхе и, не сказав ни слова, вышел из комнаты, вернулся в машину и уехал в Стинсон-Бич.

Дорога проходила через прибрежные горы и была такой извилистой и крутой, что Свамиджи почувствовал тошноту. Он прилег на заднем сиденье, а Джаянанда сбавил скорость, но даже это мало помогло. Киртанананда понял, что Свамиджи будет очень трудно ездить из Стинсон-Бич в сан-францисский храм. Но, может быть, это и к лучшему — у него будет больше времени, чтобы восстановить силы.

8 июля, через два дня после прибытия Свамиджи в Стинсон-Бич, к нему приехали Шьямасундара и Мукунда. На следующий день был назначен праздник Ратха-ятра, и Шьямасундара с Мукундой — первые преданные, навестившие Свамиджи в Стинсон-Бич, — рассказали ему обо всех приготовлениях к празднику. Безусловно, идея праздника принадлежала Свамиджи, но сан-францисские преданные постарались сделать все так, как он просил.

Мысль провести такой фестиваль осенила Свамиджи, когда однажды у себя в комнате он смотрел в окно, выходящее на Фредерик-стрит. Увидев открытые грузовики, которые проезжали мимо, он подумал, что было бы неплохо поставить на такие грузовики Божества Джаганнатхи и провести праздник Ратха-ятры на американский манер. Он даже сделал рисунок грузовика с балдахином на четырех колоннах, украшенного флагами, колокольчиками и гирляндами из цветов. Он вызвал к себе Шьямасундара: «Ты должен сделать такую колесницу для Ратха-ятры». Теперь позади храма на Фредерик-стрит стояла готовая колесница — желтый грузовик диггеров, арендованный в компании Герца. На грузовике был установлен полотняный балдахин в форме пирамиды, закрепленный на колоннах высотой полтора метра.

Сидя со Свамиджи на пляже, Мукунда рассказывал ему, с каким энтузиазмом работают преданные и как все хиппи в Хейт-Эшбери только и говорят, что о шествии Господа Джаганнатхи, которое должно состояться на следующий день. Преданные хотели, чтобы праздничная процессия двигалась через Голден-Гейт-парк, но полиция разрешила пройти только по Фредерик-стрит на юг к морю. Мукунда сказал, что под балдахином преданные собираются поставить Божества. Джаганнатха будет смотреть вправо, Субхадра — назад, а Баларама — влево. Он хотел знать, правильно ли это. На самом деле, сказал Свамиджи, Божества обычно везут на отдельных колесницах, каждую из которых толпа людей тянет за веревки вдоль по улице. Может быть, когда-нибудь так будет и в Сан-Франциско.

«Сделайте все как следует, — предупреждал он, — и не едите слишком быстро». Преданные должны медленно вести грузовик по улице до пляжа и все время петь.

Мукунда и Шьямасундара на все лады расхваливали Джаянанду: он объездил весь город, собирая пожертвования — фрукты и цветы, нашел

людей, которые помогли украсить колесницу, установил на грузовике усилители и развесил во всех магазинах рекламные плакаты. Он был неутомим и своим энтузиазмом заражал всех остальных. Женщины весь день делали *чапати*, чтобы завтра их можно было тысячами раздавать толпе. Преданные подготовили сотни воздушных шаров с надписью «Харе Кришна Ратха-ятра», собираясь выпустить их на улицах города, когда начнется парад.

Когда преданные спросили, что нужно сделать еще, Свамиджи сказал, что процессия, раздача *прасада* и киртан — это все, что необходимо. Они должны дать людям возможность увидеть Господа Джаганнатху и услышать мантру Харе Кришна. Все время, пока процессия движется, они должны танцевать и петь перед колесницей. «Но все нужно сделать как следует, — повторил Свамиджи. — Сделайте все как можно лучше, и тогда Господь Джаганнатха будет доволен вами».

На следующий день после полудня Свамиджи сидел в гостиной, читая на четках мантру, а Киртанананда готовил на кухне праздничное угощение. Вдруг Свамиджи услышал знакомый звон *карата* и просиял от счастья. Выглянув наружу, он увидел грузовик Ратха-ятры с Господом Джаганнатхой, Субхадрой, Баларамой и несколько десятков преданных и хиппи, горевших желанием увидеть его. Он вышел, чтобы поприветствовать их, и попросил внести Божества в дом и установить их на пианино. Преданные и гости заполнили большую гостиную. Улыбаясь, Свамиджи обнял некоторых из них, другие пали ниц к его ногам. Несколько преданных стали помогать Киртанананде раскладывать по тарелкам приготовленные им праздничные блюда, а другие принялись наперебой рассказывать Свамиджи об успехе праздника Ратхаятры.

«Это было великолепно! Потрясающе! Это был замечательный день!» — говорили они. Растроганный Свамиджи слушал о том, как прошел праздник. К процессии присоединилось множество хиппи. Мукунда, Харидас, Хаягрива и несколько женщин ехали на колеснице, и все инструменты, включая фисгармонию, на которой играла Ямуна, звучали через усилитель. Людям на улицах это очень понравилось. Полицейские, эскортировавшие процессию на автомобиле, хотели было поторопить преданных, но собралась такая толпа, что колонна была вынуждена двигаться медленно, именно так, как просил Свамиджи. Субал все время танцевал, как безумный, а Джаянанда прыгал, играя на *караталах*. С грузовика несколько женщин раздавали всем желающим кусочки апельсинов, яблок и бананов, а другие разбрасывали цветы. Толпа была в полном восторге.

Субал рассказал о том, как после праздника они ехали сюда по автостраде на украшенном цветами грузовике с балдахинном — тридцать преданных и Божества: Джаганнатха, Субхадра и Баларама. Экипаж, на котором они проделали путь через горы, был, наверное, одним из самых необычных средств передвижения, которые когда-либо видел свет.

После того как гости уехали, Божества остались в доме со Свамиджи и его слугами. Свамиджи был доволен тем, что праздник Ратха-ятра удался. Пусть у

его учеников не хватало опыта, зато у них была искренность. Бхактисиддхант Сарасвати и Бхактивинода Тхакур наверняка остались бы довольны первой американской Ратха-ятрой.

Весь мир живет в постоянной тревоге, объяснял Свамиджи преданным, собравшимся в тот вечер в его комнате. Обрести покой можно только в духовном мире. Цель сознания Кришны — помочь людям избавиться от тревог и вернуться в духовный мир. Такие праздники, как Ратха-ятра, помогают людям обрести сознание Кришны. У Свамиджи было великое множество идей и планов, связанных с проведением праздников и фестивалей. «Если бы у меня были средства и люди, — сказал он, — я бы устраивал такие праздники каждый день», Сознание Кришны беспредельно. Праздник Ратха-ятра был еще одним свидетельством того, что люди на Западе хорошо принимают сознание Кришны.

* * *

Свамиджи продолжал говорить о поездке в Индию. Поездка, в сущности, была уже решена, оставалось только выяснить, когда и каким путем он поедет — западным, через Японию, или восточным, через Нью-Йорк. Хмурое небо и не по сезону холодная погода в Стинсон-Бич разочаровали его. Здоровье Прабхупады оставалось слабым. Иногда он даже поговаривал о смерти. Неважно, где он умрет — в Америке или во Вриндаване, сказал он. Если вайшнав умирает во Вриндаване — на земле, где появился Кришна, — он возвращается к Кришне в духовный мир. Но, когда Господь Чайтанья Махапрабху путешествовал по Индии, Его преданный, Адвайта, сказал Ему: «Там, где Ты, там и Вриндаван». Тот, кто все время поглощен мыслями о Кришне, всегда находится во Вриндаване. Поэтому если он умрет, проповедуя сознание Кришны, то, где бы это ни произошло, он обязательно достигнет вечного Вриндавана в духовном небе.

И все же Свамиджи хотел поехать во Вриндаван. Это самое лучшее место на земле для того, чтобы умереть или выздороветь. Кроме того, он рассчитывал взять во Вриндаван своих учеников, чтобы как можно лучше подготовить их к проповеди в странах Запада. Свамиджи пообещал Киртанананде, Хаягриве и другим, что возьмет их с собой и сам покажет святыне места, связанные с играми Кришны. Воспользовавшись средствами из фонда, созданного для строительства храма в Нью-Йорке, он мог бы открыть во Вриндаване Американский дом.

Большинство преданных вынуждены были оставаться в Сан-Франциско, лелея надежду на то, что когда-нибудь им выпадет удача и они смогут навестить Свамиджи в Стинсон-Бич. От немногих, кто знал об этом из первых рук, они слышали о планах Свамиджи поехать в Индию, чтобы, может быть, уже никогда не вернуться назад. Слышать это было мучительно больно. Один раз он уже стоял на пороге смерти, но так или иначе Кришна спас его, и он

снова приехал к ним в Сан-Франциско, хотя и не мог, как прежде, жить вместе с ними. А теперь он строил планы уехать в Индию, возможно, навсегда; все это усиливало их любовь к Свамиджи и тревогу за него.

Преданные беспокоились, размышляя о том, смогут ли они продолжать служить Кришне без Свамиджи. Кому-то из них пришла в голову мысль пригласить в Америку одного из духовных братьев Свамиджи, чтобы тот занял его место, а если случится самое худшее, то и возглавил Международное общество сознания Кришны. Когда это предложение дошло до Свамиджи, он задумался над ним, но сразу ничего не ответил.

Мукунда: Мы сидели вдвоем в комнате Свамиджи, он был как никогда серьезен и молчалив. Глаза его были закрыты. Вдруг из них потекли слезы. Дрожащим голосом он проговорил: «Мой духовный учитель не был обыкновенным духовным учителем». Он сделал паузу, утер слезы и голосом, который задрожал еще сильнее, сказал: «Он спас меня». В этот момент я начал понимать, что значит «духовный учитель», и тут же отверг всякую мысль о том, что кто-то сможет заменить нам Свамиджи.

Через два дня Свамиджи сказал, что не станет просить никого из своих духовных братьев, чтобы они приехали сюда и взяли на себя заботу о его учениках. Он сказал: «Если этот человек скажет хоть слово по-другому, не так, как я, это посеет в вас сомнения и собьет с толку». На самом деле, сказал он, подобная мысль является оскорблением духовного учителя.

* * *

Свамиджи сообщил Киртанананде, что окончательно решил ехать в Индию через Нью-Йорк и хочет сделать это как можно скорее. Киртанананда уложил его вещи и повез Свамиджи назад в Сан-Франциско, где они должны были провести ночь и на следующее утро улететь в Нью-Йорк.

В тот вечер в храме и даже в квартире Свамиджи царило лихорадочное возбуждение. В храме было тесно от преданных и гостей, которые собрались, чтобы увидеть Свамиджи перед его отъездом в Индию, десятки людей хотели получить посвящение. Когда Киртанананда посоветовал Свамиджи поберечь силы и не спускаться в храм на вечернюю программу, Свамиджи настоял на том, чтобы, по крайней мере, присутствовать на киртане.

Когда Свамиджи вошел в храм, преданные тотчас же прервали киртан и склонились перед ним в глубоком почтении. Воцарилась тишина... Он внушал им такое благоговение, какого они не знали раньше. Кто знает, может быть, они видят его в последний раз. Они наблюдали за ним во время киртана, когда он играл на *караталах* и пел вместе с ними. Те, кто еще не получил посвящения, хотели принять его своим духовным учителем — сегодня же, пока еще не поздно. Свамиджи попросил микрофон. Никто не ожидал, что он будет говорить. Киртанананда, единственный, кто мог его удержать, не сказал ни слова, он сидел перед ним, как и другие, смиренно и выжидающе. Свамиджи тихим голосом стал говорить о своей миссии: по приказу духовного

учителя он принес движение Господа Чайтаньи в Америку, и Кришна милостиво послал ему так много искренних душ. «В Индии у меня остались дети, которые когда-то были моей семьей, — сказал он, — но мои настоящие дети — это вы. Сейчас я собираюсь ненадолго уехать в Индию».

«Я старик, — сказал он, — и могу умереть в любую минуту. Но я прошу вас всех об одном — пожалуйста, продолжайте движение *санкиртаны*. Вы должны стать смиренными и научиться терпению. Господь Чайтанья говорит, что преданный должен быть смиреннее травы и терпеливее дерева. Чтобы распространять в мире философию сознания Кришны, нужны энтузиазм и настойчивость».

Свамиджи сидел неподвижно и говорил очень серьезно. Он призывал их сплотиться и развивать Движение сознания Кришны на благо себе и другим. Проповедуя людям, они должны просто повторять то, что узнали от него, сказал он.

Может быть, впервые они осознали, что являются частью проповеднической миссии, движения. Они были вместе не только для того, чтобы приятно проводить время и слушать красивые, ласкающие слух звуки. На них лежали обязанности перед Свамиджи и Кришной, которые они приняли на себя из любви.

* * *

В Нью-Йорке преданным было некогда предаваться печали. Киртанананда телеграфировал Шри Кришне Пандиту, что Свамиджи прилетает в Дели 24 июля и Шри Кришна Пандит должен приготовить для него комнату в своем храме в Чиппиваде. В телеграмме он упомянул о намерении Свамиджи проконсультироваться с аюрведическим врачом в Дели, а затем поехать во Вриндаван. Свамиджи уже считал часы, оставшиеся до его приезда во Вриндаван.

Незадолго до этого преданные попросили Сатсварупу переехать в Бостон и открыть там центр сознания Кришны, а Рупанугу они просили сделать то же самое в Буффало. Когда Сатсварупа и Рупануга обратились к Свамиджи, чтобы узнать, что он думает об этих планах, он остался очень доволен. Свамиджи рассказал им, что Субал собирается открыть центр в Санта-Фе, а Даянанда — в Лос-Анджелесе. «Мантра Харе Кришна подобна большой пушке, — сказал он. — Стреляйте из нее, чтобы вас слышали все, и тогда *майя* в страхе побежит с поля битвы».

Преданным очень хотелось спросить его: «А вдруг вы не вернетесь?» Они так боялись этого. А что если Кришна оставит Свамиджи во Вриндаване? Что если Свамиджи никогда больше не приедет в Америку? Удастся ли им уцелеть в этой битве с *майей*? Но Свамиджи уже заверил их, что того сознания Кришны, которое он им дал, хватит, даже если он никогда не вернется назад.

Всего за полчаса до отъезда в аэропорт Свамиджи сидел в своей комнате и начитывал четки девушке, которая в последнюю минуту попросила дать ей посвящение. Затем, как бывало много раз до этого, он вышел из своей комнаты, спустился вниз, пересек внутренний двор и вошел в магазинчик.

Сидя на старом ковре, он говорил спокойно и проникновенно. «Я уезжаю, но мой Гуру Махараджа и Бхактивинода остаются здесь, — он взглянул на изображения своего духовного учителя и Бхактивиноды Тхакура. — Я попросил их присмотреть за вами, моими духовными детьми. Дед всегда заботится о детях лучше, чем отец. Так что не беспокойтесь. Ни о какой разлуке не может быть и речи. Звук мантры крепко-накрепко связывает нас, даже если мое материальное тело находится где-то в другом месте. Что для нас это материальное тело? Повторяйте мантру Харе Кришна, и я всегда буду вместе с вами. Вы будете повторять мантру здесь, а я буду повторять ее там, и эта вибрация свяжет нас друг с другом».

Несколько преданных поехали со Свамиджи на такси — Брахмананда сидел на переднем сиденье рядом с шофером, а Рая-Рама и Киртанананда — на заднем сиденье вместе со своим духовным учителем. «Когда Киртанананда увидит Вриндаван, — сказал Свамиджи, — ему будет трудно поверить, что я мог променять его на Нью-Йорк. Там так чудесно! Там нет ни одной машины, а здесь от них просто некуда деться — туда-сюда, туда-сюда — вжжик! вжжик! Там есть только мантра Харе Кришна. Все жители Вриндавана от мала до велика поют и повторяют *маха-мантру*. Там тысячи и тысячи храмов. Я покажу их тебе, Киртанананда. Мы там все обойдем, и я покажу тебе все».

Брахмананда заплакал, и Свамиджи похлопал его по спине. «Я знаю, что ты плачешь из-за предстоящей разлуки, — сказал он. — Я тоже чувствую разлуку со своим Гуру Махараджей. Я думаю, это то, чего ждет от нас Кришна. Если ты приедешь ко мне во Вриндаван, я тебя всему научу, и мы распространим это движение по всему миру. Рая-Рама, ты поедешь в Англию. Брахмананда, куда ты хочешь поехать — в Японию или в Россию? Все будет хорошо».

Преданные собрались в зале ожидания компании «Эйр Индия» рядом с коктейль-баром, в котором толпился народ. Свамиджи сел в кресло, на нем был свитер и *чадар*, аккуратно сложенный и переброшенный через плечо. Его ученики плотным кольцом уселись у его ног. Он держал зонтик — совсем как два года назад, когда впервые приехал в Нью-Йорк. Несмотря на усталость, он улыбался.

Свамиджи заметил фреску, на которой были изображены индийские женщины, несущие на голове большие кувшины, и обратился к одной молоденькой девушке, которая вместе со своим мужем Хамсадутой недавно переселилась в монреальский храм ИСККОН:

— Химавати, ты хотела бы поехать в Индию и научиться носить горшки с водой, как это делают индийские женщины?

— Да-да, — ответила она, — я поеду.

— Да, — сказал Свамиджи, — когда-нибудь мы все поедем туда.

Киртанананда держал в руках портативный проигрыватель на батарейках и две пластинки с мантрой Харе Кришна.

— Киртанананда, — попросил Свамиджи, — поставь нашу пластинку. Я думаю, людям она понравится.

Киртанананда поставил пластинку очень тихо, но ее звук привлек внимание людей в коктейль-баре.

— Сделай погромче, — попросил Свамиджи, и Киртанананда увеличил громкость.

Свамиджи стал качать головой в такт музыке.

Скоро преданные начали мурлыкать вместе с пластинкой, потом тихо напевать. Через несколько минут они уже пели во весь голос. Некоторые из них заплакали.

Когда пришло время идти на посадку, Свамиджи обнял всех провожавших его мужчин. Они выстроились один за другим и по очереди подходили к Свамиджи, чтобы обнять его. Некоторых провожавших его женщин он погладил по голове.

В сопровождении Киртанананды, обритого наголо и одетого в черный шерстяной костюм, который совершенно не вязался с этой прической, Свамиджи медленно направился к выходу на посадку. Когда он скрылся из виду, преданные побежали на смотровую площадку, чтобы увидеть, как будет взлетать самолет.

На улице моросил мелкий дождик. Преданные наперегонки бежали через влажную смотровую площадку. Внизу они увидели Свамиджи и Киртанананду, направлявшихся к самолету. Забыв о приличиях, они стали громко кричать. Свамиджи обернулся и помахал им рукой. Он поднялся по трапу, на самом верху снова обернулся и поднял руки, а затем вошел в самолет. Преданные устроили неистовый киртан и пели до тех пор, пока трап не отъехал. Двери закрылись, и самолет стал разворачиваться. Преданные прилипли к перилам, но самолет обдал их горячей струей выхлопных газов, и им пришлось отойти назад. Со страшным ревом самолет компании «Эйр Индия» вырулил на взлетную полосу, мигая сигнальными огнями. Преданные продолжали петь мантру Харе Кришна, пока самолет не оторвался от земли и не превратился в маленькую точку в небе, а затем и вовсе скрылся из виду.

* * *

Новый Дели,
25 июля 1967 г.

Встретившее их тепло благотворно подействовало на Свамиджи. Именно за этим он и приехал сюда. В здании аэропорта вентиляторы разгоняли тяжелый, спертый воздух. Свамиджи и Киртанананда стояли в медленно движущейся очереди, ожидая, пока одетые в униформу индийские чиновники, у которых, в отличие от их собратьев на Западе, не было ни компьютеров, ни

сноровки, проверят их паспорта и таможенные документы. Сразу за границей зоны иммиграционного и таможенного контроля стояла толпа людей, которые пришли сюда, чтобы встретить своих друзей и родных. Они махали руками и окликали приехавших по именам, стараясь привлечь к себе их внимание.

Получив свой багаж и пройдя таможенный досмотр, Свамиджи и Киртанананда вышли из здания аэровокзала и встали на тротуаре. Свамиджи уже снял свитер, но Киртанананда по-прежнему парился в своем черном шерстяном костюме. Было два часа ночи. Только что прибывших пассажиров встречали любящие родственники и друзья; они обнимали их, иногда даже надевали на них гирлянды, усаживали их в такси или автомобили. Но Свамиджи здесь никто не ждал. Как разительно это отличалось от недавней трогательной сцены прощания в нью-йоркском аэропорту, где вокруг Свамиджи были те, кто любил его. Однако сейчас, вместо любящих учеников, его осаждали таксисты и носильщики, готовые за плату отнести его багаж к машине. На хинди Свамиджи попросил одного из таксистов довезти их до Чиппивады в Старом Дели. Тот поставил их вещи в багажник, а Свамиджи со своим учеником сели на заднее сиденье

Маленькое такси «амбассадор» ехало по улицам, знакомым Свамиджи с давних пор. Ночные улицы были пустынные, и только изредка по ним проезжало случайное такси или моторикша. Магазины были закрыты, лишь кое-где можно было увидеть случайного прохожего или спящую на тротуаре корову.

Всего несколько лет тому назад Свамиджи продавал на этих улицах журнал «Бэк ту Годхед», просил здесь пожертвования и печатал свой «Шримад-Бхагаватам». В те дни он был один, практически без денег и без крыши над головой. И все же он был счастлив, счастлив сознанием своей полной зависимости от Кришны.

Однако руководители Индии отвергли ведическую культуру и стали подражать Западу. И хотя некоторые индийцы до сих пор придерживались ведических традиций, они в большинстве своем были отравлены пропагандой лжеучителей, которые проповедовали отсебятину и не признавали Кришну Верховной Личностью Бога. Поэтому Бхактиведанта Свами чувствовал, что должен уехать отсюда и пересадить ведическую культуру на почву Запада. Он строго следовал наказу своего духовного учителя, и время доказало его правоту: для сознания Кришны Запад оказался самой подходящей почвой.

Когда такси проезжало через Старый Дели по дороге к Чоури-базару, Свамиджи увидел типографии и бумажные лавки, сейчас закрытые. В это время здесь не было обычного потока рикш, хотя сами рикши — двухколесные повозки — стояли по обочинам дороги, а их владельцы спали тут же под открытым небом, коротая на них ночь. Утром они выльют на себя ведро воды из колодца и снова впрягутся в лямку. Когда Бхактиведанта Свами наблюдал за тем, как печатали первый том его «Шримад-Бхагаватам», он каждый день ходил по этим улицам, покупал бумагу, забирал гранки из типографии и, уже

откорректированные, относил их обратно. Первая песнь была его большой победой.

От Чоури-базара отходят боковые улицы, которые ведут к узким переулкам Чиппивады. Металлические столбы преграждают туда путь автомобилям и рикшам. Водитель остановил машину на пустой улице и обернулся, чтобы получить плату. Свамиджи достал из бумажника сорок рупий (те самые, которые он привез с собой на корабле в Америку в 1965 году). Но водитель, взяв деньги, сказал, что сдачи не даст. Свамиджи запротестовал: проезд не стоит и половины всей суммы! Они стали громко препираться на хинди. Водитель спрятал деньги, так и не дав сдачи. Свамиджи понимал, что дозваться полицейского в столь поздний час будет нелегко. Хотя это было самым настоящим грабежом, Свамиджи в конце концов отпустил машину. Они с Киртананандой взяли свой багаж и, пройдя пешком один квартал, оказались у дверей храма Радхи-Кришны в Чиппиваде.

Дверь была заперта. Они принялись громко стучать, и Свамиджи стал звать Шри Кришну Пандита. Наконец на их зов вышел какой-то человек и, узнав Свамиджи, разрешил им войти. Он провел их наверх и отпер комнату Свамиджи. Свамиджи зажег свет.

Комната была пустой и пыльной. Лампочка, свисавшая с потолка, освещала ее резким светом. На полу возвышалась пирамида из цемента высотой около метра, указывавшая на место, под которым располагался алтарь и мурти Радхи и Кришны (чтобы кто-нибудь случайно не совершил оскорбления, пройдя над Божествами). В стенном шкафу стопками лежали отпечатанные страницы «Шримад-Бхагаватам», суперобложки «Бхагаватам» и бланки писем возможным членам Лиги преданных. Все здесь было так, как Бхактиведанта Свами оставил, уезжая.

«Это комната, в которой я написал „Шримад-Бхагаватам“, — сказал Свамиджи Киртанананде. — Здесь я спал, а здесь стоял мой примус и печатная машинка. Я спал и печатал, готовил пищу и снова печатал, спал и печатал опять». Киртанананде трудно было представить себе, что Свамиджи когда-то жил здесь, в этой убогой келье. В ней даже не было чисто.

Хотя Киртанананда совсем запарился в своем костюме и все время думал о том, когда же, наконец, снимет его, ему все же удалось раздобыть для Свамиджи тонкий матрас. Пришли два аюрведических врача. Они в один голос заявили, что у Свамиджи большое сердце, но опасность уже позади. Врачи дали ему лекарства и велели строго соблюдать режим еды, работы и отдыха. Пришел Шри Кришна Пандит посидеть, поговорить, и Свамиджи рассказал ему о своем успехе в Америке и о молодых преданных из Нью-Йорка и Сан-Франциско. Свамиджи поставил для Шри Кришны Пандита свою пластинку, и на ее звуки в комнату набилась целая толпа любопытных обитателей храма.

Вриндаван,
1 августа 1967 г.

Проведя шесть дней в Дели, Свамиджи поехал во Вриндаван, где поселился в своих старых комнатах в храме Радхи-Дамодары. Пробыв во Вриндаване всего один день и почувствовав себя немного лучше, Свамиджи стал строить планы, связанные с возвращением в Америку. «Я всегда думаю о вас», — писал он преданным, которых называл своими «дорогими учениками».

В Дели Свамиджи получил письмо от Брахмананды, в котором тот сообщал, что компания «Макмиллан» заинтересовалась публикацией его перевода «Бхагавад-гиты». Из Вриндавана Свамиджи написал Брахмананде, чтобы он немедленно подписал контракт от его имени. Свамиджи размышлял, что лучше: напечатать «Гиту» частным образом в Японии или в Индии, или же ждать, когда это сделает «Макмиллан». Его мало интересовали соображения престижа и финансовые преимущества публикации у «Макмиллана»; главной его заботой было напечатать книгу как можно скорее.

Свамиджи был все еще очень слаб, и Киртанананда каждый день делал ему массаж и заботился о нем, хотя сам смертельно уставал и еле двигался от жары. Тем не менее Свамиджи продолжал строить планы, один другого грандиознее и честолюбивее, которые предстояло осуществить только что появившемуся на свет Движению сознания Кришны. Он вслух размышлял о томах «Шримад-Бхагаватам», которые уже готовы к публикации — если бы «Макмиллан» взялся напечатать их, а его ребята смогли действовать от его имени. Ведь нужно столько всего сделать! Он хотел вернуться в октябре, чтобы проследить за всем самому.

Температура воздуха поднялась до 43 градусов, и Свамиджи с Киртананандой были вынуждены целыми днями сидеть в доме с закрытыми дверями, под вентилятором. Хотя Киртанананда едва справлялся со своими обязанностями, Свамиджи считал, что тепло вселяет в него силы и восстанавливает здоровье. Затем через неделю начались муссонные дожди, и жара спала.

В день Джанмаштами, 28 августа, Свамиджи дал Киртанананде санньясу, проведя обряд в храме Радхи-Дамодары. Таким образом, Киртанананда стал первым учеником Свамиджи, принявшим санньясу, — Киртананандой Свами. Как правило, санньясу дают людям, достигшим пятидесятилетнего возраста. Однако Свамиджи решил дать санньясу совсем молодому ученику, так как ему были крайне необходимы люди, готовые отдавать все свои силы и энергию проповеди сознания Кришны (то есть исполнять традиционные обязанности санньяси). Такие санньяси укрепят Движение сознания Кришны и распространят его по всему миру. Во время церемонии в храме собрались сотни людей, приехавших во Вриндаван на празднование дня рождения

Господа Кришны, и многие из них пришли поздравить юного санньяси. Кто-то сказал, что он похож на Господа Чайтанью. Свамиджи писал:

Скоро он вернется в Штаты и начнет проповедовать с еще большей энергией и успехом. А пока я постараюсь использовать этого "белого санньяси", чтобы сделать членами нашего Общества несколько индийцев.

В начале сентября во Вриндаван приехал Ачьютананда, соскучившийся по Свамиджи. Ачьютананду больше всего поразило то, в какой убогой обстановке живет Свамиджи во Вриндаване. Хотя в Нью-Йорке Свамиджи тоже носил простую одежду, он всегда имел царственный вид, всегда был гуру. Однако здесь он жил просто и скромно. Как-то раз он вышел из комнаты на веранду, чтобы вымыть руки, и все его тело тотчас облепили мухи. Киртанананду и Ачьютананду мухи просто сводили с ума (был сезон дождей), но Свамиджи как будто не замечал их и спокойно продолжал мыть руки.

Делясь друг с другом впечатлениями, Киртанананда и Ачьютананда сошлись в том, что Свамиджи был не просто одним из вриндаванских бабаджи. Таких, как он, больше не было. И уж конечно, Гаурачанд Госвами, владелец храма Радхи-Дамодары был совсем не такой, как Свамиджи. Он носил очки с толстыми линзами и едва видел сквозь них. Когда Киртанананда и Ачьютананда однажды пришли в храм на *даршан* к Божествам, Гаурачанд Госвами громко спросил их:

— Как они вам нравятся? Кто из них вам нравится больше всего?

— Они мне все нравятся, — сказал Ачьютананда.

— А мне нравится тот большой, с краю, — сказал *пуджари*, небрежно махнув рукой в сторону *мурти* Кришны. — Он чем-то напоминает мне генерала Чаудри.

Ученики Свамиджи переглянулись — что это за тип? — и вернулись к Свамиджи за разъяснениями.

«Это кастовые *госвами*», — объяснил Свамиджи. Шестеро Госвами, заложившие храмы во Вриндаване, например, Джива Госвами, основатель храма Радхи-Дамодары, поручили заботы о Божествах своим ученикам-домохозяевам. И эти кастовые *госвами* — потомки тех первых *пуджари*. Свамиджи также объяснил, что кастовые *госвами* являются владельцами храмов. Для них забота о храме и поклонение Божествам — это бизнес, на доходы от которого они содержат свои семьи. Всего несколько лет назад у каждого из Божеств, стоящих сейчас на алтаре, был собственный храм, земля, доходы и жрецы, но из соображений экономии *госвами* распродали недвижимость, упростили обряды поклонения и объединили Божества.

Во Вриндаване было также много других любопытных лиц: старая вдова Сараджини с обритой наголо головой, *шикхой* и мозолистыми босыми ногами, которая спала в комнате у ворот храма, подметала кухню Свамиджи и стирала ему одежду; Панчудас Госвами, сын владельца храма, который постоянно жевал бетель и целыми днями с заспанным видом слонялся по двору в

шелковом *дхоти* с красной вышитой каймой; темнокожий старый *бабаджи*, который приходил по вечерам, все время смеялся и делал для Свамиджи сандаловую пасту; местный врач-травник Ванамали Кавираджа, с неизменной широкой улыбкой восседающий за конторкой в крошечной комнатке, все стены которой сверху донизу были уставлены какими-то пузырьками, знаменитый пандит, который изредка навещался к Свамиджи и носил оправленные в золото бусы из *туласи* и перстни с бриллиантами. Все эти люди были преданными — жителями священного Вриндавана. Но никого из них нельзя было поставить в один ряд со Свамиджи.

Киртанананда Свами был даже разочарован тем, что во Вриндаване не оказалось ни одного человека, похожего на Свамиджи. Даже на земле, где все были индийцами и преданными, Свамиджи оставался неповторимым. Никто не был так же прост и серьезен, как он, никто не обладал такой способностью распознавать фальшь, ни к кому так не влекло сердца людей и никто не был так беззаветно предан Кришне. Вести их мог только он.

* * *

Регулярное лечение, массаж, отдых и тепло Вриндавана сделали свое дело: Свамиджи почувствовал, что выздоравливает. Уже в середине сентября он заявил, что на девяносто процентов готов к возвращению в Соединенные Штаты. Он предполагал вернуться в конце октября. В сопровождении Киртанананды Свами и Ачьютананды он покинул Вриндаван и, возвратившись в Дели, снова поселился в храме в Чиппиваде.

11 октября Свамиджи написал Брахмананде:

Наши книги должны быть напечатаны во что бы то ни стало; мы и так уже потеряли столько времени, занимаясь редактированием и поисками подходящего издателя. Когда я был один, я сумел опубликовать три тома, а за последние два года у меня не вышло ни одной книги. Это серьезное поражение. Если у меня будет одна или две искренние души, как ты, и если мы сможем напечатать другие книги, наша миссия увенчается успехом. Я готов сидеть под деревом даже с одной искренней душой. Так я смогу избавиться от всех своих болезней.

* * *

Узнав о том, что Свамиджи собирается скоро вернуться, преданные из разных городов Америки стали все более и более настойчиво просить его приехать в первую очередь в их город. Четвертого ноября Свамиджи написал Мукунде: «Ты говоришь, что мое отсутствие ощущается сейчас сильнее, чем когда бы то ни было, и я тоже считаю, что должен выехать немедленно». Жене Мукунды, Джанаки, он писал: «Каждую минуту я думаю о вас, и, поскольку вы попросили меня по возвращении из Индии приехать в Сан-Франциско, я

постараюсь исполнить свое обещание. Я думаю приехать сразу в Сан-Франциско». Под этим же письмом Ачьютананда внизу сделал приписку, сообщая о состоянии здоровья Свамиджи: «Свамиджи выглядит здоровым, он живет и работает по режиму, однако пульс у него продолжает оставаться учащенным. Прошлым вечером он доходил до 95 ударов в минуту — это слишком много даже для него, потому что обычно его пульс колеблется между 83 и 86».

Свамиджи решил больше не ждать, хотя если бы он подождал еще, то мог бы получить вид на жительство в США. «Я хочу вернуться в вашу страну, туда, где чистый воздух и чистая вода, — сказал он Ачьютананде. — Каждый день я получаю письма от преданных, которые хотят, чтобы я вернулся в Америку. Я думал, что в мое отсутствие они собьются с пути, и даже не хотел ехать в Индию. Но теперь я вижу, что Движение сознания Кришны ширится день ото дня. Мне необходимо быть там и самому следить за его развитием. Поэтому я хочу вернуться в Америку».

Ожидая Свамиджи в Сан-Франциско, Мукунда для уверенности послал в Калькутту телеграмму: «Свамиджи, Брахмананда и я согласны, чтобы вы выезжали немедленно. Сообщите дату приезда. Мукунда».

Свамиджи решил лететь через Токио, где собирался остановиться на один день, чтобы узнать, «есть ли возможность открыть там центр». Из Токио он позвонит Мукунде и сообщит ему время своего приезда в Сан-Франциско. Но прошло уже три недели, а Свамиджи все ждал «пи-форму» — разрешение от Банка Индии на выезд за границу.

Тем временем из Нью-Йорка пришли хорошие новости. Компания «Макмиллан» по-настоящему заинтересовалась «Бхагавад-гитой», они начали обговаривать условия контракта. Довольный Брахманандой, Свамиджи написал ему 11 ноября письмо, делаясь с ним своими планами распространения книг по философии сознания Кришны.

Если у нас будут книги, мы сможем из одного центра в Нью-Йорке или Сан-Франциско распространить нашу религию по всему миру. Поэтому мы должны направить все свои усилия на издание «Бэк ту Годхед» и таких ведических произведений как «Шримад-Бхагаватам», «Чайтанья чаритамрита» и т. д...

Чем больше Свамиджи думал о проповеднической деятельности, которая ожидала его в Америке, тем яснее видел, что он сделал до сих пор, что должен сделать еще и как это можно сделать. Когда же наконец наступил день отъезда, Свамиджи дал последние наставления Ачьютананде, который оставался в Индии, чтобы проповедовать здесь сознание Кришны.

— Молись Господу Кришне, чтобы я смог поехать в Америку, — попросил он Ачьютананду

— Как я могу? Ведь тогда вы покинете меня.

— Нет, — возразил Свамиджи, — если ты будешь помнить мои наставления, мы всегда будем вместе. Проповедуя, ты станешь сильнее и сможешь глубже понять то, чему я тебя учил. Стоит нам перестать проповедовать, как все потускнеет и утратит жизнь. Даже здесь, в Индии, люди думают, что знают все, но на самом деле это далеко не так. Слушать о Кришне можно бесконечно. Бог безграничен. Так что никто не вправе заявлять: «Я знаю о Боге все». Тот, кто говорит, что знает о Боге все, на самом деле не знает ничего. Поэтому люди будут слушать тебя. Ничего не бойся.

Для пассажиров и экипажа самолета Свамиджи был обыкновенным пожилым индийцем, одетым в шафрановые одежды. Сначала стюардессы даже не знали, говорит ли он по-английски, но, когда Свамиджи попросил у них фруктов, они поняли, что он знает английский, и он им очень понравился. Он спокойно сидел, надев очки, и читал старинную книгу, какое-то индийское писание, не отрываясь от нее часами, или начинал шевелить губами, перебирая пальцами индийские четки в полотняном мешочке; время от времени он отдыхал, укрывшись пледом и закрыв глаза.

Никто не знал, да и не хотел знать, что он делает, никто даже не подозревал, что горячие молодые сердца с нетерпением ждут его в Сан-Франциско и что издательство «Макмиллан» в Нью-Йорке собирается опубликовать его английский перевод «Бхагавад-гиты». Не знали они и того, что у него уже есть проповеднические центры в двух странах и он планирует открыть их повсюду в мире. Пока тянулись часы полета, Свамиджи терпеливо сидел на своем месте, читая на четках мантру и думая о Кришне.

После десятичасового перелета самолет приземлился в Сан-Франциско. Вместе с другими пассажирами Свамиджи прошел к выходу. Еще до того как Свамиджи дошел до здания аэровокзала, он, спускаясь по длинному приставному туннелю, увидел Говинду даси и других учеников, которые улыбались и махали ему руками из-за стеклянной стены. Когда он вошел в здание аэровокзала и подошел к стеклу, его ученики попадали на колени, выражая ему свое почтение. Когда они подняли головы, он улыбнулся им и продолжил свой путь по коридору, а они пошли вместе с ним с другой стороны стеклянной перегородки. Вскоре, однако, он потерял их из виду, когда стал спускаться по лестнице, чтобы пройти иммиграционный и таможенный контроль.

Помещение на нижнем этаже, где пассажиры проходили досмотр, тоже было отгорожено стеклом, так что Свамиджи мог видеть, как его с нетерпением ожидают более пятидесяти преданных и друзей. Поймав на себе его взгляд, они хором прокричали: «Харе Кришна!»

Преданным казалось, что Свамиджи выглядит замечательно. За шесть месяцев, проведенных в Индии, он загорел, помолодел и выглядел еще более неземным. Он улыбался и победно поднимал руки, приветствуя их. Преданные плакали от счастья.

Стоя в очереди на таможенный досмотр, Свамиджи услышал киртан, который устроили преданные; стекло только отчасти заглушало звук.

Таможенники не обращали на пение никакого внимания, хотя связь между ликующими певцами и одетым в шафрановые одежды пассажиром заметить было совсем нетрудно.

Свамиджи ждал в очереди, время от времени поглядывая на поющих учеников. С собой у него был только один чемодан, который он предъявил таможеннику для досмотра. Таможенник методично проверил его содержимое: хлопчатобумажные *сари* для девушек, шелковые гирлянды для Джаганнатхи, *карталы*, шафрановые *дхоти* и *курты*, терка для кокосового ореха и маленькие пузырьки с аюрведическими лекарствами.

«Что в них?» — осведомился таможенник. Пузырьки выглядели подозрительно, и он подозвал другого таможенника. Задержка. Ученики Свамиджи заволновались, видя, как тупоголовый таможенник роется в вещах Свамиджи, открывает плотно закрытые пузырьки, нюхая и проверяя их содержимое.

Таможенники как будто остались довольны. Свамиджи попытался закрыть чемодан, но не смог справиться с молнией. Опять задержка. Сгорая от нетерпения, преданные продолжали петь и наблюдали, как стоявший позади Свамиджи джентльмен помогает ему закрыть чемодан.

Свамиджи прошел к стеклянным дверям. Пение становилось все громче. Как только он шагнул за дверь, какой-то преданный затрубил в раковину, и ее рев разнесся по всему залу. Преданные надели на него гирлянды, и, окружив его плотной толпой, со всех сторон протягивали ему цветы. Он оказался в их толпе, как любимый отец оказывается в объятиях соскучившихся по нему детей.

4 - В каждом городе и деревне

Пробыв несколько недель в Сан-Франциско, Свамиджи отправился в Лос-Анджелес; небольшая группа его учеников открыла там храм, арендовав помещение магазинчика в квартале, где жили негры и испанцы среднего достатка. Храмовая комната была совершенно пустой, а сам дом стоял на отшибе. Свамиджи пробыл там два месяца: читал лекции, проводил киртаны, давая своим ученикам силы и вселяя в них вдохновение. Шум в голове по-прежнему мешал ему работать, но в теплом, солнечном климате Южной Калифорнии он чувствовал себя хорошо и продолжал переводить «Шримад-Бхагаватам».

В мае, через несколько месяцев после своего отъезда из Лос-Анджелеса, Свамиджи впервые посетил центр ИСККОН в Бостоне, где также обнаружил несколько учеников, обосновавшихся в помещении бывшего магазинчика. Там, в Бостоне, Свамиджи принял имя «Прабхупада». Диктуя однажды письмо своему секретарю, Прабхупада заметил, что обращение с суффиксом «джи» — не слишком уважительное обращение.

— Тогда почему же мы называем вас Свами-джи? Как нам следует вас называть?

— К духовному учителю, — ответил Свамиджи, — обычно обращаются, называя его Гурудев, Вишнупада или Прабхупада.

— Можно, мы будем называть вас Прабхупада?

— Да.

Поначалу некоторые преданные не хотели расставаться с привычным «Свамиджи», в которое они вкладывали всю свою любовь и привязанность к духовному учителю.

— Я слышал, что нам нельзя больше называть вас «Свамиджи». Это правда? — спросил как-то утром на прогулке один из его учеников.

— Кто вам это сказал? — тут же отозвался Прабхупада.

— Говорят, будто вы сказали, что это не слишком уважительное обращение, и нам больше не следует вас так называть.

— Я ничего подобного не говорил.

— Значит, мы по-прежнему можем называть вас «Свамиджи»?

— Да, конечно.

Однако слово «Свамиджи» скоро исчезло из обихода, а в «Бэк ту Годхед» появилось следующее пояснение.

ПРАБХУПАДА

В ведических религиозных кругах титул «Прабхупада» выражает высшую степень почтения. Так обращаются к великим святым, перед которыми

преклоняются другие святые. Это слово фактически имеет Два значения. Одно из них — тот, у стоп (пада) которого находится много Прабху (слово «прабху» значит «господин»; ученики гуру употребляют его при обращении друг к другу). Второе значение — тот, кто всегда пребывает у лотосных стоп Кришны (верховного господина). В цепи ученической преемственности, по которой сознание Кришны передается человечеству, было несколько учителей, духовные достижения которых были столь велики, что им присваивали титул «Прабхупада».

Шрила Рупа Госвами Прабхупада исполнил волю своего духовного учителя, Шри Чайтаньи Махапрабху, поэтому он и его сподвижники Госвами носят титул Прабхупада. Шрила Бхактисиддхант Сарасвати Госвами Тхакур исполнил волю Шрилы Бхактивиноды Тхакура, и потому его также называют Прабхупадой. Наш духовный учитель, Ом Вишнупада 108 Шри Шримад Бхактиведанта Свами Махараджа выполнил указание Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Госвами Прабхупады и принес послание любви к Кришне на Запад, поэтому смиренные слуги Его Божественной Милости из разных центров движения санкиртаны, которые следуют по стопам Шрилы Рупы Госвами Прабхупады, чувствуют необходимость обращаться к Его Милости, нашему духовному учителю, называя его Прабхупадой, и он великодушно дал на это свое согласие.

Монреаль,
август 1968 года

Шрила Прабхупада беседовал у себя в комнате с несколькими своими учениками.

— Ну что, Аннапурна, есть какие-нибудь новости? — спросил он.

Аннапурна — молодая девушка, англичанка. Несколько месяцев назад ее отец написал из Англии о том, что если преданные приедут туда, то он, может быть, предоставит в их распоряжение свой дом.

— Да, — ответила она.

— Итак, каковы теперь наши планы? — она явно о чем-то умалчивала. — Что тебе пишет отец? Может ли он нас чем-нибудь обнадежить?

— Да, он старается обнадежить меня, но говорит, что, если мы приедем туда, он не сможет пустить нас к себе.

Прабхупада был разочарован.

Ну, что ж, ничего не поделаешь. Значит, такова воля Кришны. Когда мы кому-нибудь проповедуем, то должны стоять перед ним, смиренно сложив ладони, и говорить: «Мой господин, пожалуйста, примите сознание Кришны».

— Прабхупада, — заговорил Прадьюмна, — я недавно читал книгу одного известного *свами*-атеиста.

— Правда?

— В конце книги помещено несколько писем, я их просмотрел...

— Нам нет никакого дела до книг *свами*-атеиста, — сказал Прабхупада.

— Его философию я не читал, — стал оправдываться Прадьюмна, — я только хотел узнать, какими приемами он пользовался, когда жил в Америке. Он решил поехать в Европу, и у него был богатый покровитель, который за полтора месяца объехал Францию, Англию, Германию, Швейцарию, Голландию, организовал для *свами* лекции, а затем вернулся назад. Этот *свами* в основном так и ездил. У него было один-два влиятельных поклонника, которые все для него устраивали. Они организовывали для него лекции, подготавливали общественное мнение...

— Ты сможешь так все организовать? — спросил Прабхупада.

— Я подумал вот о чем: в Лондоне есть Королевское Азиатское общество. Кажется, Тхакур Бхактивинода был его членом.

— Но где *санга* [общество] самого Тхакура Бхактивиноды? — спросил Прабхупада.

— Его нет, — продолжал Прадьюмна, — но все же можно поискать людей, с которыми вы могли бы вступить в переписку и которые захотели бы финансировать ваши поездки.

Этот *свами*, говорил ли он что-нибудь о Кришне? — спросил Прабхупада.

— Нет.

Прабхупада задумался. Остановиться в Англии ему будет негде. Прадьюмна может сколько угодно разглагольствовать о влиятельных покровителях, которые приезжают раньше и все устраивают, да только где их взять? Пока что у него есть лишь одна застенчивая девушка, которая даже рот боится раскрыть и отец которой не собирается им помогать, да еще Прадьюмна, читающий книги *свами*-атеиста и рассуждающий о Королевском Азиатском обществе, — то есть ничего реального. Тем не менее Прабхупада не собирался отказываться от своих планов. Некоторое время назад он попросил Мукунду и Шьямасундари отправиться в Лондон и попробовать открыть там центр ИСККОН. Они согласились и через несколько дней должны были приехать в Монреаль из Сан-Франциско.

Духовный учитель Прабхупады, Шрила Бхактисиддхант Сарасвати, хотел распространить сознание Кришны в европейских странах. Еще в тридцатые годы он отправил в Лондон своих самых опытных проповедников-санньяси, но те вернулись с пустыми руками. *Млеччхов* невозможно научить сознанию Кришны, жаловались они. У европейцев не хватает терпения даже на то, чтобы высидеть лекцию по вайшнавской философии.

И тем не менее Прабхупада верил, что его ученики добьются успеха и помогут ему основать центры ИСККОН в Европе, так же как они сделали это в Северной Америке. Разумеется, их успех несказанно обрадует Шрилу Бхактисиддханту Сарасвати. Прабхупада рассказал им притчу о человеке, который увидел на дороге бутылочную тыкву, поднял ее, затем нашел палку и струну и тоже подобрал их. Сами по себе эти вещи были бесполезны. Но, соединив тыкву, палку и проволоку, человек сделал *вину* и начал играть, извлекая из нее чудесные звуки. Точно так же Прабхупада, приехав на Запад, подобрал нескольких отверженных молодых людей, да и сам он тоже был

отвергнут жителями Нью-Йорка. Однако по милости Кришны их союз оказался удачным. Если его ученики сохраняют искренность и будут следовать его указаниям, в Европе их ждет успех.

Три супружеские пары — Мукунда и Джанаки, Шьямасундара и Малати (со своей маленькой дочкой Сарасвати), а также Гуру-дас и Ямуна — приехали в Монреаль, горя желанием поскорее отправиться в Лондон. Эти супружеские пары основали храм в Сан-Франциско, где у них была возможность очень близко общаться со Шрилой Прабхупадой. Они помогли Прабхупаде познакомить хиппи Хейт-Эшбери с киртаном, *прасадом* и Ратха-ятрой. Теперь они хотели помочь ему принести сознание Кришны в Лондон.

Прабхупада попросил их побыть с ним в Монреале одну-две недели, чтобы он научил их, как нужно вести киртан. Пение мантры Харе Кришна — не театральное представление, это выражение религиозных чувств, и надлежащим образом вести киртан могут только чистые преданные, а не профессиональные музыканты. Но, если ученики Прабхупады смогут искусно исполнять киртан, лондонцам будет легче по достоинству оценить сознание Кришны.

Даже в Индии, поправляясь после болезни, Прабхупада все время думал о том, как он вернется в Америку и продолжит начатое там дело. Индийцы, казалось, стремились только к одному — удовлетворять свои чувства, подражая американцам. Однако многие молодые американцы, разочаровавшиеся в богатстве своих отцов, не хотели жить в небоскребах или продолжать отцовское дело. Живя в Нью-Йорке и Сан-Франциско, Прабхупада видел, что тысячи молодых людей ищут альтернативу материалистическому образу жизни. Разочарованные в жизни, они были готовы к тому, чтобы воспринять духовное знание.

Его ученики, которые все еще оставались неофитами, ничего не знали о духовной жизни и зачастую очень мало знали о материальной. Но, поскольку они искренне приняли сознание Кришны, Прабхупада был уверен, что их недостатки не помешают их духовному совершенствованию. Красивые от природы, эти американские юноши и девушки выглядели сейчас грязными и угрюмыми, их красота была скрыта пеленой невежества. Однако мантра Харе Кришна постепенно возвращала их к жизни, подобно тому как муссонные дожди возвращают к жизни землю Вриндавана, одевая ее покровом свежей листвы и травы. И подобно павлинам во Вриндаване, которые порой танцуют, охваченные восторгом, преданные, освободившись от материальных оков, в экстазе танцуют и поют святые имена Господа. Когда один репортер спросил у Прабхупады: «Ваши ученики — хиппи?» Прабхупада ответил: «Нет, мы не хиппи, мы — хэппи [счастливые]».

Шрила Прабхупада был не просто путешествующим лектором или официальным наставником, он был духовным отцом своих учеников. Они считали его своим настоящим отцом, и он видел, что они преданы ему и любят его гораздо сильнее, чем члены его собственной семьи. Эти молодые

американцы — «цвет нации», как называл их Прабхупада, — получили благословение Господа Чайтаньи и несли его своим соотечественникам. Прабхупада говорил, что его американские ученики спасут свою страну. Он дал им метод, но применить его они должны были сами.

Шрила Прабхупада любил своих учеников, и они любили его. Из любви к ним он дарил им величайшее сокровище, а они из любви к нему следовали его указаниям. В этом заключается сущность духовной жизни. И их любовь была залогом роста Движения сознания Кришны в будущем. Некоторые из его учеников пали, вернувшись к прежнему образу жизни. Но Прабхупада искал те искренние души, которые останутся с ним до конца. Это самое главное, говорил он. Одна луна затмевает множество звезд на небосклоне. Подобно этому, даже горстка искренних преданных может совершить чудеса. Искренние и разумные останутся, и Господь Чайтанья Махапрабху даст им силы исполнить Его желание — принести миру любовь к Кришне. Идя этим путем, преданные достигнут совершенства. Многие ученики чувствовали, что это происходит уже сейчас. Сознание Кришны приносило плоды, потому что они относились к духовной практике искренне и потому что Шрила Прабхупада заботливо и терпеливо возвращал молодые побеги трансцендентного любовного служения, которые посадил в их сердцах.

Нью-Йорк,
9 апреля 1969 г.

Прабхупада отправился в Нью-Йорк, колыбель Общества сознания Кришны, где его Движение росло и развивалось уже около трех лет. Хотя центр давно встал на ноги и его книги распространялись, Прабхупаде все равно приходилось время от времени наведываться туда, чтобы поддержать преданных. Его присутствие придавало им решимости и отваги. Семь месяцев они жили и проповедовали без него, но его визиты — когда он сидел в своей комнате, тепло и сердечно общаясь с ними, — были для них жизненно необходимыми. Ничто не могло сравниться с этими задушевными встречами.

Много преданных, новых и старых, собралось в квартире Прабхупады на Второй авеню, в доме номер 26.

— Был у меня один репортер, — сказал Прабхупада, — он задавал мне вопросы, а потом написал статью «Свами — маленький человек, но исполняет великую миссию». Так оно и есть. Я — маленький. Но моя миссия совсем не маленькая.

Брахмананда показал Прабхупаде глобус со значками, которыми были отмечены центры ИСККОН.

— Недавно открылся еще один, в Северной Каролине, — сказал он.

— Значит, всего их стало пятнадцать? — спросил Прабхупада.

Улыбаясь, он оглядел преданных.

— Я хочу, чтобы каждый из вас основал по центру. Разве это так трудно? Возьмите с собой *мридангу*. К вам присоединится кто-нибудь еще, он возьмет

карталы. Когда я приехал сюда, Брахмананда и Ачьютананда танцевали. А после пения мантры Харе Кришна сотни людей придут к вам и с удовольствием будут петь и танцевать вместе с вами.

— Это касается и девушек? — спросила Рукмини.

— Какая разница? — ответил Прабхупада. — Кришна не делает различий — женское платье или мужское. Я имею в виду, что женское тело слабее, но в духовной жизни тело значения не имеет. Супруга Господа Нитьяланды, Джахнави-деви, проповедовала после Его ухода. Прежде всего вы должны изучить философию. Вы должны уметь отвечать на вопросы. Кришна даст вам разум. Я ведь тоже не был готов отвечать на все эти вопросы, но Кришна дал мне разум.

Пробыв в Нью-Йорке восемь дней, Прабхупада отправился в Буффало. В университете штата Нью-Йорк в Буффало Рупануга вел официальный курс Кришна-йоги, и к нему записалось около шестидесяти студентов, которые регулярно повторяли на четках мантру Харе Кришна. Там Прабхупада пробыл несколько дней, прочел несколько лекций и дал посвящение ученикам, после чего отправился в Бостон, чтобы совершить еще несколько обрядов посвящения и свадебных церемоний.

Новый Вриндаван,
21 мая 1969 г.

В сопровождении Киртанананды Свами и Хаягривы Прабхупада отправился на ферму Новый Вриндаван, расположенную в горах Западной Виргинии. Когда их автомобиль застрял на соседнем поле неподалеку от входа на территорию фермы, Прабхупада решил последние три километра пройти пешком. На ферму вела грунтовая дорога, грязная от недавно прошедшего дождя, однако даже она вскоре кончилась, и Прабхупада вместе со своими двумя проводниками пошел по тропинке, петлявшей по лесу.

Стояла середина мая, а листья на деревьях еще только распускались. Солнце, пробиваясь сквозь ветви, яркими бликами ложилось на ковер из фиолетовых флоксов. Прабхупада быстро шагал впереди Киртанананды Свами и Хаягривы, которые едва поспевали за ним. Тропа то и дело пересекала извилистый ручей, и Прабхупада перебирался через него, ступая по камням. По этой дороге, заметил он, нетрудно проехать на воловьей упряжке. Лес был похож на джунгли, именно таким он его себе и представлял.

В прошлом году в переписке с Киртананандой Свами и Хаягривой Прабхупада постоянно возвращался к теме Нового Вриндавана. В этой переписке был намечен курс на развитие сельскохозяйственных общин в ИСККОН. Прабхупада говорил, что хочет, чтобы эти общины были основаны на ведических традициях; люди в них будут жить просто, держать коров и обрабатывать землю. Преданным предстояло воплотить его идеи в жизнь, а на это уйдет немало времени. Но с самого начала они должны строить свою жизнь по принципу «жить просто и мыслить возвышенно». Поскольку община

будет отрезана от города, жизнь в ней поначалу может показаться не слишком комфортабельной и даже аскетичной. Однако жизнь в такой общине будет течь мирно и спокойно, в ней не будет тревог, присущих противоестественной жизни урбанизированного общества, основанного на тяжелом труде ради чувственных удовольствий. И самое главное, члены такой общины будут служить Кришне и повторять Его имя.

Прабхупада говорил мало, он быстро и уверенно шагал по тропинке, словно был у себя дома. Они остановились у ручья, и Прабхупада присел на одеяло, которое Киртанананда Свами и Хаягрива расстелили для него на траве.

— Мы остановились из-за Киртанананды, — сказал Прабхупада. — Он устал.

Напившись воды из ручья и немного отдохнув, Прабхупада и его спутники продолжили свой путь.

Дорога сделала поворот, и на склоне холма Прабхупада увидел вырубку. У подошвы холма стоял небольшой каркасный дом и коровник. Эти ветхие строения, как объяснил Хаягрива, были единственными постройками на тридцати гектарах земель Нового Вриндавана. Поскольку машины здесь не ездили, все дороги заросли высокой травой. У старого дома росла раскидистая ива. Поселение являло собой картину безмятежной патриархальной жизни.

Прабхупаде понравился простой образ жизни в Новом Вриндаване, и его радовала любая, даже самая обыкновенная вещь, которую предлагали ему преданные. Они подали ему молочную кашу из пшеничной крупы свежего помола, и он сказал, что каша была восхитительной. Увидев на кухне земляной пол, покрытый коровьим навозом, он с удовлетворением заметил, что все это напоминает ему индийскую деревню.

Комната, в которой его поселили, находилась в мансарде, прямо над храмовой комнатой, и она тоже понравилась Прабхупаде. Он достал маленькие Божества Радхи-Кришны, с которыми путешествовал последние полтора месяца, и его слуга Девананда соорудил на столике у стены маленький алтарь. Тем временем Прабхупада сделал из двух чемоданов рабочий стол, поставил на него портрет своего духовного учителя и вернулся к привычному распорядку дня.

Ближе к полудню ему делали массаж во дворе, после чего там же, стоя под импровизированным душем, он омывался теплой водой. Киртанананда Свами готовил для Прабхупады его обычный обед — *дал*, рис и *чапати*, добавив к ним растущий в этих местах лаконос. Прошлым летом Киртанананда Свами и Хаягрива собрали и закатали в банки ежевику, из которой теперь готовили для Прабхупады *чатни*. *Чапати* делались из свежемолотой пшеничной муки. Обед готовили на печи, которую топили дровами. Лучшим топливом для кухонной печи, говорил Прабхупада, является навоз, за ним идут дрова, газ и наконец электричество.

Большую часть дня Прабхупада проводил на воздухе, под хурмой, росшей метрах в тридцати от дома. Здесь он сидел и читал за низким столом, который

сколотил один из преданных. Часто он поднимал глаза от книги и глядел вдаль — на горный кряж, возвышавшийся на другой стороне долины, — туда, где лес сливался с небом.

Ближе к вечеру преданные собирались под хурмой вокруг Прабхупады и беседовали с ним, пока не садилось солнце. В том, что Прабхупада живет с ними, они видели практическое доказательство важности Нового Вриндавана. Если он, величайший преданный, вполне доволен, живя простой жизнью в этой лесной глуши и имея возможность повторять мантру Харе Кришна, то они должны следовать его примеру.

Сравнивая Новый Вриндаван с Вриндаваном в Индии, Прабхупада говорил, что Новый Вриндаван в некотором смысле даже лучше индийского, поскольку там сейчас живет слишком много мирских людей. Пятьсот лет назад, когда Госвами, последователи Господа Чайтаньи, проводили раскопки в местах игр Кришны во Вриндаване, там жили только чистые преданные. Но в последние годы во Вриндаван стали отовсюду стекаться материалисты и имперсоналисты. Но Новый Вриндаван будет принимать только тех, кто стремится жить духовной жизнью. В ведические времена, говорил Прабхупада, все были довольны и счастливы, живя именно так — в небольшой деревушке на берегу какой-нибудь реки. Фабрики и заводы были не нужны Прабхупада хотел, чтобы весь мир принял ведический образ жизни, и Новый Вриндаван должен был стать образцом такого образа жизни на благо всех людей на земле.

Телефона в Новом Вриндаване не было, а за почтой приходилось идти три километра пешком. В этом отношении, говорил Прабхупада, Новый Вриндаван ничем не отличался от индийского Вриндавана — современных удобств не было ни там, ни тут. Однако, с точки зрения вайшнавской философии, утверждавшей, что современные удобства не стоят хлопот, связанных с их приобретением, все эти «трудности» были на самом деле преимуществами. Преданный довольствуется тем, что ему дарует природа, а все свое время и силы отдает духовной практике.

Единственная корова в Новом Вриндаване была смешанной породы, черно-белой масти, и звали ее Калия. Прабхупада пил ее молоко утром, днем и вечером. «В последний раз я пил такое молоко шестьдесят пять лет назад», — сказал он. Когда-нибудь, предсказывал Прабхупада, в Новом Вриндаване будет много коров, и у них будет так много молока, что оно, вытекая из вымени, будет увлажнять пастбища. Люди на Западе не понимают, какой великий грех они совершают, убивая коров, и ничего не знают о тяжелых кармических последствиях этого греха, говорил он. Однако Новый Вриндаван продемонстрирует миру, что люди должны заботиться о коровах и питаться их молоком, а не убивать их и есть их мясо. Опыт Нового Вриндавана должен будет показать все социальные, моральные и экологические преимущества такого образа жизни.

Прабхупада хотел, чтобы преданные построили в Новом Вриндаване коттеджи; он хотел, чтобы там было много домов, даже если вначале это будут

примитивные постройки. Он набросал план простого строения из обожженной глины. Он хотел также открыть школу, где детей будут воспитывать в сознании Кришны; лучшим местом для такой школы, говорил он, является деревня. «Город создан человеком, а деревня — Богом», — любил повторять Прабхупада, перефразируя английского поэта Купера. Школьников нужно учить чтению, письму, арифметике и в то же время прививать им сознание Кришны, чтобы в будущем они стали чистыми преданными. В своих играх они будут подражать играм Кришны и Его друзей-пастушков: один из них будет делать Кришне массаж, а другой бороться с Ним — все, как в духовном мире. Женщины в Новом Вриндаване, говорил Прабхупада, будут присматривать за детьми, убирать храм, готовить пищу для Божеств и сбивать масло.

У него было много планов, связанных с развитием Нового Вриндавана, и он давал преданным лишь семена идей, опуская детали. «Развивайте их, как подсказывает вам сердце», — говорил Прабхупада Киртанананде Свами. Идеальная ведическая община, члены которой сами обеспечивают себя пищей и всем необходимым для жизни, — вот что хотел создать Прабхупада на этой земле. Если преданные в Новом Вриндаване не будут сами обеспечивать себя, говорил он, занимать такой большой участок земли не имеет никакого смысла.

Еще до своей поездки в Новый Вриндаван Прабхупада сказал Киртанананде Свами и Хаягриве, что они должны построить на этой земле семь храмов. Эти семь храмов будут называться так же, как главные храмы в старом Вриндаване: храмы Мадана-Мохана, Говиндаджи, Гопинатхи, Радхи-Дамодары, Радха-Раманы, Шьямасундары и Радхи-Гокулананды. Прабхупада сказал, что он сам позаботится о Божествах Радхи-Кришны для каждого из этих храмов.

Отъезд Прабхупады из Нового Вриндавана был неизбежен: письма из Лондона, Лос-Анджелеса и Сан-Франциско звали его в дорогу. В день отъезда Прабхупады преданные Нового Вриндавана шутили с ним, делая вид, что не позволят ему уехать. Киртанананда дошел до того, что пригрозил перегородить дорогу. Но Прабхупада одернул его: «Ты не должен так вести себя со своим духовным учителем».

Сопровождаемый Киртананандой Свами и преданными из Нового Вриндавана Прабхупада шел по лесной тропинке. Окрестности Нового Вриндавана утопали в зелени, летний воздух был горяч и влажен. Прабхупада шел молча. Он приехал сюда, чтобы воодушевить своих учеников, но увиденное воодушевило его самого. Тут текла простая деревенская жизнь, какой жил Сам Кришна. Пока преданных здесь был немного, но по милости Кришны когда-нибудь сюда приедут и другие.

Прабхупада и Киртанананда Свами шли по тропинке рядом. Они почти не разговаривали, но понимали друг друга без слов. Прабхупада не стал давать ему много конкретных указаний: несколько слов, оброненных в беседе или на

прогулке, жест, выражение удовольствия или озабоченности на лице. Тем не менее Киртанананда Свами понимал, что Новый Вриндаван очень дорог его духовному учителю и таким же дорогим он должен стать для него самого. Прабхупада заверил его в том, что, поскольку преданные Нового Вриндавана повторяют мантру Харе Кришна, служат Божествам и заботятся о коровах, Кришна благословит их и пошлет им успех. Община уже добилась успеха, но Кришна и дальше будет устранять с пути преданных все препятствия и трудности.

Пройдя три километра, Прабхупада, окруженный своими учениками, остановился возле автомобиля, который должен был отвезти его в аэропорт в Питсбурге, откуда он полетит в Лос-Анджелес. Его чемоданы, которые привезли на запряженной лошадью повозке, погрузили в багажник машины, и Прабхупада сел на заднее сиденье. Под возгласы «Харе Кришна!» и «Прабхупада!» автомобиль выехал на шоссе, а Прабхупада продолжал повторять на четках мантру Харе Кришна.

* * *

Прабхупада регулярно получал известия от шести учеников, которых он послал в Лондон. У них почти не было денег, и им пришлось поселиться парами отдельно друг от друга в разных частях города. Главным источником вдохновения были для них письма Прабхупады. Они постоянно перечитывали письма с его указаниями и мечтали о том дне, когда он сам приедет к ним в Лондон. Если в Сан-Франциско проповедовать сознание Кришны было для них удовольствием, то в Англии им с каждым днем становилось все труднее и труднее. Будучи иностранцами, преданные не имели права устроиться на работу, а знакомых у них почти не было. Лишенные возможности жить вместе, они все же старались, как могли, поддерживать в себе моральный дух и сознание Кришны.

И вот в самую трудную для лондонских преданных пору, в середине зимы, в их жизни наступил счастливый перелом: они познакомились с одним из «битлз» — Джорджем Харрисоном. Преданные уже давно думали о том, как привлечь внимание «Битлз» к мантре Харе Кришна. Однажды они отправили в студию звукозаписи «Битлз», «Эппл» [«Яблоко»], яблочный пирог, на котором было написано «Харе Кришна», в другой раз послали туда заводное шагающее яблоко с напечатанной на нем мантрой Харе Кришна. Они даже послали им магнитофонную запись одного из своих киртанов и получили из студии «Эппл» стандартный отказ. Поэтому, когда Шьямасундара неожиданно познакомился с одним из самых популярных рок-музыкантов мира, легендарным Джорджем Харрисоном, преданные решили, что эту встречу устроил для них Сам Кришна.

Шьямасундара, с обритой головой и в вайшнавской одежде, сидел в приемной студии «Эппл», где все время толпился народ. Он надеялся, что ему представится случай переговорить с кем-нибудь, кто был хоть как-то связан с

«Битлз». В это время по лестнице спускался Джордж Харрисон, освободившийся после очередного совещания. Войдя в комнату, он увидел Шьямасундара. Подойдя к нему и сев рядом, Джордж спросил: «Где же вы были раньше? Я уже целых два года пытаюсь встретиться с людьми из Харе Кришна».

Шьямасундара и Джордж проговорили целый час, а вокруг них все время сновали люди. «Я действительно искал встречи с вами, — сказал Джордж. — Хочешь, приходи завтра ко мне домой?»

На следующий день Шьямасундара отправился к Джорджу на обед, где встретился с остальными «Битлз»: Ринго Старром, Джоном Ленноном и Полом Маккартни. У каждого из них были вопросы, но особенный интерес проявлял Джордж.

Джордж: *У меня была пластинка «Харе Кришна», на которой Шрила Прабхупада с преданными пел мантру Харе Кришна. Пластинка эта была у меня уже года два. А купил я ее в ту же неделю, когда она вышла. Я был готов к этому. Так всегда бывает — рано или поздно ты натыкаешься на то, что неосознанно ищешь. Я проигрывал ее снова и снова. Мы слушали ее вместе с Джоном. Помню, мы целыми днями пели мантру, Джон и я, под гавайское банджо, когда плавали у греческих островов, — мы пели Харе Кришна. Так что я начал петь мантру Харе Кришна задолго до того, как встретил Шьямасундара, Гуру-даса и Мукунду. Мне просто нравилось слушать мантру Харе Кришна, и я был счастлив от того, что у меня есть эта пластинка.*

И про Прабхупаду я тоже знал, потому что внимательно прочел все, что было написано на конверте. Я бывал в Индии, и по тому, как преданные были одеты, по их бритым головам мог сказать, откуда они пришли. Я видел их на улицах Лос-Анджелеса и Нью-Йорка. Я прочитал множество книг и все время пытался найти йогов, так что я смотрел на преданных не так, как другие. Нет, я все понимал, я знал, что это очень нелегко, они гораздо аскетичнее, чем другие группы — они совсем не пьют кофе и чая, не едят шоколада.

Шьямасундара стал регулярно встречаться с Джорджем, и вскоре они подружились. Джордж, который в то время повторял мантру, полученную от Махариши-Махеш Йоги, впервые услышал от Шьямасундары о бхакти-йоге и ведической философии. Беседуя со Шьямасундарой, Гуру-дасом и Мукундой, он откровенно говорил о своих духовных поисках и своем понимании кармы.

Джордж: *Один йог, с которым я познакомился в Индии, сказал мне: «Тебе и в самом деле повезло, у тебя есть все — молодость, слава, богатство, здоровье, и тем не менее тебе этого мало. Ты хочешь знать о чем-то еще». Большинство людей даже не достигают того уровня развития, на котором человек начинает понимать, что за этой стеной есть что-то еще. Они лишь стараются взобраться на эту стену, чтобы вкусно есть, иметь уютный дом, все удобства и так далее. Но мне повезло больше, я уже обрел все это и осознал: жизнь не сводится только к этому, — тогда как большинство людей всю свою жизнь проводят в погоне за материальными благами.*

После посещения Хейт-Эшбери в 1967 году Джордж почувствовал на себе вину за ту роль, которую сыграл в распространении культуры ЛСД. До этого ему казалось, что хиппи в Хейт-Эшбери — творческие, ищущие люди, но, когда он увидел их, одурманенных наркотиками, грязных и отчаявшихся — «филиал Бауэри на Западном побережье», — он почувствовал, что во всем этом есть доля его вины. Он решил, что использует свое влияние на молодежь и будет писать и исполнять песни о чем-то более высоком, нежели психоделические наркотики и секс. В нем также проснулся интерес к индийской духовности, который, как он чувствовал, был результатом кармы, накопленной за предыдущие жизни.

Джордж: С Кришной я чувствую себя как дома. Думаю, это идет из какой-то предыдущей жизни. Когда я впервые услышал об этом, у меня было такое ощущение, словно передо мной открывается дверь, но все это было похоже на головоломку, и мне надо было сложить разрезанные кусочки вместе, чтобы получить законченную картину. Именно это и происходило, когда я встречался с преданными и со Свами Бхактиведантой, когда кто-то из преданных давал мне книгу и когда я слушал этот альбом. Так понемногу все начало складываться воедино.

Вот почему я сразу тепло отнесся к Шьямасундаре и Гуру-дасу, когда они впервые приехали в Лондон. Скажем прямо: если мне когда-нибудь придется выбирать, с кем быть, то я уж лучше буду с этими ребятами, чем с кем-то другим. Вот так. Я буду скорее с преданными, чем с так называемыми добропорядочными людьми, которые так гордятся своей «правильностью».

Джордж вызвался помочь преданным приобрести в Лондоне собственное здание. Он и Шьямасундара говорили о том, что неплохо было бы записать пластинку с мантрой Харе Кришна. Но Шьямасундара старался не давить на него.

Когда Прабхупада услышал о Джордже, он очень серьезно отнесся к возможности его полного обращения в сознание Кришны. Доводя это до логического конца, Прабхупада уже видел мировую революцию в сознании людей — во главе с сознающими Кришну «Битлз».

Из твоего письма я понял, что мистер Джордж Харрисон сочувствует нашему Движению, поэтому, если Кришна и в самом деле доволен им, он сможет присоединиться к нам и распространять движение санкиртаны по всему миру. Волею судьбы «Битлз» оказались в центре внимания всех людей соседних европейских стран и Америки. Его привлекает наше движение санкиртаны, и, если мистер Джордж Харрисон возьмется организовать большую группу санкиртаны, в которую войдут «Битлз» и преданные из ИСККОН, мы, несомненно, сможем изменить лицо мира, измученного махинациями политиканов.

Подружившись с Джорджем, лондонские преданные стали с еще большим волнением ждать приезда в Лондон Прабхупады. Теперь, когда с ним хотел встретиться человек, знаменитый во всем мире, они чувствовали, что у них

есть еще одна возможность угодить Прабхупаде и что их проповедь в Лондоне увенчается успехом.

Благодаря своему знакомству с сознанием Кришны, а также собственному духовному развитию, Джордж стал выражать преданность Господу Кришне в своих песнях. Читая «Бхагавад-гиту как она есть» с комментариями Прабхупады, он осознал превосходство личностной концепции Бога над безличной. Гуру-дас показал Джорджу стих в «Гите», где Кришна говорит о том, что Он является основой безличного Брахмана. Джорджу нравилась философия сознания Кришны, но из осторожности он не спешил выказывать безраздельную преданность Прабхупаде и Кришне. Преданные вели себя с ним соответственно, стараясь не докучать ему.

11 января Шрила Прабхупада написал преданным в Лондон еще одно письмо, в котором поделился новыми мыслями о том, как Джорджу лучше всего служить Кришне.

Я очень рад, что мистер Харрисон сочиняет такие песни, как «Господь, которым мы так долго пренебрегали». Он человек вдумчивый. Когда мы встретимся, я объясню ему, что означает разлука с Кришной, и они смогут сочинять песни, которые наверняка понравятся людям. Эти песни нужны всем и, если они будут написаны и исполнены такими кумирами публики, как «Битлз», их ожидает огромный успех.

Позднее Джордж запишет несколько таких песен. Его песня «Мой нежный Господь» целых два месяца лидировала в Америке среди сорокапяток, а альбом «Жизнь в материальном мире», который разошелся миллионным тиражом, в течение пяти недель удерживал первое место в хит-параде, проводимом английским журналом «Билборд».

Прабхупада предостерегал преданных, советуя им не полагаться только на помощь Джорджа, а попробовать самим найти и снять дом. Однако Джордж искренне хотел помочь преданным и снова предложил им записать пластинку на студии «Эппл». Лондонские преданные давно уже мечтали о том, чтобы «Битлз» записали пластинку с пением мантры Харе Кришна. Если бы «Битлз» сделали это, мантра, несомненно, стала бы известна во всем мире. Идея Джорджу понравилась, но он предпочитал, чтобы мантру пели преданные, а он выпустит пластинку под маркой «Эппл». «Пусть лучше деньги достанутся вам, ребята, а не нам, — сказал он. — Давайте делать пластинку».

И вот преданные отправились к Джорджу домой, чтобы сделать пробу. Джордж записал наложением гитару. Через несколько недель преданные пришли снова и прослушали запись. Джордж был готов сделать пробу в студии, и преданные договорились встретиться с ним и с его другом, музыкантом Билли Престоном, в студии «Трайидент» на Сент-Энз-Элли. Проба продолжалась несколько часов и прошла успешно. Джордж и Шьямасундара назначили день настоящей записи.

В день записи около двенадцати преданных, в том числе несколько новичков-англичан, собрались в студии звукозаписи фирмы ЭМИ на Эбби-Роуд. Когда первая группа преданных подъехала к студии на «мерседесе» Джорджа, толпа подростков запела мантру Харе Кришна на мотив, ставший популярным благодаря рок-мюзиклу «Волосы». Пока Ямуна рисовала на лбах у инженеров звукозаписи вайшнавские *тилаки*, Малати принялась распаковывать корзины с *прасадом*, которые привезла с собой, а другие преданные развесили на стенах изображения Кришны и зажгли благовония. Студия «кришнаизировалась».

Пол Маккартни и его жена Линда сели за пульт, и запись началась. Работа спорилась, и первая сторона сорокапятки была готова меньше чем за час. Джордж играл на органе, а Мукунда на *мриданге*. Ямуна солировала, Шьямасундара подпевал, а голоса остальных сливались в стройном хоре. Чтобы не сбиться, преданные медитировали на Прабхупаду и просили его послать им духовную силу.

На четвертой пробе все прошло гладко. В самом конце Малати неожиданно для себя ударила в медный гонг. Затем они записали обратную сторону пластинки — молитвы Шриле Прабхупаде, Господу Чайтанье и Его спутникам, а также молитвы, обращенные к шести Госвами. Позже Джордж наложением записал бас-гитару и другие голоса. Все — преданные и техники — остались очень довольны. «Успех обеспечен», — пообещал Джордж.

* * *

Пластинку запустили в производство, а преданные вернулись к своим обычным занятиям. Жили они по-прежнему в разных районах города. Прабхупада собирался приехать в начале сентября. Он сказал, что сначала поедет в Гамбург, а оттуда в Лондон, и обещал приехать, даже если у преданных к тому времени еще не будет храма. Однако всего за два месяца до приезда Прабхупады дело чудесным образом сдвинулось с мертвой точки.

Гуру-дас повстречал агента по продаже недвижимости, который предложил им здание на Бери-Плейс, недалеко от Британского музея. Преданные могли переехать немедленно. Идеальное расположение, сорок один фунт в неделю и возможность немедленного переезда — словом, лучше не придумаешь. Мукунда послал Прабхупаде письмо с просьбой дать деньги на первоначальный взнос. Прабхупада согласился. Шьямасундара получил письмо от Джорджа на бланке корпорации «Эплл» с заверением в том, что фирма «Эплл» гарантирует платежи в том случае, если преданные не смогут выполнить свои финансовые обязательства. Через неделю у преданных уже было пятиэтажное здание в самом центре Лондона.

Однако, когда преданные переехали в свой новый центр на Бери-Плейс, городские власти заявили, что у них неправильно оформлены цокументы на вселение. Бюрократическая волокита грозила затянуться на недели, а то и на месяцы. У преданных снова не было места, где они могли бы жить и вместе

поклоняться Кришне. Но Шьямасундара, уверенный в том, что все будет в порядке, начал ремонтировать в их будущем доме храмовую комнату, обшивая ее калифорнийской секвойей.

Узнав о положении преданных, Джон Леннон сказал Шьямасундаре, что преданные могут расположиться у него в Титтенхерсте, большом поместье под Аскотом, которое он не так давно приобрел. Он собирался там кое-что перестроить, и, если преданные помогут ему сделать ремонт, он позволит им жить в своем поместье. «Наш гуру тоже сможет остановиться там?» — спросил Шьямасундара.

Джон согласился, и преданные въехали в бывший флигель для прислуги в усадьбе Джона.

Всего за несколько недель до приезда Прабхупады вышла пластинка «Харе Кришна мантра». Фирма «Эппл» сама позаботилась о рекламе, привезла журналистов и фотографов. В ярко раскрашенном автобусе они подкатили к бело-голубому павильону, где собрались преданные вместе с Джорджем.

В первый же день было продано семьдесят тысяч экземпляров. Через несколько недель преданные появились в популярном телевизионном шоу «Топ оф зэ попс» и исполнили «свою песню».

Поместье Джона Леннона, ранее принадлежавшее семейству Кэдбери, занимало шестнадцать гектаров лугов и леса и состояло из большого особняка и многочисленных служебных построек. Джон со своей женой Йоко жил в большом доме, а Прабхупаде и преданным они отвели узкое здание, в котором раньше жила прислуга. В здании было четыре квартиры, и в нем поселилось около пятнадцати преданных; одну квартиру они оставили для Прабхупады и его слуги. Ленноны уже не в первый раз принимали у себя преданных. Несколькими месяцами раньше, в мае, преданные вместе с Джоном и Йоко пели мантру Харе Кришна в их номере-люкс монреальского отеля «Куин Элизабет».

Джон хотел, чтобы преданные ободрали дубовые панели со стен в большом доме и заменили их на новые, а полы выложили черно-белой мраморной плиткой. Когда преданные начали ремонт, Ишана, который только что приехал из Канады, вместе с несколькими помощниками принялся переделывать старый концертный зал в храм, где должна была стоять *вьясана* Прабхупады. Над квартирой Прабхупады, храмовой комнатой и *вьясаной* преданные трудились днем и ночью. Они работали с таким рвением, что Джон и Йоко не могли не заметить, как сильно они любят своего духовного учителя. Когда преданные отправляли Прабхупаде в Германию магнитофонную запись, Ишана спросил Джона, не хочет ли он что-нибудь сказать их гуру. Улыбнувшись, Джон ответил, что хотел бы узнать секрет Прабхупады — как ему удалось завоевать такую любовь своих учеников.

Итак, сцена была готова. Настало время выхода главного героя. Чистый преданный Господа Кришны наконец прибывал в Англию. Шесть преданных, пионеров сознания Кришны в Лондоне, приложили к этому немало усилий. Зато теперь казавшаяся когда-то несбыточной мечта становилась

реальностью. Они нашли для Прабхупады жилье и приобрели храм в центре Лондона. Это было благословением Господа Кришны.

* * *

11 сентября 1969 г.

Совместно с фирмой звукозаписи «Эппл» и немецкой авиакомпанией «Люфтганза» преданные организовали встречу Прабхупады в лондонском аэропорту Хитроу. Когда он спустился по трапу самолета, его посадили в автомобиль и доставили в помещение для почетных гостей, минуя пограничные и таможенные формальности. Когда Прабхупада вышел из автомобиля, преданные выбежали из здания аэровокзала и пали ниц прямо на мокрый тротуар, а Шрила Прабхупада с улыбкой глядел на них. Преданные поднялись, отряхиваясь, и радостной толпой окружили Прабхупаду, который вошел в помещение для гостей.

Сквозь толпу преданных к нему протиснулись журналисты: «Что вы думаете об этом приеме?»

Прабхупада: «Мне все равно, как люди принимают меня. Меня больше интересует, как они принимают наше Движение. Это волнует меня больше всего».

Преданные, хором: «Харибол!»

Репортер: «Это какой-то особый прием или же вам оказывают такие почести каждый день?»

Прабхупада: «Нет, куда бы я ни приехал, меня везде встречают мои ученики. В странах Запада у меня около двадцати центров, главным образом в Америке. Вот почему американские юноши и девушки так рады мне. В Лос-Анджелесе и Сан-Франциско они устроили мне великолепный прием. На празднике Ратха-ятра около десяти тысяч юношей и девушек шли за мной целых одиннадцать километров».

Преданные: «Харибол!»

Корреспондент газеты «Сан»: «Чему вы пытаетесь учить, сэр?»

Прабхупада: «Я пытаюсь учить тому, о чем вы забыли».

Преданные (со смехом) «Харибол! Харе Кришна!»

Корреспондент «Сан»: «Чему же именно?»

Прабхупада: «Тому, что Бог существует. Одни из вас говорят, что Бога нет. Другие утверждают, будто Он умер. А третьи заявляют, что Бог является чем-то безличным или представляет собой пустоту. Все это чушь. Я хочу убедить всех неразумных людей в том, что Бог существует. В этом заключается моя миссия. Вы можете прийти ко мне с любой чепухой, и я докажу вам, что Бог есть. В этом смысл деятельности нашего Движения сознания Кришны. Мы бросаем вызов атеистам: Бог существует. Как мы с вами видим друг друга и общаемся друг с другом, так и с Богом можно встретиться лицом к лицу, если вы достаточно искренни и серьезны. Это вполне возможно. Но вы, к

сожалению, стараетесь забыть о Боге. Поэтому в вашей жизни так много страданий. Вот я и проповедую: осознайте Кришну и будьте счастливы. Не позволяйте безумным волнам *майи*, иллюзии, увлечь вас в бездну».

Журналисты спрашивали Прабхупаду о Билли Грэхеме, о высадке на Луну, о войне в Ирландии и о том, где сейчас его жена и дети. Они попросили его повернуться к ним лицом и защелкали фотоаппаратами. Поблагодарив его, они разошлись.

Прабхупада вышел из здания аэропорта и направился к сверкающему белому «роллс-ройсу», который любезно предоставил ему Джон Леннон. Прабхупада сел, скрестив ноги, на заднем сиденье. Лимузин был с затемненными стеклами и телевизором в салоне. Преданные были так возбуждены, что никто из них даже не догадался сесть в машину вместе с Прабхупадой, и шофер повез его в Титтенхерст одного. Всю дорогу Прабхупада сидел молча, лишь временами было слышно, как он читает мантру, а шофер так же молча вел машину по извилистой дороге, увозя его из аэропорта.

Вот он и в Англии. Его отец, Гоур Мохан, всегда противился тому, чтобы он ехал в Англию. Как-то один из дядьев Прабхупады сказал Гоуру Мохану, что его сын должен поехать в Англию, чтобы выучиться на адвоката. Но Гоур Мохан не согласился с ним. Если его сын поедет туда, эти люди, которые едят мясо, пьют вино и помешаны на сексе, могут оказать на него дурное влияние. Однако теперь, семьдесят лет спустя, Прабхупада все же приехал в Лондон — но не для того, чтобы на него повлияли англичане, а чтобы самому повлиять на них. Он приехал научить их тому, о чем они забыли.

Начало было благоприятным, Кришна проявил к нему особую благосклонность. Когда он жил в Нью-Йорке один без гроша в кармане, он считал это милостью Кришны. А теперь он ехал по Англии в роскошном лимузине с личным шофером, и это тоже было милостью Кришны. Видя в этой поездке часть плана Кришны, Прабхупада сосредоточил все свои мысли на исполнении воли своего духовного учителя, независимо от того, как сложатся обстоятельства.

Прабхупада приехал в поместье раньше своих учеников. Но те, кто остался в усадьбе, радостно встретили его и провели в комнату, приготовленную для него на втором этаже флигеля для слуг. В небольшой комнате было прохладно и сыро, там стоял низкий рабочий стол, и весь пол был застлан коврами, принесенными из других комнат. Смежная комната была еще меньше и совсем пустой. Прабхупада присел к столу. «А где же все?» — спросил он. Откинувшись к стене и взглянув в окно, он увидел, что идет дождь.

После полудня Джордж, Джон и Йоко заглянули к преданным. К тому времени Прабхупада уже пообедал, и Шьямасундара пригласил их навестить его. Джордж обернулся к Джону и спросил: «Хочешь пойти к нему?» Бородатый, в очках, с волосами до плеч, хозяин Титтенхерста согласился. Проявила любопытство и Йоко. Все трое прошли в комнату Прабхупады.

Встретив гостей благосклонной улыбкой, Прабхупада, сидевший за столом, пригласил их войти и сесть. К нему пришли двое самых знаменитых людей Англии, и Кришна хотел, чтобы он поговорил с ними. Прабхупада снял с себя гирлянду и передал Шьямасундаре, указав, чтобы он повесил ее Джорджу на шею.

— Спасибо, — сказал Джордж. — Харе Кришна.

Прабхупада улыбнулся:

— Это благословение Кришны.

— Харе Кришна, — повторил Джордж.

— Да, — сказал Прабхупада, — В «Бхагавад-гите» есть стих: *йад йад ачарати шрештхас тат тад эвтаро джанах / са йат праманам куруте локас тад анувартате*. Смысл этого стиха в том, что обыкновенные люди всегда следуют примеру великих личностей. *Йад йад ачарсти шрештхах*. *Шрештхах* значит «великие люди». *Ачарати* — «делают». Что бы ни делали великие люди, остальные всегда подражают им. Если великий человек говорит, что это хорошо, то все остальные соглашаются с ним и тоже начинают считать, что это хорошо. По милости Господа вы стали лидерами, кумирами тысяч молодых людей. Они любят вас. Так что, если вы дадите им что-нибудь по-настоящему хорошее, мир изменится к лучшему.

Хотя Джордж и Джон были приблизительно того же возраста, что и большинство учеников Прабхупады, он считал их *шрештхами*, лидерами, которых уважают и с которыми считаются в обществе. «Вы тоже стремитесь дать миру мир, — продолжал Прабхупада. — Время от времени я читаю ваши высказывания. Вы так же озабочены, как и все. Каждый добродетельный человек должен стремиться к тому, чтобы дать миру мир. Нужно только знать, как это сделать». Он объяснил им «формулу мира», изложенную в «Бхагавад-гите»: обрести подлинный мир может только тот, кто признает Верховную Личность Бога владельцем всего сущего, целью всех жертвоприношений и другом каждого живого существа.

Затем со всей прямоотой Прабхупада сказал двум «битлз» то, на что раньше только намекал: им следует изучить философию сознания Кришны и помочь распространить ее во всем мире. «Я прошу вас, по крайней мере постарайтесь как можно глубже вникнуть в эту философию, — сказал он. — Если она вам понравится, примите ее. Вы ведь тоже хотите что-то дать миру. Попробуйте дать миру это знание. Вы читали наши книги, „Бхагавад-гита как она есть“?»

Джон: «Я читал отрывки из "Бхагавад-гиты", но не знаю, чей это был перевод Переводов так много».

Прабхупада: «Да, все переводы разные, поэтому мы и подготовили это издание — „Бхагавад-гита как она есть“».

Прабхупада сказал, что материальный мир — это юдоль страданий. Природа жестока. В Америке президента Кеннеди считали самым удачливым и счастливым человеком, его уважали и почитали во всем мире. «Но в какую-то долю секунды, — Прабхупада громко щелкнул пальцами, — его не стало. Все здесь бrenно. Где он теперь? Если жизнь вечна, если живое существо

вечно, то куда он отправился? Что он делает? Счастлив он или страдает? Где он родился, в Америке или в Китае? Этого не знает никто. Несомненно только одно: он — вечная душа, и потому продолжает существовать».

Прабхупада рассказал им о переселении душ. И снова обратился к ним с просьбой: «Постарайтесь понять эту философию и, если она вам понравится, примите ее. Вы ведь стремитесь к чему-то прекрасному. Как вы находите мое предложение?» Оба «битлз» переглянулись, но ничего не ответили. Прабхупада, довольный, тихо рассмеялся. «Вы умные ребята. Попробуйте разобраться сами».

Прабхупада спросил гостей, какой философии они следуют.

— Следуем? — переспросил Джон.

— Мы ничему не следуем, — сказала Йоко. — Мы просто живем.

— Мы занимались медитацией, — сказал Джордж. — Точнее, я занимаюсь медитацией, мантра-медитацией.

Они стали задавать вопросы — такие вопросы Прабхупада слышал уже много раз. После того как Прабхупада рассказал им о природе Брахмана, вездесущей духовной энергии Верховной Личности Бога, Йоко выразила сомнение в том, что Брахман может сохранять чистоту и не деградировать со временем. Прабхупада посоветовал ей серьезно изучать ведическую философию, чтобы глубже понять ее смысл.

Джону и Йоко, убежденным эклектикам, трудно было согласиться с тем, что Прабхупада говорил об авторитете Вед.

Джон: «Нам нужно еще все просеять, как песок, чтобы увидеть, кто же в конце концов прав».

Прабхупада: «Нет. Постарайтесь понять одно. Почему эти люди — если Кришна не является высшим авторитетом, — почему они берут книгу Кришны и переводят ее? Подумайте сами».

Джордж: «Я не говорил, что Кришна не является Всевышним. Я верю в это. Здесь какое-то недоразумение, связанное с переводом „Гиты“ с санскрита на английский. Я уже говорил, что есть много переводов, и я думаю, мы поняли так, будто вы хотите сказать, что только ваша версия, ваш перевод является авторитетным, а другие — нет, но у нас не было расхождений по поводу того, кем является Кришна».

Прабхупада: «Хорошо. Если вы верите, что Кришна — Верховный Господь, если вы придерживаетесь этого мнения, значит, вам надо посмотреть, кто сильнее всех привязан к Кришне. Один человек круглые сутки прославляет Кришну, а другой не говорит о Нем ни слова. Разве такой человек может считаться преданным Кришны? Разве тот, кто не хочет даже произнести имя Кришны, может называть себя Его представителем? Если Кришна — истинный авторитет (с чем вы согласны), то те, кто непосредственно связан с Кришной, также являются авторитетами».

Беседа длилась более часа, после чего Прабхупада раздал Джону, Джорджу, Йоко и преданным, которые находились в комнате, *прасад*. Если эти *шреষ্ঠхи* примут сознание Кришны, это принесет благо им и многим другим

людям. Он исполнил свой долг, дал им такую возможность. Он рассказал им об учении Кришны, а принять его или отвергнуть — решать им самим.

Джон сказал, что его ждут дела, извинился и направился к выходу. Когда все вышли, Йоко, спускаясь по лестнице, повернулась к Джону и сказала: «Посмотри, как просто он живет. А ты бы так смог?»

* * *

Преданные часто встречались с Джоном и Йоко. Джон, который поначалу был заинтересован только в деловом партнерстве с преданными, со временем проникся к ним симпатией, однако его друзья советовали ему держаться подальше от Свами и его учеников. Поэтому он избегал близкого общения с ними.

Ишана дас: Я работал на кухне, а Джон сидел за пианино. У него на кухне стояло пианино, большое такое пианино, с которого соскоблили весь лак, оставив лишь голое дерево. Так вот, он сидел за пианино и, импровизируя, пел мантру Харе Кришна. Он был действительно великим музыкантом и играл мантру Харе Кришна в самых разных стилях: «блю-грасс», классическом, в стиле рок-н-ролл и многих других. Он совершенно свободно переходил от одной манеры к другой, все время напевая мантру Харе Кришна. У него это получалось совершенно естественно, и видно было, что в музыке он настоящий гений. Таким образом он меня развлекал, да и ему самому это доставляло огромное удовольствие. И тут, в самый разгар этой вдохновенной музыкальной импровизации, этого пения мантры Харе Кришна, на кухне появилась его жена Йоко Оно в пеньюаре, или как он там называется, и страдальческим тоном произнесла: «Ради Бога, Джон, у меня просто раскалывается голова. Пожалуйста, прекрати и пойдем со мной наверх».

Джордж был другим. Его влекло к Прабхупаде. Когда один из преданных спросил его: «Почему из всех „битлз“ только вы заинтересовались сознанием Кришны?» — Джордж ответил: «Это моя карма. Духовность — одна из особенностей моего знака Зодиака».

Джордж Харрисон: Прабхупада выглядел именно так, как я его себе представлял. Перед встречей с ним я испытывал смешанное чувство страха и благоговения. Но что мне понравилось в нем позднее, когда я стал чаще встречаться с ним — это то, что он относился ко мне скорее как к другу. Я чувствовал себя с ним легко и свободно, гораздо лучше, чем вначале, потому что во время нашей первой встречи я не понимал, о чем он говорит, и мне казалось, что я слишком мирской даже для того, чтобы просто находиться рядом с ним. Но потом я расслабился и мне с ним стало гораздо легче. Он же всегда был очень сердечен со мной. Нельзя сказать, что он разговаривал со мной как-то по-особому, не так, как с другими. Он всегда говорил только о Кришне, неважно, кто был перед ним в данный момент. Когда бы мы ни встретились с ним, он всегда оставался самим собой. Не так, что один раз он

скажет вам повторять мантру Харе Кришна, а в следующий раз говорит: «Ах, нет, я ошибся», — нет, он всегда оставался самим собой.

Видеть его всегда было для меня удовольствием. Иногда я забежал к нему, даже если не собирался этого делать, я все равно заходил, полагая, что просто должен зайти, и всегда после встречи с ним у меня было очень хорошо на душе. Я чувствовал, что он проявляет ко мне личный интерес. Каждая встреча с ним доставляла мне удовольствие.

Джорджа влекло к Кришне, и он любил петь мантру Харе Кришна. Еще до встречи с Прабхупадой он кое-что узнал о Кришне от Махариши-Махеш Йоги, из автобиографии Парамахамсы Йогананды и из своего путешествия по Индии. Однако только после бесед с Прабхупадой он смог понять, что Господь Кришна является Абсолютной Истиной и началом всех начал.

Джордж: Прабхупада помог мне понять этот разносторонний метод, дающий человеку возможность приблизиться к Кришне. Например, прасад. Я думаю, прасад — очень важная вещь, даже если это всего лишь тактический прием. Как в той пословице: путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Ну что ж, даже если это путь к вечной душе человека — так или иначе, метод действует. Что может быть лучше: вы пели и танцевали или просто сидели и разговаривали, и вдруг вам подносят угощение? Это как благословение. А потом вы учитесь касаться Его или вкушать Его, и это тоже очень важно.

Кришна безграничен. Я был благодарен Прабхупаде уже за то, что он беседует со мной и обрушивает на меня весь этот поток новой информации. Даже когда сопротивляется ум, все это — тоже Кришна. Больше ничего и не нужно знать, достаточно знать, что все есть Кришна. Этот мир — тоже Его материальная энергия, Его вселенская форма. В книгах Прабхупады есть иллюстрации — Кришна в сердце собаки, коровы и человека. Это помогает вам осознать, что Кришна находится в сердце каждого живого существа.

Хотя Прабхупада, вероятно, учил и неким высшим аспектам философии, но из всего, что он говорил, лично я вынес более глубокое понимание того, что Кришна пребывает везде и во всем. Прабхупада рассказывал о различных аспектах Кришны и давал человеку возможность везде и всюду видеть Кришну как личность. Я имею в виду, что на свете нет ничего, что не было бы Кришной.

Прабхупада считал Джорджа «славным юношей» и преданным Кришны. Согласно «Бхагаватам», какое бы положение ни занимал человек в материальном мире, если он не является преданным Господа и никогда не произносит святых имен Бога, у него не может быть никаких достоинств. Многие свами и йоги в Индии, даже те, кто считает себя вайшнавами, не верили в святые имена Кришны и не понимали их важности. Однако Джордж любил петь мантру Харе Кришна и включал святое имя Кришны в свои песни, которые пользовались огромной популярностью во всем мире. Таким образом, сочиняя музыку, он служил Кришне, и это отличало его от остальных.

Мистер Джордж Харрисон производит впечатление очень умного юноши и к тому же Милостью Кришны очень удачливого. В первый день он пришел ко мне вместе с Джоном Ленноном, и мы беседовали около двух часов. Он хотел поговорить со мной еще, но сейчас уехал к своей больной матери в Ливерпуль.

Прабхупада не мог не видеть, что Джордж богат, а Господь Чайтанья строго наказывал преданным, отрекшимся от мира, избегать общения с мирскими людьми. Но вместе с тем Господь Чайтанья учил, что преданный должен пользоваться любой возможностью для того, чтобы распространить сознание Кришны.

Если этот юноша будет помогать нашему Движению, это может стать для нас хорошим подспорьем, ведь, в конце концов, он человек со средствами. В духовной жизни с богатыми людьми следует обращаться крайне осторожно. Иногда нам приходится иметь с ними дело в интересах проповеди. Строго говоря, Господь Чайтанья Махапрабху запрещал преданным в сознании Кришны общаться с подобными людьми, однако у нас есть указание Рупы Госвами о том, что для распространения сознания Кришны мы должны пользоваться любой благоприятной возможностью.

Прабхупада вел себя с Джорджем осмотрительно, и вместе с тем просил его повторять святое имя, принимать *прасад* Господа и посвятить Ему все свое творчество.

Джордж: Прабхупада никогда не говорил, что я должен перестать заниматься тем, чем я занимаюсь. Я слышал, что время от времени он говорил своим ученикам, что я — хороший преданный, ему нравились мои песни и многое другое из того, что я делал. Мне он этого никогда не говорил, но я часто слышал об этом от других. Мне также очень нравилось то, что я не чувствовал с его стороны никакого давления, он никогда не требовал, чтобы я присоединился к Движению и посвятил сознанию Кришны все свое время. Думаю, если бы он все время давил на меня и говорил: «Почему бы тебе не бросить все, что ты делаешь, и не поселиться в одном из наших храмов?» — это только все испортило бы. Он ни разу не дал мне понять, что я другой, что я не из их круга. Никогда он не говорил ничего подобного.

Я считаю себя, так сказать, преданным в штатском. Это факт. Свои отношения с ним я видел так: я должен помогать, когда и чем могу, поскольку я знаком со многими влиятельными людьми. Так общаются между собой все воспитанные люди — вы просто что-то пытаетесь сделать и чем можете помогаете друг другу.

Он всегда был доволен мной, потому что я всегда старался чем-нибудь помочь ему. Я имею в виду не помощь храму Кришны как таковому, а вообще все духовное, что я делал — мои песни или что-то еще — все это радовало Прабхупаду. Он относился ко мне очень дружелюбно. Он всегда повторял имя

Кришны; иногда он и меня просил это делать — все время или как можно чаще повторять мантру Харе Кришна. Думаю, как только человек начинает постоянно повторять мантру, он сразу ощущает на себе ее благотворное воздействие.

Есть такие гуру, которые всем дают понять, какие они важные, но Прабхупада говорил: «Я — слуга слуги слуги Кришны», — и это было действительно так. Он никогда не говорил: «Я — самый великий» или «Я — Господь Бог» и тому подобное. Он всегда считал себя слугой, и мне это очень нравилось. Я думаю, это признак духовности. Чем больше знает человек, тем глубже он понимает, что он слуга. А чем меньше он знает, тем легче ему возомнить себя даром Божьим всему человечеству.

Так что, хотя он был очень сильной и духовно развитой личностью, в нем всегда жило необыкновенное смирение и скромность. И я думаю, что это — самое важное, потому что, встречаясь с ним, человек учился не столько слушая то, что он говорит, сколько на его примере, глядя на то, как он живет и что делает.

Прабхупада со своим окружением и Джон и Йоко со своим, представляли собой поистине странное сочетание. Через два дня после приезда Прабхупады в Титтенхерст Джон и Йоко улетели в Канаду выступать с «Плэстик Оно Бэнд» на фестивале «Возрождение рок-н-ролла» на стадионе «Варсити» в Торонто. В октябре Джон и Йоко записали «Свадебный альбом» и начали работу над фильмом "Цирк рок-н-ролла", а Джон записал «Колд турки»^[6]. Джон по природе своей был человеком застенчивым, но преданные, работавшие в усадьбе, скоро поняли, что у него доброе и щедрое сердце. Он приглашал преданных навсегда поселиться в Титтенхерсте и на его ферме. Все, что у него есть, говорил Джон, он готов разделить с ними. В конце концов Прабхупада и его ученики уехали из поместья, но их беседы с Джоном в Титтенхерсте нашли отражение в песне «Мгновенная карма», написанной Джоном приблизительно в это время.

* * *

Несмотря на то что в квартире Прабхупады и в храме на Бери-Плейс еще продолжался ремонт и царил шум и беспорядок, Прабхупада решил все же въехать туда. «Мне не нужна комфортабельная квартира, — сказал он. — Я хочу только одного — жить вместе с преданными». Он переехал в храм в то время, когда пластинка шла плохо, и преданным приходилось покупать все необходимое по частям, когда у них появлялись деньги. Но, поскольку с ними вместе жил Прабхупада, который наблюдал за их работой, они были вполне довольны и счастливы.

Однажды им позвонил некий господин Доял, представлявший в Лондоне крупное индуистское общество. Он сказал им, что слышал, будто преданным нужны Божества Радхи-Кришны. У него как раз были такие Божества, которые

он мог бы пожертвовать. Услышав это, Прабхупада немедленно отправил Тамала-Кришну, Мукунду и Шьямасундара к господину Доялу домой посмотреть Божества.

Изваяния Радхи и Кришны из белого мрамора были около метра высотой. Никогда до этого преданные не видели таких больших Божеств. Они почтительно склонились перед Ними. Когда преданные вернулись в храм и рассказали о Божествах Прабхупаде, он воскликнул: «Сию же минуту везите меня туда!»

Шрила Прабхупада вместе с Шьямасундарой, Мукундой и Тамала-Кришной подъехали к дому господина Дояла на автофургоне. Прабхупада вошел в гостиную и сел. Божества, покрытые тканью, стояли на столе в углу комнаты. Тамала-Кришна хотел было снять с Них покрывало, но Прабхупада остановил его: «Не нужно. Оставь так». Прабхупада сидел и разговаривал с господином Доялом, расспрашивая его о работе, о том, где он жил в Индии. Господин Доял познакомил его со своей семьей. Прабхупада непринужденно беседовал с хозяином, а преданные слушали.

— Свамиджи, — сказал наконец господин Доял, — я хочу показать вам свои Божества.

— Хорошо, — ответил Прабхупада, — я посмотрю Их попозже.

Прабхупада стал рассказывать ему о своей миссии, связанной с распространением сознания Кришны во всем мире. Через некоторое время господин Доял снова прервал его:

— Прошу вас, взгляните на Божества.

Тут он подошел к Ним и снял с Радхи и Кришны покрывало.

— О да, — сказал Прабхупада, почтительно сложив ладони.

Господин Доял объяснил, что заказал эти Божества в Индии для себя, но при перевозке у Радхарани откололся крохотный кусочек пальца, поэтому, согласно индуистской традиции, устанавливать Божества было нельзя.

— Тамала-Кришна, — произнес Прабхупада, — посмотри, Божества очень тяжелые или нет?

Взявшись одной рукой за основание, а другой — за плечо Радхарани, Тамала-Кришна поднял Ее.

— Не очень тяжелая, — сказал он.

— Шьямасундара, — сказал Прабхупада, — посмотри, тяжелый ли Кришна.

На самом деле для одного человека Божества были тяжеловаты, но преданные уже разгадали намерения Прабхупады.

— Не очень, — сказал Шьямасундара, приподняв Кришну на несколько сантиметров от стола.

— Хорошо, — заключил Прабхупада, — я думаю, Они нам подойдут. Мы берем Их. Фургон у нас есть.

Он решительно направился к выходу, а за ним последовали преданные, осторожно неся Радху и Кришну. Прабхупада поблагодарил господина Дояла.

— Но, Свамиджи, Свамиджи! — запротестовал господин Доял, которого этот внезапный исход застал врасплох. — Ради Бога! Мы все сделаем, мы сами доставим Их! Наше общество привезет вам Божества!

Не обращая на него внимания, Прабхупада вышел за дверь и повел своих учеников к фургону.

— Да подождите же, — не унимался господин Доял. — Мы сначала отреставрируем Божества, а потом вы можете Их забрать.

— У нас есть специалист, — ответил Прабхупада. — Он сам Их отреставрирует.

Прабхупада убеждал господина Дояла и одновременно руководил действиями своих учеников. Он открыл дверь фургона, и Шьямасундара с Тамала-Кришной медленно и осторожно внесли туда Радху и Кришну. Тамала-Кришна встал на колени в багажном отделении, придерживая Божества, а Шьямасундара сел за руль.

— Трогай, — сказал Прабхупада.

Прабхупада улыбнулся на прощание господину Доялу и его семье, которые стояли на краю тротуара, и они поехали.

Не успел Шьямасундара проехать несколько кварталов, как Прабхупада попросил его остановиться. Обернувшись назад, он стал возносить молитвы: *говиндам ади-пурушам там ахам бхаджами...* Он долго любовался Кришной, белым, с легким голубоватым отливом, и стоявшей рядом с Ним ослепительно белой Радхарани. «Кришна так милостив, — сказал Прабхупада. — Только посмотрите, как Он к нам явился!» После этого он велел Шьямасундаре не спеша ехать к храму.

Прабхупада внимательно следил за тем, как его ученики несли Божества на второй этаж. Преданных изумило и восхитило волнение Прабхупады, который привез в их храм Радху и Кришну. Он велел поставить Божества в свою комнату за занавеску и только после этого сел за рабочий стол.

Шьямасундара закончил почти весь алтарь. Оставалось доделать только алтарь Господа Джаганнатхи и закрепить балдахин над тронем Радхи и Кришны. Балдахин и алтарь должны были опираться на четыре массивные деревянные колонны около двух метров высотой. Две задние колонны должны были держать мраморную плиту, на которой установят Божества Джаганнатхи, а две передние уже поддерживали большой бархатный балдахин Радхи и Кришны. Колонны были большие и тяжелые, и Шьямасундара называл их «слоновыми ногами». Они уже стояли на своем месте на алтаре, однако Шьямасундара еще не успел их закрепить. За день до установления Божеств надорвавшийся Шьямасундара не смог подняться и лежал в своей комнате на втором этаже.

В день открытия в храме собралось множество гостей, особенно индийцев, привлеченных рекламными листовками и расклеенными по городу афишами. Студия звукозаписи «Эпл» прислала в храм профессионального цветовода, который украсил зал цветами. Съемочная группа телевидения Би-би-си стояла наготове, собираясь заснять всю церемонию на видеопленку. В

храмовой комнате шел киртан, в котором участвовало большинство преданных, а тем временем Прабхупада в другом конце храма за занавесом проводил церемонию омовения Радхи и Кришны.

План был таков: после омовения Божества поставят на алтарь, и Ямуна начнет Их наряжать. После того как Их оденут, занавес откроется, и все собравшиеся смогут увидеть Шри Шри Радху и Кришну. Прабхупада прочтет лекцию, а затем начнется пир. Однако из-за недосмотра Шьямасундары церемония установления Божеств чуть было не обернулась катастрофой.

Прабхупада уже завершил омовение Божеств, после чего Их установили на мраморном алтаре, и в этот момент «слоновьи ноги» неожиданно зашатались. Балдахин над Божествами накренился. Поняв, чем это грозит, Прабхупада в мгновение ока подскочил к алтарю и подхватил две тяжелые колонны. Колоссальным усилием ему удалось удержать колонны на месте. «Уберите это отсюда!» — закричал он. Пока Прабхупада спасал Божества, удерживая руками колонны алтаря, один преданный убрал балдахин, а другие преданные, взявшись за колонны — по двое с каждой стороны, — вынесли их из храма. Божества остались целыми и невредимыми.

Пока Прабхупада стоял за занавесом, спасая Радху и Кришну, по другую сторону занавеса гости и журналисты ждали, когда же наконец откроют Божества. Ни о чем не подозревавшие гости вдруг увидели людей, которые появились из-за занавеса, неся огромные колонны и балдахин. Как только они вышли, операторы Би-би-си бросились их снимать, решив, что их действия являются частью ритуала.

Несколько преданных, стоявших с Прабхупадой за занавесом, были потрясены увиденным, но сейчас у них не было времени для восторгов или оправданий. Ямуна наряжала Божества, а Прабхупада ее торопил. Когда наконец все было готово, Прабхупада открыл главный занавес, и перед гостями, заполнившими храм, предстали Господь Кришна и Радхарани во всей Своей красе. Один из преданных начал проводить *арати*, а Прабхупада, в шафрановом *надаре* и с гирляндой из гвоздик на шее, стоял сбоку, с благоговением взирая на Радху и Кришну как Их слуга и защитник.

Праздник стал кульминацией нескольких месяцев напряженного труда. На самом деле этому счастливому событию предшествовали многие годы планомерной подготовки. Сто лет тому назад Бхактивинода Тхакур мечтал о том дне, когда сознание Кришны придет в Англию, того же хотел и Шрила Бхактисиддхант Сарасвати. Открытие в Лондоне храма Радхи и Кришны, который будет проповедовать здесь сознание Кришны, было вехой в истории развития гаудия-вайшнавизма. Они исполнили наказ великих *ачарьев* прошлого. Прабхупада разослал приглашения некоторым своим духовным братьям в Индии. Никто из них, конечно же, приехать не смог, но они, по крайней мере, должны были обрадоваться, узнав, что мечта Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати наконец осуществилась.

Прабхупаде было семьдесят три года. За три предыдущих года он сумел открыть двадцать один храм. Незадолго до этого Прабхупада велел некоторым

своим ученикам сформировать руководящий орган ИСККОН, который должен будет освободить его от административной работы и позволить ему полностью сосредоточиться на переводе литературы о сознании Кришны. Эти книги нужно будет распространить по всему миру, они должны быть во всех домах, во всех школах и университетах на благо всех людей мира. В своих книгах он будет жить вечно. Он сказал, что не знает, сколько еще времени ему отпущено, но хочет продолжать служить своему Гуру Махарадже и стараться удовлетворять его своим трудом жизнь за жизнью.

Однако, вопреки желанию удалиться от активной деятельности и посвятить все свое время работе над книгами, сейчас ему приходилось устанавливать в новом храме Божества и защищать Их от халатности своих учеников. Не будь его здесь, церемония обернулась бы катастрофой. У него уже много учеников, которые работают не покладая рук, но они по-прежнему нуждаются в его личном руководстве.

ИСККОН только начал расти. Прабхупада не хотел ограничиваться несколькими храмами, а намеревался открыть как минимум сто восемь храмов. Его поездки по миру и публикация его книг только начались, и с каждым днем у него будет все больше и больше учеников, больше храмов и больше обязанностей. Будет расти престиж его Движения, а вместе с ним и противодействие со стороны атеистов. Сознание Кришны распространялось все шире, и Прабхупада шел впереди. «Я вижу свет впереди, — говорил он. — Это свет величия Кришны». Он считал себя слугой своего духовного учителя, а светлое будущее его Движения было в руках Кришны.

В день отъезда из Лондона Прабхупада раздал ученикам кое-что из своих личных вещей — свитера, шарфы и т.д. Затем в одиночестве он спустился в храм, чтобы попрощаться с Божествами. Он долго лежал, распростершись на полу, затем поднялся и стал смотреть на Радху и Кришну.

Ямуна: Прабхупада смотрел на Божества с выражением безраздельной преданности. Он любил эти Божества. Он говорил об Их несравненной красоте и о том, как Они дополняют друг друга, как Радхарани иногда кажется более красивой, чем Кришна, но луноподобный лик и глаза Кришны излучают сияние, затмевая красоту Радхарани. Увидев меня, Прабхупада мимоходом заметил: «Если ты будешь делать то, чему я тебя научил, следовать указаниям, которые я тебе дал, и в соответствии с ними поклоняться Божествам, если ты будешь читать книги, которые мы напечатали, то этого будет вполне достаточно, чтобы ты смогла вернуться к Богу. Тебе не нужно учиться ничему другому. Просто делай то, чему я тебя научил, и твоя жизнь станет совершенной». Сказав это, он ушел — просто взял и ушел.

* * *

После Лондона Прабхупада вернулся в Америку, где провел почти семь месяцев, путешествуя по своим американским центрам. Большую часть

времени он находился в Лос-Анджелесе. Там в конце июля он объявил о своих планах, связанных с созданием комитета — руководящего органа, который будет управлять деятельностью ИСККОН. В связи с этим 28 июля 1970 года он продиктовал письмо следующего содержания.

Я, нижеподписавшийся А.Ч. Бхактиведанта Свами, ученик Ом Вишнупады Парамахамсы 108 Шри Шримад Бхактисиддханты Сарасвати Госвами Махараджи Прабхупады, приехал в США 18 сентября 1965 года с целью начать здесь движение сознания Кришны. Целый год я жил, не имея пристанища. Я побывал в разных частях этой страны. Затем в июле 1966 года я зарегистрировал это общество, назвав его Международным обществом сознания Кришны, сокращенно ИСККОН... Постепенно общество росло, один за другим открывались его филиалы. В настоящее время у нас уже тридцать четыре (34) отделения (список прилагается). Поскольку границы нашей деятельности расширились, я считаю нужным создать руководящий совет общества [Governing Body Commission], в дальнейшем именуемый Джи-би-си. Я старею, мне уже 75, и я в любую минуту могу уйти из жизни, поэтому я считаю необходимым дать своим ученикам указания, касающиеся того, как управлять деятельностью Общества. Они уже управляют отдельными его центрами, во главе которых стоят президент, секретарь и казначей, и, по моему мнению, неплохо справляются с этим. Однако мы хотим улучшить управление храмами, повысить уровень проповеди сознания Кришны, увеличить распространение книг и журналов, открыть новые центры и должным образом обучать преданных.

Далее Прабхупада перечислил двенадцать человек, которые должны были войти в состав Джи-би-си и отметил:

Отныне эти лица являются моими непосредственными представителями. Пока я жив, они будут действовать как мои зональные секретари, а после моей смерти — как душеприказчики.

На следующий день Прабхупада написал еще один важный документ, в котором назначил нескольких своих учеников попечителями издательства «Бхактиведанта Бук Траст».

Финансы издательства «Бхактиведанта Бук Траст» должны использоваться для публикации моих книг и других печатных материалов, а также для строительства храмов повсюду в мире, в первую очередь трех храмов — в Майяпуре, Вриндаване и Джаганнатха-Пури.

Шрила Прабхупада хотел, чтобы Джи-би-си руководил деятельностью ИСККОН, однако он не собирался создавать жесткую административную структуру. Одному из членов Джи-би-си, Карандхаре, он писал:

Каждый храм должен действовать самостоятельно и быть самокупаемым. Таков был мой план с самого начала... Как только появится бюрократия, все дело будет испорчено. Преданные всегда должны иметь возможность проявлять инициативу и нести личную ответственность. Необходимо сохранять и поддерживать в храмах дух соревнования; ни в коем случае нельзя допускать, чтобы одни господствовали над другими, чтобы одни распределяли блага, а другие вынуждены были выпрашивать у них и дожидаться их милости. Нет. Ничего страшного не случится, если нам придется хлопотать о регистрации каждого центра в отдельности, брать на каждый центр налоговый сертификат, регистрировать каждый храм как самостоятельное юридическое лицо в каждом из штатов. Благодаря этому у вас появится опыт такого рода деятельности, разовьется чувство ответственности и в будущем на вас всегда можно будет положиться.

Калькутта, август 1970 года

Прошло почти три года с тех пор, как Прабхупада последний раз был в Индии, и вот теперь он вернулся в Калькутту, свой родной город. Хотя время было позднее и путешествие длилось довольно долго, Прабхупада спускался по трапу самолета, сияя от радости. На летном поле его встречали Ачьютананда и Джаяпатака — единственные американские ученики Прабхупады в Индии. Увидев, как он приближается к ним в своем шафрановом шелковом одеянии, они пали ниц. Прабхупада, улыбаясь, обнял их.

В Калькутте было беспокойно. Террористическая группа коммунистов-наксалитов бесчинствовала, убивая крупных бизнесменов и угрожая жизни многих других людей. Многие богатые промышленники-марвари^[7] уехали из Калькутты в Дели и Бомбей. Кроме того, началось брожение в среде бенгальских студентов. Старшее поколение бенгальцев, к которому принадлежало и большинство пришедших к Прабхупаде людей, было встревожено ростом терроризма и беспорядками. «Единственное прибежище, — говорил им Прабхупада, — это Кришна».

Люди очень встревожены. Все ждут, что я сделаю что-нибудь, и ситуация нормализуется, но я просто советую им повторять мантру Харе Кришна, поскольку трансцендентный звук — это единственная панацея от всех материальных болезней.

Прабхупада не видел необходимости придумывать какую-то специальную программу для решения социальных проблем Калькутты. Повторение мантры Харе Кришна было «единственной панацеей от всех материальных болезней». Для Прабхупады вопрос заключался в том, как лучше всего использовать американских преданных, чтобы дать эту панацею индийцам. Прабхупада приехал в Индию вместе с группой из десяти преданных и попросил своих лидеров на Западе в течение месяца прислать еще двадцать человек. В

типографии компании «Дай Ниппон» в Японии он заказал на 60 000 долларов книг и журналов, а его санньяси ежедневно выходили на улицы города и устраивали киртаны.

Группу санкиртаны жители Калькутты приняли очень тепло. Молодые люди с Запада с обритыми головами, *шикхами*, с вайшнавскими *тилаками* и в шафрановых одеждах играли на *караталах* и *мридангах*, с заразительным энтузиазмом пели мантру Харе Кришна, цитировали санскритские стихи из «Бхагавад-гиты» и утверждали, что Господь Кришна — Верховная Личность Бога. Для бенгальцев это было сенсацией, и посмотреть на них собирались сотни людей. Прабхупада знал, что его ученики никого не оставят равнодушным и все наверняка захотят увидеть их, поэтому он любовно называл их своими «танцующими белыми слонами».

Те самые преданные, которым так нравилось петь мантру Харе Кришна на улицах Сан-Франциско, Лос-Анджелеса и Нью-Йорка, выходили теперь на улицы Калькутты. Стояла изнуряющая жара, какой никогда не бывает в Америке, но, несмотря на это, они по несколько часов каждый день пели на площади Дальхаузи. Вокруг плотным кольцом стояла толпа людей, иногда над ними подтрунивали, смеялись, иногда их бранили, но чаще смотрели на них с неподдельным изумлением.

Прабхупада рассчитывал на то, что, когда индийцы увидят молодых людей с Запада, которые приняли принципы сознания Кришны, это укрепит их веру в свою собственную культуру. Прабхупада рассказывал ученикам, как когда-то давно, во времена царствования Махараджи Юдхиштхиры, Индия была сознающим Кришну государством. Однако на протяжении последнего тысячелетия Индия находилась под иноземным владычеством; сначала ею правили Моголы, а затем англичане. В результате интеллигенция и (правда, в меньшей степени) народные массы Индии утратили уважение к собственной культуре. Индийцы преследовали теперь материалистические цели Запада, считая материалистическое мировоззрение куда более продуктивным и практичным, чем религиозные верования своих предков, которые стали казаться им наивными и сентиментальными.

Прабхупада хорошо понимал, что жители Запада, которые отреклись от мира и стали вайшнавами, произведут сильное впечатление на индийцев и помогут им вновь обрести веру в свою утраченную культуру. Это был не рассчитанный тактический ход, а ставка на духовную силу. Прабхупада подчеркивал, что преданные должны быть чисты и безупречны в своих поступках, и эта чистота станет их силой.

Пение святых имен на площади Дальхаузи и на улице Чоуринджи продолжалось около десяти дней, после чего Прабхупада решил на время прекратить его. Уличный киртан — замечательная форма проповеди, но для Индии это не самый эффективный метод, сказал он. В Бенгалии было много профессиональных групп, которые исполняли киртаны, и Прабхупада не хотел, чтобы на его учеников смотрели как на профессиональных артистов или нищих. Он хотел, чтобы проповедь открыла преданным доступ в круги

интеллигентных, уважаемых индийцев. Так преданные узнали о его новых планах.

Он назвал свою новую программу «свободным членством». Его ученики будут приглашать индийцев, которые заинтересованы в связях с ИСККОН, стать свободными членами Общества. Членский взнос размером в 1 ш рупий даст свободному члену много льгот, например, возможность получения книг Шрилы Прабхупады и право на бесплатное проживание в любом центре ИСККОН.

Начало программе свободного членства было положено, когда Прабхупада объявил о ней, выступая в одном частном доме перед группой богатых бизнесменов. Прочитав лекцию, он предложил собравшимся стать свободными членами ИСККОН, и несколько калькуттских предпринимателей сразу же дали свое согласие.

Б. Л. Джаджу: Меня поразила простота и непосредственность Прабхупады. Он рассказал мне, как он занимался бизнесом и как его гуру сказал ему о том, что четыреста лет тому назад Чайтанья Махапрабху предрек, что мантру Харе Рама, Харе Кришна будут петь по всему миру. Он сказал, что в этом заключалась миссия, которую возложил на него его духовный учитель, и, чтобы исполнить ее, ему пришлось поехать в Америку.

Я не заметил в нем никакого снобизма. Он держался очень просто. Он говорил со мной так, словно был моим братом, — о том, как он отправился в США, как начал проповедовать и как постепенно у него созрел план распространить сознание Кришны по всему миру.

Увидев его учеников, которые так резко изменили свою жизнь, я подумал: «Может быть, мне тоже стоит попробовать? Наверное, я тоже должен что-то сделать, исходя из своих скромных возможностей и не оглядываясь на других». Я обнаружил, что он как-то незаметно вошел в мою жизнь. На мою жену и даже на сына произвело сильное впечатление то, что эти белые люди, которые, как мы думали, никогда не смогут принять сознание Кришны, так изменились. Поэтому мы решили, что нам тоже нужно более строго следовать наставлениям «Гиты».

Прабхупада продолжал проводить программы в домах калькуттцев и принимать гостей в своей комнате. Однажды к Прабхупаде пришел некий господин Дандхария, который рассказал ему о готовящемся в Бомбее Садху Самадже — собрании самых влиятельных и знаменитых садху Индии. Садху Самадж будет проходить на Чоупатти-Бич и обещает стать заметным событием в духовной жизни Индии. Господин Дандхария попросил Прабхупаду приехать, и Прабхупада принял его приглашение.

* * *

Бомбей, октябрь 1970 года

Песок на пляже Чоупатти был мелким и чистым. Народу собралось несколько тысяч. Садху расположились на сцене, среди них был и Прабхупада вместе со своими учениками. Спустились сумерки. Небо над Аравийским морем было затянуто облаками, и с моря дул легкий ветерок.

Они уже прослушали две лекции по философии *майявады*, теперь наконец пришла очередь выступать Прабхупаде — последнему из намеченных на этот вечер ораторов. Аудитория с нетерпением ждала его выступления. Его успехи на Западе вызывали огромное любопытство, особенно теперь, когда он приехал в Бомбей и его последователи ежедневно пели мантру Харе Кришна на улицах города. Ученики Прабхупады, измученные и раздраженные двухчасовым потоком красноречия на хинди, устали ждать, когда же дойдет очередь до Прабхупады. Однако, вместо того чтобы обратиться к аудитории с речью, Прабхупада повернулся к ученикам и сказал: «Начинайте петь!»

Как только преданные запели, маленькая Сарасвати, дочка Шьямасундары, поднялась и начала танцевать. Вслед за ней стали танцевать и другие преданные. Когда киртан оживили звуки *мриданг* и *каратал*, танец и пение преданных стали, по-видимому, раздражать некоторых из сидевших на сцене садху, которые один за другим поднялись и ушли оттуда. Однако публика встретила пение с энтузиазмом, многие встали на ноги и начали хлопать в ладоши. После пяти минут бурного киртана преданные, охваченные единым порывом, спрыгнули на песок и направились к публике. Тысячи собравшихся на пляже людей поднялись со своих мест и начали танцевать вместе с преданными.

Охваченные неудержимой радостью и тронутые неподдельной *кришна-бхакти* этих чужеземцев, некоторые индийцы заплакали. Никогда прежде здесь не случалось ничего подобного. Даже полицейские и журналисты пели и танцевали вместе со всеми. Над Чоупатти-Бич бушевал Харе Кришна киртан — так Прабхупада и его ученики демонстрировали бомбейцам силу движения *санкиртаны*, начатого Господом Чайтаньей.

Минут через десять киртан закончился, но возбужденная публика продолжала гудеть. Прошло минут пятнадцать, прежде чем народ расселся по местам и можно было продолжать программу. Преданные сошли со сцены и сели на землю. Прабхупада остался на сцене один. Голос Прабхупады, усиленный динамиками, эхом разносился над Чоупатти-Бич.

«Дамы и господа, меня попросили говорить на хинди, но я как-то не привык говорить на хинди, поэтому организаторы этого собрания позволили мне говорить по-английски. Я надеюсь, вам не составит труда следить за моей речью, — ведь это Бомбей, где большинство людей владеет английским. Как сказал один из выступавших на этом вечере, Его Святейшество Свами Акханданандаджи, главное сейчас — отучить людей от дурных привычек и научить их вести праведный образ жизни — *сад-ачару*. В этот век, в Кали-югу, люди очень порочны».

Прабхупада говорил о силе движения Господа Чайтаньи, которое способно очистить сердце каждого живого существа. Он рассказал о двух

великих грешниках, Джагае и Мадхае, которых спас Господь Чайтанья.

«Сейчас мы спасаем всех Джагаев и Мадхаев, всех без исключения. Поэтому если мы хотим мира, если мы хотим достичь уровня *сад-ачары*, то должны распространить *харинама маха-мантру* по всему миру. Действенность этого метода доказана на практике. Американские и европейские вайшнавы, которые приехали сюда и вместе с вами пели сейчас мантру Харе Кришна, еще не так давно ели говядину, пили спиртное, предавались разврату и играли в азартные игры. Но, присоединившись к Движению сознания Кришны, они избавились от всех дурных привычек. *Сад-ачара* пришла к ним сама собой. Они не пьют ни чая, ни кофе, не курят, что, насколько я понимаю, редкое явление даже для Индии. Они отказались от всего этого. Почему? Потому что приняли сознание Кришны».

Прабхупада говорил не более пяти минут: «Думаю, мне нет необходимости говорить долго. Вы сами видите, каковы плоды сознания Кришны. Оно не является чем-то искусственным. Это сознание заложено в каждом из нас. Я не прибегал к помощи магии. Сознание Кришны живет в каждом живом существе, и нам нужно только разбудить его».

Публика отозвалась одобрительными возгласами и долго не смолкавшими аплодисментами. Сильнее и ярче, чем многоречивые *майявади*, Прабхупада показал самую сущность духовной жизни — экстатическое пение святых имен. И американские преданные были живым и наглядным доказательством его правоты.

На следующей неделе о Прабхупаде и его учениках говорил весь Бомбей. Они стали получать множество приглашений с просьбой выступить и провести киртан. В репортаже о Садху Самадже «Таймс уикли» особо остановился на выступлении Шрилы Прабхупады и его учеников.

Группа из двадцати американцев, членов делегации Харе Кришна, взошла на помост. Воздух сотрясали звуки мриданг, звон тарелок и пение маха-мантры. Раскачиваясь из стороны в сторону, с развевающимися на ветру *шикхами*, они пели: Харе Кришна

Один седеющий репортер, который всегда казался мне человеком трезвым и далеко не сентиментальным, голосом, прерывающимся от волнения, сказал: «Ты понимаешь, что происходит? Скоро индуизм охватит весь Запад. Движение Харе Кришна возместит тот урон, который за многие века нанесли нашей культуре католические священники».

Сурат,
17 декабря 1970 г.

Это было похоже на сон. Тысячи людей выстроились вдоль улиц, растянувшись на несколько кварталов, а преданные, играя на *караталах* и *мридангах* и распевая мантру Харе Кришна, проходили мимо них. Зрители стояли на крышах домов или теснились в окнах и дверях, некоторые из них

даже присоединялись к шествию. На перекрестках полиция останавливала движение, пропуская только группу *санкиртаны*. Грунтовую дорогу, которую недавно подмели и sprыснули водой, украшали ведические символы, нарисованные рисовой мукой. По обеим сторонам дороги стояли зеленые, только что срезанные банановые деревья. А вывешенные на веревках, протянутых через узкую улочку, женские *сары* образовали над головами участников киртана яркий, пестрый балдахин.

Господин Бхагубхай Джаривала, в доме которого остановился Прабхупада, объявил в местных газетах, по каким маршрутам будут ежедневно двигаться праздничное шествие, и теперь каждый день преданные устраивали киртаны, проходя по разным частям города. Более двадцати учеников Прабхупады возглавляли процессию, а тысячи индийцев пели и ликовали, и женщины, стоявшие на крышах домов, осыпали преданных цветочными лепестками.

Процессию то и дело приходилось останавливать, потому что целые семьи выходили на улицу, чтобы надеть на преданных гирлянды. Иногда на преданных навешивали так много гирлянд, что за ними уже нельзя было разглядеть их счастливых лиц, и они раздавали гирлянды людям в толпе. Никогда еще преданные не встречали такого приема.

«Это город преданных», — сказал Прабхупада. Он сравнил население Сурата с горящей сухой травой, по которой распространяется пламя. Сознание Кришны было заложено в этих людях от природы, но прибытие Шрилы Прабхупады и его группы *санкиртаны* явилось тем факелом, который зажег город духовным огнем.

Казалось, все население Сурата каждое утро вставало одновременно, потому что к семи часам десятки тысяч людей уже стекались туда, где должно было проходить шествие. Мужчины и женщины, рабочие, торговцы, служащие, старики и молодежь, дети и подростки — все население города стекалось, чтобы посмотреть на них. Запрудив улицы, они ожидали участников киртана, и когда преданные наконец появлялись, всех охватывало ликование.

Прабхупада участвовал в утренних шествиях всего лишь два раза, предпочитая оставаться в доме господина Джаривалы. Каждое утро Прабхупада появлялся на балконе своей комнаты на втором этаже в тот момент, когда преданные выходили из дома. По утрам было холодно и многие преданные были простужены, но, когда они видели Прабхупаду, который благословлял их со своего балкона, у них словно прибавлялось сил. Прабхупада махал им вслед рукой, а преданные с пением мантры Харе Кришна выходили на улицу.

Кроме *мриданг* и *каратал* у преданных не было никаких атрибутов — ни флагов, ни оркестра, ни *ратхи* (колесницы) — только группа энтузиастов, проводивших киртан. Не было ни официального *пандала*, ни Садху Самаджа, ни Веданта Саммеланы, ни Гита Джаянти Махотсавы — лишь целый город преданных Кришны, нетерпеливо ожидавших появления американских вайшнавов, поющих мантру Харе Кришна.

Почести, которые им воздавали за то, что они пели мантру Харе Кришна, были прямой противоположностью тому отношению, к которому они привыкли на Западе. В Гамбурге, Чикаго, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе преданных оскорбляли, им угрожали арестом, на них нападали, их осыпали насмешками или просто игнорировали. Разумеется, временами их терпели и даже хвалили, но никогда не чествовали.

После нескольких дней шествий с киртаном мэр Сурата, господин Вайкунтха Шастри, распорядился закрыть все школы и объявил в городе праздник. Теперь все могли беспрепятственно радоваться милости Господа Чайтаньи и петь вместе с преданными мантру Харе Кришна. По всему городу были развешаны транспаранты на гуджарати: «Привет американским и европейским преданным Кришны» и «Привет участникам Движения Харе Кришна».

Прабхупада сделал в Сурате все, что намеревался. Он дал людям святое имя, и они с радостью приняли его. Население Сурата было не готово к тому, чтобы радикально изменить свою жизнь и начать жить так, как жили преданные ИСККОН, но эти люди по достоинству оценили то, что Прабхупада превратил жителей Запада в преданных Господа Кришны и проповедовал людям чистое учение священных писаний, призывая их повторять мантру Харе Кришна. Они приветствовали Прабхупаду, не просто подчиняясь догме или исполняя ритуал. Прием, который оказали Прабхупаде и его ученикам жители Сурата, свидетельствовал о том, что они понимают важность духовной жизни и признают авторитет Прабхупады и ИСККОН.

Ученикам Прабхупады посещение Сурата дало представление о том, каким был бы мир, если бы все люди на земле стали преданными.

* * *

Новая штаб-квартира ИСККОН в Бомбее расположилась в четырехкомнатной квартире на седьмом этаже Акаш-Ганга-Билдинга. Арендная плата составляла около трех тысяч рупий в месяц, а постоянного ежемесячного дохода у преданных по-прежнему не было. Но, поскольку здание находилось в многолюдном и престижном районе, Прабхупада решил пойти на риск. Такая штаб-квартира была необходима ему как база для проповеди, которую он хотел развернуть в Бомбее, и следующим шагом в его проповеднической деятельности должна была стать грандиозная одиннадцатидневная программа в *пандале*. «Когда вы выходите на охоту, — говорил Прабхупада, — то должны охотиться на носорога. В случае неудачи люди скажут: "Этого и следовало ожидать". Если же охота будет удачной, все удивятся. Никто не останется равнодушным».

Когда Прабхупада рассказал преданным о своих планах устроить грандиозный праздник в *пандале*, им стало совершенно ясно, что вся их проповедническая деятельность держится исключительно на вдохновении

Прабхупады. Без него они никогда не решились бы на такое дерзкое предприятие, как предстоящий фестиваль в Бомбее. Часто «американских и европейских учеников» Прабхупады упоминали вместе с ним, как бы ставя их в один ряд, однако сами преданные всегда помнили о том, что они всего лишь неразумные слуги, пытающиеся хоть чем-нибудь помочь настоящему чистому преданному Господа Кришны. Хотя Прабхупада ценил своих учеников, они понимали, что он является полномочным представителем Кришны. Он был для них авторитетом и звеном, соединяющим их с Кришной, все его слова и действия были насыщены трансцендентной энергией. Кришна безграничен, и Шрила Прабхупада, самый близкий друг Кришны, был вправе требовать от них безграничного служения Кришне. В служении Кришне не было ничего невозможного. «„Невозможно“. — говорит Прабхупада, — это слово из лексикона дураков».

Однако, когда Прабхупада рассказал им о своих планах, связанных с фестивалем в *пандале*, преданные засомневались. Сумеют ли они собрать деньги? Смогут ли они поставить такой огромный шатер? Где они возьмут столько продуктов? И кто приготовит столько *прасада*? Прабхупада только посмеивался над ними. «Вы американцы, — сказал он, — но какой от этого прок, если вы не можете сделать ничего выдающегося?»

Бомбейский *пандал*, говорил Прабхупада, открывает перед ними замечательные возможности, позволяя соединить американскую изобретательность с индийской духовностью. Он сравнил Америку и Индию со слепым и хромым. Порознь каждый из них совершенно беспомощен, но, объединив усилия, они смогут добиться успеха — слепой будет нести хромого на плечах, а хромой указывать слепому путь. Америка, поглощенная материализмом и забывшая о Боге, подобна слепому. А Индия, пострадавшая от иностранных нашествий, нищеты и ложных толкований философии Вед, похожа на хромого. Америка — это технический прогресс и богатство, а Индия — духовное знание. Задача Движения сознания Кришны — соединить эти две силы и изменить мир к лучшему. Одним из практических шагов на этом пути должен был стать фестиваль в Бомбее.

Прабхупада разделил обязанности: Шьямасундара займется рекламой, Тамала-Кришна — сооружением *пандала*, Гирираджа — сбором средств, а Мадхувидья — разработкой программы фестиваля. Вдохновленный словами Прабхупады об «охоте на носорогов», Шьямасундара организовал широкую рекламную кампанию с огромными афишами, транспарантами, протянутыми над улицами, которые возвещали: «Его Божественная Милость А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада и его американские и европейские ученики. Наука о Боге — лекции на английском языке. Раздача прасада и бхаджаны — фестиваль Харе Кришна на Кросс-Майдан с 25 марта по 4 апреля».

Гирираджа: *Шрила Прабхупада взял Бомбей штурмом. Весь город с волнением ожидал начала фестиваля Харе Кришна. Мы развесили транспаранты на всех главных перекрестках города, все стены оклеили афишами, по несколько на каждой стене, дали огромные рекламные*

объявления в газете с чудесной фотографией Шрилы Прабхупады, стоящего на фоне земного шара и подписью: «Беседы о Бхагавата-дхарме. Фестиваль Харе Кришна. Всемирно известный проповедник культа бхакти, Его Божественная Милость А.Ч. Бхактиведанта Свами».

День ото дня рекламная компания набирала силу, и каждый день происходило что-то новое. Наконец, за два дня до фестиваля мы установили огромный щит у вокзала Виктория, в самом оживленном месте в центре Бомбея. К этому времени в Бомбее уже не осталось ни одного человека, который не знал бы о фестивале. Каждый бомбеец знал, где и когда он будет проводиться, поэтому на щите огромными буквами были написаны только два слова — Харе Кришна. К тому времени все уже всё знали, так что этого было вполне достаточно, два огромных слова — Харе Кришна.

Затем Шьямасундара раздобыл огромный наполненный гелием воздушный шар и закрепил его на длинной веревке на Кросс-Майдан. Воздушный шар парил над городом, и к нему был прикреплен вымпел с надписью «Фестиваль Харе Кришна». Это была чисто американская изобретательность, чисто американский размах.

Кульминацией каждого вечера было появление в пандале Прабхупады. Он садился на свою вьясасану, маленькая Сарасвати выходила и надевала ему на шею гирлянду, а толпа бурно аплодировала. Обычно он ждал, пока народ успокоится, но этого никогда не случалось. Поэтому он просто начинал говорить, и его голос звенел, усиленный мощными динамиками. Свою первую лекцию он назвал так: «Крах современной цивилизации; сознание Кришны — единственная надежда».

Гирираджа: Прабхупада проповедовал жителям Бомбея так энергично и убедительно, что послушать его каждый вечер собиралось по меньшей мере двадцать тысяч человек. Шрила Прабхупада говорил, вкладывая в проповедь всю свою силу. При этом он особенно подчеркивал необходимость строго следовать принципам религии. Он знал, что собравшиеся здесь люди — индусы, но они не следовали принципам собственной религии. Прабхупада говорил с необыкновенным напором и я видел: то, о чем он говорил, многим из собравшихся будет очень трудно принять.

В то время я думал, что, если бы Прабхупада захотел польстить аудитории или поступиться чем-либо в своей философии, он мог бы собрать миллионы последователей. Но, поскольку он проповедовал так смело и напористо, так бескомпромиссно, публике это не всегда нравилось, это было слишком сильным ударом по их чувственным удовольствиям и их сентиментам.

И тем не менее люди были без ума от Прабхупады и ИСККОН. Однажды вечером мы показали слайды, снятые на Ратха-ятре в Сан-Франциско, и это привело публику в неопикуемый восторг. Когда же Прабхупада объявил перед десятитысячной аудиторией о том, что собирается устроить Ратха-ятру Джаганнатхи в Бомбее, зал разразился шумной овацией.

Каждый день праздник в *пандале* заканчивался триумфом. Туда приходили самые влиятельные граждане Бомбея, и все происходящее производило на них огромное впечатление. Бизнесмены в белых рубашках со своими холеными женами пели вместе со всеми мантру Харе Кришна. Для сотен тысяч бомбейцев добраться до *пандала* на Кросс-Майдан было достаточно просто. Одни приходили, чтобы послушать лекцию и глубже понять философию преданного служения, другие приходили в основном для того, чтобы посмотреть на Божества, попробовать *прасад* или послушать киртан. В любом случае А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада и преданные Харе Кришна внесли свежую струю в жизнь города. Фестиваль стал крупнейшим событием в Бомбее.

В один из вечеров Прабхупада на глазах у нескольких тысяч зрителей провел ведическую церемонию бракосочетания и обряд духовного посвящения. В брак вступали Вегаван, преданный из Швеции, и Падмавати даси из Австралии. Оба совершенно очаровали публику: она в нарядном красном *сар* с индийскими украшениями и даже с кольцом в носу, а он — в белоснежном *дхоти* и *курте*, с бритой головой. Одновременно с ними получили духовное посвящение шесть брахмачари.

Гирираджа: *На публику все это произвело очень сильное впечатление. Прежде всего их поразил сам вид иностранных преданных, иностранных садху, которые к тому же на глазах у десяти тысяч человек получали духовное посвящение и даже проходили обряд бракосочетания — для бомбейцев это было сенсацией. Во время церемонии Шрила Прабхупада объявил юношу и девушку мужем и женой и упомянул при этом, что она из Австралии, а он — из Швеции. Сказав это, он заключил; «Вот это и есть настоящая Организация Объединенных Наций». Раздался взрыв аплодисментов.*

* * *

Май 1971 года

Шрила Прабхупада готовился совершить длительное кругосветное путешествие. Хотя маршрут еще не был определен окончательно, Прабхупада собирался в течение нескольких месяцев посетить целый ряд стран, после этого совершить турне по США, затем поехать в Лондон, а оттуда вернуться в Индию. Некоторое время назад он от правил учеников проповедовать в Австралии и Малайзии и теперь решил поехать туда сам. Он хотел также съездить в Москву и ждал разрешения от советского правительства. Сначала он распространял свое движение в Америке, посещая самые крупные города страны и проповедуя; там он оставил несколько верных учеников, которые должны были продолжать его дело, и теперь намеревался распространить поле своей деятельности на весь мир.

Сидней,
мая 1971 г.

В Сиднее Прабхупаду не ждали. Первая телеграмма сообщала, что он приезжает, но в следующей говорилось, что «приезд Прабхупады откладывается». Затем пришла третья телеграмма, в которой сообщалось о приезде Бали-Марданы, секретаря Джи-би-си по Австралии. Поэтому, получив четвертую телеграмму с одним только словом — «Приезжает», датой и номером рейса, преданные решили, что речи идет о Бали-мардане, а не о Прабхупаде. Взяв с собой небольшую гирлянду, преданные поехали в аэропорт. Когда же двери таможенной зоны открылись и оттуда вышел сам Прабхупада, они остолбенели от изумления.

С белым дипломатом в левой руке и тросточкой в правой, в легком *чадаре*, наброшенном на плечи, Шрила Прабхупада вошел в здание аэропорта. Репортеры, приготовившиеся взять интервью у Бали-Марданы, бросились вперед, один из них спросил, зачем Прабхупада приехал в Австралию.

Прабхупада тихо ответил, что он, подобно коммивояжеру, ездит повсюду. Коммивояжер разыскивает покупателя везде, где только можно, и Прабхупада путешествует по всему миру в поисках людей, достаточно разумных для того, чтобы воспринять его философию. «Не имеет значения, куда я приехал, — в Австралию или куда-то еще, — сказал он. — Границы устанавливают правительства: „Это — Австралия“, — но для нас весь мир — земля Кришны».

Прабхупада увидел, что австралийские преданные почти ничего не знают о сознании Кришны. Первые приехавшие в Австралию преданные, Упендра и Бали-Мардана, открыли центр и уехали, бывая там только изредка. Таким образом, австралийский храм состоял из неопытных преданных, которые, фактически, были предоставлены самим себе. Поскольку никто из сиднейских преданных не умел как следует читать лекции, то на лекциях преданные читали сокращенное издание «Бхагавад-гиты как она есть» — единственную книгу Прабхупады, которая у них была. Однако их непоколебимая вера в Прабхупаду восполняла недостаток опыта. Они считали его чистым преданным, непосредственно связанным с Богом, принимали его книги как непреложную истину, а Кришну — как Верховную Личность Бога. Но многих практических вещей они просто не знали — не знали, как готовить *прасад*, как читать лекции, как поклоняться Божествам. Они знали, что Прабхупада хочет, чтобы они пели мантру Харе Кришна и распространяли журнал «Бэк ту Годхед» на улицах Сиднея, и делали это каждый день. Несмотря на частые аресты, они продолжали заниматься *санкиртаной*. У них была искренность, им не доставало только практической подготовки.

Вайбхави деви даси: *Прабхупада установил Божества Радхи и Кришны и в тот же день дал ученикам духовное посвящение. Сначала он провел церемонию посвящения. Он дал посвящение всем, кто был в храме, даже парню, который жил с нами меньше недели, а узнал о сознании Кришны за неделю до того, как переехал в храм; посвящение получили даже те, кто не жил в храме, буквально*

все, кто был там и занимался хоть каким-то служением. Прабхупада хотел, чтобы сознание Кришны утвердилось в Австралии и потому давал посвящение всем подряд. Он давал одновременно первое и второе посвящение, так как после установления Божеств в храме должно быть хотя бы несколько брахманов.

Тогда мы совсем ничего не знали. Мы просто были еще не готовы к этому. Даже алтарь был не закончен. Прабхупада объяснил мне, что мы должны сделать для Божеств гирлянду из цветов. Я сбилась с ног в поисках цветов и нитки для гирлянды.

То же самое повторилось со священными шнурами. Священных шнуров у нас не было. При посвящении в брахманы Прабхупада должен был дать мужчинам священные шнуры, но никто из нас не знал, что это такое. Поэтому мне пришлось сбегать и купить моток шнура, и, пока Прабхупада проводил обряд, я сидела в стороне и делала священные шнуры по образцу того, который снял с себя Бали-Мариана.

Я сделала пять шнуров и тут пришла моя очередь. После жертвоприношения, когда я вышла из комнаты Прабхупады, где он дал мне мантру Гаятри, преданные сказали мне: «Теперь ты брахман, поэтому ты тоже должна носить священный шнур». Они сказали, чтобы я сделала его сама, но я не стала, так как кто-то вспомнил, что женщинам носить шнур не полагается. Мы тогда практически ничего не знали.

Сложив ладони, Прабхупада стоял перед Божествами Радхи и Кришны, которых он только что установил. Пробыв в Сиднее меньше недели, он собирался уезжать. Он знал, что преданные в Сиднее не отвечают требованиям, предъявляемым к тем, кто поклоняется Радхе и Кришне. Знал он и то, что идет на риск, доверяя неопытным поклоняться Им. Однако, будучи ачарьей, наделенным особыми полномочиями, и представителем Господа Чайтаньи, он должен был сажать ростки сознания Кришны везде, где они могли пустить корни. Мир нуждался в сознании Кришны. Он был уверен, что, если его ученики будут следовать его наставлениям — повторять святое имя Кришны и следовать регулирующим принципам, они быстро очистятся.

Однажды он провел такую аналогию: если в материальной жизни человеку, прежде чем занять место судьи, необходимо стать высококвалифицированным юристом, то в сознании Кришны искреннему преданному позволено сначала «занять место», то есть стать брахманом, а уж потом по милости святого имени и духовного учителя приобрести необходимые качества. Но у преданных в Сиднее не было совсем никакого опыта, поэтому Прабхупада вынужден был обратиться к Радхе-Гопинатхе с необычной просьбой: «Я оставляю Вас в руках млеччхов. Я не могу взять ответственность на себя. Пожалуйста, руководите этими юношами и девушками Сами, дайте им разум, чтобы они могли как следует поклоняться Вам».

Москва, июнь 1971 года

Прабхупада, его секретарь и слуга быстро и без помех прошли таможенный досмотр и советский паспортный контроль, после чего представитель государственной туристической компании доставил их на лимузине в отель «Националь». Отель, расположенный неподалеку от Красной площади, Мавзолея Ленина и Кремля, был дорогой, но скверный. Прабхупаду поселили в темной и тесной комнате, где едва помещались кровать и два стула. Комната Шьямасундары и Аравинды находилась в другом конце коридора, поэтому Прабхупада решил, что Аравинда должен перебраться к нему, создав тем самым еще большую тесноту.

Аравинда сообщил администратору гостиницы, что питаться в ресторане гостиницы они не могут и будут готовить себе сами. Администратор вначале заупрямилась, но в конце концов разрешила им пользоваться кухней для горничных.

Одна проблема была решена, теперь надо было раздобыть продукты, на поиски которых Прабхупада послал Шьямасундару. Через улицу Шьямасундара обнаружил молочный магазин, где можно было купить молоко и кефир, но ему нигде не удалось найти фруктов, овощей и риса. Прабхупада отправил его обратно. На этот раз Шьямасундара отсутствовал почти целый день и вернулся лишь с парой кочанов капусты. На следующий день Прабхупада послал его за рисом. Когда через несколько часов Шьямасундара принес рис, Прабхупада увидел, что это был дешевый северокорейский сорт, очень твердый. Прабхупада просил фруктов, и Шьямасундаре пришлось долго бродить по незнакомому городу, прежде чем он отыскал, наконец, черешню. Куда бы он ни заходил, ему везде приходилось выстаивать длинные очереди. Правда, обычно кто-нибудь в очереди замечал, что он турист, и пропускал его вперед.

Прабхупада оставался спокойным и невозмутимым и придерживался своего обычного распорядка дня. Он вставал рано и сразу садился за перевод; утром, когда еще было прохладно, он выходил на прогулку по пустынным московским улицам. Завернувшись в шафрановый *чадар*, Прабхупада быстро шагал, а Шьямасундара иногда забегал вперед и фотографировал его.

Однажды утром, проходя мимо Мавзолея Ленина, они увидели, как к нему уже выстраивалась очередь.

— Ты только посмотри, — сказал Прабхупада, — вот их Бог. Люди не понимают разницы между телом и душой и принимают тело за саму личность.

Прабхупаде нравилось, что движение на улицах небольшое: троллейбусы, автобусы, но в основном пешеходы. Проходя мимо старинных нарядных зданий, он видел, как пожилые женщины поливают из шланга широкие улицы. «Хороший обычай», — сказал он. Русские, судя по всему, жили более размеренной и упорядоченной жизнью, чем американцы. Эти простые,

привыкшие к трудностям люди, неиспорченные безудержным гедонизмом, который восторжествовал в Америке, наверняка были благодатной почвой для сознания Кришны, но, лишённые духовной пищи, они выглядели мрачными и неудовлетворёнными.

Прабхупада готовился к поездке в Москву в течение нескольких месяцев. Помимо желания проповедовать русским людям, у него была конкретная цель — он собирался встретиться с русским профессором индологом Г. Г. Котовским. Профессор Котовский заведовал отделом Индии и Юго-Восточной Азии в Институте востоковедения Академии Наук СССР, и Прабхупада переписывался с ним уже около года.

Прабхупада поручил Шьямасундаре организовать встречу с профессором Котовским. «Интурист» выделил им машину, гида, и все вместе они поехали к профессору Котовскому, кабинет которого располагался в старинном белом особняке, принадлежавшем Академии Наук.

Увидев Прабхупаду, русский профессор, человек средних лет, одетый в серый костюм, встал из-за письменного стола, заваленного бумагами, и пригласил Прабхупаду в свой небольшой кабинет. Профессор Котовский держался несколько неуверенно и был более осторожным, нежели в своих письмах. Когда Шьямасундара упомянул о желании Прабхупады выступить с лекцией перед учеными Академии Наук, профессор Котовский сказал, что этого им никогда не разрешат. Прабхупада был явно разочарован.

Однако мгновение спустя Прабхупада как ни в чем не бывало уже разговаривал с профессором Котовским. Он держался как обычно, скромно и вежливо, сидя на конторском стуле с прямой спинкой, а профессор сидел напротив него за своим столом.

Прабхупада: «На днях в газете "Московские новости" я прочел, что в Москве прошел съезд коммунистов, на котором его председатель заявил: "Мы готовы перенять опыт других, чтобы совершенствоваться". Я думаю, что ведическая концепция социализма или коммунизма может в значительной мере усовершенствовать идею коммунизма».

Профессор Котовский внимательно и вежливо слушал рассказ своего заморского гостя о том, как в ведическом обществе *грихастха* обеспечивает пищей всех, кто живет в его доме, даже ящериц, и как, прежде чем самому приняться за еду, выходит на улицу и созывает всех голодных.

«Таким образом, — продолжал Прабхупада, — в ведической концепции коммунизма есть очень много ценных моментов. И я полагаю, что эти идеи можно было бы распространить среди мыслящих людей вашей страны. Именно поэтому я так хочу выступить перед ними».

В свою очередь профессор Котовский задал Прабхупаде несколько вопросов, на которые тот охотно ответил, хотя из них явствовало, что профессор стоит на позициях официальной советской идеологии. И тем не менее Прабхупада тактично продолжал излагать философию сознания Кришны, полученную по *парампаре*, стремясь убедить профессора Котовского

ссылками на священные писания, логикой и аргументами. Чего не хватает современному обществу, говорил Прабхупада, так это понимания смысла человеческой жизни. «Люди не знают о том, что существует следующая жизнь, — сказал он. — Нет такой отрасли знания или науки, которая занималась бы изучением того, что происходит с человеком после смерти его тела».

Прошло всего три дня, а миссия Прабхупады в Москве как будто была выполнена. Встреча с профессором Котовским состоялась, делать больше было нечего. Власти больше ничего не разрешат. Ему не позволили привезти книги, а теперь отказали в возможности выступить публично. Иностранцам нельзя было разговаривать с русскими. Поехать он никуда не мог, разве что на групповую экскурсию. Так, лишенный возможности проповедовать, он сидел в своей комнатухе, принимал массаж, совершал омовения и ел то, что удавалось приготовить Шьямасундаре. Он диктовал письма, повторял на четках мантру Харе Кришна и переводил «Шримад-Бхагаватам».

В тесном автобусе Прабхупада вместе с другими туристами отправился на экскурсию по Москве. Он видел пожилых русских, идущих в церковь, и милиционера, стоящего у входа. Он решил, что милиционера поставили для того, чтобы не пускать на богослужения молодежь. Вскоре, однако, поездка его утомила, так что экскурсоводу пришлось взять для него такси и попросить шофера отвезти его в гостиницу «Националь».

Шьямасундара по-прежнему большую часть дня проводил в поисках свежих продуктов. Услышав, что на каком-то рынке можно купить апельсины, он отправился туда через весь город. Его бритая голова, белое *дхоти* и *курта* привлекали всеобщее внимание, прохожие провожали его взглядами, а на обратном пути, когда уже стемнело, его остановили люди в форме, с красными повязками на рукавах. Судя по всему, они приняли его за местного жителя. Схватив его и заломив ему руки за спину, они орали на него по-русски. Шьямасундара разобрал только слово «документ» и сказал в ответ: «Дакумьент — отель! отель!» Поняв, что Шьямасундара — турист, они отпустили его. Он вернулся в гостиницу и рассказал Прабхупаде о том, что произошло.

— Без сознания Кришны Россия погибнет, — сказал Прабхупада.

Однажды Шьямасундара стоял в очереди за кефиром. Неожиданно человек, стоявший за ним, на чистом английском спросил его о йоге. «Я очень хочу с вами поговорить», — сказал он Шьямасундаре и сообщил ему имя, адрес и время, когда они могут встретиться. Когда Шьямасундара рассказав об этом Прабхупаде, тот ответил: «Нет, это шпик. Не ходи».

Стоя у окна, Прабхупада смотрел на большую группу солдат, проходивших мимо. «Все время готовясь к войне, — сказал он, — русские вожди держат народ в постоянном напряжении и таким образом лишают его возможности взбунтоваться». Он сравнил милитаризованную Россию с *асурами* (демонами), о войнах которых рассказывается в древних ведических писаниях, в частности в «Шримад-Бхагаватам».

Два молодых человека, сын индийского дипломата, работающего в Москве, и его друг, молодой москвич, прогуливаясь по улице Горького, увидели необычное зрелище. Выделяясь из безликой городской толпы удручающе одинаковых, серых людей, прямо на них шел высокий молодой человек с бритой головой, с длинным «хвостиком» рыжеватых волос, в развевающихся белых одеждах. Это был Шьямасундара. Для сына индийского дипломата одежды Шьямасундары были не в диковинку, и он подошел к нему. Шьямасундара улыбнулся и сказал: «Харе Кришна, брат».

Они разговорились. Индийца звали Нараяна. Русский, Анатолий, немного говорил по-английски и, насколько мог, старался следить за разговором. А разговор становился все более и более серьезным.

«Не хотите подняться к нам и познакомиться с моим духовным учителем?» — спросил Шьямасундара. Польщенные, юноши тут же последовали за Шьямасундарой, который привел их в «Националь». Войдя в номер, они увидели Прабхупаду, который сидел на кровати, довольный и улыбающийся. Аравинда массировал ему стопы. Шьямасундара тут же поклонился Прабхупаде. Анатолий был в полном восторге.

«Заходите», — сказал Прабхупада. Все трое сели у его ног. Обратившись сначала к Нараяне, Прабхупада спросил, как его зовут и чем занимается его отец. Нараяне Прабхупада понравился, и он вызвался принести ему свежих овощей. Его отец занимал высокое положение в индийском посольстве и получал продукты из Индии.

Анатолий казался более заинтересованным, чем его индийский друг, и Прабхупада стал объяснять ему философию сознания Кришны, а Нараяна переводил. Анатолий расспрашивал обо всем с почтением и благоговением, а Прабхупада, отвечая на его вопросы, старался сообщить ему максимум основных сведений о сознании Кришны, насколько это было возможно за один раз. Прабхупада объяснил разницу между духовной душой и телом, рассказал о вечной взаимосвязи души и Кришны, Верховной Личности Бога. Он говорил о «Бхагавад-гите», о своих храмах в разных странах мира, о юношах и девушках, которые стали его учениками и занимаются *бхакти-йогой*.

Прабхупада упомянул также о своем желании проповедовать в России, где есть все условия для распространения сознания Кришны, поскольку русские люди восприимчивы к новым идеям и не испорчены чувственными удовольствиями. Он хотел познакомить Россию с литературой сознания Кришны через библиотеки, читальные залы или любым другим путем. «Философию сознания Кришны, — сказал он, — в России нужно проповедовать самым образованным людям, однако из-за правительственных ограничений делать это следует осмотрительно». У преданных не будет возможности петь и танцевать на улицах, но они могут петь, собираясь друг у друга на квартирах. Тут Прабхупада негромко запел, и молодые люди стали подпевать ему.

Анатолий впитывал в себя философию сознания Кришны с той же жадностью, с какой изголодавшийся человек набрасывается на пищу. Анатолий и его друг проговорили с Прабхупадой несколько часов, и, уходя, договорились, что завтра придут опять.

Шьямасундара стал общаться с Анатолием и Нараяной. Анатолий изучал в институте восточную философию и был к тому же очень умным и любознательным молодым человеком, которого интересовало все, что происходит в мире. Он был поклонником «Битлз», и Прабхупада рассказал ему о своем знакомстве с Джорджем Харрисоном и Джоном Ленноном. Анатолий и Шьямасундара долго говорили о чаяниях и надеждах молодежи за пределами России. Шьямасундара объяснял ему, что сознание Кришны является главным принципом, который лежит в основе всех прочих методов духовного самоосознания. Он рассказал Анатолию об основных принципах *бхакти-йоги*, таких как обязательное повторение шестнадцати кругов мантры Харе Кришна на *джапа-мале*, вегетарианство и т. д., и подарил ему свой экземпляр «Бхагавад-гиты как она есть».

Прабхупада показал Анатолию, как делать *чапати* и варить рис, и попросил его перестать есть мясо. Анатолий с готовностью принял все: и повторение мантры Харе Кришна, и новую диету. Прабхупада обучал Анатолия так, чтобы после его отъезда он мог заниматься *бхакти-йогой* самостоятельно. Скоро Анатолий почувствует, как в нем происходят перемены и как он прогрессирует в духовной жизни, а спустя некоторое время он будет готов получить духовное посвящение. Анатолий обещал рассказать о сознании Кришны своим друзьям. За последние два дня своего пребывания в Москве Прабхупада постарался передать Анатолию все, что только мог. Во встрече с этим пытливым и умным русским юношей Прабхупада увидел истинный смысл своей поездки в Россию.

Прабхупада привел следующий пример: чтобы узнать, готов ли рис, повару достаточно попробовать одно зернышко. Точно так же, познакомившись с одним русским юношей, Прабхупада мог судить о том, что русские люди не удовлетворены жизнью в образцово-показательной стране победившего социализма. Анатолий был готов к тому, чтобы принять сознание Кришны, а это означало, что миллионы людей в России тоже готовы к этому.

Ведический философ Чанакья Пандит говорит, что один распустившийся цветок может оживить целый лес, а огонь, охвативший одно дерево, может сжечь весь лес. С марксистской точки зрения, Анатолий был тем охваченным пламенем деревом, которое, передав сознание Кришны другим, сокрушит коммунистическую идеологию. А с точки зрения Прабхупады, он был благоуханным цветком, аромат которого донесется до многих людей. Поездка Прабхупады в Россию оказалась не напрасной. Она дала ему счастливую возможность посеять семена сознания Кришны в этой забытой Богом стране.

Так Шрила Прабхупада принес движение Господа Чайтаньи в еще одну страну мира. Чайтанья Махапрабху некогда предсказал, что движение

санкиртаны придет в каждый город и каждую деревню мира, однако на протяжении столетий Его слова оставались лишь предсказанием. За то время, которое прошло со дня приезда Прабхупады в Америку в 1965 году, ему удалось посеять семена сознания Кришны в самых разных местах, одно невероятнее другого. И из всех мест Россия была, пожалуй, самым невероятным. Но во время своего короткого, проходившего под надзором властей визита в Москву он посеял в Советском Союзе семена сознания Кришны. Он был подобен игле, а все, кто был хоть как-то связан с Прабхупадой, следовали за ним, как нить.

Профессор Котовский в беседе с ним заметил, что ему, должно быть, скучно целыми днями сидеть в старомодной гостинице. Он не понимал, что Прабхупада был так же трансцендентен Москве как и любому другому месту в материальном мире. Он приехал сюда, и Кришна послал ему искреннюю душу, принявшую от него дар сознания Кришны. Это не было результатом хитроумной диверсии против советского правительства, а произошло благодаря присутствию чистого преданного Кришны, который искренне желал своей проповедью доставить Господу удовольствие. Отозвавшись на чистое желание Прабхупады, Кришна послал ему одного юношу, от которого это желание передастся другим. Ничто, даже «железный занавес», не могло преградить путь сознанию Кришны. Естественная склонность души — служить Кришне, а естественная склонность Кришны — исполнять чистые желания Своего преданного, и никто не в силах помешать этому.

* * *

Найроби, сентябрь 1971 года

Прабхупада хотел проповедовать африканцам. В Кении индийцы и африканцы жили изолированно и не общались друг с другом. Но, поскольку человек, сознающий Кришну, не делает различий между людьми на основе их внешнего облика, Прабхупада говорил, что индийцы обязаны поделиться своей духовной культурой с африканцами.

В Африке представителем созданного Прабхупадой Джи-би-си был Брахмананда Свами. Прабхупада неоднократно давал понять Брахмананде, что его главная обязанность в Африке — нести сознание Кришны коренному населению континента. Однако из-за неудач в Турции и Пакистане Брахмананда не хотел проводить в Найроби уличные киртаны. К тому же африканцы говорили преимущественно на суахили, были воспитаны в иных культурных традициях и, как правило, были слишком бедны для того, чтобы покупать книги. Поэтому Брахмананда не знал, как можно привлечь их к сознанию Кришны. Обращаться же к индийцам было для него легко и естественно.

Но Прабхупада хотел проповедовать африканцам. «Это африканская страна, — говорил он, — африканцы тут хозяева, и мы должны проповедовать им».

Как и во всем, что он делал в сознании Кришны, Прабхупада сам показал преданным, как осуществить его план. Он воспользовался храмом Радхи-Кришны, который находился в центральной части города, в квартале, населенном преимущественно африканцами. В храме был зал, двери которого выходили на оживленную улицу, и Прабхупада велел преданным устроить в этом зале киртан, оставив двери открытыми. Преданные так и сделали, и через пять минут зал стал наполняться людьми. Это был бедный район города, и люди, пришедшие в храм, были неграмотными и грязными. Но то, что происходило в храме, их очень заинтересовало, и они с восторгом присоединились к киртану, улыбаясь, хлопая в ладоши и танцуя.

Брахмананда Свами вышел из храма и направился к соседнему дому, где остановился Прабхупада.

— В храме полно народу, — сказал он, — но вам не обязательно туда приходить. Мы все можем сделать сами.

— Нет, — ответил Прабхупада, — я должен идти.

Брахмананда еще раз попытался отговорить его.

— Нет, нет, я должен идти, — повторил Прабхупада. — Ты проводишь меня?

Когда Брахмананда вернулся в храм вместе со Шрилой Прабхупадой, народу в зале было еще больше, чем несколько минут назад. Когда Прабхупада в шелковом шафрановом одеянии появился в этой грязной, плохо освещенной комнате, он, казалось, излучал сияние. Он шел, а толпа расступалась перед ним, и все рассматривали его с нескрываемым любопытством. Поднявшись на возвышение, Прабхупада начал киртан, и после этого стал говорить. Несмотря на то, что публика понимала только суахили, люди слушали его с уважением. И им очень понравился киртан.

Члены индийской общины с опаской отнеслись к тому, что Прабхупада открыл двери их храма для африканцев. Некоторые из них пришли посмотреть, что из этого выйдет. Однако то, что делал Прабхупада, движимый состраданием к людям, произвело на них сильное впечатление. Эта на первый взгляд нехитрая программа обладала такой духовной силой, что могла устранить любые культурные барьеры, стоявшие между людьми.

В этом и должна заключаться миссия Брахмананды Свами в Африке, настаивал Прабхупада, — нести сознание Кришны ее коренным жителям, африканцам. И программа должна быть простой: раздавайте *прасад*, книги и пойте мантру Харе Кришна под аккомпанемент барабанов и *картал*. Общество сознания Кришны не должно превратиться в очередную индуистскую религиозную организацию, каких много в Найроби. Индусы, безусловно, должны принимать участие в его деятельности, жертвуя деньги, но проповедовать Брахмананда Свами должен африканцам и из их числа набирать новых членов Общества.

Когда к Прабхупаде в Найроби приехало несколько его чернокожих учеников из Америки, он сказал им: «Четыреста лет назад ваших предков

вывезли отсюда рабами, а теперь, смотрите-ка, вы вернулись сюда как хозяева!»

Прабхупада также организовал первый в Найроби уличный киртан. Преданные пришли к самому большому дереву в парке Камакунджи, историческому месту, связанному с борьбой Кении за независимость. Когда они встали под деревом и запели, вокруг них сразу же собралась большая толпа, и многие начали подпевать. Нашлись даже люди, которые стали исполнять некое подобие ритуального танца. Один молодой человек вышел вперед и предложил переводить речь Брахмананды на суахили. Преданные ходили в толпе и раздавали сладкие бунди. Африканцы были в полном восторге. Программа прошла с огромным успехом.

Поспешив к Прабхупаде, Брахмананда сообщил ему о замечательном киртане, который они устроили в парке. Брахмананда испытывал то же чувство, что и в 1966 году, когда он сообщил Прабхупаде об успехе первого киртана в Вашингтон-Сквер-парке в Нью-Йорке. Теперь, так же как и тогда, их первая попытка увенчалась успехом. Так, вдохновляя преданных собственным примером и подталкивая Брахмананду Свами, Прабхупада всего за несколько дней перенес акцент проповеднической деятельности в Африке с индийцев на африканцев.

В тот вечер, когда была назначена лекция Прабхупады в Университете Найроби, в главной аудитории университета собралось две тысячи студентов-африканцев, сотни людей стояли снаружи, заглядывая в окна и двери. Сначала Прабхупада предоставил слово Бхута-бхаване, своему ученику-негру из Америки. Тот произнес короткую вступительную речь, вставляя фразы на суахили. «Харамбай», — начал он, что означало: «Приветствую вас, братья. Давайте работать вместе».

Затем выступил Прабхупада: «Все в мире только тем и занимаются, что хотят обрести что-либо или сожалеют об утраченном. Вы, африканцы, хотите уподобиться европейцам и американцам, а европейцы потеряли свою империю и теперь оплакивают эту утрату. Так, одни все время чего-то хотят, а другие скорбят о своих потерях...

Мы приехали в Африку, чтобы пригласить всех разумных африканцев присоединиться к нам. Приходите к нам, изучайте эту философию и распространяйте ее. Вы стараетесь развиваться, поэтому, пожалуйста, развивайтесь в правильном направлении. Не подражайте американцам и европейцам, которые живут, как кошки и собаки. Эта цивилизация обречена. Атомная бомба уже создана, и, как только разразится новая война, их небоскрегам и всему остальному придет конец.

Опираясь на истинные знания, постарайтесь понять, в чем заключается цель человеческой жизни. Сделать это вам поможет Движение сознания Кришны. Вот почему мы просим вас: постарайтесь понять эту философию. Спасибо».

Аудитория разразилась аплодисментами, все аплодировали стоя. Такая реакция еще раз доказала, что послание Кришны обращено к человеческому сердцу и предназначено для всех людей, независимо от их политических убеждений, места жительства и социального положения. Когда Прабхупада впервые ступил на землю Африки в аэропорту Найроби, он заверил журналистов, что будет проповедовать африканцам. И он выполнил свое обещание. Он принес жителям Африки то же учение и то же преданное служение, которое до этого принес американцам. То, в чем нуждаются американцы, и то, в чем нуждаются африканцы, может дать им только сознание Кришны. Сознание Кришны будет находить отклик в сердцах людей всюду, если его будут распространять искренние и разумные люди.

Проповедь Прабхупады в Найроби оказалась особенно действенной. Он утвердил сознание Кришны в новом городе и тем самым дал Брахмананде Свами пример для подражания, продемонстрировав, как нужно распространять сознание Кришны на всем африканском континенте. А Шьямасундара не уставал сообщать своим духовным братьям в Джи-би-си о поразительных успехах Прабхупады.

Темп все время нарастает. Его Божественная Милость начинает осваивать еще одно огромное поле деятельности. Люди валят толпами, проявляя любопытство и задавая серьезные вопросы...

Однажды, завершив длившийся до поздней ночи проповеднический марафон, Прабхупада попросил поесть и обронил: «Видите, я голоден. Я должен все время говорить — в этом моя жизнь. Не давайте мне замолчать...»

5 - Здесь будет храм - Часть первая

Калькутта, март 1971 года

Полночь. Шрила Прабхупада сидит на подушке за низким письменным столом. Во всем доме свет горит только у него. Остальные преданные давно спят. Перед ним на столе диктофон и том «Шримад-Бхагаватам» с комментариями на бенгальском. Между двумя вазочками с розами и астрами стоит в рамке небольшая фотография его духовного учителя Бхактисиддханты Сарасвати. На полу перед столом лежит широкая циновка, покрытая белой хлопчатобумажной тканью, на которой несколько часов назад сидели преданные и гости.

Однако сейчас он один. Обычно он ложится в десять, а часа через три или четыре встает и начинает переводить, но сегодня он не отдыхал, его "Бхагаватам" так и лежит нераскрытым, диктофон зачехлен.

Он отправил двух своих учеников — Тамала-Кришну и Бали-Мардану в Майяпур, чтобы они купили там землю.

Прошло шесть дней, а их все нет, и где они неизвестно. Он велел им не возвращаться, пока сделка не будет оформлена, но шесть дней — срок более чем достаточный. Он уже начал беспокоиться, и мысль об этих двух учениках постоянно преследует его.

Задул легкий ветерок, и через открытое окно донесся запах дерева *ним*. Становилось прохладно, и Прабхупада закинул на плечи тонкий *чадар*. Поглощенный своими мыслями, он сидел, откинувшись на валик дивана, и почти не замечал знакомой обстановки комнаты. Рядом — глиняный кувшин с водой для питья и *туласи* в горшке на низкой деревянной подставке. Электричества почти не бывает ни днем, ни ночью, а сейчас его включили, и мошкара вьется вокруг голой лампочки над головой. Потолок патрулирует ящерица, которая время от времени бросается к лампочке, чтобы схватить какую-нибудь мошку.

Почему Тамала-Кришна и Бали-Мардана задерживаются? Дело не в этих шести днях — уже в течение многих лет он пытается приобрести в Майяпуре землю. На этот раз все складывалось как нельзя лучше. Он дал четкие и ясные указания Тамала-Кришне и Бали-Мардане, и, по его расчетам, они уже должны были вернуться. Их задержка наводила на мысль о каких-то затруднениях или даже опасности.

Земля, которую они хотят купить, — это участок площадью 9 бигхов [2,25 га] на Бхактисиддханта Роуд, в полутора километрах от места рождения Господа Чайтаньи Махапрабху. Братья Сек, фермеры-мусульмане, сначала запросили очень высокую цену. Лишь недавно одному калькуттскому адвокату,

хорошо знающему Навадвипу, удалось договориться с ними о приемлемой цене. Братья Сек согласились на четырнадцать с половиной тысяч рупий, и Прабхупада распорядился снять деньги со своего счета в банке в Кришнанагаре. Затем Тамала-Кришна и Бали-Мардана отправились в Майяпур, а Прабхупада остался в Калькутте. Здесь он продолжал заниматься делами, но мысли его то и цело возвращались к ученикам, которые отправились в Майяпур. Он поручил им очень важную миссию и, беспрестанно думая о них, своей заботой благословлял учеников.

Прабхупада сидит, погруженный в размышления. До него доносятся лишь обычные ночные звуки. Скребется мышь, какой-то брахмачари храпит на веранде, а где-то вдалеке ночной сторож совершает свой обход, стуча палкой. Машины здесь не ездят, только изредка деревянные рикши громяхают по изрытой выбоинами мостовой.

Прабхупада боится, как бы его ребят не ограбили. Прежде чем отправить их в Майяпур, он показал Тамала-Кришне, как хранить деньги в самодельном матерчатом поясе. Но сумма большая, а грабеж в Навадвипе не такая уж редкость. А может быть, их задержало что-то другое? Иногда при заключении крупной земельной сделки суд требует, чтобы чиновник зарегистрировал достоинство, а также серию и номер каждой купюры. А может, поезд сошел с рельсов...

Вдруг на лестнице послышались шаги. Кто-то открыл входную дверь и теперь шел по веранде. В дверь тихонько постучали.

— Кто там?

Вошел Тамала-Кришна и простерся перед Шрилой Прабхупадой в *дандавате*.

— Ну, какие новости?

Тамала-Кришна торжественно посмотрел на него:

— Земля ваша!

Прабхупада со вздохом облегчения откинулся назад.

— Прекрасно, — сказал он. — Теперь можете идти отдыхать.

Лондон, август 1971 года

Прабхупада попросил верховного комиссара Индии в Великобритании пригласить премьер-министра Индиру Ганди на церемонию закладки первого камня храма ИСККОН в Майяпуре. Прабхупада уже распорядился, чтобы на церемонию прибыли все секретари Джи-би-си, и попросил преданных пригласить на нее всех известных людей в Калькутте. Он написал своим ученикам в Индии, что, если Индира Ганди не согласится присутствовать на церемонии, они должны уговорить приехать, по крайней мере, губернатора Бенгалии Шри С.С. Дхавана.

Тем временем в Лондоне Прабхупада встретился с некоторыми из своих учеников — профессиональными архитекторами и проектировщиками. Он хотел, чтобы они сделали проект храма в Майяпуре. Нара-Нараяна строил

колесницы для Ратха-ятры и делал дизайн храмовых интерьеров. Раначора изучал архитектуру, а Бхавананда был профессиональным дизайнером. Но, поскольку Прабхупада уже продумал план зданий в Майяпуре, его ученикам оставалось только сделать чертежи и макет. Сам он немедленно начнет собирать деньги и обеспечит поддержку этому проекту в Индии. Преданные, которые слышали о планах Прабхупады, считали их самым грандиозным начинанием ИСККОН.

На утренних прогулках по Рассел-Сквер Прабхупада, указывая то на одно, то на другое здание, спрашивал, какой они высоты. Наконец однажды утром он объявил, что главный храм в Майяпуре должен быть более 90 метров высотой! Наводнения во время муссонных дождей и песчаные почвы Майяпура — все это создаст большие трудности, сказал он. Здание придется строить на специальном фундаменте, наподобие плавучей платформы. Впоследствии это подтвердил инженер-строитель.

Прабхупада сказал, что в первую очередь необходимо построить большую четырехэтажную гостиницу. Его замысел не укладывался в рамки какого-то определенного архитектурного стиля, но по внешнему виду будущее здание больше всего напоминало строения Раджастхана. Он хотел, чтобы здание было розовато-красного цвета со множеством арок и широкими мраморными верандами на всех этажах, кроме первого. Оно должно протянуться с востока на запад, по ходу солнца, так, чтобы прямые солнечные лучи никогда не падали на фасад. В летний зной ветер с юга принесет сюда приятную прохладу. В доме должно быть проведено электрическое освещение и установлены вентиляторы. Просторные, хорошо проветриваемые комнаты будут оборудованы современными туалетами, душами и обставлены мебелью.

Гостиницу нужно построить как можно скорее, говорил Прабхупада, а затем сразу приступить к строительству других зданий. Он хотел построить жилые помещения для пятисот преданных, огромный, на несколько тысяч человек, зал для принятия *прасада*, большую кухню и *гошалу* для коров, которые будут пастись на окрестных лугах. Со временем ИСККОН приобретет прилегающие участки земли и разобьет там парки с клумбами, деревьями и кустарниками, фонтанами, аллеями и беседками.

Главное сооружение — величественный Майяпур-Чандроая-Мандир — будет достигать в высоту 90 метров и, вероятно, обойдется в десятки миллионов долларов. Своими масштабами проект Прабхупады поразил как архитекторов, так и преданных: будущий храм затмит американский Капитолий и Собор Св. Петра в Риме. В центральном куполе храма разместится трехмерная модель вселенной, в основу которой ляжет описание, взятое из Вед. Модель будет изображать не только материальную вселенную, но и духовный мир.

Войдя в главный зал и взглянув наверх, человек увидит планеты, расположенные в соответствии с описанием, которое приведено в «Шримад-Бхагаватам»: сначала низшие планеты, затем средние, к числу которых относится Земля, затем райские планеты полубогов и наконец Брахмалоку —

высшую планету материального мира. Над Брахмалокой посетители увидят обитель Господа Шивы, а над ней — духовное небо, *брахмаджьоти*. В духовном сиянии *брахмаджьоти* парят излучающие свет планеты Вайкунтхи, на которых живут вечно освобожденные души. А на самом верху будет расположена высшая планета, Кришналока, где Господь в Своей изначальной вечной форме наслаждается играми со Своими ближайшими спутниками.

В храме также будет сооружен миниатюрный дворец, где среди шелков и колонн, украшенных серебром, золотом и драгоценными камнями, будут стоять Божества Радхи и Кришны. Майяपुर-Чандродая-Мандир и город Майяपुर станут штаб-квартирой ИСККОН.

Но почему это доселе невиданное архитектурное чудо должно появиться в такой глуши? Потому, объяснил Прабхупада, что Майяपुर — это вовсе не глушь. Он только *кажется* глухим и удаленным местом. Материалистам все важное представляется чем-то далеким и незначительным. Душа и следующая жизнь кажутся им необыкновенно далекими, а тело и сиюминутные чувственные наслаждения — самым важным и существенным. Построив Храм Ведического планетария в Майяпуре, Шрила Прабхупада привлечет внимание зараженных болезнью материализма людей к истинной основе бытия.

Любой непредубежденный посетитель будет очарован красотой города ИСККОН в Майяпуре и почувствует, что он находится в духовном мире. А живущие в Майяпуре преданные, которые будут постоянно петь святые имена и обсуждать философию сознания Кришны, убедят любого мыслящего посетителя в том, что учение Господа Чайтаньи Махапрабху является высшей истиной. Преданные расскажут гостям о философии Абсолютной Истины, и те смогут прикоснуться к подлинной духовной истине, которая не вмещается в рамки сектантской религиозной догмы. Более того, непрерывные киртаны, пение мантры Харе Кришна и светящиеся радостью лица преданных, занятых разнообразным служением Господу, убедят их в том, что бхакти-йога является самым простым и естественным методом медитации на Верховную Личность Бога. Даже короткого пребывания в городе ИСККОН в Майяпуре будет достаточно, чтобы человек стал преданным Господа и начал в экстазе танцевать и петь святые имена.

Шрила Прабхупада хотел показать, как с помощью бхакти-йоги можно одухотворить мир, связав материальные ценности с Верховной Личностью Бога, Кришной. Так почему бы этому духовному плану не затмить все достижения материалистов?

* * *

Шрила Прабхупада снова вернулся в Индию, он путешествовал и проповедовал вместе со своими учениками После завершения устроенного преданными десятидневного фестиваля в Новом Дели который посетили несколько сотен тысяч человек, он решил отвезти своих учеников во Вриндаван на небольшую экскурсию. Проповедуя, он побывал в Амритсаре,

Сурате, Индоре, Горакхпуре, Аллахабаде и Бенаресе, но во Вриндаван так и не попал. Однако, поскольку на праздник в Дели съехалось множество его учеников, он решил, что сейчас самое подходящее время поехать во Вриндаван, который находится совсем рядом.

Во Вриндаване Прабхупаду, его секретарей и женщин из их группы разместил в своем доме господин Г. Л. Сараф. Его дом назывался Сараф Бхаван. Остальные преданные остановились в соседней *дхармашале*.

Для Прабхупады поездка во Вриндаван была не просто паломничеством. Он приехал сюда, чтобы подыскать участок земли для храма ИСККОН. Во время своего последнего посещения Вриндавана в 1967 году Прабхупада главным образом хотел отдохнуть и восстановить силы, но даже в тот раз он уже присматривал место для своих учеников. Он хотел построить во Вриндаване Американский дом, чтобы его ученики могли жить в идеальной атмосфере Вриндавана, овладевать культурой сознания Кришны, а затем отправляться проповедовать. Однако, пробыв во Вриндаване два месяца и убедившись, что надежд на создание Американского дома практически нет, он уехал.

Но на этот раз он едет во Вриндаван как всемирно известный посол этого города и прославленный проповедник культа Радхи-Кришны и Вриндавана в странах Запада. Прабхупада вместе со своими зарубежными учениками побывал во многих индийских городах, устраивая киртаны, выступая с лекциями по «Шримад-Бхагаватам» и рассказывая людям о сознании Кришны, так что об успехах Движения Харе Кришна знала уже вся Индия. Поэтому, когда Прабхупада и сорок его учеников приехали во Вриндаван, весть о его прибытии мгновенно разнеслась по всему городу.

* * *

Участок земли находился в Рамана-Рети. Прабхупада отметил, что этот участок на окраине Вриндавана расположен возле оживленной Чхатикара-Роуд — главной дороги Вриндавана и автомагистрали, ведущей в Агру. Рядом с участком пролегал маршрут *парикрамы*, по которому ежегодно проходили миллионы паломников, совершая обход Вриндавана, посещая храмы и святые места.

Большую часть Рамана-Рети (буквально «дивные пески») покрывали дикие заросли. Кроме того, там было несколько *ашрамов* и заброшенных полей. В Рамана-Рети пять тысяч лет назад Кришна играл со Своим братом Баларамой и друзьями-пастушками, и потому атмосфера здесь, как и во всем Вриндаване, была особой — она была насыщена любовью к Богу.

Хотя городские власти поговаривали о том, чтобы бесплатно предоставить ИСККОН землю под храм, Прабхупада с большей серьезностью отнесся к предложению мистера С. Мистер С. сообщил, что эту землю просят у них многие *садху*, но они с женой еще не приняли окончательного решения. Они хотели отдать землю тем, кто в кратчайший срок возведет на ней храм

Радхи-Кришны. Прабхупада заверил мистера С., что сделает это, и мистер С. сказал, что отныне Прабхупада может считать землю своей.

Прабхупаде и раньше приходилось слышать подобные обещания, которые чаще всего оказывались пустым звуком. Однако это предложение выглядело весьма заманчивым, поэтому Прабхупада назначил учеников, которые должны были остаться во Вриндаване, чтобы подписать контракт с мистером С.

* * *

С 1965 по 1970 год Прабхупада занимался главным образом упрочением позиций сознания Кришны в Америке. Он рассчитывал, что если американцы примут сознание Кришны, то за ними последует весь мир. Проповедовать на английском он начал еще в Индии, но почти шестьдесят лет борьбы в одиночку убедили его в том, что индийцы либо слишком поглощены политикой, либо слишком невежественны и ничего не знают о собственном духовном наследии, либо слишком задавлены бедностью, чтобы принять сознание Кришны всерьез. Поэтому в Индии он так и не добился успеха.

Успех пришел к нему в Соединенных Штатах. Было очевидно, что это — самое благоприятное место для распространения сознания Кришны. И все же Прабхупада находил, что Запад бескультурен и нецивилизован. Если где-то еще оставались следы цивилизации, так это в Индии — сердце исконной ведической культуры.

Многочисленными поездками, которые Прабхупада совершил до 1970 года, и проповеднической деятельностью в разных частях мира он дал понять, что собирается распространить движение сознания Кришны не только в США, но и по всему миру, и особенно в Индии. Шрила Прабхупада придавал одинаковое значение проповеднической деятельности в Америке и в Индии, но в США проповедь шла хорошо и без его непосредственного руководства. Его американские ученики были в состоянии сами продолжать начатое им дело.

Однако в Индии Прабхупада не мог позволить своим ученикам руководить ИСККОН. Он видел, как часто и легко индийцы обманывают их. Половина всей работы ИСККОН в Индии пошла прахом, говорил он, потому что его учеников то и дело обманывали. Если бы программу в пандале устраивали они, им пришлось бы заплатить в несколько раз больше настоящей цены. В Индии ИСККОН мог развиваться нормально только под личным руководством Прабхупады.

Начиная с 1970 года Прабхупада с небольшой группой своих американских учеников ездил по Индии как идеальный санньяси, открывая для ИСККОН новые обширные сферы деятельности. Теперь он хотел построить в Индии три больших храма — один во Вриндаване, другой в Майяпуре, а третий в Бомбее. Еще в 1967 году он предпринял первую попытку построить для своих учеников Американский дом во Вриндаване. Майяпур, место рождения Господа Чайтаньи Махапрабху, имел особое значение, а Бомбей был крупнейшим

городом страны, «воротами Индии». Как и во многих других случаях, даже самые близкие ученики Прабхупады до конца не понимали всей грандиозности его замыслов. Но сам Прабхупада знал, чего он хочет, как знал и то, что все зависит от Кришны. Постепенно он начал осуществлять свои планы.

* * *

Бомбей,
ноябрь 1971 года

Вот уже год преданные жили в двух квартирах на седьмом этаже здания Акаш-Ганга в самом центре Бомбея. Но Прабхупаде этого было мало. Он хотел купить в Бомбее землю, чтобы строиться и расширяться. Он был полон решимости. Вместо обычных утренних прогулок Прабхупада ездил по городу на автомобиле в поисках подходящего места.

Поскольку большинство свободных членов ИСККОН жило в аристократическом районе на Малабарском холме, ученики Прабхупады считали, что это самое подходящее место для будущего храма. Несколько раз Прабхупада поднимался на вершину Малабарского холма и ходил, осматривая земельные участки и большие здания, в которых мог бы разместиться храм. Но по разным причинам ни один из этих домов ему не подходил.

И вот в ноябре некий господин Н. предложил ИСККОН купить у него два гектара земли в Джуху, на самом берегу Аравийского моря. Как только Шрила Прабхупада приехал туда, он вспомнил, что уже видел этот участок и думал о нем несколько лет назад. В августе 1965 года за несколько недель до отъезда в Америку Прабхупада некоторое время жил в Синдия-Колони. По вечерам он приходил в дом владелицы пароходной компании «Синдия» госпожи Сумати Морарджи в Джуху, где читал и комментировал «Шримад-Бхагаватам» для нее и ее гостей. Несколько раз он проходил мимо этого участка земли, отмечая про себя, какое это удачное место для *ашрама* и храма Радхи-Кришны. Хотя в то время все его мысли были заняты предстоящим отъездом из Индии, он тем не менее обратил внимание на этот участок земли в Джуху. И вот теперь он снова в Джуху, осматривает ту же самую землю, которую заметил несколько лет тому назад. Он воспринял это как знак Кришны.

Участок зарос бурьяном и кустарником, на нем росло много кокосовых пальм. В глубине участка стояло несколько жилых домов. Он выходил на Джуху-Роуд, главную транспортную магистраль, ведущую в центр города, который находился в двадцати девяти километрах к югу от Джуху. В нескольких минутах ходьбы был пляж, широкая песчаная полоса, протянувшаяся вдоль побережья.

Место было хорошее — тихое, но в то же время не слишком отдаленное. На пляж выходило несколько пятизвездных отелей, и предприниматели приступили к строительству новых отелей и жилых домов. Прабхупада

прошелся по берегу, и идея покупки земли стала казаться ему еще более заманчивой. Здесь было много загородных вилл, принадлежавших зажиточным индийцам, в которых они проводили выходные дни, тысячи бомбейцев приезжали по воскресеньям в Джуху на пляж. Сотни жителей Джуху каждый день перед работой совершали утреннюю прогулку по берегу моря. Здесь почти всегда былолюдно, но, несмотря на это, пляж оставался чистым. Ласковый прибой и чистый воздух влекли сюда людей. Это было идеальное место не только для отелей, но и для центра сознания Кришны.

Прабхупада хотел приобрести землю в Джуху, и, хотя ученики продолжали показывать ему дома на Малабарском холме, он не менял своего решения. Его ученики хотели того же, чего хотел он, но перспектива поселиться так далеко от центра, на заброшенном пустыре, где не было ни храма, ни даже пристойного жилья, немного пугала их.

Господин Н., владелец двух гектаров земли в Джуху, назвал вполне приемлемую цену и производил впечатление человека доброжелательного и искреннего. Тем не менее в подобных сделках всегда был риск, а в данном случае у Прабхупады даже было основание не доверять ему. Через своего адвоката он узнал, что некоторое время назад господин Н. договорился о продаже того же самого участка компании С., но затем расторг договор. Компания подала на господина Н. в суд за нарушение договора. Если Верховный суд Бомбея решит дело в пользу компании С., то земля перейдет к ней. Когда секретарь Прабхупады спросил господина Н. об этом осложнении, тот заверил его, что у компании С. нет шансов выиграть дело, но в любом случае ИСККОН может задержать какую-то часть платежей до тех пор, пока не закончится тяжба с С.

Господин Н. был в Бомбее видной фигурой. Бывший шериф Бомбея, а теперь — издатель одной из крупнейших в Бомбее ежедневных газет на английском языке, он был богат (ему принадлежало несколько земельных участков и домов в Джуху и в самом Бомбее) и влиятелен — словом, не тот человек, с которым можно было бороться. Чтобы отважиться на покупку земли в Джуху при таких обстоятельствах, нужно было обладать немалой смелостью.

В конце декабря Прабхупада встретился с господином и госпожой Н., и откровенно сказал им, что земля в Джуху ему нравится, но у него мало денег. Господин Н., казалось, был расположен к Прабхупаде и сказал, что хочет продать землю именно ему. Они быстро пришли к устной договоренности.

Прабхупада и господин Н. договорились о задатке в размере 200 000 рупий. После выплаты задатка ИСККОН немедленно получит документ о передаче недвижимости. Оставшуюся сумму, которая составляла 1 400 000 рупий, ИСККОН выплатит позднее, по частям. Затем Прабхупада обсудил условия выплаты задатка. Он предложил заплатить 50 000 рупий сразу, а еще 50 000 позднее, после чего ИСККОН получит право занять землю. Как только они уплатят остающиеся 100 000 рупий задатка, господин Н. выдаст им купчую. Господин Н. согласился.

Шрила Прабхупада всегда был очень осторожен в таких делах и тщательно продумывал все детали. Он часто говорил, что, если бизнесмен уверяет вас: «Сэр, ради вас я остаюсь без прибыли», — ясно, что он лжет. Поэтому еще в первые годы существования ИСККОН, когда в Нью-Йорке один агент по продаже недвижимости притворился благодетелем преданных, Прабхупада с большой осторожностью отнесся к его предложению. Но несмотря на неоднократные предупреждения Прабхупады, преданные все-таки попались на удочку этого пройдохи. Теперь, как и тогда, Прабхупада не особенно доверял господину Н., но он хотел купить землю в Джуху и потому шел на риск.

Преданные во всем мире были в восторге от планов Прабхупады, связанных со строительством бомбейского центра, и только бомбейские преданные испытывали смешанные чувства. Представить себе, как на этом диком, заросшем участке земли, поднимется храм, было не просто, как не просто было вообразить себе и пятизвездный отель ИСККОН, о котором говорил Прабхупада. Жилые дома в глубине участка были заселены полностью, и, согласно индийским законам, никто не имел права выселить оттуда жильцов. Если преданные обоснуются здесь, им придется построить временные жилища или даже временный храм, а тут полным-полно комаров и крыс. Джуху — это небольшой, удаленный квартал, и здесь у ИСККОН нет богатых покровителей. Хотя Прабхупада (и торговцы землей) предсказывал, что Джуху будет расти и развиваться, в то время это была всего лишь деревня с населением в две тысячи человек. Жизнь в Джуху будет резко отличаться от жизни в комфортабельном Акаш-Ганга-Билдинге в самом центре Бомбея.

Тамала-Кришна объяснял Прабхупаде:

— Мы приехали с Запада. Мы не можем так жить, мы привыкли к ручкам на дверях и к водопроводу.

— Разве вы не хотите очиститься? — спросил его Прабхупада.

Когда бомбейские преданные узнали о разговоре Тамала-Кришны с Прабхупадой, слова «Разве вы не хотите очиститься?» глубоко запали им в душу. Они поняли, что Прабхупада просит их стать более аскетичными, заботясь об их же благе. Они стали смотреть на переезд в Джуху как на серьезное духовное испытание. Их духовный учитель придавал большое значение проекту ИСККОН в Джуху. Этот проект был грандиознее и чудеснее, чем они могли себе представить в тот момент.

* * *

Хотя Прабхупада продолжал непосредственно руководить всей деятельностью ИСККОН, он хотел, чтобы практическими делами занимались секретари Джи-би-си. Он считал, что должен отдавать всю свою энергию и силы переводу книг. «Если Джи-би-си будет справляться с делами, — сказал он своему секретарю Шьямасундаре, — тогда голова у меня будет свободна, и я смогу посвятить все свое время книгам. Я могу дать вам столько книг — Веды,

Упанишады, Пураны, „Махабхарату“, "Рамаяну" — все. В нашей *сампрадае* Госвами создали великое множество произведений о преданном служении. Административная деятельность отнимает у меня слишком много времени. Я мог бы заниматься философией, но вместо этого моя голова день и ночь занята всевозможными проблемами, и это мешает мне заниматься своим настоящим делом».

Помимо того что Прабхупада непосредственно руководил индийскими проектами, он ежедневно отвечал по меньшей мере на десяток писем, приходивших от преданных со всех концов света.

— Почему они все время пишут мне и задают столько вопросов? — спросил он у своего секретаря.

— Преданные предпочитают спрашивать лично вас, — ответил Шьямасундара, — так как секретари Джи-би-си не всегда могут дать правильный ответ.

— Теперь они знают все, — отвечал Прабхупада. — Я дал вам все. Если они сами не знают ответа, то могут найти его в моих книгах. Я уже старик. Дайте мне возможность спокойно заниматься философией. Весь день читать письма, вести дела, и ночь напролет писать письма — куда это годится? Я хочу избавиться от подобных хлопот. Члены Джи-би-си в состоянии делать это сами.

Однако это было невозможно. Как только Прабхупада чувствовал, что кого-то из преданных обманывают, он сразу же вмешивался в дело сам. А ученики все писали и писали ему, спрашивая о важных делах и консультируясь по административным вопросам. Он был не вправе разочаровывать их. Прабхупада по-прежнему мечтал отойти от дел и посвятить себя литературной деятельности, но все это так и оставалось мечтой. Если ИСККОН суждено было расти и развиваться, то он едва ли мог надеяться на отдых.

* * *

Майяпур, февраль 1972 года

Прабхупада отложил церемонию закладки первого камня в Майяпуре до Гаура-пурнимы (дня явления Господа Чайтаньи) 29 февраля 1972 года. Он хотел устроить большой праздник с *пандалом* и бесплатным угощением для гостей. На этот праздник должны были съехаться его ученики со всего мира.

Я очень хочу в нынешнем году отметить этот праздник вместе со всеми моими учениками... Это очень важный день, и его празднование будет нашим служением Шриле Бхактивиноде Тхакуру и Его сыну Шриле Бхактисиддханте Сарасвати Тхакуру. Так что, пожалуйста, подготовьтесь к нему как следует.

Осматривая жилье для преданных, Прабхупада увидел просторные белые брезентовые палатки — одну для мужчин, другую — для женщин, освещенные лампами дневного света. Большой шатер-*пандал* стоял, окруженный другими

палатками, а маленькая палатка сзади служила кухней. Небольшую огороженную территорию со всех сторон обступали рисовые поля, поэтому земля была слегка влажной, а поля, в которых стояла вода, являлись рассадниками огромных комаров, появлявшихся обычно на закате. Условия жизни в Майяпуре были аскетичными, но многие из преданных уже полтора года путешествовали по Индии, живя то в грязных *дхармашалах* с голыми стенами, то в холодных палатках. Преданные приехали в Майяпур не за комфортом, а для того, чтобы служить Прабхупаде. В будущем, благодаря их усилиям, много-много преданных сможет собираться в Майяпуре и жить в просторных домах со всеми удобствами, как задумал Прабхупада.

Хорошо понимая, что люди с Запада не привыкли к спартанским условиям жизни в Индии, Прабхупада хотел создать для них все удобства, чтобы его ученики чувствовали себя здесь как дома и чтобы бытовые трудности не мешали их служению и духовной практике.

Прабхупада поселился в простой, крытой соломой хижине с земляным полом, площадью около двенадцати квадратных метров. Тоненькая перегородка отделяла главную комнату от помещения для слуг. Впереди находилась небольшая веранда, позади — сад, где Прабхупаде делали массаж. Там же стоял ручной насос для омовений и уборная. Когда преданные стали извиняться перед Прабхупадой за столь скромное жилище, он ответил, что любит естественную простоту. «Даже если бы вы построили для меня роскошные хоромы, — сказал он, — я все равно предпочел бы жить здесь».

Живя в Майяпуре так просто и непритязательно, Прабхупада говорил, что ему видится здесь великолепный город. Божества Радхи-Мадхавы стояли в палатке, а он говорил о дворце из мрамора. Говорил он и о первоклассном отеле, где будут жить гости и преданные, хотя пока мог предложить им совсем немного. Живя просто и счастливо в своей соломенной хижине, он собирал там учеников и делился с ними своими замыслами. По его просьбе преданные сделали небольшой макет здания гостиницы, которое должно быть построено первым, и чертежи будущего храма Планетария. Прабхупада хотел, чтобы в городе, который они построят, были кварталы для каждого из четырех сословий, на которые делится общество *варнашрамы*.

В пятидневную программу празднования Гаура-пурнимы были включены круглосуточные киртаны. Их проводили группы преданных, сменявшие друг друга каждые два часа. По утрам преданные собирались вместе и с киртаном шли в одно из святых мест Навадвипы: к дереву *ним*, под которым родился Господь Чайтанья, в дом Шриваса Тхакура, где Господь Чайтанья и Его спутники проводили ночные киртаны, к месту, где Кази попытался остановить *санкиртану* Господа Чайтаньи, в дом Бхактивиноды Тхакура (Прабхупада рассказывал преданным, что Бхактивинода Тхакур часто стоял перед своим домом, устремив взгляд на другой берег Джаланги, туда, где теперь находится земля Шрилы Прабхупады).

Целыми днями, и особенно по вечерам, преданные толпились на помосте полосатого шатра-*пандала*. Посредине сцены, на традиционной бенгальской

симхасане, сделанной из резных банановых стволов и украшенной разноцветной фольгой и цветочными гирляндами, стояли Божества Радхи-Мадхавы. Прабхупада предоставил своим ученикам возможность самим выступить перед публикой. Главным оратором был Аччютананда Свами, выступавший на бенгальском.

Люди шли непрерывным потоком, и преданные распространяли «Бэк ту Годхед» на бенгальском, английском и хинди. По вечерам они показывали слайды или фильмы. Из своего окна Прабхупада с особым удовольствием наблюдал за раздачей *прасада*, ему нравилось смотреть, как сотни жителей соседних деревень сидели рядами и ели *кичри* с круглых тарелок из листьев. «Делайте это всегда, — говорил Прабхупада ученикам, — всегда раздавайте *прасад*».

Даже несмотря на то что храм еще не был построен, проповедническая деятельность Прабхупады в Майяпуре уже имела огромное значение. Другие, расположенные по соседству *матхи* тоже отмечали Гаура-пурниму. Как правило, все празднование сводилось к тому, что туда съезжались калькуттские вдовы, которые, внося плату, жили в храме и посещали святые места в Навадвипе. Однако программа в *пандале*, которую организовал Прабхупада, была самой яркой, динамичной и привлекала больше всего посетителей. Место рождения Господа Чайтаньи Махапрабху без проповеди не представляет особого интереса, говорил Прабхупада. Люди приезжают в Майяпур только на празднование Гаура-пурнимы, в другое время здесь почти никого не бывает.

«Что важнее, — спрашивает Прабхупада, — место, где родился Господь Чайтанья, или Его деятельность? Его деятельность, *карма*. Его деятельность важнее, чем Его *джанма* — место рождения». Господь Чайтанья пел мантру Харе Кришна и раздавал людям любовь к Богу. Тем же самым должны заниматься в Майяпуре и преданные.

В день Гаура-пурнимы в Майяпур пришло десять санньяси, духовных братьев Прабхупады, чтобы вместе с его учениками и сотнями собравшихся здесь гостей принять участие в церемонии освящения и закладки первого камня. Прабхупада был очень любезен и дружелюбен со своими духовными братьями. Он был рад, что они собрались, чтобы вместе отпраздновать закладку всемирного центра Международного общества сознания Кришны.

Сидя на подушке рядом с жертвенным алтарем и повторяя мантру на четках, Прабхупада дал посвящение шести бенгальским преданным и санньясу молодому ученику из Америки. Затем выступили духовные братья Прабхупады и в своих речах дали высокую оценку деятельности Прабхупады в странах Запада.

Наконец все собрались вокруг ямы площадью в два квадратных метра и глубиной четыре с половиной метра. По краям лежали различные предметы, которые, согласно священным писаниям, нужно было заложить в шахту: пять видов цветов, пять видов злаков, пять видов листьев, пять различных

металлов, пять видов фруктового сока, пять видов красящих порошков, пять видов фруктов и пять видов драгоценных камней. Духовный брат Прабхупады, Пури Махараджа, спустился по лестнице в яму, чтобы положить кокосовые орехи и листья банана в сосуде на украшенный цветами кирпичный алтарь.

Следом за ним в яму спустился Прабхупада, держа в руках коробку, в которой лежало *мурти* Ананты-Шеши — золотое, с глазами из рубинов. Рано утром у себя в хижине Прабхупада показал *мурти* нескольким ученикам из своего ближайшего окружения. «Это — Господь Ананта, — сказал он, — змей, на котором покоится Господь Вишну. Он будет держать храм на Своей голове». Прабхупада поставил Ананту-Шешу на алтарь и поднялся наверх. Затем счастливый Прабхупада пригласил всех кидать в яму свои жертвоприношения — цветы, деньги и в конце горсть земли.

Праздник продолжался пять дней. После его окончания Прабхупада уехал во Вриндаван. Там он планировал провести еще одну церемонию закладки фундамента. Участок в Майяпуре по-прежнему находился в первоначальном состоянии, и Прабхупада настоятельно просил учеников в Индии продолжать сбор средств, необходимых для постройки храма.

Мы задумали построить в Майяпуре грандиозный храм и, если вы все вместе сумеете воплотить этот план в жизнь, храм в Майяпуре не будет иметь себе равных во всем мире. Это будет всемирный центр духовной культуры. В Майяпур будут приезжать учиться люди из всех стран мира, и мы дадим достойный отпор атеизму и коммунизму, которые насаждают философствующие мошенники. Итак, мы должны взять на себя эту великую миссию, и ни на минуту не забывать об ИСККОН. С этой просьбой я обращаюсь к каждому из вас.

* * *

Для подписания контракта о передаче участка земли в Рамана-Рети Прабхупада и господин С. встретились в магистрате города Матхуры. В присутствии адвокатов они завершили все формальности. В том, что ему удалось приобрести во Вриндаване такой хороший участок земли, Прабхупада видел милость Кришны. Он написал в Америку секретарям Джи-би-си и попросил их прислать как можно больше людей для осуществления нового проекта. Он поделился с ними своими намерениями «создать здесь уникальный центр для возрождения духовной жизни Вриндавана с благословения Рупы и Дживы Госвами».

Одному из своих учеников-индийцев, Кширодакашайи, Прабхупада сказал: «Я хочу, чтобы в ознаменование этого события приготовили много *прасада* и пригласили на угощение всех жителей Вриндавана». Через два дня Прабхупада провел церемонию закладки первого камня в Рамана-Рети. Он снова спустился в ритуальную яму и поместил там Господа Ананту, на голове которого должен был покоиться храм.

А ночью на их участок было совершено нападение. Пожилая вдова-индианка, которая имела в округе репутацию садху, разгневалась на господина С. за то, что тот не отдал землю ей, о чем она его неоднократно просила. Ночью она подслала туда гунд, чтобы те разрушили кирпичный фундамент, заложенный на церемонии, и осквернили яму, где лежали цветы и предметы культа. Гунды раскопали яму, насыпали в нее мусора и украли знак, оповещавший о смене владельца земли.

Прабхупаде сообщили о случившемся, когда он сидел у себя в комнате в храме Радхи-Дамодары. Он очень рассердился и велел своим ученикам немедленно обратиться в полицию. На следующую ночь землю охраняло несколько полицейских, и когда наемные гунды явились вновь, полиция предупредила их, что если они еще раз осквернят это место, то их арестуют. На том все и кончилось.

Прабхупада часто говорил, что, став преданным, человек приобретает много врагов. Этот инцидент еще раз подтвердил то, в чем Прабхупада был убежден и раньше: как только ИСККОН приобретает землю, на ней нужно немедленно строить храм. Или, по крайней мере, обнести участок забором, построить временные хижины и жить на этой земле, пока идет подготовка к строительству храма.

Теджас: *«Здесь будет храм Кришны-Баларамы», — сказал Прабхупада. Мы не совсем понимали, что он имеет в виду. Мы все думали, что это произойдет еще не скоро. Рамана-Рети — такая глушь. Вокруг ни души. Место совсем дикое, и, вдобавок ко всему, там орудовали бандиты. Мы считали, что, если построить тут храм, сюда никто не придет. Но Прабхупада сказал: «Туда, где находится Кришна, придет каждый».*

Секретарь Прабхупады Шьямасундара писал своему духовному брату о только что приобретенном земельном участке во Вриндаване:

Сегодня рано утром, до завтрака, Прабхупада благополучно завершил дело с пожертвованием нам участка земли в 4 800 квадратных ярдов [около 0,4 га] в Рамана-Рети, рощице, где Кришна играл со Своими друзьями. Это в десяти минутах ходьбы от храма Радхи-Дамодары. Прабхупада сам обмерил землю (веревкой от москитной сетки), сам вел переговоры, сам набросал план участка, сам составил договор, сам пошел в магистрат Матхуры, подписал, поставил печать и официально вошел во владение — все сразу. Прабхупада просит вас ПРИСЛАТЬ ИЗ АМЕРИКИ В ИНДИЮ НЕ МЕНЕЕ ПЯТИДЕСЯТИ (50) ЧЕЛОВЕК И НЕМЕДЛЕННО!!! Наконец-то у нас в Индии есть настоящее дело: грандиозные проекты в Майяпуре, Вриндаване и Бомбее. Все земельные участки куплены, обо всем договорено, и все это Прабхупада сделал сам. Но нас здесь слишком мало, чтобы поднять такое большое дело — это самые крупные проекты за все время существования нашего Общества. У нас не было дела более великого, чем освоение этих трех мест, и, поверь мне, эти три проекта для Прабхупады дороже всего остального.

За тот месяц, пока Прабхупады не было в Бомбее (он уехал 10 февраля), преданные в назначенный срок уплатили господину Н. 50 000 рупий. Мало-помалу в Джуху перебралось несколько преданных. Жили они в палатке. По ночам им не давали спать крысы и комары. Пытаясь расчистить заросли бурьяна, они наткнулись на груды пустых бутылок и выгребную яму. Без Прабхупады их решимость заметно поубавилась.

Но тут приехал Брахмананда Свами, которого Прабхупада назначил руководить бомбейским проектом. Он вернулся из Калькутты, где был вместе со Шрилой Прабхупадой. Брахмананда Свами заразил бомбейских преданных своим энтузиазмом. Им предстояло расчистить землю и немедленно поставить *пандал*. До этого Брахмананде никогда не приходилось ставить *пандалы*, но он заключил договор с подрядчиком на строительство нескольких домиков крытых пальмовыми листьями (*чхатаи*) для преданных и установку шатра для проведения фестивалей. Однако до начала строительных работ преданные должны как следует расчистить землю.

Господин Сетхи, сосед и свободный член ИСККОН, нанял бригаду рабочих, чтобы вырубить дикие заросли. Пришли на помощь и некоторые другие свободные члены Общества из Бомбея. Господин Н. прислал одного из своих помощников, господина Матара, чтобы тот руководил работами по расчистке земли. Работали и преданные, готовясь к возвращению Прабхупады.

В 1971 году Прабхупада установил в Бомбее Шри Шри Радху-Расавихари, Божества Радхи-Кришны. И вот теперь Они прибыли в «Харе-Кришна-Ленд» — во владения ИСККОН в Джуху, куда преданные привезли Их на такси, держа на коленях. Поскольку Божества прибыли до того, как храм был построен, Их временной обителью стал шатер. Когда Прабхупада отдал указание перевезти Радху-Расавихари в Джуху сразу же, как только будет выплачен первый взнос, преданные спросили его: «Зачем Божествам переезжать до того, как все будет готово? Не лучше ли Им подождать, пока мы построим храм?» «После того, как Божества установлены в каком-то месте, Их уже никто не сможет убрать оттуда», — ответил Прабхупада.

Прабхупада лучше, чем кто-либо другой, знал, как следует поклоняться Радхе-Расавихари, но сейчас главное было в том, чтобы закрепиться на этой земле. «Как иначе, — рассуждал он, — смогу я возвести Радху-Расавихари на царский трон в храме, если Они Сами не утвердят за Собой право собственности, поселившись в Джуху?» Прибытие Радхи-Расавихари создало для преданных дополнительные трудности, поскольку теперь они должны были во что бы то ни стало проводить утреннюю *пуджу* и шесть раз в день готовить для Божеств на своей примитивной кухне. Даже шатер для Радхи-Расавихари был установлен не очень прочно и колыбался на ветру.

Однако Шрила Прабхупада рассматривал переезд как своего рода трансцендентный тактический прием, без которого им было не обойтись. Но, поскольку Прабхупада просил потерпеть неудобства Самого Господа Кришну,

он молил Радху-Расавихари: «О Господь, пожалуйста, останься здесь, и я построю для Тебя великолепный храм».

К возвращению Прабхупады в Бомбей Радха-Расавихари уже были установлены на помосте *пандала*. Народу на программы собиралось не так много, как в центре Бомбея, — не более пятисот человек каждый вечер, но Шрила Прабхупада был доволен. Фестиваль проходил на их собственной земле, и это было только начало.

Уже через несколько дней после приезда в Джуху Прабхупада был готов провести церемонию закладки фундамента и первого камня. Это было еще одним тактическим ходом, который он предпринял, чтобы закрепить за собой право на землю. Но дело было не только в тактике: он хотел как можно скорее построить здесь храм. Не годится, чтобы Радха-Расавихари стояли в палатке, Им подобает находиться в защищенном месте, на мраморном алтаре, на *симхасане* из серебра и тикового дерева; рядом должны стоять *мурти* двух гопи, Лалиты и Вишакхи, а над храмом должны возвышаться мраморные купола высотой более тридцати метров. Тысячи людей будут каждый день приходить в храм на *даршан* и *прасад*.

Однажды утром, в самый разгар фестиваля, Прабхупада вместе с преданными, жившими в Джуху, провел простую и скромную церемонию закладки первого камня. Выкопав глубокую яму, они обложили ее дно кирпичом. Спустившись в нее, Прабхупада установил там Божество Шеши. Потом, сидя на скромном возвышении, он стал бить в медный гонг, сопровождая киртану; преданные по очереди подходили и бросали в яму пригоршни земли, пока яма не наполнилась доверху, а тем временем дым от жертвенного костра медленно поднимался к небу.

Прабхупада готовился к длительному кругосветному путешествию — с востока на запад. Сначала он собирался поехать в Австралию и Японию, затем посетить Гавайские острова, потом поехать в США, может быть, в Мексику и наконец в Европу. В Индию он должен был вернуться не раньше чем через полгода, и потому хотел, чтобы в его отсутствие дела в Бомбее шли ровно и гладко. Однако за несколько дней до его отъезда Брахмананда Свами сообщил ему, что, с тех пор как он уехал из Найроби, проповедническая деятельность там практически прекратилась. Прабхупада согласился, что Брахмананде следует вернуться к исполнению своих прежних обязанностей.

И снова Прабхупаде пришлось искать того, кто мог бы возглавить его бомбейский проект. На этот раз он остановил свой выбор на Гирирадже, молодом *брахмачари*, который очень успешно проповедовал в Индии, привлекая в ИСККОН больше всего свободных членов. Поскольку самое главное для руководителя данного проекта, рассуждал Прабхупада, — уметь собирать пожертвования и находить свободных членов и поскольку Гирирадже это хорошо удается, то, несмотря на молодость и неопытность, он обладает основными качествами, необходимыми для того, чтобы справиться с возложенными на него обязанностями. Прабхупада уже убедился в том, что

Гирираджа прост, послушен и готов отдать все свои силы осуществлению бомбейского проекта.

Когда Прабхупада был в Бомбее, к нему на лекции приходил молодой архитектор из Голландии Ханс Кильман, которого заинтересовало сознание Кришны. Прабхупада убедил Ханса стать преданным и помочь им построить в Бомбее городок «Харе Кришна». Под руководством Прабхупады Ханс тут же начал делать архитектурные эскизы будущих зданий.

Прабхупада сказал Гирирадже и другим преданным, что для строительства храма необходимо собрать шестьдесят четыре лакха рупий. Преданные понятия не имели, где достать такую огромную сумму, но Прабхупада подсказал им несколько идей. Он, например, предложил заручиться финансовой поддержкой влиятельных людей через *бхент-наму*, продажу гостиничных номеров в пожизненное пользование. Были и другие пути.

Однако сначала нужно было купить землю. Они уже жили здесь, но, прежде чем они смогут приступить к строительству, им нужно получить официальный документ, закрепляющий их права на землю. Поскольку господин Н. уже просрочил с выдачей купчей, Прабхупада велел Гирирадже надавить на него, чтобы он не тянул с оформлением и немедленно выдал купчую.

* * *

Прабхупада обладал удивительной способностью видеть изначальную духовную природу материального мира и трансформировать часть этого мира в духовную энергию, так что даже самому обыкновенному человеку открывалась духовная реальность. На это были направлены все усилия Прабхупады. Часто трансценденталисты стараются удалиться от материального мира, так как боятся утратить духовную силу. Поэтому Веды предписывают трансценденталисту избегать общения с материалистами и не иметь ничего общего с деньгами. Но, следуя принципам, провозглашенным Шрилой Рупой Госвами, Прабхупада считал, что все материальное можно одухотворить, используя в служении Кришне. Следуя этому принципу, опытный преданный, даже если он действует в материальном мире, ни на минуту не утрачивает связи с духовной энергией. Для такого преданного, по сути дела, не существует ничего материального.

В ведических писаниях великого преданного Нараду Муни, способного превращать материалистов в преданных, называют *чинтамани*, философским камнем. Подобно тому как *чинтамани* превращает железо в золото, Нарада превратил кровожадного охотника в чистого вайшнав. Нараду прославляют в Ведах за духовные подвиги, которые он совершил в давно минувшие времена, и Шрила Прабхупада достоин не меньшей славы за чудеса, совершенные им в наше время. Снова и снова применяя сознание Кришны на практике, он доказывал, что способен заставить даже самого закоренелого материалиста

отречься от всего материального и превратить его в деятельного преданного Господа. И вот теперь, завербовав в лагере *майи* горстку преданных, он собирался вовлечь их в преобразование как можно большей части материального мира в животворящий дух. Силой своих трансцендентных пророческих слов он стремился превратить камень и человеческую энергию в величественные духовные храмы.

Заносчивые материалисты иногда упрекают трансценденталистов в бездейственности, но Прабхупаду в этом никак нельзя было обвинить — он ни минуты не сидел сложа руки. Иногда люди даже называли его капиталистом в одежде саньяси. Но таких обвинений Прабхупада не боялся — он выполнял волю великих *ачарьев* прошлого. Об этом он писал в «Шримад-Бхагаватам» еще до своего приезда в в 1965 году:

Поэтому все мудрецы и преданные Господа говорят о том, что искусство, наука, философия, физика, химия, психология и все прочие отрасли знания должны быть целиком поставлены на службу Господу.

Прабхупада хотел превратить целые области материального мира в духовный мир. Ему было ясно, что, предприняв попытку построить духовный город в Джуху, он начал генеральное наступление на позиции *майи*. Всего за несколько месяцев он столкнулся с великим множеством трудностей и препятствий, которые мешали осуществлению его планов, а сколько их еще впереди! Сражение только начинается.

* * *

Из Бомбея Шрила Прабхупада отправился в кругосветное турне с проповедью сознания Кришны. Его сопровождала небольшая группа учеников. Он побывал в Сингапуре, Сиднее, Мельбурне, Окленде, Токио и Гонолулу, сделал короткую остановку в центре ИСККОН в Портленде, штат Орегон, оттуда вылетел в Париж, а затем в Глазго. Из Глазго он снова вернулся в США, посетил Новый Вриндаван в Западной Виргинии и после пяти с лишним месяцев, проведенных в дороге, наконец приехал в Лос-Анджелес, где находилась штаб-квартира ИСККОН в Западном полушарии.

Оттуда он написал в Бомбей преданным, убеждая их, что им не следует смотреть на Джуху только как на источник бесконечных неприятностей, они должны помнить, что это место, где будет осуществлен великий замысел. За него стоило биться.

...с нетерпением жду вашего сообщения о том, подписан ли документ о передаче земли, и каково его содержание. Пожалуйста, как можно скорее пришлите мне заверенную у юриста копию. Только тогда я буду чувствовать себя спокойно. Когда купчая будет подписана, сразу начинайте строительные работы. Скоро, самое позднее в октябре, я вернусь в Индию и мне хотелось бы

видеть, что строительство в Бомбее, Майяпуре и Вриндаване идет полным ходом. Бомбейский проект — один из самых важных проектов ИСККОН в мире, и я надеюсь на вас и на всех остальных преданных в Бомбее и верю, что вы блестяще справитесь с возложенной на вас задачей.

Прабхупада снова и снова говорил руководителям бомбейского проекта о необходимости строго соблюдать условия договора о купле-продаже. Преданные должны заставить господина Н. придерживаться первоначального соглашения.

Прабхупаду беспокоило отсутствие вестей от его адвоката, господина Д. Две недели тому назад он отправил телеграммы господину Н. и господину Д., прося их сообщить о причинах задержки, но ни от одного из них пока не получил ответа. Тогда он написал другому адвокату, своему другу в Бомбее, и попросил его выяснить, в чем дело. И вот в Лос-Анджелес пришел ответ: господин Д. отказался вести его дела. Через пару дней после этого невероятного известия Прабхупада получил официальное письмо из конторы господина Д., уведомлявшее его о том же.

Из всех новостей, поступивших за последнее время из Бомбея, эта новость была самой неприятной. Прабхупада начал понимать, что господин Н. с самого начала вынашивал хитрый и коварный план. Дело было вовсе не в бюрократических проволочках. Господин Д. находился в сговоре с господином Н. Оба они были мошенниками. Теперь должна была начаться настоящая битва. ИСККОН придется обратиться в суд и возбудить уголовное дело против господина Н. Сражения не избежать, но Прабхупада был уверен, что закон на его стороне.

Прежде чем уехать из Лос-Анджелеса, Прабхупада продумал дальнейшую тактику. Он написал Гирирадже, чтобы тот дал объявление в газету о том, что ИСККОН подписал договор о покупке земли господина Н. в Джуху.

Хотя Прабхупада назначил секретарей Джи-би-си руководить деятельностью движения сознания Кришны в разных частях света, обязанности секретаря Джи-би-си в Индии реально исполнял он сам. Поэтому, где бы ни находился Прабхупада, он всегда был в курсе того, что там происходит. Он был образцовым секретарем Джи-би-си. Всегда находясь в самой гуще практических дел, он тем не менее оставался трансцендентен им, во всем полагаясь на Кришну и неустанно проповедуя.

* * *

6 октября

Заехав ненадолго в Беркли, Прабхупада встретился там с группой преподавателей Калифорнийского университета и установил в местном храме Божества Радхи-Кришны. Но мысли его были в Бомбее. В письме Тамала-Кришне Госвами он писал:

Своими махинациями господин Н. и господин Д. спутали все наши планы в Бомбее. Гирираджа оказался в очень трудном положении. В житейских вопросах он ребенок, поэтому немедленно поезжай и помоги ему... Но будь очень осторожен, деньги плати только в регистратуре суда, ни в коем случае не давай их в руки господину Н. или его адвокату... Надо все как следует уладить, иначе придется подавать в суд и заводить против господина Н. гражданское или уголовное дело.

На помощь преданным в Бомбее Прабхупада решил послать Карандхару, которого считал очень опытным в подобных вопросах. Он хотел отправить туда также Шьямасундару, но тот был в Лондоне — улаживал формальности, касавшиеся большого загородного поместья, которое подарил преданным Джордж Харрисон. Прабхупада, правда, уведомил Шьямасундару, что, как только он закончит свои дела в Лондоне, ему нужно будет немедленно поехать в Бомбей. Прабхупада был готов к битве. Он не позволит им обвести себя вокруг пальца.

На обратном пути в Индию Прабхупада снова побывал в центре ИСККОН в Гонолулу, а 11 октября он впервые приехал в Манилу, где небольшая группа его учеников организовала для него программы в храме и отеле «Интерконтиненталь».

В Маниле Прабхупада тщательно обдумал свою позицию относительно собственности в Джуху и пришел к заключению, что выиграет дело. В письме к Гирирадже он изложил свои аргументы:

1. Как покупатели мы выполнили все условия договора.
2. Господин Н. намеренно затягивал дело с целью обмануть нас, как до этого обманывал других.
3. Однако нас ему обмануть не удастся, поскольку мы вступили во владение землей и установили на ней Божества Радхи-Кришны.
4. Поэтому мы должны немедленно обратиться в суд, чтобы заставить его незамедлительно оформить передачу земли.
5. Даже если судебное разбирательство будет длиться долго, мы все равно не отступим.
6. Без суда мы ни к какому соглашению с ним не придем.
7. Я надеюсь, нам удастся раздобыть 14 лакхов, чтобы убрать этого негодяя, с дороги.
8. Однако без суда этого сделать нельзя, в противном случае мы окажемся стороной, нарушившей договор о купле-продаже. Поэтому мы должны судиться и только потом идти на какой бы то ни было компромисс.

Вриндаван,
17 октября 1972 г.

Прабхупада приехал во Вриндаван, чтобы провести там месяц *карттিকা* (с 16 октября по 14 ноября). Там он планировал ежедневно читать лекции у *самадхи* Рупы Госвами, во дворе храма Радхи-Дамодары, обсуждая «Нектар преданности» — сделанный им перевод книги Рупы Госвами «Бхакти-расамрита-синдху». Во время своего путешествия по странам Запада он приглашал преданных приехать во Вриндаван, чтобы вместе с ним провести *карттику*, и вот теперь несколько десятков преданных из Америки, Европы, Индии и других стран собрались здесь, чтобы быть рядом с ним.

Прабхупада беспокоился о том, как идут дела со строительством храма во Вриндаване, поэтому, вместо того чтобы сразу отправиться в Бомбей, он сначала приехал сюда, а решать бомбейские проблемы послал своих учеников, лидеров ИСККОН. Теперь, подобно генералу, действующему на другом фронте, Прабхупада ждал известий от своих адъютантов в Бомбее. Он, как обычно, поселился в двух комнатухах в храме Радхи-Дамодары, а его ученики разместились поблизости, в бывшем дворце Махараджи Бхаратпура — старинном здании на берегу Ямуны.

Тем временем Тамала-Кришна Госвами, Шьямасундара и Карандхара прибыли в Бомбей. Гирираджа сообщил им, что положение ухудшается. Увидев объявление в газете, извещавшее о том, что ИСККОН вступил во владение участком земли в Джуху, господин Н. пришел в ярость. Гирираджа явился к нему со смиренно сложенными ладонями, пал ему в ноги, но и это не смягчило господина Н. Он взял назад все свои обещания и аннулировал договор о купле-продаже под тем предлогом, что преданные не получили купчую в шестимесячный срок. Он заявил, что выплаченные преданными два *лакха* рупий теперь принадлежат ему, и требовал, чтобы преданные немедленно съехали с земли.

Господин Н. перекрыл в «Харе-Кришна-Ленде» воду, а еще через несколько дней у входа на территорию объявился хулиган. Выкрикивая угрозы, он размахивал тесаком перед каждым из проходивших мимо преданных. Друг господина Н. напечатал листовки, в которых поливал грязью американских преданных Харе Кришна. Их распространяли на расположенной поблизости железнодорожной станции Виль-Парль. Несмотря на то что некоторые преданные уже уехали, а другие собирались уезжать, в Бомбее все еще оставалось около тридцати преданных.

Первое, что нужно сделать, сказал Карандхара, — это найти нового адвоката. Он обратился к самым известным бомбейским адвокатам и нанял специалиста по земельным сделкам. Затем руководители местного центра ИСККОН и их адвокат встретились с господином Н. в его офисе. Господин Н. продолжал упорствовать и не желал идти ни на какие компромиссы. Адвокат ИСККОН угрожал. Битва в суде казалась неизбежной.

Тамала-Кришна Госвами, Карандхара, Бхавананда и Шьямасундара решили обсудить все между собой, и чем дольше они говорили, тем яснее им становилось, что из затеи с Джуху ничего не выйдет. Даже без козней господина Н. просто жить на этой земле было невероятно трудно. Жилищные условия у преданных и Божеств были хуже некуда — крыша протекала, а цементный пол крошился. Местность кишела крысами и тараканами, преданных осаждали тучи мух и комаров, повсюду бегали уличные собаки и даже попадались ядовитые змеи. Преданные страдали от тропических болезней, особенно от малярии и гепатита.

Поэтому, несмотря на то что новый адвокат ИСККОН был готов передать дело в суд, преданные колебались. Господин Н. заявил, что виновная сторона не он, а они, поскольку им не удалось получить разрешения от комиссара по общественным работам. Они находятся на его земле незаконно. Он угрожал подать иск о возмещении нанесенного ему ущерба. Преданным казалось, что он не остановится даже перед тем, чтобы применить насилие. Все взвесив, руководители, которых Прабхупада уполномочил разобраться в этой запутанной истории, решили, что ИСККОН должен отказаться от этой земли. Они написали Шриле Прабхупаде совместное письмо и поручили Шьямасундаре передать его Прабхупаде во Вриндаване из рук в руки.

Шрила Прабхупада прочел письмо из Бомбея у себя в комнате, в храме Радхи-Дамодары. Все, что происходило там, за сотни километров от Вриндавана, болью отзывалось у него в сердце. Он достал копию договора, подписанного господином Н., позвал секретаря и стал диктовать письмо руководителям бомбейского проекта.

Он писал его как юрист, логически разбирая пункт за пунктом. Один из доводов, которым его ученики обосновывали свое решение отказаться от земли, состоял в том, что комиссар по общественным работам не дал им разрешения. В таком случае, рассуждал Прабхупада, они должны попытаться вернуть деньги и отдать землю. Но на самом деле в разрешении им не отказано, его выдача лишь *отсрочена*, а это сущие пустяки. Хотя господин Н. и упомянул о шестимесячном сроке для получения разрешения от комиссара по общественным работам, в первоначальном соглашении, подчеркивал Прабхупада, сроки оговорены не были.

Другим доводом учеников Прабхупады в пользу отказа от земли было утверждение господина Н. о том, что они не сумели оформить документ о передаче земли в течение шести месяцев, как было предусмотрено в первоначальном соглашении о купле-продаже. На это Прабхупада ответил, что, в соответствии со статьей, о которой здесь идет речь, «аннулировать договор в течение шести месяцев — это наше право, а не право продавца». Но самое главное — господин Н. в оговоренный срок (шесть месяцев) получил чеки на один лакх рупий в качестве предварительного платежа и, таким образом, с нашей стороны все условия договора были выполнены.

...мы считаем, что он завершил передачу земли, и мы хотим не аннулировать сделку, а немедленно завершить все формальности, покончив с этим раз и навсегда. Обманным путем он пытается воспрепятствовать этому. Он задурил вам голову, и вы испугались. Он обвел вас вокруг пальца, внушив вам, будто юридически у него более сильная позиция, в расчете на то, что вы дадите ему еще денег. Но это блеф. Больше никаких денег он от нас не получит. Ничего больше ему не давайте. Прежде всего нужно возбудить против него уголовное дело. Чего ради мы должны отступить? Нам нечего бояться его. Наши позиции очень и очень сильны.

Если господин Н. угрожает им насилием, это еще не повод для того, чтобы отказываться от земли. Преданные находятся на земле на законных основаниях и должны обратиться за защитой к полиции.

Поэтому должен вам сказать, что с порученным делом вы справляетесь плохо, слишком уж вы робкие. А теперь поступайте так, как считаете нужным. Необходимо немедленно возбудить против него уголовное дело, а вы медлите, потому что он вас все время обманывает. Он бахвалится, угрожает, а вы всему верите и делаете все, что он вам говорит. Я буду действовать по-другому.

В конце письма Прабхупада советовал преданным пойти к мировому судье и сказать ему: «Мы отдали господину Н. деньги, а он теперь угрожает силой выгнать нас с этой земли». Им нечего бояться.

* * *

Прабхупаде не терпелось начать строительство храма во Вриндаване на своей земле в Рамана-Рети. Новости из Бомбея никак не повлияли на его намерения. Он велел преданным ежедневно ходить с *санкиртаной* из храма Радхи-Дамодары до участка в Рамана-Рети. Временами он сам ходил туда посмотреть на стройку, но, кроме нескольких соломенных хижин, забора из колючей проволоки и небольшого запаса стройматериалов, там по-прежнему ничего не было. Субала — его ученик, руководивший строительством, — работал медленно и с неохотой. Тогда Прабхупада попросил Тамала-Кришну приехать из Бомбея и взять на себя руководство строительством. Как-то рано утром Субала пришел в храм Радхи-Дамодары из Рамана-Рети, где он жил, и поднялся к Шриле Прабхупаде на крышу.

— Прабхупада, — сказал он, — мне очень трудно. У меня нет времени читать, я не могу как следует повторять свои круги, я не могу думать о Кришне. Я только и думаю о том, как нас обманывает подрядчик, да о том, чтобы подписать чеки за работу и материалы. С меня довольно. Все это мешает мне думать о Кришне.

— А как по-твоему, Арджуна во время битвы на Курукшетре сидел сложа руки и размышлял о Кришне? — спросил Прабхупада. — По-твоему, Арджуна

сидел, погруженный в мистический транс, а Кришна сражался за него на поле битвы? Нет, он сражался, он убивал во имя Кришны. Он думал обо всех тех воинах, которых должен был убить во имя Кришны.

Думать о чековой книжке, о людях и о подрядчиках — значит думать, как думал Арджуна. Все это — служение Кришне. Не беспокойся о том, что тебе не удастся думать непосредственно о Кришне. Арджуна тоже не сидел рядом с Кришной, погруженный в транс, медитируя на Его образ. Он служил Кришне. То, что делаешь ты, — это тоже служение Кришне, и ты должен выполнять свои обязанности. Твоя жизнь наполнена служением Кришне — что может быть лучше этого?

По мере возможности Прабхупада старался занять каждого из своих учеников той деятельностью, которая соответствовала складу его характера. Но все они должны были что-то делать для Кришны. Поскольку Прабхупада хотел построить во Вриндаване храм, каждый, кто помогал ему в этом, — неважно, обучен он этому ремеслу или нет, есть у него к этому склонность или нет, — каждый, кто предлагал свою помощь, был очень дорог ему и Господу Кришне.

Во всем мире преданные трудились не покладая рук над осуществлением проектов ИСККОН. Источником их доходов было постоянно увеличивающееся распространение книг Шрилы Прабхупады и отчасти производство благовоний в принадлежавшей им фирме «Духовное небо». Хотя у Прабхупады до сих пор не было архитектурного проекта храма во Вриндаване, он решил взять из своего книжного фонда и у преданных деньги, которых хватило бы на покупку стройматериалов и оплату рабочей силы. Однажды он пришел на стройплощадку, попросил одного из преданных замесить немного цемента и собственноручно положил первый бетон в фундамент храма.

* * *

Хайдарабад,
11 ноября 1972 г.

Прабхупада приехал в Хайдарабад на программу в *пандале*. Его лекции собирали толпы людей. Где бы он ни появлялся, даже когда садился в машину или выходил из нее, люди окружали его, чтобы коснуться его лотосных стоп. В ту пору в Хайдарабаде была сильная засуха, но через несколько дней после приезда Прабхупады пошли дожди. Одна газета предположила, что конец засухе положил харинама-киртан, который с таким энтузиазмом провел Прабхупада и его ученики. Прабхупада согласился с этим.

Встретился он и с господином Н., который приехал в Хайдарабад из Бомбея. У Шьямасундары и господина Н. сложились очень теплые отношения, поскольку господин Н. души не чаял в его трехлетней дочке Сарасвати. Он-то и отправился к господину Н. и уговорил его встретиться с Прабхупадой.

Господин Н. согласился, но из страха, что Прабхупада, применив свою мистическую силу, заставит его действовать против собственной воли, он взял с собой некоего гуру, рассчитывая на то, что гуру сможет нейтрализовать духовную силу Прабхупады.

Господин Н., его гуру и Шьямасундара втроем пришли в дом Панилала Притхи, где остановился Прабхупада. Прабхупада встретил их очень любезно и беседовал с ними за *прасадом* до тех пор, пока не начал зевать.

Гуру господина Н сказал:

— Ах, Свами, вы, наверное, очень устали. Мы не будем вам сейчас мешать. Вам нужно отдохнуть, а поговорить можно и позже.

— Да, — ответил Прабхупада, — я очень устал.

Тогда господин Н. и его гуру, извинившись, удалились в соседнюю комнату.

Через несколько минут Прабхупада позвал к себе Тамала-Кришну Госвами.

— Когда кто-нибудь спрашивает тебя, не устал ли *ты*, — сказал Прабхупада — это значит, что устал он сам. Загляни в соседнюю комнату, и ты увидишь, что они оба спят.

Он велел Тамала-Кришне осторожно разбудить господина Н., так, чтобы не потревожить гуру, и привести его к нему в комнату.

Войдя на цыпочках в соседнюю комнату, Тамала-Кришна обнаружил, что и господин Н., и его гуру спят на кроватях.

Он подошел к господину Н., дотронулся до него рукой и тихо сказал:

— Господин Н., господин Н., проснитесь. Прабхупада хочет поговорить с вами. Идемте скорее.

Господин Н. очнулся ото сна и послушно пошел в комнату к Прабхупаде, забыв про своего друга-гуру.

Два часа говорил Прабхупада с господином Н., и в конце концов они составили новый контракт. Работая в отдельной комнате, Тамала-Кришна и Шьямасундара готовили и перепечатывали документы, а тем временем Прабхупада и господин Н. уточняли последние юридические детали. После этого господин Н. подписал договор, а его приятель гуру продолжал спать крепким сном.

Вечером того же дня Тамала-Кришна признался Шриле Прабхупаде:

— Я так взволнован всем происходящим, что даже не могу как следует читать мантру.

— Это естественно, — ответил Прабхупада, — я и сам не могу, когда чем-то встревожен.

— Но я вижу, что это не мешает моему духовному росту, — заметил Тамала-Кришна.

Прабхупада кивнул.

— Я все время думал о том, как избежать трудных ситуаций, — сказал Тамала-Кришна, — но теперь понял, что избегать их не нужно.

— Да, — сказал Прабхупада, — мы должны приветствовать их. Они дают нам возможность духовно развиваться.

В тот же день Шьямасундара и Тамала-Кришна Госвами вылетели с господином Н. обратно в Бомбей. По новым условиям ИСККОН должен был заплатить пять лакхов рупий госпошлины, а господин Н. со своей стороны оформить сделку. Но был и новый срок — три недели, так что преданным надо было торопиться. Прабхупада тоже собирался приехать в Бомбей, чтобы раз и навсегда покончить с этим делом.

* * *

Бомбей,
25 ноября 1972 г.

Прабхупада приехал в Бомбей, надеясь на завершение земельной сделки, но господин Н. по-прежнему продолжал тянуть, несмотря на новый договор. Было очевидно, что за всеми его увертками стоял новый план обмануть ИСККОН. Прождав в Бомбее много дней, Шрила Прабхупада в конце концов уехал в Ахмедабад на программу в *пандале*. Своим ученикам он поручил совершить сделку на новых условиях или вернуть первые два лакха рупий, уплаченных в качестве первоначального взноса.

Однако, когда Шрила Прабхупада уехал, Шьямасундара, Тамала-Кришна Госвами и другие стали говорить о том, что, даже если в один прекрасный день они и получат документ на владение Джуху, построить здесь храм, о котором мечтает Прабхупада, будет практически невозможно. Шьямасундара говорил, что, даже получив эту землю, нельзя рассчитывать и в самом деле построить в этих джунглях большой храм и гостиницу. Ничего из этого не выйдет. Тем временем Прабхупада, находясь в Ахмедабаде, продолжал вести оттуда свою бомбейскую кампанию. Он попросил господина Н. и господина Д. приехать в Ахмедабад и попытаться прийти к соглашению. Они отказались.

В это время в Бомбее преданные выяснили, что, если они хотят получить назад первоначальный взнос, а также те деньги — пять лакхов — которые они внесли в счет госпошлины, им нужно немедленно расторгнуть новый договор. Они не знали, что делать, а время шло.

Однажды утром в Ахмедабад из Бомбея приехала одна из учениц Прабхупады, Вишакха-деви даси. Прабхупада вызвал ее и велел тут же ехать обратно в Бомбей с посланием. Опасаясь, что его представители в Бомбее совершат ошибку и откажутся от земли, он велел ей передать им, чтобы они ни при каких обстоятельствах не расторгли договор с господином Н. «Вообще-то, — сказал он, — не женское это дело, но все остальные либо слишком заняты программой в *пандале*, либо еще не достаточно долго находятся с нами, чтобы им можно было дать подобное поручение».

Вишакха села на ближайший поезд из Ахмедабада и утром следующего дня была в Бомбее. Но то, чего боялся Прабхупада, уже свершилось: преданные расторгли договор о продаже земли. Они были убеждены, что, приобретя землю, они совершат ошибку, и их адвокаты согласились с ними,

указав, что, если преданные хотят получить назад свои деньги, то расторгать договор нужно немедленно. Узнав о распоряжении, отданном Прабхупадой, преданные пришли в полное замешательство. Никаких законных прав на землю у них больше не было. И они не выполнили волю Прабхупады! Гирираджа позвонил Прабхупаде в Ахмедабад, чтобы сообщить ему о случившемся.

«Бхактиведанта Свами слушает», — сказал Прабхупада, взяв трубку. Гирираджа сообщил, что из Ахмедабада к ним приехала преданная с посланием от него. «Да, да, — ответил Прабхупада. — Что дальше?» Собравшись с духом, Гирираджа выпалил: «Мы расторгли договор». Прабхупада молчал. Затем голосом, в котором одновременно звучали гнев и смирение, сказал: «Это конец».

6 - Здесь будет храм - Часть вторая

«Этот негодяй господин Н. никогда не дождется, чтобы я отдал ему "Харе-Кришна-Ленд"», — писал Прабхупада одному из свободных членов Общества накануне своего отъезда из Ахмедабада в Бомбей. Прабхупада стал думать над тем, как исправить ошибку своих учеников. Пока что никаких денег перечислено не было, так что, возможно, еще не поздно.

Господин Н. не мог понять, почему Прабхупада так упорно сражается за землю в Джуху, и не потому, что Прабхупада скрывал свои намерения. Он не делал из них секрета, но понять мысли и действия преданного способен только преданный. Господин Н. вел себя с Прабхупадой так же, как он вел себя с компанией С. Он обманул их, и теперь пытался обмануть ИСККОН. Он был уверен, что Прабхупадой и его учениками движет тот же мотив, который двигал им самим, единственный, доступный его пониманию, — алчность.

В сущности, даже ученикам Прабхупады трудно было понять, что заставляет его так держаться за эту землю. Главной причиной было желание Прабхупады проповедовать сознание Кришны в Бомбее. Шрила Прабхупада говорил: «Мой Гуру Махараджа велел мне проповедовать сознание Кришны на Западе, и я выполнил его волю. Теперь я хочу проповедовать в Индии». Бомбей играл очень важную роль в жизни страны, он был воротами Индии. И в Бомбее Кришна привел Прабхупаду именно на эту землю, где он уже начал проповедовать и куда привез Божества Радхи и Кришны. По мнению Прабхупады, эта земля как нельзя лучше подходила для того, чтобы построить на ней большой, величественный храм и международный отель, которые он задумал.

Бомбей — это очень важный город. Здесь должно быть пышное храмовое богослужение, здесь нужно раздавать *прасад*, устраивать большие праздники и проводить разнообразные культурные программы. Участок в Джуху представлялся ему идеальным местом для школы, театра, библиотеки, жилых домов — словом, для целого городка Харе Кришна. Так как же мог Прабхупада отступить перед этим негодяем, который пытался обвести его вокруг пальца? "У сознания Кришны всегда будут противники, — говорил Прабхупада, — но это не значит, что преданные должны им уступать" Проповедник должен быть терпимым, но, когда не остается ничего другого и на карту поставлены интересы Кришны, он должен идти в бой.

Прабхупада не собирался отказываться от этого земельного участка еще и потому, что дал обещание Божествам, Радхе-Расавихари. Приглашая Кришну прийти сюда, он молил Его: «О Господь, пожалуйста, останься здесь, и я построю для Тебя великолепный храм».

Таким образом, если желание использовать эту землю для проповеди было очевидной, или внешней, причиной, объяснявшей решимость

Прабхупады удерживать за собой участок в Джуху, то внутренней, скрытой причиной этого было обещание, которое он дал Их Милостям Шри Шри Радхе-Расавихари. Воинственный дух Прабхупады, стремившегося во что бы то ни стало удерживать землю, был так силен, что временами казалось, будто он борется только ради того, чтобы бороться. Иногда он даже сравнивал господина Н. с демоном Камсой из «Шримад-Бхагаватам», который много раз пытался убить Кришну. Как Камса, пытаюсь убить Кришну, использовал для этого демонов рангом ниже, так и господин Н. нанимал демонов-исполнителей в лице адвокатов, дружков и громил. Убийство демонов вроде Камсы было для Кришны игрой, *лилой*, — делая это, Он испытывал наслаждение. Подобным же образом, Прабхупада, верный слуга Кришны, был полностью поглощен борьбой с господином Н. Он все время был начеку и всегда сохранял воинственный дух. Когда господин Н. стал блефовать и запугивать преданных, те отступили, но Прабхупада не сдавал своих позиций. Ни минуты не колеблясь, он ринулся в бой, поскольку Кришне и Его миссии был брошен вызов.

Прабхупада выступал как защитник и отец Божеств и бомбейского отделения ИСККОН. Как сказано в «Нектаре преданности», многие великие преданные вечно связаны с Кришной таким типом взаимоотношений, в которых они выступают в роли Его защитника и покровителя. Когда маленький Кришна боролся со змеем Калией, мать и отец Кришны трепетали, охваченные трансцендентной тревогой. Они видели, как змей обвинил их ребенка, и в страхе за жизнь Кришны пытались защитить Его. Вечные родители Кришны всегда боятся, что кто-то может причинить их сыну зло, а когда такая опасность появляется, их естественный страх многократно возрастает. Так выражается их безграничная любовь к Кришне. Подобно им, Шрила Прабхупада стремился защитить Радху-Расавихари и Движение сознания Кришны. Даже зная о том, что Кришна Сам защищает всех и никто не может идти против Его воли, Прабхупада, движимый желанием защитить проповедь сознания Кришны, опасался, что этот демон, господин Н., причинит Кришне какое-нибудь зло.

Точно так же, по-отечески, Прабхупада относился и к своим ученикам, тревожась за их судьбы. Он считал их детьми, которые не имеют опыта в житейских делах, не знают, как вести себя с мошенниками, и легко попадают впросак. Но, если сын слишком доверчив, отец должен быть вдвойне проницательным и сильным, чтобы защитить свою семью. Как покровитель преданных и миссии сознания Кришны, Прабхупада хотел создать своим ученикам хорошие жилищные условия, чтобы они служили Кришне в комфорте и даже в роскоши. Духовный учитель Прабхупады Бхактисиддханта Сарасвати учил тому же; он говорил, что у проповедников сознания Кришны должно быть все самое лучшее, ибо они служат Кришне лучше всех. Поэтому Прабхупада был полон решимости построить в Бомбее свой город — «Харе-Кришна-Ленд». Он не принадлежал к числу нищенствующих странников, которым ничего не нужно в материальном мире. Он чувствовал

ответственность за судьбы тысяч своих учеников и потому брал на себя так много обязанностей.

Господин Н. не мог знать, какими мотивами руководствовался Шрила Прабхупада. Не мог он и представить себе, какими последствиями чревато противодействие Кришне и Его чистому преданному, хотя в самых известных произведениях индийской классики — «Бхагавад-гите», "Шримад-Бхагаватам" и «Рамаяне» — говорится о том, насколько это опасно. Прабхупада сражался на стороне Кришны, следовательно, господин Н. выступал против Верховной Личности Бога.

Расторжение договора учениками Прабхупады ослабило юридическую позицию ИСККОН, но Прабхупада верил, что если преданные и дальше будут хотя бы просто находиться на земле, то им удастся отстоять свои позиции. В то же время он настаивал, чтобы они больше занимались проповеднической деятельностью. Пусть они не думают, что без храма невозможно проповедовать. Поэтому он организовал еще один большой фестиваль в центре Бомбея. Фестиваль прошел с огромным успехом, собирая каждый вечер по двадцать тысяч человек.

На открытии праздника выступили с речами такие именитые гости, как мэр Бомбея господин Р. К. Ганатра и другие. Активно участвовали в нем и преданные — они занимались подготовкой к празднику и его рекламой, готовили и раздавали *прасад*, распространяли книги Шрилы Прабхупады и проповедовали, отвечая на вопросы гостей фестиваля. Фестиваль поднял преданным настроение и вывел их из депрессии, возникшей вследствие затянувшейся судебной тяжбы и суровых условий жизни в Джуху.

В конце января 1973 года Прабхупада встретился с господином Н. в доме господина Махадеви. Адвокаты Прабхупады уже возбудили против господина Н. уголовное дело, и все же Прабхупада хотел попробовать уладить дело без суда. Он всегда был очень любезен и обходителен с господином Н., и тот, в свою очередь, всегда бывал вежлив с Прабхупадой, делая вид, что готов пойти ему навстречу. Но на этот раз все было иначе — ни улыбок, ни любезностей, только холодная вежливость. Через несколько минут Прабхупада велел ученикам выйти из комнаты.

Перейдя на хинди, Господин Н. стал обвинять Прабхупаду и преданных в связях с ЦРУ.

— В понедельник, — ледяным тоном произнес господин Н., — я вручу вам чек на два лакха рупий, которые вы заплатили в качестве первоначального взноса.

— Хорошо, — ответил Прабхупада. — Если вы не хотите расстаться со своей землей, мы уйдем. Но только хорошенько подумайте, прежде чем сделать это.

Господин Н. продолжал обвинять преданных:

— Вы называете себя владельцами земли, а сами не даете покоя всей округе, встаете в четыре часа и вообще...

— Мы не считаем себя владельцами этой земли, — сказал в ответ Прабхупада. — Ее настоящий владелец — Кришна, а не я. Кришна уже находится на Своей земле. Зачем вы морочите нам голову? Берите деньги и отдайте нам землю. Если вы хотите, чтобы мы ушли, то приготовьте чек. — До сих пор Прабхупада сдерживался, но теперь дал волю гневу. — Приносите чек, и завтра же утром мы освободим землю. Нет, мы уйдем сегодня вечером! Отдайте нам наши деньги! У вас есть деньги?

Господин Н. закричал:

— Я сам уберу ваши Божества! Я сломаю храм и выкину Их! — и выбежал из комнаты.

На той же неделе у господина Н. случился тяжелый сердечный приступ, его положили в больницу, а еще через две недели он умер.

Госпожа Н., не столь опытная в юридических вопросах, как ее покойный супруг, тем не менее стала продолжать борьбу, а ее адвокаты, в погоне за гонорарами, с еще большим рвением, чем она сама, вели тяжбу, добиваясь изгнания ИСККОН с земли в Джуху. В апреле 1973 года дело ИСККОН, по его же иску, рассматривалось в Верховном суде штата. Но из-за тактических проволочек решение откладывалось месяц за месяцем.

Прабхупада не начинал строительства в Джуху, поскольку у него не было ни документа, подтверждающего его права на землю, ни уверенности получить его. Он съездил на Запад, вернулся в Индию, но за это время так ничего и не прояснилось. В бомбейском отделении ИСККОН все было спокойно, но дело не двигалось, исход оставался неясным.

И вот однажды, без всякого предупреждения, госпожа Н. совершила разбойную акцию. Утром 1 июня, когда преданные занимались своими обычными делами, на их территорию въехал грузовик. Это был ликвидационный отряд, приехавший для того, чтобы снести храм. Каким-то образом госпоже Н. удалось убедить одного из чиновников городского управления дать санкцию на разрушение храма — скромного сооружения из кирпича и железобетона. Гирираджа пытался показать старшему офицеру письмо, подтверждающее права ИСККОН на землю, но тот даже смотреть на него не стал и подал знак приступить к сносу. Вскоре подъехали другие грузовики, ликвидаторов набралось человек сто. С автогенами и кувалдами в руках они ринулись крушить все, что попадалось им на пути.

Ликвидаторы подтащили лестницы и стали кувалдами ломать крышу над залом храма. Другие, орудуя автогенами, перерезали стальные опоры. Они хотели сначала сокрушить все стальные опоры в зале для киртанов, двигаясь по направлению к алтарю, где стояли Радха-Расавихари. Преданные попытались было остановить вандалов, но в это время на участке появились полицейские; работая парами, они хватили сопротивлявшихся преданных за руки и за ноги и оттаскивали их прочь. Женщин полиция выволакивала за волосы, а жители домов, расположенных на территории ИСККОН, собрались вокруг, наблюдая за происходящим. Одни радовались разрушению храма,

другие сочувствовали преданным, но из страха перед полицией помогать преданным никто не смел.

Одна преданная, Манасви, побежала к телефону и позвонила господину Махадевиа, который вместе со своим другом, господином Винодой Гуптой, бросился к месту происшествия. Приехав туда, они увидели, как полицейские тащили за волосы последнюю протестовавшую преданную. Трое полицейских набросились на нее, когда она, стремясь защитить Божества, пыталась закрыть дверь, ведущую к алтарю. Господин Махадевиа кинулся к дому одного из местных жителей, который сочувствовал преданным, господина Ачарьи, и позвонил своему брату Чандре Махадевиа, богатому бизнесмену и другу Бала Тхакура, лидера одной из самых влиятельных политических партий в Бомбее.

Господин Чандра Махадевиа сообщил Балу Тхакуру о том, что произошло по наущению индуски и по приказу муниципального чиновника-индуса сносят индуистский храм Господа Вишну. Господин Тхакур сообщил об этом председателю муниципалитета, который сказал, что ему ничего не известно о приказе снести храм, и в свою очередь позвонил в местное отделение муниципалитета, приславшее ликвидационный отряд. Оттуда послали человека, который должен был остановить разрушение храма. Чиновник приехал около двух часов дня, в тот самый момент, когда команда ликвидаторов перерезала последнюю колонну и разбирала крышу над Божествами. Приказ прекратить разрушение передали старшему офицеру, который в конце концов остановил свой отряд.

Во время нападения на храм Прабхупада находился в Калькутте. Когда преданные наконец дозвонились ему, он велел поднять всех бомбейских друзей ИСККОН и свободных членов, чтобы организовать в средствах массовой информации кампанию протеста против совершенного нападения и выявить виновников. Это будет очень сильным средством в борьбе против госпожи Н. и ее приспешников.

Прабхупада назвал нескольких свободных членов, которые, по его мнению, могли помочь преданным. Господин Сада Дживатлал, глава «Хинду вишва паришад» поможет привлечь внимание общественности, его организация выступает в защиту хинду-дхармы и предназначена как раз для оказания помощи в подобных ситуациях. Это происшествие, сказал Прабхупада, является частью плана Кришны, поэтому преданным бояться нечего.

На следующее утро на первой странице «Фри пресс джорнэл» появилась фотография разрушенного храма под заголовком: «НЕЗАКОННО ВОЗВЕДЕННЫЙ ХРАМ РАЗРУШЕН МУНИЦИПАЛЬНЫМИ ВЛАСТЯМИ».

Преданные развернули работу по организации контрпропаганды. Господин Сада Дживатлал превратил свой офис в центре города в офис ИСККОН и вместе с преданными начал кампанию в печати. Несмотря на потоки клеветы на ИСККОН, многих индийцев шокировал этот акт насилия. Муниципалитет единодушно осудил официальных лиц, несущих ответственность за нападение на индуистский храм. Преданные работали в

офисе с 6 утра до 9 вечера, звонили в газеты, писали письма и докладные записки, устанавливали контакты с потенциальными сторонниками.

Господин Винод Гупта, член политической партии «Джансангх», выступавшей за сохранение культуры индуизма в Индии, господин Картикея Махадевиа и другие влиятельные друзья ИСККОН образовали комитет по спасению храма. Господин Гупта издал составленную им самим листовку, где объявил ИСККОН подлинной индуистской организацией.

После того как Гирираджа встретился с правительственными чиновниками и заручился их поддержкой, многие видные граждане Бомбея, убедившись в авторитетности Движения Харе Кришна, стали симпатизировать и помогать ему.

Таким образом, план госпожи Н. и ее адвокатов обернулся против них самих. Они думали, что имеют дело с горсткой юнцов-иностранцев, но вскоре обнаружили, что против них выступают многие влиятельные жители Бомбея.

Шрила Прабхупада предсказывал, что все закончится благополучно. Через несколько дней после инцидента он писал:

То, что муниципалитет снес наш храм, только укрепило позиции ИСККОН. Комитет муниципалитета осудил поспешные действия городских властей и согласился восстановить навес за свой счет. Более того, муниципалитет вынес постановление о неприкосновенности всех временных построек на нашей территории вплоть до решения суда о том, кто является хозяином земли. В сложившихся обстоятельствах мы должны немедленно восстановить навес над Божествами и обнести участок забором из колючей проволоки. По возможности перед храмом нужно немедленно поставить временный пандал из наших материалов. Как только это будет сделано, я вернусь в Бомбей, начну Бхагават Параяну и буду вести ее до решения суда. Таково мое желание.

Преданные начинали видеть во всем происходящем милость Кришны, поскольку эти события побудили многих свободных членов Общества оказать Прабхупаде и Господу Кришне ценные услуги. Когда-то Прабхупада останавливался в домах многих из них, проповедовал им и их семьям, убеждая их в своей искренности и благородстве целей своего Движения. Такие друзья и свободные члены Общества, как Бхагубай Патель, Бехарилал Кханделвала, Бриджратан Мохатта, д-р Ч. Бали и другие, действовали не просто из религиозной сентиментальности, но движимые чувством глубокого уважения и любви к Прабхупаде.

С помощью Сады Дживатлала Гирираджа пытался убедить муниципальный совет выдать преданным разрешение на восстановление храма. И тут он обнаружил, что в тот же самый день (пятницу) госпожа Н. подала заявление в суд, требуя наложить запрет на восстановительные работы ИСККОН. Судья Найн сказал Гирирадже, что без разбирательства не собирается удовлетворять просьбу госпожи Н. Он назначил слушание этого

дела на следующий понедельник. Это означало, что у преданных осталось два дня, с субботы до понедельника, для того чтобы восстановить храм.

Преданные понимали, что у них фактически нет разрешения на восстановление храма, но вместе с тем не было и закона, на основании которого их можно было бы остановить. Если судья Найн решит дело не в их пользу, то отстроить храм будет невероятно трудно. Поэтому они решили восстановить его за два дня, оставшиеся до суда. Господин Лал, бывший подрядчик, помог достать стройматериалы — кирпич, раствор, асбестовые плиты. Господин Сетхи прислал бригаду рабочих. В восемь часов вечера в пятницу каменщики приступили к работе и, невзирая на дождь, продолжали работать всю ночь. А утром в понедельник судья, узнав о новом храме, объявил: «Что построено, то построено. Никто не имеет права разрушить храм».

Когда Прабхупада узнал о случившемся, он назвал это полной победой. Храм отстроен заново, общественное мнение постепенно меняется в пользу ИСККОН.

Майяпур,
июня 1973 г.

Прабхупада переселился в новое здание, хотя оно было еще не достроено. Он занял две смежные комнаты на втором этаже, одна из которых стала его кабинетом, а другая — спальней. Тем временем в храмовой комнате и в других частях здания продолжались строительные работы. В день переезда поднялась буря, собрались огромные черные тучи, подул сильный ветер. Но ненастье длилось недолго и причинило весьма незначительный ущерб.

Я только что приехал в Майяпур и очень надеюсь, что пребывание в его трансцендентной атмосфере поможет мне восстановить силы и здоровье. Каждый миг, проведенный здесь, до доставляет мне великое наслаждение.

По вечерам к Прабхупаде из храма приходил храмовый *пуджари* Джананиваса. Он приносил глиняный горшок с раскаленными углями, ладан и окуривал его комнату. Делалось это для того, чтобы выгнать насекомых, но Прабхупада считал, что это, кроме всего прочего, очищает атмосферу.

Иногда его раздражал стук молотков, которыми орудовали рабочие, но в общем на новом месте было спокойно. Преданных в Майяпуре было мало, и Прабхупада проводил время, занимаясь переводами, принимая гостей или беседуя с преданными, которые руководили строительством майяпурского центра. Чаще всего он делился своими планами с Бхаванандой Махараджей и Джаяпатакой Махараджей и через них осуществлял свою волю.

Преданные, жившие вместе с Прабхупадой, считали себя слугами в доме, где хозяином был Прабхупада. Разумеется, все храмы ИСККОН принадлежали Прабхупаде, однако в Майяпуре это ощущалось особенно сильно. Обычно в

каждом из центров ИСККОН преданные сами добывали деньги на его содержание, но в Майяпуре этим занимался лично Прабхупада. Он учредил «Майяпур-Вриндаван траст фонд». Этот фонд складывался из пожертвований его учеников и процентов от банковских вкладов. Если преданные напрасно расходовали деньги и энергию, или же зданию наносился какой-то ущерб, Прабхупада всегда принимал это близко к сердцу. Теперь, когда он сам был здесь, он часто обходил стройку, давал подробные указания и требовал, чтобы преданные исправили недоделки. Красновато-розовое здание казалось огромным трансцендентным кораблем, а Шрила Прабхупада — его капитаном. Как капитан корабля, он проходил по его широким верандам-палубам и отдавал строгие приказы своим помощникам, следя за тем, чтобы все было в полном порядке, как на настоящем корабле.

К тем преданным, которые посвятили свою жизнь осуществлению майяпурского проекта, Прабхупада проявлял особую благосклонность и был глубоко признателен им. Однажды вечером он вызвал к себе Бхавананду и стал расспрашивать его о том, как живут преданные. Внезапно из его глаз потекли слезы: «Я знаю, как трудно здесь вам, приехавшим с Запада, — сказал он — Вы так преданы моему делу. Я знаю, что у вас нет даже *прасада*. Когда я думаю, что вы не можете достать даже молока, что вы оставили свою обеспеченную жизнь, все бросили, приехали сюда и безропотно сносите эти тяготы и лишения, я чувствую себя в неоплатном долгу перед вами».

Бхавананда: *«Рабочие-мраморщики жили в глинобитных домиках у самой стройплощадки. Возле строящегося здания гостиницы стояла колонка, здесь мы мылись, и отсюда же рабочие брали воду, чтобы приготовить раствор. Чуть подалее стояли два туалета, один — женский, а другой — мужской. Туалеты — две ямы в земле, каждая из которых была огорожена глиняной стеной. В бурю, под проливным дождем, нам приходилось тащиться в туалет, утопая в грязи. А кругом полно змей. Дикое место! Одно слово — стройка. Нормальные люди на стройках не живут, а мы — жили. Мы приехали сюда ради Шрилы Прабхупады. И нам было хорошо. Ни ванны, ни других удобств — только голые цементные полы.*

Преданные терпеливо сносили все трудности жизни в Майяпуре, который в ту пору был всего лишь стройплощадкой, но иногда даже им приходилось туго. Однако Прабхупада легко переносил все эти неудобства и старался воодушевить своих учеников. «Майяпур — чудесное место. Здесь можно жить, питаясь одним воздухом и водой».

Вокруг были рисовые поля. Добираться от входа на участок до здания храма (около двухсот метров) приходилось по межам, отделяющим одно поле от другого. Кухня, сооруженная из брезента и бамбука располагалась возле входа на территорию.

Преданным большей частью приходилось сидеть без света, так как электричество часто отключали. Вечерами они зажигали керосиновые лампы. Прабхупада требовал, чтобы преданные каждый день разбирали лампы,

подрезали фитили и мыли стекла. «Придет день, — говорил он, — когда вы будете выращивать клещевину, выжимать семена и делать масло для ламп».

Прабхупада показал преданным, как строить простые жилища. Он хотел, чтобы со стороны дороги они обнесли участок стеной с воротами, а к стене пристроили комнатухи — «хибары», как он их называл. В этих простых комнатах и жили бы преданные. Он сказал, что на территории нужно посадить кокосовые пальмы и бананы.

Здание гостиницы было еще не достроено, но к преданным уже приезжало много гостей, главным образом для того, чтобы поговорить с Прабхупадой. Каждый день он часами сидел с гостями, беседуя с ними осознании Кришны. Одни приезжали, чтобы узнать о его Движении, другие — только для того, чтобы поговорить о себе и своей философии. Иногда он сетовал на то, что тот или иной человек напрасно отнял у него время, но во встрече никому не отказывал. Как-то к Прабхупаде из Калькутты приехал один богатый индеец, господин Бриджратан Мохатта с женой — дочерью мультимиллионера Р. Д. Бирлы. Шрила Прабхупада сделал все, чтобы принять их подобающим образом. Он сам составил меню и проинструктировал учеников относительно того, как нужно обслуживать господина Мохатту и его супругу. Угощение гостей *прасадом* является важной частью вайшнавского этикета, и Шрила Прабхупада всегда говорил, что преданные должны в первую очередь предложить гостям *прасад*.

«Вы должны всегда быть готовы предложить гостю воду, горячие *пури*, жареные баклажаны и сладости», — говорил Прабхупада. Даже если гости стеснялись, Прабхупада настаивал, чтобы они поели как следует. Несмотря на то что госпожа Мохатта принадлежала к одной из самых богатых семей в Индии, она осталась довольна гостеприимством Шрилы Прабхупады и его учеников. Комната, где их поселили, была не доделана, пол не отполирован, кругом шли строительные работы. Преданные могли предложить им только матрас да подушку, но гости как будто были вполне удовлетворены и признательны им за это.

Бхавананда: В Майяпуре Шрила Прабхупада открыл нам многие особенности индийской культуры. В 1970 году в Лос Анджелесе он однажды попросил меня сшить вместе несколько простынь и покрыть ковер в его комнате. А потом он опустился рядом со мной на четвереньки, и мы вместе с ним расправили все складки.

О том же самом он попросил нас в Майяпуре. Мы устелили матрасами весь пол в его комнате, а вдоль стен положили подушки-валики. «Сделайте из простынь белые чехлы, — сказал он, — и меняйте их каждый день». Когда к Шриле Прабхупаде приходили бенгальцы, они сидели на этих матрасах вдоль стен, опираясь на подушки. Это выглядело очень аристократично. Вся атмосфера дома говорила о том, что он — махант, хозяин дома, ачарья. Кроме того, бенгальские аристократы видели, что он старается воссоздать атмосферу, в которой жила старая бенгальская аристократия в начале века. Прабхупада помнил это со времен своего детства, проведенного в доме

Малликов. Все это быстро исчезало. К тому времени от сторон культуры практически ничего не осталось, поскольку все аристократические семейства выродились и разорились.

В этот приезд, летом 1973 года, Прабхупада поделился с учениками планами дальнейшего развития центра ИСККОН в Майяпуре. Преданные уже знали, что это грандиозный план, который обойдется в миллионы долларов. У них уже был один дом, но это только самое начало. В общем плане этот дом почти терялся. Прабхупада говорил о гигантском храме с огромным куполом, возвышающимся над трансцендентным городом. В майяпурском Чандродая-мандире разместится крупнейший в мире планетарий, где будет представлена модель вселенной, построенная по описаниям, которые даются в Ведах.

Чтобы осуществить этот проект, Прабхупада хотел обучить учеников ведическим ремеслам, которые уже вымирали в Бенгалии. Бхактисиддханта Сарасвати проявлял огромный интерес к использованию диорам для изображения лил Кришны и Господа Чайтаньи, и Прабхупада хотел, чтобы его ученики научились этому искусству у майяпурских художников.

В июне в Майяпур приехали Барадраджа, Адидева, Мурти и Ишана, чтобы научиться искусству изготовления глиняных фигур для диорам. Прабхупада также хотел, чтобы один из его учеников научился делать *мриданги*. К ним каждый день стал приходить гончар, который обучал Ишану лепить и обжигать глиняные корпуса *мриданг*. Преданные превратили бывшую соломенную хижину Прабхупады в мастерскую, а Прабхупада стал приглашать в Майяпур других своих учеников.

Майяпур сам по себе чудесное место, ибо это трансцендентная родина Господа Кришны. И если сюда приедут талантливые люди с Запада, которые построят здесь трансцендентный город, то Майяпур станет поистине уникальным местом на земле.

По словам Прабхупады, построив в Майяпуре трансцендентный город, его ученики осуществят волю *ачарьев* прошлого. В будущем население города составит пятьдесят тысяч человек, и он станет духовной столицей мира. С гигантским храмом в центре и отдельными кварталами для *брахманов*, *кшатриев*, *вайшьев* и *шудр* город будет служить примером для всех остальных городов мира. Наступит день, когда все большие города будут лежать в руинах, и человечество станет жить в городах, построенных по образу и подобию Майяпура. Возведение Майяпура откроет новую эру в истории мира — эру сознания Кришны. Возрастет влияние Шри Чайтаньи Махапрабху и исполнится Его предсказание: «Имя Мое будет звучать в каждом городе и деревне мира».

Прабхупада говорил, что в будущем добираться до Майяпура станет гораздо легче: по мосту из Навадвипы, на катере вверх по Ганге из Калькутты, а на самолете — из всех уголков земли. Миллионы бенгальцев от рождения

являются последователями Господа Чайтаньи. Они легко примут сознание Кришны, так как увидят в нем свою собственную культуру в чистом виде. В Индии говорят: «Что делает Бенгалия, то делает и вся Индия». Поэтому, если Бенгалия преобразится, следуя примеру американских вайшнавов, практикующих сознание Кришны, за ней пойдет вся Индия. А когда сознание Кришны восторжествует в Индии, ее примеру последует весь мир. «Я дал вам царство Бога, — сказал Прабхупада преданным в Майяпуре. — Возьмите же его, постройте здесь город и наслаждайтесь этим царством».

* * *

27 июня 1973 г.

Из Майяпура Прабхупада отправился в Калькутту. В письме Тамала-Кришне Госвами он писал:

...Шьямасундар просит меня приехать в Лондон для встречи с очень влиятельными людьми в новом поместье, которое подарил нам Джордж... Но прежде чем вернуться в Европу или Америку, я хочу окончательно уладить дела в Бомбее. Если вы найдете в Бомбее подходящее место, где я смогу остановиться на несколько дней, я приеду немедленно, и уже оттуда поеду в Лондон.

Обдумывая свой маршрут, Прабхупада несколько дней провел в калькуттском храме на Альберт-Роуд. Он принимал всех, кто приходил к нему, так что в его комнате всегда было много народу — и местных бенгальцев, и его учеников. По вечерам он обычно отправлялся к кому-нибудь в гости, чтобы проповедовать сознание Кришны, даже если для этого нужно было проехать не один километр по узким, запруженным людьми улицам города.

Сестра Шрилы Прабхупады Бхаватарини (которую преданные называли Писимой) тоже заходила в калькуттский храм проведать своего любимого брата и, как обычно, готовила для него. Но однажды Прабхупада, поев приготовленных ею *качаури*, через несколько часов почувствовал резкую боль в животе. Он закрылся у себя в комнате и лег в постель. Его ученики не на шутку встревожились. Слуга Прабхупады Шрутакирти, войдя к нему, обнаружил, что он корчится от боли.

— Шрила Прабхупада, что с вами?

— Живот, — ответил Прабхупада. — Этот кокосовый *качаури* — он не был как следует прожарен.

Приступ продолжался всю ночь. Несколько преданных безостановочно массировали тело Прабхупады, особенно в области живота. Однако каждый его вздох сопровождался стоном. Рядом стояла Писима, но учеников Прабхупады пугало ее присутствие; они опасались, как бы она, невзирая на болезнь Прабхупады, не приготовила ему еще чего-нибудь.

Прабхупада велел принести с алтаря и поставить возле его постели изображение Господа Нрисимхи. Некоторые преданные боялись, что Прабхупада может умереть. На следующее утро его состояние не улучшилось, и тогда преданные послали за местным *кавираджей* (аюрведическим врачом).

Пришел старый *кавираджа* и поставил диагноз: острая кровавая дизентерия. Он оставил лекарство, но оно не по могло. Тогда Прабхупада позвал Бхавананду и попросил приготовить для него *пури* с маленьким *паталом* (индийский овощ, похожий на небольшую тыкву) и солью. Бхавананда запротестовал: в таком состоянии для него нет ничего хуже жареной пищи. Но Прабхупада ответил, что это — лекарство от кровавой дизентерии, которое в детстве давала ему мать. Потом он позвал сестру и попросил ее приготовить *пури* и *патал*. Через несколько часов после еды Прабхупада послал за Бхаванандой. Он чувствовал себя гораздо лучше. «Моя мать была права», — сказал он.

От Шьямасундары пришла длинная телеграмма, где он расхваливал возможности для проповеди в Лондоне и программу, которую преданные подготовили для Прабхупады. Прямо в аэропорту его посадят в вертолет и доставят на главное место событий — самую большую Ратха-ятру из всех, какие когда-либо устраивали в мире. Шествие пройдет по Пикадилли-Лейн к центру города, и завершится в огромном павильоне на Трафальгарской площади.

«Нужно ковать железо, пока горячо, — сказал Прабхупада. — Так, кажется, говорят англичане. Только тогда железу можно придать требуемую форму. На Западе люди пресытились материальной жизнью. Поэтому мы хотим дать им духовное знание».

Силой этих аргументов Прабхупада тут же убедил своих учеников. «На Западе есть две лжетеории, — продолжал он. — Согласно одной из них, жизнь происходит из материи, а другая утверждает, что после смерти нет жизни и что мы живем только раз. Все материально, заявляют они. Поэтому с ростом Движения сознания Кришны коммунистам придет конец. Люди говорят, что стремятся к единству, но у них не хватает ума, чтобы понять, как можно достичь единства.

Сначала они создали огромную, неповоротливую Лигу Наций, а теперь — ООН, и все без толку. Но вот простой способ — Ратха-ятра, которая сейчас распространяется по всему миру. Джаганнатха значит „Господь Вселенной“. И нашему ИСККОН удалось сделать Господа Джаганнатху Богом всего мира. Поэтому я еду на Запад, чтобы дать людям все это».

Хотя физически Прабхупада был слишком слаб, чтобы лететь в Лондон, где его ожидала активная проповедническая деятельность, ученики согласились на его поездку, восприняв это как очередное чудо, сотворенное Кришной.

Лондон,
7 июля 1973 г.

Паравидха: В тот день в Лондоне проходила Ратха-ятра. Я увидел, как Прабхупада входит в храм. Физически он выглядел не очень крепким. Это меня поразило, но тогда я понял, что его сила имела духовную природу.

Дхруванатха: Мы встречали Прабхупаду у Мраморной арки на площади, где обычно проходят парады. Оттуда должно было начаться шествие. Въясасана была украшена цветами, и все думали, что Прабхупада просто сядет на свою въясасану, стоявшую на колеснице, да так и поедет по улицам, как делал на других Ратха-ятрах. Но когда Прабхупада приехал, то он, к нашему великому удивлению и радости, отказался сесть на въясасану. Он сказал, что будет танцевать и возглавит шествие.

Йогешвара: Преданные принесли лестницу, чтобы Прабхупада смог подняться на колесницу, ратху, и сесть на въясасану. Но он велел им убрать ее и зашагал рядом во главе танцующей процессии.

Дхирашанта: Я подвернул ногу и не мог идти, поэтому я ехал на колеснице и очень хорошо видел Прабхупаду. Реватинандана Махараджа пел в микрофон, сидя на колеснице, но минут через пятнадцать Прабхупада велел преданным передать, чтобы Реватинандана Махараджа и другие спустились с колесницы и шли вместе с ним по улице, ведя киртан.

Реватинандана: Когда Прабхупада увидел на колеснице свою въясасану, он сказал. «Нет-нет, я простой преданный. Я пойду вместе с другими». Это был огромный, захватывающий киртан. Вел Хамсадута, вел я, вел Шьямасундара — так, сменяя друг друга, разные преданные вели этот фантастический киртан. А Прабхупада с караталами в руках все время находился в самой гуще киртана. Он танцевал, прыгал и снова танцевал.

Рохини-нандана: Колесницы двигалась очень медленно. Прабхупада шел метрах в десяти впереди колесницы, возглавляя шествие. А преданные, которые вели киртан, сидели на колеснице и пели в микрофоны. Прабхупада велел всем слезть и встать вокруг него, и они все вместе пели мантру Харе Кришна. Он то и дело оборачивался, величаво вскидывал руки и восклицал: «Джая Джаганнатха!» Временами мы отрывались от процессии, и тогда он поворачивался назад и ждал, пока колесница подойдет ближе. Иногда он танцевал, а иногда стоял, воздев руки к небу.

Шарадия даси: Прабхупада танцевал. Сделав несколько шагов, он оборачивался, поднимал руки и смотрел на Божества. В течение нескольких минут он танцевал, медитируя на Божества, а потом снова поворачивался и шел дальше. Так он протанцевал всю дорогу. Преданные взявшись за руки, окружили его, защищая от толпы. Это было чудесное, трансцендентное действие. Прабхупада смотрел на Божества, а все преданные следовали за ним.

Судурджая: Прабхупада нас поразила. Мы не знали, болен он или нет, чувствует ли он слабость, дурноту или нет. Временами он казался совсем

больным, а временами выглядел, как восемнадцатилетний юноша. Он нас поразил. Он шел, опираясь на палку, но, когда танцевал, то поднимал ее вверх. Вскоре ко мне подошел Шьямасундара и сказал: «Слушай, добром все это не кончится. Прабхупада очень болен. Я хочу, чтобы ты ехал за ним на машине. Будь в полминуте ходьбы от него, чтобы в случае чего мы могли бы тут же посадить его в машину». Прабхупада шел по Парк-Лейн, и временами преданные, тащившие колесницу, просто не попевали за ним. Он оборачивался, поднимал руки и восклицал «Харибол!» Это повторялось несколько раз. Он шел так быстро, что ему приходилось ждать остальных. Преданные танцевали, погода стояла прекрасная, толпа ликовала.

Дхруванатха: Прохожие, казалось, приросли к земле и во все глаза смотрели на Прабхупаду. Человек в таком возрасте, а танцует и прыгает, как мальчишка, — потрясающе! Через каждые пять минут Прабхупада поворачивался и глядел на Джаяганнатху. Преданные расчищали проход, чтобы никто не загоразживал от него Божества и он мог видеть Джаяганнатху, Балараму и Субхадру во всем Их великолепии. Однако через некоторое время появились полицейские. Они сказали, что нам нельзя останавливаться. Мы должны идти без задержек, так как пробки на улицах начали принимать угрожающие размеры. Преданные кричали, пели и танцевали, шум и гам стоял невероятный.

Шрутакирти: Когда Прабхупада танцевал, к нам то и дело подходили полицейские, искавшие кого-нибудь из наших руководителей. В конце концов они обратились ко мне: «Скажите вашему главному, чтобы он сел. Он всех заводит. Люди слишком возбуждены, и мы не можем сдерживать толпу». Я сказал: «Хорошо», — но Прабхупаде ничего говорить не стал.

Тогда они подошли еще раз: «Скажите ему, чтобы он сел. «Хорошо», — ответил я, и тронул Прабхупаду за плечо. Все это время он пребывал в экстазе, танцевал перед колесницей и заводил остальных. Движением рук он призывал преданных танцевать еще и еще. Он был движущей силой всего праздника. Я сказал. «Прабхупада, полицейские хотят, чтобы вы сели. Они говорят, что вы разжигаете страсти». Прабхупада взглянул на меня, отвернулся и продолжал танцевать как ни в чем не бывало. Полицейских он полностью игнорировал, и они ничего не могли с ним поделать. Прабхупада так и не прекратил танцевать, но они ничего ему больше не говорили.

Паравидха: Я продавал «Бэк ту Годхед» все время, пока продолжалось шествие. Я совсем выдохся и едва попевал за процессией. Зато Прабхупада все время шел впереди и танцевал, как мальчишка. Его духовная энергия меня потрясла.

Дхруванатха: Когда мы подошли к Пикадилли, Прабхупада неожиданно остановил шествие. Пикадилли, конечно же, была запружена народом. Мы стояли минуты три, а Прабхупада все танцевал и танцевал, окруженный толпой преданных.

Рохини-нандана: Когда мы вышли на Пикадилли, Прабхупада разошелся вовсю. Он прыгал и скакал. Повозка встала. Это было очень похоже на

описание того, как Господь Чайтанья возглавлял шествие Ратха-ятры, приведенное в «Чайтанья-чаритамрите». Так вот, колесница встала, и Прабхупаде пришлось ждать, пока она тронется с места.

Йогешвара: Когда мы наконец добрались до Трафальгарской площади и Прабхупада увидел большой шатер и все остальные приготовления, которые сделали преданные, он снова воздел руки к небу. Всю дорогу он шел пешком и танцевал — по меньшей мере час — всю дорогу от Гайд-парка до Трафальгарской площади.

Рохини-нандана: Когда Прабхупада пришел на Трафальгарскую площадь, он тут же сел на небольшую вьясасану, установленную на цоколе колонны Нельсона, и прочитал лекцию о святом имени Кришны. И это сразу по окончании часового марафона с пением и танцами.

На следующий день газеты поместили благоприятные отзывы о празднике, и Прабхупада написал об этом одному из своих учеников в Лос-Анджелес:

Ты, я думаю, будешь рад узнать, что Ратха-ятра в Лондоне прошла с огромным успехом. «Дейли гардиан» поместила на первой странице фотографию нашей колесницы и написала, что мы соперничали с памятником лорду Нельсону на Трафальгарской площади. Здоровье у меня в порядке, я каждый день гуляю и читаю утренние лекции.

В другом письме Прабхупада писал:

Англичане приняли наш праздник очень тепло. Меня это так воодушевило, что я смог идти пешком и танцевать всю дорогу от Гайд-парка до Трафальгарской площади.

* * *

Преданные пригласили многих видных британцев на встречу со Шрилой Прабхупадой, и те приняли приглашение. Обещали приехать экономист Эрнст Шумахер и философ сэра Альфред Дж. Айер. Когда Шьямасундара рассказал Прабхупаде о том, как знаменит Айер, Прабхупада спросил:

— В чем заключается его философия?

— Х-м-м, в существование в Бога он не верит, — ответил Шьямасундара.

— Я докажу ему, — сказал Прабхупада. — Я спрошу у него, что он понимает под «существованием Бога». Я попрошу его привести все аргументы в пользу того, что Бога нет.

Прабхупаде нравилось встречаться с философами и, «загнав их в угол, громить их философию».

Историк Арнольд Тойнби был стар и немощен, поэтому Прабхупада согласился сам приехать к нему домой. Тойнби интересовала проблема жизни после смерти, и он спросил Прабхупаду о карме. Большинство людей, сказал

он, боится смерти. Прабхупада согласился с этим и добавил, что, по расчетам некоего астролога, один из последних индийских руководителей после смерти родился собакой. «Люди боятся лишиться своего положения и деградировать, родившись в низших видах жизни», — сказал он. Тойнби спросил, можно ли изменить карму, и Прабхупада ответил, что можно, но только с помощью *бхакти*, преданности Богу.

Джордж Харрисон, общаясь с Прабхупадой, всегда вел себя очень смиренно, так же, как ученики Прабхупады. Прабхупада с Джорджем вместе принимали *прасада* — обед с *самосами*, *халавой*, овощами, сметаной и *пури*, приготовленный специально для них. Во время *прасада* Прабхупада рассказал, что некоторые вриндаванские *панды* (профессиональные гиды, показывающие паломникам святые места) любят поесть. Один из них однажды так объелся, что чуть не умер, но сына своего поучал: «Во всяком случае, я умираю от переедания, а не от голода. Смерть от голода — бесславная смерть». Разговаривая с Джорджем, Прабхупада улыбался, он поблагодарил его за подаренное поместье.

— Вы видели мою комнату? — спросил Прабхупада. — Дом-то на самом деле ваш, но комната — моя.

— Нет, нет, — запротестовал Джордж, предпочитая играть роль смиренного ученика. — Это дом Кришны и ваша комната.

Когда Джордж признался Прабхупаде, что, приняв сознание Кришны, он стал терять друзей, Прабхупада сказал ему, что из-за этого не стоит беспокоиться. Он прочел Джорджу отрывок из «Гиты», где Кришна говорит о том, что постичь Его можно, только занимаясь преданным служением.

«В будущем, — сказал Джордж, — ИСККОН так разрастется, что ему понадобится свой управленческий аппарат».

Прабхупада: «Я разделил мир на двенадцать зон, в каждой из которых у меня есть свой представитель. До тех пор пока они будут следовать духовным принципам, Кришна будет помогать им».

Перед уходом Джордж пообещал Прабхупаде, что окажет ему содействие в приобретении новых храмов. Позже Прабхупада заметил: «На Джорджа низшла милость Кришны».

Джордж Харрисон убедил другого известного поп-певца и музыканта, Донована, встретиться с прославленным лидером Движения Харе Кришна. Донован пришел с другом, тоже музыкантом. Они прихватили с собой двух своих подружек в мини-юбках. В неловком молчании Донован сидел перед Прабхупадой. Прабхупада заговорил: «В Ведах есть стих, где сказано, что музыка является высшей формой воспитания». Он стал объяснять, как музыкант может служить Кришне.

— Вы должны делать то же, что и ваш друг Джордж, — сказал Прабхупада. — Мы будем давать вам темы, а вы — сочинять песни.

Прабхупада сказал, что в служении Кришне можно использовать все, даже деньги.

— Но деньги материальны, — вмешалась в разговор подруга Донована.

— Откуда вы знаете, что материально, а что духовно? — ответил Прабхупада.

Он обернулся к Доновану:

— Вы понимаете, о чем я говорю?

Донован смущенно ответил, что он туповат, но старается. Подруга Донована наклонилась и что-то прошептала ему на ухо, после чего Донован встал и сказал: «Нам пора». Прабхупада стал настаивать, чтобы они сначала хотя бы попробовали *прасада*.

Как только за гостями закрылась дверь, раздался взрыв хохота. Прабхупада сказал: «Она подумала...» — и, не договорив, дал возможность закончить фразу ученикам.

«Да, — сказал Йогешвара, — она подумала, что если его привлечет Кришна, то она его потеряет».

Прабхупада так любил проповедовать именитым гостям, что стремился делать это повсюду. «В какое бы место я ни приехал, — писал он в письме к одному из своих учеников, — мои ученики должны устраивать для меня встречи с влиятельными людьми, и я буду рассказывать им о Движении сознания Кришны».

Он жил в поместье Джорджа Харрисона уже целый месяц, а до праздника Джанмаштами и церемонии установления Божеств оставалось еще несколько недель. Поэтому, когда Бхагаван попросил Прабхупаду приехать в Париж и установить там Божества Радхи-Кришны, Прабхупада охотно согласился.

* * *

Париж,

9 августа 1973 г.

Преданные устроили для Прабхупады официальный прием в ратуше. В присутствии мэра Парижа и представителей его администрации Шрила Прабхупада заявил, что если главы правительств не пытаются привить своим подданным подлинное сознание Бога, то их нельзя назвать ответственными руководителями. На следующий день в репортаже об этой встрече журналист утверждал, что Свами подверг критике даже Наполеона Бонапарта.

Бхагаван: *В Париже мы только что переехали в наш новый храм на Рю-ле-Суэр, и нам прислали Божества Радхи-Кришны высотой больше метра. Прабхупада велел Прадьюмне читать мантры и омыwać Божества, а сам, сидя на вьясасане, наблюдал за происходящим и давал указания. Я помогал Прадьюмне, но в какой-то момент обернулся и увидел, что Шрила Прабхупада стоит возле меня и, держа в руках раковину, омывает лотосоподобный лик Шримати Радхарани. Когда Божества поставили на алтарь, Шрила Прабхупада подошел и провел арати, а я помогал ему, подавая атрибуты, которые он предлагал Божествам.*

Установив Божества, мы прошли к Шриле Прабхупаде в его комнату и стали просить его дать нашим Божествам имя. Он откинулся на стуле и сказал, что наших Божеств будут звать Радха-Париж-Ишвара. Затем он объяснил, что индийцы ездят в Англию за образованием, а в Париж — за удовольствиями. Он рассмеялся и сказал, что Кришна приехал в Париж, чтобы найти здесь Себе гопи, молодых французенок, потому что французенки считаются самыми красивыми женщинами на свете. «Радхарани — такая красавица, — сказал Прабхупада. — Совсем как парижанка. Вот Кришна и приехал сюда, чтобы найти здесь эту самую красивую из гопи. Поэтому Его будут звать Париж-Ишвара».

* * *

Шрила Прабхупада приехал в Лондон, где у него состоялся телефонный разговор с Бомбеем. Гирираджа хотел, чтобы он срочно приехал и лично договорился с госпожой Н. о покупке земли в Джуху. Гирираджа проконсультировался с их новым адвокатом, господином Бакхилом, и тот сказал ему, что Прабхупада должен сам приехать в Бомбей, чтобы уладить это дело. Другой адвокат ИСККОН, мистер Чхандавал, тоже советовал преданным, чтобы они попросили Шрилу Прабхупаду немедленно приехать в Бомбей. Поэтому Гирираджа позвонил Прабхупаде, умоляя его приехать и окончательно договориться обо всем с госпожой Н. Прабхупада согласился. Он собирался пробыть в Лондоне до Джанмаштами, а затем вернуться в Бомбей.

Бомбей,
15 сентября 1973 г.

На следующий день после своего приезда Шрила Прабхупада встретился с адвокатами госпожи Н. и выслушал их предложения. В деле появились обнадеживающие моменты, и все же они никак не могли достичь договоренности. Реакция общественности на попытку госпожи Н. разрушить храм изменила ее настрой. Своему адвокату она сказала, что если Прабхупада сразу заплатит ей оставшиеся 12 лакхов рупий, то она согласится отдать ему землю. Прабхупада был готов согласиться на ее предложение, но не хотел ничего предпринимать до тех пор, пока не удостоверится в серьезности намерений госпожи Н.

С ней регулярно встречался бомбейский адвокат и свободный член ИСККОН господин Аснани, убеждая ее пойти навстречу Прабхупаде. То же самое советовали ей и ее адвокаты. Однако Прабхупада пробыл в Бомбее уже несколько недель, а встретиться с госпожой Н. все никак не удавалось. Однажды господин Аснани приехал к ней, чтобы отвезти ее к Прабхупаде, но она сказала, что больная. Каждый день господин Аснани обещал Прабхупаде: «Госпожа Н. приедет завтра». Прабхупада не мог скрыть своего

разочарования; видя это, его секретари заявили господину Аснани, что они не сомневаются в его добрых намерениях, но склоняются к тому, чтобы передать дело другим адвокатам. Господин Аснани попросил дать ему сорок восемь часов на то, чтобы уладить дело и оформить передачу земли.

Он приехал к госпоже Н. в один из ее домов, где она поправлялась после болезни. «Матаджи, — сказал он умоляющим голосом, — мой Гуру Махараджа завтра уезжает. Если вы не приедете сегодня вечером, дело с землей может затянуться еще на год». Госпожа Н. согласилась. Около 9 часов вечера они вдвоем подъехали к дому господина Богилала Пателя, где Прабхупада должен был проводить киртан и читать «Бхагаватам». Прабхупада был на крыше и собирался начать лекцию, но, услышав о приезде госпожи Н., он прервал программу и спустился к себе в комнату, чтобы поговорить с ней. После короткой беседы Прабхупада извинился перед госпожой Н. и, поднявшись на крышу, прочитал лекцию.

Вернулся он около полуночи в сопровождении слуги и секретаря. Госпожа Н. все еще ждала его. Разрыдавшись, она упала Прабхупаде в ноги.

— Простите меня за все, что я вам сделала, — сквозь слезы проговорила она. — Пожалуйста, простите меня.

Она пообещала все сделать так, как хотел Прабхупада.

Прабхупада смотрел на нее с жалостью, он видел, что творилось у нее на душе.

— Вы мне как дочь, — сказал он. — Не беспокойтесь. Я позабочусь о вас. Я буду заботиться о вас до конца ваших дней.

Прабхупада сказал, что принимает все ее условия, он готов выплатить остающиеся 12 лакхов рупий плюс 50 000 рупий компенсации за просрочку.

1 ноября в полседьмого вечера Шрила Прабхупада сидел за своим низким письменным столом в простенке между окнами, спиной к стене. В его комнате находились также госпожа Н. со своими адвокатами, чиновник-регистратор, господин Аснани, супруги Сетхи и человек восемь преданных. В переполненной комнате было жарко и душно. Регистратор готовил документы для подписи, а госпожа Н. тем временем сидела по правую руку от Прабхупады. Шрила Прабхупада был серьезен. Тишину в комнате нарушало только шуршание бумаг и скрип перьев. Подготовка и подписание купчей заняли чуть больше двадцати минут. Прабхупада передал деньги госпоже Н., после чего она подписала документ о передаче земли. Отныне земля по закону принадлежала ИСККОН.

Гирираджа: Когда подписывали документы, в комнате стояла мертвая тишина. Каждому из присутствующих казалось, что происходит событие чрезвычайной важности, как будто две великие мировые державы подписывают договор или что-нибудь в этом роде. После того как госпожа Н. подписала документ, все молча наблюдали за тем, как передают бумаги. Она заплакала. Тамала-Кришна Госвами спросил ее, почему она плачет, и госпожа Н. ответила, что как раз в этот день к ней приходил господин Матар и сказал, что нашел покупателя на землю, который предложил сумму намного

больше той, что платим мы. Глядя на госпожу Н., мы думали, что сейчас она, наверно, вспоминает все, что произошло за это время, все совершенное ею зло и смерть мужа. За этой минутой стояли месяцы напряженной, нескончаемой борьбы. Поэтому для Прабхупады, преданных и тех, кто поддерживал Прабхупаду, все происходившее в этот вечер было осуществлением их долголетней мечты.

Шрила Прабхупада попросил учеников сообщить об окончании дела в газеты. Он пригласил всех пройти в зал перед его кабинетом и принять участие в пире. Циновки были расстелены в два ряда, преданные принесли тарелки из банановых листьев и разложили их перед гостями, после чего стали предлагать сидящим в два ряда гостям разнообразные блюда.

Прабхупада не садился. «Ну что же, начнем», — сказал он, после того как закончили разносить *прасад*. Преданные приготовили несколько блюд — рис, дал, *пакоры* самых разных видов (из картофеля, цветной капусты, баклажанов), картофельное *сабджи*, *пападамы*, *бурфи*, *сабджи* из цветной капусты, *ладду*, *чамчам* (молочные сладости), *кхир* с вермишелью, *халаву* и лимонный напиток. Настроение у всех было радостное и приподнятое.

Госпожа Уорриер (проживающая в Джуху): *После подписания купчей все преданные прокричали: «Джая!» Все они были очень счастливы. Потом Прабхупада рассказал нам о бомбейском проекте. Он сказал, что все здесь будет из мрамора. Кто-то спросил, может ли быть, чтобы все было мраморным. Прабхупада объяснил, что это вполне возможно и осуществимо. Он представил проект так наглядно, что все были поражены тем, как он его описывал. Этот храм станет восьмым чудом света. Люди будут приезжать со всего мира, только чтобы увидеть этот храм. Он станет одной из достопримечательностей Бомбея. Прабхупада представил весь проект так, как будто видел его мысленным взором, и сказал еще, что, когда строительство закончится, мы увидим нечто такое, чего мы и представить себе не можем. Это будет нечто потрясающее!*

Ужин закончился поздно, и, когда все разошлись, Прабхупада вернулся в свою комнату. Сев за рабочий стол и откинувшись назад, он воскликнул: «Хороший был бой!»

* * *

Вриндаван, март 1974 года

Шрила Прабхупада постоянно думал о строительстве Кришна-Баларам-Мандира. В апреле 1972 года он попросил своего ученика Ханса Кильмана (теперь Сурабхи), который сделал проект бомбейского центра, начертить эскизы для храма во Вриндаване в стиле индийского Ренессанса. Прабхупаде нравился храм Говиндаджи, расположенный неподалеку от первого храма Говиндаджи, который построил Рупа Госвами. Ему нравился его открытый двор, окруженный аркадой, и его фасад со ступенями, ведущими в зал для

даршанов. Он выразил желание, чтобы его храм воспроизводил некоторые архитектурные особенности храма Говиндаджи. С помощью архитектора из Вриндавана Сурабхи сделал чертежи проекта, и Прабхупада одобрил его.

Это будет самый величественный храм во Вриндаване. Многие высокопоставленные лица из Дели, которые также являются преданными, будут рады возможности провести с нами выходные дни. Они словно побывают на Вайкунтхе. Вы должны построить нечто выдающееся. Иначе это будет позором для вас, молодых американцев. Построив замечательный храм, вы оправдаете мнение об Америке, которое сложилось у индийцев. Вриндаванский проект является одним из самых важных проектов ИСККОН.

Гуру-дас аккуратно поддерживал связь с Прабхупадой по почте, но он не сделал во Вриндаване несколько очень важных дел: не вырыл колодец и не получил разрешения от городских властей, о чем его неоднократно просил Прабхупада. Летом 1972 года Прабхупада писал:

Я с самого начала говорил, что хочу построить во Вриндаване храм, похожий на храм Говиндаджи. Я столько раз писал тебе об этом, но ты так ничего и не сделал. Ну да ладно, теперь мне нравится проект Сурабхи.

Строительство храма во Вриндаване не такое уж трудное дело, думал Прабхупада, и потому бесконечные проволочки причиняли ему немало беспокойства. Он боялся, что преданные и архитекторы сделают здание слишком дорогим. Он велел им строго придерживаться одобренных им планов, даже если здание окажется чуть дешевле, чем планировалось в начале. Он хотел, чтобы всеми работами руководил опытный ученик, который не дал бы себя обмануть.

Еще в апреле 1972 года Прабхупада выразил желание, чтобы главными Божествами в его храме во Вриндаване были Кришна и Баларама. «Кришна будет черным, а Баларама — белым, и стоять они будут так, как на обложке журнала „Бэк ту Годхед“». Он хотел, чтобы при входе висела вывеска «Шри Кришна-Баларам-Мандир».

Одной из причин, по которой Прабхупада хотел установить в своем храме Божества Кришны и Баларама, являлось то, что большинство вриндаванских храмов были храмами Радхи-Кришны; храм ИСККОН будет единственным в своем роде во Вриндаване. Другая причина заключалась в том, что участок, принадлежавший ИСККОН, располагался в Рамана-Рети, на мягких песках которого пять тысяч лет назад Кришна и Баларама наслаждались Своими детскими играми. В Рамана-Рети подобало прославлять детские игры Кришны и Баларама и поклоняться им.

Хотя с того дня, когда Кришна появился во Вриндаване, минули тысячелетия, атмосфера в нем почти не изменилась; пейзажи и звуки — все осталось таким же, как было. Павлины все так же бегали по песку или сидели

на крышах и деревьях. Ворковали голуби, куковали кукушки, хлопали зелеными крыльями попугаи — таковы вечные звуки и картины вриндаванского леса.

Сооружая храм Кришны и Баларамы, Прабхупада хотел дать возможность всем людям — будь то иностранные туристы, гости из Дели или его ученики — насладиться мирной, трансцендентной атмосферой Рамана-рети. Он уже получил письмо из крупного международного туристического агентства, в котором его просили предусмотреть в проекте гостиницы номера для туристов, чтобы гостиницу ИСККОН можно было включить в официальные маршруты по духовной Индии. Поток туристов, желающих увидеть святы места Индии, никогда не иссякает, но, к сожалению, большинство из тех мест, которые они обычно посещают, не освящены авторитетом *ачарьев* и наводнены мошенниками, поэтому центр ИСККОН будет иметь огромное значение. Прабхупада писал:

Вы должны создать европейский проповеднический центр и приглашать туда всех туристов и хиппи, которые приезжают во Вриндаван. Угощайте их прасадом, привлекайте к участию в киртанах, уборке храма, предлагайте им прочесть наши книги, словом, дайте им шанс стать преданными.

С тех пор как Прабхупада в последний раз приезжал во Вриндаван на *карттику* в 1972 году, прошло уже больше года, и все это время он руководил строительством храма по переписке. Движение сознания Кришны стремительно росло и развивалось на всех континентах, поэтому Прабхупаде приходилось много путешествовать. Но три проекта — в Бомбее, Вриндаване и Майяпуре — были главными темами его переписки и основными объектами его капиталовложений.

Однажды во время массажа Прабхупада признался своему слуге: «Большинство людей в моем возрасте отходят от дел. Я больше не хочу руководить. Я хочу только писать книги». Прабхупада спросил, есть ли на земле такое место, где бы он в течение полугода мог побыть один, где никто не будет ему мешать и где он не будет получать никаких писем.

Слуга Прабхупады предложил Тегеран. Прабхупада подумал над этим предложением, но потом вспомнил о Новом Вриндаване. Он рассказал о Мохандасе Ганди, который не мог даже спать по ночам, потому что люди везде преследовали его, даже когда он путешествовал инкогнито.

В тот же день пришло письмо от Бхагавана из Парижа. Он приглашал Прабхупаду совершить поездку по центрам ИСККОН в Европе. Прабхупада сразу же загорелся и сказал, что едет.

— Но еще утром, — напомнил ему слуга, — вы хотели уйти на покой и жить в одиночестве.

Прабхупада засмеялся:

— Только не в этой жизни. Уж лучше я буду проповедовать и умру на поле боя. Воину подобает встречать смерть на поле битвы. Разве не так?

* * *

Гуру-дас разослал во все центры ИСККОН письма, приглашая преданных приехать на открытие Кришна-Баларам-Мандира во Вриндаване. Он пригласил свободных членов Общества из Бомбея и Калькутты и забронировал для них места в поезде. Прабхупада тоже пригласил своих учеников приехать во Вриндаван на празднование Джанмаштами. Выступая с лекцией перед сотнями преданных в Лос-Анджелесе, он сказал: «Я приглашаю вас всех приехать во Вриндаван на церемонию открытия Кришна-Баларам-Мандира».

Прабхупада также разослал приглашения своим духовным братьям. Когда один из них согласился приехать, Шрила Прабхупада в ответном письме написал, что разместит его со всеми удобствами, и объяснил, как легче всего добраться из Калькутты до Вриндавана.

15 июля, за десять дней до своего предполагаемого приезда во Вриндаван, Прабхупада написал почти одинаковые письма всем своим ученикам-санньяси, приглашая их приехать, чтобы обсудить с ними те личные и деловые вопросы, решение которых откладывалось из-за его занятости во время напряженной поездки.

Однако кроме Гуру-даса никто из преданных, живших во Вриндаване, не верил, что здание будет закончено к заранее намеченной торжественной церемонии открытия. Работы шли, как обычно, очень медленно, и, за исключением зала для *даршанов*, вся территория по-прежнему представляла собой строительную площадку. В храме не было ни алтарей, ни Божеств. Теджас считал, что Гуру-дас боится прогневать Прабхупаду и потому не решается признаться ему, что здание не будет готово к намеченному сроку. Дату уже назначили, и Прабхупада не принимал никаких оправданий. «Все должно быть закончено к Джанмаштами, — писал он. — Об отсрочке не может быть и речи». Гуру-дас признался Прабхупаде, что к Джанмаштами храм не будет завершен *полностью*, но все же полагал, что церемония открытия сможет состояться, несмотря на то что в храме останутся кое-какие недоделки.

Из-за отсутствия постоянного секретаря Джи-би-си по Индии Прабхупада не получал точных докладов о ходе строительных работ во Вриндаване. Несколько месяцев назад Тамала-Кришна Госвами оставил должность секретаря Джи-би-си по Индии и уехал проповедовать на Запад. Лишь три месяца спустя Прабхупада назначил его преемником Карандхару, но через несколько недель Карандхара тоже сложил с себя эти обязанности. Поэтому Гуру-дас был для Прабхупады единственным источником информации. Близился конец июля, и преданные готовились ехать во Вриндаван — навстречу провалу.

* * *

Вриндаван,
4 августа 1974 г.

Когда машина Прабхупады подъехала к территории ИСККОН в Раманарети, группа преданных вышла приветствовать его киртаном и цветами. Человек двадцать пять преданных из разных храмов со всего света уже собрались на торжественную церемонию открытия. Вместе с вриндаванскими преданными они радостной толпой окружили Шрилу Прабхупаду. Пешеходных дорожек еще не было, Прабхупада шел вдоль недостроенных стен, мимо куч песка и кирпича, направляясь к алтарной зале. Даже здесь еще не приступали к отделочным работам, и до завершения строительства было еще очень далеко. Кругом валялся строительный мусор.

— Что это? — возмутился Прабхупада, обойдя стройплощадку.— Тут ничего нет. Где храм? Вы говорили мне, что храм готов.

Гуру-дасу, Сурабхи, Гунарнаве и всем тем, кто отвечал за строительство храма, нечего было сказать в ответ. Лица их стали белыми как мел.

Прабхупада был в ярости.

— И это вы собираетесь открывать?

Приехавшие во Вриндаван преданные тоже начали переговариваться между собой: «Ничего ведь не готово. Как открывать-то?»

— Но Прабхупада, — сказал один из преданных, — сюда уже едут преданные со всего света.

— Немедленно остановите их! — сказал Прабхупада. — Никакого открытия не будет.

Мыльный пузырь лопнул, Прабхупада развеял их иллюзорные надежды на то, что они успеют подготовиться к торжественному открытию. Гнев Прабхупады был страшен, и окружавшие его преданные уже не выглядели беззаботными и веселыми.

— И вы собрались открывать этот храм? — усмехнулся Прабхупада.

— Алтарь готов, — сказал Харикеша, который приехал на открытие из Японии. — Мы установим Божества и...

— Вы не можете открывать храм в таком виде! — закричал Прабхупада. — Храм не готов!

Прабхупада направился к своему дому, сопровождаемый руководителями вриндаванского проекта и еще несколькими лидерами ИСККОН. Остальные предпочитали не попадаться ему на глаза. Жена Сурабхи, боясь гнева Прабхупады, побежала молиться Кришне.

Придя в свою комнату, Прабхупада дал волю гневу. Он кричал на Гуру-даса, ругая его за халатность. Он кричал на Сурабхи. Он кричал на всех. Никто не осмеливался сказать ни слова в свое оправдание. Все стояли бледные и подавленные.

Вдруг Прабхупада спросил:

— Нельзя ли все же как-нибудь открыть храм?

— Можете вы, по крайней мере, достроить комнаты Божеств? — обернулся он к Сурабхи. — Это позор для нашего Общества. Что подумают люди? Мы же повсюду раструбили об этом!

— Практически никто еще ничего не знает об этом, Шрила Прабхупада, — с опаской сказал Сурабхи, подставляя себя под очередной удар.

— Что? — голос Прабхупады несколько изменился. — Ты хочешь сказать, что вы никого не оповестили? И приглашений не разослали?

— Еще нет, Прабхупада. Во всяком случае жители Вриндавана ничего не знают. Они и не ждут открытия, поскольку видят, что открывать нечего. Они знают, что еще ничего не готово.

— Это фарс, — Прабхупада помрачнел. — Это полный провал.

Он негодуя оgleдел своих вриндаванских управляющих.

Мы *должны* открыть храм. Нельзя ли сделать что-нибудь, чтобы открыть храм на Джанмаштами?

— Шрила Прабхупада, — сказал Сурабхи, — даже резные двери для алтаря еще не готовы.

Прабхупада спросил у Ямуны о Божествах. Та сообщила, что одежду и украшения для Них уже купили, но троны все еще не готовы.

— Каково твое мнение? — спросил ее Прабхупада.

— Не мне судить об этом, — сказала Ямуна, — и, хотя я не имею права говорить, на мой взгляд, открыть храм практически невозможно. У нас нет даже *пуджари*.

С чувством полной безнадежности Прабхупада сказал:

— Тогда не будем открывать. Но мы же столько людей пригласили со всего света. Я ничего не знал. Решайте теперь вы.

— *Когда* мы сможем его открыть? — спросил Прабхупада. — Может быть, на Дивали?

— В октябре, Шрила Прабхупада.

— А может, в день явления Бхактисиддханты Сарасвати? — предложил один преданный. — Это конец декабря.

Прабхупада молчал, недовольный.

Заговорил Сурабхи:

— Нам нужно шесть или даже семь месяцев.

Наконец Прабхупада предложил открыть храм на Рама-навами, в апреле, тогда праздник совпадет по времени с ежегодной встречей преданных в Майяпуре и Вриндаване.

Гнев, который Прабхупада обрушил на своих учеников, длился недолго. Это была вполне естественная реакция на их глупость. Он одновременно воспитывал и испытывал их. Но трансцендентное нетерпение и разочарование Прабхупады из-за того, что его преданное служение во Вриндаване до сих пор не началось, было гораздо более глубоким. Он хотел построить здесь величественный храм во славу Движения сознания Кришны, храм, который упрочит авторитет сознания Кришны во всем мире. Это было

его служением своему духовному учителю, и к тому же он дал обещание Кришне. А они все никак не могут закончить строительство.

Что же касается неудачи, которую потерпели ученики Прабхупады, то все бремя ответственности за этот провал ему придется взять на себя. Ученики были орудием в его служении Кришне. Если его орудия работают плохо, то страдает прежде всего он сам; когда человеку отказывают руки или ноги, от этого страдает все тело. Неспособность учеников исполнить его желание была его неудачей. Поэтому сорвавшееся открытие Кришна-Баларам-Мандира причинило Прабхупаде трансцендентную боль.

Переживания Прабхупады, хоть и трансцендентные, тем не менее были вполне реальными; это было отнюдь не притворством в воспитательных целях. И вывести его из этого состояния было не так-то легко — преданные не могли отделаться дешевыми словами «утешения» по адресу своего духовного учителя. Чтобы помогать ему надлежащим образом, ученики Прабхупады должны были понять его трансцендентную волю и, исходя из этого, служить ему. Прабхупада добивался от своих учеников практического, конкретного служения. Чтобы удовлетворить его, одних сантиментов было недостаточно, для этого нужен был тяжелый труд. Преданное служение — это активная деятельность. Прабхупада хотел, чтобы, работая над этими проектами, ученики помогали ему служить его Гуру Махарадже. Он придавал этим проектам такое значение, ибо знал, что в случае успеха эти проекты избавят мир от страданий.

Достать цемент было огромной проблемой. Сурабхи, Гунарнава, Теджас и другие постоянно думали об этом, ломая голову над тем, где взять цемент. Казалось, во всей Индии не осталось ни грамма цемента. Месяцами они ждали правительственного разрешения. Ежедневно, с тех пор как Прабхупада приехал на «открытие» храма, преданные ездили в Матхуру, автобусом или на рикше, надеясь раздобыть хоть несколько мешков цемента.

Случалось, что их обманывали. В одной партии из двадцати мешков в цемент чего-то подмешали, и когда они попробовали залить им колонну, то она дня четыре не затвердела и в конце концов раскрошилась. Когда же им наконец удалось достать достаточно цемента, чтобы завершить работы, все преданные были уверены, что обязаны этим только присутствию Прабхупады.

Прабхупада велел Гунарнаве пересчитать все мешки с цементом. Машины с грузом непрерывно шли с восьми утра до полдесятого вечера. В каждом грузовике сидело по четыре грузчика, они перетаскивали тяжелые мешки на спинах и складывали их под навесом. Гунарнава весь день стоял с блокнотом и ручкой, отмечая каждый полученный мешок цемента. Несколько раз Прабхупада выходил из дома и с серьезным видом наблюдал за происходящим. Вечером, когда все было кончено, он вызвал к себе Гунарнаву.

— Сколько получили мешков? — спросил Прабхупада.

Гунарнава назвал точную цифру.

— Все заперли? — спросил Прабхупада.

— Да, Шрила Прабхупада.

Прабхупада говорил о цементе так, как будто речь шла о партии золота.

* * *

В феврале-марте 1975 года Шрила Прабхупада совершил еще одно кругосветное путешествие. Сначала он отправился на восток, в Лос-Анджелес через Токио и Гавайи. В дороге он получил известие, что губернатор Редди согласился посетить церемонию открытия храма во Вриндаване на Раманавами. Он также получил обнадеживающее письмо от Сурабхи, который обещал, что на этот раз открытие храма обязательно состоится. «Я рад, что вы надеетесь закончить все вовремя, — писал Прабхупада. — Именно этого я и хочу».

Затем Прабхупада отправился в Мехико и Каракас, столицу Венесуэлы, после чего совершил короткое турне по Соединенным Штатам — Майами, Атланта, Даллас, Нью-Йорк — и все за один месяц. Потом — Лондон, Тегеран, и 16 марта он вернулся в Индию. Это было восьмое кругосветное путешествие, которое Прабхупада совершил за минувшие десять лет.

* * *

Майяпур,

23 марта 1975 г.

На праздник в этом году съехалось почти пятьсот преданных со всего света. Везде — на утренних прогулках по близлежащим полям, в храме Радхи-Мадхавы или на лекциях по «Чайтанья-чаритамрите» — Прабхупада был в центре внимания. Каждое утро после лекции он в сопровождении учеников обходил алтарь. По обеим сторонам алтаря висели бронзовые колокола. Обходя Божества, Прабхупада подходил к одному из них и, дергая за веревку, делал несколько ударов. А вокруг бушевал киртан. Затем, с палкой в руке, он обходил алтарь сзади и звонил в колокол, висевший на другой стороне.

Обступив его со всех сторон, преданные прыгали и пели Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. С довольной улыбкой на лице Прабхупада продолжал обход храмовой комнаты; он снова подходил к первому колоколу и с силой ударял в него. Обойдя вокруг алтаря раз пять или шесть, он, счастливый, уходил из храма, а киртан все продолжался. Встреченный яркими лучами утреннего солнца, он поднимался по широкой лестнице и шел в свою комнату.

Ежегодное собрание Джи-би-си и на этот раз проходило под руководством Прабхупады. Он лично утверждал или изменял все его решения. ИСККОН и в самом деле разрастался, но, как Прабхупада сказал однажды своему другу, престарелому Гопале Ачарье в Мадрасе, «Кришна и общество Кришны

неотличны друг от друга. Заботясь об обществе Кришны, преданные никогда не забудут о Кришне».

Настаивая на том, чтобы преданные каждый год совершали паломничество по святым местам Индии, Прабхупада укреплял духовную основу ИСККОН — созданной им трансцендентной организации. Он хотел, чтобы в святых дхамах были воздвигнуты центры ИСККОН, где могли бы собираться преданные. Он молился об этом и сражался за это. Он хотел, чтобы его последователи всегда — ныне и в будущем — имели возможность жить в очищающей атмосфере Майяпура и Вриндавана. Постепенно, шаг за шагом, его план обретал реальные черты; движение Господа Чайтаньи спасало мир.

* * *

Вриндаван,
16 апреля

Когда Прабхупада приехал, чтобы провести наконец церемонию открытия Кришна-Баларам-Мандира, его поразили три высоких купола, возвышавшиеся над храмом. Их построили за те восемь месяцев, которые прошли со времени его последнего приезда. В его отсутствие преданные отстроили также четырехэтажный международный отель. Сурабхи не уходил со стройки ни днем, ни ночью, следя за тем, чтобы строительные работы были закончены вовремя.

Высокий центральный купол и два боковых — по одному над каждым алтарем — поражали взор своим величием. Благородство их форм настраивало на возвышенный лад и наводило на мысль о существовании сфер бытия, лежащих за пределами материального мира. Мощь и красота куполов напоминала человеку о том, что под ними находится Сам Верховный Господь. Храм должен нести людям знание, избавляя их от оков невежества, и купола красноречиво возвещали миру о его предназначении. Гордо возвышаясь над Вриндаваном, эти купола, которые было видно издалека, стали символом культа Кришны и Баларамы.

Каждый купол венчала медная *каласа*, которая состояла из трех шаров, символизирующих нижние, средние и высшие планеты, а на самой верхушке была укреплена вечная Сударшана-чакра, вращающийся диск — оружие Господа Вишну. Сударшана-чакра — это Сам Кришна. Один вид этого чудесного символа на куполе *мандира* наполнял сердца преданных ликованием. Даже гости при виде его застывали в благоговении. Над Сударшана-чакрами возвышались медные знамена победы.

Обходя уже законченное здание, Прабхупада не мог отвести взгляда от куполов.

— О, — сказал он, — какие красивые получились купола! А вы как считаете?

Он повернулся к сопровождавшим его преданным.

— Великолепные! — сказал один из них.

— Да, — улыбнулся Прабхупада. — Все хвалят Сурабхи.

Прабхупада повернулся к Сурабхи, который в течение нескольких недель хронически недосыпал.

— Только я этого делать не буду. Я все время критикую вас, потому что это моя работа — я должен критиковать своих учеников.

Около шестисот преданных из разных центров ИСККОН со всего земного шара приехали во Вриндаван, чтобы принять участие в ежегодном паломничестве по святым местам. Кульминацией праздника должно было стать установление Божеств и открытие храма во Вриндаване. Спешно делались последние приготовления — преданные чистили, убирали, украшали храм, готовили еду. Приехало много свободных членов ИСККОН и гостей, они разместились в отдельных комнатах новой гостиницы на сорок номеров. Наконец-то сбылась мечта Прабхупады. Он создал, наверное, самый красивый и величественный храм во Вриндаване. Во всяком случае это был храм, где, как ни в каком другом храме Вриндавана, царила атмосфера самоотверженной преданности и проповеднический дух. Кроме того, он построил один из лучших в округе отелей, который примет гостей, приехавших сюда за *кришна-бхакти*.

Осматривая территорию, Прабхупада вышел во внутренний дворик. Его чистый мраморный пол сверкал на солнце. Это вам не случайно снятое помещение, построенное для других целей (как это было в Америке), это — храм, подобный храмам Вайкунтхи, описанным в «Шримад-Бхагаватам». «Это рай земной, — сказал Прабхупада. — Я думаю, это самый лучший храм во всей Индии».

Улыбаясь, Прабхупада стоял перед деревом *тамала*, раскинувшем свои старые ветви в углу двора. Он вспомнил, как преданные хотели его срубить, но он воспрепятствовал этому. Деревья *тамала* связаны с играми Шримати Радхарани и встречаются очень редко. Во Вриндаване их осталось, пожалуй, всего три: одно здесь, другое — у Сева-Кунджи, а третье — во дворе храма Радхи-Дамодары. Дерево *тамала* разрослось, и Прабхупада сказал, что это свидетельствует об искренней преданности тех, кто живет в храме.

Убедившись, что храм действительно готов, Прабхупада пошел к себе. Его дом находился между храмом и гостиницей. Его ждало еще много дел, много приехавших сюда учеников надеялись встретиться с ним и обсудить свои проблемы.

Так в Рамана-Рети, там, где не было храма, чистый преданный произнес: «Здесь будет храм и *сева*, преданное служение!» И заброшенный пустырь превратился в место паломничества. Такова сила желаний чистого преданного.

7 - Соединяя два мира

Сан-Франциско,
5 июля 1970 г.

В 1970 ГОДУ Шрила Прабхупада приехал на Ратха-ятру в Сан-Франциско. День был холодный и ветреный, но в шествии Господа Джаганнатхи через Голден-Гейт-парк приняло участие около десяти тысяч человек. Шрила Прабхупада танцевал на улице в многотысячной толпе участников праздничной процессии. В зале на городском пляже он выступил с речью перед огромной аудиторией, а потом наблюдал, как его ученики раздают праздничный *прасад* тысячам участников фестиваля. Когда же один из преданных принес ему стопку сигнальных экземпляров первого тома книги «Кришна, Верховная Личность Бога», лицо Шрилы Прабхупады просияло от счастья.

Окруженный преданными и заинтересованными участниками праздника, Прабхупада держал в руках одну из книг, любясь обложкой с красочным изображением Радхи и Кришны. Том был большого формата, 18 на 27 см. На глянцевой серебристой суперобложке большими ярко-красными буквами было написано: «Кришна». Шрила Прабхупада с благоговением взирал на трансцендентное чудо, которое держал в руках.

Зрители с трудом сдерживались, чтобы не толкнуть Шрилу Прабхупаду, заглядывая ему через плечо, но, когда Прабхупада улыбнулся и открыл том, они не смогли удержаться от восхищенных возгласов. Он внимательно разглядывал иллюстрации, печать, бумагу, переплет. «Отлично», — сказал он. Прабхупада наугад раскрыл книгу и углубился в чтение. Потом он поднял глаза и сообщил, что этой книге о Кришне нет цены; она только что напечатана, и прочесть ее должен каждый. Держа один экземпляр в руке (другие лежали стопкой перед ним), он сказал, что все желающие могут подойти и купить книгу.

Толпа заволновалась, к нему со всех сторон потянулись руки с десятидолларовыми купюрами, люди просили: «Мне, мне». В мгновение ока Прабхупада распродал все книги, не оставив даже экземпляра для себя.

Для преданных то, что Прабхупада продавал книги о Кришне, стало самым большим событием праздника. Они собирались вокруг купленных книг небольшими группами и говорили об играх Кришны и о том, какое влияние эти книги окажут на людей Америки.

Брахмананда рассказал, как в 1967 году Прабхупада отдал сигнальный экземпляр книги «Учение Господа Чайтаньи». Он был у себя в комнате на Второй авеню в Нью-Йорке. До того как принесли книгу, Шрила Прабхупада сидел и разговаривал с Сатьявратой, учеником, который к тому времени

перестал ходить в храм из-за мелких ссор со своими духовными братьями. Когда Прабхупаде принесли экземпляр «Учения Господа Чайтаньи», Шрила Прабхупада с любовью оглядел его и подарил Сатьяврате.

Брахмананда был поражен, увидев, что Шрила Прабхупада отдал ему единственный экземпляр книги. Брахмананда, участвовавший в издании книги, знал, сколько труда Прабхупада вложил в эту книгу и с каким нетерпением целый год ожидал ее выхода в свет. Но как только книгу принесли, он тут же отдал ее, и кому — ученику, который даже вряд ли следовал регулирующим принципам. Сатьяврата взял книгу, поблагодарил Шрилу Прабхупаду и ушел. Больше его никто никогда не видел.

Шрила Прабхупада хотел, чтобы его ученики распространяли книги о сознании Кришны с таким же энтузиазмом, как и он, но никто из них не знал, как это делать. Одно дело распространять журнал и просить за него небольшое пожертвование, а другое — продавать большую книгу в твердом переплете. Когда в апреле 1967 года весь тираж «Учения Господа Чайтаньи» пришел в Нью-Йорк, преданные наняли грузовик, погрузили книги и привезли их на Вторую авеню. Затем они разослали книги в центры ИСККОН в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Бостоне, Монреале и т.д. Там они и остались.

Некоторые преданные пытались давать рекламу в журналы, относили книги в книжные магазины на комиссию, но их никто не покупал. Как продавать большие книги в твердом переплете оставалось тайной, пока не произошло одно важное событие, неожиданно подсказавшее им разгадку этой тайны.

Однажды — дело было в 1971 году — два брахмачари, возвращавшиеся в храм после киртана в центре Сан-Франциско, остановились у бензоколонки недалеко от храма, чтобы заправиться. Когда дежурный подошел к окну машины за деньгами, один из преданных показал ему книгу о Кришне. Дежурный заинтересовался, и тогда оба преданных стали проповедовать ему и рассказывать о сознании Кришны. Когда они предложили дежурному взять книгу как плату за бензин, он, неожиданно для них самих, согласился.

Удивленные тем, что произошло, и окрыленные успехом, оба брахмачари на следующий день взяли несколько книг о Кришне и поехали к продуктовому магазину. И снова удача, на этот раз они продали две книги.

Кешава, президент храма в Сан-Франциско, позвонил своему куратору от Джи-би-си (и брату) Карандхаре в Лос-Анджелес и рассказал ему обо всем, что произошло. «Это чудо!» — воскликнул Кешава. Карандхара одобрил их действия и посоветовал продолжать эксперимент. Вскоре в храме в Сан-Франциско появилась группа из шести преданных, которые каждый день ходили от дома к дому и предлагали людям книги. Когда Буддхиманта стал продавать по пять книг в день, преданные в других храмах, особенно в Лос-Анджелесе, Сан-Диего и Денвере, решили последовать его примеру. И каждый, кому удавалось продать книгу, испытывал при этом настоящий экстаз.

Преданные, распространяющие книги, в один голос говорят об особом чувстве, которое они испытывают, продавая книги Шрилы Прабхупады. Это чувство несколько не похоже на ту радость, которую ощущает молодой человек, когда случайно находит какой-то удачный прием продажи, сулящий ему большую выгоду. Разница в том, что, распространяя книги, преданный служит Кришне, и это служение позволяет ему ощутить трансцендентный экстаз, который не идет ни в какое сравнение даже с самой большой материальной радостью.

Обыкновенный бизнес и бизнес, которым занимались преданные, продавая книги Шрилы Прабхупады, отличаются друг от друга так же, как материальная жизнь отличается от духовной. И всякий, кто пытается оценить духовную жизнь с материальной точки зрения, никогда не поймет ее смысла. Бхактисиддханта Сарасвати сравнивал попытки понять природу экстаза в сознании Кришны с попытками ощутить вкус меда, облизывая снаружи банку, в которой он находится.

Юноши и девушки, начинавшие распространять книги Прабхупады в Америке, знали, что, дав им сознание Кришны, Шрила Прабхупада спас их от адской жизни, и хотели помочь ему принести сознание Кришны другим. И проповедуя подобным образом — занимаясь распространением его книг, они ощущали духовный экстаз.

К середине 1971 года храмы продавали уже сотни экземпляров «Кришны» в неделю. Карандхара, управляющий книжным фондом Прабхупады, начал рассылать информационные бюллетени *санкиртаны* по храмам Северной Америки, посылал он их и Шриле Прабхупаде. В них ежемесячно печатались данные о распространении книг в каждом храме, что стимулировало соревнование. Декабрьский бюллетень Карандхары за 1971 год, подытожив результаты года, призывал преданных удвоить усилия.

В последнее время храм в Сан-Франциско, распространяя книги на улицах города, продает в среднем по двадцать экземпляров книги «Кришна» в день. В чем секрет их успеха? Кешава Прабху говорит: «Просто для нас теперь распространение книг — это главное. Нужно только захотеть и приложить максимум усилий. Куда бы мы ни шли, мы всегда берем с собой „Бэк ту Годхед“ и книги о Кришне. Выходим ли мы на улицу, идем от двери к двери с группой санкиртаны или направляемся в прачечную или магазин — мы всегда берем с собой книги». Чего только мы ни придумывали, чтобы увеличить распространение книг, но опыт свидетельствует о том, что самое лучшее — просто взять книги в руки и идти от двери к двери, неся людям эту Беспричинную Милость. Задайте себе вопрос, сколько часов в день вы тратите на распространение книг Шрилы Прабхупады, дороже которых для него ничего нет?

Но итог годовой *санкиртаны* подвела не заметка в бюллетене, а письмо Прабхупады, которое он написал Кешаве, «королю» распространения книги «Кришна».

Мне все время сообщают о том, что преданных из сан-францисского храма по распространению книг не может превзойти никто. Иногда они продают до семидесяти книг «Кришна» в день. Если это действительно так, то, вернувшись в США, я обязательно остановлюсь в вашем храме. Распространяя мои книги, вы воодушевляете меня в работе над переводами. Вы помогаете мне выполнить наказ, который я получил от своего Гуру Махараджи, и я безмерно благодарен вам за это. Я уверен, что за ваши труды Кришна благословит вас миллион раз.

Надеюсь, что ты и все мои горячо любимые ученики в сан-францисском храме пребываете в добром здравии и хорошем расположении духа.

Копии этого письма были разосланы во все центры ИСККОН. Прабхупада всегда давал преданным благословения, но никто не помнил случая, чтобы он сказал преданному, что Кришна благословит его «миллион раз»!

Хотя письма Прабхупады обычно содержали наставления, адресованные какому-то определенному ученику, эти наставления, как правило, касались всех, и письма Прабхупады ясно указывали ученикам на то, что их главной задачей является распространение книг.

Я очень рад слышать, что вы увеличиваете распространение наших книг и журналов. Это также свидетельствует о вашей активной проповеднической деятельности. Чем шире будет ваша проповедь, тем больше книг вы будете продавать. Больше всего я хочу, чтобы мои книги распространялись повсеместно.

Прабхупада лелеял надежду на то, что трансцендентная литература вытеснит мирскую. «Нужно, чтобы в каждом доме была хотя бы одна книга о сознании Кришны, — рассуждал он, — ведь, если человек прочтет всего одну страницу, он сможет встать на путь, ведущий к совершенству». «Если всего один процент читателей станет преданными, — писал он, — это изменит мир». Рекламные агентства, рассылающие рекламу по почте, рассчитывают на отклик пяти процентов получателей, но Шрила Прабхупада не рассчитывал даже на это. Он надеялся на то, что хотя бы один процент людей, получивших его книгу, станет чистыми преданными. То же самое говорит Господь Кришна в «Бхагавад-гите»: «Из многих тысяч людей едва ли один стремится к совершенству, а из тех, кто достиг совершенства, едва ли один на самом деле знает Меня». Следовательно, чтобы весь мир стал сознающим Кришну, необходимо распространить миллионы экземпляров трансцендентных книг.

Шрила Прабхупада хотел, чтобы его ученики поняли, почему так необходимо распространять его книги, и наставлял их в своих письмах.

О том, кто такой Бог, можно сказать в четырех словах: Кришна — это Верховный Повелитель. Если вы сами непоколебимо верите в эту истину и с энтузиазмом проповедуете другим, то непременно добьетесь успеха и ваше служение принесет величайшее благо всем живым существам.

Он писал Джаядвайте:

Эти книги и журналы — главное оружие нашей проповеди, они помогут нам одержать победу над невежеством сил майи. Чем больше мы напечатает таких книг и чем больше распространим их по всему миру, тем больше будет вероятность того, что мы спасем мир от самоуничтожения.

Меня очень порадовало твое сообщение о распространении книг, поскольку оно показывает, что ты считаешь своим долгом заботиться о том, чтобы все больше и больше людей читали наши книги. По сути дела, это — фундамент нашей проповеднической деятельности. Ни у какого другого религиозного движения нет такой надежной опоры в проповеди. Если человек познакомится с нашей философией, философией сознания Кришны, у него не останется никаких сомнений.

Прабхупада по-прежнему требовал, чтобы преданные уделяли внимание всем основным программам Движения сознания Кришны, включая поклонение Божествам, публичные киртаны и выступления с лекциями. Все программы являются важными, но все они по возможности должны сопровождаться распространением книг. Одному санньяси, который главным образом занимался чтением публичных лекций, Прабхупада писал:

Распространяй как можно больше книг. Если человек услышит нашу проповедь, это, несомненно, поможет ему. Но, если он купит книгу, она может перевернуть всю его жизнь. Поэтому распространение книг — самая лучшая проповедь. Продавай книги, устраивай киртаны в общественных местах — школах и колледжах, проповедуй.

Ту же самую мысль он подчеркивал в письме к Бхагавану дасу во Францию: «Что даст людям твоя трехминутная проповедь? Но, если они приобретут хотя бы одну книгу, это может перевернуть их жизнь».

Другой рекорд в распространении книг был установлен в конце 1972 года. В предыдущем году преданные воспользовались предрождественскими днями и ходили по домам, предлагая людям книгу «Кришна», однако тогда никто даже не подозревал, каким важным может стать для них канун Рождества.

Рамешвара: *Это произошло 22 декабря 1972 года. В тот день в Лос-Анджелесе мы случайно открыли Рождественский марафон. Разумеется, мы обратили внимание на то, что народу в магазинах заметно прибавилось и магазины торговали до полуночи. Я стоял у магазина Бурбанка Зоди. Тогда у*

нас в Лос-Анджелесе шло оживленное соревнование с призами, уже переходившее в лихорадку.

Я целый день носился, как сумасшедший, выручил около 350 долларов и распространил 650 журналов. Было десять часов вечера. Я был уверен, что установил новый мировой рекорд в ИСККОН и что в этот день его никто не побьет. Хотя магазин был открыт до полуночи, людей стало заметно меньше, и я подумал: «Пожалуй, пора домой. Все наверняка уже вернулись. Еще никто никогда не возвращался позже восьми. Все будут ждать одного меня. Мне не следует заставлять их ждать». Так мой ум уговаривал меня вернуться в храм.

К одиннадцати часам магазин практически опустел. Я сел в машину и поехал назад. По дороге я проехал еще один Зоди, который назывался Голливуд Зоди, на углу Сансет и Вестерн. Я никак не мог решить, зайти туда или нет, потому что в магазине толпился народ, и он работал до полуночи. Но я все же решил вернуться в храм, так как думал, что все остальные преданные уже, наверное, дома и ждут меня, чтобы узнать, сколько я распространил книг. Поэтому я не стал останавливаться.

Когда я наконец приехал в храм, было уже без десяти двенадцать. Я ворвался в штаб санкиртаны, но там сидел только секретарь, Мадхукантха. Я спросил: «Неужели все уже спят?» Он ответил: «Да нет, еще никто не вернулся». Я приехал первым! Так мы открыли Рождественский марафон. Это произошло совершенно стихийно. Никто не говорил нам, что мы должны оставаться допоздна. Все случилось само собой.

Наконец, к половине первого ночи, все преданные вернулись в храм. Мы сидели все вместе и рассматривали карту санкиртаны. Нам было не до сна, мы были слишком возбуждены. Каждый думал: «Где еще можно найти много обусловленных душ, чтобы продать им книги?» Мы шумели и хохотали, как пьяные, даже разбудили Карандхару, который спал в соседней комнате, в своем кабинете. Он вошел, пошатываясь и протирая со сна глаза, но когда увидел нас и понял, что происходит, то рассмеялся и отправил нас всех спать, сказав: «Готовьтесь к завтрашнему дню». Так мы устроили трехдневный марафон — 22, 23 и 24 декабря.

Никто за всю историю нашего движения никогда еще не распространял так много книг. До этого большой удачей считалось продать 25-40 книг в день, а во время марафона мы распространяли по пять-шесть тысяч ежедневно. Один храм всего за три дня распространил почти восемнадцать тысяч книг и журналов.

* * *

Когда Прабхупаде сообщили о ходе распространения книг в Лос-Анджелесе и других городах США, он очень удивился и обрадовался. Несмотря на то что у него было множество дел, он отложил их и, торжествуя,

наслаждался победой, которую одержали распространители книг в Америке. Он немедленно вызвал своего личного секретаря и продиктовал письма.

Мой дорогой Рамешвар!

Я получил твое письмо от 27 декабря 1972 г. и с огромным удовлетворением прочитал о том, сколько книг вы распространили за три дня, 22-24 декабря 1972 г. Просто невероятно, что один храм смог в течение трех дней продать 17 000 книг! Это свидетельствует о том, что люди в вашей стране начали наконец более серьезно относиться к Движению сознания Кришны. Иначе разве стали бы они покупать наши книги? Но они видят, как искренне и серьезно относятся преданные к распространению учения сознания Кришны. Удивленные и восхищенные этим, они покупают наши книги. Такого мир еще не знал. Поэтому я очень доволен всеми юношами и девушками в Лос-Анджелесе и в других городах мира, которые осознают и высоко ценят уникальность нашей трансцендентной литературы и, невзирая ни на какие трудности, добровольно идут распространять книги. Уже одно это делает их достойными вернуться домой, к Богу.

В тот же день Прабхупада продиктовал письмо к Карандхаре.

Я никогда не думал, что мы сможем распространить такое количество наших книг. Я считаю это благословением Кришны за ваши искренние труды во имя Господа. В сущности, в этом и заключается весь секрет моего успеха. Сам я не делаю ничего особенного, но те, кто помогает мне, действуют от чистого сердца. Все это их заслуга. Только благодаря этому мы одерживаем победу за победой во всех странах мира, там, где другие потерпели неудачу. Даже капля искренности — большая редкость в нынешний век лицемерия и лжи. Но мне так повезло, что Кришна послал мне вас — замечательных юношей и девушек, которые трудятся с такой искренностью. Передай, пожалуйста, всем им мою глубокую благодарность.

Письма благодарности за Рождественский марафон от Шрилы Прабхупады и его слова о том, что преданные непременно вернуться к Богу, придали мощный импульс вступающему в новый 1973 год движению *санкиртаны*. Преданные продолжали искать новые приемы и места распространения книг. Каждый день устанавливались новые рекорды, а на будущее преданные строили еще более грандиозные планы.

Прагхоша: По вечерам я приходил в детройтский храм на лекции и выполнял разную работу, помогая преданным приводить храм в порядок. Каждый вечер я красил стены и наблюдал за тем, как преданные возвращались в храм с санкиртаны. Они выглядели возбужденными и радостными, и мне всегда было любопытно, что же они там делают, если возвращаются в таком настроении. Стоя на стремянке, я красил и прислушивался к их разговорам, пока они сидели на полу и пили горячее молоко. Они говорили, как

постучали в один дом, а потом произошло то-то и то-то, и мне было очень интересно.

После того как я переехал в храм и прожил там около недели, кто-то спросил меня, не хочу ли я попробовать распространять книги. И я пошел, надел дхоти, нанес тилак и прямо в таком виде вышел на улицу. Я подходил к людям, заговаривал с ними, давал им приглашение и книгу, рассказывал о ее содержании, показывал портрет Прабхупады и просил пожертвовать немного денег. Радость, которую я при этом испытывал, невозможно описать. Выходя на улицу и распространяя книги, я ощущал великое блаженство. Никто из нас не мог толком объяснить, почему от этого мы испытывали такой экстаз.

По ночам мы долго не могли уснуть. Все брахмачари жили в одной большой комнате; лежа на полу в спальнях мешках, мы перешептывались друг с другом: «Что ты говорил людям?» Иногда мы болтали целые ночи напролет: потушим свет и все говорим, говорим, рассказываем, что мы говорили людям о книгах Прабхупады.

Трипурари: Я всегда общался со Шрилой Прабхупадой на расстоянии, не прекращая своего служения. Многих старших преданных Прабхупада обучал лично, но мне не удалось пройти такую подготовку. Шрила Прабхупада учил меня главным образом из сердца. Я думаю, это относится ко всем распространителям книг. Все они питают к Прабхупаде очень глубокие интимные чувства, хотя личного контакта с ним у них практически не было. Их связь с Прабхупадой и реальное ощущение того, что они знают Прабхупаду очень близко, непосредственно основаны на том служении, которое Прабхупада называл своей жизнью, — он хотел видеть, как его книги распространяются по всему миру.

* * *

Летом 1973 года преданные обнаружили, что на концертах всего за несколько часов можно распространить сотни книг «Кришна». Теперь ее издали в мягкой обложке в трех томах с предисловием Джорджа Харрисона, что особенно привлекало молодежь. В июле Рамешвара писал Прабхупаде в Лондон о том, что храм в Лос-Анджелесе распространяет по две тысячи экземпляров «Кришны» в неделю, а на одном концерте преданные за два часа распространили шестьсот книг.

Преданные в Лос-Анджелесе решили, что Трипурари и другие ведущие распространители книг должны ездить по храмам Америки и делиться опытом. Рамешвара писал Прабхупаде: «По милости Шри Шри Рукмини-Дваракадхиши [Божеств в храме Лос-Анджелеса] мы можем отправить в другие центры много преданных. Это — истинное богатство Новой Двараки». Третьего августа Шрила Прабхупада написал ответ:

Распространение книг, вне всякого сомнения, является самым важным из всего что мы делаем. Храм — это не просто место, где едят и спят, а база,

откуда мы посылаем наших солдат сражаться с майей. Сражаться с майей — значит сбросить на головы обусловленных душ миллионы и миллионы книг. Как на войне, когда бомбы градом сыплются с неба...

Мне тоже нравится ваш план разослать лучших распространителей по храмам Америки, чтобы они учили других. Только обучая других, преданный по-настоящему прогрессирует в сознании Кришны. Продолжайте и дальше осуществлять свою программу, чтобы каждый преданный в нашем Движении овладел искусством распространения книг. Я одобряю ваши действия.

Сура: Мы с Вайшешикой продавали книги в аэропорту. Он подходил к людям и говорил: «Здравствуйте, сэр! Слава движению Шри-Кришна-санкиртаны, которая несет благословение всему человечеству и очищает сердце». Он читал молитвы Господа Чайтаньи, «Шикшаштаку», прямо из книги, и люди, как это ни странно, покупали у него книги. На обложке книг был изображен Кришна или Его преданные. Многие из нас не могли понять, что заставляет людей покупать эти, такие непривычные для них, книги. Но Прабхупада хотел, чтобы мы распространяли их. Он просил нас рассказывать людям о достоинствах этих книг. Когда преданные спрашивали Прабхупаду, что нужно говорить, чтобы продать книгу, Прабхупада отвечал: кршне сва-дхамопагате, — он читал стих, в котором говорится, что «Шримад-Бхагаватам» сияет, как солнце, и появился, чтобы в век мрака дать людям истинную религию. Вот мы и повторяли этот стих, и вера в силу этих слов помогла нам распространять книги.

Мы выходили на улицу и видели, какое впечатление производит на людей сознание Кришны. Они понимали, что преданные искренни и серьезны, и это производило на них очень сильное впечатление. Каждый день на санкиртане мы убеждались, что людям нравятся книги Прабхупады. Бывали, конечно, и такие, кому не нравилось, что мы продаем эти книги, но Прабхупада предупреждал, что у нас всегда будут трудности. Таким образом, опыт распространения книг только подтверждал то, о чем говорил Шрила Прабхупада. Он говорил, что распространитель книг иногда сталкивается с трудностями, потому что одни люди принимают его благосклонно, и другие не принимают вообще, но преданный должен терпеливо сносить любое отношение к себе.

В аэропорту мы встречали преподавателей, юристов, людей самых разных профессий, которые останавливались и разговаривали с нами. Они спорили, и нам все время приходилось защищать книги Прабхупады и его Движение, выступая от имени Прабхупады. Это совсем не то, что стоять на автостоянках и выпрашивать у женщин 50 центов за пачку благовоний. Мы представляли книги Прабхупады филологам, разговаривали с майявади, научными работниками, бизнесменами, с интеллектуалами из Чикаго, Нью-Йорка, Лос-Анджелеса и Сан-Диего. Это были искушенные, хорошо подкованные люди. И поскольку нам приходилось вступать с ними в духовное противоборство и отстаивать наше Движение, мы сами стали глубже понимать книги Прабхупады и научились так их подавать, что могли

убедить даже тех, кто не хотел поддаваться убеждению. Нам пришлось засесть за книги Прабхупады.

Новый большой шаг в распространении книг был сделан после того, как в Америку вернулся Тамала-Кришна Госвами, который в течение четырех лет был зональным секретарем Шрилы Прабхупады в Индии. Вместе со своим другом Вишнуджаной Свами он организовал группу *санкиртаны* «Радха-Дамодара», которая ездила по всей Америке на автобусе вместе с Божествами Радхи-Кришны, распространяя книги и устраивая фестивали.

Шрила Прабхупада уделял группе «Радха-Дамодара» особое внимание. Он разрешил Би-би-ти дать этой группе ссуду на покупку новых автобусов. Так создавалась армия *санкиртаны*, которая путешествовала на переоборудованных автобусах фирмы «Грейхаунд». К концу 1974 года у группы «Радха-Дамодара» было три автобуса, автофургоны и много людей. Прабхупада называл эти автобусы «передвижными храмами», он призывал преданных «Радхи-Дамодары» продолжать распространять книги, заверив их, что своим служением они доставляют удовольствие Господу Чайтанье. «Я рад, что вы осознали значение моих книг, — писал Прабхупада. — Вот почему я так настаиваю на том, чтобы наши книги были у каждого».

Шрила Прабхупада хотел, чтобы группа «Радха-Дамодара» расширила свою деятельность, приобрела сотни автобусов и исполнила таким образом волю Шри Чайтаньи Махапрабху, неся сознание Кришны в каждый город и деревню мира. С радостью и одобрением он наблюдал за трансцендентным соревнованием между храмом в Лос-Анджелесе, группой Би-би-ти во главе с Трипурари и группой «Радха-Дамодара».

В 1974 году была сформирована еще одна группа *санкиртаны*, которая распространяла книги в библиотеках. Все началось с того, что Хридаянанда Госвами отправил нескольких брахмачари из своей передвижной группы *санкиртаны* распространять книги в престижных университетах Новой Англии. Впоследствии они составили ядро библиотечной группы Би-би-ти, действующей на базе профессионально организованного отдела распространения Би-би-ти в Лос-Анджелесе. Они первыми начали продавать полные комплекты книг Прабхупады, в том числе уже изданные и находящиеся в печати тома семнадцатитомной «Чайтанья-чаритамриты» и «Шримад-Бхагаватам» в шестидесяти томах. С самого начала им сопутствовал успех.

Шрила Прабхупада уже давно вынашивал эту идею. Еще до приезда в Америку он ходил по индийским библиотекам с томами Первой песни «Шримад-Бхагаватам». Его труды в Новом Дели не пропали даром: Библиотека Конгресса США приобрела несколько экземпляров его книг. Теперь его мечта увидеть свои книги во всех библиотеках и университетах США становилась реальностью. В информационном бюллетене, разосланном во все храмы, Рамешвара, возглавлявший Би-би-ти, писал:

Шрила Прабхупада проявляет к этой программе все возрастающий интерес и считает ее одной из самых важных программ ИСККОН. Его Святейшество Сатсварупа дас Госвами, который в настоящее время является секретарем Джи-би-си и личным секретарем Шрилы Прабхупады, направлен Его Божественной Милостью обратно в США, чтобы организовать библиотечную программу Би-би-ти и руководить ею.

Под руководством Сатсварупы эта группа ездила по Америке, получая каждую неделю десятки заказов на все будущие публикации из университетских библиотек, в том числе библиотек таких университетов, как Йельский, Гарвардский, Колумбийский, Принстонский и Стэнфордский. Через несколько месяцев преподаватели университетов начали присылать благожелательные отзывы на книги, многие из них заказывали книги Прабхупады для своих учебных курсов. Обеспечив полным собранием книг Прабхупады большинство библиотек Америки и Канады, библиотечная группа Би-би-ти переключилась на Европу и Индию, где ее ожидал не меньший успех.

Доктор Алекс Вейман, профессор санскрита из Колумбийского университета, писал:

С огромным наслаждением я прочитал недавно великолепное издание «Шримад-Бхагаватам» в переводе А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады. Необыкновенная тщательность, а также преданность санскритскому слову и его точному значению видны на каждой странице книги. Я уверен, что этот монументальный труд принесет возвышенное учение «Бхагаватам» многим жителям стран Запада, которые прежде были лишены возможности познакомиться с этим великим произведением.

Признание ученых Запада радовало Прабхупаду, и он часто показывал гостям рецензии на свои книги. «Мне очень нравится программа распространения наших книг библиотекам по подписке, — писал Прабхупада. — Старайтесь довести число таких заказов до пятидесяти тысяч».

В сентябре 1974 года Шрила Прабхупада несколько недель болел, и сообщения о распространении книг были для него лучшим лекарством. «Всякий раз, когда я получаю сообщения о продаже моих книг, — писал он преданным из библиотечной группы, — я ощущаю прилив сил. Даже сейчас, больной и слабый, я черпаю силы из вашего отчета». В те же дни он писал Рамешваре:

Что касается данных о распространении книг, то вы должны продолжать действовать в том же духе. Это единственная отрада моей жизни. Когда я слышу, как замечательно мои ученики распространяют книги, я становлюсь бодрым и энергичным, как юноша.

Шрила Прабхупада снова почувствовал себя хорошо; к концу 1974 года отлично чувствовало себя и его Би-би-ти, храмы вновь соревновались между собой во время неистового Рождественского марафона. Из офиса Би-би-ти в Лос-Анджелесе сообщали Прабхупаде, что за год было продано около 387 000 книг в твердом переплете, то есть на 67 процентов больше, чем в предыдущем году. Преданные распространили почти 4 000 000 экземпляров журнала «Бэк ту Годхед», прирост — 89 процентов. Американское отделение Би-би-ти продало храмам в общей сложности 6 668 000 экземпляров книг и журналов — на 10 процентов больше, чем в прошлом году.

От этих сообщений Прабхупада становился «бодрым и энергичным, как юноша». Движение по распространению книг вступало в 1975 год со всеми признаками роста, удваивая и утраивая поразительные результаты 1974 года. Более того, в других странах мира стали открываться новые отделения Би-би-ти.

Шрила Прабхупада создал «Бхактиведанта Бук Траст» (Би-би-ти) в 1972 году как независимую организацию, призванную обеспечить издание и распространение его книг. Би-би-ти должно было работать исключительно на благо Международного общества сознания Кришны, сохраняя в то же время самостоятельность.

Устав издательства предусматривал, что его попечители должны делить деньги, вырученные от продажи книг храмам ИСККОН, поровну на два фонда, фонд издания книг и фонд для покупки земельных участков и строительства храмов Прабхупада говорил, что если соотношение «50 на 50» будет соблюдаться, Кришна обеспечит успех всему ИСККОН. Он постоянно ссылался на эту формулу в разговорах, письмах и даже в комментариях к «Шримад-Бхагаватам».

Шрила Прабхупада наделил попечителей своего Би-би-ти правом составлять издательские планы, которые впоследствии они должны были утверждать у него. Он устанавливал правила, которым должны были следовать попечители Би-би-ти, и только после консультаций с ним они могли внести в них те или иные изменения.

А к переменам Прабхупада обычно относился с неодобрением. Он, как правило, сам определял формат книги, художественное оформление, вносил предложения о тираже, о доставке, о продаже книг храмам, то есть сам решал практически все вопросы издательской деятельности Би-би-ти. Он вмешивался даже тогда, когда храмы по каким-либо причинам не переводили Би-би-ти деньги.

Нехорошо, когда такие крупные храмы, на которые равняется все наше Общество, не платят по счетам. Это никуда не годится. Я хочу снять с себя все административные обязанности, но если даже президенты и члены Джи-би-си позволяют себе такое, то как я могу оставаться в стороне? Вся система должна работать без сбоев, только тогда я буду спокоен.

Он был строгим менеджером. «Веды утверждают, — говорил Прабхупада, — что промедление недопустимо при пожаре, при болезни и при оплате долгов. От пожаров, болезней и долгов нужно избавляться любыми средствами».

Шрила Прабхупада видел в распространении книг основу экономики ИСККОН. Можно заниматься и другим бизнесом, но самое лучшее — распространять книги, ибо это одновременно и проповедь, и надежный источник дохода. Президенту одного из храмов он писал:

Меня очень обрадовало твое сообщение о том, как хорошо идет распространение наших книг. Это — наш главный бизнес во всех странах мира. Уделяя ему должное внимание, вы никогда не будете испытывать недостатка в средствах.

И в другом письме:

Относительно того, что руководители Общества настаивают на необходимости заниматься бизнесом, я могу сказать, что прежде всего вы должны понять, что такое бизнес. Бизнес должен способствовать проповеди. У проповеднической деятельности должна быть финансовая основа, бизнес необходим только для этого и ни для чего другого. Насколько я могу судить, для того, чтобы обеспечить наше Движение средствами, достаточно распространять книги.

* * *

Неустанно распространяя книги Шрилы Прабхупады, участники Движения сознания Кришны постигали самую суть любовного служения Кришне в разлуке с Ним, что является высшим проявлением духовного экстаза. «Не пытайтесь увидеть Бога, — говорил духовный учитель Шрилы Прабхупады, — старайтесь сделать так, чтобы Бог увидел вас». Другими словами, смиренно исполняя волю слуги того, кто сам является слугой слуги Кришны, ученики Прабхупады неизбежно должны были привлечь к себе внимание Кришны.

«Легче всего, — говорил Шрила Прабхупада, — обратить на себя внимание Кришны будет тому, кто привлечет к сознанию Кришны другого». Поэтому распространители книг ощущали особую связь со своим духовным учителем, и это побуждало их продолжать служить ему, распространяя книги.

Санджая: Глядя на это с философской точки зрения, мы понимали, что, выходя распространять книги, мы делаем то, чего хочет от нас наш духовный учитель. Мы знали это. Здесь нам все было ясно. К тому же мы были идеалистами в истинном смысле этого слова: мы верили, что эти книги и журналы изменяют мир. Приняв сознание Кришны вы начинаете ясно видеть, как жалок этот мир, как он осквернен, как завистливы люди и как ужасна

материальная жизнь. Вы видите это совершенно отчетливо. Вы чувствуете, что сами ничего не можете изменить, но при этом вы знаете, что, если человек возьмет в руки книгу Прабхупады и заглянет в нее, его жизнь изменится, эти книги одухотворяют ее. Это не вызывало у нас никаких сомнений. Мы понимали, что с распространением сознания Кришны в мире произойдут коренные перемены. Более того, Прабхупада говорил, что человеку достаточно прикоснуться к одной этих книг, чтобы его жизнь изменилась. Мы верили в эти книги и верили в Шрилу Прабхупаду.

Кешава Бхарати: Давая человеку книгу, вы чувствуете, как откликается Прабхупада. Когда человек брал у нас книгу или, к примеру, пачку ароматических палочек, ощущения были совершенно разные. Весь день, пока мы распространяли книги, мы ощущали связь с Прабхупадой. Мы не чувствовали себя обделенными его вниманием из-за того, что некоторые преданные были ближе к Прабхупаде физически. Распространители книг всегда ощущали душевный подъем. Мы читали о Харидасе Тхакуре, который выходил на улицу и катался по земле, умоляя людей петь святые имена. В таких историях мы черпали вдохновение.

Вайшешика: Мы думали о том, сколько времени Прабхупада провел за диктофоном, чтобы написать эти книги. Мы всегда помнили, что он спит всего несколько часов в день и поступается всем ради того, чтобы писать книги. Поэтому мы тоже старались отложить в сторону все прочие дела и заниматься только распространением книг.

Прабхупада говорил, что преданный должен проникнуться духом шестерых Госвами, поэтому мы каждый день пели обращенные к ним молитвы. Мы ощущали настоящую связь с Прабхупадой. В самом начале один преданный как то сказал мне: «Ты знаешь, где Прабхупада?» — и сам же ответил. «Он в своих книгах». Такое настроение было у каждого из нас. Мы все время чувствовали связь с ним.

Джагаддхатри-деви даси: Распространяя книги Прабхупады, я понимала, что это — самое лучшее, что я могу сделать для него. Я помогала ему выполнить волю его духовного учителя, и потому он был доволен мной. Но еще больше он был доволен, если я делала это хорошо. Я много раз слышала о том, что Бхактисиддхант Сарасвати был счастлив, когда кому-то из его учеников удавалось продать хотя бы один журнал, ибо это и есть дух санкиртаны — идти к обусловленным душам и нести им милость. Вот что важно.

Я всегда хотела помогать другим. Мне нравится быть полезной людям. Распространяя книги, ты приносишь людям высшее благо, так как помогаешь им вернуться домой, к Богу. Это было моим главным стимулом. И, приводя другие живые существа к Кришне, мы очищались сами.

Лаванга-латика-деви даси: Я слушала лекции Шрилы Прабхупады и знала, что он всегда ссылается на эти книги — «Шримад-Бхагаватам», и всегда призывает нас нести это знание другим. Это делало нашу жизнь очень простой. Мы просто знали, что Шрила Прабхупада хочет от нас именно

этого. Он всегда говорил нам: «Я даю вам знание, и, получив это знание, вы должны нести его другим». Шрила Прабхупада приехал в Америку, чтобы проповедовать вместе со своими учениками. И мы должны делать это, ибо таково желание Прабхупады. Он потратил столько времени на то, чтобы перевести книги, которые мы должны распространять. Мы просто хотели распространить их, хотели, чтобы у людей были эти книги.

* * *

Вриндаван, Индия,
20 апреля 1975 г.

Шрила Прабхупада установил Божества на торжественной церемонии открытия Кришна-Баларам-Мандира. На праздник собралось около тысячи его учеников, в качестве почетного гостя приехал губернатор штата Уттар-Прадеш. После долгих лет упорного труда торжественное открытие храма стало настоящим триумфом Шрилы Прабхупады и его Движения. Проведя первое *арати*, Прабхупада, стоявший у алтаря Кришны и Баларамы, обратился к собравшимся. Он сказал что это — международный храм, куда смогут приезжать люди со всего света. Здесь они смогут поклоняться Божествам и найдут покровительство Гауры-Нитая, Кришны-Баларамы и Радхи-Кришны.

Позже в тот же вечер Шрила Прабхупада сидел в своей комнате с несколькими членами Джи-би-си. Пуговицы его курты были расстегнуты из-за жары, вытянутые босые ноги выглядывали из-под низкого столика, он отдыхал. Его ученики сидели вокруг него при тусклом свете настольной лампы. «Это важная веха, — сказал Прабхупада, — но мы должны идти вперед, а не почивать на лаврах». Предстояло еще много сделать для того, чтобы храм и гостиница работали нормально.

Шрила Прабхупада думал не только о Вриндаване, он смотрел дальше. «Строительство храмов настолько важно, — говорил он, — что я готов истратить много лакхов рупий на то, чтобы открыть храм, подобный этому. Но каким бы важным ни было сооружение храмов, еще более важным делом является издание книг». Эти слова были очередным подтверждением того, что публикация книг имеет первостепенную важность. Даже в разгар торжеств по случаю открытия вриндаванского храма Прабхупада подчеркивал, что придает большее значение изданию книг.

Однако Шрила Прабхупада, казалось, был недоволен: его санскритский редактор уже в течение нескольких месяцев держит у себя рукопись «Чайтанья-чаритамриты». Угрюмо глядя на своих учеников, он заявил, что давно закончил работу над «Чайтанья-чаритамритой», но, несмотря на это, она до сих пор не издана. Он также давно завершил все четыре тома Четвертой песни «Шримад-Бхагаватам» и приступил к Пятой, но пока опубликован только первый том Четвертой песни.

Один из присутствовавших при этом преданных, не уловив смысла того, о чем говорил Прабхупада, заметил, что Прабхупада скоро поедет на Гаваи и там сможет писать в тишине и покое. Прабхупада ответил, что задержка с публикацией его рукописей отбивает у него всякую охоту переводить дальше.

Издательство Би-би-ти, которое несколько лет находилось в Нью-Йорке, теперь должно было перебраться в Лос-Анджелес. Радхаваллабха будет отвечать за производственную часть, а заведующий Би-би-ти Рамешвара сможет вплотную заняться изданием книг. Рамешваре ничего не было известно о задержке с публикацией рукописи «Чайтанья-чаритамриты», впервые он услышал об этом только здесь, во Вриндаване. Он пообещал Прабхупаде, что немедленно займется размещением издательства в Лос-Анджелесе и начнет печатать «Чайтанья-чаритамриту».

Закончив работу над рукописью всей «Чайтанья-чаритамриты» за восемнадцать месяцев, с 1973 по 1974 год, Шрила Прабхупада совершил настоящий подвиг, поскольку одновременно с этим ему приходилось заниматься многочисленными административными делами и много путешествовать. Он был вынужден решать серьезные проблемы, возникшие из-за того, что некоторые из руководителей ИСККОН ушли со своих постов; кроме того, он сам, по сути дела, выполнял обязанности Джи-би-си по Индии, а также занимался другими делами, связанными с руководством ИСККОН. Он разрешил Би-би-ти дать много крупных ссуд и одобрил планы по расширению и развитию ИСККОН во всех частях света. Помимо этого ему приходилось регулярно отвечать на огромное количество писем, каждый день принимать посетителей и везде, куда бы он ни приезжал, читать лекции по «Бхагаватам». Заниматься переводами ему удавалось только по ночам: он вставал в час ночи и напряженно работал в течение двух или трех часов. И так каждый день.

Лос-Анджелес,
20 июня 1975 г.

Преданные в Лос-Анджелесе встретили Шрилу Прабхупаду ликованием. Его сопровождали ведущие санньяси и секретари Джи-би-си: Киртанананда Свами, Вишнуджана Свами, Брахмананда Свами, Тамала-Кришна Госвами и другие. Позднее, сидя у себя в комнате — в одной из своих самых любимых комнат во всем ИСККОН, Прабхупада лишь вскользь коснулся проблемы задержки с изданием книг. Он выглядел слегка расстроенным, но на эту тему говорил мало. Однако он был очень рад снова увидеть храм и Божества, Рукмини-Дваракадхишу.

По прибытии в Лос-Анджелес Прабхупада произнес небольшую речь, в которой объяснил, почему так настаивает на том, чтобы преданные быстрее печатали его книги. «Я не обладаю необходимой квалификацией, — сказал он, сидя на обитой плюшем *вьясасане*, — я просто стараюсь удовлетворить моего гуру, только и всего. Мой Гуру Махараджа однажды попросил меня: „Если у тебя когда-нибудь будут деньги, печатай книги“. Он сказал это в личной

беседе, мы просто шли и разговаривали с ним. При этом присутствовали некоторые из моих духовных братьев, игравшие важную роль в Гаудия-матхе, — это было на берегу Радха-Кунды. Гуру Махараджа сказал мне: „С тех пор как мы построили мраморный храм на Багхбазаре, у нас начались раздоры. Все думают только об одном — кто какую комнату займет. Поэтому я хочу продать храм, продать мрамор и напечатать книги". Так я услышал от него самого, что он очень любит книги. Он сам мне сказал: „Если у тебя когда-нибудь будут деньги, печатай книги". Поэтому я все время спрашиваю вас: „Где книги? Где книги?" Помогите же мне, пожалуйста. С этой просьбой я обращаюсь к каждому. Печатайте как можно больше книг на всех языках земли. Распространяйте их по всему миру. Тогда Движение сознания Кришны будет расти и шириться».

На следующее утро, гуляя по Венецианскому пляжу, Шрила Прабхупада предъявил преданным небывалый ультиматум. Окруженный учениками, он шел, втыкая палку в мягкий песок.

— Семнадцать неизданных томов, — начал он. — Это большая проблема для нашего Движения.

— Да, Прабхупада,—отвечал Рамешвара. Он был внимателен и озабочен. Другие преданные согласно кивали головами. Нужно что-то делать.

— Да, — продолжал Прабхупада, — их надо издать немедленно.

— Да, Прабхупада, — послушно ответил Рамешвара.

Я думаю, их можно издать за два месяца, — подвел итог Шрила Прабхупада.

Рамешвара решил, что ослышался. Издательство только что открылось. У художников даже ламп в комнатах нет. Два месяца — это абсурд, это невозможно. Теперь самое время рассказать Шриле Прабхупаде об их планах по ускорению выпуска книг. Рамешвара подошел ближе.

— Шрила Прабхупада, — начал он, — мы уже обсуждали этот вопрос. Теперь, когда издательство наконец устроилось на новом месте, я думаю, мы сможем ускорить выпуск ваших книг в четыре раза. Мы надеемся, что сможем выпускать не одну книгу в четыре месяца, а издавать по книге каждый месяц.

Рамешвара и Радхаваллабха шли по одну сторону от Шрилы Прабхупады, а Тамала-Кришна Госвами и Брахмананда Свами — по другую.

— Одну книгу в месяц, — сказал Шрила Прабхупада, словно размышляя вслух и обдумывая его слова. — То есть больше года. Слишком медленно.

Преданные посмотрели на Рамешвару и Радхаваллабху, а те переглянулись.

— Вы должны выпустить все книги за два месяца, — повторил Шрила Прабхупада. Теперь они поняли, что не ослышались. Оба менеджера были ошеломлены, они не верили своим ушам.

— Шрила Прабхупада, — сказал Рамешвара, — я считаю, что это невозможно. Может быть, нам удастся работать быстрее...

Внезапно Шрила Прабхупада остановился. Воткнув палку глубоко в песок, он повернулся к Рамешваре и сказал без гнева, но очень серьезно:

— «Невозможно» — слово из лексикона дураков.

В тот момент Рамешвара понял, что на карту поставлена его духовная жизнь. Сказать «невозможно» теперь значило бы, что он не верит представителю Кришны, не верит в могущество Бога. Он должен отбросить свои материальные расчеты, свой практицизм, логику и здравый смысл.

Пока Рамешвара и Радхаваллабха стояли, лишившись дара речи, Шрила Прабхупада зашагал дальше. За ним потянулись остальные. Двое преданных поспешили догнать их, но теперь все смотрели на них, будто говоря: «Бросьте свои сомнения, ребята. Вы должны это сделать». Рамешвара спросил Шрилу Прабхупаду, можно ли поговорить об этом с другими преданными в издательстве и потом доложить ему. «Конечно, — ответил Прабхупада. — Делайте все, что надо». Рамешвара и Радхаваллабха ушли, а Шрила Прабхупада и остальные пошли дальше вдоль берега океана.

Всю утреннюю службу в храме Рамешвара и Радхаваллабха пытались сосредоточиться на чтении *джапы* и на лекции Прабхупады, но думали только об одном — как организовать выпуск семнадцати томов за два месяца. И когда они встретились с работниками издательства, в них уже жила уверенность, что это возможно, как если бы они вдруг поняли, что, согласившись на это, смогут рассчитывать на помощь свыше. Если очень постараться, это можно сделать. Они изложили свой план и убедили остальных.

Сделаем, — сказал Рамешвара, придя к Шриле Прабхупаде.

— Хм-м-м, — последовало в ответ.

— Но у нас есть некоторые условия, — добавил Рамешвара.

Чтобы редактирование на бенгальском шло гладко, редакторы должны иметь возможность регулярно консультироваться со Шрилой Прабхупадой. Прабхупада сразу же согласился. Он готов оставаться в Лос-Анджелесе столько, сколько необходимо, чтобы они уложились в двухмесячный срок. Другим условием, которое выдвинул Рамешвара, было то, что художники готовы работать на пределе человеческих возможностей, но качество при этом не гарантируют. «На безрыбье и рак рыба», — ответил Шрила Прабхупада. Когда Рамешвара сказал, что у художников будет много вопросов, Прабхупада согласился уделить им время и ответить на все их вопросы. Он согласился и с тем, чтобы в качестве иллюстраций наряду с картинами использовались фотографии святых мест в Индии, связанных с *лилами* Господа Чайтаньи.

После встречи со Шрилой Прабхупадой Рамешвара и Радхаваллабха почувствовали, что у них появился шанс. Выйдя из его комнаты, они бросились вниз по лестнице. Марафон начался!

* * *

Хотя Шрила Прабхупада и обещал, что останется в Лос-Анджелесе, он вскоре решил продолжить ранее запланированное путешествие. Считая себя обязанным заботиться о духовном благополучии своих учеников в разных частях страны, он отправился в поездку по тринадцати центрам ИСККОН в

США и Канаде. Но уже через месяц он снова вернулся в Лос-Анджелес, чтобы посмотреть, как работники его издательства выполняют данное ими обещание выпустить семнадцать томов «Чайтанья-чаритамриты» за два месяца.

Шрила Прабхупада был доволен искренностью своих учеников. Он потребовал, чтобы за два месяца они издали семнадцать книг, а они, даже не пытаясь объяснить ему, почему это невозможно, восприняли его указание со всей серьезностью, им и в голову не пришло отвергнуть или попытаться каким-либо образом изменить его. Вместо того чтобы изменить указание Прабхупады, они изменили свою жизнь. Повседневная работа сменилась максимальным напряжением сил, отчего и они, и Прабхупада получали огромное удовлетворение. Как говорил Прабхупада, они делали это для того, чтобы угодить Господу Чайтанье и *ачарьям* прошлого.

Шрила Прабхупада решил продолжить свое турне по Америке, посетить Лагуна-Бич и Сан-Диего, а затем поехать в Даллас. Оттуда он направится в Новый Орлеан, заедет на расположенную неподалеку ферму ИСККОН на Миссисипи. Далее — в Детройт, Торонто, Бостон, Нью-Йорк, а затем — в Европу и Индию.

С точки зрения Прабхупады, такие поездки были крайне необходимы для распространения сознания Кришны. В свой последний приезд в Беркли он сказал: «Я совершаю подобные путешествия два-три раза в год. Я должен следить за тем, чтобы мои ученики, принявшие меня своим гуру, не пали. Это моя главная забота».

Прабхупада заботился не только о своих учениках, но и обо всех людях, живущих на земле. Ему больно было видеть деградировавших, погрязших в невежестве людей, которые населяют страны Запада. Он хотел помочь англоязычному миру, как велел ему его духовный учитель. Именно это желание руководило им два года назад в Калькутте, когда, несмотря на тяжелую болезнь, он полетел в Лондон, чтобы принять участие в празднике Ратха-ятры. Это было его неотступным желанием: проповедовать на Западе, где люди введены в заблуждение спекулятивными философскими теориями, отрицают существование Бога и возводят в культ чувственные наслаждения. Большинству людей будет нелегко избавиться от своего невежества и дурных привычек, но Прабхупада говорил, что, если ему удастся сделать чистым преданным хотя бы одного человека, он будет считать, что добился успеха.

В течение нескольких месяцев Прабхупада напряженно работал над важными проектами в Индии, а потом возвращался на Запад, чтобы снова путешествовать и проповедовать. И то, и другое было одинаково необходимо — и претворение в жизнь его замыслов в Индии, и поездки по странам Запада.

* * *

Детройт,
2 августа 1975 г.

Альфред Форд, правнук Генри Форда, увлекся сознанием Кришны после того, как встретился с некоторыми из учеников Шрилы Прабхупады в Детройте и прочел «Бхагавад-гиту как она есть». Он стал следовать принципам сознания Кришны и каждый день читать по шестнадцать кругов мантры. А теперь получив духовное посвящение, стал учеником Шрилы Прабхупады, Амбаришей. Сегодня он приехал в аэропорт на белом лимузине «Линкольн-континенталь» для того, чтобы встретить Шрилу Прабхупаду. Увидев его, Амбариша вышел из машины и поклонился. Как обыкновенный шофер, он открыл заднюю дверцу, усадил Шрилу Прабхупаду и вернулся на свое место.

«У нас, преданных, тоже есть машины, — сказал Прабхупада, когда они тронулись, — но мы ездим на них в храм или на распространение книг. В служении Кришне можно использовать все. Вот сын богача, Альфред Форд. Мы дали ему духовное знание, и он счастлив».

Ученицей Шрилы Прабхупады стала также Элизабет Рейтер, теперь Лекхашраванти-деви даси, дочь профсоюзного лидера из Детройта, Уолтера Рейтера. Амбариша рассказал Прабхупаде, что Форды и Рейтеры враждовали друг с другом, но теперь двое их потомков рука об руку трудятся в сознании Кришны. Шриле Прабхупаде нравилась скромность этих двух учеников, и, хотя он в каком-то смысле выделял их среди других преданных, он никогда не придавал особого значения их происхождению. Амбариша и Лекхашраванти считали себя смиренными слугами вайшнавов.

По дороге в храм Прабхупада проехал мимо большого, современного здания, перед которым развевались флаги многих стран. Огромная вывеска гласила: «Международная штаб-квартира, Форд».

Один из преданных повернулся к Амбарише и спросил:

— Ты здесь работаешь?

С заднего сиденья раздался голос Прабхупады:

— Нет, он здесь хозяин.

Когда они проезжали мимо большого реконструируемого здания, Прабхупада спросил:

— А это что?

— Это здание называют центром возрождения Детройта, — объяснил Амбариша.

Им никогда не возродиться, — ответил Прабхупада.

Детройтский храм разместился в старом кирпичном доме, храмовая комната находилась на третьем, чердачном этаже. Скоро истекал срок аренды, и Говардхана, президент храма, подыскивал новое место. Он показал Прабхупаде фотографии подходящих зданий, среди которых был также и особняк покойного владельца автомобильных заводов, миллионера Лоуренса Фишера. Дом, вероятно, слишком дорог для них, сказал Говардхана, и к тому же расположен в плохом районе.

Однако Прабхупаду заинтересовало это предложение. Вообще, как правило, все, что преданные считали плохим, Прабхупада находил вполне приличным или уж во всяком случае легко исправимым. О высокой преступности в этом районе он сказал: «Вам нечего бояться. Пойте мантру Харе Кришна и угощайте людей *прасадом*. Приглашайте всех соседей, воров и жуликов на *прасада* и киртан, и у вас никогда не будет краж».

Преданных, однако, это не убедило. Они стали объяснять Прабхупаде, что Детройт — столица американского преступного мира и что район трущоб, где находился особняк, славится притонами наркоманов, грабежами и убийствами. Но Шрила Прабхупада все время повторял, что им нечего бояться. «Я жил на Бауэри», — сказал он и стал вспоминать, как бродяги мочились под его дверь и валялись на пороге. Но когда он приходил домой, они поднимались и говорили: «Пожалуйста, сэр. Проходите, сэр».

«Покупайте дом, — сказал Прабхупада, — пойте в нем мантру Харе Кришна круглые сутки, а если придет вор, мы скажем ему: „Попробуй-ка сначала *прасада*, а потом бери все, что хочешь“. Да и много ли с нас возьмешь?»

Шрила Прабхупада вместе с Говардханой, Амбаришей и несколькими членами Джи-би-си поехали смотреть особняк. Их встретил хозяин и дама, которая представилась агентом по продаже недвижимости.

Чем больше хозяин водил их по дому, тем больше этот дом нравился Прабхупаде. Это роскошное здание, окруженное высокой каменной стеной, стояло на участке площадью полтора гектара. Вокруг дома был разбит небольшой парк, но все это пришло в запустение, так же как фонтаны и плавательный бассейн. Некоторым преданным здание с его экстравагантным декором в стиле 20-х годов казалось кричаще-безвкусным, но Шрила Прабхупада видел, что в нем заложены великие возможности.

Как только он вошел в вестибюль и увидел узорчатую итальянскую плитку и мраморные арки, на его лице заиграла улыбка. Войдя в холл, они увидели высокий потолок с лепниной в классическом стиле в виде листьев и розеток с расписанными вручную алебастровыми цветами. Они перешли в большой бальный зал с мраморным полом и высоким сводчатым потолком с росписью: синее сумеречное небо с облаками и звездами. Специальное освещение создавало впечатление, что нарисованные звезды светятся. В конце зала возвышались три высокие мраморные арки — совсем как на эскизе алтаря, который Прабхупада сделал для своих храмов. Там можно было установить три алтаря, и бальный зал превращался в храм почти без переделок. Хозяину Прабхупада ничего не сказал о возможностях балльного зала, но для преданных это было очевидно.

Затем они прошли на лодочный причал, который находился тут же, в здании. Здесь могли разместиться несколько яхт. От причала отходил канал, который впадал в протекавшую поблизости реку Детройт. Прабхупада заметил, что преданные могли бы приобрести яхту и использовать ее для проповеди.

Обходя один за другим великолепные залы особняка, Прабхупада и его спутники любовались резными колоннами из камня, расписными полами, итальянскими и греческими изразцами, потолками, украшенными росписью с позолотой. Во многих комнатах висели старинные хрустальные люстры. Гостиные и библиотеки, столовая, бильярдная, музыкальный салон, две спальни для хозяев и спальни для гостей — все поражало пышностью и великолепием. «Каждая комната стоит всей суммы», — тихо сказал Прабхупада, обращаясь к преданным.

Владелец говорил о мавританском, испанском, греческом и итальянском влиянии. Он отметил, что две витые колонны с резьбой, которые они видели в столовой, вывезены из одного старинного замка в Европе. Куда бы ни взглянул Шрила Прабхупада, повсюду он видел роскошь: мраморный комнатный фонтан, стена, выложенная глазурованной плиткой, карнизы с ручной росписью. Даже просторные ваннные комнаты были выложены блестящим импортным кафелем и отделаны золотом.

Ознакомительный осмотр подошел к концу. Прабхупада и его ученики, а также хозяин с агентом по продаже недвижимости прошли во внутренний дворик и расположились за столом под тентом возле плавательного бассейна. Прабхупада уже сказал ученикам, что хозяин должен подарить это здание ИСККОН на миссионерские цели, и попросил Брахмананду Свами обратиться к нему с этой просьбой. Поскольку хозяин цену пока не называл, Прабхупада начал первый.

— Мы — нищие, — сказал он серьезно, но не без юмора. Амбариша и Упендра от неловкости потупили глаза. — У нас нет денег, — без смущения продолжал Прабхупада. — Поэтому мы просим вас: пожалуйста, пожертвуйте нам это здание.

Хозяин с недоумением посмотрел на своего агента и нервно засмеялся.

— Об этом не может быть и речи, — сказал он. — Я не могу этого сделать. Агент тоже была потрясена и расстроена.

— Он не может, — прошептала она.

— Я не могу отдать его вам, — объяснил хозяин, — потому что, содержа этот дом, несу убытки и должен вернуть свои деньги. Этот дом — основная часть моего состояния.

— Ладно, — сказал Прабхупада, — сколько вы хотите?

— Ну, — ответил владелец, — мне нужно по крайней мере триста пятьдесят тысяч долларов.

Из преданных никто не решался что-нибудь сказать.

Прабхупада, немного поразмыслив, ответил:

— Мы дадим вам триста тысяч наличными.

Я должен подумать, — сказал хозяин.

Агент по продаже недвижимости встала и заявила, что, как правило, сделки такого рода непосредственно с владельцем не совершаются. Но Прабхупада оставил ее слова без внимания и заговорил с хозяином о том,

какой красивый у него особняк, после чего встал и вместе со своими учениками вышел в сад, чтобы немного пройтись.

Говардхана спросил Прабхупаду, понравился ли ему дом.

Прабхупада сказал:

— Да, кому же он не понравится?

— Амбарише не нравится, — сказал Говардхана.

— Правда?

Амбариша сказал, что считает этот особняк *майей*.

— Да, — согласился Прабхупада, — но *майя* — это тоже Кришна. Все можно использовать в служении Кришне.

Они вернулись из сада и прошли к своим машинам.

Прабхупада спросил Амбаришу:

— Ну так что, это можно сделать?

— Да, Прабхупада, можно.

Как только они вернулись в храм, Амбариша и Лекхашраванти стали совещаться. Наследство, которым располагала Лекхашраванти, было не очень велико, но сто двадцать пять тысяч долларов она дать могла. Остальное должен был внести Амбариша.

На следующий день к Шриле Прабхупаде пришел хозяин особняка. С ним были две дамы, и все трое были навеселе. Он сказал что принимает предложение Прабхупады. Прабхупада улыбнулся и еще раз подтвердил свою готовность купить дом.

После их ухода Прабхупада не скрывал своего торжества. «Только посмотрите, — сказал он, — у меня не было ни цента, а я предложил ему триста тысяч наличными. И Кришна послал нам деньги».

Прабхупада так и сказал владельцу особняка: «Я — санньяси, и денег у меня нет». Даже теперь, получив от своих учеников триста тысяч долларов, он все равно оставался без денег. Через несколько дней он уехал в Торонто, не взяв себе ни цента. Все принадлежит Кришне, все должно использоваться в служении Кришне.

* * *

В Торонто североамериканское турне Прабхупады неожиданно прервалось. Пришла телеграмма от Теджаса из Нового Дели. Он сообщал, что, если Прабхупада хочет встретиться с Индирой Ганди, то должен немедленно приехать в Индию. В телеграмме не было никаких разъяснений, а секретарю Прабхупады так и не удалось дозвониться до делийского храма. Но Прабхупаде больше ничего и не надо было знать. Как только появляется благоприятная возможность, говорил он, преданный должен действовать не мешкая.

Харикеша так распланировал поездку, чтобы они смогли остановиться на ночь в Монреале. Оттуда они полетят в Париж, где Прабхупада сможет отдохнуть перед тем, как отправиться в Дели. Как только весть о скором

отъезде Прабхупады распространилась среди преданных, многие из тех, кто жил в Торонто, устремились повидать его и получить последние указания. Из Лос-Анджелеса позвонил Рамешвара. Он умолял Харикешу показать Прабхупаде список вопросов по Пятой песни «Шримад-Бхагаватам», возникших у редакторов в последнюю минуту. Однако все их вопросы касались описания структуры вселенной, и Прабхупада отказался на них отвечать, назвав их бессмысленными. Он велел Би-би-ти печатать все как есть.

Вернуться в Индию Прабхупаду заставляла не только перспектива встречи с премьер-министром Индирой Ганди, но и незавершенное строительство, в первую очередь, храма в Бомбее. Брахмананда Свами считал, что Прабхупада только ждал повода для того, чтобы прекратить поездку по странам Запада, вернуться в Индию и лично руководить строительством храмов. Прабхупада только что продиктовал письмо Сурабхи во Вриндаван, в котором выражал недовольство по поводу того, что без него дело не двигалось.

Ты только тем и занимаешься, что пишешь мне письма. Пока меня нет, ты ничего не можешь сделать и лишь забрасываешь меня письмами. Как бы то ни было, будь осторожен и следи за тем, чтобы в этой сделке [с покупкой земли] не было никаких тайных махинаций. Это очень рискованно, так что будь начеку. Пожалуйста, регулярно извещай меня о ходе строительства в Бомбее. Я очень беспокоюсь и буду рад, если смогу получать от тебя регулярные отчеты.

Новый Дели,
22 августа 1975 г.

В 9:15 утра Шрила Прабхупада вместе с несколькими учениками подъехал к резиденции премьер-министра, где их подвергли тщательному досмотру. За два дня до этого был убит премьер-министр Бангладеш, и ходили слухи, что следующей жертвой станет Индира Ганди, поэтому ее резиденция была оцеплена вооруженной охраной. Охранники у ворот заявили, что иностранцев не впустят, пройти может только Шрила Прабхупада. Один часовой открыл ворота, а другой посадил Шрилу Прабхупаду в машину, которая доставила его к парадному входу в резиденцию премьер-министра.

А преданные между тем с беспокойством ожидали у ворот. Обычно Прабхупада везде ходил в сопровождении нескольких учеников. Подобно любящим родителям, его ученики беспокоились о нем, боясь, что ему может понадобиться их помощь.

Мелким, неразборчивым почерком Шрила Прабхупада набросал в блокноте список вопросов, которые хотел обсудить с госпожой Ганди.

1. Разрешить иммиграцию пятистам иностранцам.
2. Все члены парламента — брахманы, имеющие духовное посвящение.
3. Санджая — царь.
4. Закрыть скотобойни.

5. Повторение святых имен.
6. Мясо есть только дома, не в общественных местах.
7. Наказание за проституцию.
8. Проповедь «Бхагавад-гиты как она есть».
9. Все правительственные служащие должны участвовать в киртанах по крайней мере два раза в день.
10. Поддерживать сознание Кришны во всем мире.

Самый насущный вопрос стоял в списке первым: госпожа Ганди должна предоставить европейским и американским ученикам Прабхупады постоянные визы в Индии. Всего несколько недель назад в Майяпуре нескольким преданным-иностранцам было приказано покинуть страну. В течение многих лет Прабхупада обращался за постоянными визами к губернаторам, членам парламента и другим влиятельным людям, с которыми ему приходилось встречаться. Для того чтобы продлить визу еще на полгода, преданным каждый раз приходилось уезжать из страны. Их беспрестанные поездки туда и обратно приносили немалые убытки, а вынужденные перерывы в служении создавали серьезные помехи в работе ИСККОН в Индии. Вот почему Прабхупада хотел, чтобы Индира Ганди разрешила пятистам ученикам-иностранцам постоянно оставаться в Индии.

Другие пункты в списке Шрилы Прабхупады отражали точку зрения священных писаний. Следуя этим указаниям, премьер-министр одухотворила бы свое правление, подобно великим *раджарши* ведической цивилизации. Это были те же принципы духовного правления, которые он проповедовал всегда и везде. Прабхупада был глубоко убежден в том, что, если главы государств и правительств будут придерживаться их, на земле наступит век мира, процветания и счастья. Индире Ганди импонировала авторитарная форма правления, поэтому ей необходимо было руководствоваться в своих действиях предписаниями Вед. Тогда ее правление будет наиболее эффективным и принесет благо народу Индии.

Правительственный чиновник открыл дверь автомобиля, в котором сидел Шрила Прабхупада, и провел его в дом, прямо в кабинет премьер-министра. Когда Прабхупада вошел в комнату, госпожа Ганди встала ему навстречу. Хотя премьер-министр приняла его любезно и предложила сесть, он сразу понял, что она встревожена и боится за свою жизнь. Она сама призналась в этом и добавила, что сейчас не самое удачное время для встречи. Прабхупада чувствовал, что она предпочла бы вообще не встречаться с ним и приняла его только потому, что уже обещала. То, что она все-таки согласилась, говорило о ее склонности к духовной жизни, однако он понял, что сейчас не время обсуждать с ней задуманную им обширную программу действий.

Госпожа Ганди высоко оценила деятельность Шрилы Прабхупады по всему миру. «Они — славные ребята», — ответил Прабхупада и попросил ее помочь с получением постоянных виз. Она согласилась, но снова заговорила о своих тревогах. Вскоре их беседа закончилась, и Шрила Прабхупада удалился.

Несколько дней спустя, все еще находясь в Новом Дели, Шрила Прабхупада получил письмо от Рамешвары. Би-би-ти в Лос-Анджелесе чудесным образом удалось выполнить указание Шрилы Прабхупады. Похоже было, что они сумеют издать все семнадцать томов за два месяца. Наборщики, редакторы, художники и рабочие экстатически завершили свой марафон, уложившись в график! Когда из типографии пришли первые книги и преданные преподнесли их Рукмини-Дваракадхише, они плакали от счастья, снова и снова повторяя мантры, обращенные к Шриле Прабхупаде. Они чувствовали силу приказа своего духовного учителя и видели себя орудиями исполнения этой на первый взгляд невыполнимой задачи.

Сегодня наш наборщик закончил набирать последние тома «Чайтанья-чаритамриты». В следующую среду, 20 августа, все тома уйдут в печать. Мы уже начали набирать Пятую песнь, которая будет сдана в типографию ко дню Вьяса-пуджи.

В конце письма они обещали прислать книги самое позднее к октябрю. Письмо подписали около шестидесяти преданных: «Ваши недостойные слуги из ИСККОН-пресс». От их имени Рамешвара заявил:

У нас не осталось никаких других желаний, кроме того, чтобы миллионными тиражами выпускать Ваши трансцендентные книги и распространять их в каждом городе и деревне мира.

На следующий же день Шрила Прабхупада ответил им из Дели.

Что касается вашего желания издать все двенадцать песней, то вы их получите, в этом нет никаких сомнений. Кришна непременно исполнит ваше горячее желание.

21 августа, в день явления Господа Баларамы, Рамешвара прислал Шриле Прабхупаде телеграмму.

МИЛОСТЬЮ ГОСПОДА БАЛАРАМЫ НИТЪЯНАНДЫ ПОСЛЕДНИЙ ТОМ ЧАЙТАНЬЯ-ЧАРИТАМРИТЫ СЕГОДНЯ СДАЕТСЯ В ТИПОГРАФИЮ ВАШЕЙ МИЛОСТЬЮ И БОЖЕСТВЕННЫМ ПОВЕЛЕНИЕМ СВЕРШИЛОСЬ

Несмотря на то, что Шрила Прабхупада уехал во Вриндаван, преданные сумели отправить ему сигнальные экземпляры всех пятнадцати томов ко дню его восьмидесятилетия 31 августа. Как только Прабхупада вернулся с церемонии, проводившейся в храме, во Вриндаван приехал преданный, который привез последние шесть томов «Чайтанья-чаритамриты».

С наслаждением и чувством глубокого удовлетворения Шрила Прабхупада стал рассматривать новые книги. Ему понравились иллюстрации, и он сразу

погрузился в чтение повествований об играх Господа Чайтаньи. Он почувствовал небывалый прилив вдохновения и даже сказал преданным во Вриндаване, что подумывает о том, чтобы отказаться от всех поездок, остаться во Вриндаване и все свое время посвятить переводу книг. Преданные в издательстве ИСККОН так искренне отозвались на его просьбу, что Прабхупаде еще сильнее захотелось ответить им взаимностью. В письме «моему дорогому Рамешваре и компании» он писал:

Вы со всей серьезностью отнеслись к изданию и распространению этих книг. В этом — успех нашей миссии. Вы подошли к этой работе очень серьезно, и я знаю, что мой Гуру Махараджа доволен вами, поскольку именно этого он и хотел от вас. Благодаря тому, что вы сделали, вы все вернетесь домой, к Богу.

На глазах у Шрилы Прабхупады всего за несколько лет издательство ИСККОН, которое начиналось с маленького ручного печатного станка «А Б. Дик», превратилось в большую организацию с центром в Лос-Анджелесе, оснащенную по последнему слову техники. В нем работал целый штат преданных своему делу квалифицированных менеджеров, редакторов, корректоров, художников, фотографов, дизайнеров, технических редакторов, фототехников. В свое время в Индии, до отъезда на Запад, Шрила Прабхупада в одиночку месяцами бился над тем, чтобы напечатать один том своего перевода «Шримад-Бхагаватам», а теперь он видел, как его ученики издают его рукописи сразу, как только он заканчивает работу над ними. Более того, они одновременно переводят их на другие языки.

Вриндаван,
13 сентября 1975 г.

На Радхаштами Шрила Прабхупада заложил первый камень большого здания *гурукулы*, примыкающего к Кришна-Баларам-Мандиру. Он сказал, что, когда дом будет построен, преданные должны разместить здесь пятисот учеников из всех стран мира. Великолепный храм, гостиница и *гурукула*, которая будет построена в недалеком будущем, по замыслу Прабхупады должны привлечь в обитель Кришны во Вриндаване как можно больше людей. Ради этого он был готов пожертвовать всем, даже спокойной работой над переводами. И ради этого он требовал жертв от своих учеников.

Постоянные разъезды, сказал Шрила Прабхупада, становятся для него все более и более обременительными. Такова была одна из причин его возвращения в Индию. Но это вовсе не означало, что теперь он будет сидеть на одном месте. Если он перестанет путешествовать, его Движение утратит жизнеспособность. Поэтому он собирался путешествовать и дальше, невзирая ни на какие трудности. Ученики со всех концов света постоянно просили его приехать, и вот недавно Пушта-Кришна Свами пригласил его посетить Южную Африку. Заручившись согласием Прабхупады, Пушта-Кришна тут же

запланировал на октябрь большую трехнедельную программу праздников и других мероприятий в Дурбане и Йоханнесбурге.

Прабхупаду просили приехать также преданные с Маврикия, где преобладало индусское население. Они писали, что с ним хочет встретиться сам премьер-министр. Прабхупада принял их приглашение. Он покинул Вриндаван и отправился в Африку с короткими остановками в Дели, Ахмедабаде и Бомбее.

Маврикий,
24 октября

Прабхупада приехал на Маврикий, чтобы встретиться там с премьер-министром страны. В качестве дружественного жеста премьер-министр предоставил Шриле Прабхупаде на время его пребывания на острове машину с шофером. В один из дней Прабхупада решил отправиться на прогулку за город. Когда он уже было собрался сесть в машину с правой стороны, Пушта-Кришна Свами попросил: «Шрила Прабхупада, сядьте, пожалуйста, с другой стороны. Так безопаснее». Прабхупада перешел на другую сторону. С полчаса они ехали по живописной местности, мимо полей сахарного тростника, дорога пошла в горы, возвышавшиеся на океанском побережье. В одном месте они остановились и немного прошли по краю утеса, нависшего над морем. Когда они вернулись к машине, Брахмананда Свами открыл дверь с правой стороны, но Прабхупада сказал: «Нет, с другой стороны безопасней», — повторяя слова Пушта-Кришны.

Через несколько минут из-за поворота внезапно показался «фольксваген», который мчался по той же самой полосе прямо на черный «ситроен» Прабхупады. Прабхупада сидел за Пушта-Кришной, а Брахмананда — за шофером. За секунду до появления «фольксвагена» Шрила Прабхупада уселся на сиденье, поджав под себя ноги, упер трость в пол и оперся на нее.

Увидев летящий на них «фольксваген», шофер затормозил и свернул влево, но «фольксваген» повернул в ту же сторону. Обе машины столкнулись лоб в лоб. Пушта-Кришна ударился головой о ветровое стекло и пробил его. Шофер тоже ударился головой о стекло, его лицо заливала кровь.

Шрила Прабхупада с окаменевшим лицом продолжал сидеть на заднем сиденье. Брахмананда в шоке неожиданно обнял Прабхупаду, словно хотел защитить его, хотя опасность уже миновала.

Затем Брахмананда выскочил из машины, чтобы остановить кого-нибудь из проезжавших мимо водителей. Пушта-Кришна вылез и открыл заднюю дверцу. Он увидел, что лицо у Шрилы Прабхупады все в кровоподтеках, нога кровоточит, а вокруг рассыпаны осколки стекла. Прабхупада молчал. Внезапно Пушта-Кришна понял, что разбитая машина стоит прямо на повороте — положение весьма опасное. Он вышел на дорогу и встал рядом с Брахманандой, чтобы предупредить водителей и по возможности кого-нибудь из них остановить.

«Ситроен» и «фольксваген» были разбиты всмятку, мужчина и женщина в «фольксвагене» ранены. Вскоре остановилось несколько машин, раненым оказали помощь, после чего Прабхупада и преданные пересели в одну из машин и поехали обратно в храм.

Харикеша уже начал волноваться, недоумевая, почему Шрилы Прабхупады так долго нет, и тут совершенно неожиданно Прабхупада вошел какой-то деревянной походкой, не говоря ни слова. Увидев, что все трое ранены, Харикеша воскликнул: «Боже мой! Что случилось? Что случилось?» Но Шрила Прабхупада все так же молча прошел к себе и сел. Один из преданных принес бинты, чтобы перевязать самые заметные раны: подбородок, руку и ногу Прабхупаде, а также голову Пушта-Кришне и Брахмананде.

С момента аварии Шрила Прабхупада не проронил ни слова. Наконец он заговорил: *асанн апи клеша-да аса дехах*, — и тут же перевел: «"Как только мы получаем материальное тело, на нас сразу же обрушивается множество неприятностей". Мы спокойно сидели в машине и вдруг — авария». Он вкратце рассказал обо всем, что произошло, а Брахмананда Свами вспомнил, как перед самой аварией Прабхупада оперся на свою трость и благодаря этому избежал более серьезных ранений.

«Возьмите немного камеди и куркумы, — сказал Прабхупада, — смешайте их с небольшим количеством щелока и разогрейте». Так Прабхупада снова заговорил — цитируя «Бхагаватам» и давая практические медицинские советы. Но преданные все еще были напуганы происшедшим, и Прабхупада попросил их устроить киртан. Кришна спас их, сказал он. Учитывая, что обе машины разбились всмятку, ранения были, в общем-то, пустяковые.

Прабхупада восседал, как герой битвы (раны на его теле в трех местах смазали желтой мазью), а Харикеша читал вслух из «Чайтанья-чаритамриты» — «Уход Харидаса Тхакура».

Затем Шрила Прабхупада заговорил об опасности путешествий и о том, целесообразно ли для него так много ездить. Его миссия — перевод «Шримад-Бхагаватам» и другой вайшнавской литературы — слишком важна для него, чтобы он мог позволить себе рисковать жизнью, разъезжая на автомобилях. Раньше он хотел посетить Найроби и только после этого вернуться в Бомбей, но теперь решил не ездить туда. Он сказал, что вообще не хотел уезжать из Бомбея, но, поскольку преданные в Африке организовали так много разных мероприятий, ему пришлось поехать. Авария, по-видимому, была знаком, указывающим на то, что ему нужно возвращаться в Индию.

На следующее утро Прабхупада, как обычно, вышел на утреннюю прогулку. Он только слегка прихрамывал на левую ногу. Брахмананда Свами и Пушта-Кришна Свами ковыляли следом. Он снова заговорил с учениками о том, стоит ли ему ехать в Найроби или лучше вернуться в Индию. Чьявана, президент ИСККОН в Найроби, настаивал на том, чтобы Прабхупада все-таки поехал туда. Преданные ждут его, сказал он, и уже договорились о нескольких программах с его участием. Если Прабхупада не приедет сейчас, они его еще

долго не увидят. Другие же категорически отвергали саму мысль о том, чтобы просить Шрилу Прабхупаду продолжать поездку теперь, когда он получил травму; Прабхупада должен ехать прямо в Бомбей.

Прабхупада выслушал обе стороны. Соображение о том, что он огорчит преданных в Найроби, подействовало на него сильнее, чем доводы о необходимости оправиться после аварии. Он решил ехать в Найроби.

Однако, пробыв в Найроби всего несколько дней, Прабхупада снова заторопился в Индию. Ему сообщали о неурядицах в бомбейском храме, о воровстве стройматериалов с его участка в результате сговора рабочих, кладовщика и чхаукидхаров (сторожей). Когда Шрила Прабхупада услышал об этом, он так расстроился, что прекратил переводить. Он перестал даже есть. За тысячи миль от Бомбея Прабхупада ощущал боль острее, чем находившиеся там преданные. Многие из них даже не подозревали о том, что их стройматериалы разворовывают. Когда Брахмананда Свами спросил Прабхупаду, почему он ничего не ест, тот ответил: «Как я могу есть, когда меня обворовывают?»

Бомбей,
1 ноября

Самолет Шрилы Прабхупады прилетел из Найроби в Бомбей в час ночи. Несмотря на столь позднее время, у храма его встречали самые активные из свободных членов Общества, его ученики и даже некоторые жильцы домов, стоявших на участке. Они проводили Прабхупаду до дверей его комнаты; Прабхупада подтвердил что авария была серьезной, и даже показал шрам на колене. Он сказал, что рад вернуться в Бомбей. В письме из Бомбея он писал:

Авария была очень серьезной, но Кришна спас нас... Пожалуй, я на какое-то время останусь здесь — пока не закончится строительство храма на этой земле.

Шрила Прабхупада тут же взялся за дело. Он уволил инженера, обвинив его в халатности, простоях и краже стройматериалов. Сначала Прабхупада не хотел договариваться ни с одной из строительных компаний. Он решил, что строительством должен руководить Сурабхи, который разделит работу между разными субподрядчиками. Однако эта система себя не оправдала.

Шрила Прабхупада хотел изменить ее, но не знал, с чего начать. «Мы пришли в сознание Кришны для того, чтобы жить в вечном блаженстве, — сказал он Сурабхи, — но вместо вечного блаженства я пребываю в вечном беспокойстве». Он обратился к Сурабхи, Гирирадже и другим с просьбой что-то предпринять.

Вскоре после этого один из свободных членов Общества, инженер-строитель, осмотрев стройку, сказал Шриле Прабхупаде, что храм и гостиницу можно без труда закончить за шесть месяцев. Тогда Прабхупада обрушился на

Сурабхи, который утверждал, что шести месяцев недостаточно. «Теперь я останусь ни с чем, — подумал Сурабхи, — я потеряю свое служение».

Затем другой свободный член Общества, господин Омкар Пракаш Дир, главный инженер в ЕСС (самой крупной и самой авторитетной строительной компании Индии) пришел на воскресный пир и заодно осмотрел стройку. Ужаснувшись низкому качеству работ, он заявил, что через два-три года здесь все развалится.

Гирирадже понравилась идея заключить договор с крупнейшей и самой опытной строительной компанией Бомбея. Он поговорил с Прабхупадой, который проявил к этому большой интерес. Сурабхи сперва обиделся, решив, что у него отбирают работу, но после встречи с господином Диром тоже загорелся новой идеей.

Контракт с ЕСС был подписан, господин Дир представил график работ, строительство было разбито на этапы, и в графике были указаны сроки окончания каждого из этапов. Шриле Прабхупаде понравился их профессиональный подход к делу, хотя затраты на строительство, конечно, возросли. Зато теперь можно было надеяться, что работа будет выполнена на высоком профессиональном уровне и в сжатые сроки, а это было самое важное.

В Бомбее Прабхупада оставался до конца ноября. Строительство шло быстро. Они могут себе позволить не экономить на мелочах, объяснял он Сурабхи. Храм должен стать таким чудесным бриллиантом, чтобы взглянуть на него приезжали люди со всей Индии. На стройке во Вриндаване Прабхупада недоумевал: «Зачем так дорого? Нельзя ли попроще?» Зато теперь он спрашивал: «А почему не дороже?» Мраморный храм должен поражать воображение богатством и красотой. Отель должен быть высшего класса с прекрасно обставленными номерами и отличным рестораном. А концертный зал с системой кондиционирования воздуха будет одним из лучших в Бомбее.

— Почему полы не мраморные? — спросил Прабхупада о номерах в отеле.

— Это обойдется слишком дорого, — ответил Сурабхи.

— О деньгах можешь не беспокоиться, — сказал Прабхупада. — Можно положить на пол мрамор? Тогда так и сделай.

Сурабхи сделал, но попытался сэкономить на полах в коридорах и положил там более дешевый камень. Прабхупада, увидев это, остался недоволен. «Все должно быть мраморным», — сказал он.

Деньги на строительство храма в Бомбее поступали, главным образом, от продажи книг в Америке, и Шриле Прабхупаде регулярно докладывали о ходе распространения книг. 18 ноября Рамешвара прислал телеграмму с хорошими новостями.

ОТПЕЧАТАН 1 МЛН ЭКЗЕМПЛЯРОВ БЭК ТУ ГОДХЕД ПРЕДАННЫЕ КАК С УМА ПОСХОДИЛИ ОБЕЩАЮТ РАСПРОСТРАНИТЬ ВСЕ ЗА МЕСЯЦ ВЫШЛА ГИТА НА ИСПАНСКОМ ЭТО СОТНИ МИЛЛИОНОВ К ВАШИМ ЛОТОСНЫМ СТОПАМ ВСЕ ВОЗМОЖНО ТОЛЬКО ПО ВАШЕЙ МИЛОСТИ

Когда президент денверского храма ИСККОН спросил в письме, можно ли преданным открыть ювелирное дело, Шрила Прабхупада ответил отрицательно.

Зачем им заниматься бизнесом? Это создаст неблагоприятную атмосферу. Мы будем заниматься только одним бизнесом — продавать книги. Как только вы станете карми и будете гоняться за прибылью, вашей духовной жизни придет конец. Такого рода бизнес поощрять ни в коем случае не следует.

Заниматься бизнесом вместо санкиртаны очень плохо. Санкиртана — это замечательно; грихастхи могут заниматься каким-нибудь другим бизнесом, но только при условии, что будут отдавать ИСККОН не менее 50 процентов. И все же самый лучший бизнес — это санкиртана.

Прабхупада считал, что с помощью распространения книг можно финансировать не только строительство храма в Бомбее, но и гораздо более честолюбивый проект в Майяпуре. Он утвердил план, согласно которому все отделения Би-би-ти должны были отдавать как минимум 10 процентов своего годового дохода на строительство международных центров ИСККОН в Индии, и в первую очередь на задуманный им город в Майяпуре с возвышающимся над ним храмом-планетарием. Такое сотрудничество между отделениями Би-би-ти в разных странах должно помочь сохранить единство растущего Движения сознания Кришны. Распространение книг — это хороший бизнес и самая лучшая форма проповеди. Такова была формула Прабхупады: американские деньги плюс духовная культура Индии. Он хотел, чтобы Рамешвара строил *санкиртану* в США на этом принципе.

В Америке есть деньги и мы поможем слепому объединиться с хромым. Отношения между Индией и Америкой от этого только выиграют. Когда у меня появится возможность еще раз встретиться с Индирой Ганди, я сообщу ей, сколько иностранной валюты мы посылаем в Индию. Теперь, когда я получил ваши обнадеживающие заверения в том, что с ростом распространения книг будут расти и суммы, которые нам переводит Би-би-ти, мы решили попытаться заложить центры ИСККОН на Курукшетре и в Джаганнатха-Пури. Сейчас мы вкладываем деньги в Индии, но в будущем станем вкладывать их повсюду. Это значительно обогатит духовную жизнь Америки.

Всегда и во всем полагайтесь на Гуру и Кришну, и вы обязательно добьетесь успеха.

Со времен марафона в Би-би-ти летом 1975 года издательство продолжало идти в ногу с переводами Шрилы Прабхупады. Между Прабхупадой, его издательством и распространителями книг завязалось трансцендентное

соревнование. В ноябре 1975 года Прабхупада писал одному из ведущих распространителей:

Би-би-ти говорит, что сейчас они издают книги в том же темпе, в каком я перевожу, а вы будете распространять их сразу, как только они будут опубликованы. Вот и прекрасно. Но пока я с моими переводами иду впереди. Они задолжали мне Шестую песнь «Шримад-Бхагаватам». Сейчас я уже работаю над Седьмой песнью.

Правда, в последние месяцы производительность литературного труда Шрилы Прабхупады снизилась, главным образом из-за того, что ему приходилось много заниматься административной деятельностью.

Строго говоря, слово «перевод» не совсем точно отражает суть литературного творчества Прабхупады. Переводом были только стихи и эквиваленты санскритских слов, однако его глубочайшие медитативные размышления, которые он называл «своим личным экстазом», содержались в «комментариях Бхактиведанты». Комментарии и перевод стихов удавались ему лучше всего, если у него была возможность обдумывать их на протяжении дня, а не только в час ночи, когда он включал диктофон. Он переводил необыкновенно глубокое и сложное ведическое писание на язык современности, делая его доступным пониманию читателя в странах Запада. Это было великой и трудной задачей.

Чтобы наилучшим образом донести до людей всего мира истину «Шримад-Бхагаватам», Шриле Прабхупаде нужны были благоприятные условия. Поэтому после праздника в Майяпуре он составил свой маршрут таким образом, чтобы через месяц оказаться на Гавайских островах. Он надеялся, что обстановка там будет способствовать его литературным трудам.

Гавайи,
3 мая 1976 г.

Сделав короткие остановки в нескольких городах Индии, а также в Мельбурне, Окленде и на Фиджи, Шрила Прабхупада приехал на Гавайи точно в срок и сразу же принялся за работу.

Он пробыл в Гонолулу уже около недели, когда, гуляя однажды утром по пляжу Вайкики, объявил, что сегодня вечером намерен закончить последний комментарий к Седьмой песни «Бхагаватам». Когда Хари-Шаури выразил свою радость по этому поводу, Прабхупада ответил: «О, я мог бы закончить все очень быстро, но я должен изложить это так, чтобы вы поняли меня. А для этого я должен все очень тщательно продумать, чтобы то, что я пишу, было понятно обыкновенному человеку».

Прабхупада сразу же приступил к работе над Восьмой песнью, которую начал с обращения: «Прежде чем приступить к этому труду, я в глубоком почтении и с величайшим смирением склоняюсь к лотосным стопам своего

духовного учителя, Его Божественной Милости Шри Шримад Бхактисиддханты Сарасвати Госвами Прабхупады». Прабхупада объяснял, что в 1935 году на берегу озера Радха-Кунда его духовный учитель дал ему наказ уделять больше внимания не строительству храмов, а изданию книг. Следуя этому указанию, он в 1944 году начал издавать журнал «Бэк ту Годхед», а в 1958 году приступил к переводу «Шримад-Бхагаватам». Издав три тома «Шримад-Бхагаватам» в Индии, он в августе 1965 года отправился в США.

Прабхупада говорил, что делает «Бхагаватам» доступным пониманию обыкновенных людей. Однако это вовсе не означало, что его труды не доносили до читателя глубинной сути этого произведения, наоборот, они раскрывали ее в чистом виде. Но, сохраняя дух «Бхагаватам», Прабхупада опускал все несущественное, уводящее в сторону, отбирая из комментариев предыдущих *ачарьев* только то, что наилучшим образом могло убедить его читателей в необходимости заниматься чистым преданным служением.

Те университетские ученые, которые серьезно читали книги Прабхупады, в подавляющем большинстве давали высокую оценку точности, с какой Прабхупада следовал традиции. Отзывы на его книги приходили со всех концов земли.

«...Тем, кто не знает санскрита, эти великолепно написанные книги дают возможность проникнуть в суть учения „Бхагаватам"». Доктор Алака Хеджиб. Факультет санскрита и индологии Гарвардского университета.

«...Это глубоко прочувствованный, с размахом задуманный и прекрасно исполненный труд. Я не знаю, стоит ли дальше расточать похвалы данному переводу „Бхагавад-гиты“, смелому методу изложения материала и бесконечному многообразию заложенных в нем идей. Я еще никогда не встречал труда по „Гите“, который отличался бы такой величавостью мысли и стиля... Этот перевод займет важное место в интеллектуальной и нравственной жизни современного человека». Доктор Шалиграм Шукла, профессор лингвистики Джорджтаунского университета.

«...Впервые мы располагаем доступным изданием этого великого произведения религиозной классики, которое дает возможность всем изучающим индийскую литературу, равно как и последователям традиции сознания Кришны, сравнить оригинал с современным английским переводом и глубоко проникнуть в духовный смысл этого произведения, ознакомившись с блестящим комментарием Шри Бхактиведанты.

...Любой, кто внимательно прочтет комментарий, оценит в нем здоровое сочетание искренней преданности и эстетического чутья вайшнава с интеллектуальной строгостью ученого-текстолога, присущее также другим работам Шри Бхактиведанты. Автор ни разу не позволил себе исказить изначальный смысл текста в угоду той или иной доктрине.

...Этими безукоризненно написанными томами с радостью пополняют свои библиотеки все, кто так или иначе связан с изучением индийской духовной и религиозной традиции, независимо от того, чем вызван их интерес:

профессиональной необходимостью, религиозными пристрастиями или любовью к занимательному чтению». Доктор Дж. Брюс Лонг, факультет ориентологии Корнельского университета.

«Английский перевод А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады просто великолепен. Он содержит оригинальные стихи на санскрите и бенгальском с английской транслитерацией, эквивалентами, переводами и подробными комментариями, которые свидетельствуют о глубоком знании автором данного предмета». Доктор О.Б.Л. Капур, почетный председатель и профессор в отставке, философский факультет Правительственного колледжа повышения квалификации, Гьянпур, Индия.

Таким образом, для Прабхупады сделать «Бхагаватам» «доступным», означало не упростить его, а сделать так, чтобы читатель осознал необходимость отречься от мира иллюзии и устремиться к вечному освобождению в сознании Кришны.

Однако современные люди настолько деградировали, что проповедник уже не может просто сослаться на авторитет ведических писаний — этот аргумент никого не убедит. Поэтому в своих трудах Шрила Прабхупада анализирует теорию случайного происхождения жизни, теорию эволюции Дарвина и теорию химической эволюции. Его железная логика не оставляет от них камня на камне, он доказывает, что жизнь происходит из жизни, а не из мертвой материи.

В своих книгах Прабхупада также боролся с ложными учениями псевдойогов, фальшивых гуру и «воплощений», которые в Кали-югу, век лжи и лицемерия, наводнили как Индию, так и Запад. Кроме того, в своих сочинениях он подвергает критике различные политические институты, анализирует причины падения монархий и неудач демократии и объясняет, почему в разных странах мира все чаще и чаще будут устанавливаться диктаторские режимы. Политика налогового гнета, правительственная пропаганда, призывающая людей переселяться в города для работы на заводах и фабриках, отказавшись от простой сельской жизни, — все эти темы он рассматривает в свете священных писаний.

Путешествуя по миру, Шрила Прабхупада видел всю глубину деградации человеческого общества: сексуальную свободу, новомодное увлечение наркотиками, безжалостное убийство животных на бойнях и мясоедение. В одном из комментариев к «Бхагавад-гите» он особо останавливался на угрозе ядерной войны.

Таких людей называют врагами человечества, ибо в конечном счете они откроют или изобретут нечто такое, что принесет гибель всему живому. Косвенным образом этот стих предвосхищает открытие ядерного оружия, которым так гордится современный мир. Война может разразиться в любую минуту, и тогда атомное оружие превратит землю в пустыню. Все это создается исключительно для уничтожения жизни, о чем свидетельствует данный стих.

Причиной того, что люди изобрели это оружие, является их безбожие; такое оружие не принесет людям ни мира, ни процветания.

Беспощадно и справедливо, как и подобает настоящему ачарье, Прабхупада обличал пороки современного мира. Его бескомпромиссность подкупала. Он не был кабинетным ученым, копающимся в пыли давно забытых исторических фактов. Однако во всех его произведениях звучала смиренная просьба, обращенная к сердцу читателя. Как слуга слуги Кришны, он умолял каждого принять сознание Кришны и вернуться в свое изначальное состояние вечного бытия, исполненного блаженства и знания.

Когда-то Прабхупада оставил свою литературную деятельность в храме Радхи-Дамодары во Вриндаване ради того, чтобы проповедовать на Западе, и теперь он мог точно так же покинуть писательское затворничество на Гавайских островах для того, чтобы снова отдаться проповеднической деятельности. В любом случае он был готов продолжать писать везде, куда бы ни приехал. С самого начала он планировал пробыть на Гавайях только месяц, а не оставаться там навсегда. Его ученикам необходимо было видеть его, ибо он вселял в них силы и вдохновлял на служение, и он собирался делать это до последнего дыхания

* * *

Сначала Прабхупада хотел посетить центр ИСККОН в Лос-Анджелесе. Теперь это была большая, процветающая коммуна преданных. Он увидит их новую храмовую комнату с мраморными арками и галереей великолепной трансцендентной живописи, будет присутствовать на пышном богослужении в честь Божеств Рукмини-Дваракадхиши, осмотрит студию звукозаписи «Золотая аватара», оборудованную по последнему слову техники, и музей «Фэйт»^[8], где были выставлены диорамы, наглядно иллюстрирующие учение «Бхагавад-гиты». Он будет сидеть в саду и слушать книгу «Кришна», гулять по Венецианскому пляжу с доктором Сварупой Дамодарой и обсуждать с ним научные теории. И безусловно, он даст новый импульс уже и без того мощному движению по распространению книг. Однажды, сидя в машине, он сказал: «В течение следующих десяти тысяч лет мои книги будут сводом законов, по которым будет жить все человечество».

* * *

Нью-Йорк,
9 июля 1976 г.

Джаянанда вел машину. В машине кроме Прабхупады сидели Тамала-Кришна Госвами и Рамешвара Свами. Они встретили Шрилу Прабхупаду и Хари-Шаури в аэропорту Лагардия.

Когда машина приближалась к Манхэттену, Прабхупада спросил:

— Ну как, у вас все в порядке?

Тамала-Кришна ответил, что все еще только начинается. Преданные переезжают в двенадцатиэтажное здание на Манхэттене и завершают приготовления к Ратха-ятре.

— Вы увидите, что работа кипит, — добавил он.

— Да, — ответил Шрила Прабхупада, — постарайтесь организовать все как следует. Кришна дает нам все. Мы ни в чем не испытываем недостатка. Если мы будем трудиться искренне, с чистым сердцем, Кришна даст нам разум и все остальное. Его милостью можно достичь всего. Это Кришна — Он может дать вам все.

Когда их автомобиль подъехал к Бруклинскому мосту, Шрила Прабхупада спросил:

— Это Бруклинский мост, не правда ли? Когда-то я приходил сюда и сидел там внизу.

— У воды? — спросил Тамала-Кришна. Они очень любили слушать рассказы о том, как Шрила Прабхупада когда-то был в Нью-Йорке совсем один.

— Да, прямо у реки, — сказал Прабхупада. — Я жил тогда на Бауэри. Это совсем рядом. Вот я и приходил сюда, гулял, сидел под мостом и думал: «Когда же я вернусь в Индию?»

Он засмеялся. Он расспрашивал их о других местах, как расспрашивают о старых друзьях, — о станции метро «Фултон-стрит» и о Чамберз-стрит.

Тамала-Кришна рассказал Прабхупаде, что новый центр ИСККОН расположен недалеко от Эмпайр-Стейт-Билдинг и из окон его комнаты на одиннадцатом этаже открывается прекрасный вид на это сооружение.

— Наше здание, — сказал Тамала-Кришна, — находится в самом центре района театров, ресторанов и всевозможных увеселительных заведений.

— В Нью-Йорке, — сказал Прабхупада, — я чувствую себя в каком-то смысле как дома, потому что впервые я приехал именно сюда. Я бродил по его улицам и безвыездно жил здесь с сентября 1965 по июль 1967 года.

— Сегодня утром Тамала-Кришна Махараджа читал лекцию, — сказал Рамешвара Свами. — Он говорил, что мы еще не понимаем до конца, как повезло этому городу — ведь вы приехали именно сюда.

— Да, когда я решил, что поеду за границу, — сказал Прабхупада, — я не собирался ехать в Лондон, я хотел приехать именно сюда. Обычно все едут в Лондон, но я подумал: «Нет, я поеду в Нью-Йорк».

— В ногу со временем, — заметил Тамала-Кришна.

— Ну уж не знаю, — рассмеялся Прабхупада. — Это Кришна подсказал мне. Я мог бы поехать и в Лондон. Лондон ближе. Но я подумал: «Нет, я поеду в Нью-Йорк». Иногда мне даже снилось, что я в Нью-Йорке.

Они проезжали манхэттенские кварталы, и Шрила Прабхупада вспоминал былые времена. Он упомянул о студии йоги доктора Мишры, о своей комнате

в доме номер 100 на Семьдесят второй улице, где у него украли магнитофон и пишущую машинку, и об универсаме в Вест-Энде, где он покупал фрукты.

— Мне кажется, что я иногда забредал в этот район, — сказал Прабхупада, глядя в окно, — просто так, безо всякой цели. Да, просто гуляя по Второй авеню.

Когда они доехали до Пятьдесят пятой улицы, преданные показали Прабхупаде на здание ИСККОН, по боковой стене которого сверху вниз шли золотые буквы — Харе Кришна. На фасаде развевалось желтое полотнище с изображением преданного Господа Чайтаньи. Над тротуаром нависал тент с броской надписью: «Центр Харе Кришна». Увидев машину с Прабхупадой, сотни преданных, собравшихся у входа, начали скандировать его имя.

Это была самая большая встреча преданных ИСККОН после фестиваля в Майяпуре. Многие приехали в Нью-Йорк издалека, только чтобы увидеть Шрилу Прабхупаду; в здании разместилось свыше шестисот преданных. Киртан был оглушительный. Прабхупада, довольный, стоял возле Божеств Радхи-Говинды. На третьем алтаре поставили картину, изображающую Господа Джаганнатху, Балараму и Субхадру. Прабхупада сказал, что ему не терпится увидеть Их во время Ратха-ятры.

Когда Прабхупада сел на большую зеленую *вьясасану*, он некоторое время не мог говорить от переполнявших его чувств. «Прежде всего я должен поблагодарить всех вас за то, что вы привезли меня в новый храм, — начал он. — Потому что, когда я впервые приехал сюда, я хотел открыть здесь, в Нью-Йорке, храм, и я стал думать, как это сделать». Он рассказал о своих первых беспомощных попытках купить небольшое здание на Манхэттене, и как из этого ничего не вышло, поскольку он не достал денег.

«Мне негде было жить, — продолжал он. — Что уж говорить о храме, если у меня не было даже крыши над головой. Тогда я подумал, что, наверное, нужно возвращаться в Индию. Почти каждую неделю я ходил в пароходную компанию. Это долгая история, как я приехал сюда с намерением открыть храм в Нью-Йорке. Но в то время, десять лет назад, в 1965 году, это было невозможно. И вот по милости Кришны и по милости моего Гуру Махараджи вам удалось приобрести такое чудесное Здание. Поэтому я должен от всей души поблагодарить вас за то, что вы открыли этот храм».

В течение всех десяти дней, пока Прабхупада был в Нью-Йорке, преданные находились в состоянии эйфории. Они ликовали. Городские власти дали им разрешение провести Ратха-ятру на Пятой авеню. Прабхупада как-то сказал, что Нью-Йорк — это самый важный город в мире и что небоскреб в этом городе мог бы стать для мира маяком сознания Кришны. И вот теперь у ИСККОН был свой небоскреб на Манхэттене, они собираются провести Ратха-ятру на Пятой авеню, и Прабхупада сейчас вместе с ними.

Шествие Ратха-ятры — три колесницы высотой около пятнадцати метров — началось у Гранд-Арми-Плазы на Пятой авеню и двинулось в сторону центра, Молодые люди, девушки в *сарис*, индийцы, ньюйоркцы — сотни людей,

взявшись за веревки, тянули огромные колесницы. С установленными на них балдахинами из желтого, зеленого, красного и синего шелка, которые колыхались на ветру, колесницы медленно и величаво плыли на юг. День выдался замечательный, и сотни поющих и танцующих преданных и тысячи зрителей завершали картину шествия. Маршрут проходил через пятьдесят кварталов по Пятой авеню, «самой важной улице в мире», к Вашингтон-Сквер-парку.

Прабхупада присоединился к процессии на Тридцать четвертой улице. Как только он подошел, чтобы взойти на колесницу Субхадры, преданные толпой окружили его, а полицейские и зрители застыли, пораженные их искренним преклонением перед представителем Кришны. Хотя сокровенный смысл Ратха-ятры состоит в желании *гопи* вернуть Кришну во Вриндаван, главной причиной ликования преданных было возвращение в Нью-Йорк Шрилы Прабхупады.

Праздник стал достойной кульминацией десятилетия проповеднической деятельности Шрилы Прабхупады в Нью-Йорке. Когда он впервые приехал сюда, у него не было ни денег, ни своего угла, ни места, где он мог бы собирать людей и рассказывать им о Кришне. А сейчас, восседая на колеснице, он ехал по фешенебельной Пятой авеню на празднике Ратха-ятра, и у его Божеств, Радхи-Говинды, был Свой небоскреб. В 1965 году он был один, а теперь с ним было шестьсот учеников, громко поющих святые имена Господа и несущих благо миллионам обусловленных душ.

Когда процессия прибыла в Вашингтон-Сквер-парк, он был запружен народом. Там соорудили временные подмости, где разместились Шрила Прабхупада и Божества. Киртанананда Свами представил Шрилу Прабхупаду всем собравшимся, и Прабхупада поднялся, чтобы произнести речь.

Вечером о шествии и празднике сообщили все крупнейшие телекомпании, а утром вышли газеты с фотографиями и репортажами. Больше всего Прабхупаде понравился разворот в «Нью-Йорк Дейли Ньюс», где несколько фотографий было помещено под шапкой: «Пятая авеню, на которой Восток встречается с Западом».

— Пошлите эту статью во все храмы, — сказал Прабхупада. — Отправьте ее Индире Ганди. Заголовок просто замечательный. Они уловили самую суть. «Восток встречается с Западом». Как я всегда говорил, хромой встречается со слепым. Вместе они могут все, а поодиночке — ничего. Один — хромой, а другой — слепой. Но если они объединятся — индийская культура и американские деньги, — то смогут спасти весь мир.

Прабхупаде вслух прочитали статью из «Нью-Йорк Таймс», где рассказывалось о том, что в шествии участвовали сотни индийцев, «которые радовались, видя, что сохранить свою веру можно даже в Нью-Йорке». В статье приводились слова «одного индийского иммигранта», который сказал: «Мы любим Нью-Йорк, Америку. Это самое прекрасное место в мире. Никакая другая страна не позволила бы нам так свободно отмечать наши праздники».

— Так оно и есть, — сказал Прабхупада, — я всегда это говорил. «Таймс» первой написала о моей деятельности, когда я стал петь в Томпкинс-Сквер-парке.

На площади, где проходил праздник, преданные накормили *прасадом* семь тысяч человек. И даже поздно вечером, когда они вместе со своими колесницами возвращались назад, сотни людей следовали за ними, распевая мантру. Преданные уже обсуждали, что нужно сделать, чтобы в следующем году праздник получился еще лучше. Было бы неплохо отвести места представителям прессы, а Прабхупада предложил снять небольшой домик в центре города, назвав его Гундича^[9]. Господь Джаганнатха мог бы находиться там целую неделю. Затем преданные смогут устроить еще одно шествие — праздник возвращения Господа Джаганнатхи в храм на Пятьдесят пятой улице.

— Вчера, — рассказывал Тамала-Кришна Госвами, — мы весь вечер убирали площадки в парке. И одна женщина, которая живет по соседству, подошла к нам и сказала: «За все время, что я здесь живу, я еще ни разу не видела такого замечательного праздника». А директор парка в интервью телекомпании Си-би-эс говорил: «Мы гордимся тем, что этот парк был основан сотни лет назад, когда Америка была религиозной страной, и что духовная жизнь в Вашингтон-Сквер-парке продолжается до сих пор».

— Так, может быть, стоит попросить мэра построить там для нас храм? — сказал Прабхупада.

Преданные рассмеялись. Но Прабхупада говорил вполне серьезно.

Здоровье Шрилы Прабхупады стало ухудшаться, что часто случалось с ним во время напряженных поездок. Особенно плохо он почувствовал себя в Нью-Йорке. Его дальнейший маршрут проходил через Лондон, Париж, Тегеран, Бомбей и заканчивался в Хайдарабаде, где он должен был провести церемонию открытия нового храма ИСККОН. Старшие преданные умоляли его немного отдохнуть, прежде чем ехать в Англию и Индию. В этот приезд он провел один день на ферме ИСККОН в Пенсильвании, где ему очень понравилось, и преданные предложили ему поехать туда месяца на два-три, чтобы он смог поправить здоровье и писать. Каждый день они умоляли его остаться. Когда он услышал, что все члены Джи-би-си в Нью-Йорке считают, что он должен отложить поездку, то сказал: «Хорошо, я не поеду».

Однако Прабхупада не был слугой Джи-би-си, он был слугой Кришны. У него уже были куплены билеты на самолет и потому он решил продолжать путешествие.

Утром в день его отъезда несколько преданных пришли к нему, чтобы в последний раз попытаться уговорить его остаться с ними. Прабхупада ничего не ответил, хотя было ясно, что он не изменил своих намерений. Слуги паковали его чемоданы, все было готово к отъезду. Тем не менее, даже когда он уже вышел из комнаты и направлялся к лифту, несколько человек продолжали идти за ним, умоляя его не уезжать.

— Ну, пожалуйста, Прабхупада, — говорил Рамешвара Свами, — останьтесь.

До этого момента, несмотря на физическую слабость и мольбы учеников, Шрила Прабхупада находился в веселом расположении духа. Но теперь его лицо изменилось.

— Не уезжайте, — произнес один из преданных. Другой добавил: — Останьтесь и отдохните.

Прабхупада обернулся. Взгляд у него был совершенно отрешенный. Больше, чем когда-либо, он показался им пришельцем из другого мира.

— Я хочу, чтобы Кришна благословил меня, дав возможности сражаться за Него до последнего вздоха, — сказал он, — подобно Арджуне.

Все молчали. Этот великий завет запал им в душу. На первом этаже двери лифта открылись и сотни преданных, ожидавших Шрилу Прабхупаду, радостно приветствовали его, провожая к машине.

8 - Последние наставления

Бомбей,
8 января 1977 г.

Шрила Прабхупада, как обычно, вышел на утреннюю прогулку еще до рассвета. Маршрут он и преданные знали хорошо: через «Харе-Кришна-Ленд» к дороге. Выйдя за ворота, нужно было сначала повернуть налево, потом направо, и пройти один квартал по дороге к пляжу. Светало. В сумерках едва можно было отличить землю от моря и неба, но постепенно небо на горизонте окрасилось в нежные цвета восхода, и взорам преданных открылась широкая гладь Аравийского моря с нависшим над ним необъятным небом, на котором мерцали и таяли последние звезды. Маленькая группа преданных во главе с Прабхупадой шла по широкой полосе пляжа, слева от них выстроились в ряд склонившиеся к морю пальмы, а справа шумел прибой.

Шрила Прабхупада был одет в шелковую курту и *дхоти*, на плечах у него был серый шерстяной *чадар*, а на ногах парусиновые туфли персикового цвета. Он шел быстро, слегка опираясь на трость. Сначала он выбрасывал ее вперед, втыкал в песок перед собой и поднимал опять, как бы отбивая ритм. Он держался прямо и шел с высоко поднятой головой.

Вдоль берега потянулась вереница бомбейцев, в большинстве своем богатых жителей Джуху, которые вышли на утреннюю прогулку. Несколько торговцев кокосами уже прикатили сюда свои тележки и в ожидании первых покупателей срезали макушки с отборных плодов. Шрила Прабхупада любил гулять в ранние утренние часы и, если позволяла погода, всегда выходил на прогулку, в каком бы уголке земли ни находился. Однако пляж в Джуху был одним из его самых любимых мест для прогулок.

По дороге к ним присоединились доктор Патель, в белой рубашке и брюках, а также несколько его друзей, большей частью врачей и юристов.

Вдруг Шрила Прабхупада заговорил:

— Против нас готовится крупный заговор.

— Кто его готовит, церковь? — поинтересовался доктор Патель.

— Нет, не церковь, — ответил Прабхупада.

— Общество?

Прабхупада задумчиво хмыкнул и добавил:

— Теперь они решили покончить с нашим Движением.

Он не стал вдаваться в подробности, и ни доктор Патель, ни другие так и не смогли выяснить, что Прабхупада имел в виду. Доктор Патель сказал, что во всяком случае в Индии заговор против сознания Кришны невозможен.

— Поэтому я и хотел начать движение в Индии, — ответил Прабхупада. — Я просил многих своих друзей: «Отдайте мне хотя бы одного из ваших

сыновей!» Но никто не согласился. Они говорили: «Свамиджи, какая польза будет от того, что мой сын станет вайшнавом или брахманом?» Они не хотят считаться с нашим Движением и намерены покончить с ним.

Истый патриот, доктор Патель сказал:

— Эти американцы — они вечно раздувают пропаганду.

— В любой стране есть и хорошее, и плохое, — заметил Прабхупада. — Кришна говорит: *мануишанам сахасрешу*. Из многих тысяч людей едва ли один стремится к совершенству. Это Кали-юга.

Без пяти семь Шрила Прабхупада ушел с пляжа. Подходя к «Харе-Кришна-Ленду», он смотрел на массивные башни отеля ИСККОН и еще более высокие и величественные купола храма. Отделку до сих пор не закончили, но большая часть строительных работ была уже завершена. Предстояло облицевать купола мрамором и закончить отделочные работы во многих других местах Прабхупада хотел поскорее открыть храм, но Сурабхи Махараджа, руководивший строительством, постоянно ссылался на те или иные задержки, поэтому назначить дату открытия никак не удавалось.

Неприятности, связанные со строительством храма в Бомбее, начались у Прабхупады еще в 1971 году, когда он подписал контракт о покупке земли с господином Н., и с тех пор преследовали его буквально на каждом шагу. Однако теперь торжества в честь установления Божеств Радхи-Расавихари в одном из самых великолепных храмов Индии были уже не за горами. Шрила Прабхупада продолжал ездить по всему свету, следя за развитием деятельности ИСККОН на всех направлениях, но неизменно возвращался в Бомбей. Прабхупада видел, что рабочие тянут время, понимал, что они нередко мошенничают, о чем преданные иногда даже не подозревают. На этот раз он также собирался немного побыть здесь, дать советы, а затем продолжить свое путешествие.

Преданные по-прежнему поклонялись Радхе-Расавихари под временным навесом, поставленном еще в 1971 году. Но теперь позади него возвышалось великолепное здание храма, что возвещало о скором переезде Расавихари в Его новый дворец.

Вернувшись на землю ИСККОН в Бомбее, Шрила Прабхупада пришел к Божествам, чтобы еще раз увидеть Их чарующую красоту. Иногда он говорил, что из всех Божеств ИСККОН Радха-Расавихари были его самыми любимыми. Скоро он исполнит данное Им обещание — храм для Них уже почти готов, хотя временами Прабхупада сомневался, доведется ли ему присутствовать на открытии храма. Прабхупаде было уже за восемьдесят, и его одолевали хронические болезни.

Приближение смерти, разумеется, не было для Прабхупады неожиданностью — с тех пор, как он начал проповедовать на Западе, ему не раз приходилось бороться с тяжелыми недугами. Но, хотя он часто говорил о том, что хочет отойти от дел, его ученики даже представить себе этого не могли. Да, им надо любой ценой как можно скорее закончить строительство и открыть храм в Бомбее, да, им нужно дать Прабхупаде возможность отойти от

дел и закончить наконец свой «Шримад-Бхагаватам». Но они были уверены, что Кришна позволит ему остаться с ними по крайней мере до тех пор, пока он не завершит два этих дела.

Каждый месяц члены Джи-би-си по очереди приезжали к Шриле Прабхупаде, чтобы служить ему, исполняя обязанности его секретаря, учиться под его непосредственным руководством и иметь возможность общаться с ним лично. В январе 1977 года секретарем Прабхупады стал Рамешвара Свами. Прабхупада искренне обрадовался, когда однажды рано утром Рамешвара, прилетевший в Бомбей прямо из Лос-Анджелеса, вошел к нему в комнату. Прабхупада считал Рамешвару опытным руководителем, особенно в сфере издания и распространения книг о философии сознания Кришны, которым Прабхупада отводил главное место в проповеднической деятельности.

Когда Шрила Прабхупада спросил Рамешвару Свами о новостях, тот рассказал ему о том, каким нападам подвергается Движение сознания Кришны в Америке. Шрила Прабхупада уже знал об этом, это и был тот самый «заговор», о котором он говорил на утренней прогулке. В США необычайно активизировалось антикультовое движение, участники которого сваливали Движение Харе Кришна в одну кучу с другими недавно появившимися религиозными течениями. Шрила Прабхупада был хорошо осведомлен о деятельности «депрограммистов», которые похищали преданных и подвергали их интенсивной психологической обработке. И он уже доказал, что не боится этого. Он заверил преданных, что Кришна защитит их и что в конечном счете Движение сознания Кришны от этого только выиграет.

Самой важной битвой, на которой вот уже несколько месяцев были сосредоточены мысли Шрилы Прабхупады, был судебный процесс в Нью-Йорке, где президента храма Ади-Кешаву Свами обвиняли в том, что он применяет методы психологического давления на преданных и насильно удерживает их в храме. Родители двух совершеннолетних преданных выдвинули это обвинение, после того как нанятым ими депрограммистам не удалось заставить их детей отречься от сознания Кришны. Помощник генерального прокурора решил воспользоваться этим судебным процессом, чтобы объявить крестовый поход против сект, и использовал все имевшиеся в его распоряжении юридические и административные рычаги. Поборники гражданских прав и свобод были возмущены его действиями и обещали преданным, что их противникам никогда не удастся выиграть дело, однако преданные были не так уверены в исходе судебного разбирательства. Процесс ставил под вопрос само право Движения Харе Кришна называться религией, а также оспаривал право совершеннолетних преданных оставаться в Движении против воли родителей. Подвергалось сомнению и то, что участники Движения Харе Кришна сделали свой выбор сами, а не присоединились к нему в результате психологического давления и «промыывания мозгов». Когда Шрила Прабхупада, находившийся во Вриндаване, впервые услышал об этом

процессе, он написал преданным письмо, которое прозвучало как призыв к битве с силами иллюзии.

Что касается авторитетности нашего Движения, то вы можете использовать следующие аргументы. «Бхагавад-гита» выдержала множество изданий и продолжает издаваться. Наши книги древнее Библии. В Индии миллионы храмов Кришны. Пусть судьи и присяжные заседатели прочтут наши книги и ознакомятся с мнением известных ученых и профессоров. Что же касается второго пункта обвинения о власти родителей над своими детьми, то здесь у меня есть несколько вопросов. Хотят ли родители, чтобы их дети становились хиппи? Так почему же они не борются с этим? Хотят ли родители, чтобы их дети занимались проституцией и употребляли наркотики? Почему же они не препятствуют этому?

Сейчас они почувствовали силу нашего Движения. Сначала они думали: «Эти люди как пришли, так и уйдут», — но теперь видят, что мы не собираемся уходить. Мы устроили пожар, и он будет пылать. Его невозможно потушить. Можно пригнать много пожарных команд, но и они не смогут погасить этот пожар. Книги, которые «промывают мозги», уже существуют. Даже если они запретят Движение, оно будет развиваться подспудно. Нашим главным делом и единственной пропагандой является распространение книг. Идите от двери к двери. Настоящая битва еще только начинается. Кришна вас защитит. Итак, повторяйте мантру Харе Кришна и сражайтесь.

Приехав к Шриле Прабхупаде в Бомбей, Рамешвара Свами рассказал ему, что для защиты сознания Кришны на нью-йоркском процессе в Америке организован общенациональный комитет профессоров и теологов и что многие юристы и психологи на их стороне.

Материалисты, объяснил Прабхупада, никогда не смогут примириться с тем, что Движение сознания Кришны выступает против внебрачных половых отношений, употребления в пищу мяса и употребления одурманивающих средств. То, что кто-то способен отказаться от всего этого, кажется им настолько неправдоподобным, что они не могут найти этому разумного объяснения. Они не в состоянии поверить, что причиной такого отказа может быть подлинный духовный опыт. Вспоминая о предыдущем процессе, Шрила Прабхупада говорил: «В Германии нас тоже обвиняли в том, что вот, мол, сидит в Лос-Анджелесе старик и заставляет этих мальчишек собирать для него деньги. Они думают, будто я обладаю способностью влиять на психику людей и подчинять их своей власти — они добывают деньги, а я наслаждаюсь жизнью».

Шрила Прабхупада вспоминал, как еще в 1960 году, когда его храм в Лос-Анджелесе купил несколько автомобилей и число преданных стало расти, соседи начали завидовать им. Прабхупада сказал, что он и соседей приглашал вступить в Общество сознания Кришны, но они всегда отвечали отказом. Прабхупада говорил, что чем больше шума поднимает оппозиция, тем

популярнее становится сознание Кришны. Он утверждал также, что его бескомпромиссная проповедь неизменно находит отклик в сердцах людей.

— Вы не знаете, как нужно сражаться с противником, — говорил преданным Шрила Прабхупада.

Он был возбужден, настроен по-боевому и горел желанием показать ученикам, как расправляться с оппонентами. Иногда он называл своего духовного учителя *симха-гуру* (гуру-лев), и сейчас, глядя на него, они поняли, что значит это выражение.

— Чем больше будет у нас противников, — сказал он, — тем сильнее должна быть наша защита.

— Обвиняя нас в промывании мозгов, — сказал Рамешвара, — они утверждают, будто наш образ жизни изолирует человека от остального мира.

— Правильно, — отвечал Прабхупада, — мы не желаем общаться с вами. Благородный человек всегда и избегает общества негодяев. Вороны не станут селиться с утками и белыми лебедями, а белоснежным лебедям не нравится общество ворон. Это естественное разделение. Свой своему поневоле брат.

Рамешвара: «Они составили список, в котором перечислены пять или шесть условий, и заявляют, что наличие этих условий создает благоприятную атмосферу для промывания мозгов. Они утверждают, что мы ставим членов нашего общества в подобные условия».

Прабхупада: «Да, мы промываем людям мозги, вымываем оттуда все плохое и оставляем хорошее. Это наша работа. Мы отмываем мозги от всякой мерзости. Ваши мозги забиты разной дрянью — вы едите мясо, занимаетесь недозволенным сексом, играете в азартные игры. Вот мы и промываем их. Вы же убираете у себя в комнате? Что в этом плохого?»

Если вы наведете в комнате чистоту, разве человек в здравом уме станет вас упрекать за это? Но вы так нечистоплотны, что обвиняете нас „Почему вы смываете эту грязь?“ Мы отмываем грязь, а вы протестуете. Таков ваш интеллектуальный уровень. Однако разумные люди всегда убирают мусор. Это закон цивилизованного общества — наводить чистоту. Именно этим мы и занимаемся.

С точки зрения ведической цивилизации, вы все — неприкасаемые. Но мы пришли, чтобы коснуться вас. Поэтому вымойтесь, сначала вы должны смыть с себя всю эту грязь. В Индии собака считается неприкасаемым животным, но она — ваш лучший друг. Следовательно, вас тоже нельзя касаться, поэтому нам приходится промывать вам мозги. Пока у вас не промыты мозги, вы не сможете понять Кришну. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Вы спите вместе с собакой, едите с собакой, собака — ваш лучший друг, так кто же тогда вы? Вас необходимо отмыть, отчистить».

Рамешвара: «Но они выдвигают следующий аргумент: в Америке принято давать людям образование в различных областях — естествознании, музыке, искусстве и литературе. Этот тип культуры и образования восходит к европейскому Ренессансу. Но мы, члены Движения Харе Кришна, отворачиваемся от всего этого и читаем только книги о Кришне».

Прабхупада: «Все остальное культурой не является. То, что подвержено переменам, не может называться культурой. Это — *мано-дхарма*, измышления. Да, мы хотим положить конец всей этой бессмыслице. Такова наша миссия. Те, кто достаточно разумен, уже приняли нашу культуру. Теперь очередь за вами».

Рамешвара: "Если вы утверждаете, что члены вашего движения — люди воспитанные и культурные, говорят они, почему же тогда преданные приезжают в аэропорт и пристают чуть ли не к каждому пассажиру?"

Прабхупада: «Они не пристают. Они просвещают. Когда вору советуют: „Брось воровать“, он считает, что к нему пристают, но на самом деле ему дают добрый совет».

Рамешвара: «Они называют это вмешательством в частную жизнь. Каждый человек имеет право думать, как ему угодно».

Прабхупада: «Вот именно. Поэтому у меня есть право думать так, как я думаю, и продавать книги».

Рамешвара: «А если я не хочу слушать вашу философию, почему вы мне ее навязываете?»

Прабхупада: «Мы не навязываем. Это хорошая философия. Мы убеждаем: „Возьмите эту книгу, и она принесет вам благо“. И они получают благо. Тем, кто их читает, наши книги приносят огромное благо. Почему вы на громадных стендах рекламируете всякую ерунду: „Приходите и покупайте“? А? Почему вы навязываете нам свои так называемые блага? Почему?»

Схватка продолжалась не один час. Рамешвара приводил доводы против Движения сознания Кришны, а Шрила Прабхупада разбивал их один за другим. Прабхупада называл эти аргументы «детскими» и «глупыми» и беспощадно критиковал породивший их материалистический образ мыслей. Пользуясь аргументами священных писаний и логикой, он доказывал, что у непреданного нет никаких добродетелей и по уровню развития он стоит ниже животного, поскольку у него отсутствует сознание Бога. Такой человек не имеет права критиковать других, его критика свидетельствует лишь о том, что он не знает, в чем заключается цель человеческой жизни.

Защищая Движение сознания Кришны, Прабхупада забыл обо всем остальном. Он наслаждался сражением, которое вел от имени Господа Чайтаньи. Безусловно, слова Прабхупады были в первую очередь обращены к его ученикам, но в них также звучало сострадание ко всем живым существам и его преданность Движению сознания Кришны.

Рамешвара: «Но христиане, ссылаясь на Библию, говорят, что если бы Господь захотел, чтобы мы верили в Кришну, Он сказал бы нам об этом на горе Синай или же устами Иисуса Христа. Однако Иисус говорил. „Я есмь путь“».

Прабхупада: «Так-то оно так, но Иисус Христос не открыл вам большего, потому что вы — негодяи. Вы не способны следовать даже одной его заповеди: „Не убий“. Иисус Христом в этом не виноват. Но поскольку вы негодяи, то вам не дано понять его. Поэтому он и ушел от вас, нечестивцев. Ведь вы не

следуете ни одной из его заповедей. Так что же вы можете понять? Вот он и не сказал вам ничего больше».

Рамешвара: «Я думаю, мы исчерпали все наши аргументы».

«На самом деле, — заключил Шрила Прабхупада, — у них нет ни одного сильного аргумента. Следовательно, все это просто план Кришны, который хочет помочь нам заявить о себе. В результате мы приобретем еще большую известность». Он сказал, что, нападая на преданных, противники дают им еще одну возможность проповедовать. Но, чтобы правильно вести себя на судебных процессах, а также противостоять другим серьезным противникам, преданные должны знать, как проповедовать. Они должны всегда оставаться сильными духом. Так он готовил своих учеников к сражению, наставляя их и днем, и ночью.

Бхубанешвар,
январь 1977 года

Через месяц Рамешвару Свами сменил на посту секретаря Прабхупады Сатсварупа дас Госвами, который также входил в состав Джи-би-си. Однажды вечером, сидя в комнате Прабхупады, Сатсварупа сказал:

— Шрила Прабхупада, когда я приехал сюда, Рамешвара Махараджа упомянул, что вы говорили о том, как сознание Кришны приобретет в США огромное влияние, но мне очень трудно себе это представить, поскольку сейчас картина прямо противоположная.

— Это так, — сказал Прабхупада, — но наше Движение только-только пустило корни. Его надо поливать и защищать, и тогда оно принесет плоды. Вы должны защищать его. Нужно, чтобы люди узнали о нас из наших книг, и мы должны рассказать им об этих книгах.

— Значит это произойдет не в одночасье?

— Нет, движение будет расти постепенно. Семя уже посеяно. Теперь нужно оберегать этот росток, неся в каждый дом все больше и больше книг о сознании Кришны.

И снова Прабхупада заговорил о предстоящем процессе в Нью-Йорке:

— По крайней мере скажите им, чтобы они прочли наши книги. Это наше условие. Наша защита должна строиться так: сначала прочтите эти книги, а потом судите о нас. Прочтите их все, а потом выносите приговор. Дайте им все восемьдесят четыре тома.

Шрилу Прабхупаду захватила мысль о судьях и адвокатах, читающих его книги. Он говорил совершенно серьезно и настаивал на том, чтобы преданные заставили чиновников прочесть эти книги в качестве судебного доказательства. Шрила Прабхупада продолжал:

— Кришна говорит: *сарва-дхарман паритйаджйа*, — «Предайся Мне и оставь все другие религии». Здесь может возникнуть вопрос: «Зачем нам предаваться Кришне?» Об этом можно спорить хоть три года. За этим вопросом неизбежно последуют другие: Кто такой Бог? Что представляет

собой творение? Каково наше место в нем? Почему нужно предаться Богу? и т.д. и т.п. Что вы об этом думаете?

— Да, мы должны как можно больше рассказать на суде о наших книгах, — сказал Сатсварупа. — Я напишу в Нью-Йорк и попрошу их уделить этому максимум внимания.

— Принесите в суд все наши книги, — сказал Прабхупада. — Когда-то в Калькутте жил один знаменитый адвокат, господин Гхош. Однажды в качестве доказательства он принес на процесс кипу книг. Судьи, которые были его друзьями, стали подтрунивать над ним: «Что же это вы, господин Гхош, целую библиотеку сюда принесли?» «Да, уважаемые, — сказал мистер Гхош, — я хочу научить вас праву». — Шрила Прабхупада засмеялся и повторил: — Да, уважаемые, я хочу научить вас праву.

Прабхупада хотел, чтобы на нью-йоркском процессе его ученики применили ту же самую тактику. Если судья станет возражать и скажет: «Зачем вы принесли сюда все эти книги? Чтобы отвлечь мое внимание?», — преданные ответят ему: «Вы должны нас выслушать. Пусть это займет двенадцать лет, но выслушать нас вы обязаны. Таков закон». Это был явно не самый легкий путь, но преданные знали, что они должны попробовать. Таково было конкретное указание Шрилы Прабхупады по поводу того, как следует вести процесс.

— Мы должны сказать, — говорил Прабхупада, — что мы никому не пытались промывать мозги. Мы действовали в строгом соответствии с указаниями *шастр*. Вот наши доказательства. Мы ничего не придумали сами. Пусть они прочтут все наши книги. Думаю, именно так вам нужно строить свою защиту.

— Наша защита уже изложена в этих книгах, — сказал Хари-Шаури.

— Показать им отдельные главы? — спросил Сатсварупа. — Или мы должны настаивать на том, чтобы они прочли все наши книги?

— Все до единой! — воскликнул Прабхупада. — От корки до корки! Наша защита — это восемьдесят четыре тома!

— Но они скажут, — вмешался Гуру-Крипа Свами, — что, прочитав эти книги, они тоже подвергнутся промыванию мозгов.

— Это мой долг, — отвечал Прабхупада. — Вы пытаетесь промыть мозги мне, а я — вам, и этому не будет конца. Это борьба. Схватка. Вы испытываете свою силу, а я — свою. Иначе что же это за борьба? Вы вправе не соглашаться со мной, а я имею право не соглашаться с вами. Теперь давайте мериться силами.

Майяпур,

7 февраля 1977 г.

Свыше восьмидесяти мальчиков-бенгальцев, учащихся *гуру-кулы*, и около сотни других преданных приветствовали Прабхупаду у главного входа в Майяпур-Чандродая-Мандир. Владения ИСККОН утопали в цветах, и

свежевыкрашенное здание храма сияло, словно красноватые лучи восходящего солнца. Новое здание, длинный жилой корпус, было почти готово. «Вот я и вернулся домой, обратно к Богу», — тихо сказал Прабхупада, когда машина въехала в ворота и стала медленно приближаться к храму.

Позднее, сидя у себя в комнате на втором этаже, Шрила Прабхупада хвалил преданных за то, что они так хорошо убрали территорию и разбили такой замечательный парк. Его комната, украшенная множеством цветов, была похожа на сад. «Эти цветы — ваш первый успех», — сказал Прабхупада. Расслабившись, он откинулся назад. У него было то особое, благодушное настроение, которое приходило к нему всякий раз, когда он оказывался в милом его сердцу Майяпуре. «Служа Кришне, — сказал он, — вы хотите что-то сделать для Него, и Его это очень радует. Для служения Кришне нам нужны цветы, и Кришна дает нам их. Все, чего мы желаем, нужно нам для Кришны, а не для собственного удовольствия. В служении Кришне можно делать очень многое — этому учил Бхактисиддхант Сарасвати».

Затем Шрила Прабхупада захотел осмотреть новое здание, которое, по словам Джаяпатаки Свами, бы по самым длинным зданием в Западной Бенгалии, — более двухсот метров длиной. Шрила Прабхупада сказал, что оно похоже на поезд. Он осмотрел все комнаты и напомнил, что они должны быть готовы к празднику. Проходя по веранде он заметил: «Эта веранда совсем как Пятая авеню».

Следующие несколько дней прошли спокойно. Ближе к полудню Прабхупаде делали массаж на крыше, сплошь уставленной цветами в горшках. Однажды, стоя на веранде около своей комнаты, он смотрел вниз на газон, где одна из его учениц собирала цветы для Божеств. «Это и есть храм, — сказал он, — здесь все время что-нибудь происходит. И с каждым сорванным цветком она приближается к Богу». Прабхупаде особенно нравилось, что Майяпур-Чандродая-Мандир постоянно расширяется и становится все краше. Стоя на балконе, он любил смотреть, как в храм приезжают гости и как работают преданные, претворяя в жизнь все новые и новые планы.

Однако со здоровьем у Прабхупады по-прежнему было не все в порядке; причиной этого, по его словам, являлся дисбаланс *питты* и *ваю* (желчи и воздуха). Однажды утром, на вопрос слуги о том, как он себя чувствует, Прабхупада ответил: «Очень плохо». Но иногда после «очень плохого» утра он начинал чувствовать себя гораздо лучше.

Преданные знали, что болезнь Прабхупады вызвана не материальными причинами, и все же она беспокоила их. За последние годы он пережил несколько кризисов, но преданные знали, что его болезни были трансцендентными и их ход определял Сам Кришна. В 1974 году, когда, находясь во Вриндаване, Прабхупада тяжело заболел, он сказал, что причиной болезни является то, что его ученики недостаточно строго следуют принципам сознания Кришны. Его ученики знали, что, если их и в самом деле беспокоит здоровье их духовного учителя, они должны неукоснительно следовать всем его указаниям. Он по-прежнему был готов идти на риск:

принимать новых учеников, ездить и проповедовать, но его ученики должны стараться не делать ничего, что могло бы повредить его здоровью. Большинство учеников Прабхупады надеялось на то, что его здоровье скоро поправится. Да и сам Шрила Прабхупада мало думал о своей болезни, он был слишком поглощен мыслями о том, как распространить движение сознания Кришны.

Через несколько дней после своего приезда в Майяпур Шрила Прабхупада, сначала на машине, а затем на пароме, отправился в Навадвипу, чтобы посетить *ашрам* своего духовного брата, Бхактиракшаки Шридхары Махараджи. Но когда Прабхупада поднимался по крутым каменным ступенькам, ноги у него подкосились и он упал. К счастью, Хари-Шаури шел рядом и успел его подхватить. Это был уже второй случай за последние две недели. Оба раза это случилось с ним во время проповеди, но и в тот, и в другой раз он продолжал активно проповедовать и заниматься обычными делами, даже не вспоминая о случившемся.

Однажды утром после завтрака Прабхупада стоял на веранде и смотрел на расстилавшийся перед ним Майяпур. Обернувшись к Хари-Шаури, он сказал: «В сущности, даже если я умру прямо сейчас, в этом не будет большой беды. Я заложил основу, и для того, чтобы добиться успеха, вам нужно просто поддерживать все надлежащим образом и продолжать все начатое мной». Эти слова расстроили Хари-Шаури, но он ничего не сказал. Немного помолчав, Прабхупада добавил: «Но я все-таки хотел бы закончить „Шримад-Бхагаватам“».

До Гаура-пурнимы оставалось несколько дней, и в центр ИСККОН каждый вечер приходили тысячи бенгальских паломников. Они шли в храмовый зал, чтобы принять участие в киртане и получить *даршан* Радхи-Мадхавы, а потом осматривали фотовыставку ИСККОН. Это был самый большой и лучше всего организованный фестиваль из всех, которые когда-либо проходили в Майяпуре. Несмотря на противодействие, с которым сталкивались преданные в Америке, движение Господа Чайтаньи развивалось во всем мире. Более пятисот преданных, съехавшихся в Майяпур со всех континентов, были неопровержимым доказательством крепости растущего Движения сознания Кришны.

Рамешвара Свами вернулся в Индию с последними данными о тиражах недавно изданных книг Прабхупады. Только на английском языке было напечатано 43 450 000 экземпляров книг и журналов. А общий тираж книг Прабхупады на двадцати трех языках мира, включая русский, составил 55 314 000, и свыше 90 процентов этого тиража было уже распродано. Рамешвара преподнес Шриле Прабхупаде новую, недавно напечатанную книгу — первую часть Девятой песни «Шримад-Бхагаватам». Радхаваллабха сообщил, что следующее издание «Бхагавад-гиты» будет напечатано таким большим тиражом, что для него потребуются семьдесят шесть вагонов бумаги. Услышав столь впечатляющие цифры, Прабхупада и преданные рассмеялись.

Прабхупада поблагодарил преданных за их упорный труд. «Это благословение моего Гуру Махараджи, — сказал Прабхупада. — Он так хотел этого. И поскольку мы стремимся исполнить его волю, он посылает нам свои благословения».

Шрила Прабхупада по-прежнему много работал: воодушевлял преданных, писал и проповедовал. Однако, вскоре после того как преданные съехались на праздник, он опять тяжело заболел. Его режим работы требовал непомерного напряжения сил, и тем не менее он продолжал заниматься делами.

Члены Джи-би-си собрались в Майяпуре на свою ежегодную трехдневную встречу, и навещали Прабхупаду каждый день. Он выслушал их предложения и, внося кое-какие исправления, утвердил их. Последним пунктом в списке резолюций Джи-би-си стояло проведение во всех храмах ИСККОН круглосуточных киртанов из-за болезни Прабхупады. Преданные уже делали это в 1974 году, когда Прабхупада тяжело болел. «Да, — сказал Прабхупада, услышав об этом решении, — пение святого имени — единственное лекарство от всех болезней».

Около двух недель спустя «Таймс оф Индия» опубликовала на первой полосе сообщение из Нью-Йорка о решении суда. В то время Шрила Прабхупада все еще находился в Майяпуре. Получив газету, Тамала-Кришна Госвами сразу же отнес ее Прабхупаде и по его просьбе прочел заметку вслух:

ДВИЖЕНИЕ ХАРЕ КРИШНА — ИСТИННАЯ РЕЛИГИЯ

Вашингтон, 18 марта. Вчера судья Высокого суда Нью-Йорка объявил Движение Харе Кришна истинной религией. Он отклонил оба обвинения, предъявленных руководителям Движения Харе Кришна: обвинения в «незаконном лишении свободы» и «попытке вымогательства». Эти обвинения были выдвинуты разгневанными родителями одного молодого человека, которые утверждали, будто их сына и еще одного ученика незаконно удерживают в этом Движении и промывают им мозги. «Главный вопрос, который должен был решить суд, — заявил судья, отклоняя обвинение, — заключался в том, будет ли двум предполагаемым жертвам и обвиняемым позволено исповедовать ту религию, которую они выбрали сами, и ответ на этот вопрос может быть только утвердительным». Судья, господин Джон Ли, заявил: «Движение Харе Кришна — истинная религия, которую испокон веков исповедуют в Индии. Меррил Крешовер и Эдвард Шапиро вольны следовать догматам этой веры, и их неотъемлемое право на это не может быть попрано. Закон должен следить за тем, чтобы церковь была отделена от государства. Америка должна оставаться правовым государством. Обвинение, выдвинутое Большим жюри, и форма этого обвинения являются вопиющим нарушением конституционных прав обвиняемых». Судья сказал, что у суда создалось впечатление, будто обвинение с самого начала исходило из ошибочной предпосылки, которая привела его к ложному заключению. В протоколе не отражено ни одной попытки со стороны обвиняемых ввести суд в

заблуждение или обмануть его. Судья заявил: «Нетрадиционность верований и обрядов не может служить основанием для ограничения свободы совести, так же как и мнение общества или отношение к этим верованиям более традиционных религий. Без многообразия религий и права в поисках пути к Богу следовать голосу собственной совести, свобода вероисповедания будет пустым звуком, а не правом, предусмотренным конституцией. Эта попытка, независимо от того, из каких побуждений она была предпринята, является покушением на самое основное и незыблемое право наших граждан — свободу совести». В последние месяцы Движение Харе Кришна подвергалось преследованиям со стороны различных группировок, и это решение суда, как ожидается, должно положить конец нападкам на это Движение в Америке.

«Моя миссия увенчалась успехом, — сказал Шрила Прабхупада. — Я приехал в Америку в 1965 году. И вот теперь, через двенадцать лет, нас наконец признали. Я скитался в одиночестве по улицам со своими книгами. И никому до меня не было дела... Кришна всегда удивителен. Удивительнее Его нет никого. Он может сотворить любое чудо».

Шрила Прабхупада высказал еще несколько одобрительных замечаний по поводу решения суда. Он сказал, что боялся, как бы суд не затянулся на четырнадцать лет, но он не занял и четырнадцати часов. Кришна явил чудо.

* * *

22 марта

Старшие преданные в Майяпуре считали, что Шрила Прабхупада слишком слаб, чтобы путешествовать, ему следует остаться здесь и восстановить силы. Кроме того, из Бомбея поступали противоречивые сообщения. Зная, что комнаты Прабхупады еще не готовы, Сурабхи Свами послал Прабхупаде телеграмму, в которой просил его не приезжать, пока он не закончит работы. Но Гирираджа и другие организовали для Шрилы Прабхупады программу лекций в *пандале* на Азаб-Майдане. Гирираджа уже прислал Прабхупаде приглашение. Прабхупада подумал, что он не вправе упускать эту возможность проповедовать и решил ехать. Он велел своему секретарю отправить из Майяпура в Бомбей телеграмму следующего содержания.

ПРАБХУПАДА ПРИБЫВАЕТ ВО ВТОРНИК В 13.50 КОМНАТЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ГОТОВЫ В ЛЮБОМ СОСТОЯНИИ

Однако, когда Прабхупада прилетел в Бомбей, он был так слаб, что даже не смог сойти по крутому трапу, и экипаж самолета помог ему спуститься на гидравлическом лифте. Когда он ступил на землю, преданные бросились ему

на помощь. Выглядел он плохо, но, увидев преданных, собравшихся в аэропорту, радостно заулыбался.

В «Харе-Кришна-Ленде» работы шли полным ходом. Около двухсот мастеровых разных специальностей под руководством Сурабхи Свами и его помощников заканчивали отделочные работы в храме и гостинице. Человек двенадцать резали красный камень на плиты для облицовки бетонного каркаса отеля, около пятидесяти мраморщиков тесали мрамор для декоративных колонн и арок в храме, а каменщики и отделочники трудились в здании театра. Большая часть работ была закончена, но все по-прежнему выглядело голо, словно обнаженные кости. В гостинице еще не было ни окон, ни дверей, не говоря уже о мебели и шторах, в храме также оставалось много недоделок. Бригады строителей работали быстро, уделяя основное внимание комнатам Шрилы Прабхупады на верхнем этаже одной из башен отеля.

Вступив в свою великолепную резиденцию в «Харе-Кришна-Ленде», Шрила Прабхупада заметил, что превзойти Сурабхи Свами не может никто. «Думаю, нигде на земле у меня нет больше такого жилища, — сказал он. — Лос-Анджелес и Нью-Йорк, а также Лондон и Париж — большие, огромные города, но даже там никто не предоставил мне таких роскошных, поистине царских апартаментов».

Оглядев большую комнату, вся обстановка которой была тщательно продумана, Шрила Прабхупада сказал: «Прямо как моя комната в храме Радхи-Дамодары. В одном углу я пишу, в другом отдыхаю, а в третьем принимаю *прасад*». Это сравнение показалось преданным немного странным, потому что комната в храме Радхи-Дамодары была всего лишь крошечной кельей. И тем не менее Шрила Прабхупада видел существовавшую между ними связь: начало во Вриндаване и кульминация в Бомбее. Но, где бы ни находился Прабхупада, он всегда оставался одним и тем же человеком; и тут, и там он съедал немного *прасада*, писал свои книги и строил грандиозные планы, связанные с распространением сознания Кришны.

Вместе с несколькими учениками и доктором Шармой Шрила Прабхупада обсудил свой распорядок дня в Бомбее. Он сказал, что будет каждый день спускаться на *даршан* Божеств и раз в неделю, по воскресеньям, давать лекцию. Посетителей у себя в комнате он будет принимать только в исключительных случаях.

— Обычно, — сказал он, — люди приходят и спрашивают: "Как поживаете? Как самочувствие?", — и болтают иногда по полчаса. Какой смысл тратить на это время? «Как вы себя чувствуете?" Все и так знают, что я плохо себя чувствую.

— Если хотят, они могут приходиться по утрам в храм, — предложил Тамала-Кришна Госвами.

— Да, — согласился Прабхупада. — Если они действительно хотят меня видеть, я буду спускаться в храм. И они смогут видеть меня там в течение

получаса. А что до разговоров, то все эти вопросы «Как поживаете? Как себя чувствуете?» совсем ни к чему. Это не разговор.

— Вместо этого, — вставил Гаргамуни Свами, — они могут купить внизу ваши книги.

— Да, — сказал Прабхупада, одобрительно кивая головой. — Это пустая трата времени. Я не желаю больше отвечать на эти бесконечные «Как поживаете?».

Прабхупада сказал, что, избежав бессмысленной траты времени и сил, он сможет уделять больше внимания работе над книгами. Преданные заверили его, что такой распорядок дня всем понравится, и все будут рады тому, что Прабхупада работает над Десятой песнью.

— Думаю, я смогу начать работу прямо сегодня, — объявил Прабхупада. — Теперь у меня есть удобная комната, полная свобода, и мне ничто не мешает.

То, что Прабхупада не сможет выходить на утренние прогулки, было ясно без слов. Всякому, кто знал обычный распорядок дня Шрилы Прабхупады, нужно было примириться с его новым образом жизни, — без прогулок по утрам и почти без лекций. Кто-то предположил, что, может быть, Прабхупада захочет гулять на крыше, но даже это было для него слишком трудно.

Время от времени Прабхупада пытался, правда, как правило, безуспешно, снять с себя некоторые административные заботы, связанные, например, с задержкой окончания строительства в Бомбее. Он слышал шум работ, подчас громкий, но больше всего его беспокоил не шум, а медленный ход строительных работ. Иногда он часами сидел, не проронив ни слова, а потом вдруг говорил слуге или секретарю, что его очень огорчают простои. «Вы добросовестные работники, — говорил Прабхупада преданным, которые отвечали за строительство, — но вам явно не хватает сообразительности. Я вижу, что строительство не движется. По-вашему, я должен закрыть на это глаза? Можно и так, но я все-таки кое-что смыслю в этих делах. Как же я могу притворяться, что ничего не вижу? Все то, что они вам рассказывают, — это одни отговорки».

У Шрилы Прабхупады не было постоянного врача. Время от времени приходил какой-нибудь *кавираджа*, ставил диагноз и прописывал лекарство. Но Прабхупада не принимал *кавираджей* всерьез. Он не считал их настоящими врачами, и, если лекарство было горьким или давало плохой эффект, он тут же прекращал его принимать. Все было в руках Кришны, и никакой врач не мог ничего изменить. Прабхупада говорил об относительных достоинствах аюрведических и гомеопатических лекарств, но, подобно другим мирским темам, медицина интересовала его очень мало.

Дни текли мирно, в комнату Шрилы Прабхупады часто залетал ласковый прохладный ветерок, его ум по-прежнему оставался острым и ясным, но здоровье не улучшалось. Приехавший из Майяпура Бхавананда Госвами с любовью ухаживал за Шрилой Прабхупадой, но вскоре ему пришлось вернуться в Бенгалию, чтобы заниматься проповеднической деятельностью.

Шрила Прабхупада сказал, что Бхавананда, вне всякого сомнения, лучше всех делает массаж и ухаживает за своим духовным учителем, но обязанности личного слуги не так важны, как проповедь.

Шрила Прабхупада снова и снова повторял, что лидеры ИСККОН должны готовиться к тому, что им придется продолжать дело без его непосредственного руководства. Однажды, вспоминая свой первый год в Нью-Йорке, он вдруг заговорил о будущем:

— Только, пожалуйста, ничего не испортите. Теперь все зависит от вас, моих старших учеников. Я могу уйти от вас. Здоровье у меня плохое, я уже старик. Так что в этом не будет ничего удивительного. Теперь дело за вами, вы — Джи би-си, вы — молодые, вы — американцы, у вас есть опыт и сноровка. Разума вам не занимать, так что постарайтесь ничего не испортить. Пусть Движение развивается у вас так много прекрасных мест. Работы всем хватит. Даже если я уйду, ничего страшного не случится. Свои идеи и наставления я изложил в книгах. Вам нужно только суметь увидеть их. Я думаю, что сделал свое дело. Или нет? Как, по-вашему, да или нет?

— Да, вы сделали все. Но мы все же хотим, чтобы вы закончили «Бхагаватам», Шрила Прабхупада.

— Это я сделаю, — сказал Прабхупада. — А если даже и не закончу, то тоже ничего страшного. Вы все знаете. Теперь вы сами можете распоряжаться всеми финансами, и, пожалуйста, освободите меня от административной работы. Я прошу вас только об одном — ничего не испортите. Иногда я ругал вас, но делал это только для того, чтобы вы ничего не испортили.

Прабхупада сказал, что он будет счастлив, если дела ИСККОН под руководством его лидеров будут идти хорошо. «А я буду продолжать писать книги. Хорошо?» Он сказал, что на время перестанет есть. Поскольку у него нет никаких физических нагрузок, нет смысла подавать ему на обед *чапати* и рис.

Гирираджа возразил, что преданные доставляет удовольствие видеть, как Прабхупада наслаждается *прасадом*. Но Шрила Прабхупада не обратил на его слова никакого внимания и сказал: «Для того, чтобы мозг продолжал работать, мне будет достаточно немного фруктов или даже одного молока».

Однако такие настроения — когда Прабхупада намекал о скором уходе и заводил речь о необходимости отойти от дел и поститься — длились недолго. В эти минуты он был практичным, здравомыслящим реалистом, но вскоре опять возвращался к делам, обещал и впредь заботиться о своих учениках и о своем Движении. Поговорив недолго на подобные темы, он снова принимался яростно обличать глупость ученых и политиков.

Временами Шрила Прабхупада заводил речь о том, чтобы поехать в какое-нибудь более благоприятное для его здоровья место. Был май, и в Бомбее стояла нестерпимая жара. Приближался период муссонов. Он хотел поехать в Кашмир, воздух и вода которого славились своими целебными свойствами, но преданным никак не удавалось найти подходящее жилье, да и погода там была

еще слишком прохладная. Наконец, однажды к нему пришел Шриман Нараян, бывший губернатор Гуджарата.

— Вам необходимо позаботиться о своем здоровье, — сказал он. — Я надеюсь, сейчас вы чувствуете себя получше.

— Что вы, машина-то старая, — засмеялся Прабхупада. — Чем больше ее лечишь, тем хуже она становится. Но работу я не прекращаю. Работа не останавливается. Мое главное дело — писать книги, и его я не брошу никогда.

В комнате было еще несколько гостей-индийцев, и они стали рекомендовать Прабхупаде места со здоровым климатом: Сринагар, Кашмир, Дехрадун, Майсур, Симла, Хардвар.

— Да, вода в Хардваре хорошая, — сказал Шриман Нараян, — но еще лучше она в Хришикеше, где течет Ганга. Раз место на берегу у Ганги, значит вода там отличная. Хотите поехать туда?

Так выбор пал на Хришикеш, и Прабхупада решил уехать из Бомбея через неделю.

* * *

Первая неделя в Хришикеше была совершенно идиллической и неземной. Погода стояла изумительная. Появилась надежда на то, что Прабхупада скоро начнет есть и поправляться. Но на восьмую ночь налетел страшный ураган, и здоровье Прабхупады резко ухудшилась. Он сказал, что конец близок, и попросил немедленно отвезти его во Вриндаван, на тот случай, если Кришна захочет, чтобы он вскоре покинул этот мир.

Живя в Хришикеше, преданные, да и сам Шрила Прабхупада, пребывали в прекрасном настроении. Когда они переправлялись на лодке через Гангу, Прабхупада попросил, чтобы воду для питья набирали посередине реки. Прабхупаде нравился домик, который предоставил ему хозяин, он даже иногда выходил на кухню и учил преданных готовить. Слух о приезде А.Ч. Бхактиведанты Свами мгновенно облетел этот городок паломников и туристов, и Прабхупада согласился давать *даршаны* ежедневно с пяти до шести часов вечера. К этому времени комната наполнялась народом, каждый день приходило до сорока-пятидесяти человек, в том числе хиппи с Запада и туристы, а также индийцы, совершавшие паломничество или проводившие в Хришикеше отпуск. Хотя голос у Шрилы Прабхупады был совсем слабым, говорил он напористо и все время подчеркивал в своих речах значение «Бхагавад-гиты».

Когда один американский хиппи стал задавать ему скептические вопросы, Прабхупада ответил: «Вы никогда не поймете этого, потому что вы сумасшедший». А когда одна дама заявила, что забота о ближнем является, по ее мнению, высшей добродетелью, Прабхупада ответил: «Проявлять такое сострадание, — все равно что дуть на фурункул, надеясь тем самым его вылечить».

С Прабхупадой в Хришикеше было всего несколько учеников, и они уже решили, что произошло чудесное исцеление. Прабхупада не только учил их готовить, но и рассказывал при этом разные истории. Как-то он сказал, что только лентяй не умеет готовить, и в качестве примера рассказал бенгальскую притчу о двух лентяях. Жил-был царь. Однажды он решил собрать всех лентяев своего царства в богадельню и накормить их. Народу пришло много, и каждый клялся:

«Я — лентяй». Тогда царь велел своему министру поджечь богадельню, и тут все, кроме двух человек, выскочили из горящего дома. Один из этих двоих сказал: «Что-то спину жжет». А второй посоветовал: «А ты перевернись на другой бок». Тогда царь сказал: «Вот это настоящие лентяи. Накормите их».

Однако вечером 15 мая Шрила Прабхупада не мог ни спать, ни переводить. Ураган, предвестник сезона дождей, повредил линии электропередачи и оставил Хришикеш без электричества. Поскольку вентиляторы не работали, а ставни на окнах из-за ветра пришлось закрыть, в комнате стало очень жарко и душно.

В пять часов утра Шрила Прабхупада позвал Тамала-Кришну Госвами и сказал, что чувствует слабость. Тамала-Кришна целый час делал Прабхупаде массаж. Ветер не стих даже под утро и по-прежнему нес с собою песок.

Ураган продолжался и на следующую ночь, света опять не было. Тамала-Кришна спросил Прабхупаду, почему его руки и ноги так отекали. Прабхупада раздраженно ответил: «Что ты беспокоишься? Это мое тело, а я не волнуюсь». Немного помолчав, он добавил: «С материальной точки зрения, это не предвещает ничего хорошего. Продумай, пожалуйста, что нужно сделать, чтобы передать все дела Джи-би-си. Я хочу, чтобы без меня все шло своим чередом. Составь завещание, и я его подпишу». Теперь он напрямую говорил о том, о чем раньше говорил лишь намеками.

Неожиданно в половине второго ночи Прабхупада позвонил в колокольчик. На его зов пришли Тамала-Кришна и Кширачора-Гопинатха. Лежа под москитной сеткой, Прабхупада произнес: «Как я уже говорил, симптомы не предвещают ничего хорошего. Я хочу немедленно уехать во Вриндаван. Если мне пришло время умирать, то пусть это произойдет во Вриндаване». Поскольку он хотел уехать тот час, преданные всю ночь паковали вещи и готовились к отъезду. Билеты на поезд заказать не удалось, поэтому они решили ехать на машине.

* * *

Когда они свернули с шоссе Дели — Агра, Прабхупада впервые увидел каменный указатель с надписью: «Бхактиведанта Свами Марг». Вскоре они встретились с Гунарнавой, который ждал их, сидя на мотоцикле. Радостный и возбужденный, он помчался вперед, чтобы сообщить преданным в Кришна-Баларам-Мандире о приезде Прабхупады. У ворот храма собралась большая группа преданных, в том числе все дети из гурукулы, которые устроили

большой киртан. Они пели и танцевали, приветствуя Прабхупаду. Четверо преданных отнесли Прабхупаду на паланкине в храм, где он поклонился Божествам — Кришне и Балараме. После церемонии *арати*, устроенной в его честь, Шрила Прабхупада произнес короткую речь перед собравшимися преданными.

«Если уж умирать, — сказал он, — то лучше всего здесь». Глядя на него и слушая столь неожиданные слова, некоторые преданные в зале заплакали. «Да, — продолжал он, — ничего нового я вам уже не скажу. Все, что я мог сказать, я сказал в своих книгах. А вы постарайтесь понять то, что в них написано, и продолжайте начатое мною дело. С вами я или нет, особого значения не имеет. Кришна живет вечно, и индивидуальная душа, живое существо, тоже живет вечно, но *къртир йасйа са джйвати*. Кто служил Господу, остается жить на веки веков. Я научил вас служить Кришне, а тот, кто живет с Кришной, будет жить вечно. Смерть этого тела не имеет никакого значения. Тело для того и предназначено, чтобы умереть. Так что служите Кришне и живите вечно».

Через день после своего приезда во Вриндаван Шрила Прабхупада писал:

Я поехал в Хришикеш в надежде поправить здоровье, но вместо этого немного ослаб. Теперь я вернулся домой, во Вриндаван. Если что-то случится, по крайней мере, я буду здесь, во Вриндаване.

Шрила Прабхупада послал за Тамала-Кришной Госвами: «Есть два пути, — сказал он, — пытаться выжить и готовиться к смерти. Лучше подготовиться к худшему. Сделай так, чтобы рядом со мной всегда было три или четыре человека. Нужно, чтобы киртан и чтение „Бхагаватам" не прекращались. Сейчас я буду пытаться есть. Парикшит Махараджа даже воды не пил».

Видя, в каком состоянии находится Шрила Прабхупада, Тамала-Кришна упомянул о необходимости написать завещание. Прабхупада согласился.

Завещание нужно было написать не потому, что уже наступил конец, но чтобы «подготовиться к худшему». Нужно было также разобраться с делами, не откладывая это на последнюю минуту. Прабхупада хотел оградить свое Движение от возможных неприятностей, и потому должен был позаботиться о том, чтобы вся собственность ИСККОН осталась во владении его учеников, членов Общества, и чтобы в будущем его указания не вызывали кривотолков. Все это необходимо было зафиксировать в завещании. Все секретари Джи-би-си должны собраться во Вриндаване, чтобы уладить эти дела и побыть рядом с ним.

Тамала-Кришна решил еще раз удостовериться, что Прабхупада и в самом деле хочет, чтобы члены Джи-би-си со всех концов земли приехали во Вриндаван. Это будет связано с большими расходами и определенными трудностями, поэтому он хотел убедиться, что Прабхупада действительно желает этого. Когда же Шрила Прабхупада подтвердил это, Тамала-Кришна, видевший свой долг в исполнении любых желаний Шрилы Прабхупады, тоже склонился в пользу этой идеи.

— Они любят вас, — сказал Тамала-Кришна, — и я уверен, что все они захотят приехать и побыть с вами.

— Ваша любовь ко мне, — ответил Шрила Прабхупада, — проявится в том, насколько хорошо вы будете сотрудничать друг с другом и поддерживать единство нашего Общества, когда меня не станет.

Тамала-Кришна Госвами известил о желании Прабхупады всех секретарей Джи-би-си. Шрила Прабхупада может в любой момент покинуть этот мир и хочет, чтобы они были рядом с ним, во Вриндаване. Члены Джи-би-си оставили свои дела и поспешили к Прабхупаде.

Собравшись вместе, они решили, что помимо завещания, которое закрепит собственность ИСККОН за учениками Прабхупады, и перевода на их имя всех банковских счетов, остаются вопросы, которые они, пока не поздно, должны обсудить со Шрилой Прабхупадой. На эти вопросы, например, о том, кто будет давать посвящение будущим ученикам, необходимо было получить ясные ответы, иначе после ухода Шрилы Прабхупады они могут стать источником всевозможных недоразумений и причиной смуты.

Комитет, избранный из членов Джи-би-си, предстал перед Шрилой Прабхупадой, когда тот сидел на кровати в большой комнате на первом этаже. Говорить от имени комитета должен был Сатсварупа дас Госвами, но он смущался и робел. Стоять перед Шрилой Прабхупадой и задавать ему вопросы о том, что делать после его смерти, со стороны могло показаться бестактным. Но другого выхода у них не было. Шрила Прабхупада сам просил, чтобы члены Джи-би-си приехали во Вриндаван и позаботились о подобных вещах.

— Шрила Прабхупада, — сказал Сатсварупа, — остальные члены Джи-би-си попросили нас прийти к вам и задать несколько вопросов. Мы все — члены Джи-би-си первого состава, каким его создали вы. Наш первый вопрос касается секретарей Джи-би-си. Мы хотим знать, как долго они должны занимать этот пост?

Медленно глухим голосом Шрила Прабхупада проговорил:

— Они должны оставаться на своем посту пожизненно. Я отобрал в Джи-би-си лучших учеников и сменять их нельзя. Если же найдутся другие достойные кандидаты, их тоже нужно будет включить в состав Джи-би-си.

Сатсварупа спросил, что делать, если член Джи-би-си сам оставляет свой пост. Прабхупада ответил, что тогда Джи-би-си должен поставить на его место другого.

— Наш следующий вопрос, — продолжал Сатсварупа, — касается того, как давать в будущем посвящение, особенно когда вас уже не будет с нами. Мы хотим знать, как давать первое и второе посвящение.

— Да, — сказал Шрила Прабхупада, — я порекомендую некоторых из вас.

То, о чем он неоднократно писал в своих комментариях, теперь предстояло претворить в жизнь: его ученики сами станут гуру, и у них будут свои ученики.

Затем Сатсварупа спросил Прабхупаду о Би-би-ти.

— В настоящее время без вашего просмотра и одобрения не может быть опубликован ни один перевод. Поэтому на будущее мы хотим знать, какова должна быть система издания тех переводов, которые вы, может статься, уже не увидите?

— Это мы должны продумать досконально, — ответил Прабхупада. Он согласился с тем, что в будущем его ученики могут продолжать переводить книги с санскрита, но предостерег: — Среди моих учеников, я думаю, лишь немногие смогут переводить как следует.

Шрила Прабхупада перечислил основные качества, необходимые переводчику вайшнавской литературы, написанной на санскрите. Прежде всего он должен быть осознавшей себя личностью.

— Иначе, если переводить буквально, ничего не выйдет. Мои комментарии нравятся людям потому, что основаны на практическом опыте. Тот, кто не осознал себя, никогда не добьется этого

Шрила Прабхупада уже продиктовал Тамала-Кришне Госвами основные пункты своего завещания. Джи-би-си должен стать высшим руководящим органом ИСККОН. Каждым владением ИСККОН будут управлять три попечителя, которых назначит Джи-би-си. Джи-би-си предстояло подготовить детальный проект завещания и оформить его у юриста.

Составляя завещание, Шрила Прабхупада хотел защитить свой ИСККОН. Он говорил, что у преданного нет ни капли корысти — он все делает только для Кришны. Однако, сохраняя свою чистоту, он не должен быть наивным. ИСККОН — разветвленная, растущая организация со своей собственностью и капиталами, которые должны полностью использоваться для служения Кришне. Шрила Прабхупада призвал членов Джи-би-си не терять бдительности.

Стало совершенно ясно: приближается день, когда детям Прабхупады придется повзрослеть и взять на себя руководство и управление созданным им Обществом, самим защищать его и расширять его границы. Может быть, эта встреча была для них последней возможностью учиться непосредственно у Прабхупады и быть рядом с ним, повторяя святые имена, последней возможностью пообещать ему полностью посвятить себя исполнению его желаний, связанных с будущим ИСККОН.

Через несколько дней окончательный вариант завещания был заверен у нотариуса. Члены Джи-би-си, каждого из которых ждали неотложные административные дела в своей зоне, чувствовали, что пора возвращаться домой. Когда некоторые из них выразили желание вернуться и продолжить прерванную деятельность, Прабхупада согласился с этим. Пробыв вместе неделю, они стали один за другим разъезжаться. В течение следующей недели почти все члены Джи-би-си уехали из Вриндавана, и Шрила Прабхупада остался там со своей небольшой свитой. Преданные из храма Кришны-Баларамы круглосуточно вели киртан.

В июне во Вриндаване стояла обычная для этого времени погода. Небо, раньше ярко-голубое, с приближением сезона дождей подернулось дымкой. С полудня до четырех часов дня земля так накалялась, что по ней невозможно было ходить босиком, и жители Вриндавана сидели дома, а делами занимались только утром или под вечер. Днем невозможно было даже есть, так как от жары пропадал аппетит. Ямуна обмелела, и ее ставшая горячей вода больше не приносила облегчения. Коровы ходили тощие, так как вся трава выгорела, и им нечего было есть. Налетавшие временами горячие сухие ветры подымали над Вриндаваном тучи пыли. Мухи и комары дохли прямо на лету. Одной из немногих прелестей этого лета был аромат цветов бенгальской айвы, которая обвивала ограду садика Прабхупады и, несмотря на палящий зной, продолжала цвести.

В начале июня появилась некоторая надежда на то, что Шрила Прабхупада все-таки выздоровеет. Он попросил возобновить утренние поездки на автомобиле. Когда его снесли вниз к машине, он сказал: «Скоро я смогу спускаться сам». Приехал его старый друг из Аллахабада, доктор Гхош, который поставил диагноз Прабхупаде: беспокойство за преданных, членов Движения сознания Кришны. Доктор велел Шриле Прабхупаде регулярно измерять давление, прописал ему множество лекарств и назначил специальные процедуры. Шрила Прабхупада согласился с его диагнозом, но предписания выполнять не стал. Он чувствовал себя лучше после массажа, который делали ему слуги. Если так пойдет дальше, говорил Прабхупада, то через месяц-полтора он сможет поправиться. Но он всегда подчеркивал: «Я не уеду из Вриндавана до тех пор, пока полностью не выздоровею».

* * *

В июле во Вриндаване начался сезон дождей. Уже в начале месяца на небе стали скапливаться тучи, а к середине июля дожди лили каждый день. Воздух был напоен ароматом цветов дерева *кадамба*, а после дождя к нему примешивался горьковатый луковый запах цветов *нима*. Павлины, распустив хвосты, в упоении танцевали, призывая своих подруг. Порою дождь заставлял Прабхупаду на открытой веранде, сидящим на кровати или за рабочим столом. Тогда слуги бросались к нему и старались как можно быстрее унести его в дом. Временами, когда из-за дождя Прабхупада не мог находиться в саду, он сидел на крыльчке и любовался садом оттуда. Но благом было уже то, что сорокаградусная жара спала и дышать стало намного легче.

Прабхупада спокойно отдыхал, занимался своими обычными делами и ждал, когда прояснится, чего же от него хочет Кришна. Он часто просыпался в шесть утра и, открыв глаза, видел у своей постели Тамала-Кришну. Он протягивал руки, показывая, что хочет сесть. Тамала-Кришна или другой слуга легонько поглаживали ему спину, а Шрила Прабхупада говорил о том, что больше всего беспокоило его в тот момент.

Из преданных мало кто приезжал во Вриндаван, и гостям редко позволяли увидеться с Прабхупадой. Здоровье его не улучшалось, но кризис миновал. Он по-прежнему почти ничего не ел, и потому сил у него не прибавлялось. Главным его лекарством был киртан, «Шримад-Бхагаватам» и «Чайтанья-чаритамрита».

В июле работа над «Шримад-Бхагаватам» шла особенно хорошо. Шрила Прабхупада по-прежнему диктовал рано утром, а также во второй половине дня, и за месяц закончил работу над восьмой и девятой главами Десятой песни. Работа приносила ему огромное удовольствие. Переводя «Шримад-Бхагаватам», он совершенно забывал о своем физическом состоянии. Ему не могли помешать ни перебои сердца, ни слабость. Прабхупаде было трудно даже сидеть, но стоило ему начать работать, и его уже нельзя было остановить.

Забыв о своем теле, Прабхупада с микрофоном в руках терпеливо и обстоятельно рассказывал о том, как семейный жрец Махараджи Нанды, Гаргамуни, проводил обряд наречения маленького Кришны. В комментариях Шрила Прабхупада часто делился с читателем личным опытом и собственными мыслями.

Шрила Прабхупада работал то в предутренней прохладе на веранде, то в послеполуденной влажной жаре. Он открывал миру безграничное ведическое знание, как это делали его предшественники — шестеро Госвами и Кришнадас Кавираджа, когда, живя во Вриндаване, прославляли Кришну и Господа Чайтанью. Однако Шрила Прабхупада был первым великим ачарьей, который сделал книги о философии сознания Кришны доступными для людей всего мира, независимо от их происхождения и наклонностей. В то самое время, когда он работал над последними главами «Шримад-Бхагаватам», тысячи юношей и девушек по всему миру проповедовали от его имени откровение Вед. Они, его ученики, все время помнили о том, что Шрила Прабхупада, больной, работает во Вриндаване над комментариями к Десятой песни, и молили Господа Кришну, чтобы Он даровал ему много лет жизни и позволил завершить работу над «Шримад-Бхагаватам».

Шрила Прабхупада хотел, чтобы все написанное им было напечатано и распространено; это было его служением своему Гуру Махарадже. Он получал огромное удовлетворение, когда слышал, что его книги распространяются по всему миру. Харикеша Свами, курировавший в Джи-би-си Северную и Восточную Европу, сообщал, что он большими тиражами печатает книги на тринадцати языках. Не успев дослушать это сообщение до конца, Шрила Прабхупада воскликнул; «Да благословит тебя Бхактисиддханты Сарасвати Махараджа! Ты — самый замечательный внук Бхактисиддханты Сарасвати! Продолжай в том же духе».

Аналогичным образом, Шрила Прабхупада побуждал секретаря Джи-би-си по Индии, Гопала-Кришну, быстрее переводить его книги на хинди и издавать их, все время увеличивая тиражи. Всякий раз, когда Гопала-Кришна приходил к Шриле Прабхупаде без новой книги, тот порицал его за нерасторопность. Поэтому Гопала-Кришна стал приходить к Прабхупаде

только тогда, когда мог принести с собой новую книгу. Когда в середине июля Гопала-Кришна принес ему экземпляр второй части Первой песни «Шримад-Бхагаватам» на хинди, Шрила Прабхупада просиял от счастья. Он сказал: «Теперь он не придет, пока не выпустит еще одну книгу, потому что я каждый раз ругаю его: "Где книги? Где книги?"»

К концу июля здоровье Прабхупады опять ухудшилось, и он опять стал говорить о том, что конец может наступить в любую минуту.

Уже в течение полугода Тамала-Кришна непрерывно исполнял обязанности личного секретаря Прабхупады. Он стал его глазами и ушами, его поверенным, особенно в административных вопросах, касавшихся руководства ИСККОН. Он стал также его наперсником, делившим с Прабхупадой его трансцендентные переживания. Как верный слуга, он решил попробовать теперь другое лекарство. В последнее время Шрила Прабхупада не раз говорил о своей глубокой любви и привязанности к ученикам, занимающимся проповеднической деятельностью. Это навело Тамала-Кришну на мысль о том, что если Прабхупада съездит на Запад и увидится со своими учениками, то такая поездка вдохнет в него новую жизнь, и он сказал об этом Прабхупаде.

— Но если я буду умирать, — ответил Прабхупада, — я хотел бы, чтобы это случилось во Вриндаване.

Тамала-Кришна возразил, что Шриле Прабхупаде еще рано думать о смерти. Если он поедет на Запад, увидит преданных, попробует *прасад*, приготовленный из продуктов, которые выращены на фермах ИСККОН, то непременно откликнется на преданность своих учеников, и к нему вернутся аппетит и силы.

Тамала-Кришна развивал свою мысль дальше:

— Там, среди преданных, которые ради распространения сознания Кришны и ради вас, готовы пожертвовать жизнью, вы почувствуете прилив бодрости. Вам не нужно будет много говорить, достаточно просто присутствовать. Вы увидите преданных, а они — вас, и это будет не слишком утомительно. Да и погода сейчас в Лондоне замечательная. Август — прекрасное время.

Прабхупада повернулся к Упендре и сказал:

— От его слов я уже чувствую себя лучше. Просто слушая об этом, я чувствую прилив сил.

— Шрила Прабхупада, — сказал Тамала-Кришна, — я уверен, что поездка на Запад поможет вам поправить свое здоровье.

— Да услышит Кришна твои слова, — ответил Шрила Прабхупада.

Летом, с началом сезона дождей, для благочестивых индусов начинается особый период, который длится четыре месяца. В течение этих месяцев жители Вриндавана уделяют больше времени чтению священных писаний и посещают святые места. В конце июля 1977 года, когда деревья и кустарники покрылись новым зеленым нарядом, во Вриндаван и в Кришна-Баларам-Мандир стали приходить толпы паломников. Грязь и дождь не мешали их

ликованию, люди облегченно вздохнули после изнуряющей жары и с нетерпением ждали Джхулана-ятру — праздник, во время которого Радху и Кришну качают на качелях. Джхулана-ятра — самый большой праздник во Вриндаване, и в 1977 году он пришелся на середину августа.

Местные газеты регулярно помещали сообщения о состоянии здоровья Шрилы Прабхупады. Жители Вриндавана и окрестных деревень искренне беспокоились о нем. Поэтому многие из них приходили в Кришна-Баларам-Мандир не только по случаю праздника, но и потому, что волновались за Шрилу Прабхупаду. Те, кто приходил в храм к 9 часам утра, могли видеть Шрипу Прабхупаду во время утреннего *даршана* Божеств.

Аппетита у Шрилы Прабхупады по-прежнему не было, и за последние шесть недель он почти ничего не ел. Он спал, принимал массаж, сидел и переводил, уже не соблюдая режима дня. Чувствуя приближение кризиса, он разрешил преданным во всех храмах ИСККОН читать простую молитву: «Господь Кришна, если Тебе будет угодно, исцели, пожалуйста, Шрилу Прабхупаду». Каждое утро он представлял перед Божествами. В темных солнцезащитных очках он сидел в кресле-качалке, выпрямившись и молитвенно сложив ладони, а двое слуг, один впереди, другой сзади, осторожно несли качалку из его комнаты в храм. Сперва они ставили кресло перед Господом Чайтаньей и Нитьянандой, потом перед Кришной и Баларамой, а затем — перед Радхой и Шьямасундарой. После этого они выносили его на середину двора, под дерево *тамала* и опускали кресло на черно-белый мраморный пол.

Шрила Прабхупада сидел лицом к Кришне и Балараме, а преданные рассаживались вокруг него и начинали киртан. В начале киртана двое мальчиков из *гурукулы* вставали, подходили к нему и, подняв вверх руки, начинали танцевать, так что их хлопчатобумажные *чадары* развевались в такт танцу. Обычно Прабхупада ничего не говорил и даже не улыбался, но через некоторое время он снимал с себя гирлянды и отдавал какому-нибудь преданному, а тот надевал их на шеи танцоров. Затем выходили два других мальчика, и тогда первые надевали на них гирлянды, которые им дал Шрила Прабхупада, а сами садились на место. Танец и пение продолжались в течение получаса. Вокруг собирались гости, пришедшие в храм, многие из них клали деньги к стопам Прабхупады, покоившимся на расшитой шелковой подушке.

Решимость Шрилы Прабхупады отправиться на Запад крепла с каждым днем. «Если я смогу поработать еще немного, — говорил он, — наше Общество станет гораздо сильнее. Я хочу еще больше укрепить фундамент ИСККОН».

Однако разговоры Прабхупады о поездке совпали с ухудшением его здоровья. Он стал меньше говорить. Когда Тамала-Кришна попробовал было побудить его взяться за перевод, Прабхупада ответил: «Я возьмусь за него, когда у меня будет настроение. Не принуждай меня. Сейчас мне тяжело и тревожно. Перевод не делается механически».

Паломники, собравшиеся на Джхулана-ятру, в большинстве своем были крестьянами из Раджастхана. И мужчины, и женщины были одеты в яркие разноцветные одежды, руки и ноги у женщин украшены тяжелыми золотыми и серебряными браслетами, которые позвякивали при ходьбе. В городе прибавилось нищенствующих садху. Покрытые пеплом или глиной, с ярким тилаком, они стали привычным зрелищем на улицах Вриндавана. Ямуна во многих местах разлилась, и ее течение стало таким быстрым, что мало кто отваживался купаться в ней. Каждый день тысячи посетителей приходили в Кришна-Баларам-Мандир, который стал одним из самых популярных храмов в Северной Индии. На вечернее *арати* в Кришна-Баларам-Мандире собиралось так много народу, что живущие там преданные не могли даже войти в храм. Им приходилось стоять в самом конце двора за многочисленной толпой. Мальчики из *гурукулы*, встречая гостей, предлагали им журнал «Бэк ту Годхед» на хинди, и каждый из них за вечер продавал по двести-триста экземпляров, что очень радовало Шрилу Прабхупаду.

Дбхирама из Калькутты сообщил, что паспорт Шрилы Прабхупады наконец готов и американское консульство в Калькутте поможет ему получить вид на жительство в США.

Тамала-Кришна побежал наверх, чтобы сообщить об этом Прабхупаде:

— Хорошие новости!

Шрила Прабхупада лежал в постели, но, услышав это известие, захлопал в ладоши и сказал:

— Принеси мне хорошую весть и ты продлишь мне жизнь!

Мыслями он был уже в Лондоне.

— Там такие красивые Божества, — сказал он. — Радха-Лондон-Ишвара — невинный мальчик, вот кто Он такой.

Шрила Прабхупада вспомнил об усадьбе «Бхактиведанта-Мэнор»:

— Там под окнами моей комнаты такая чудесная лужайка! Я думаю, там мне будет хорошо.

* * *

Когда Прабхупада приехал в Лондон, то преданные, увидев его, были потрясены. Они и представить себе не могли, что он так исхудал и что в таком состоянии человек вообще может путешествовать. Преданные, приехавшие в аэропорт встречать Прабхупаду, едва сдерживали слезы. Даже те, кто следил за сообщениями о состоянии здоровья Прабхупады, поступавшими из Вриндавана, эмоционально не были готовы к такой перемене. Прабхупада был таким же трансцендентным, как всегда, даже, пожалуй, еще более трансцендентным чем обычно, но преданные были поражены происшедшей в нем переменой. Он был похож на могущественного мудреца, который ради блага всего человечества долгое время совершал аскезы и стал трансцендентным к своему телу, хотя по-прежнему оставался в нем. И тем не

менее приезд Шрилы Прабхупады в Лондон вселил в их сердца надежду на его выздоровление.

Шрила Прабхупада собирался поехать в Америку сразу после Джанмаштами, который приходился на шестое сентября, то есть через две недели после своего приезда в Англию.

— Я хочу пожить еще немного, — сказал он, — чтобы довести начатое мною дело до конца.

— А как вы собираетесь это сделать, — спросил Тамала-Кришна, — вдохновляя преданных своим личным присутствием, или у вас есть какой-то план?

— У меня есть план, — сказал Шрила Прабхупада, — Я хочу ввести в нашем обществе систему *варнашрамы*. На ферме в Пенсильвании решена главная проблема жизни — проблема питания.

Он хотел утвердить в сельскохозяйственных общинах ИСККОН идеальную ведическую социальную систему. Это было важной и до сих пор не завершенной частью его миссии.

Однако через две недели после его приезда в Лондон, на следующий день после торжеств по случаю его дня рождения, здоровье Прабхупады внезапно ухудшилось. Это был первый кризис после приезда Прабхупады в Англию. Его планы сразу же изменились. Вместо того чтобы ехать в Америку, как планировалось ранее, Прабхупада попросил, чтобы его отправили обратно в Индию, в Бомбей. «Если я проживу еще несколько дней, — сказал он, — то мне хотелось бы присутствовать на открытии бомбейского храма. Мы можем подождать здесь, а потом полететь в Бомбей. Я вложил в этот храм столько сил. Если я увижу его открытие, то смогу умереть спокойно. А если останусь жить, то снова приеду сюда».

Шрила Прабхупада поехал в Бомбей, но и там ему не стало лучше. Наконец он объявил, что предпочитает вернуться в Кришна-Баларам-Мандир во Вриндаван, вместо того чтобы оставаться в Бомбее в таком критическом состоянии.

— Шрила Прабхупада, — сказал Тамала-Кришна, — что же тогда будет со всеми преданными, которые останутся здесь? Они так верно служили вам. Как же они без вас откроют храм? Я хочу сказать, что все преданные, услышав, что вы едете во Вриндаван, тоже захотят приехать туда. Они не захотят оставаться здесь. Они бросят все свои дела и поедут с вами во Вриндаван.

— Пусть приезжают, — ответил Прабхупада, — я не возражаю.

Тамала-Кришна заметил, что, если тысячи преданных съедутся во Вриндаван, чтобы быть рядом с Прабхупадой, это плохо скажется на деятельности ИСККОН во всем мире. Но Прабхупада еще раз повторил: он не возражает против того, чтобы они приехали во Вриндаван. Тамала-Кришна спросил, обязательно ли приезжать всем членам Джи-би-ти, и Прабхупада ответил утвердительно.

Преданные в Кришна-Баларам-Мандире расстроились, увидев, как сильно ухудшилось состояние Прабхупады за последний месяц. В его комнате все было по-прежнему, добавилась только большая двуспальная кровать. Он лег, а преданные задернули шторы и притушили свет. Минут пять он лежал, закрыв глаза и не двигаясь.

— Вот вы и дома, Шрила Прабхупада, — сказал Тамала-Кришна.

Шрила Прабхупада продолжал лежать неподвижно.

Потом, медленно сложив на груди руки, он сказал:

— Спасибо.

Ему как будто стало легче.

— Теперь о вас будут заботиться Кришна-Баларама, — сказал Тамала-Кришна.

Шрила Прабхупада улыбнулся и слегка кивнул головой.

— Да, *кршна твадийа пада панкаджа панджарантам*, — ответил он, имея в виду молитву царя Кулашекхары:

«О Кришна, помоги мне умереть сейчас, чтобы лебедь моего ума запутался в стеблях Твоих лотосных стоп. Иначе как же я смогу думать о Тебе в последнее мгновение моей жизни?».

Хотя состояние Шрилы Прабхупады было критическим, мысли его, как и прежде, оставались полностью сосредоточенными на Кришне — Его имени, Его образе, Его играх и на преданном служении Ему. Прабхупада сказал, что в полдесятого пойдет в храм посмотреть на Кришну и Балараму, как делал это прежде, но его слуги посоветовали ему сегодня отдохнуть и отложить посещение храма до завтра.

— Я сделаю, как вы хотите, — сказал Прабхупада.

Тамала-Кришна спросил Прабхупаду, не хочет ли он, чтобы послали за *кавираджей*.

— Как вы сами говорили, Прабхупада, и в радости, и в горе кто-то должен заниматься делами.

Шрила Прабхупада кивнул.

— Теперь сами распоряжайтесь всем, — сказал он, — а мне позвольте думать о Кришне-Балараме.

В ответ на зов Шрилы Прабхупады все двадцать три члена Джи-би-си один за другим приехали во Вриндаван. На сердце у них было тяжело, но, приходя к Шриле Прабхупаде, они с радостью рассказывали ему об успехах проповеднической деятельности, которой занимались от его имени. Шрила Прабхупада был счастлив слышать их сообщения и, несмотря на свое состояние, старался, как мог, воодушевить лидеров ИСККОН на служение.

В сущности, Прабхупада созвал членов Джи-би-си для того, чтобы, находясь подле него, они пели святое имя. Сейчас больше, чем когда бы то ни было, он нуждался не во врачах, а в лекарстве святого имени Господа. Услышав, что его друг доктор Гхош собирается открыть во Вриндаване

клинику и мог бы назначить ему лечение, Прабхупада наотрез отказался от этого предложения:

— Эти врачи пропишут мне что-нибудь, что, по их мнению, может спасти меня, но я не хочу, чтобы меня спасали. Пусть доктор Гхош открывает свою клинику, только я в ней лечиться не буду.

Тамала-Кришна спросил, не позвать ли на худой конец кого-нибудь из местных, вриндаванских врачей.

— Нет, — ответил Прабхупада, — я согласен только с одним твоим предложением — я хочу все время слышать киртан.

Тамала-Кришна согласился, что киртан — самое лучшее средство, потому что таким образом мы взываем о помощи к Кришне.

— Не надо молить Кришну о моем спасении, — ответил Шрила Прабхупада, — дайте мне теперь умереть.

Когда Харикеше по телефону сказали, что он должен немедленно приехать во Вриндаван, «приготовившись к худшему», он тут же связался с типографией, в которой печаталось несколько новых книг, и сказал, что к завтрашнему дню ему во что бы то ни стало нужно иметь сигнальные экземпляры. Поэтому, когда он поднялся на борт самолета, улетающего в Индию, у него были только что отпечатанные тома Второй песни «Шримад-Бхагаватам» на немецком языке, три тома «Кришны» тоже на немецком и «Шри Ишопанишад» на сербскохорватском. Войдя к Прабхупаде, Харикеша показал ему семь новых книг. Прабхупада тут же взял первый том трилогии «Кришна», подержал его в руках, посмотрел на изображение Радхи и Кришны на обложке и заплакал. Он протянул руку, пытаясь погладить Харикешу по голове. Харикеша отвел руку Шрилы Прабхупады, считая себя недостойным такой милости.

Здесь, во Вриндаване, он целыми днями корпел за пишущей машинкой, — сказал Шрила Прабхупада, имея в виду то время, когда Харикеша был его секретарем. — Я сказал: «Отправляйся отсюда». У меня было десять слуг. Ты думал, что я разжаловал тебя и гоню прочь. Нет. Теперь-то ты понял?

— Да, Шрила Прабхупада, понял, — промолвил Харикеша, глотая слезы.

— Он такой умный, думал я, — рассказывал Шрила Прабхупада. — Чего ради он должен гнить здесь за пишущей машинкой?

Прабхупада оглядел каждую книгу.

— Печать и оформление прекрасные, — сказал он.

Он спросил, каким тиражом напечатаны эти книги.

Харикеша ответил:

— Трилогия «Кришна» — сто двадцать тысяч, Вторая песнь «Шримад-Бхагаватам» — шестьдесят тысяч и «Ишопанишад» — десять тысяч.

— Сможете распространить «Ишопанишад»? — спросил Прабхупада.

Преданные, собравшиеся в комнате, знали, что Харикеша распространял книги Шрилы Прабхупады в странах Восточной Европы, подчас рискуя собственной жизнью. Это еще более усиливало драматичность момента, так

что всем присутствующим при этом передалось волнение Прабхупады и его ученика.

Харикеша заверил Прабхупаду, что они обязательно распространят эту книгу в Югославии.

— Тогда напечатай еще, — сказал Прабхупада.

Они некоторое время обсуждали планы издания книг. По-истине, эти книги были для Прабхупады дороже жизни. Как только Харикеша с новыми книгами вошел в комнату, Прабхупада ощутил глубочайший экстаз, который передался Харикеше и всем находившимся там преданным. Все знали, что эмоции, которые они сейчас испытывают, являются проявлением особой, трансцендентной любви, связывающей их со Шрилой Прабхупадой, и, до тех пор пока они будут искренними, эта любовь будет постоянно жить в их сердцах.

— Теперь вы просто обязаны поправиться, — сказал Харикеша, — выздороветь.

— Выздороветь? — сказал Шрила Прабхупада, — я не имею к этому телу никакого отношения.

Шрила Прабхупада все больше и больше склонялся к тому, что ему пора уходить из этого мира. Когда Тамала-Кришна заметил, что Прабхупада мало пьет, он ответил, что ему просто не хочется.

Преданным было очень трудно примириться с мыслью о неизбежности ухода Прабхупады. Но, чувствуя свое бессилие, они искали утешения в философии. Рупануга сказал, что Прабхупада подобен послу иностранной державы, которого теперь отзывают назад. Джаядвайта сказал, что Прабхупада научил своих учеников тому, как нужно жить, а теперь учит их тому, как нужно умирать. Разговаривая между собой, преданные все время подчеркивали, что сейчас самое важное — работать сообща, и обсуждали будущее ИСККОН. Однако легче им от этого не становилось.

Тем не менее понемногу они свыклись с горькой неизбежностью того, что Прабхупада скоро покинет их. Все свидетельствовало о том, что Прабхупада окончательно решил уйти из жизни, и потому преданные чувствовали себя все более и более подавленными. В редкие светлые минуты на смену подавленности приходила торжественная грусть.

Затем Шрила Прабхупада сказал, чтобы они попросили Нараяну Махараджу, ученика санньяса-гуру Прабхупады, рассказать им о том, как проводить обряд похорон вайшнава.

Он указал также, где должна находиться его усыпальница-*самадхи*, и попросил, чтобы после его смерти во всех главных храмах Вриндавана устроили пир за счет ИСККОН.

Жизнь как будто текла своим чередом. Наступил октябрь, и погода стояла чудесная. Мальчики из *гурукулы* по-прежнему ходили на занятия. В храме, как обычно, шли службы в честь Божеств Кришны-Баларамы. Только теперь перед храмом рабочие начали расчищать место для *самадхи* Прабхупады.

Несмотря на данное им ранее обещание пожить еще немного, Шрила Прабхупада говорил, что его жизнь по-прежнему находится в руках Кришны, как, впрочем, и все остальное. То, что у Прабхупады была свобода выбора, отнюдь не означало, что в своем выборе он был совершенно независим. Напротив, чистый преданный стремится при любых обстоятельствах подчиняться воле Кришны. Выражая чувства, которые испытывали *гопи*, самые близкие преданные Кришны, Господь Чайтанья Махапрабху молился: «О Господь, даже если Ты грубо сожмешь меня в Своих объятиях или разобьешь мне сердце, не показываясь мне на глаза, Ты всегда, при любых обстоятельствах, останешься моим возлюбленным Господом».

Взаимоотношения между Господом и Его чистыми преданными всегда являются в высшей степени личными, поэтому и Господь, и Его преданные обладают желаниями и личной волей. В Своих детских играх Кришна иногда разбивает в доме *гопи* горшки с маслом, а иногда позволяет Яшодде связывать Себя веревками. Желание Господа всегда совпадает с желанием преданных, хотя порой их взаимоотношения принимают форму любовной ссоры. Так и сейчас, несмотря на то что Шрила Прабхупада обещал преданным не покидать этот мир и одолеть смерть, он тем не менее не собирался идти против воли Кришны.

Шрила Прабхупада уже выразил свою покорность воле Кришны в молитве, которую его ученики должны были возносить Господу: «О Господь Кришна, если Тебе будет угодно, исцели, пожалуйста, Шрилу Прабхупаду». Словами «если Тебе будет угодно» он напоминал ученикам о том, что в конечном счете все зависит от Кришны и просил их подчиниться Его воле. Вместе с тем он учил их тому, как правильно обращаться к Кришне с той или иной просьбой. В аналогичной ситуации в 1967 году он дал ученикам другую молитву: «Мой учитель еще не закончил свой труд». Он сказал тогда, что Кришна внял молитвам преданных и исполнил их желание. Сейчас Шрила Прабхупада откликнулся на мольбы преданных, и Кришна предоставил ему право выбора. Но, послушный воле Кришны, Шрила Прабхупада ждал, что будет дальше, стараясь угадать желание Кришны. Он выразил это в словах, обращенных к Киртанананде, когда тот пригласил его в Новый Вриндаван посмотреть на построенный для него дворец: «Там будет видно, в чей дворец я попаду».

В любовных отношениях между Верховным Господом и Его чистым преданным иногда возникают конфликты, и точно такой же конфликт возник сейчас между Шрилой Прабхупадой и его учениками. До того как преданные, окружив его постель, стали отчаянно умолять его остаться с ними, Шрила Прабхупада видел свой долг в том, чтобы научить их искусству умирать. Это было частью его миссии, заключавшейся в том, чтобы показать идеальный пример того, как преданный должен проходить через последнее в своей жизни испытание. Но теперь ученики молили его отложить этот урок и остаться с ними на неопределенный срок, занимаясь проповеднической деятельностью. И Прабхупада согласился, доказав, что если захочет, то может остаться жить.

Однако рано или поздно ему придется вновь вернуться к прерванному уроку и на собственном примере показать, как следует встречать смерть.

Отличительной чертой Прабхупады было то, что в любых ситуациях он вел себя как обыкновенный человек, но при этом всегда оставался отрешенным и трансцендентным всему, что происходило вокруг. На него, как на чистого преданного Господа, не распространялось действие закона кармы — закона воздаяния за благочестивые и греховные поступки. Не карма была причиной его рождения, и не карма будет причиной его смерти. Как говорил Шрила Рупа Госвами, «тот, чье тело, ум и речь целиком отданы преданному служению Господу Кришне, является освобожденной душой, даже если находится в материальном мире». Люди часто неправильно понимают смысл поступков чистого преданного в материальном мире, напоминая этим человека, который, глядя на луну и плывущие мимо нее облака, думает, что движется сама луна. Поэтому *шастры* снова и снова подчеркивают, что ни в коем случае нельзя смотреть на гуру как на обыкновенного человека, подвластного закону кармы.

Однако Шрила Прабхупада, который всегда оставался трансцендентным этому миру, показал обусловленным душам, что они тоже смогут обрести освобождение, если будут постоянно думать о Кришне и служить Ему. Тогда в момент смерти они вернуться к Кришне в Его вечную духовную обитель. Все уроки Прабхупады были очень наглядными и доступными. Например, его книги — это не просто красиво изложенная философия, они являются руководством к действию и целиком основаны на личном, глубоко осознанном опыте. Слова Шрилы Прабхупады никогда не расходились с делами, он сам всегда жил так, как учил жить других. Даже ведя семейную жизнь, он ни на минуту не забывал о проповеди и все свободное время посвящал изданию и распространению журнала «Бэк ту Годхед». В нищете и безвестности он пытался начать духовное движение и по милости Кришны и своего духовного учителя добился успеха. Играя роль простого смертного, он своими трудами доказал готовность совершать любую аскезу и идти на любой риск. На собственном примере он показал, что значит вести духовную жизнь, и этому примеру может последовать каждый. Один, в преклонном возрасте, он отправился на чужбину и пел в нью-йоркском парке мантру Харе Кришна, стараясь привлечь на свою сторону молодых американцев. Поэтому каждый из нас должен последовать его примеру и служить Кришне, невзирая ни на какие препятствия.

Шрила Прабхупада встречал на своем пути множество преград, однако по своей воле и с помощью Кришны он сумел преодолеть все препятствия, явив тем самым замечательный пример для подражания. Пять тысяч лет назад Господь Кришна призвал людей предаться Ему, однако до тех пор, пока пятьсот лет назад Господь Чайтанья на собственном примере не показал, как это сделать, предаться Кришне были способны только избранные. И вот теперь, в двадцатом веке, Шрила Прабхупада сделал сознание Кришны доступным для людей всего мира.

Шрила Прабхупада знал, что, помимо прочих наставлений, он должен дать людям пример того, как следует умирать. По милости Кришны, а также благодаря молитвам учеников и своему чистому и сильному желанию распространить в мире сознание Кришны, ему много раз удавалось избежать неминуемой смерти. Но знаки, которые Господь Кришна дал ему в 1977 году, побудили Прабхупаду приступить к целенаправленному и решительному завершению своей миссии в материальном мире. И одна из его последних обязанностей состояла в том, чтобы научить людей тому, как следует встречать смерть. Он совершенным образом продемонстрировал, как нужно проходить через испытание, которое ожидает каждого, самое трудное испытание — смерть.

Однако ему мешала любовь. Прабхупада любил своих учеников и знал, что они еще не достигли зрелости. Его Движение уже набрало силу и добилось определенного влияния в обществе, но и врагов у этого Движения тоже было достаточно. Все эти годы он защищал свое Движение, своих учеников, так же как, впрочем, и всех живых существ, даже животных. Поэтому, когда самые близкие и верные ученики Прабхупады стали умолять его не покидать их, уверяя, что не смогут обойтись без него, он на время прервал свой урок и согласился остаться с ними и продолжать проповедовать. Но наступит ли такое время, когда они позволят ему уйти? Наступит ли такое время, когда он сможет сказать, что в мире больше нет *майи* и врагов Кришны? Наступит ли такое время, когда его ученики окончательно повзрослеют?

Решив отложить свой уход, Шрила Прабхупада полностью поручил себя заботам учеников. Те, кто был в то время с ним рядом, вспоминали, что никогда прежде Шрила Прабхупада не подпускал своих учеников так близко к себе. Пожалуй, это можно было сравнить только с тем, что происходило в Нью-Йорке в 1966 году, когда он накоротке общался со своими первыми учениками, которые ничего не знали о том, как следует вести себя с духовным учителем. Но те, кто был с ним теперь и помнил те давние времена, говорили, что в эти последние дни они были близки с ним, как никогда раньше.

Как-то Киртанананда стал настаивать на том, чтобы Шрила Прабхупада выпил весь сок, который был в стакане, даже когда Прабхупада сказал, что больше не хочет. Однако настаивая на этом, Киртанананда чувствовал себя неловко. «Я ведь не матушка Яшода, чтобы позволять себе подобные вещи, — сказал он, — я всегда помню о том, что вы — мой духовный учитель». Однако Шрила Прабхупада подчинился настоятельной просьбе Киртанананды. Точно так же Бхавананда, Тамала-Кришна, Бхактичару, Упендра и другие слуги Шрилы Прабхупады уговаривали его соблюдать диету и постоянно заботились о его теле. Видя это, другие преданные вспоминали об Ишваре Пури, который ухаживал за своим духовным учителем, Мадхавендрой Пури, перед его смертью, когда тот стал совсем беспомощным. В «Чайтанья-чаритамрите» сказано, что, заботясь о духовном учителе, Ишвара Пури доказал свою любовь к нему и только благодаря этому получил возможность стать духовным учителем Господа Чайтаньи.

Шрила Прабхупада прервал на время свой последний урок, чтобы дать ученикам редкую возможность заботиться о нем из чистой и безыскусной любви к нему. Он позволял это не только горстке избранных, а всем, кто приезжал к нему во Вриндаван. Приезжали многие, и их всех пускали в комнату Шрилы Прабхупады, разрешали делать ему массаж, сидеть с ним столько, сколько они хотели, и днем, и ночью, повторяя в его комнате святыя имена. Шрила Прабхупада также возобновил работу над переводами, более того, теперь он делал это открыто. Если раньше он всегда переводил в одиночестве, то теперь все, кто хотел, могли присутствовать при том, как он, лежа в постели, диктует комментарии Бхактиведанты. Один преданный тихо читал ему текст на санскрите, а другой в это время держал у его губ микрофон. Подчас Прабхупаду было едва слышно, но он продолжал говорить, а ученики с благоговением наблюдали за тем, как работает их духовный учитель. Его ум был по-прежнему ясным, он цитировал по памяти различные священные писания, и его философские комментарии к стихам были, как всегда, безукоризненно точными и строгими. Прабхупада полностью отдал себя на попечение преданных и даже говорил им: «Никогда не оставляйте меня одного» или «Я не могу без вас жить». Они просили его остаться, и он остался, полностью поручив себя их заботам.

Те, кому выпало счастье служить в то время Прабхупаде, чувствовали, как с их пути одно за другим исчезают все препятствия — нежелание служить и бесчисленные материальные привязанности. Служа Шриле Прабхупаде и общаясь с ним так близко, они постигали могущество абсолютной преданности и начинали понимать, что она будет поддерживать их всегда, даже тогда, когда Шрила Прабхупада уйдет из этого мира.

Как и в предыдущие месяцы, Прабхупада продолжал говорить о том, что не боится смерти и что все его мысли сосредоточены на трансцендентной философии Вед. Приняв от Хридаянанды Госвами только что напечатанные книги на португальском языке, Прабхупада похвалил его и сказал:

— Вот настоящая жизнь. Материальный мир — это всего лишь скелет. В костях нет жизни. Главное — это жизненная сила. Есть кости, или их нет, не так важно. Истинная жизнь — вот что поддерживает скелет. Существует даже предание об одном *риши*, у которого остался один скелет. Есть целая наука, позволяющая поддерживать жизнь в скелете, как это делал Хираньякашипу.

— И как делаете это вы, Шрила Прабхупада, — добавил Тамала-Кришна.

— Так что о костях заботиться надо, пока это возможно, — сказал Прабхупада, — но настоящая жизнь здесь, и вы должны всегда помнить об этом. Жизнь в материальном мире сводится к заботам о костях и плоти. Однако люди не знают, что они духовны по природе.

Когда к Шриле Прабхупаде пришел Атрея Риши и попросил его приехать в Тегеран, Прабхупада сказал, что готов ехать, но «вам придется везти туда мешок с костями». Все это, разумеется, были разговоры на ту же тему, которую он неоднократно затрагивал в своих книгах. Но, когда Прабхупада обращался

к своему нынешнему положению, эти уроки становились еще более наглядными и убедительными.

Некоторые преданные сравнивали Прабхупаду с Бхишмадевой, который до самого последнего дня продолжал давать наставления. Бхишма не чувствовал боли; покаясь на ложе из стрел, он вел со своими потомками мудрые и проникнутые любовью беседы и сам определил время своего ухода из этого мира. Подобно этому, Шрила Прабхупада доживал последние дни, забыв о своем физическом состоянии, бросая вызов смерти и наставляя своих еще духовно незрелых сыновей. Однако сыновья Прабхупады не могли больше стоять рядом и просто слушать его философские наставления. Прабхупада откликнулся на их любовь и преданность, когда они умоляли его остаться с ними, и теперь они хотели проявить свою любовь и преданность в том единственном понятном для них мире, в котором Прабхупада жил, разговаривал с ними, смеялся или отчитывал их, когда хотел. Они ждали, когда он снова начнет есть и пить и снова станет сильным и здоровым.

Однако Шрила Прабхупада, казалось, в очередной раз изменил свое решение и стал отказываться от еды и питья. Он отложил свой уход, чтобы дать ученикам возможность проявить свою любовь к нему, но в то же время отказывался принимать пищу, показывая тем самым, что предпочитает уйти. В ответ на их настойчивые вопросы он вынужден был признать, что без еды и питья долго не проживет. Он не ждал чудес и не хотел их. Чтобы поправиться, он должен был есть. Но по каким-то одному ему известным причинам он упорно отказывался от еды. Он говорил, что выздоровление материально, и не хотел выздоравливать.

Он жил в полном согласии с волей Кришны, находя единственную поддержку в Его святом имени. Приходившие к нему врачи не могли понять, как в нем еще теплится жизнь, но если это были вайшнавцы, то они все понимали и с уважением относились к его выбору. Те, кто служил Прабхупаде, беспокоились за него и пытались заставить его лечиться как следует. Однако Прабхупада всем лекарствам предпочитал киртан и «Бхагаватам», хотя одновременно с этим сохранял волю к жизни. Понимая тревогу своих учеников, Прабхупада терпеливо объяснял им ту сложную ситуацию, в которой они оказались. Он хотел, чтобы они заботились о нем, и позволял им лечить себя, зная, что это усилит их любовь и преданность. Но с каждым днем воля Кришны становилась все яснее и яснее. Прабхупада должен был уйти от них.

— Шрила Прабхупада, — говорил ему Бхавананда, всегда исходивший из убеждения, что Прабхупада, если захочет, может остаться с ними, — ваше присутствие на этой планете — единственное, что сдерживает натиск Кали-юги. Мы и представить не можем, что произойдет, когда вы уйдете.

— Это не в моей власти, — отвечал Шрила Прабхупада, до последней минуты сохранявший ясность сознания. — Все зависит от Кришны-Баларамы.

Шрила Прабхупада всегда выражался ясно, логично, и каждое его слово было проникнуто преданностью Кришне. До самого последнего дня он

занимался практическими делами, организовывал «Благотворительный фонд Бхактиведанты Свами», целью которого должна была стать реставрация древних храмов Бенгалии, улаживая вопросы, связанные с собственностью и финансами ИСККОН. При этом он ни на мгновение не терял ясности ума и был полностью сосредоточен на киртане и «Бхагаватам».

Но его ученикам стало ясно, что, несмотря на свое обещание, он снова решил вернуться к прерванному на время уроку и довести его до конца, научив их тому, как нужно умирать.

Он показал им, что любовь выше смерти, что любовь ученика может вернуть духовного учителя назад в материальный мир и что чистый преданный обладает способностью оставаться в этом мире сверх отпущенного ему срока. Но тем временем его жизнь неуклонно приближалась к концу. Преданные не сердились на него и не чувствовали себя обманутыми. Он сказал им, что Кришна наделил его свободой воли. У них тоже была свобода воли, и, воспользовавшись ею, они попросили его остаться. Он согласился, однако они знали, что не могут связать его этим обязательством. Если, несмотря на их молитвы, Господь Кришна все же велит Шриле Прабхупаде вернуться домой, к Богу, им не останется ничего другого, как примириться с этим. Если Шрила Прабхупада смирится, то смирятся и они. Ничто, однако, не могло поколебать их преданности и любви к нему; между ними возникла связь, которую не смогут разорвать никакие материальные перемены. Они прошли испытание вечным любовным служением, и это у них не могла отобрать никакая смерть.

Вплоть до самого последнего дня Прабхупада проявлял нежную любовь к окружающим его людям и неизменную готовность сражаться за Кришну. Однажды во Вриндаван неожиданно приехала его сестра Писима, и Прабхупада попросил ее приготовить *кичри*. В это время Киртанананда пытался поправить здоровье Прабхупады, давая ему больше жидкости, поэтому он и другие преданные стали возражать против того, чтобы он ел тяжелую пищу. Но Шрила Прабхупада настаивал.

— Неважно, полезно то, что она приготовит, или нет, — сказал Шрила Прабхупада. — Она — вайшнави, и еестряпня в любом случае пойдет мне на пользу. — Немного погодя с необыкновенным смирением он добавил: — Наверное, я все же возгордился из-за своего богатства и успеха. Вот Господь и поубавил мне гордости: тому, у кого нет тела, нечем гордиться.

— Но, Шрила Прабхупада, — возразил Бхактичару, — все, что вы делали, вы делали ради Кришны.

— Может быть, но в этом мире так легко оскорбить или задеть кого-нибудь, даже не подозревая об этом.

Услышав это, Писима воскликнула:

— Нет, нет, он никогда никого не оскорблял.

— Вы не можете никого оскорбить, — сказал Бхактичару, — вы так дороги Богу. Как же Вы можете кого-нибудь обидеть?

— Иногда я бывал горяч, — ответил Прабхупада, — проповедуя, я часто употреблял такие слова, как «негодяй», «мошенник». Я не признавал никаких компромиссов. Про меня говорили: «Дубинка в одной руке, „Бхагаватам“ в другой». Так я и проповедовал. Ну да ладно, приготовьте все, что нужно для моей сестры.

Иногда Прабхупаду навещали его духовные братья, и снова он просил прощения за нанесенные им оскорбления. Однажды к нему пришли Нишкинчана Кришнадас Бабаджи, Пури Махараджа, Ашрама Махараджа, Ананда Прабху, Пурушоттама Брахмачари и еще человек двадцать. Войдя в комнату, они расселись вокруг его кровати.

Когда они пришли, Прабхупада дремал и они, присоединившись к киртану, пели до тех пор, пока он не проснулся. Увидев их, он попросил, чтобы его приподняли. Сидя на кровати, он обратился к своим духовным братьям:

— В мире повсюду есть замечательные возможности для проповеди сознания Кришны. Я никогда особенно не рассчитывал на успех. Люди сами стремятся получить это знание, и они откликаются на нашу проповедь. Если мы будем проповедовать сообща, слова Шри Чайтаньи Махапрабху — *пртхивите* — станут реальностью. Для этого у нас есть все.

Распространяйте святое имя и кормите людей *прасадам*. Возможности прекрасные — в Африке, в России — люди откликаются повсюду.

Когда Прабхупада стал просить у своих духовных братьев прощения, они запротестовали.

— Ты наш вечный лидер, — сказал один из них, — и ты вправе приказывать нам, вести и наказывать нас.

— Простите мне все мои оскорбления, — повторял Прабхупада, — я слишком возгордился своим богатством.

— Нет, — возразил Пури Махараджа, — тебе всегда была чужда гордыня. Ты начал проповедовать, и к тебе пришли богатство и успех. Но это было благословением Шри Чайтаньи Махапрабху и Шри Кришны. О том, что ты кого-то оскорбил или обидел, не может быть и речи.

Когда Шрила Прабхупада назвал себя *маха-патитой*, великим грешником, Пури Махараджа запротестовал:

— Ты спас миллионы людей во всем мире, поэтому об оскорблениях не может быть и речи. Тебя надо называть *маха-патита-паваной* [великим спасителем грешников].

В том, что Прабхупада просил у своих духовных братьев прощения, его ученики увидели проявление его смирения. Но и они были озадачены. Конечно, духовные братья Прабхупады были искренни, когда говорили, что Прабхупада никому не наносил обид. Все, что он делал, он делал только ради Кришны. Но Прабхупада тоже был искренен, когда просил у них прощения. То была чудесная жемчужина его смирения — просить прощения у всех и каждого.

Если бы Прабхупада стал демонстрировать эту жемчужину во время проповеди, то он вряд ли смог бы распространить проникнутое состраданием

учение Господа Кришны по всем городам и деревням мира. Но теперь пришло время ее показать. В Лондоне и здесь, во Вриндаване, Прабхупада проявлял к своим ученикам особую любовь и привязанность и никому не делал выговоров, без которых не обойтись при воспитании учеников. Это глубочайшее смирение было свидетельством того, что Прабхупада достиг вершины духовного развития. В своих книгах Шрила Прабхупада объяснял, что *мадхьяма-адхикари*, преданный второго класса, различает преданных, непреданных и демонов, тогда как *маха-бхагавата*, преданный первого класса, во всех, кроме себя, видит слуг Бога. Однако иногда у *маха-бхагаваты* из сострадания с падшим душам возникает желание спуститься со своего уровня и заняться проповедью сознания Кришны. Все ученики Прабхупады читали о качествах *маха-бхагаваты* в священных писаниях и теперь видели эти качества у Прабхупады, который называл себя великим грешником и у всех просил прощения.

Шриле Прабхупаде рассказали о начинании одного из его учеников, Локанатхи Свами, который с небольшой группой преданных разъезжал на воловьей упряжке по деревням Индии, проповедуя сознание Кришны. От самого Локанатхи Шрила Прабхупада узнал, что, путешествуя таким образом, они посетили многие *тиртхи*, в том числе Бадарикашрам и Бхим Капур. Услышав это, Шрила Прабхупада воспрянул духом. Он тоже загорелся желанием проехать на повозке, запряженной волами, вокруг Вриндавана. Тамала-Кришна и Бхавананда, которые в то время служили Прабхупаде и были очень близки с ним, почувствовали, что не могут разделить его желание. Они считали, что его слабое тело не вынесет дорожной тряски.

Но Шрила Прабхупада рассуждал так: «Смерть во время *парикрамы* — славная смерть», — и просил их устроить для него эту поездку. Мнения преданных разделились. Одни говорили, что, если Прабхупада хочет отправиться на *парикраму*, его желание нужно немедленно исполнить, ибо это приказ духовного учителя: раз он хочет, ему нельзя отказывать. Однако врач уверял их, что тело Шрилы Прабхупады не перенесет тряски. Преданные, собравшиеся у постели Шрилы Прабхупады, никак не могли прийти к единому мнению, и он это видел. Однако Локанатха, желая исполнить его просьбу нанял воловью упряжку и подготовил ее для *парикрамы*. Локанатха и Хамсадута предложили совершить *парикраму* либо в центр Вриндавана, либо к семи главным храмам, которые построили Госвами. Но затем они сказали, что поскольку завтра будет Говардхана-пуджа, то Прабхупада может отправиться к холму Говардхана. Однако Тамала-Кришна, Бхавананда и Бхактичару были непреклонны и не хотели даже слышать о *парикраме*.

«Однодневный эксперимент, — сказал Прабхупада, — всего один день. Неужели вы думаете, что я умру в одночасье?» Ему понравилась идея поехать к холму Говардхана. «Там можно будет и *прасад* приготовить», — сказал он. Прабхупада уверял всех, что Локанатха Свами человек опытный. «Устройте хороший пикник», — велел он.

Тщательным образом взвесив все «за» и «против», преданные наконец решили, что завтра рано утром они посадят Шрилу Прабхупаду в воловью упряжку и повезут его к холму Говардхана. Затем большинство из них покинуло комнату Шрилы Прабхупады, оставив его на ночь одного.

Позже этим же вечером навестить Шрилу Прабхупаду пришел Нишкинчана Кришнадас Бабаджи. Он сидел возле Прабхупады, повторял мантру и время от времени разговаривал с ним на бенгальском. Вдруг у постели Прабхупады появились Тамала-Кришна и Бхавананда. Оба были в слезах.

Прабхупада сразу все понял.

— Вы хотите, чтобы я никуда не ездил? — спросил он.

— Да, Шрила Прабхупада, — ответил Тамала-Кришна, — там наверху я не находил себе места. Я все время ходил по комнате. Двое преданных сказали мне, что дорога, ведущая к Говардхане, настолько плоха, что вас будет все время трясти и кидать в разные стороны. Дорога ужасная. Я не могу понять, почему нужно ехать именно завтра. Я не против того, чтобы вы ехали. Но зачем ехать в таком состоянии? Я не могу этого понять. И почему обязательно завтра? Не понимаю.

— Хорошо, — тихо ответил Шрила Прабхупада, сразу же согласившись отменить поездку.

— Джая, Шрила Прабхупада, — воскликнул Бхактичару, который тоже присутствовал при этом.

— Спасибо, Шрила Прабхупада, — сказал Бхавананда, облегченно вздохнув.

— Не за что. Вы удовлетворены?

— Теперь да, Шрила Прабхупада, — сказал Бхавананда. — Но я так волновался.

— Хорошо, больше я не буду вас тревожить.

— В самом деле, Шрила Прабхупада, — сказал Тамала-Кришна, — мы так привязаны к вам, что иногда вы буквально сводите нас с ума. Например, сегодня мы были на грани помешательства.

— Нет-нет, больше я этого делать не буду, — ответил Шрила Прабхупада. — Бабаджи Махараджа, — обратился он к Нишкинчане Кришнадасу Бабаджи, — только посмотри, как они привязаны ко мне.

— Шрила Прабхупада, — сказал Тамала-Кришна, — от того, что вы так ведете себя с нами, наша привязанность к вам с каждой минутой становится все сильнее.

— Это мой долг, — сказал Прабхупада, и преданные счастливо рассмеялись.

Да, они понимали — это был его долг. Всеми своими делами и поступками Прабхупада стремился завоевать души людей и вернуть их к Кришне. Он привлекал их к себе своим любовным служением, но делал это не для себя. Он приводил людей к Кришне. В этом и заключался его долг.

14 ноября 1977 года в 7.30 вечера в своей комнате в Кришна-Баларам-мандире Шрила Прабхупада дал ученикам последнее наставление, покинув этот бренный мир и вернувшись к Богу.

Своим уходом, равно как и всей своей жизнью он подал нам пример для подражания. Его кончина была достойным завершением жизни, посвященной чистому преданному служению Господу Кришне. За несколько дней до смерти Шрила Прабхупада сказал ученикам, что будет давать им наставления, пока может, а его секретарь добавил: «Вы нас вдохновляете». «Да, — ответил Шрила Прабхупада, — и буду делать это до последнего вздоха».

«Последний вздох» Шрилы Прабхупады был исполнен величия, но не потому, что в последнюю минуту он явил какое-то чудо, а потому, что он оставался в полном сознании Кришны. Подобно Бхишмадеве, он вплоть до самого конца оставался полностью сосредоточенным, величественным и спокойным и продолжал давать наставления. Он учил, что жизнь происходит из жизни, а не из материи, и демонстрировал, что долг преданного — проповедовать до последнего дыхания. Многие преданные, собравшиеся тогда в большой комнате, были свидетелями того, что Прабхупада до самого конца оставался таким, каким был всегда. Они не увидели ничего, что хоть сколько-нибудь противоречило бы тому, чему он учил их раньше. А в момент смерти он показал им, как следует умирать, полностью положившись на Кришну. Прабхупада уходил спокойно. Вечером 14 ноября лечивший его *кавираджа* спросил: «Не хотите ли чего-нибудь?» — и Прабхупада слабым голосом ответил: *кучх иччха нахи* — «У меня не осталось никаких желаний». Он встретил смерть в идеальной обстановке: во Вриндаване, в окружении преданных. Несколькими месяцами раньше во Вриндаване умерла маленькая девочка, дочь одного из учеников Прабхупады, и, когда Шрилу Прабхупаду спросили, вернулась ли она к Богу, чтобы лично общаться с Кришной, он сказал: «Да, каждый, кто оставляет тело во Вриндаване, получает освобождение».

Разумеется, «Вриндаван» является также символом чистого сознания Кришны. Обращаясь к Господу Чайтанье, Адвайта Ачарья сказал: «Там где Ты, там и Вриндаван». То же можно было сказать и про Шрилу Прабхупаду. Где бы он ни встретил смерть, будь то Лондон, Нью-Йорк или Москва, он все равно вернулся бы к Богу. В «Бхагавад-гите» Господь Кришна говорит: «Тот, кто постоянно думает обо Мне, непременно достигнет Меня». Но Вриндавана-дхама является высшей обителью сознания Кришны во вселенной, идеальным местом для ухода из этого мира, поэтому, покинув этот мир во Вриндаване, Шрила Прабхупада дал еще один урок всем, кто идет по его стопам.

Вайшнавцы, давшие обет никогда не покидать Вриндавана, видели, что, пожертвовав всем, в том числе и возможностью жить во Вриндаване, ради спасения заблудших душ в забытых Богом уголках земли, Прабхупада вернулся на святую землю Вриндавана и отсюда ушел в изначальную обитель Господа Кришны в духовном мире. В «Шримад-Бхагаватам» говорится: «Каждый, кто

занимается преданным служением во Вриндаване, покинув тело, возвращается домой, к Богу».

Кончина Шрилы Прабхупады была идеальной еще и потому, что, оставляя тело, он повторял и слушал святые имена Господа. Таким образом, Верховный Господь присутствовал при его кончине, так же как и при кончине Бхишмадевы, который сказал: «Несмотря на то что Господь одинаково милостив ко всем, Он великодушно явился ко мне в тот момент, когда я прощаюсь с жизнью, ибо я — Его верный слуга». Подобно тому как Кришна предстал перед Бхишмадевой и заверил его и всех, кто стоял у его смертного одра, что Бхишма возвращается домой, обратно к Богу, Господь в Своем воплощении *нама аватары*, мантры Харе Кришна, присутствовал во время ухода Шрилы Прабхупады.

Всю свою жизнь Шрила Прабхупада посвятил тому, чтобы нести святое имя Бога в каждый город и деревню мира, и в течение целого месяца: он жил, окружив себя звуками святого имени. Он особенно хотел, чтобы в момент его ухода, в комнате находились преданные, поющие мантру Харе Кришна, и Кришна исполнил его желание. Таким образом, Шрила Прабхупада покинул тело при самых благоприятных обстоятельствах: в лучшем из святых мест, во Вриндаване, окруженный вайшнавами, которые пели святые имена.

Идеальный духовный учитель (*ачарья*) всегда поступает так, чтобы его примеру могли следовать другие. Как сказано в «Шримад-Бхагаватам», великие души, которые пересекают океан рождения и смерти на «корабле» лотосных стоп Кришны, чудесным образом оставляют корабль на этой стороне, чтобы им могли воспользоваться другие. Для всех обусловленных душ уход Шрилы Прабхупады стал примером того, как следует встречать величайшую из всех опасностей. Чтобы достойно встретить смерть, недостаточно просто психологически подготовиться к ней и расстаться с жизнью без сожаления и страха. Суть в том, что в момент смерти душа покидает старое тело и рождается вновь. И только душа, обладающая сознанием Кришны, оставив мир рождения и смерти, обретает вечную, исполненную блаженства жизнь в духовном мире. Таким образом, прожитая нами жизнь проверяется смертью.

Смерть наступает тогда, когда душа не может больше оставаться в теле. Какова бы ни была материальная причина смерти, положение души становится невыносимым. Однако расставание с телом тоже причиняет ей жестокие страдания. Поэтому *шастры* призывают человека вырваться из заколдованного круга рождений и смертей. Жалкая смерть и последующее рождение в низших формах жизни — самое страшное, что может случиться с живым существом. Предчувствие смерти вселяет в человека такой ужас, что иногда люди пытаются совсем забыть о ней. Смерть мучительна, потому что в момент смерти вечная душа оказывается в самом противоестественном для нее положении: несмотря на то что она бессмертна и не должна умирать, ей приходится делать это, поскольку она связана с материальным телом. В момент смерти вечная душа вынуждена покинуть тело и отправиться

неведомо куда. Это причиняет ей невыносимые страдания и является причиной испытываемого ей страха. Боль и страх, которые живое существо испытывает в момент смерти, так сильны, что оно, как правило, может думать только о своих материальных привязанностях или физической боли. Поэтому Прабхупада часто вспоминал молитву царя Кулашекхары: «О Господь, позволь мне умереть не в затянувшемся ожидании физической смерти, а повторяя Твои святые имена. Думая о Тебе в момент смерти, я достигну совершенства».

В последние месяцы своей жизни в материальном мире Шрила Прабхупада учил преданных, как следует шаг за шагом готовиться к смерти, оставаясь в полном сознании Кришны. В последние дни одному из своих учеников-санньяси он сказал: «Не думай, что это не случится с тобой». Прабхупада пришел в материальный мир по просьбе Кришны, чтобы научить нас тому, как жить чистой жизнью в сознании Кришны и как в конце концов уйти из этого мира, обретя вечную жизнь. Прабхупада встретил смерть величественно и безупречно, но вместе с тем так, чтобы его примеру мог последовать каждый. Когда нам придет время умирать, нас будет поддерживать воспоминание о том, как оставлял тело этот великий человек, как он умирал, погруженный в мысли о Кришне, принимая лекарство мантры Харе Кришна и отрешившись от страданий материальной жизни. Этот последний урок был одним из самых удивительных и важных уроков, которые дал нам Шрила Прабхупада. Он учил нас своей жизнью, своими книгами, а в конце пути — своей смертью. Науку умирать может постичь только человек. Смерть ожидает и животных, и людей, однако человеку надлежит знать, как в момент смерти найти дорогу в духовный мир. Полностью погрузившись в сознание Кришны, Шрила Прабхупада учил нас тому, как нужно расставаться с телом. Поэтому его уход был идеальным примером, последовать которому может каждый из нас.

Если сам Шрила Прабхупада без сожалений покинул материальный мир и вернулся к Богу, то для его учеников и людей во всем мире его уход стал настоящим несчастьем, так как в его лице они потеряли своего лучшего друга, доброжелателя и благодетеля. В одном из комментариев к «Шримад-Бхагаватам» Шрила Прабхупада писал: «Когда умирает брренное тело духовного учителя, его ученик должен рыдать, как рыдает царица, оплакивающая смерть царя». После кончины своего духовного учителя Шрила Прабхупада писал: «В тот день, мой Учитель, я плакал от горя, я не мог смириться с тем, что Вас больше нет, мой гуру». И 14 ноября 1977 года, когда скорбная весть облетела мир, всех, кто знал и любил Шрилу Прабхупаду, постигло страшное, неутешное горе. Разлука со Шрилой Прабхупадой заставила их забыть обо всем остальном. И они стали искать утешение в его книгах.

Однако ученик и духовный учитель никогда не расстаются, так как духовный учитель находится рядом со своим учеником до тех пор, пока ученик

следует наставлениям духовного учителя. Такое общение называется *вани*. Физическое присутствие духовного учителя на земле называют *ванух*, и, до тех пор пока духовный учитель находится в физическом теле, ученик должен служить его телу. Когда же духовный учитель прекращает физическое существование, ученик должен служить его наставлениям.

Ученики Шрилы Прабхупады уже следовали его наставлениям, но отныне должны были делать это, не имея возможности общаться с ним лично, видеть его и быть рядом с ним (*ванух*). Сначала им было очень трудно свыкнуться с этим, но искренние ученики скоро поняли, что Шрила Прабхупада оставил им величайший дар: возможность служить ему в разлуке.

Служение в разлуке является высшим проявлением духовной любви и экстаза. Этому учил Господь Чайтанья Махапрабху, когда говорил о Господе Кришне и Его самых близких преданных — *гопи* Вриндавана. Когда Кришна покинул *гопи* и отправился в Матхуру, чтобы больше не вернуться во Вриндаван, *гопи* (как и все остальные жители Вриндавана) горько и безутешно плакали от разлуки с Ним. Они любили Кришну так сильно, что не могли без Него жить, и, чтобы смягчить боль этой разлуки, они стали вспоминать о Нем и говорить между собой о Его имени, славе, красоте и обо всем, что связано с Ним. Постоянно думая о Нем и ожидая Его возвращения во Вриндаван, они испытывали глубочайший экстаз *единения в разлуке*, который Гаудия-вайшнавцы считают высшей формой экстаза. Они ставят его даже выше того экстаза, который *гопи* испытывали в присутствии Кришны. Поскольку Кришна абсолютен, то, даже вспоминая о Нем или повторяя Его имя, преданный ощущает Его личное присутствие. Однако вместе с тем он испытывает горечь разлуки с Господом, что придает его переживаниям еще большую глубину и остроту. Это непостижимое состояние единения с Кришной в разлуке является вершиной сознания Кришны.

Ученикам Прабхупады было известно о принципе служения в разлуке, которое на санскрите называют *випралам-бха-сева*, но большинство преданных знало об этом лишь понаслышке. Чтобы суметь ощутить бездонную глубину любовной разлуки с Кришной, необходимо сначала привязаться к Нему. Однако для обусловленной души, которая отвергла Кришну и, околдованная *майей*, иллюзией, пала в материальный мир, «разлука» с Кришной вызвана невежеством и забвением.

Неофит, делающий первые шаги в духовной жизни, должен сначала избавиться от ложных атеистических представлений и признать существование Бога. Затем, служа духовному учителю, он сможет постепенно развить в себе стремление служить Кришне. Глубокая любовь к Кришне в разлуке с Ним является высшей стадией преданного служения, и неофиту не дано постичь ее в полной мере. Поэтому для большинства учеников Прабхупады служение в разлуке долгое время оставалось всего лишь теоретической коцепцией.

Однако, когда Шрила Прабхупада покинул этот мир, предоставив своим ученикам продолжать начатое им дело, они по-настоящему осознали, что такое единение в разлуке. Он ушел, но его присутствие чувствовалось во всем. Их состояние не было ни притворством, ни красивой фантазией, ни неким психическим феноменом, вызванным их переживаниями или самовнушением. Его присутствие было осязаемой, зримой реальностью, фактом жизни. Шрила Прабхупада дал им возможность служить ему лично, и теперь они будут продолжать это служение. Прабхупада присутствовал в своих наставлениях, и нектар живого общения с ним — весь нектар сознания Кришны, который он принес им и делил с ними, — оставался по-прежнему доступен для них.

Служение в разлуке было для его учеников несомненной реальностью, иначе как бы они могли продолжать без Прабхупады свою духовную жизнь? То, что они, как и прежде, продолжали служить Кришне, то, что их преданность и любовь все время возрастали, означало, что Шрила Прабхупада по-прежнему был вместе с ними. Если в последние дни своей жизни Прабхупада учил их тому, как нужно умирать, то теперь, после своей смерти, он учил их, как претворять в жизнь высшее философское учение Гаудия-вайшнавов.

Понимание этого вселяло в преданных уверенность в том, что Шрила Прабхупада и революционная жизнь в сознании Кришны, которую он принес с собой, остались с ними и после его ухода. Часто, когда умирает великий человек, вместе с ним умирает и его дело, однако дело, начатое Шрилой Прабхупадой, даже после его смерти продолжало жить и развиваться, поддерживая существование всех его учеников и последователей. Он по-прежнему вел их за собой.

Приложения

Сатсварупа дас Госвами родился 6 декабря 1939 года. В июле 1966 года он встретился с Его Божественной Милостью А.Ч. Бхактиведантой Свами Прабхупадой, а в сентябре того же года получил от него посвящение. В течение некоторого времени Сатсварупа дас Госвами писал статьи для «Бэк ту Годхед», журнала Движения Харе Кришна, а затем стал его главным редактором. В августе 1967 года он отправился в Бостон, чтобы создать там первый центр ИСККОН. Сатсварупа дас Госвами входил в первый состав Джи-би-си, руководящего органа ИСККОН, созданного Шрилой Прабхупадой в 1970 году. До 1971 года он возглавлял бостонское отделение ИСККОН, а затем переехал в Даллас, где стал директором гурукулы, первой детской школы ИСККОН.

В мае 1972 года, в день явления Господа Нрисимхадевы, Его Божественная Милость Шрила Прабхупада дал ему санньясу, и он стал путешествовать по Соединенным Штатам, давая лекции в колледжах и университетах. В январе 1974 года по просьбе Шрилы Прабхупады он стал его личным секретарем и сопровождал его в поездках по Индии и Европе.

В 1976 году он издал книгу «Очерки ведической литературы», краткий обзор философии Вед, которую в качестве учебного пособия используют сейчас во многих университетах мира. В 1977 году Шрила Прабхупада сделал его иницирующим гуру. Наряду с исполнением обязанностей секретаря Джи-би-си и иницирующего гуру Сатсварупа дас Госвами написал много книг, в том числе «Шрила Прабхупада лиламриту» в шести томах и эту книгу, «Прабхупада».

Бхакти-йога для всех

Испокон веков путем *бхакти* следовали великие мудрецы, святые и цари. Выдающиеся поэты прошлого слагали во славу преданного служения чудесные стихи и песни и в них превозносили чистую любовь к Богу.

В наши дни *бхакти-йога* становится даже более необходимой и важной, чем тысячелетия назад, поскольку у современных людей нет ни времени, ни возможности выполнять многочисленные предписания любой другой системы *йоги*. Но метод *бхакти* совсем несложен. *Бхакти-йога* поможет нам развить в себе все истинно высокие качества и обрести то, к чему стремится каждый живущий в материальном мире — вечную жизнь, вечное счастье, вечное знание.

Практиковать *бхакти-йогу* под силу каждому, кем бы он ни был. Для этого совсем не надо отречься от мира, бросать дом, семью и работу или идти на большие расходы. Нужно только одно — отвести Господу Кришне главное место в нашей жизни. Ему одному должны быть посвящены все наши помыслы, желания и дела. Мы добьемся этого, если будем с любовью и преданностью повторять святое имя Бога — Харе Кришна *маха-мантру*, следовать предписанным ограничениям, читать книги А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады и предлагать Господу свою пищу.

Мантра-медитация

Для того, кто желает обрести счастье и освободиться от всех страданий и тревог, медитация представляет очень важный аспект деятельности.

Медитация означает «мысленное созерцание», но у созерцания должен быть объект. Чтобы избавиться от повседневных тревог, занимающих ум, человек должен подняться над материальным уровнем и попытаться утвердиться на трансцендентном, духовном уровне. Сделать это можно, если постоянно повторять имена Господа, таким образом общаясь с Ним.

Как утверждается в различных писаниях, у Господа много имен: Кришна, Рама, Иегова, Аллах, Будда и др. Повторение имен Господа оказывает очищающее действие и позволяет человеку подняться с материального уровня на духовный. В Индии на протяжении тысячелетий люди повторяют имена Господа в форме *мантр*. На санскрите *мана* означает «ум», а *трая* — «освобождение». Таким образом, *мантра* — это комбинация трансцендентных звуков, освобождающая наш ум от тревог.

Ведическая литература называет одну *мантру маха-мантрой* (великой *мантрой*). В «Кали-сантарана-упанишад» говорится, что шестнадцать слов, составляющих ее — Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе, — особенно рекомендуется повторять в Кали-югу, век раздоров, тревог и лицемерия, в который мы живем.

Кришна означает «всепривлекающий», *Рама* — «всерадующий», а *Харе* — это обращение к энергии преданного служения Господу. Таким образом, *маха-мантра* означает: «О всепривлекающий, о всерадующий Господь, о энергия Господа! Прошу, позволь мне преданно служить Тебе».

Для чтения *Харе Кришна маха-мантры* не существует строгих правил. Самое замечательное в *мантра-медитации* то, что ею можно заниматься где угодно и в любое время — дома, на работе, в автобусе или в метро, или даже за рулем автомобиля.

Существует два вида *мантра-медитации*: индивидуальная, при которой человек читает *мантру* на четках (она называется *джапой*), и другая форма, когда он повторяет ее за кем-то (это называется *киртаном*). *Киртан* обычно сопровождается игрой на музыкальных инструментах и хлопанием в ладоши. Рекомендуется и та и другая форма *мантра-медитации*, так как обе они благотворно влияют на человека.

Джапа

Для этого вида *мантра-медитации* нужны лишь круговые четки. Их можно купить в магазине или сделать самим, следуя приведенным ниже простым рекомендациям:

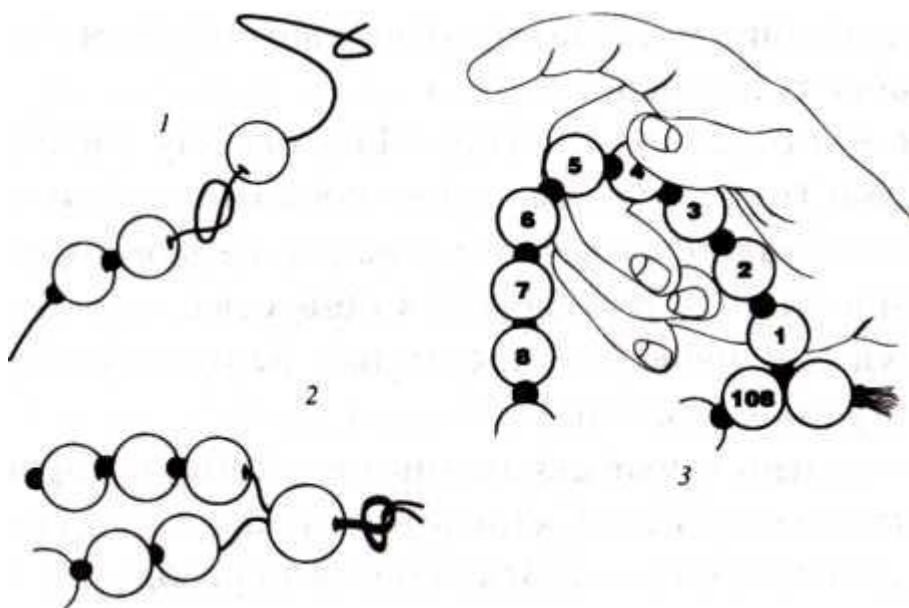
1. Купите 109 больших круглых деревянных бусин (если нет деревянных, на первое время возьмите любые другие) диаметром от одного до двух сантиметров с отверстиями, чтобы можно было нанизать их на нить, а также от трех до пяти метров крепкой нейлоновой нити.

2. Отступите пятнадцать сантиметров от конца нити и завяжите узел, затем, нанизывая по одной бусине, после каждой завязывайте одинарный или двойной узел, в зависимости от толщины нити (рис. 1).

3. Нанизав сто восемь бусин, проденьте оба конца нити в последнюю бусину (рис. 2).

4. Эта бусина называется бусиной Кришны, и хорошо, если она больше остальных. Продев в нее оба конца нити, завяжите узел и обрежьте концы нити. Четки для *джапы* готовы.

Начиная *мантра*-медитацию, зажмите бусину, следующую за бусиной Кришны, между большим и средним пальцами правой руки (рис. 3) и произнесите всю *маха-мантру*: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе/Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Затем точно так же зажмите в пальцах следующую бусину и снова произнесите *маха-мантру*, затем следующую... и так пока не повторите *мантру* на каждой бусине четок и не дойдете до бусины Кришны.

Вы прочитали один «круг» *джапы*. Чтение одного круга должно отнимать у вас около семи минут, хотя вначале на это может уйти и десять минут, и больше. Не читая *мантру* на бусине Кришны, нужно повернуть четки и двигаться по кругу в обратном направлении. Четки очень важны для *джапы*, так как вовлекают в медитационный процесс осязание, что помогает лучше сосредоточиться на звуках *мантры*.

Если вы дали обет читать определенное число кругов в день, чтобы не запутаться, вам хорошо иметь небольшой шнурок с нанизанными на нем

бусинами по числу кругов, которые вы читаете ежедневно. Между этими бусинами не надо завязывать узлы, нужно завязать их только на концах шнурка, чтобы бусины не соскочили с него. Закончив круг, передвиньте одну счетную бусину вниз.

Вы можете читать *мантру* в помещении или на свежем воздухе, ее можно читать так громко или так тихо, как вам нравится, но достаточно громко, чтобы было слышно вам самим. Самое главное — произносите каждое слово четко и ясно. Ваш ум, возможно, захочет переключиться на какие-нибудь посторонние мысли, поскольку он беспокоен, неустойчив и всегда хочет думать о чем-нибудь. Попробуйте сосредоточить все свое внимание на чтении *Харе Кришна маха-мантры* и вслушивайтесь в каждое слово.

Читать *мантру* можно в любое время дня, но в ведической литературе указываются определенные часы, наиболее благоприятные для духовной практики. Самыми благотворными для духовного развития являются ранние утренние часы. Хорошо, если вы отведете для чтения *мантры* определенное время дня, всегда одно и то же. Начните с чтения одного или двух кругов в день и постепенно увеличьте их число до шестнадцати; это — рекомендованный минимум для того, кто относится к *джапа-медитации* серьезно и хочет стать преданным Господа Кришны.

Киртан

В отличие от *джапы*, индивидуальной медитации, *киртан* представляет собой групповую медитацию. Во время *киртана мантры* *Харе Кришна* поют на какой-либо мотив. *Киртаны* можно проводить у себя дома, с семьей или друзьями, у кого-то в гостях или на природе. Один человек «ведет» *киртан* — то есть сначала он поет *мантру* *Харе Кришна* один, а затем остальные повторяют ее на тот же мотив. И снова ведущий поет *мантру* один, а остальные повторяют вслед за ним. Так снова и снова поется *мантра* *Харе Кришна*, *киртан* продолжается, и те, кто принимает в нем участие, все сильнее ощущают духовное блаженство.

Преимущество *киртана* в том, что вы слышите *мантру* *Харе Кришна* не только тогда, когда произносите ее сами, но и когда ее произносят другие. Петь *мантру* можно на любой мотив, сопровождая пение игрой на каких-нибудь музыкальных инструментах, хотя последнее не обязательно. Для *киртана* больше подходят традиционные индийские инструменты — барабаны и тарелочки, если же их нет, то их можно заменить тем, что имеется у вас под рукой — воображение поможет вам. Можно использовать и другие музыкальные инструменты — пианино, губную гармонику, флейту, гитару и т.д. Хорошо и просто хлопать в ладоши. Дети тоже могут принимать участие в *киртанах*, это благотворно скажется на их духовном развитии. Так вся семья может собираться по вечерам для совместного *киртана*. Хорошо проводить *киртаны* каждый день или как можно чаще.

Чтение *мантры* Харе Кришна принесет вам ощущение духовного подъема, причем это ощущение будет постоянно усиливаться. Вы можете убедиться в этом сами. Попробуйте повторять в течение пяти минут какое-нибудь другое слово или фразу. Если вы будете снова и снова повторять «Пепси-кола», уже через несколько минут вам это смертельно надоест, не принеся никакого удовлетворения. Звук же имени Кришны трансцендентен, имя Его хочется повторять снова и снова.

Основные принципы

В каких бы условиях человек ни повторял *маха-мантру*, это необычайно благотворно скажется на его духовном развитии. Тем не менее великие мудрецы и святые — авторитеты в *джапа-медитации* — предлагают использовать некоторые приемы, которые усиливают ее действие.

Чем больше человек повторяет *мантру* Харе Кришна, тем легче ему будет следовать перечисленным ниже принципам, так как, повторяя ее, он обретает духовную силу и развивает вкус к высшим наслаждениям. Когда человек при повторении *маха-мантры* начинает испытывать духовное наслаждение, ему становится намного легче отказаться от дурных привычек, препятствующих духовному развитию.

1. Для тех, кто серьезно и искренне стремится к духовному развитию, рекомендуется следовать *четырем основным принципам*:

- а) не употреблять в пищу мясо, рыбу и яйца;
- б) не употреблять одурманивающих средств (наркотических препаратов, марихуаны, гашиша, ЛСД, алкоголя, табака, и даже кофе и чая);
- в) не играть в азартные игры и не заниматься денежными махинациями;
- г) не вступать в половые отношения вне брака (а в браке — только для зачатия детей).

Следование этим *четырем регулирующим принципам* приведет к быстрому духовному прогрессу. Пренебрежение же ими очень затрудняет духовное развитие, усиливая привязанность человека к материальным вещам. Однако *джапа-медитация* обладает такой силой, что вначале человек может повторять *мантру* Харе Кришна независимо от его жизненных условий, и сама *мантра* поможет ему продвинуться на этом пути.

2. Нужно регулярно читать произведения А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады, особенно «Бхагавад-гиту» и «Шримад-Бхагаватам». Всего лишь слушая повествования о Кришне, Его необыкновенных деяниях и трансцендентных развлечениях, человек очищает сердце от грязи, накопившейся там за то бесконечно долгое время, которое он находится в материальном мире. Регулярно слушая повествования о Кришне и о духовном мире, где Кришна наслаждается вечными играми со Своими преданными, человек может полностью постичь природу духовной души и понять, в чем заключается истинная духовная деятельность и каков совершенный метод, с помощью которого можно вырваться из этого материального мира.

3. Чтобы лучше защитить себя от материальной скверны, следует есть только вегетарианскую пищу, одухотворенную тем, что она сначала была предложена Верховному Господу Кришне. Убивая любое живое существо, включая растения, человек навлекает на себя кармические последствия этих действий. Но Кришна говорит в «Бхагавад-гите», что Он избавляет от кармических последствий того, кто предлагает Ему вегетарианскую пищу.

4. Следует жертвовать плоды своей деятельности Верховному Господу Кришне. Когда человек работает ради собственного удовлетворения, он испытывает на себе кармические последствия своей деятельности. Если же он работает для Кришны, это не только освобождает его от кармы, но и пробуждает дремлющую в нем любовь к Кришне. Можно продолжать заниматься своей обычной деятельностью, если она не противоречит — прямо или косвенно — четырем регулирующим принципам, упомянутым выше.

5. Человек, серьезно относящийся к *джапа*-медитации, должен как можно больше общаться с теми, чьи интересы подобны его собственным. Это придаст ему духовных сил. Естественно, на всех нас оказывает большее влияние наше окружение. Поэтому нежелательно слишком много общаться с людьми, не имеющими духовных интересов. Общение с теми, кто стремится к духовному развитию, повторяя *мантру* Харе Кришна и следуя регулирующим принципам, — наилучший и самый быстрый способ продвижения по пути домой, обратно к Богу.

В «Бхагавад-гите» Господь, заключая описание метода *бхакти-йоги*, *йоги преданности*, говорит: «Чем бы ты ни занимался, что бы ты ни ел, какие бы ни приносил дары, что бы ни отдавал и какую бы *тапасью* ни совершал, делай это, о сын Кунти, как подношение Мне» (Б.-г., 9.27). Там же Он говорит, что человек должен есть только то, что было сначала предложено Ему. Итак, предложение пищи Кришне — неотъемлемая часть системы *бхакти-йоги*.

Господь также описывает виды подношений, которые Он принимает: «Если человек предложит Мне с любовью и преданностью листок, цветок, плод или воду, Я приму это» (Б.-г., 9.26). Кришна намеренно не включает в этот перечень мясо, рыбу или яйца, поэтому преданный Кришны не предлагает Ему подобную пищу. Из любви к Кришне преданный предлагает Ему только самую лучшую, самую чистую пищу. Само собой разумеется, что гниющая плоть забитых на бойне животных или зародыши курицы к ней не относятся.

В сознании Кришны преданный предлагает Кришне пищу, выражая тем свою любовь к Нему. Даже в обычной жизни человек готовит еду для другого в знак любви и привязанности к нему, и тот ценит не только саму пищу, но и любовь, с которой она приготовлена. Так же и с предложением пищи Кришне — этот процесс поможет нам развить свою любовь к Нему и преданность Ему.

Конечно, трудно любить того, кого мы никогда не видели, но уникальные ведические писания подробно описывают личностные черты Бога. В священных писаниях других основных религий мира о Боге говорится как о Верховном Отце, но о Его личности приводится на удивление мало сведений. Христос говорил о себе как о сыне Бога, Магомет был Его пророком, но кто же тогда Сам Бог? Он только косвенно проявляет Себя — то как глас небесный, то как горящий куст и так далее.

Однако, признавая, что Бог сотворил нас, мы не можем логически отрицать, что и Сам Он обладает всеми атрибутами личности — телом, индивидуальностью и всеми возможностями и способностями различных чувств и органов. Если исходить из предположения, что мы обладаем определенной формой и характером, а у Бога их нет, то, следовательно, в этом отношении мы превосходим Его. Но было бы нелогично предполагать, что творение Бога может в чем-то превзойти своего Творца. Следовательно, если мы обладаем качествами личности, то и Бог является личностью, которая, обладая безгранично могущественной духовной формой, тем не менее остается личностью. В конце концов, говорится же, что мы созданы по образу и подобию Бога.

Пуская в ход собственное воображение, западные художники обычно рисуют Бога могучим старцем с бородой. Но в ведической литературе приводится точное описание внешности и личностных черт Бога, причем

писания древней Индии — единственный источник сведений такого рода. Прежде всего, Бог вечно юн. Кроме того, Он обладает необычайными качествами, привлекающими сердца и умы даже освобожденных душ. Он удивительно красноречив и безгранично мудр, весел и отрешен. К тому же, Он являет неповторимые трансцендентные игры со Своими вечными спутниками. Бесконечны описания привлекательных свойств и качеств Верховной Личности Бога, о которых говорится в Ведах. Поэтому Его называют «Кришной», или «всепривлекающим». Когда мы постигнем личность Бога, нам будет значительно легче сосредоточивать на Нем свои мысли, особенно предлагая Ему еду.

Поскольку Кришна обладает наивысшим могуществом и абсолютно духовен, все, что приходит в соприкосновение с Ним, также становится абсолютно чистым и духовным. Даже в царстве материальной природы некоторые объекты обладают очищающей способностью. Так, например, солнце своими мощными лучами может извлекать чистую, свежую воду из озера, вода которого загрязнена. Если солнцу — материальному объекту — присуща такая способность, то мы не можем даже представить себе очищающую силу Верховной Личности Бога, Кришны, без каких бы то ни было усилий творящего миллионы солнц.

С помощью Своих трансцендентных энергий Кришна может превратить материю в дух. Если мы поместим в огонь железный прут, вскоре он раскалится докрасна и приобретет все основные качества огня. Так же и пища — материальная субстанция, — если ее предложить Кришне, становится полностью духовной. Такая пища превращается в *прасад*, что на санскрите означает «милость Господа».

Прасад в *бхакти-йоге* имеет очень большое значение. В других системах *йоги* человек должен искусственно сдерживать свои чувства, тогда как в *бхакти-йоге* он может занимать их разнообразной приносящей удовлетворение духовной деятельностью. Благодаря такой деятельности чувства постепенно одухотворяются и их начинают привлекать духовные наслаждения, далеко превосходящие те, что доступны нам в материальной жизни.

В ведической литературе содержится множество описаний *прасада* и его воздействия на человека. Господь Чайтанья, воплощение Верховного Господа, явившийся в Индии пятьсот лет тому назад, так говорил о *прасаде*: «Каждому доводилось прежде пробовать эти материальные блюда, однако сейчас они приобрели необыкновенный вкус и удивительный аромат; даже их аромат, не говоря уже о вкусе, притягивает ум и заставляет человека забыть о всех прочих лакомствах, потому что духовный нектар с губ Кришны коснулся этой обычной пищи, и ей передались все Его духовные качества».

Как готовить прасад

Понимание высшей цели вегетарианства определяет прежде всего выбор продуктов, которые мы собираемся предложить Кришне. В «Бхагавад-гите» Господь говорит, что пищу можно подразделить на три категории, в зависимости от гун материальной природы — благости, страсти и невежества, — к которым она относится. Молочные продукты, злаки, сахар, овощи, фрукты и орехи — это пища, относящаяся к гуне благости, и ее можно предлагать Кришне. Как правило, пищу, относящуюся к гунам страсти и невежества, не предлагают Кришне, который Сам говорит в «Бхагавад-гите» (17.9—10), что такая пища «вызывает страдания, несчастья и болезни» и что она «безвкусная, разложившаяся и дурно пахнущая». Как нетрудно догадаться, мясо, рыба и яйца — это пища, относящаяся к низшим гунам материальной природы, так же как и чеснок, лук и грибы. Их не следует предлагать Кришне.

Кофе и чай, содержащие кофеин, представляют собой наркотические средства, и их также нельзя предлагать Кришне. Взамен можно собирать или покупать травы и заваривать чай из них.

Покупая продукты, очень важно помнить, что мясо, рыба и яйца могут входить в состав других продуктов, поэтому необходимо внимательно изучать этикетки и в сомнительных случаях спрашивать продавца или обращаться на фабрику. Например, некоторые сорта кисломолочных продуктов и сметаны содержат желатин, который делается из рогов, копыт и костей забитых на бойне животных. Необходимо также убедиться, что сыр, который вы покупаете, не содержит сычуга — фермента, извлекаемого из тканей телячьего желудка.

Следует также избегать пищи (в особенности из злаков), которую приготовили люди, не являющиеся преданными Господа Кришны. Тонкие законы природы таковы, что сознание повара воздействует на пищу не только на физическом уровне, но и на тонком. Такая пища становится проводником неуловимого воздействия на наше сознание. Другой пример, иллюстрирующий этот принцип, — картина, которая является не просто набором мазков на холсте, но выражает также настроение художника, передающееся разглядывающему ее человеку. Подобно этому, если мы едим пищу приготовленную людьми, не имеющими духовного сознания (например, работниками какой-либо фабрики), мы, безусловно, поглощаем определенную дозу их материалистического сознания. Кроме того, насколько возможно, мы должны употреблять только свежие натуральные продукты.

Когда мы готовим пищу, необычайно важно соблюдать чистоту, поскольку чистоплотность и праведность — родные сестры. Кришне нельзя предлагать ничего нечистого, так что старайтесь содержать кухню в чистоте. Прежде чем готовить, обязательно вымойте руки. Готовя пищу, не пробуйте ее. Приготовление — это часть медитационного процесса, ведь вы готовите пищу

не просто для себя, но для того, чтобы доставить удовольствие Кришне, который должен быть первым, кто попробует ее и насладится ею. Если вы готовите по испытанным рецептам, у вас все получится. Закончив приготовление еды, вы можете предлагать ее Кришне.

Как предлагать пищу Кришне

Хорошо иметь тарелку и прочие столовые принадлежности, предназначенные исключительно для Кришны. В идеале этот столовый прибор должен быть новым, и никто другой никогда не должен им пользоваться. Когда еда готова, можно положить на эту особую тарелку понемногу от каждого блюда. Самый простой способ предложения — просто сказать: «Дорогой Господь Кришна, пожалуйста, прими эту пищу». Нужно помнить, что истинная цель всего этого — выразить нашу преданность и благодарность Господу, поэтому старайтесь вложить в приготовление пищи для Кришны всю вашу любовь к Нему, и Он примет ваше подношение. Бог самодостаточен. Ему ничего не нужно, так что это подношение — способ выражения нашей любви к Нему и благодарности. Предложив Кришне еду, нужно в течение нескольких минут повторять *мантру* Харе Кришна: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Затем *прасад*, что буквально означает «милость Господа», можно подавать на стол. Вся приготовленная пища считается теперь предложенной Кришне, но та, что непосредственно находилась на тарелке Кришны, особенно почитается и называется *маха-прасадом*. Каждый должен кроме всего остального получить хотя бы чуть-чуть *маха-прасада*. Попытайтесь оценить духовные качества *прасада* и помните, что он освобождает нас от воздействия *кармы*. Но, прежде всего, наслаждайтесь им!

Со временем вы, возможно, захотите предлагать Господу еду по всем правилам, установленным в движении Харе Кришна для тех, кто практикует сознание Кришны у себя дома. Для этого вам необходимо устроить простой алтарь с изображениями Господа Кришны, Господа Чайтаньи и Шрилы Прабхупады, духовного учителя движения Харе Кришна. Разница между упрощенным ритуалом предложения пищи и полным заключается еще и в произносимых при этом молитвах. Во время предложения по всем правилам три раза читают вслух приведенные ниже молитвы, склоняясь перед алтарем, на который мы поставили поднос с яствами для Кришны.

*нама ом вишну-падайа
кршна-прештхайа бху-тале
шримате бхактиведанта-
свамин ити намине*

*намас те сарасвате деве
гаура-вани-прачарине
нирвишеша-шунйавади-
пашчатйа-деша-тарине*

«Я выражаю свое почтение Шри Шримад А.Ч. Бхактиведанте Свами Прабхупаде, который очень дорог Господу Кришне, ибо нашел прибежище у Его лотосных стоп».

«О духовный учитель, слуга Сарасвати Госвами, я почтительно склоняюсь перед тобой. Ты милостиво проповедуешь учение Господа Чайтаньядевы и несешь освобождение странам Запада, зараженным имперсонализмом и философией пустоты».

намо маха-ваданйайа
кршна-према прадайа те
кршнайа кршна-чаитанйа-
намне гаура-твише намах

«О самое милостивое воплощение Господа! Ты — Сам Господь Кришна, явившийся как Шри Чайтанья Махапрабху. Кожа Твоя золотистого цвета, как у Шримати Радхарани, и Ты щедро раздаешь чистую любовь к Кришне. Я выражаю Тебе свое почтение».

намо брахманйа-девайа
го-брахмана-хитайа ча
джагаддхитайа кршнайа
говиндайа намо намах

«Я выражаю свое почтение Господу Кришне, которому поклоняются все брахманы. Он — защитник коров и брахманов, вечный благодетель всего мира. Я снова и снова в почтении склоняюсь перед Верховным Господом, известным под именами Кришна и Говинда».

После того как молитвы произнесены, еда должна оставаться на алтаре десять-пятнадцать минут, пока Господь вкушает. Это время преданный может посвятить киртану.

Словарь имен и терминов

Ананта-Шеша (*Ананта Шеша*^[10]) — первая экспансия Господа Вишну в образе многоголового змея.

Арати (*арати*) — обряд поклонения Божеству в храме.

Ачарья (*ачарья*) — тот, кто учит сознанию Кришны на собственном примере.

Ашрам (*ашрама*) — место, где живут и занимаются духовной практикой.

Аюрведический — относящийся к ведической медицине.

Бабаджи (*бабаджи*) — преданный, отрекшийся от мира и живущий в уединении.

Баларама (*Баларама*) — первая экспансия Господа Кришны.

Басмати (*бхасмати*) — сорт риса самого высокого качества.

Божество (*мурти*) — воплощение Господа в виде изваяния, установленного на алтаре.

Брахман (в ед. ч. *брахмана*) — человек, который знает о духовном предназначении жизни и способен учить других.

Брахман — Высший дух, Абсолютная Истина, главным образом в Ее безличном аспекте.

Брахмачари (*брахмачари*) — ученик, хранящий целомудрие.

Бурфи (*бурфи*) — сладости, приготовленные из сгущенного молока.

Бхагаван (*Бхагаван*) — Верховная Личность Бога.

Бхаджан (*бхаджана*) — пение традиционных молитв под аккомпанемент музыкальных инструментов.

Бхакти-йога — преданное служение Верховному Господу; деятельность, которая связывает человека со Всевышним.

Бхарата-Бхуми (*Бхарата-Бхуми*) — традиционное название Индии.

Вайшнав (*вайшнава*) — преданный Вишну или Кришны.

Вайшья (*вайшья*) — земледелец или торговец, член третьего сословия ведического общества.

Варнашрама (*варнашрама*) — ведическая социальная система, в соответствии с которой общество делится на четыре сословия и четыре духовных уклада.

Ведический — относящийся к культуре, основанной на предписаниях Вед.

Веды — изначальные священные писания, которые поведал людям Сам Господь Кришна.

Вишну (*Вишну*) — экспансия Кришны, которая создает и поддерживает материальные вселенные.

Вриндаван (*Врндавана*) — священная деревня в Индии (штат Уттар-Прадеш), где провел Свое детство Кришна.

Вьясадева (*Вйасадева*) — мудрец, записавший в начале Кали-юги Веды, которые до этого передавались изустно.

Вьяса-пуджа (*Вйаса-пуджа*) — церемония чествования духовного учителя как представителя Вьясадевы.

Вьясасана (*вйасасана*) — специальное сиденье, предназначенное для духовного учителя.

Гаудия-матх (*Гаудийа Матх*) — миссия, основанная Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати.

Гаудия-вайшнав (*Гаудийа ваишнава*) — преданный Господа Кришны (Вишну), принадлежащий к цепи ученической преемственности, которая идет от Господа Чайтаньи Махапрабху.

Говинда — Верховный Господь, Кришна, дарующий наслаждение земле, коровам и чувствам.

Гопи (*гопи*) — девушки-пастушки Вриндавана, самые близкие и любимые слуги Кришны.

Госвами — человек, овладевший своими чувствами: титул, который обычно носят санньяси.

Грихастха (*грхастха*) — преданный, который ведет семейную жизнь.

Гулабджамуны — сладкое блюдо; шарики из молочного порошка, обжаренные в топленом масле и вымоченные в ароматизированном сахарном сиропе.

Гуны (*в ед. ч. гуна*) — качества материальной природы.

Гуру — духовный учитель или наставник.

Гурудев — уважительное обращение к духовному учителю.

Гурукула — школа духовного учителя.

Дандават (*дандават*) — поклон, которым преданный выражает свое почтение Божеству или духовному учителю, падая ниц перед ними.

Даршан (*даршана*) — лицезрение Божества или святого человека.

Дал (*дал*) — острая похлебка из разных сортов индийской чечевицы (дала).

Двойственность — характерная черта материального мира, выражающаяся в том, что любое явление, свойство, действие и т.д. здесь имеет свою противоположность (например: тепло — холод, счастье — горе, добро — зло).

Джаганнатха (*Джаганнатха*) — Господь Вселенной, форма Господа Кришны, которой поклоняются в знаменитом храме Джаганнатхи в Пури (штат Орисса).

Джапа — повторение мантры Харе Кришна на четках.

Джапа-мала (*джапа-мала*) — четки из 108 бусин, на которых повторяют мантру Харе Кришна.

Дивали — ежегодный праздник в честь богини процветания Лакшми.

Дхарма — вечные обязанности живого существа перед Богом; религиозные принципы.

Дхармашала (*дхармашала*) — постоянный двор для паломников в Индии.

Дхоти — традиционная индийская мужская одежда, представляющая собой кусок ткани, особым образом обернутый вокруг бедер.

Игры (Господа и Его преданных) — приносящая блаженство трансцендентная деятельность, которой занят Господь и Его преданные.

Имперсоналисты — см. *Майявади*.

Инициация — обряд духовного посвящения в ученики.

Йога — воссоединение сознания живого существа с Господом.

Кали-юга (*Кали-йуга*) — последний век в цикле из четырех веков, составляющих одну маха-югу; век вражды и лицемерия.

Кантхи-мала (*кантхи-мала*) — бусы из дерева туласи, которые преданные Господа Кришны носят на шее.

Караталы (в ед. ч. *каратала*) — ударный музыкальный инструмент, представляющий собой две небольшие бронзовые тарелочки.

Карма — материальная деятельность ради наслаждения ее плодами, а также последствия этой деятельности.

Качаури (*качаури*) — пирожок с острой овощной начинкой.

Киртан (*киртана*) — прославление Бога, в частности совместное пение Его святых имен.

Кришна (*Кршна*) — Верховная Личность Бога в Своем изначальном духовном образе. Источник всех экспансий и аватар.

Кичри (*кхичхри*) — блюдо из дала и риса.

Курта — свободная мужская рубашка навыпуск.

Кхир (*кхир*) — сладкое сгущенное молоко.

Кшатрий (*кшатрийа*) — представитель сословия правителей и воинов, второго сословия в ведической системе деления общества.

Ладду — сладости из нутовой муки.

Лилы (в ед. ч. *лила*) — см. *Игры* (Господа и Его преданных).

Ложное эго — представление о себе как о теле; самый тонкий элемент материальной природы.

Майя (*майа*) — энергия, в первую очередь низшая, иллюзорная энергия Верховного Господа, которая правит материальным миром; забвение своих вечных отношений с Кришной.

Майявада (*майявада*) — философия имперсонализма.

Майявади (*майявади*) — философы-имперсоналисты, полагающие, что Абсолют в своем высшем проявлении безличен и не имеет формы, а живое существо тождественно Богу.

Майяпур — место рождения Господа Чайтаньи, город в Западной Бенгалии.

Мандир (*мандира*) — храм.

Мантра — трансцендентный звук, который освобождает ум от влияния иллюзии.

Материалист — тот, чьи интересы целиком сосредоточены на удовлетворении своих материальных потребностей.

Матх (*матха*) — миссия, миссионерская организация.

Маха-мантра (*маха-мантра*)— великая песнь освобождения: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Мриданга (*мрданга*) — двухмембранный глиняный барабан, используемый для аккомпанемента в киртане.

Мурти (*мурти*) — скульптурное изображение Господа, которому поклоняются в храме. (см. Божество.)

Нрисимхадева (*Нрсимхадева*)— воплощение Верховного Господа в образе человекольва. Пришел на землю, чтобы защитить Своего преданного Прахладу и убить его отца, демона Хираньякашипу.

Обусловленность — состояние зависимости от законов материальной природы, в котором находятся все живые существа в материальном мире.

Омкара (*омкара*) — священный звук *ом*, которым начинаются многие ведические мантры и который является воплощением Верховного Господа в звуке.

Пакоры — овощи в тесте из нутовой муки, обжаренные в топленом масле.

Пандал (*пандал*) — большой шатер.

Пандит — ученый, знаток Вед.

Пападамы (в ед. ч. *пападам*) — большие тонкие лепешки из даловой муки.

Парампара (*парампара*) — цепь ученической преемственности.

Парикрама — паломничество по святым местам.

Прасад (*прасадам*) — вегетарианская пища, предложенная на алтаре Верховному Господу.

Преданное служение — служение Верховному Господу с любовью и преданностью.

Преданный (*бхакта*) — преданный слуга Верховного Господа.

Према — любовь к Богу, высшая цель человеческой жизни.

Пуджа (*пуджа*) — церемония поклонения Божеству в храме.

Пуджари (*пуджари*) — жрец, который служит Божествам и совершает обряды поклонения.

Пури (*пури*) — лепешки из пшеничной муки, обжаренные в топленом масле.

Раджарши (*раджарши*) — великий святой царь.

Радха-Кунда (*Радха-Кунда*) — священное озеро во Вриндаване.

Рама (*Рама*) — одно из воплощений Верховного Господа.

Рама-навами (*Рама-навами*) — день явления Господа Рамы.

Ратха — колесница.

Ратха-ятра (*ратха-йатра*) — праздник колесниц, устраиваемый в честь Господа Джаганнатхи.

Рис пушпанна — блюдо из риса с обжаренными сырными шариками, орехами, изюмом и т.д.

Риши (*рши*) — мудрец.

Сабджи (*сабджи*) — тушеные или жареные овощи.

Садху (*садху*) — святой человек, носитель духовного знания.

Самадхи (*самадхи*) — состояние транса, полное погружение в сознание Бога.

Самоса (*самоса*) — жареный пирожок с овощной или фруктовой начинкой.

Сампрадая (*сампрадаја*) — цепь ученической преемственности, по которой передается духовное знание.

Санкиртана (*санкйртана*) — совместное пение святых имен Господа; в широком смысле — любая форма проповеднической деятельности.

Санньяса (*саннйаса*) — последний из духовных укладов, отречение от мира.

Санньяси (*саннйаси*) — человек, давший обет отречения от мира.

Сари — традиционная одежда индийских женщин.

Свами — «господин чувств», титул санньяси.

Симхасана (*симхасана*) — трон для Божеств, установленный на алтаре.

Субхадра (*Субхадра*) — сестра Кришны, олицетворение Его внутренней энергии.

Тилак (*тилака*) — священные знаки из глины, которые наносят на тело последователи разных религиозных течений в Индии. По форме тилака можно определить принадлежность человека к тому или иному философско-религиозному течению.

Тиртха (*тиртха*) — святое место.

Тонкое тело — тонко-материальная оболочка души, состоящая из ума (*манаса*), разума (*буддхи*) и ложного эго (*аханкары*).

Трансцендентное — то, что невозможно воспринять материальными органами чувств.

Туласи (*туласи*) — священное растение, которому поклоняются вайшнавцы.

Упанишады — ведические священные писания, в которых изложено философское учение Вед.

Халава (*халава*) — сладкое блюдо, приготовленное из обжаренной в сливочном масле манной крупы.

Харибол! — приветствие или восклицание, означающее: «Повторяйте имена Хари (Кришны)!»

Харидас Тхакур (*Харидаса Тхакура*) — один из спутников Господа Чайтаньи Махапрабху, происходивший из мусульманской семьи.

Чадар (*чадар*) — шаль, накидка.

Чайтанья Махапрабху (*Чаитанья*) (1486-1534) — *аватара* Господа Кришны. Он приходил в образе преданного, чтобы учить людей любви к Богу, повторяя Его святые имена.

Чайтанья-чаритамрита (*Чаитанья чаритамрита*) — произведение Кришнадаса Кавираджи Госвами на бенгали, описывающее жизнь и учение Господа Чайтаньи. Завершено в 1616 г.

Чapati (*чапати*) — тонкие лепешки из пшеничной муки, которые пекут на открытом огне.

Шастры (в ед.ч. *шастра*) — богооткровенные писания.

Шикха (*шикха*) — пучок волос, который мужчины-вайшнавцы оставляют на затылке.

Шриман, Шримати (*Мриман, Шримати*) — почтительное обращение к вайшнавам — мужчинам и женщинам.

Шримати Радхарани (*Шримати Радхарани*) — главная *гопи* Вриндавана, вечная супруга Господа Кришны, олицетворение Его энергии наслаждения.

Шудра (*шудра*) — представитель сословия рабочих.

Экспансия Господа — воплощение, проявление Верховного Господа.

Эмпирическая философия — философия, основанная на представлении о том, что Абсолютную Истину можно постичь в процессе размышлений над ее природой.

Ямуначарья (*Иамуначарья*) — великий *ачарья*, принадлежащий к одной из вайшнавских *сампрадай*.

В разные исторические периоды для записи санскрита применялись разные алфавиты, однако наиболее часто используемым алфавитом был и остается *деванагари*. Слово *деванагари* означает письменность, используемую в «городах полубогов». Алфавит *деванагари* состоит из сорока восьми букв: тринадцати гласных и тридцати пяти согласных. Грамматисты древности организовали этот алфавит в соответствии с практическими нуждами языка, и данная структура признана всеми западными учеными.

Система транслитерации, используемая в данной книге, создана по образцу системы латинской транслитерации *деванагари* Юдит Тиберг. При этом латинские буквы заменены на соответствующие им буквы кириллицы с сохранением системы диакритических знаков. Передача некоторых санскритских звуков при этом вынужденно отличается от традиционно принятой в русском языке. Например, сочетания «*йа*» и «*йу*» передают звуки, для которых в русском языке обычно применяются буквы «*я*» и «*ю*».

Транслитерированные санскритские слова и цитаты выделены курсивом. Все слова, склоняемые в тексте, — имена, географические названия, названия книг и философских систем, а также термины — даются в транскрипции, как это принято в русской индологической традиции.

Фонетика

Так же как в случае с латынью и другими древними языками, при устном воспроизведении санскрита допускается ряд фонетических условностей, приближающих произношение санскритских звуков к звукам родного языка читателя.

Гласные произносятся следующим образом:

а	— как в слове «пар»	ṛ	— вдвое более долгий
ā	— вдвое более долгий	е (э)	— как в слове «это»
и	— как в слове «пир»	аи	— как в слове «май»
ī	— вдвое более долгий	о	— как в слове «дом»
у	— как в слове «гул»	ау	— как в слове «ау- дитория»
ū	— вдвое более долгий		
ṛ	— слогаобразующее ṛ как в слове «бодрствуй»		

В большинстве индийских школ санскрита **ṛ**, **ṝ**, **ḷ** принято читать как **ри**, **р̄и**, **лри** соответственно.

Согласные произносятся следующим образом:

Заднеязычные

(произносятся горлом)

к	— как в слове «кит»
г	— как в слове «гирия»
ṅ	— как в слове «Конго»

Зубные

(произносятся как це-
ребральные, но с кончи-
ком языка, прижатым
к основанию зубов)

т	— как в слове «тир»
д	— как в слове «дом»
н	— как в слове «ночь»

Губные

п	— как в слове «пир»
б	— как в слове «бор»
м	— как в слове «мама»

Палатальные

(произносятся с при-
жатием средней части
языка к небу)

ч	— как в слове «речь»
дж	— как в слове «Джон»
ṅ	— как в слове «конь»

Церебральные (ṭ, ṭḥ, ḍ, ḍḥ, ṇ) произносятся с кончиком языка, нижней стороной прижатым к переднему небу. По звучанию напоминают соответствующие английские альвеолярные звуки.

Придыхательные (кх, гх, чх, джх, ṭḥ, ḍḥ, тх, дх, пх, бх) отличаются от соответствующих непридыхательных тем, что основной элемент сопровождается слабым призвуком типа английского **h**, звонкого или глухого в зависимости от основного элемента.

Полугласные

й — как в слове «иена»
р — церебральное **р**
л — зубное английское **l**
в — как русское **в**,
а после согласной
как английское **w**

Шумные

ш — как в слове
«общность»
ш — русское **ш**
с — русское **с**

Висарга

ḥ — глухой звук, в конце строфы произносится с призвуком предшествующего гласного:
аḥ произносится как **аха**; **иḥ** — как **ихи**

Анусвāра

ṁ — носовой призвук после гласной, как во французском **bon**

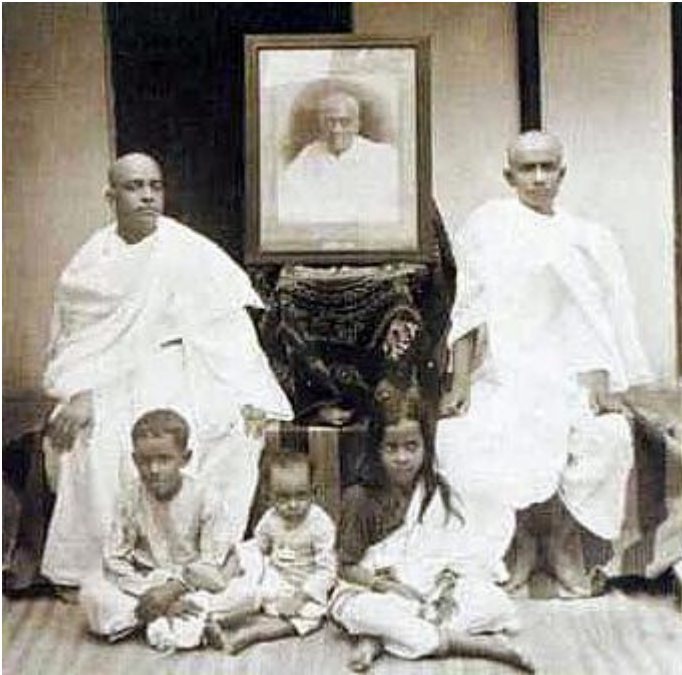
Гортанная

х — как звонкое английское **h**

В санскрите не существует фиксированного тонического ударения. В стихотворных текстах ударными считаются слоги, стоящие в сильных местах стихотворных стоп. В словах слоги различаются по долготе. Долгими являются слоги с долгими гласными (**ā, ай, ау, е, й, о, ṛ, ū**) или слоги с краткими гласными, стоящими за более чем одной согласной (включая **ḥ** и **ṁ**).

Иллюстрации

Аллахабад, 1930 год, после смерти отца, Гоура Мохана Де (его портрет расположен в центре). Слева направо: Абхай, Кришна Чаран; на полу сидят: Праяг Радж, Бриндабан, Сулакшмана.

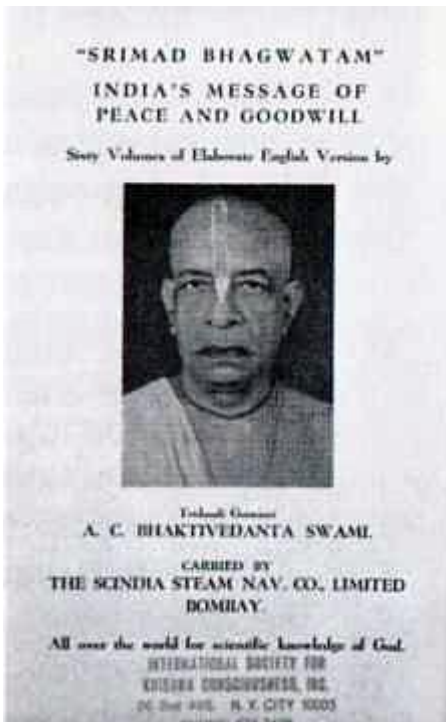

17 сентября 1959 года. День принятия санньясы. Слева направо:

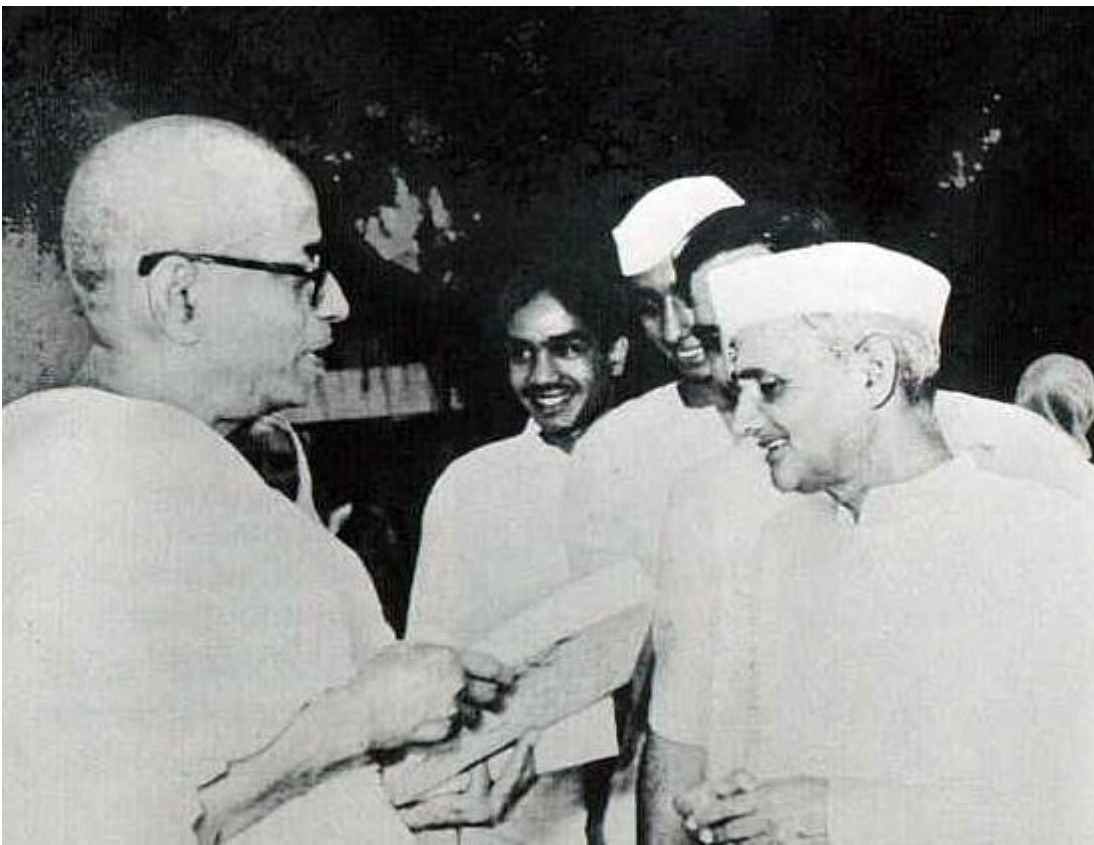
Муни Махараджа, Бхактипрагьяна Кешава Махараджа, А.Ч. Бхактиведанта Свами Махараджа.

Журнал «Бэк ту Годхед» («Обратно к Богу») — первая попытка Абхая проповедовать на английском языке.

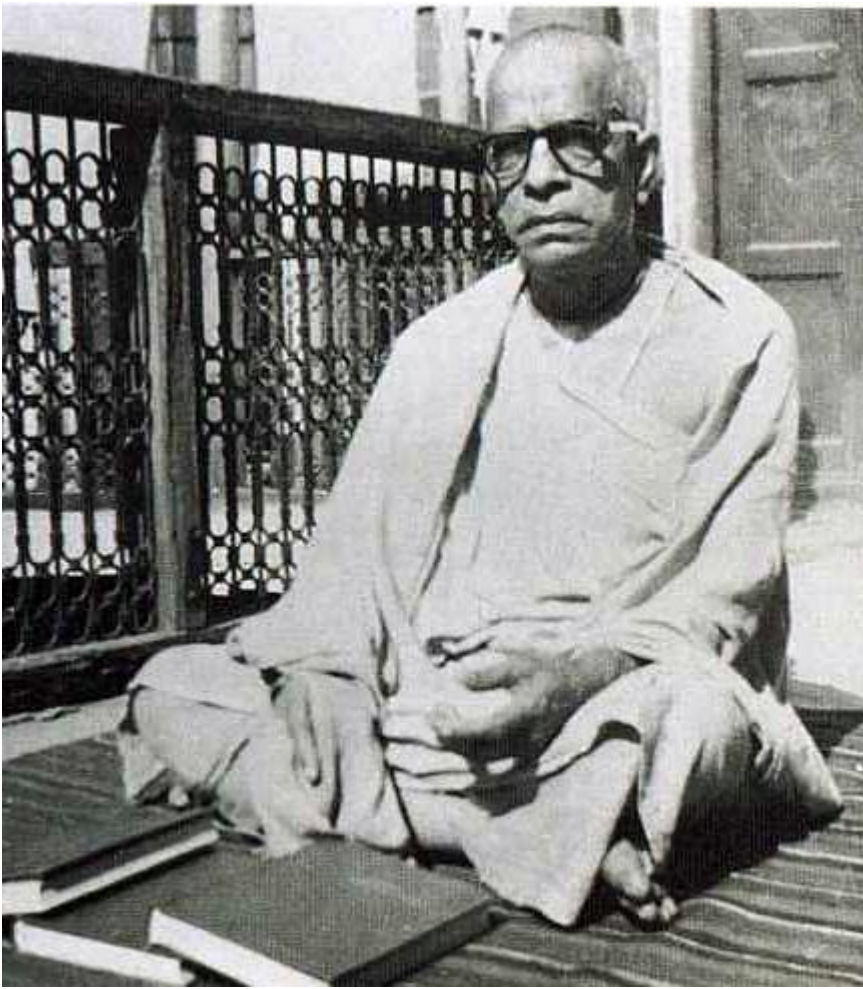
Листовка, которую А.Ч. Бхактиведанта Свами привез с собой в Америку на борту «Джаладуты».

А.С. Бхактиведанта Свами и премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри у здания Парламента в Нью-Дели в июне 1964 года.

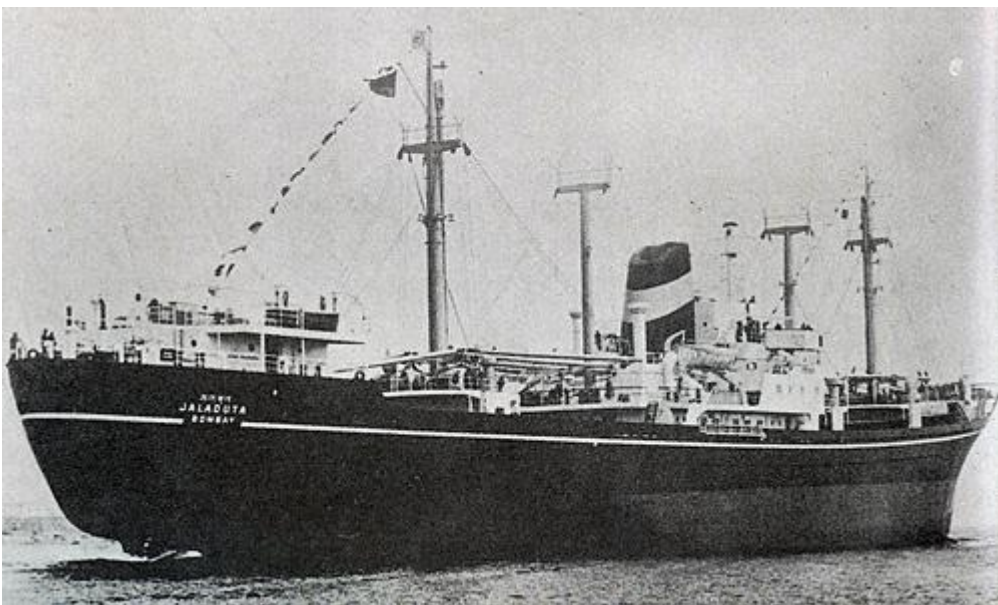
Здания в Джханси, принадлежавшие в 1953 году Лиге преданных.

Начало 1965 года. А.Ч. Бхактиведанта Свами только что закончил работу над переводом и комментариями к Первой песни «Шримад-Бхагаватам».

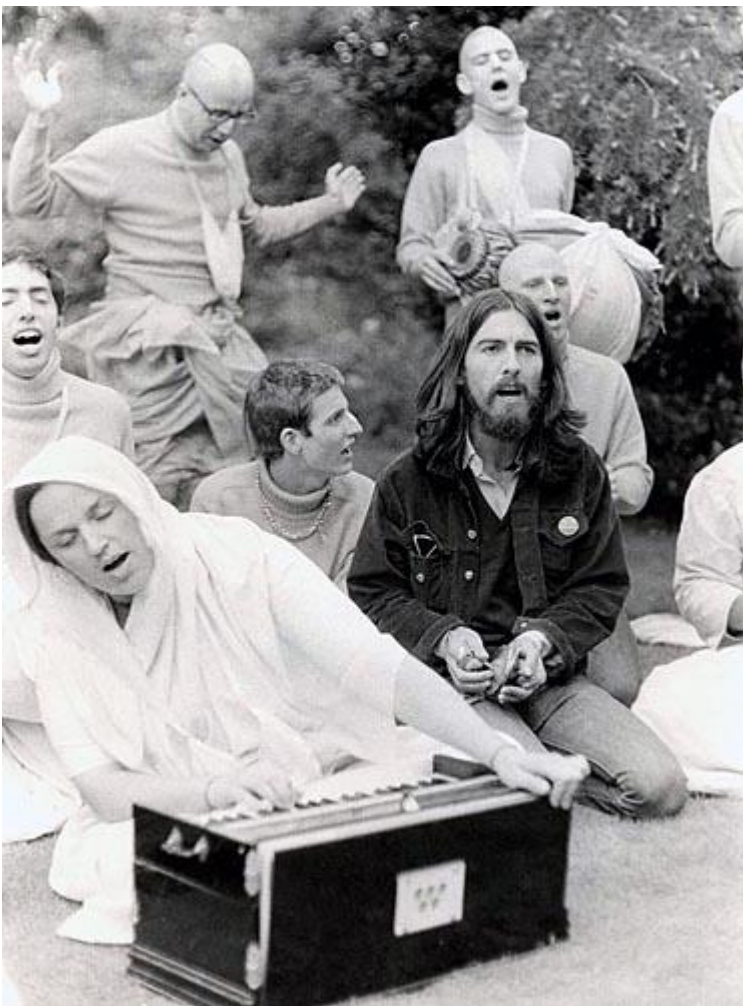
А. Ч. Бхактиведанта Свами. Начало 60-х годов.

"Джаладута". На этом корабле в 1965 году А. Ч. Бхактиведанта Свами пересек океан и прибыл в Америку. "Если бы Атлантический океан показал свое обычное лицо, я бы, наверное, умер. Но Господь Кришна взял на Себя заботу о нашем корабле" (из дневниковых записей А. Ч. Бхактиведанты Свами на борту "Джаладуты").

Афиша, извещающая об участии Шрилы Прабхупады в "Мантра-рок-дансе".

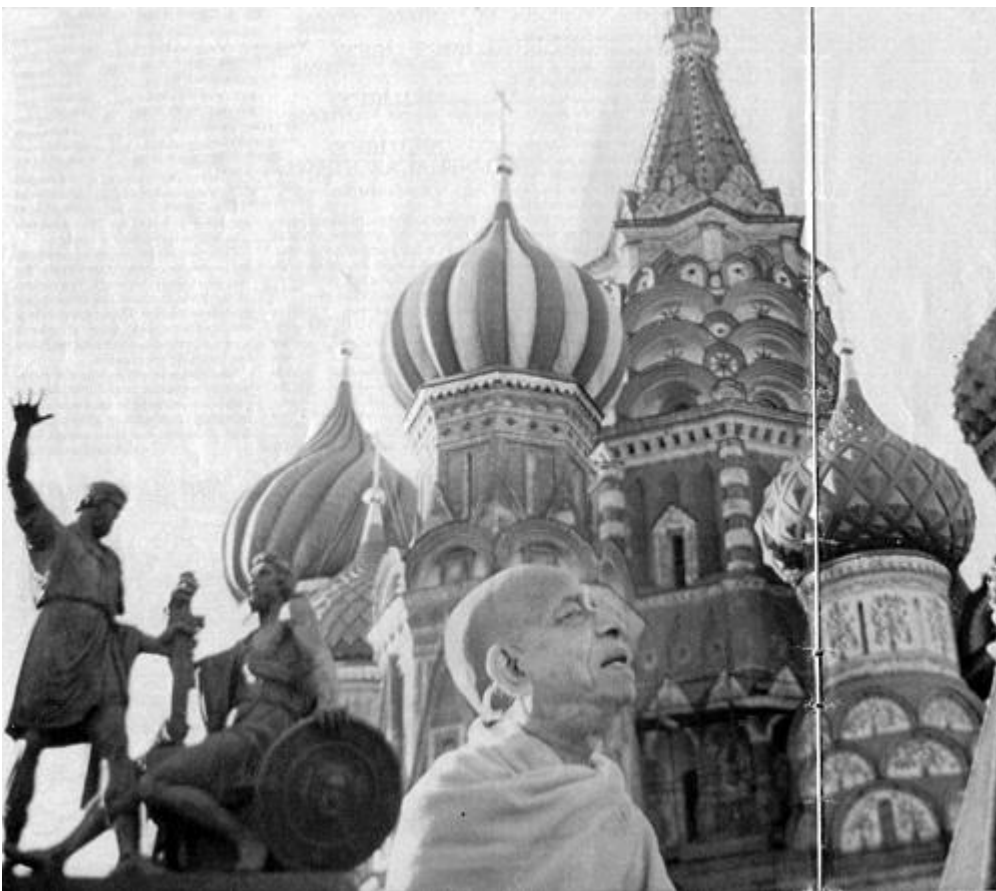
Джордж Харрисон поет мантру Харе Кришна с преданными в Лондоне.

Шрила Прабхупада на ферме Новый Вриндаван в июне 1968 года.

Приезд Шрилы Прабхупады в Бомбей 29 сентября 1970 года.

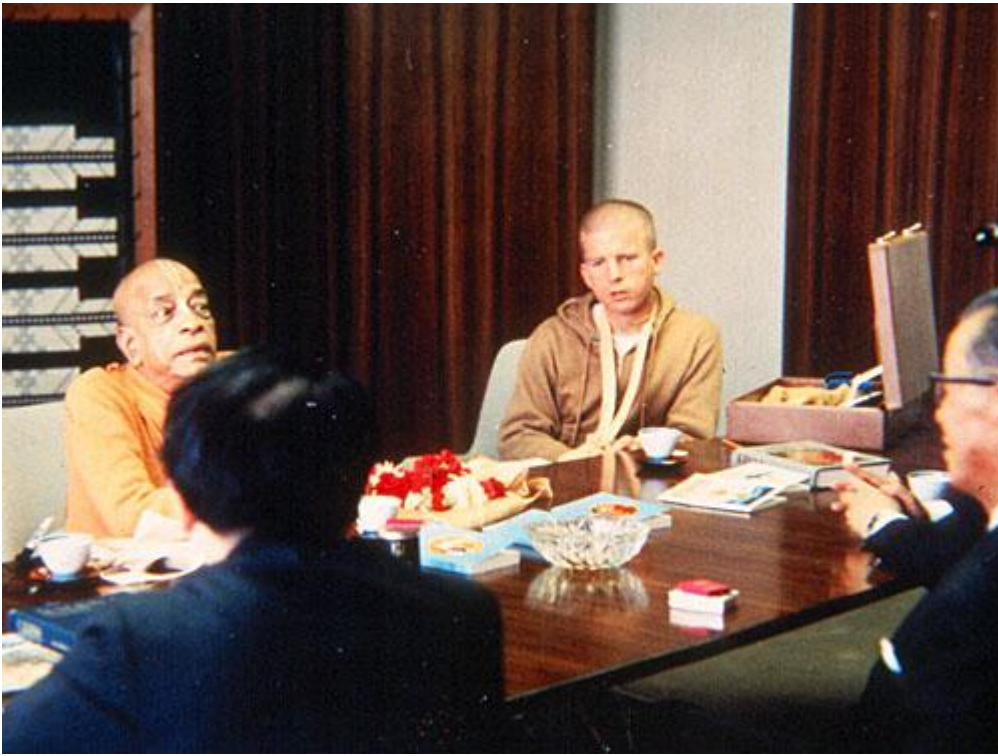

Шрила Прабхупада у собора Василия Блаженного.

Шрила Прабхупада с Сумати Морарджи, владелицей паровой компании «Синдия».

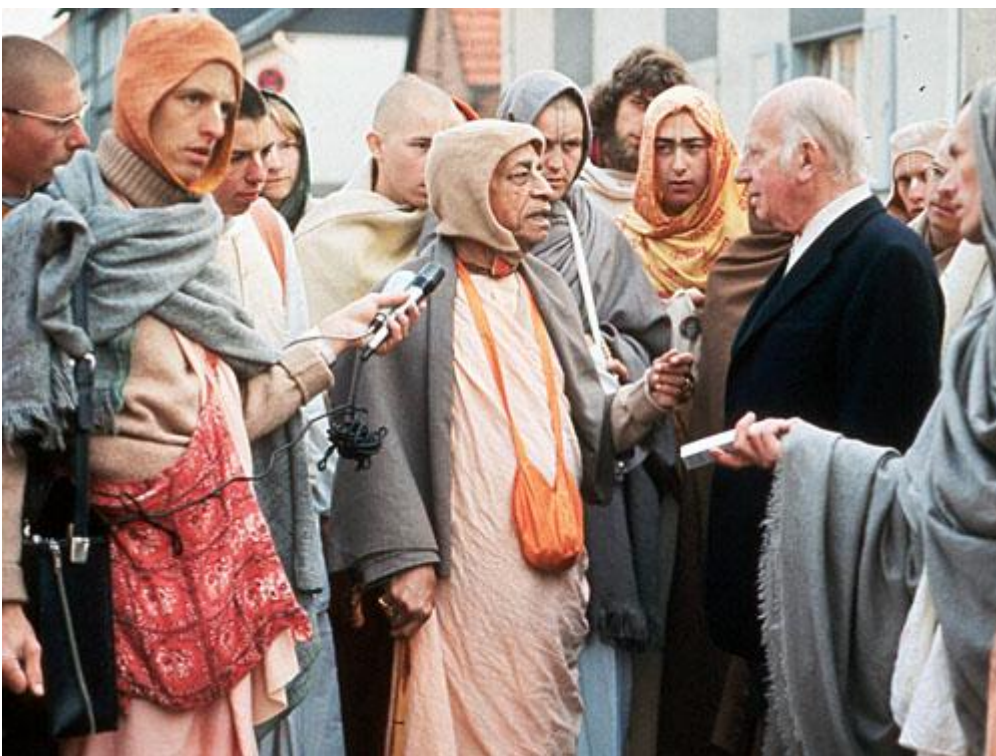

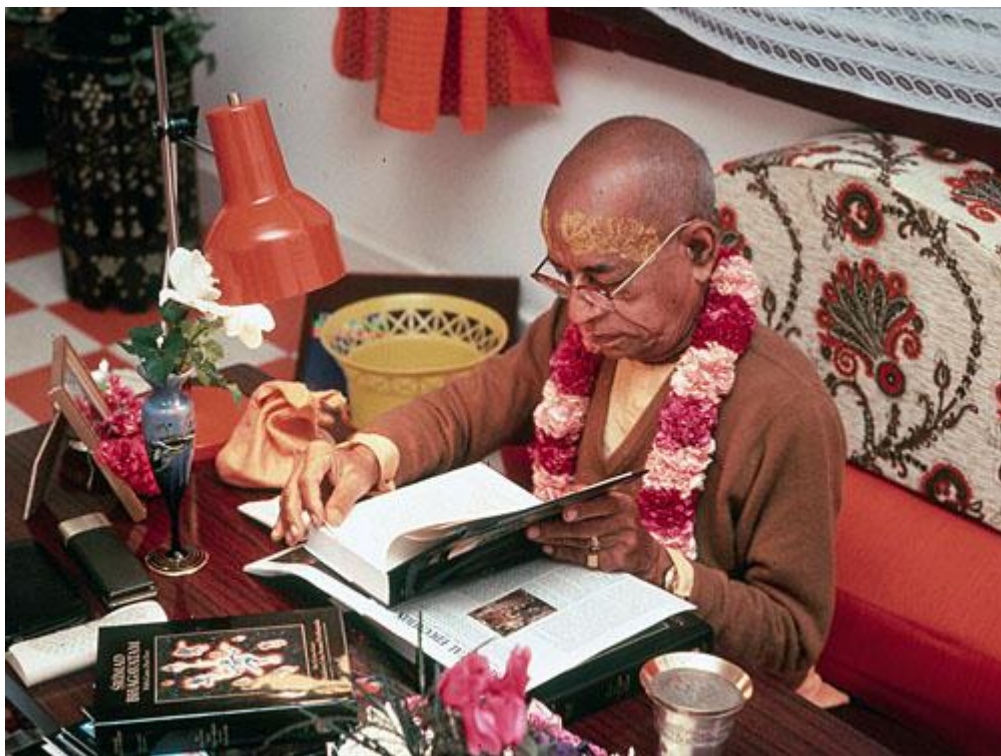
Шрила Прабхупада и Карандхара дас обсуждают с представителями компании «Дай Ниппон» вопросы, связанные с изданием книг Прабхупады. Токио, апрель 1972 года.

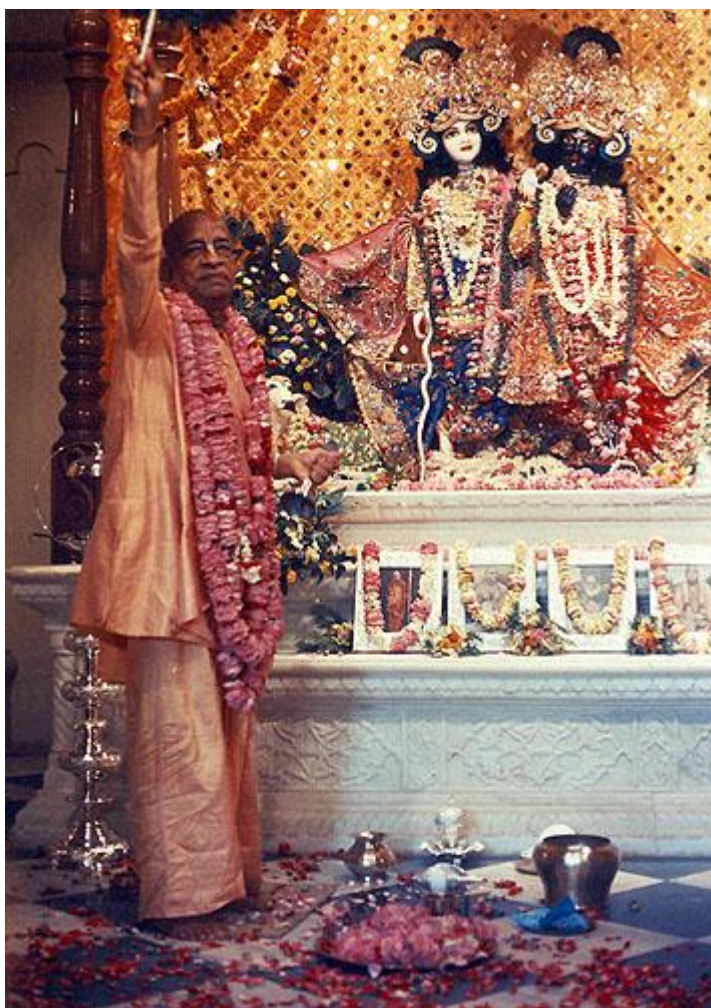
Мэр Женевы приветствует Шрилу Прабхупаду.

Шрила Прабхупада на утренней прогулке с бароном фон Дюркхаймом во Франкфурте в июне 1974 года.

Прабхупада рассматривает сигнальные экземпляры новых томов «Шримад-Бхагаватам». Йоханнесбург, лето 1975 года.

Шрила Прабхупада проводит арати для Шри Шри Кришны-Баларамы во Вриндаване, Индия.

---

notes

Примечания

Artists-in-residence — дом, на чердачном этаже которого помещаются мастерские художников. (*Прим. переводчика.*)

ISKCON, аббревиатура от International Society for Krishna Consciousness.
(Прим. переводчика.)

God's eyes — «глаза Бога», майки с ярким узором в виде концентрических кругов. (Прим. переводчика.)

Diggers (копатели) — группа хиппи в Сан-Франциско, которые собирали поношенную одежду и другие бывшие в употреблении вещи и раздавали их всем нуждающимся. (*Прим. переводчика.*)

30 мая. (Прим. переводчика.)

Так на жаргоне называется особое психическое и физическое состояние наркоманов после внезапного и полного прекращения употребления ими привычного наркотика. (*Прим. переводчика.*)

Каста купцов, банкиров и ростовщиков. (Прим. переводчика.)

FATE, от First American Transcendental Exhibition, «Первая американская трансцендентная выставка». (*Прим. переводчика.*)

Храм в Джаганнатха-Пури (Орисса, Индия), где по традиции одну неделю в году находится Господь Джаганнатха во время Своей Ратха-ятры.

Курсивом в скобках набрана транслитерация санскритских имен и терминов, которые в тексте книги приведены в русской транскрипции, кроме тех случаев, когда по написанию транскрипция не отличается от транслитерации.